Никогда не взывайте к истине и реальности.
Руководить иллюзиями толпы – это великая власть

48 ЗАКОНОВ ВЛАСТИ

РОБЕРТ ГРИН

МИРОВОЙ **БЕСТСЕЛЛЕР**

Никогда не взывайте к истине и реальности.
Руководить иллюзиями толпы – это великая власть

48 ЗАКОНОВ ВЛАСТИ

РОБЕРТ ГРИН

МИРОВОЙ **БЕСТСЕЛЛЕР**

Роберт Грин

48 ЗАКОНОВ ВЛАСТИ

Анне Биллер и моим родителям
Р. Г.

Предисловие переводчика

Поначалу книга «48 законов власти» может показаться неким учебником цинизма, пособием для лицемеров и даже мошенников. Но уже на второй взгляд понимаешь, что она не так прямолинейна.

Работая над переводом этой книги, я, естественно, продолжала следить за тем, что происходит в мире. Очень скоро я поймала себя на том, что, слыша об экстравагантных выходках одного из наших политиков или неожиданном высказывании другого, сопоставляю это с материалом книги. Я то и дело вскрикивала про себя: «Ну теперь же совершенно понятно, чего он хотел этим добиться» или «О боже, да ведь за этим странным событием просто стоит закон 6 (или 13...)!»

Книга не только помогает нам лучше понять, что стоит за тем или иным ходом лидеров партий, депутатов или представителей правительства. Она также полезна и при анализе каких-то запутанных ситуаций у вас на службе, конфликтов со знакомыми и так далее.

Хотя автор обращается к читателю, как бы обучая хитростям придворной жизни, очень скоро вы осознаете: на самом деле он не учит вас подлости, а предостерегает и помогает распознать ее в жизни.

Книга незаменима как для тех, кто решил начать продвижение во власть, так и для тех кто, не желая быть обманутым громкими словами и фальшивыми жестами, надеется суметь распознать, что представляет собой тот или иной потенциальный слуга народа.

Ну а если вам неинтересна политика, но вы с удовольствием знакомитесь с историческими анекдотами, то здесь вы их найдете в избытке: хрестоматийные и мало кому известные, парадоксальные, забавные и поучительные — они доставят вам радость. Одни истории вы прочтете впервые, в других, хорошо знакомых, события предстанут перед вами в совершенно новом свете. Ибо автор, излагая события прошлого, о которых можно прочитать и в других книгах, дает им совершенно оригинальную, своеобразную и нетрадиционную трактовку, делая неожиданные и нетривиальные выводы.

Предисловие

Ощущение отсутствия власти над людьми и событиями для нас обычно невыносимо — бессилие заставляет нас чувствовать себя несчастными. Никто не стремится к тому, чтобы иметь меньше власти, каждый хочет получить ее побольше. В сегодняшнем мире, однако, небезопасно выглядеть слишком жаждущим власти, не скрывать своего стремления к ней. Нам следует казаться славными, честными и скромными. Так что приходится применять тонкое искусство — быть благонамеренными, но хитрыми, демократичными, но неискренними.

Такая постоянная двойственность более всего напоминает происходившие в старину игры при дворе царственных особ. В ходе истории двор всегда формировался вокруг властной особы — короля, королевы, императора, лидера. Придворные, составлявшие этот двор, часто находились в очень и очень щекотливом положении: необходимо было прислуживать своим повелителям, но если это выглядело откровенным лизоблюдством, слишком неприкрытым заискиванием, другие придворные не упускали случая обернуть это против них. Поэтому приходилось идти на ухищрения, чтобы попытки заслужить милость господина не выглядели слишком откровенными. И даже опытные придворные, способные на такую изощренность, все же должны были помнить о мерах защиты от соперников, готовых в любой момент оттолкнуть их.

Предполагалось в то же время, что двор являет собой цвет утонченности и цивилизованности. Грубое и неприкрытое рвение к власти не поощрялось, придворные действовали исподтишка, скрытно противодействуя любому, кто применял силу. Это была дилемма жизни при дворе: стараясь внешне казаться образцом элегантности и благородства, придворные старались как можно более незаметно и утонченно перехитрить и обойти противника. Удачливый придворный со временем постигал науку извилистых путей, обучался наносить удар в спину противника рукой в бархатной перчатке и со сладчайшей улыбкой на лице. Вместо того чтобы применять насилие или прямую угрозу, истинный придворный добивался своего с помощью стратегии обольщения, хитрости, пуская в ход обаяние

и интриги, всегда обдумывая план действий на много шагов вперед. Жизнь при дворе представляла собой бесконечную игру, которая требовала от участников постоянной бдительности и тактического мышления. Это была учтивая война.

Двор, без сомнения, являет собой средоточие вежливости и хороших манер. Не будь это так, он стал бы средоточием кровопролития и запустения. Те, кто сейчас благосклонно улыбается и заключает друг друга в объятия, обменивались бы оскорблениями и ударами, если бы не мешало воспитание...

Лорд Честерфилд, 1694–1773

Сегодня мы сталкиваемся с очень похожим парадоксом: все должно быть цивилизованным, приличным, демократичным и честным — на вид. Но если мы играем, слишком точно придерживаясь этих правил, понимаем их слишком буквально, нас сомнут наши противники, если только они не такие же простаки. Как писал великий дипломат и придворный в эпоху Возрождения Никколо Макиавелли: «Всякий, кто старается все время быть хорошим, неизбежно в конце концов окажется погребенным среди огромного множества тех, кто нехорош». Двор воспринимал сам себя как кульминацию изысканности, но под блестящей оболочкой скрывались темные страсти — алчность, зависть, похоть, ненависть клокотали, как в кипящем котле.

Вот и наш сегодняшний мир воспринимает себя как кульминацию добродетели, но те же неприглядные страсти по-прежнему бушуют в нас, как это было всегда. Правила остаются все теми же.

По видимости, вы должны уважать честную игру, но на деле, если только вы не совсем простак, вы быстро научаетесь расчетливости и осмотрительности и поступаете по совету Наполеона: надеваете бархатную перчатку на железную руку. Если подобно придворному давних времен вы сможете овладеть искусством действовать исподтишка, обучитесь очаровывать, льстить, плести интриги и изящно обводить вокруг пальца своих соперников, то вам удастся достичь самых высот власти. Вы будете подчинять людей своей воле так, что они и не заметят, как вы это сделали. А если они не поняли,

что вы сделали, то никоим образом не смогут противостоять и сопротивляться вам.

Ничего удивительного, что барашки не любят хищных птиц, но это не причина для того, чтобы удерживать хищников, не давая им уносить овец. А когда барашки перешептываются: «Эти хищники злые, так разве нет у нас права считать все средства подходящими для противостояния им?», в этих доводах нет ничего в корне неверного. Однако хищные птицы будут несколько озадачены и скажут: «Мы ничего не имеем против этих добрых барашков, мы даже любим их. Нет ничего вкуснее нежного барашка».

Фридрих Ницше, 1844–1900

Для некоторых людей идея сознательного участия во властных играх — неважно, насколько прямого — представляется злой, антиобщественной, реликтом прошлых времен. Они верят, что смогут обойтись без этой игры и дойти до цели путями, которые ничего общего не имеют с властью. Остерегайтесь этих людей, потому что, хотя вслух они высказывают подобные взгляды, на самом деле среди них часто можно встретить признанных игроков, борющихся за власть. Они используют хитроумный стратегический прием, разоблачая используемые в этой борьбе манипуляции. Эти типы, к примеру, нередко выставляют напоказ свою слабость и отсутствие власти как своеобразную моральную добродетель. Но по-настоящему не имеющий власти человек, не преследующий никаких собственных интересов, не стал бы делать свою слабость достоянием общественности, чтобы завоевать симпатии или уважение. Делать зрелище из своей слабости — в действительности очень эффективный прием в игре власти, утонченный и коварный (см. закон 22. Используй тактику капитуляции: обрати слабости в силу).

Единственные средства достижения цели для людей суть сила и хитрость. И любовь, скажут вам, но это значило бы ждать, когда воссияет солнце, а жизни требуется каждое мгновение.

Иоганн Вольфганг Гёте, 1749—1832

Другой прием людей, заявляющих о неучастии во властных играх, — требовать равенства во всех областях жизни. Со всеми нужно обходиться одинаково, независимо от их положения и силы. Но если, избегая пороков власти, вы попытаетесь быть одинаково честным и справедливым со всеми, то столкнетесь с проблемой: оказывается, одно и то же удается разным людям по-разному. Относиться ко всем одинаково значит игнорировать различия, превозносить менее умелых, незаслуженно отодвигая тех, кто способен на большее. И снова — большинство тех, кто ведет себя подобным образом, на самом деле применяют совсем другой прием в борьбе за власть, управляя распределением наград.

Я говорил себе: какие нужны средства, ухищрения, сколько различных искусств, какое прилежание требуется человеку, чтобы довести до совершенства свое умение обманывать других, — и благодаря этому разнообразию мир становится прекраснее.

Франческо Веттори, современник и друг Никколо Макиавелли, начало XVI в.

Еще одним способом не вступать в игру могли бы стать совершенная честность и прямота, так как основным методом в борьбе за власть являются скрытность и обман. Но ваша абсолютная честность неизбежно нанесет вред или просто обидит очень многих, и кое-кто из задетых непременно захочет нанести вам ответный удар. Никто не сочтет ваши откровенные признания совершенно объективными, не имеющими определенной личной мотивации. И они будут правы: в действительности жонглирование честностью — это еще один способ завоевания власти, его цель — убедить людей в появлении на сцене благородного, искреннего и неэгоистичного персонажа. Это — форма внушения, можно даже сказать, утонченная форма насилия.

Наконец, те, кто не хочет быть игроком, чтобы оградить себя от обвинений в том, что добиваются власти, могут изобразить безыскусственность и простоватость. И снова надо быть настороже, поскольку за наивным видом может стоять изощренная хитрость (см. закон 21. Прикинься простаком, чтобы надуть простака: кажись глупее

своей мишени). Что же до неподдельной наивности, то и она несвободна от ловушек власти. Дети могут быть во многом наивными, но часто и они, ощущая примитивную потребность управлять теми, кто их окружает, действуют в соответствии с этой потребностью. Дети безмерно страдают, ощущая свое бесправие в мире взрослых, и пользуются всеми доступными способами, чтобы добиться своего. Истинно наивные люди также могут принимать участие в игре, цель которой — власть, причем часто они в этой игре невероятно удачливы именно потому, что не обременяют себя рефлексией. Повторим: те, кто разыгрывает невинность, невинны менее, чем кто бы то ни был еще.

Стрела, выпущенная лучником, может убить одного человека или не убить его. Но хитрая уловка, придуманная мудрецом, способна убивать даже младенцев в утробах.

Каутилья, индийский философ, III в. до н. э.

Вы сможете распознать таких предполагаемых игроков по тому, как они выставляют напоказ свои моральные качества, щеголяют благочестием, демонстрируют исключительное чувство справедливости. Но, исходя из того, что все хотят власти и почти все человеческие действия в конечном счете направлены на достижение этой цели, следует понимать, что «неигроки» просто пускают пыль в глаза, а их вид морального превосходства призван маскировать их собственную игру в борьбе за власть. Присмотритесь к ним — и вы увидите, что на самом деле они более других искушены в науке действовать исподтишка, хотя некоторые из них пользовались ею неосознанно. Они страшно негодуют в случае, если их уловки становятся достоянием публики.

Если устройство мира можно сравнить с невероятных размеров монаршим двором, а другого мира нам не дано, то бессмысленно пытаться не вступать в игру. Это лишит вас какой бы то ни было власти, а от сознания бессилия вы почувствуете себя отверженным. Чем сражаться с неизбежностью, чем спорить, комплексовать и испытывать чувство вины, уж лучше прорываться к власти. В самом деле, чем лучше у вас это получится, тем лучшим другом, возлюбленным, мужем, женой, тем лучшей личностью вы станете.

Следуя путем истинного придворного (см. закон 24), вы узнаете, как заставить людей быть лучшего мнения о вас, становясь для них, как и для самого себя, источником удовольствия. Они перестанут зависеть от ваших возможностей, находя радость в вашем обществе. Овладев 48 законами этой книги, вы и других избавите от боли, какую причиняет неумелое обращение с властью — как игра с огнем, в которой можно обжечься, если не знать его свойств. Если уж игра во власть неизбежна, лучше стать в ней художником, чем неумехой и дилетантом.

Овладение игрой во власть требует определенного взгляда на мир, перемены перспективы. Для этого понадобятся усилия, годы практики. Придется овладеть целым рядом базовых навыков, но, уж овладев ими, вы сможете применять законы власти легко и естественно.

Самый важный из этих навыков, а также главное основание власти — умение владеть своими чувствами. Эмоциональная реакция на ситуацию — это самое большое препятствие для власти, ошибка, которая обойдется вам куда дороже, чем любое временное удовлетворение, полученное вами от выражения чувств. За эмоциями не видны истинные причины, а если вы не видите ситуацию со всей ясностью, вы будете не в состоянии подготовиться к ней и хоть как-то проконтролировать собственную реакцию на нее.

Гнев — наиболее разрушительная из всех эмоциональных реакций, он полностью затуманивает перспективу, лишает вас способности видеть. В результате вам не удается удержать ситуацию под контролем, и уверенность врага в своих силах растет. Если вы стараетесь уничтожить врага, который причинил вам зло, гораздо лучше усыпить его бдительность, демонстрируя дружелюбие, чем показывать ему свой гнев.

Любовь и привязанность потенциально тоже разрушительны, так как могут ослепить вас и заставить служить интересам тех, кого вы менее всего подозреваете в участии в играх власти. Никто не в силах подавить гнев или любовь или заставить себя не испытывать их — не стоит и пытаться. Вам следует проявлять осторожность, контролируя их проявления, и, что особенно важно, они никак не должны влиять на ваши планы и замыслы.

Умение управлять своими чувствами связано со способностью отстраниться от текущего момента и объективно обдумывать прошлое

и будущее. Подобно Янусу, двуликому божеству римлян, стражу всех врат и дверей, вы должны научиться смотреть в обоих направлениях сразу, чтобы успешно справиться с опасностью, откуда бы она ни пришла. Поработайте над созданием такого двойного лица — одно постоянно устремлено в будущее, другое — в прошлое.

Девиз для будущего таков: «Всегда настороже». Ничто не должно застать вас врасплох, потому что вы обдумываете проблемы и трудности раньше, чем они возникают. Вместо того чтобы терять время в мечтах об удачном завершении дела, потрудитесь и просчитайте каждый возможный сбой и каждую западню, в которую вы можете попасть. Чем вы дальновиднее, чем на большее число шагов вперед строите свой план, тем могущественнее становитесь.

Другое лицо Януса постоянно обращено в прошлое — но не для того, чтобы копить прошлые обиды и точить на кого-то зуб. Этим вы только уменьшите свою силу. Секрет успеха наполовину заключается в том, чтобы научиться забывать те события в прошлом, которые вас мучают и мешают ясно видеть и понимать. Истинная цель обращенного назад взгляда в том, чтобы постоянно развиваться; вы смотрите в прошлое, чтобы учиться у тех, кто был раньше вас. (Многие исторические примеры в этой книге призваны послужить этой цели.) Затем, после обращения к прошлому, вы пристальнее разглядываете собственные поступки и поступки своих друзей. Это самая важная школа для вас, так как, учась в ней, вы исходите из личного опыта.

Вы начинаете с того, что изучаете ошибки, допущенные вами в прошлом, особенно те, которые наиболее сильно задерживали ваше движение вперед. Проанализируйте их с позиции «48 законов власти», извлеките из них урок и дайте себе обещание: «Я никогда не повторю подобной ошибки. Я никогда не попаду во второй раз в одну и ту же ловушку». Если вы сможете оценивать и наблюдать себя самого таким образом, вы научитесь разрушать шаблоны своего прошлого — умение, значение которого трудно переоценить.

Власть требует также умения менять облик. Это означает, что вы должны научиться носить разные маски и иметь при себе мешок, полный хитроумных трюков. Хитрости и маскарад не следует воспринимать как что-то грязное или аморальное. Все человеческие взаимоотношения в той или иной степени опираются на обман; можно

сказать, что в какой-то мере человека от животного отличает способность лгать и хитрить. В греческих мифах, в индийском эпосе Махабхарата и ближневосточном Гильгамеше боги пользуются привилегией применять хитрые уловки. Великих людей, например Одиссея, оценивают по их способности противопоставить плутовство могуществу богов и похитить часть их божественной силы, сравниваясь с ними в обмане и хитрости. Обман — искусство, рожденное цивилизацией, и чрезвычайно мощное оружие в играх власти.

Вы не преуспеете в обмане, если только не научитесь дистанцироваться от самого себя, если не приобретете способность быть разным, надевая ту маску, которая требуется в этот день и в эту минуту. Такой гибкий подход к своему облику позволит вам избавиться от внутренней тяжеловесности, которая тянет людей вниз. Придайте лицу податливость, свойственную лицам актеров, учитесь скрывать от всех свои намерения, учитесь заманивать людей в ловушки. Игру с образами и совершенствование в искусстве обмана можно отнести к числу эстетических удовольствий, которые доставляет нам жизнь. Но это также ключевые компоненты в завоевании власти.

Если обман является самым мощным оружием в вашем арсенале, то терпение во всем — самый крепкий ваш щит. Терпение защитит вас от грубых ошибок. Как и контроль над собственными чувствами, терпение — это навык, искусство, которое не дается нам от природы. Но во власти нет совершенно ничего естественного, власть более богоподобна, чем что-либо другое в мире природы. А терпение — высшая добродетель богов, у которых если уж имеется что-то в избытке, так это время. Все хорошее будет происходить — трава вырастет снова, если дать ей время и заглянуть на много шагов вперед. А нетерпение только придает вам облик слабого. Оно противопоказано власти.

Власть поневоле аморальна, и один из важнейших навыков для ее достижения — умение взглянуть на обстоятельства не с позиций добра или зла. Власть есть игра — это можно повторять часто, — а в играх вы судите не намерения противника, а результат его действий. Вы оцениваете его тактику и силу на основании того, что вы видите и чувствуете. Как часто чьи-то намерения становятся только

инструментом обмана и коварства! Что это меняет, если другой игрок, ваш друг или соратник, хотел как лучше и заботился только о ваших интересах, но в результате его действия привели к полной неразберихе и разгрому? Это так естественно для людей прикрывать свои действия оправданиями всех мастей, всегда утверждая, что у них были лучшие намерения. Вам следует научиться недоверчиво смеяться каждый раз, как вы это слышите, и вы никогда не обманетесь в оценке чьих-либо намерений и действий, невзирая на набор моральных суждений, которые на самом деле служат оправданием аккумуляции власти.

Идет игра. Ваш соперник сидит напротив. Вы оба ведете себя как джентльмены или как леди, соблюдая правила игры и не принимая ничего близко к сердцу. Вы играете, применяя различные приемы и наблюдая за ходами, которые делает ваш противник, мобилизовав все свое спокойствие. Набейте глаз, научитесь прослеживать результаты его ходов, видимые обстоятельства и не отвлекайтесь ни на что другое.

Половина вашего умения властвовать происходит от того, что вы не делаете, во что вы не позволяете себя втянуть. Чтобы овладеть этим навыком, вам следует научиться оценивать, во что вам обойдется любая вещь. Как писал Ницше: «Ценность вещи подчас заключена не в том, какую пользу она может принести, а в том, что за нее платят, — чего она нам стоит». Возможно, вы добьетесь своей цели, и желанной цели, но какой ценой? Применяйте этот стандарт ко всему, к примеру если вы решаете, сотрудничать ли вам с кем-то или прибегать ли к его помощи. В конце концов, жизнь коротка, число возможностей ограничено, а ваша энергия конечна. И в этом смысле время так же важно принимать во внимание, как и другие ценности. Никогда не тратьте драгоценное время или умиротворенное состояние вашего разума на дела других — это слишком дорогая цена.

Власть — социальная игра. Чтобы овладеть ею в совершенстве, вам придется развить в себе способность изучать и понимать людей. Великий мыслитель и придворный XVII века Бальтазар Грациан писал: «Многие люди тратят время на изучение свойств животных или трав; насколько же важнее было бы изучать свойства людей, рядом с которыми нам предстоит жить и умирать!» Чтобы стать игроком высокого класса, вам необходимо быть и психологом высокого класса. Вам нужно будет понимать мотивации, видеть сквозь пыльную завесу, которой люди окружают свои дела. Понимание скрытых мотивов

людей — это целая наука, великая премудрость, и вы сможете, овладев ею, добиться власти. Эта наука открывает бесконечные возможности для обмана, соблазнов и манипуляций.

Люди безгранично разнообразны, можно провести всю жизнь, наблюдая за ними, и так и не понять их до конца. Поэтому очень важно начать обучение как можно раньше — прямо сейчас. Приступая к этому, запомните одно правило: никогда не отделяйте тех, кого изучаете, от тех, кому доверяете. Никогда не доверяйте никому полностью и изучайте каждого, включая друзей и любимых.

Наконец, вам следует научиться всегда избирать непрямой путь к власти. Будьте хитрым. Как у бильярдного шара, который много раз сворачивает, пока не достигнет лузы, ваши ходы должны быть спланированы и выстроены по самому неочевидному маршруту. Тренируясь в умении быть непрямолинейным, вы добьетесь процветания при современном дворе, выглядя образцом благопристойности и являясь на деле мастером манипуляций.

Принципов нет, есть лишь события. Нет хорошего и плохого, есть только обстоятельства. Высший человек отдается событиям и обстоятельствам с тем, чтобы направлять их. Если бы существовали принципы и незыблемые законы, народы не изменяли бы их подобно тому, как мы меняем рубашки, а отдельный человек не может же превосходить целый народ своею мудростью.

Оноре де Бальзак, 1799—1850

Отнеситесь к «48 законам власти» как к своеобразному руководству, которое обучает искусству выбирать окольные пути. Законы базируются на документах, написанных мужчинами и женщинами, знакомыми с игрой власти и преуспевшими в ней. Эти документы охватывают период более чем в три тысячелетия, они были созданы цивилизациями далекими и несопоставимыми, такими как Древний Китай и Италия эпохи Возрождения. И все же их объединяют общие темы и основные линии; сплетаясь вместе, они являют сущность власти, которую, правда, необходимо еще и четко сформулировать. «48 законов власти» — квинтэссенция этой накопленной веками мудрости, собранной из писаний наиболее

замечательных стратегов (Сунь-цзы, Клаузевиц), государственных деятелей (Бисмарк, Талейран), царедворцев (Кастильоне, Грациан), соблазнителей (Нинон де Ланкло, Казанова) и талантливых мошенников (Желтый Малыш Вейл) в истории человечества.

Законам свойственно следующее: определенные действия почти всегда усиливают чью-то власть (соблюдение закона), в то время как власть других уменьшается и даже рушится (нарушение закона). Эти случаи нарушений и соблюдений бесконечны во времени и неограничены в пространстве.

«48 законов власти» можно использовать разными способами. Просмотрев книгу, вы познакомитесь с властью в общем. Многие законы покажутся вам неприложимыми к вашей жизни. Однако со временем вы, вероятно, обнаружите какое-то применение и для них и заметите к тому же, что все они взаимосвязаны. Получив общее представление о предмете, вы сможете оценить свои прошлые поступки и намного увереннее контролировать свои действия в настоящем. Внимательное прочтение книги заставит вас размышлять и переоценивать в ее свете многие события еще долгое время после того, как вы отложите ее.

Книга построена так, что ее можно использовать и как справочник, находя нужные сведения по тому закону, который интересует вас в данный конкретный момент. Скажем, у вас проблемы с начальством и вы не можете понять, почему ваши усилия не вызывают благодарности и продвижения. Многие законы трактуют отношения «начальник — подчиненный», и вы почти наверняка нарушаете один из них. Прочитайте первые абзацы 48 законов, вынесенные в оглавление, и вы сможете выбрать подходящий к вашему случаю закон.

Наконец, книгу можно полистать для развлечения и отложить, потешив себя рассказами о слабостях и чувствительных струнках наших великих предшественников. Однако хотим предостеречь тех читателей, которые собираются именно так воспользоваться книгой: похоже, вам лучше этого не делать. Власть невероятно соблазнительна и обманчива. Это своеобразный лабиринт — ваш разум погружается в решение бесконечных задачек власти, и вскоре вы осознаете, как бесповоротно и сладостно заблудились. Другими словами, вам все больше нравится принимать власть всерьез. Не заигрывайте со столь

важным предметом. Божества власти неблагосклонны к легкомысленным. Они дарят удачу лишь тем, кто размышляет и учится, и наказывают тех, кто скользит по поверхности в надежде развлечься.

Человек, желающий исповедовать добро во всех случаях жизни, неминуемо погибнет среди множества людей, чуждых добру. Из чего следует, что правитель, желающий сохранить власть, должен научиться отступать от добра и пользоваться этим умением, смотря по необходимости.

Никколо Макиавелли, 1469–1527

Закон 01. Никогда не затмевай господина

Формулировка закона

Всегда добивайтесь, чтобы те, кто главенствует, комфортно чувствовали себя наверху. В стремлении угодить им или произвести впечатление не заходите слишком далеко, демонстрируя свои таланты, иначе вы рискуете добиться обратного: вселить в них страх и неуверенность. Заставьте ваших начальников казаться более блистательными, чем они есть, — и вы достигнете цели.

Нарушение закона

Никола Фуке, министр финансов в первые годы царствования Людовика XIV, был щедрым человеком, обожавшим блестящие балы, красивых женщин и поэзию. Еще он любил деньги, поскольку его образ жизни требовал расточительности. Фуке был умен и совершенно незаменим для короля, так что, когда в 1661 году скончался первый министр, Джулио Мазарини, министр финансов мог ожидать, что станет его преемником. Однако король решил упразднить пост министра финансов. По этому и другим признакам Фуке заподозрил, что выходит из фавора, и решил постараться заслужить милость короля, устроив самый пышный праздник из всех, когда-либо виденных миром. Формально торжество посвящалось празднованию окончания строительства замка Фуке, Во-ле-Виконт, но истинной целью было воздать почести королю.

На празднике собрались самые блестящие вельможи Европы и лучшие умы своего времени — Лафонтен, Ларошфуко, мадам де Савиньи. Мольер написал по этому случаю пьесу, в которой сам должен был играть на вечернем представлении. Праздник начался великолепным обедом из семи перемен, особое место заняли блюда восточной кухни, ранее неизвестные во Франции, а также необыкновенные кушанья, приготовленные специально для этого вечера. Обед сопровождался музыкой, написанной по заказу Фуке в честь короля.

После обеда гостям предложили прогулку по саду. Цветники и фонтаны замка Во-ле-Виконт впоследствии послужили источником вдохновения при создании Версаля.

Фуке лично сопровождал юного короля по геометрически выровненным аллеям, обрамленным живыми изгородями и цветочными клумбами. На берегу канала они любовались красочным фейерверком, а после этого была представлена пьеса Мольера. Праздник продолжался всю ночь, присутствующие единодушно называли его самым небывалым и удивительным.

На другой день Фуке был арестован капитаном королевских мушкетеров д'Артаньяном. Три месяца спустя он предстал перед судом по обвинению в воровстве из государственной казны. (В действительности большая часть украденного им была взята из казны именем короля и с разрешения короля.) Фуке был признан виновным и заключен в самую изолированную тюрьму Франции, расположенную высоко в Пиренейских горах, где и провел последние двадцать лет жизни в одиночном заключении.

Толкование

Людовик XIV, Король-Солнце, был высокомерным и надменным человеком, он всегда стремился быть центром внимания и не мог позволить кому-либо перещеголять его в роскоши, тем более собственному министру финансов. На смену Фуке Людовик поставил Жана Батиста Кольбера, человека, известного своей скупостью и самыми тусклыми приемами в Париже. Кольбер удостоверился, что деньги идут из казны прямо в руки Людовика. На эти деньги Людовик выстроил дворец, даже более великолепный, чем замок Фуке, — знаменитый Версальский дворец. Он пригласил тех же архитекторов, декораторов и садовников. В Версале Людовик устраивал празднества, по роскоши и блеску превосходившие тот, за какой Фуке заплатил свободой.

Давайте рассмотрим ситуацию. В тот вечер, когда Фуке удивлял Людовика каскадом зрелищ, каждое из которых затмевало предыдущие, ему представлялось, что он выказывает свою преданность и верность королю. Он не только не ожидал, что праздник лишит его милости короля, но и полагал, что демонстрация его тонкого вкуса, связей и популярности сделает его незаменимым для короля и

покажет тому, какой перед ним прекрасный кандидат в первые министры. На деле, однако, каждый новый спектакль, каждая восторженная улыбка на лицах гостей Фуке вызывала у Людовика подозрение, что его собственные друзья и подданные более очарованы министром финансов, чем самим королем, что Фуке, по существу, похитил его богатство и власть. Вместо того чтобы польстить Людовику XIV, изысканный праздник Фуке задел его самолюбие, оскорбил королевское достоинство. Разумеется, Людовик никому не открыл бы правды — вместо этого он нашел подобающий предлог, чтобы избавиться от человека, который, сам того не желая, заставил его ощутить неуверенность.

Такова, в той или иной форме, судьба всех, кто пошатнет в хозяине чувство уверенности, заденет его тщеславие или заставит усомниться в его превосходстве.

Когда праздник начался, Фуке был на вершине мира. К концу его он оказался на дне.

Вольтер, 1694–1778

Соблюдение закона

В начале 1600-х годов итальянский астроном и математик Галилей оказался в щекотливом положении. От щедрости сильных мира сего зависело, сможет ли он вести научные исследования, а значит, как и все ученые Возрождения, иногда дарить свои изобретения и открытия наиболее могущественным покровителям. Однажды, например, он преподнес изобретенный им военный компас герцогу Гонзага. Затем он посвятил книгу, объясняющую действие этого прибора, дому Медичи. С одной стороны, правителям было лестно, с другой — с их помощью Галилей смог найти больше учеников. Вне зависимости от значимости открытия покровители обычно награждали ученого подарками, платить наличными было не принято. Разумеется, жить приходилось в постоянной неуверенности, и Галилей решил искать более легкие пути.

Новую стратегию он применил в 1610 году, когда открыл спутники Юпитера. Вместо того чтобы разделить открытие между своими

покровителями — подарить одному телескоп, которым пользовался, посвятить другому книгу и т. д., — как делал прежде, он решил сфокусировать усилия на Медичи. Медичи были избраны им по одной причине: вскоре после того, как в 1540 году Козимо I основал династию Медичи, он выбрал Юпитера, самого могущественного из богов, символом дома Медичи — символом власти, которая простиралась выше политики и денег, власти, восходящей к Древнему Риму и его божествам.

Галилей представил открытие им спутников Юпитера как событие космического масштаба, воспевающее величие Медичи. Вскоре после открытия он объявил, что «яркие звезды (спутники Юпитера) объявились в небесах» перед его телескопом в момент коронации Козимо II. Он заявил, что количество лун — четыре — совпадает с числом членов дома Медичи (у Козимо II было три брата) и что луны вращаются вокруг Юпитера, как четыре сына обращаются вокруг Козимо I, основателя династии. Это было больше чем простое совпадение, это указывало, что само небо отражает восхождение династии Медичи. После того как он посвятил открытие Медичи, Галилей подготовил эмблему, изображающую Юпитера, сидящего на облаке в окружении четырех звезд, и представил ее Козимо II как символ его связи со звездами.

В 1610 году Козимо II официально назначил Галилея придворным философом и математиком, на полном жалованье. Для ученого это было жизненно важной удачей. Время, когда он, подобно нищему, выпрашивал подачки, было позади.

Толкование

Одним ударом — своей новой стратегией — Галилей добился большего, чем получил за годы нищенства. Причина проста: все власть имущие хотят блистать более других людей.

Им нет дела до науки, эмпирических истин или новейших открытий, им интересны их имена и слава. Галилей, связав имена Медичи с космическими телами, дал им неизмеримо больше славы, чем ранее даря им какие-нибудь новые научные приборы или открытия.

Ученых не минуют причуды придворной жизни. Они также вынуждены служить господам, которые распоряжаются средствами,

и их могучий интеллект может заставить покровителя почувствовать себя уязвленным, будто он нужен только для своевременной оплаты работы — неприятная, неблагородная роль. Постановщик великого дела хочет ощущать себя не просто поставщиком материальных средств. Он желает выглядеть творческой и яркой личностью, казаться более важным, чем та работа, которая выполнена в его честь. Вместо чувства неуверенности вы должны дать им славу. Своим открытием Галилей не бросил вызов интеллектуальным способностям Медичи, не заставил их испытать унижение. Буквально сопоставив их с небесными светилами, он помог им великолепно воссиять среди дворов Италии. Он не затмил господина, а помог господину затмить всех других.

Ключи к власти

У каждого есть комплексы. Выйдя в мир и предъявив свои таланты, вы сталкиваетесь с завистью, неприятием и другими проявлениями неуверенности. К этому нужно быть готовым. Вы не сможете прожить, стараясь пощадить чувства других. С теми, кто выше вас, однако, следует применить иной подход: когда речь идет о власти, затмить старшего по положению, возможно, самая грубая ошибка из всех.

Не обманывайте себя, думая, будто жизнь сильно изменилась со времен Людовика XIV или Медичи. Те, кто стоит на верхних ступенях, по-прежнему короли и королевы: они хотят чувствовать себя уверенно на своем месте и превосходить других умом и обаянием. Грубейшее, но обычное заблуждение — считать, что, демонстрируя и проявляя свои таланты и способности, вы заслужите одобрение господина. Он может поблагодарить, но при первой возможности заменит вас кем-то не таким умным, не таким ярким, не таким привлекательным, как Людовик заменил блестящего Фуке посредственным Кольбером. И, как в случае с Людовиком, господин не признается в истинных мотивах, а найдет предлог, чтобы избавить себя от вашего присутствия.

Этот закон включает два правила, которые нужно запомнить. Первое: стоящего выше можно затмить неумышленно, просто оставаясь собой. Среди стоящих выше есть неуверенные в себе больше других, неуверенные чудовищно. Вы можете заслонить их своим обаянием и привлекательностью, свойствами вашей натуры.

Не было равных по природной одаренности князю города Фаенцы Асторре Манфреди. Самый красивый из всех юных князей Италии, он пленял щедростью и искренностью.

В 1500 году Чезаре Борджиа предпринял осаду Фаенцы. Когда город был окружен, жители ожидали худшего от жестокого Борджиа, но он ограничился лишь тем, что занял городские укрепления, не казнил никого из горожан и позволил князю Манфреди, тогда восемнадцатилетнему, сохранить полную свободу и весь его двор.

Вскоре, однако, солдаты препроводили Асторре Манфреди в римскую тюрьму. Спустя год его обнаружили утопленным в Тибре, с привязанным на шею камнем. Борджиа оправдал свое ужасное деяние сфабрикованным обвинением в государственной измене, но истинная причина крылась в том, что он был чрезвычайно тщеславен и неуверен в себе. Юноша затмевал его без малейшего усилия. Природная одаренность Манфреди превращала самое его существование в угрозу того, что Борджиа на его фоне будет выглядеть менее привлекательным и потеряет свою, как мы говорим, харизму. Урок прост: если вы не можете скрыть свое обаяние и превосходство, избегайте встреч с подобными чудовищами тщеславия. Если же встреча неизбежна, постарайтесь не проявлять свои достоинства в обществе Чезаре Борджиа.

Второе: никогда не воображайте, что, если господин вас любит, вы вольны делать что хотите. Можно написать не одну книгу о фаворитах, вышедших из милости лишь потому, что они приняли свое положение обласканных за позволение затмить властелина. В Японии конца XVI века фаворитом всемогущего правителя Тоемоти Хидейоши был человек по имени Сенно Рикю. Ведущий организатор чайной церемонии, которой в то время была одержима знать, он стал одним из доверенных советников Хидейоши, имел собственные апартаменты во дворце, прославился по всей Японии.

Что же? В 1591 году по приказу Хидейоши он был арестован и приговорен к смерти. Рикю успел покончить с собой. Причина столь резкой перемены фортуны открылась позднее: по-видимому, Рикю, в прошлом крестьянин, а затем фаворит при дворе, заказал деревянную статую, изображающую его самого в царственной позе и обутого в сандалии (символ принадлежности к аристократии). Он распорядился поставить фигуру в самый значительный храм внутри

дворцовых врат, на виду у королевской семьи, часто совершавшей прогулки неподалеку. Для Хидейоши это означало, что у Рикю нет чувства меры. Вообразив, что имеет равные права с верховной знатью, он забыл, что его положение зависело от императора, и поверил, что обязан всем лишь самому себе. Это было непростительной переоценкой собственной значимости, за нее он поплатился жизнью.

Помните: никогда не расслабляйтесь, считая свое положение незыблемым, и никогда не допускайте, чтобы какие-либо милости, вам оказанные, пали на вашу голову.

Зная, как опасно заслонять собой владыку, вы можете обратить этот закон в свою пользу. Прежде всего нужно льстить и раздувать самомнение вашего властелина. Открытая лесть может быть эффективной, но имеет свои пределы; это слишком прямой и очевидный путь, и выглядит он плохо в глазах других придворных. Если, например, вы умнее господина, старайтесь, чтобы выглядело наоборот. Дайте ему возможность казаться умнее вас. Изображайте наивность. Покажите, что нуждаетесь в его опыте. Допускайте безобидные ошибки, которые не повредят вам в дальнейшем, но позволят обратиться к нему за помощью. Повелители обожают такие просьбы. Господин, лишенный возможности излить на вас сокровища своего опыта, может вместо этого направить на вас свою злобу и обиду.

Если вы мыслите более творчески, чем ваш господин, припишите ему свои идеи, причем по возможности публично. Ясно покажите, что ваши рекомендации — лишь отголосок его рекомендаций.

Если вы превосходите повелителя в остроумии, можете играть роль придворного шута, но так, чтобы он не выглядел рядом с вами туповатым и прямолинейным. По необходимости придержите свой юмор, найдите способ так повернуть дело, чтобы он выглядел источником веселья и радости. Если вы по природе более общительны или великодушны, чем ваш господин, тщательно следите, как бы не стать облаком, закрывающим его сияние от других. Он должен являться словно солнце, излучать мощь и великолепие, быть в центре внимания. Если вам доверена честь развлекать его, демонстрация ваших ограниченных способностей поможет вам завоевать его симпатии. Любая попытка поразить его вашими талантами

и изяществом может стать роковой. Учитесь на примере Фуке, чтобы не поплатиться.

Во всех этих случаях скрыть свою силу не означает проявить слабость, ведь в результате это ведет к власти. Давая другим затмить себя, вы продолжаете владеть ситуацией, вместо того чтобы быть жертвой их неуверенности. Всё это пригодится в тот день, когда вам придет пора подняться на более высокую ступеньку. Если, как Галилей, вы можете помочь властителю засиять даже в глазах других, вы просто дар богов и должны будете немедленно возвыситься.

Образ: звезды в небе.

На небе может быть только одно Солнце. Никогда не загораживай солнечный свет и не соперничай с сиянием светила; лучше поблекнуть, уйти с небосклона и найти способ увеличить яркость свечения господина.

Авторитетное мнение

«Старайся не заслонять господина. Любое превосходство отвратительно, но превосходство вассала над его князем не просто глупо, оно фатально. Это урок, который нам преподают звезды в небе, — они, возможно, сродни солнцу и так же ярко сияют, но никогда не появляются в его обществе».

Бальтазар Грациан, 1601–1658

Оборотная сторона

Не следует волноваться о каждом человеке, с которым вам пришлось повздорить, но нужно быть избирательно жестким. Если звезда вашего властителя клонится к закату, можно не бояться затмить его. Не будьте милосердны — ваш господин не утруждал себя такими мелочами, когда сам хладнокровно взбирался на самый верх. Оцените его силу. Если он слаб, поторопите его падение: в нужный момент покажите, что превосходите его в деловых качествах, обаянии, уме. Если он очень слаб и вот-вот падет, предоставьте природе вершить свое дело. Оттесняя сильно ослабевшего властелина, вы рискуете показаться жестоким или непорядочным — не стоит делать этого. Если же ваш господин еще крепко стоит на ногах и лишь вы знаете, что вы

способнее его, наберитесь терпения и ждите. Естественный ход вещей таков, что власть в конечном счете блекнет и слабеет. Властелин однажды падет, и если вы сыграете правильно, то в один прекрасный день затмите его.

Закон 02. Не доверяй друзьям безгранично, научись использовать врагов

Формулировка закона

Будьте настороже с друзьями — они скорее предадут, так как легко поддаются зависти. К тому же они быстро становятся баловнями и тиранами. Но призовите на службу бывшего врага, и он будет лояльнее друга, потому что ему есть что доказывать. В самом деле, друзей вам следует больше опасаться, нежели врагов. Если у вас нет врагов, найдите способ ими обзавестись.

Нарушение закона

В середине IX века на троне Византийской империи воцарился молодой император Михаил III. Его мать, императрица Феодора, была сослана в монастырь, а ее любовник, Феоктист, убит. Во главе заговора, лишившего власти Феодору и возведшего на престол Михаила, стоял дядя Михаила, Бардас, человек умный, осторожный и амбициозный. Михаила, в то время юного, неопытного правителя, окружали интриганы, убийцы и растратчики казны. В это опасное время он нуждался в ком-то, кому мог бы доверять как советчику, и он подумал о Василии, своем лучшем друге. Василий не обладал опытом ни в государственных делах, ни в политике — собственно, он был начальником королевских конюшен, — но не раз подтверждал свою любовь и преданность.

Чтобы получить хорошего врага, выбери друга: он знает, куда нанести удар.

Диана де Пуатье, 1499–1566; фаворитка Генриха II Французского

Они познакомились несколькими годами раньше: Михаил приехал в конюшню, и именно в этот момент на волю вырвалась дикая лошадь. Василий, простой молодой конюх из крестьянского македонского рода, спас Михаилу жизнь. Сила и храбрость юноши покорили Михаила, который немедленно возвысил простого конюха, назначив его начальником конюшен. Михаил не скупился на подарки и почести для своего друга, вскоре они стали неразлучны. Василия отправили учиться в лучшее учебное заведение Византии, и простой крестьянин превратился в культурного и изысканного придворного.

Каждый раз, делая назначение на вакантную должность, я произвожу на свет сотни недовольных и одного неблагодарного.

Людовик XIV, 1638–1715

Став императором, Михаил нуждался в преданном друге. Кому он мог доверить пост управляющего двором и главного советника, как не юноше, всем ему обязанному?

Михаил любил Василия как брата и считал, что его легко будет обучить новым обязанностям. Невзирая на советы тех, кто рекомендовал намного более знающего Бардаса, Михаил остановил выбор на своем друге.

Василий хорошо учился и вскоре уже консультировал императора по всем государственным делам. Единственной проблемой были деньги — Василию их всегда не хватало. Стремление соответствовать великолепию византийского двора сделало его жадным до выгод, предоставляемых властью. Михаил удвоил, а затем утроил ему жалованье. Затем он даровал ему дворянство и женил на собственной фаворитке Евдоксии Ингерине. Никакая цена не казалась слишком высокой, чтобы сохранить при себе верного друга и хорошего советника. Но неприятности только начинались.

Бардас занимал пост главнокомандующего, и Василий убедил Михаила, что притязания его дяди непомерно высоки. Понадеявшись, что сможет контролировать действия племянника, Бардас помог тому взойти на трон с помощью заговора, а значит, от него можно было ждать и нового заговора, на сей раз с целью свержения Михаила и захвата власти. Василий капал яд в ухо императора Михаила, пока

тот не согласился на убийство дяди. Во время больших конных соревнований люди Василия окружили Бардаса в толпе, и он был убит ударом в спину. Вскоре Василий обратился с просьбой назначить его командующим армией вместо погибшего Бардаса, с тем чтобы он мог контролировать ситуацию в стране и подавлять бунты. Прошение было удовлетворено.

С тех пор власть и богатство Василия беспрепятственно росли, и спустя несколько лет Михаил, попав в финансовое затруднение из-за своей расточительности, попросил его вернуть некоторую сумму денег из тех, что давались ему в долг в течение многих лет. Михаил был просто поражен, услышав отказ Василия, который был дан ему с совершенно невинным видом. Император только тогда осознал: у бывшего мальчишки с конюшни было больше денег, больше влияния в армии и сенате, в конечном счете больше власти, чем у него самого. Прошло еще несколько недель, и, проснувшись после хмельной ночи, Михаил обнаружил, что окружен солдатами. Василий наблюдал за тем, как они убивали императора. Потом, провозгласив императором себя, он проехал на коне по улицам Византии, размахивая длинной пикой, на конце которой была насажена голова его бывшего благодетеля и лучшего друга.

Что же касается меня самого, то однажды я был обманут человеком, которого любил безмерно и в любовь которого я верил более, чем в чью-либо. Поэтому я полагаю, что можно любить и ценить кого-то превыше других, служить ему согласно его заслугам и достоинствам, но не следует доверяться этому искусительному капкану дружбы настолько, чтобы потом попасться в него.

Бальдассарре Кастильоне, 1478–1529

Толкование

Михаил III сделал ставку на чувство благодарности, которое, по его мнению, испытывал Василий. Конечно, тот должен был служить ему верой и правдой: он был обязан императору всем, что имел, — богатством, образованием, положением. Продвигаясь к власти, Василий получал все, в чем только нуждался, и это упрочивало

дружеские узы. Император слишком поздно понял свою ошибку, когда в тот роковой день увидел дерзкую усмешку на губах Василия.

Он сотворил чудовище. Он позволил слишком близко ощутить власть человеку, который хотел большего, который привык получать всё, что захочет, который тяготился добротой и благодеяниями по отношению к себе. Этот человек просто сделал то, что делают многие в его положении: забывают о добром отношении к ним других людей и воображают, что добились успеха самостоятельно.

В тот момент, когда Михаил осознал истинное положение вещей, он еще мог спасти свою жизнь, но дружба и любовь ослепляют. Никто не верит, что друг может предать. Михаил продолжал заблуждаться вплоть до того дня, когда его голова оказалась вздернутой на пику.

Боже, храни меня от друзей; о врагах я позабочусь сам.

Вольтер

Соблюдение закона

Много веков после падения династии Хань (222 год) в истории Китая повторялась одна и та же модель жестоких и кровавых переворотов, следовавших один за другим. Представители армии сговаривались убить слабого императора, заменяя его затем на Троне Дракона сильным военачальником, который основывал новую династию, коронуя себя самого императором. Чтобы обеспечить свою безопасность, ему, конечно, приходилось убивать некоторых приближенных военных. Через несколько лет, однако, ситуация повторялась: новые военачальники в свою очередь устраивали заговор и убивали его и его потомков. Быть императором Китая означало быть одиноким человеком в окружении сонма врагов, наименее могущественной и самой уязвимой фигурой в своем государстве.

В 956 году генерал Чжао Куан-инь стал императором Суном. Он знал о том, что, вероятно, будет убит через год-другой. Как можно сломать существующий стереотип? Став императором, Чжао велел устроить пир в честь новой династии и пригласил на него самых могущественных военачальников. Когда было выпито много вина, он выгнал стражу и всех гостей, кроме военных, которые испугались, что

сейчас будут убиты. Вместо этого он обратился к ним: «Все дни провожу я в страхе, меня не радует застолье, нет мне покоя и ночью. Ибо который из вас не мечтает взойти на трон? Я не подвергаю сомнению вашу преданность, но, если вдруг случится, что ваши подчиненные, стремящиеся к власти и богатству, силой заставят вас надеть в свою очередь желтый халат императора, как сможете вы отказаться?» Опьяневшие военачальники в страхе за свою жизнь уверяли, что они ни в чем не виновны и лояльны. Но император Сун рассуждал иначе: «Что может быть лучше жизни в мирных удовольствиях, богатстве и почете? Если вы согласны отказаться от занимаемых постов, я готов предоставить вам прекрасные имения и великолепные дворцы, где вы будете наслаждаться жизнью в обществе музыкантов и красивых спутниц».

Изумленные военачальники осознали, что вместо жизни, полной тревог и борьбы, император Сун предлагает им богатство и безопасность. На другой день все они подали в отставку и с почестями удалились в имения, пожалованные им императором.

Одним ударом Чжао превратил стаю «дружелюбных» волков, которые, скорее всего, предали бы его, в стадо покорных ягнят, далеких от власти.

В течение последующих лет император Сун продолжил свои усилия по обеспечению безопасности правления. В 971 году князь Лю из южных Ханей капитулировал после многих лет бунтов и восстаний. К изумлению Лю, император предоставил ему должность при императорском дворе и пригласил во дворец, чтобы скрепить вином новый дружеский союз. Принимая чашу, предложенную ему императором Суном, Лю колебался, опасаясь, что в вине окажется яд. Он простонал: «Ваш раб, безусловно, заслуживает смерти за свои преступления, и все же я умоляю Ваше Величество о даровании жизни. Видите, я не решаюсь выпить это вино». Император Сун рассмеялся и сам выпил вино, взяв из рук Лю чашу. Яда в ней не было. С той поры Лю стал его самым верным и преданным другом.

В то время Китай был раздроблен на много мелких княжеств. Когда Шен Цзу, князь одного из них, потерпел поражение, министры советовали императору Суну заточить бунтовщика. Они представили документы, подтверждающие, что князь все еще намеревается совершить покушение на императора. Однако, когда Шен Цзу предстал

перед императором, тот принял его с почестями. Он вручил бывшему князю сверток, который велел открыть на полпути к дому. Вскрыв пакет на обратном пути, Шен Цзу обнаружил все бумаги, обличающие его как заговорщика. Он понял, что император Сун знал о его планах покушения и, тем не менее, не покарал его. Такое великодушие обезоружило его, и он также стал впоследствии одним из самых преданных вассалов императора Суна.

Выступая с речью в разгар Гражданской войны, Авраам Линкольн говорил о южанах как о ближних, о человеческих существах, которые заблуждаются. Пожилая дама осудила его за то, что он назвал их непримиримыми врагами, которых нужно уничтожать. «Подумайте, мадам, — отвечал Линкольн, — разве я не уничтожаю своих врагов, когда делаю их своими друзьями?»

Толкование

Китайская поговорка сравнивает друзей с челюстями и зубами опасного животного — если ты неосторожен, они схватят и разгрызут тебя. Императору Суну были знакомы челюсти, грозившие ему с тех пор, как он стал правителем: его «друзья» по армии проглотили бы его, словно кусок мяса, а, случись ему выжить, «друзья» из правительства употребили бы его на ужин. Император Сун не стал мериться силой с «друзьями» — он откупился от генералов прекрасными имениями и держал их на расстоянии. Это был гораздо более мудрый способ их обезвредить, чем убийство, которое только побудило бы других военных к мести. Императору не стоило больших трудов разобраться с «друзьями» из числа министров. Большинство из них окончили дни, приняв из его рук знаменитую чашу отравленного вина.

Вместо того чтобы опираться на друзей, император Сун одного за другим превращал врагов и противников в самых надежных союзников. В то время как охваченный ревностью друг ожидает новых и новых милостей, эти бывшие неприятели не ждали ничего — и получили всё. Человек, избежавший гильотины, на самом деле испытывает благодарность и пойдет на край света ради своего избавителя. Со временем прежние враги стали для императора верными друзьями. В результате ему удалось сломать страшную

полосу переворотов, насилия и гражданской войны — династия Сун правила Китаем более трехсот лет.

Ключи к власти

Это естественно — пытаться воспользоваться помощью друзей, когда вам это необходимо. Мир — суровое место, и ваши друзья часто смягчают суровость. Кроме того, вы их знаете. Зачем полагаться на чужака, если рядом друг?

Беда в том, что зачастую вы совсем не так хорошо знаете своих друзей, как вам кажется. Друзья часто соглашаются с вами, просто чтобы не ссориться. Они тщательно маскируют свои непривлекательные черты, очень громко смеются над шутками друг друга. Поскольку честность редко способствует укреплению дружбы, вы можете так и не узнать истинных чувств вашего друга. Друзья скажут, что им нравятся ваши стихи, будут восторгаться вашей музыкой, по-хорошему завидовать вашему вкусу в одежде, — возможно, это правда, часто — нет.

Многие полагают, что мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать себе врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии. Нередко государи, особенно новые, со временем убеждаются в том, что более преданные и полезные для них люди — это те, кому они поначалу не доверяли. Пандольфо Петруччи, властитель Сиены, правил своим государством, опираясь более на тех, в ком раньше сомневался, нежели на всех прочих.

Никколо Макиавелли

Если вы решаете нанять друга на работу, постепенно вам предстоит открыть для себя качества, которые он или она до сих пор скрывали. Как ни странно, ваш добрый поступок совершенно нарушает равновесие. Людям нравится думать, что они заслужили свою удачу. Действительность может принести разочарование и горечь: оказывается, выбор на вас пал по дружбе, то есть не по заслугам. Трещина постепенно становится заметнее: чуть больше откровенности в высказываниях, порой вспышки обиды и зависти, — и не успели вы

оглянуться, как дружбе конец. Чем больше вы употребите даров и благодеяний, пытаясь оживить дружбу, тем меньше будет благодарность.

У неблагодарности долгая и глубокая история. Она демонстрировала свою мощь в течение стольких веков, что просто удивительно, как люди продолжают ее недооценивать. А лучше быть начеку. Если вы не будете ожидать благодарности от друзей, ее искреннее проявление явится для вас приятным сюрпризом.

Подбери пчелу из доброты, и ты узнаешь, чем плоха доброта.

Пословица суфиев

Сложность с использованием или приглашением на работу друзей заключается в том, что это неизбежно ограничивает вашу власть. Друг — редко тот, кто лучше всего может вам помочь; в конце концов, знания и компетентность значительно важнее, чем дружеские чувства. (У Михаила III прямо под носом был нужный ему человек, который не подвел бы его и не погубил: этим человеком был Бардас.)

Все рабочие ситуации требуют определенной дистанции между людьми. Вы пытаетесь работать, а не дружить; дружелюбие (истинное или фальшивое) только затеняет этот факт. Ключ к власти, следовательно, это способность судить, кто наилучшим образом способен помогать продвижению ваших интересов в любых обстоятельствах. Дружите с друзьями, но работайте с квалифицированными и компетентными людьми.

Ваши неприятели — это неразработанная золотая жила, которую вам следует научиться использовать. Когда Талейран, министр иностранных дел Наполеона, решил в 1807 году, что его государь ведет Францию к краху, а время работало против него, он понимал и всю опасность заговора против императора; ему нужен был партнер, единомышленник — кому из друзей он мог бы довериться в таком деле?

Его выбор пал на Жозефа Фуше, главу тайной полиции, наиболее ненавидимого его врага, человека, который даже пытался организовать его убийство. Талейран понял, что их былая ненависть может создать предпосылку для эмоционального примирения. Он предвидел, что

Фуше, ничего не ожидая от него, будет работать, чтобы доказать Талейрану, что тот не ошибся, выбрав его; человек, который хочет что-то доказать, свернет для вас горы. Наконец, он знал, что его отношения с Фуше будут основываться на взаимной заинтересованности и не будут замутняться личными чувствами. Хотя заговорщикам не удалось сбросить с трона Наполеона, союз таких могущественных и неожиданных партнеров привел к наиболее важному в данном случае следствию: оппозиция императору начала медленно расширяться. Талейран и Фуше образовали плодотворный рабочий союз.

Брахман, великий знаток Веды, бывший и прекрасным лучником, встретил своего старого друга, который стал королем. Брахман вскричал, увидев короля: «Признай меня, я твой друг!» Король взглянул на него с презрением, а затем пояснил: «Да, мы были друзьями прежде, но наша дружба основывалась на власти, которой мы обладали...

Я дружил с тобой, добрый брахман, потому что это служило моей цели. Бедный не может быть другом богатому, глупый — умному, трус — смелому. Старый друг — кому он нужен? Два человека, равных по достатку и по рождению, договариваются о дружбе или о заключении брачного союза, но не богач и бедняк... Старый друг — кому он нужен?»

Махабхарата, середина 1-го тысячелетия до н. э.

При любой возможности постарайтесь заключить мир с врагом и найдите способ привлечь его себе на службу.

Как сказал Линкольн, вы уничтожаете врага, превращая его в друга. В 1971 году, во время войны во Вьетнаме, Генри Киссинджер подвергся неудачной попытке похищения. В число заговорщиков помимо прочих входили известные антивоенные активисты: священники братья Берриган, еще четыре католических священника и четыре монахини. Киссинджер в частном порядке, не информируя секретные службы, пригласил троих из них на встречу в субботнее утро. Объяснив гостям, что предполагает, что большинство американских солдат будут выведены из Вьетнама к середине 1972

года, он просто очаровал их. Они подарили ему значки «Похитим Киссинджера», а один из них подружился с ним на долгие годы. Это не было случайной акцией: Киссинджер вообще старался работать с теми, кто не соглашался с ним. По рассказам его сотрудников, порой казалось, что он лучше ладит со своими противниками, чем с друзьями.

Люди с большей готовностью платят за зло, чем за добро, ведь благодарность — бремя, а месть — удовольствие.

Тацит, ок. 55 — ок. 120

Если вокруг нас нет врагов, можно обленuться. Неприятель, наступающий на пятки, заостряет наш ум, помогает быть бдительным, сосредоточенным. Поэтому порой лучше оставить врага врагом, не пытаясь сделать его своим другом или союзником.

Мао Цзэдун рассматривал конфликтные ситуации как основу в своем восхождении к власти. В 1937 году вторжение японцев в Китай приостановило гражданскую войну между коммунистами Мао и их врагами-националистами.

Часть коммунистических лидеров боялись, что японцы уничтожат их, и предлагали предоставить националистам бороться с оккупантами, а самим использовать это время, чтобы собраться с силами. Мао не соглашался: что, если японцы победят и оккупируют Китай надолго? За годы без борьбы коммунисты могут «заржаветь», расслабиться, тогда будет слишком трудно снова собраться для борьбы с националистами. Сражения же с таким образцовым неприятелем, как японцы, стали бы прекрасной тренировкой для необученной и разношерстной армии коммунистов. План Мао был принят и сработал: к тому времени, как войска Японии наконец отступили, коммунисты набрались опыта в сражениях, и это помогло им победить националистов.

Спустя много лет гость из Японии сделал попытку извиниться перед Мао за вторжение его страны в Китай. Мао оборвал его: «Скорее мне следует поблагодарить вас за это». Не имея достойного противника, пояснил он, человек или коллектив не может стать сильнее.

Стратегия Мао — стратегия постоянного конфликта — состоит из нескольких ключевых компонентов. Первое: уверенность в победе после долгого пути к ней. Никогда не начинайте борьбу с кем-либо, если не уверены в своей победе, как Мао был уверен в том, что японцы рано или поздно будут побеждены. Второе: если у вас нет явных врагов, иногда следует намечать подходящую цель, хотя бы даже превратив для этого друга во врага. Мао постоянно применял эту тактику в политике. Третье: таких врагов используйте, чтобы яснее объяснить свои цели общественности, представляя их как борьбу добра со злом. Мао, в сущности, спровоцировал разногласия Китая с СССР и США; он считал, что, не имея конкретного образа врага, его народ потеряет представление о том, что такое китайские коммунисты. Ясно указанный враг является намного более сильным аргументом в вашу поддержку, чем любые слова.

Никогда не допускайте, чтобы наличие неприятеля выбило вас из колеи, — гораздо лучше иметь одного-двух явных оппонентов, чем теряться в догадках, есть ли у вас враги и кто они. Человек власти приветствует конфликт, используя врагов для укрепления своей репутации крепкого бойца, на которого можно положиться в сложное время.

Змея, крестьянин и цапля

Змея, за которой гнались охотники, упросила крестьянина спасти ей жизнь. Чтобы спрятать ее от погони, крестьянин сел на корточки и дал змее заползти себе в живот. Но когда опасность миновала и крестьянин попросил змею выйти наружу, та отказалась. Внутри было тепло и безопасно. По пути домой крестьянин увидел цаплю. Он подошел к ней и шепотом поведал, что произошло. Цапля велела ему присесть и потужиться, чтобы извергнуть змею. Когда показалась голова змеи, цапля клюнула ее, вытянула всю змею наружу и убила. Крестьянин испугался, что яд змеи мог остаться в его внутренностях. Цапля сказала ему, что излечиться от яда змеи можно, если сварить и съесть шесть белых птиц. «Ты белая птица, — воскликнул крестьянин, — с тебя и начнем!» И он схватил цаплю, посадил в мешок и понес домой, а там, вытащив ее, рассказал жене, что с ним приключилось. «Ты меня удивляешь, — сказала жена крестьянина, — птица сделала тебе добро, избавила от зла, которое было у тебя

в животе, спасла тебе жизнь, а ты ловишь ее и грозишься убить и съесть». Она немедля освободила цаплю, и та улетела. Но сначала выклевала женщине глаза.

Мораль: если видишь, как вода течет вверх по холму, значит, кто-то отплатил добром за добро.

Африканская народная сказка

Образ: челюсти неблагодарности.

Зная, что случится, если сунуть палец в пасть льва, вы постараетесь этого не делать. От друга не ждешь подвоха, но, если только вы захотите взять его на службу, неблагодарный друг проглотит вас с потрохами.

Авторитетное мнение

«Знайте, как использовать врага для собственной выгоды. Следует научиться хватать меч не за острие, которое поранит вас, но за рукоятку, что позволит защитить себя. Мудрец получит больше пользы от своих врагов, чем глупец от своих друзей».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Хотя, как правило, лучше не смешивать дружбу со службой, бывают случаи, когда друг оказывается полезнее врага. Человеку власти, например, часто бывает необходимо выполнить грязную работу, но ради сохранения имиджа лучше, чтобы она делалась чужими руками. Друзья часто могут сделать это лучше, чем кто бы то ни был, поскольку их расположение к нему заставляет постараться изо всех сил. Другой пример: если по какой-то причине все идет не так, как вы задумали, подставьте друга в качестве козла отпущения. Такое «падение фаворита» всегда было излюбленным трюком королей и сюзеренов: они обвиняли ближайшего друга при дворе в собственных ошибках, а никому и в голову не приходило, что можно добровольно пожертвовать другом для такой цели. Конечно, разыграв

эту карту, вы лишаетесь друга навсегда. Так что лучше подобрать для роли козла отпущения кого-то из близкого, но не ближайшего окружения.

Наконец, совместные дела с друзьями приводят к тому, что границы и субординация, которые необходимы на службе, размываются. Но при условии, что оба партнера понимают и учитывают эту опасность, друга можно использовать с большой пользой и весьма эффективно. Не следует, однако, терять при этом бдительность: всегда будьте настороже, не пропускайте тревожных сигналов — эмоциональных расстройств, зависти, неблагодарности. Нет ничего устойчивого в царстве власти, и даже лучший друг может превратиться в злейшего врага.

О пользе от наших врагов

Как-то раз, когда царь Гиерон беседовал с одним из своих врагов, тот в самых недостойных выражениях указал царю на его зловонное дыхание. После чего добрый царь, немного встревоженный, вернувшись домой, упрекнул жену: «Как случилось, что ты никогда не говорила мне об этом?»

Царица, женщина простая, целомудренная и невинная, сказала: «Господин, я думала, что у всех мужчин дыхание таково». Таким образом, ясно, что об изъянах очевидных, явных и заметных, или, другими словами, общеизвестных, мы скорее узнаем от наших врагов, нежели от друзей или близких.

Плутарх, ок. 46 — ок. 127

Закон 03. Скрывай свои намерения

Формулировка закона

Держите людей в потемках, в состоянии неустойчивого равновесия, никогда не раскрывая подоплеку своих действий. Пребывая в неведении относительно того, что вы хотите предпринять, они не смогут обеспечить себе защиту. Заведите их подальше по ложному следу, напустите тумана, и к тому времени, как они осознают ваши намерения, будет уже слишком поздно.

Часть I

ИСПОЛЬЗУЙ ПРИМАНКИ И ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ, ЧТОБЫ СБИТЬ ЛЮДЕЙ СО СЛЕДА

Если, когда вы обманываете, у людей почему-либо появится хоть легкая тень подозрения, все пропало. Не давайте им ни малейшей возможности почуять, к чему вы клоните: запутывайте следы, расставляйте указатели, ведущие по ложному пути. Не пренебрегайте фальшивой искренностью, делайте неоднозначные высказывания, расставляйте сбивающие со следа приманки. Тот, кто не в состоянии отличить истину от фальши, не сможет понять, какую цель вы преследуете на самом деле.

Нарушение закона

В течение нескольких месяцев Нинон де Ланкло, французская куртизанка XVII века, пользовавшаяся самой дурной славой, терпеливо выслушивала рассказы маркиза де Севиньи о его стараниях завоевать прекрасную, но недоступную юную графиню. Нинон, которой к тому времени минуло шестьдесят два года, была, как никто, искушена в вопросах любви в отличие от двадцатидвухлетнего маркиза, привлекательного, энергичного, но не имевшего никакого романтического опыта.

Вначале Нинон забавляли рассказы маркиза о его ошибках, но в конце концов это ей наскучило. Не терпевшая глупости и неловкости ни в чем, и уж менее всего в завоевании женщины, она решила взять юнца под свою опеку. Прежде всего ему следовало понять, что начинается война и прелестная графиня — не что иное, как крепость; чтобы сломить ее сопротивление, необходима военная хитрость. Каждый шаг нужно было планировать и воплощать с максимальным вниманием к деталям и нюансам.

Обсуждая с маркизом начало военных действий, Нинон велела ему, подходя к графине на близкое расстояние, сохранять безразличный вид. В следующий раз, учила она, оставшись наедине с графиней,

маркизу следует уверить последнюю, что он ей друг, а никак не потенциальный любовник. Это требовалось, чтобы усыпить ее бдительность. Интерес маркиза перестанет казаться графине чем-то, что само собой разумеется, — возможно, подумает она, его интересует лишь дружба с ней.

Нинон разрабатывала следующие этапы плана. Запутав графиню, нужно было заставить ее ревновать. В следующий раз, на большом празднике в Париже, маркиз должен был появиться с красивой молодой спутницей. У нее были не менее прелестные подруги, так что теперь графине предстояло постоянно видеть маркиза в окружении самых блестящих парижских красавиц. Графиня не просто воспылала бы ревностью, она бы увидела маркиза в ином свете — как мужчину, желанного для кого-то. Нинон пришлось потрудиться, чтобы заставить маркиза понять это, но она терпеливо повторяла, что женщина, интересующаяся мужчиной, хочет видеть, что он интересует и других женщин. Это не только сразу же повышает его цену, но и делает процесс завоевания гораздо более интересным и приносящим большее удовлетворение.

Теперь, когда графиня должна была начать ревновать и томиться неопределенностью, наступало время для отвлекающего маневра. Следуя указаниям Нинон, маркиз начал пропускать балы и собрания, на которых графиня ожидала его встретить, но зато неожиданно появлялся в тех салонах, где раньше не бывал, но которые часто посещала графиня. Пусть ей не будет удаваться предвидеть его поступки. Все это ввергнет ее в состояние душевного смятения — предвестника капитуляции.

Вначале все шло по плану и заняло несколько недель. Нинон следила за успехами маркиза: от своих шпионов она узнавала, что графиня все громче смеется над его остротами, все внимательнее прислушивается к его рассказам. Ей сообщали, что графиня вдруг начала расспрашивать о маркизе. Друзья рассказывали ей, что на балах графиня ищет маркиза, следует за ним по пятам. Нинон была уверена, что юная женщина находится во власти его чар. Теперь все решали недели, может быть, месяц-другой, но все шло по плану — и крепости предстояло пасть.

Спустя несколько дней маркиз был с визитом у графини. Они остались наедине. Вдруг он совершенно изменился: повинуясь на сей

раз собственному порыву, забыв о поучениях Нинон, он схватил руку графини и признался ей в любви. Женщина была смущена — он ожидал другой реакции. Она стала холодно-любезной. В продолжение вечера она старалась не встречаться с ним глазами, а вскоре извинилась, пожелав ему доброй ночи. Когда он приходил к ней с визитами, ему отвечали, что ее нет дома. Когда наконец она снова согласилась встретиться, оба чувствовали неловкость и не могли найти верный тон. Действие чар прекратилось.

Толкование

Нинон де Ланкло было известно все об искусстве любви. Величайшие писатели, мыслители, политики того времени были в числе ее любовников — назовем хотя бы Ларошфуко, Мольера, Ришелье. Когда она стала старше и ее известность росла, лучшие семьи Франции присылали к ней своих сыновей для обучения науке любви.

Нинон было известно, что при всей непохожести мужчин и женщин их реакция на попытки обольщения обычно одинакова: в глубине души они чувствуют, что подвергаются соблазну, но уступают, так как им приятно чувствовать себя ведомыми. Это удовольствие — отпустить поводья, расслабиться, позволить другому человеку увлечь себя в неведомые края. Всё в искусстве обольщения, однако, держится на недомолвках. Нельзя открывать свои намерения, прямолинейно облекать их в слова. Вместо этого вы должны сбивать своих жертв со следа. Чтобы они покорно следовали за вами, их нужно смутить и запутать. Вам нужно подавать ложные сигналы: делать вид, что вас интересует другой мужчина или женщина (подсадная утка), скрывать свой интерес к жертве, разыгрывать безразличие и так далее. Такое поведение не только сбивает с толку, но и возбуждает интерес к вам.

Представьте себе ту же историю, с точки зрения юной графини: после нескольких ходов, сделанных маркизом, она почувствовала, что он играет в какую-то игру, но эта игра прельщала ее. Она не знала, куда он увлекает ее, но была готова на всё. Его поступки интриговали ее, каждый его шаг заставлял гадать, что за ним последует, она наслаждалась даже своими ревностью и смущением, ведь порой любое чувство нам дороже, чем скука безопасности. Графиня, конечно, могла

догадываться о скрытых намерениях маркиза — они свойственны большинству мужчин. Но ей хотелось выжидать и наблюдать, и, возможно, если бы ему удалось протянуть это ожидание на достаточно долгий срок, ей уже не было бы так важно, что на самом деле представляет ее партнер.

Однако с того мгновения, которое выбрал маркиз, чтобы произнести это роковое слово «люблю», все изменилось. Не было больше игры, лишь прямолинейная демонстрация страсти. Его намерения были обнажены: он действительно хотел ее обольстить. Все его поступки, до тех пор интригующие, даже чарующие, предстали теперь в ином свете, казались безобразными и циничными. Графиня чувствовала смятение, опустошение. Дверь захлопнулась, чтобы никогда больше не открыться.

Старайся не прослыть обманщиком, хоть сегодня и невозможно прожить, не будучи таковым. Самая большая твоя хитрость должна состоять в том, чтобы не показать свою хитрость.

Бальтазар Грациан

Соблюдение закона

В 1850 году молодой Отто фон Бисмарк, тридцатипятилетний депутат парламента Пруссии, был на повороте своей карьеры. На повестке дня стояло объединение нескольких государств (включая Пруссию), на которые была раздроблена Германия, и война против Австрии — могучего южного соседа, — заинтересованной в слабой Германии, угрожавшей вторжением в случае объединения. Герцог Вильгельм, наследник прусского престола, высказывался в пользу войны, и парламент был единодушен, готовя мобилизацию в армию. Против были только король Фридрих Вильгельм IV и его министры, которые предпочитали не обострять отношений с сильной Австрией.

На протяжении своей карьеры Бисмарк преданно, даже страстно поддерживал идею сильной и властной Пруссии. Он мечтал об объединении Германии, о войне с Австрией, о том, как будет повержена страна, так долго державшая Германию в состоянии

раздробленности. Бывший солдат, он представлял военную кампанию как победное шествие к славе.

Это, в конце концов, был тот самый человек, который сказал много лет спустя: «Главные вопросы времени будут решены не речами и резолюциями, а железом и кровью».

Страстный патриот, приверженец военной славы, Бисмарк, тем не менее, произнес речь в парламенте в самый разгар военной лихорадки. Речь эта поразила многих. «Горе государственным мужам, — сказал он, — начинающим войну, не имея такой причины, которая останется важной даже после окончания войны. После войны вы посмотрите по-иному на многие проблемы. Хватит ли вам тогда мужества, чтобы посмотреть в глаза крестьянину, оплакивающему пепелище, калеке, отцу, потерявшему детей?» Бисмарк не только продолжал живописать ужасы войны, но, что было особенно странно, восхвалял Австрию и защищал ее действия. Это шло вразрез со всем, что он отстаивал прежде. Последствия не замедлили сказаться. Бисмарк был против войны — что бы это могло означать? Другие депутаты были в смущении, многие из них изменили свое мнение при голосовании. В результате король и его министры победили, войну удалось предотвратить.

Через несколько недель после печально известной речи Бисмарка король, благодарный ему за поддержку мира, назначил его министром. Несколько лет спустя Бисмарк стал премьер-министром Пруссии. В этой роли он наконец привел свою страну и миролюбивого короля к войне с Австрией, разрушив могущественную империю и основав сильное Германское государство при главенствующей роли Пруссии.

Толкование

Готовясь к выступлению в 1850 году, Бисмарк просчитал ситуацию досконально. Первое: он понимал, что, хотя прусская военщина была настроена милитаристски, Пруссия в военном отношении намного уступала другим странам Европы; у Австрии были все шансы победить, а это грозило бы катастрофой. Второе: в случае, если бы война была проиграна, карьера Бисмарка как политика, выскажись он за войну, рухнула бы бесповоротно. Король и его консервативные министры хотели мира, Бисмарк хотел власти. Для решения этой задачи он пустил всех по ложному следу, высказавшись в поддержку

того, что прежде отвергал, произнося слова, которые осмеял бы, прозвучи они из уст другого. Целую страну удалось одурачить. Благодаря речи Бисмарка король сделал его министром — положение, из которого он быстро достиг поста премьера, приобретая силу, усиливая военный потенциал Пруссии и наконец выполнив то, к чему стремился: Австрия была повержена, а Германия объединилась с Пруссией в качестве лидера.

Бисмарк был, без сомнения, умнейшим государственным деятелем всех времен, мастером стратегии и уловок. Никто не подозревал о его истинных целях в данном случае. Объяви он о своих действительных намерениях, поясняя, что лучше подождать сейчас и начать войну позже, он не выиграл бы голосование, так как Пруссия жаждала войны безотлагательно и заблуждалась, считая себя в состоянии одержать победу над Австрией. Начни он заигрывать с королем, пытаясь получить у него портфель министра в обмен на поддержку мирной политики, он и тут не добился бы успеха: король, разгадав его амбиции, усомнился бы в его искренности.

Поступив совершенно неискренне, посылая ложные сигналы, он ввел в заблуждение всех, завуалировал свои истинные побуждения и добился всего, чего хотел. Итак, умение скрывать свои намерения приводит к власти.

Ключи к власти

Большинство людей подобны открытой книге. Они говорят, что чувствуют, выпаливают свое мнение при каждом удобном случае, постоянно сообщают о своих планах и намерениях. Они поступают так по многим причинам. Во-первых, это в природе человека — всегда говорить о своих чувствах и планах на будущее. Приходится делать над собой усилие, чтобы сдерживать свой язык и следить за своими высказываниями. Во-вторых, многие верят, что честностью и открытостью они покоряют сердца и демонстрируют свою хорошую сущность. Это великое заблуждение.

Честность, по сути, это тупой инструмент, который больше размозжит, чем отрежет. Честностью легко обидеть; гораздо более благоразумно приспосабливать свои слова, говоря людям то, что они хотят услышать, вместо грубой и безобразной правды о том, что вы чувствуете или думаете. Безоглядная открытость ведет к тому, что вы

становитесь таким предсказуемым, таким понятным, что вас почти невозможно уважать или бояться, а власть не покоряется человеку, который не в состоянии вызывать подобных чувств.

Если вы учитесь власти, поскорее отложите в сторону вашу честность и начинайте упражняться в искусстве скрывать свои намерения. Овладейте им — и вы всегда будете на высоте положения. Возможность скрывать свои намерения можно объяснить простым свойством человеческой натуры: наше первое инстинктивное побуждение — всегда доверять видимости.

Мы не можем жить, сомневаясь в реальности того, что видим и слышим, — постоянные мысли о том, что за видимым скрывается нечто иное, измотали и запугали бы нас. Это и помогает относительно легко утаивать друг от друга свои мысли и намерения. Просто выставляйте перед людьми напоказ предмет, который вы хотите выдать за желаемый, цель, которую вы якобы преследуете, — и все поверят в их реальность. Если глаза сфокусировались на приманке, они пропустят то, к чему вы на самом деле стремитесь. Обольщая, предъявляйте противоречивые сигналы, такие, как желание и безразличие, — и вы не только собьете всех с толку, но и возбудите в людях желание следовать за вами.

Часто эффективной оказывается тактика отвлекающего маневра, при которой вы как бы поддерживаете идею или позицию, на самом деле противоречащую вашим собственным чувствам. (Бисмарк в 1850 году использовал этот ход с огромным успехом.) Большинство поверит, что вы искренне изменились, поскольку слишком необычно так легко играть с воззрениями и ценностями. То же самое приложимо к любому подставному объекту: притворитесь, что для вас очень желанна вещь, на самом деле для вас совсем не интересная, — и ваши враги пойдут по ложному следу, делая сплошные ошибки в своих расчетах.

Во время войны за испанское наследство в 1711 году герцог Мальборо, главнокомандующий английской армией, хотел разрушить ключевой французский форт, защищавший основные жизненные артерии во Франции. Вместе с тем ему было ясно, что, если форт будет разрушен, французам станут понятны его намерения — захватить эту важную дорогу. Поэтому он лишь занял форт и разместил там часть своих войск, создав видимость того, что для каких-то целей форт нужен ему самому. Французские войска атаковали форт, и герцог

позволил им снова захватить его. Едва вернув себе форт, французы сами разрушили его, чтобы он не достался герцогу, которому, по их мнению, он был для чего-то необходим. Форт был разрушен, дороги остались без прикрытия, и Мальборо беспрепятственно прошел по всей Франции.

Можно использовать эту тактику и следующим образом: утаивайте свои намерения, не скрывая их (в этом есть риск показаться скрытным, вызвать недоверие и подозрения), а постоянно разглагольствуя о своих планах и чаяниях — только не об истинных. Вы убьете одним выстрелом трех зайцев: будете выглядеть приветливым, открытым, заслуживающим доверия, завуалируете свои намерения и отправите конкурентов в погоню за несбыточным, которая отнимет у них немало времени.

Еще один мощный инструмент, помогающий направлять людей по неверному следу, — ложная искренность. Люди легко принимают искренность за честность. Не забывайте, их первое побуждение — доверять видимости, а поскольку они ценят честность и хотят верить в честность окружающих, они вряд ли усомнятся в вас или увидят вас насквозь. Если вы даете понять, что верите в то, что говорите, это придает словам огромный вес. Именно так Яго обманул и погубил Отелло: Яго видел глубину его чувств, его искреннюю обеспокоенность предполагаемой неверностью Дездемоны; как мог Отелло не поверить ему? Именно так гениальный мастер мошенничества Вейл по прозвищу Желтый Малыш вводил в заблуждение простаков: казалось, он так убежденно верит в истинность поддельного объекта, предлагаемого клиентам (фальшивые акции, лошадь, купленную на скачках), что в его правдивости трудно было усомниться. Важно, конечно, не зайти слишком далеко. Искренность — непростая штука: перегнув палку с излишним пафосом, можно возбудить подозрение. Помните о чувстве меры, старайтесь быть убедительным и правдивым, иначе ваша уловка будет выглядеть обманом, которым она и является.

Чтобы сделать ложную искренность эффективным оружием, помогающим скрыть истинные намерения, поддерживайте веру в честность и открытость как важные ценности общества. Делайте публичные заявления. Подчеркивайте вашу позицию по этому вопросу, время от времени произнося какую-либо прочувствованную мысль, —

разумеется, из числа бессмысленных или не относящихся к делу. Министр Наполеона Талейран мастерски завоевывал доверие людей, сообщая им какой-нибудь секрет Полишинеля. Такое деланое доверие — приманка — позволяло затем добиться настоящего доверия со стороны другого лица.

Помните: лучшие обманщики делают все возможное, чтобы замаскировать свою мошенническую сущность. Они учатся производить впечатление честных людей, чтобы прикрыть нечестные поступки. Честность — это лишь один из приемов в их обширном арсенале.

Часть II

ВОСПОЛЬЗУЙСЯ ДЫМОВОЙ ЗАВЕСОЙ, ЧТОБЫ СКРЫТЬ СВОИ НАМЕРЕНИЯ

Хитрость — всегда лучшая стратегия, но для лучших хитростей требуется дымовая завеса, помогающая отвлечь людей от ваших истинных целей. Располагающая внешность — как непроницаемое лицо игрока в покер — часто служит хорошим экраном, скрывающим ваши намерения за чем-то уютным и привычным. Если повести простака по привычному пути, он и не заметит, как его завлекут в капкан.

Соблюдение закона (1)

В 1910 году мистер Сэм Джизил из Чикаго продал свой складской бизнес приблизительно за 1 миллион долларов. Он освоился с положением полупенсионера, распоряжался своей недвижимостью, но в глубине души тосковал по минувшим дням, когда занимался заключением серьезных сделок. Однажды в его кабинет явился молодой человек по имени Джозеф Вейл, который хотел купить квартиру, выставленную Джизилом на продажу. Джизил дал пояснения: квартира стоит 8000 долларов, но он просит только залог в 2000 долларов. Вейл сказал, что даст ответ на следующий день. Наутро он пришел со встречным предложением — выплатить полностью 8000 долларов наличными, если Джизил сможет подождать несколько дней, пока Вейл будет готов к сделке. Хотя Джизил почти удалился от дел, все же он оставался бизнесменом и недоумевал, как Вейлу удастся добыть такую сумму наличными (на сегодня соответствующую 150 тысячам долларов) за такой короткий срок. Казалось, Вейл не хочет отвечать, он быстро переменил тему, но Джизил настаивал. Наконец, взяв обещание, что все останется в тайне, Вейл поведал следующую историю.

Дядя Вейла служил секретарем кружка финансистов-мультимиллионеров. За десять лет до этого состоятельные джентльмены приобрели по низкой цене имение с охотничьим

домиком в Мичигане. Несколько лет приобретением не пользовались, поэтому было решено его продать; заняться этим поручили дядюшке Вейла. По ряду причин, и достаточно веских, дядя годами вынашивал обиду и неприязнь к миллионерам; сейчас у него появился шанс отыграться. Он решил продать недвижимость за 35 тысяч подставному лицу (найти такого человека предстояло Вейлу). Финансисты были слишком богаты, чтобы расстраиваться из-за низкой цены. Подставной покупатель мог затем перепродать имение по его истинной цене — около 155 тысяч долларов. Дядюшка, Вейл и третий человек поделили бы разницу между собой. Всё было легально, и причина так поступить имелась — дядя лишь восстанавливал справедливость по отношению к себе.

Джизил услышал достаточно — он пожелал стать подставным покупателем. Вейл отнесся к его предложению без энтузиазма, но Джизил не отступал: идея получить хороший куш и немного пощекотать нервы захватила его мгновенно. Вейл объяснил, что Джизилу придется внести 35 тысяч долларов наличными для совершения сделки. Миллионер Джизил ответил, что для него это не сложнее, чем щелкнуть пальцами. Наконец Вейл сдался, согласившись устроить встречу Джизила, дядюшки и финансистов в Гейлсбурге, штат Иллинойс.

В поезде, следующем в Гейлсбург, Джизил встретился с дядей — тот произвел на него благоприятное впечатление, и они обсудили все детали сделки. Вейл также привез своего компаньона Джорджа Гросса, крепкого мужчину с животиком. Сам он по профессии тренер по боксу, пояснил Джизилу Вейл, а Гросс — один из наиболее перспективных его боксеров. Он решил взять Гросса с собой, чтобы поддерживать того в форме перед ответственным матчем. Для многообещающего спортсмена Гросс выглядел немного странно — седина, пивное брюшко, — но Джизил был настолько увлечен предстоящей сделкой, что не обратил внимания на неспортивный облик боксера.

Прибыв в Гейлсбург, Вейл с дядей отправились на встречу с финансистами, оставив Джизила ожидать в гостиничном номере с Гроссом, который немедленно облачился в боксерский костюм. Джизил вполглаза смотрел, как Гросс начал тренировочный бой с тенью. Думая о другом, он не обратил внимания на то, как, поупражнявшись несколько минут, боксер выдохся; правда, стиль его

боксирования выглядел вполне прилично. Через час появились Вейл, его дядя и финансисты — впечатляющая группа серьезных людей в солидных дорогих костюмах. Встреча прошла успешно, финансисты были согласны уступить недвижимость Джизилу, который уже перевел 35 тысяч долларов в местный банк.

Покончив с этим мелким делом, финансисты, откинувшись на спинки стульев, обсуждали дела большого бизнеса, то и дело упоминая имя Дж. П. Моргана так, будто были знакомы с ним накоротке. Наконец один из них заметил в углу номера боксера. Вейл объяснил, почему тот здесь находится. Финансист заметил, что в его окружении тоже есть боксер, и назвал его. Вейл рассмеялся и заявил, что Гросс без труда побьет того. Разговор переходил в перепалку. Страсти разгорелись, Вейл предложил пари. Финансисты приняли его с энтузиазмом и поспешили удалиться, чтобы подготовить к схватке своего спортсмена.

Как только они вышли за дверь, дядя накинулся на Вейла, не стесняясь присутствия Джизила: у них недостаточно денег, чтобы биться об заклад, и, как только это станет известно финансистам, он, дядя, будет уволен. Вейл извинился за то, что втянул его в неприятности. Однако у него был план: он хорошо знал второго боксера и рассчитывал, что за небольшую сумму тот поддастся. Но где взять деньги, чтобы сделать ставку? — не унимался дядюшка. Без них они, считай, все равно что мертвы. И тут вмешался Джизил. Не желая сорвать свою сделку из-за досадного пустяка, он предложил свои собственные 35 тысяч как часть ставки. Даже потеряв их сейчас, он не оставался внакладе, вернув свое после перепродажи имения. Дядя и племянник не знали, как благодарить. Их собственных 15 тысяч и 35 тысяч Джизила как раз хватало, чтобы сделать ставку. Вечером, когда Джизил наблюдал за тренировочным боем двух боксеров все в том же номере, его мысли занимала немалая прибыль, которую предстояло извлечь из двойного дельца — боксерского матча и продажи имения.

Бой состоялся на другой день в спортивном зале. Вейл выложил наличные, которые заперли для надежности в сейф. Всё происходило по плану, составленному в номере гостиницы. Финансисты хмурились, глядя на плохую игру своего спортсмена, и Джизил уже подсчитывал долю в выигрыше. Вдруг неожиданно боксер финансистов нанес

резкий удар Гроссу в лицо, тот упал. Когда он приподнялся, все увидели струйку крови, вытекавшую у него изо рта. Он закашлялся, попытался встать, но замер, лежа на полу. Один из финансистов, в прошлом врач, пощупал его пульс: Гросс был мертв. Миллионеры впали в панику: нужно было уходить, пока не появилась полиция, — присутствующим могло быть предъявлено обвинение в убийстве.

В ужасе Джизил выскочил из зала и поскорее отправился в Чикаго, оставив 35 тысяч долларов, о которых был рад забыть, считая их не столь дорогой ценой, уплаченной за то, чтобы не быть замешанным в деле об убийстве. Он никогда не пытался снова встретить Вейла или других участников сделки.

После бегства Джизила Гросс поднялся с пола без посторонней помощи. Струйка изо рта появилась у него из спрятанного за щекой мешочка с куриной кровью, разбавленной теплой водой. Всю аферу подготовил Вейл, больше известный в США как Желтый Малыш, один из наиболее талантливых мошенников всех времен. Вейл разделил 35 тысяч долларов между финансистами и боксерами (также мошенниками) — приятное вознаграждение за считаные дни работы.

Иуй, царь Израиля, притворяется приносящим жертву идолу Ваалу

...И собрал Иуй весь народ и сказал им: Ахав мало служил Ваалу; Иуй будет служить ему более. Итак, созовите ко мне всех пророков Ваала, всех служителей его и всех священников его, чтобы никто не был в отсутствии, потому что у меня будет великая жертва Ваалу. А всякий, кто не явится, не останется жив. Иуй делал это с хитрым намерением, чтобы истребить служителей Ваала. И сказал Иуй: назначьте праздничное собрание ради Ваала.

И провозгласили собрание. И послал Иуй по всему Израилю, и пришли все служители Ваала; не оставалось ни одного человека, кто бы не пришел; и вошли в дом Ваалов, и наполнился дом Ваалов от края до края... И вошел Иуй... в дом Ваалов, и сказал служителям Ваала: разведайте и разглядите, не находится ли у вас кто-нибудь из служителей Господних, так как здесь должны находиться только одни служители Ваала. И приступили они к совершению жертв и всесожжений. А Иуй поставил вне дома восемьдесят человек

и сказал: душа того, у которого спасется кто-либо из людей, которых я отдаю вам в руки, будет вместо души спасшегося.

Когда кончено было всесожжение, сказал Ииуй скороходам и начальникам: пойдите, бейте их, чтобы ни один не ушел. И поразили их острием меча, и бросили их скороходы и начальники, и пошли в город, где было капище Ваалово.

И вынесли статуи из капища Ваалова, и сожгли их. И разбили статую Ваала, и разрушили капище Ваалово; и сделали из него место нечистот до сего дня. И истребил Ииуй Ваала с земли Израильской.

Ветхий Завет, Четвертая книга Царств, 10: 18–28

Толкование

Вейл наметил Джизила в качестве идеальной жертвы задолго до того, как спланировал аферу. Он решил, что убийство на ринге — идеальный способ заставить Джизила расстаться с деньгами и больше не вспоминать о них. Но он понимал также, что у него нет шансов заинтересовать Джизила боксерским боем. Поэтому он решил скрыть до поры свои намерения и выдумал историю с продажей охотничьего домика, то есть пустил в ход дымовую завесу.

В поезде и гостиничном номере мысли Джизила были полностью заняты предстоящей сделкой, легкой наживой, да и возможностью пообщаться за рюмочкой с финансовыми тузами. Он не обратил внимания на плохую физическую подготовку Гросса и его далеко не юный возраст. Такова отвлекающая сила дымовой завесы. Внимание Джизила было поглощено сделкой, поэтому, хотя он легко включился в историю с боксерским матчем, сомнения у него появились только в тот момент, когда уже было слишком поздно замечать красноречивые детали, указывавшие на то, что Гросс наверняка подведет. Кроме того, исход матча решал подкуп, а не физическое состояние боксера. А под конец Джизил был настолько поражен иллюзией гибели боксера, что совершенно забыл о своих деньгах.

Чему можно поучиться у Желтого Малыша, так это тому, что привычная, не вызывающая подозрений обстановка служит прекрасной дымовой завесой. Приближайтесь к цели с помощью ситуации, которая выглядела бы вполне обыденно, — деловое

соглашение, сделка, финансовая интрига. Внимание жертвы будет рассеяно, подозрения не возникнут. Затем вы можете плавно ввести его во вторую часть, на наклонную плоскость, и по ней он беспомощно соскользнет прямо в расставленную ловушку.

Соблюдение закона (2)

В середине 1920-х годов влиятельные военачальники Эфиопии осознали, что молодой аристократ по имени Хайле Селассие, он же негус (сокращенный титул императора Эфиопии до упразднения монархии в 1975 году) Рас Тафари, обходит их в конкурентной борьбе и приближается момент, когда он сможет провозгласить себя их лидером, объединив страну впервые за многие десятилетия. Большинство его соперников не могли понять, как удалось этому изящному, спокойному человеку с невыразительными манерами подчинить себе всех. И все же в 1927 году Селассие стал по одному вызывать военачальников в Аддис-Абебу, чтобы они признали его главой государства и подтвердили свою лояльность.

Одни были в смятении, другие колебались, и лишь один, Дежазмах Балча из Сидамо, осмелился открыто не повиноваться. Балча был запальчивым человеком, истинным военным и считал нового руководителя слабым и недостойным. Он не появлялся в столице. В конце концов Селассие в присущей ему вежливой, но твердой манере приказал Балча явиться. Военачальник решил повиноваться, но попытаться спутать карты претендента на эфиопский трон: он задумал прибыть в Аддис-Абебу с армией численностью 10 000 человек — силой достаточной, чтобы обеспечить свою безопасность, а возможно, развязать гражданскую войну. Разместив своих воинов в долине в трех милях от столицы, он ждал, словно был королем. Селассие должен был сам нанести ему визит.

Селассие действительно через гонцов прислал Балча приглашение во дворец на прием, устроенный в его честь. Но Балча был неглуп и знал историю — ему было известно, что прежние вожди и короли Эфиопии часто устраивали приемы-западни. Во дворце Селассие мог приказать схватить и убить его. Чтобы дать понять, что ему ясно положение вещей, Балча согласился прибыть на праздник, но только с охраной — шестью сотнями лучших солдат, вооруженных и готовых защищать его и себя. К удивлению Балча, Селассие очень любезно

ответил, что почтет за честь принять у себя таких заслуженных воинов.

По дороге Балча велел солдатам не пить много и быть начеку. Когда они приехали во дворец, Селассие был само радушие. По тому, как он обращался с Балча, можно было решить, что больше всего он нуждался именно в его поддержке и одобрении. Но Балча не поддался обаянию и предупредил Селассие: если он не вернется в лагерь до захода солнца, его войска начнут наступление на столицу. Селассие, похоже, был больно задет таким недоверием. Во время обеда, когда подошло время для традиционных песен в честь эфиопских вождей, он приказал воспевать одного только вождя из Сидамо. Балча показалось, что Селассие испуган и подавлен, находясь рядом с таким великим воином, который к тому же оказался неподкупным. Почувствовав перемену, Балча уже решил, что стал хозяином положения.

Ближе к вечеру Балча и его солдаты выступили в обратный путь под приветственные крики и ружейный салют. Оглядываясь через плечо на столицу, Балча строил планы, представляя, как через считаные недели его собственные солдаты с триумфом прошествуют по столице, как Селассие будет схвачен и заточен в тюрьму или казнен. Однако, подъехав к лагерю, Балча понял, что произошло нечто ужасное. Там, где еще утром, насколько мог видеть глаз, простирались разноцветные шатры, теперь курились лишь дымки от погашенных костров. Что за дьявольское наваждение?

Свидетель рассказал, что произошло. Во время праздника во дворце большое войско под командованием соратника Селассие подкралось к армии Балча по боковой дороге, которую он не заметил. Войско, однако, не собиралось начинать бой: зная, что, услышав шум сражения, Балча со своими телохранителями кинется на помощь, Селассие вооружил свое войско корзинками с золотом и деньгами. Окружив воинов Балча, они стали выкупать у них оружие. Тем, кто отказывался, угрожали смертью. За считаные часы целая армия Балча была разоружена, и солдаты разбежались кто куда.

Поняв, в какой он опасности, Балча решил уходить на юг со своими 600 солдатами, чтобы там перегруппироваться, но то же войско, что разоружило его армию, встало на его пути. Другим выходом был марш на столицу, но там ожидал Селассие с большой армией, готовой к обороне. Как шахматный игрок, Селассие просчитывал все шаги

Балча и первым поставил ему мат. Впервые в жизни Балча был окружен. Он окончил свои дни в монастыре, каясь в грехе гордыни и самоуверенности.

Толкование

За долгий период царствования Селассие никто не смог понять его до конца. Эфиопам нравится в лидерах сила, даже свирепость, но Селассие, с его обликом мягкого, миролюбивого человека, пробыл на троне дольше любого из них. Никогда не выходивший из себя, не допускавший вспышек гнева, он завлекал свои жертвы сладкими улыбками, убаюкивал их с помощью своего обаяния, угождал им, прежде чем напасть. В случае с Балча Селассие сыграл на воинственности вождя и его подозрениях, что прием окажется западней, — западня действительно была, да только совсем не там, где ее можно было ожидать. То, как Селассие рассеял страхи Балча — позволив ему взять с собой во дворец охрану, оказав ему почести, дав ему почувствовать, что его позиции сильны, — явилось густой пеленой дыма, за которой не были видны его истинные действия в трех милях от столицы.

Помните: подозрительных и воинственных часто проще всего обмануть. Постарайтесь завоевать их доверие в одном, и у вас уже есть дымовая завеса, которая заслонит им глаза в другом, поможет вам подкрасться и нанести сокрушительный удар. Сделайте благородный или дружеский жест или дайте соперникам убедиться в их собственном превосходстве — это прекрасные средства для осуществления диверсии.

Правильно расположенная дымовая завеса — мощное оружие. Им и воспользовался Хайле Селассие, чтобы наголову разбить врага без единого выстрела.

Бойтесь недооценивать власть Тафари. Он крадется, как мышь, но челюсти у него, как у льва.

Последние слова Балча из Сидамо перед уходом в монастырь

Ключи к власти

Если вы полагаете, что обманщики — это яркая публика, люди, которые сыплют на каждом шагу ложью, фокусами и выдумками, вы заблуждаетесь. Самые лучшие из них обладают располагающим к доверию обликом и не привлекают внимания. Им известно, что экстравагантные слова и поступки немедленно возбудят подозрения. Вместо этого они придают своим замыслам вид чего-то привычного, банального и безвредного.

В случае с Желтым Малышом Вейлом и Сэмом Джизилом привычным делом был бизнес. В эфиопском случае это было вводящее в заблуждение раболепие Селассие — именно такого поведения ожидал Балча от военачальника, уступающего ему в силе.

Как только вы усыпите внимание ваших жертв тем, чего они ожидали, они потеряют способность замечать обман прямо у себя за спиной. Это объясняется простой истиной: люди могут сосредоточиться только на чем-то одном в один отрезок времени. Для них слишком сложно представить себе, что симпатичный и безвредный человек может в то же время что-то замышлять. Чем серее и ординарнее дым вашей завесы, тем легче скрыть ваши намерения. Используя технику ложных следов и ловушек, что обсуждалось в части 1, вы активно вводите людей в заблуждение; дымовая завеса помогает усыпить простака и заманить его в сети. Это гипнотизирует и именно поэтому лучше всего помогает скрыть ваши намерения.

Наиболее простая форма дымовой завесы — выражение лица. Спрятавшись за располагающей, не очень выразительной внешностью, можно планировать любое злодейство, никто и не догадается. Этим оружием пользовались многие могущественные исторические деятели. Так, известно, что у Франклина Д. Рузвельта было совершенно непроницаемое лицо. Барон Джеймс Ротшильд всю жизнь пользовался этим приемом, пряча истинные мысли за широкими радушными улыбками или неопределенными взглядами. Стендаль писал о Талейране: «Никогда не было на свете лица, по которому труднее было бы читать». Генри Киссинджер доводил до слез своих оппонентов за столом переговоров монотонным голосом, невыразительным видом, бесконечным перечислением деталей, затем он вдруг ошарашивал их, предъявляя список смелых требований.

Застигнутые врасплох, они легко позволяли себя уговорить. Вот как это объясняется в одном учебнике игры в покер: «Разыгрывая свою сдачу, хороший игрок редко актерствует. Вместо этого он выбирает невыразительную манеру поведения, так что по нему ничего нельзя прочитать; это путает и держит в напряжении партнеров, требует от них большей концентрации».

Концепция дымовой завесы может быть применена на разных уровнях, но во всех случаях речь идет о психологических принципах отвлечения внимания и задания ложного направления. Одна из наиболее эффективных разновидностей дымовой завесы — благородный поступок. Людям хочется верить в искренность благородных поступков, потому что верить в это им приятно. Редко они осознают, как обманчивы могут быть поступки.

Торговец произведениями искусства Джозеф Дювин столкнулся однажды с ужасной проблемой. У клиентов-миллионеров, которые так охотно платили Дювину за его картины, почти не осталось места на стенах, а при том, что налоги на наследство возросли, похоже было, что покупать вот-вот перестанут. Решением стала галерея искусства в Вашингтоне, которую Дювин помог создать в 1937 году, уговорив Эндрю Меллона подарить музею свою коллекцию. Национальная галерея стала для Дювина прекрасным прикрытием. Одним махом его клиенты избегали налогов, освобождали место на стенах для новых приобретений и уменьшали количество картин на рынке, поддерживая этим уровень цен. В то же время дарители получали репутацию людей, занимающихся благотворительностью.

Другая эффективная разновидность дымовой завесы — закономерность, то есть серия действий, которые заставляют жертву поверить, что вы будете продолжать движение в том же направлении. Закономерность обыгрывает психологический принцип ожидания: наше поведение укладывается в закономерности, а может, нам нравится так думать.

В 1878 году американский преступник барон Джей Гоулд создал фирму, которая начала угрожать монополии телеграфной компании «Западный Союз» (Вестерн Юнион). Директора компании решили перекупить фирму Гоулда — пришлось уплатить круглую сумму, но им хотелось отделаться от неприятного соперника. Через несколько месяцев, однако, Гоулд объявился снова, жалуясь, что с ним поступили

нечестно. Он создал вторую фирму и опять начал конкурировать с «Западным Союзом» и его новым приобретением. История повторилась: «Западный Союз» купил и эту фирму. Вскоре все началось в третий раз, но теперь Гоулд повел себя по-другому: он начал жестокую захватническую войну и смог в результате получить полный контроль над «Западным Союзом». Повторяющиеся поступки Гоулда обманули руководство компании: они решили, что его цель — выгодные продажи. Заплатив, они ослабляли бдительность, не замечая, как противник повышает ставки. Закономерность в поведении хороша тем, что вводит в заблуждение, заставляет другого считать вас предсказуемым и ожидать от вас совсем не того, что вы в действительности задумали.

Еще одна психологическая слабость, которой можно воспользоваться для создания дымовой завесы, — склонность принимать видимость за реальность: ощущение, что если кто-то ведет себя как ваш единомышленник, то он им и на самом деле является. Это делает мимикрию очень эффективным приемом. Это простой трюк: вы смешиваетесь с теми, кто вас окружает. Чем лучше вам это удастся, тем меньше подозрений вы вызовете. Во время печально известной «холодной войны» многие британские государственные чиновники занимались передачей секретной информации советской стороне. В течение долгого времени их не могли раскрыть, поскольку они были «своими парнями», учились в привилегированных частных школах, прекрасно вписываясь в добропорядочное общество их выпускников. Мимикрия — лучшее прикрытие для шпиона. Чем лучше вы ею овладеете, тем легче вам скрывать истинные намерения.

Помните: требуются терпение и смирение, чтобы, приглушив яркие краски, надеть не привлекающую внимания маску. Не огорчайтесь, если придется носить невыразительную личину, — часто именно ее непроницаемость привлекает к нам людей и придает нам вид человека, причастного к власти.

УПЛЫТЬ ПО ОКЕАНУ СРЕДИ БЕЛА ДНЯ

Это означает создать ширму, которая в конце концов приобретает привычный, знакомый вид; это позволяет стратегу, прикрываясь ею, действовать незамеченным, поскольку всем взглядам при этом открывается лишь очевидное и привычное.

Томас Клири. «36 стратегий японского военного искусства», 1991

Образ: овечья шкура.

Овца не ограбит, овца не предаст, овца невероятно глупа и безобидна. С овечьей шкурой на спине лисице легко пробраться прямо в курятник.

Авторитетное мнение

«Приходилось ли вам слышать об искусном полководце, который, собираясь захватить крепость, оповещал бы о своем плане противника? Скрывайте свою цель и не хвалитесь успехами; не давайте понять, как далеко простираются ваши расчеты, до тех пор, пока им что-то может помешать, пока битва не окончена. Одерживайте победу еще до объявления войны. Одним словом, подражайте военным, чьи намерения неизвестны никому, кроме тех опустошенных стран, через которые они уже прошли победным маршем».

Нинон де Ланкло, 1623–1706

Оборотная сторона

Ни густая пелена дыма, ни отвлекающие маневры, ни ложная искренность или другие уловки не помогут тому, за кем уже прочно закрепилась репутация обманщика. А по мере того как вы становитесь старше и добиваетесь успеха, становится все труднее маскировать свою хитрость. Если всем и каждому известно, что обман у вас в ходу, то, решив изобразить наивность и простоту, вы прослывете отъявленным лицемером, а это сильно сузит пространство маневра. В таких случаях лучше без притворства честно признаться, что вы плут, а еще лучше — плут раскаявшийся. Вас не только простят и полюбят за вашу искренность, но, что самое удивительное, вы сможете беспрепятственно продолжать свои махинации.

С возрастом П. Т. Барнум, великий мистификатор XIX столетия, научился использовать свою репутацию великого обманщика. Однажды он организовал охоту на бизонов в Нью-Джерси, наняв индейцев и привезя из другого штата нескольких бизонов. Он

разрекламировал охоту как настоящую, и, хотя все выглядело крайне ненатурально, зрители, вместо того чтобы возмутиться и потребовать назад свои деньги, просто веселились. Они знали, что от Барнума всегда надо ждать обмана; в этом был секрет его успеха, и за это его любили. Барнум извлек из этого урок и перестал скрывать свои приемы и даже разоблачил многие из своих обманов в автобиографии. Как писал Кьеркегор: «Мир хочет быть обманутым».

Хотя мудро отвлекать внимание от своих целей, надевая бесцветную маску, бывают случаи, когда более правильной тактикой оказывается яркий, выразительный жест или поступок. Крупнейшие европейские шарлатаны и мошенники XVII—XVIII веков завоевывали публику с помощью остроумия и обаяния. Завороженные великолепным зрелищем, зрители не замечали, что на самом деле нужно шарлатану. Так, один из них въезжал в городок в черной карете, запряженной воронымиими лошадями. За ним следовали клоуны, акробаты на ходулях и шуты, расхваливая и предлагая толпе эликсиры и знахарские снадобья. Зрители собирались на представление; истинной же целью шарлатана была продажа эликсиров и снадобий, которые прекрасно расходились.

Спектакли и аттракционы, без сомнения, прекрасный способ скрыть ваши намерения, но им нельзя пользоваться бесконечно. Публика устает, становится подозрительной и в конце концов может поймать за руку. И в самом деле, шарлатанам приходилось спешить, передвигаясь из одного местечка в другое, пока молва о бесполезных снадобьях не опередила их. Но люди власти с невыразительной внешностью — Талейраны, Ротшильды, Киссинджеры — могут с успехом использовать свой прием всю жизнь, оставаясь на одном месте. Их прием никогда не изнашивается и редко вызывает подозрения. Красочную ширму можно применять лишь иногда, точно выбирая для этого верный момент.

Закон 04. Всегда говори меньше, чем кажется необходимым

Формулировка закона

Желая произвести впечатление своими речами, помните: чем больше вы наговорите, тем более покажетесь ординарным и не имеющим реальной силы. Даже произнося банальности, вы будете выглядеть оригинальным, если ваши речи будут неясными, незавершенными и загадочными, как сфинкс. Влиятельные люди производят впечатление и внушают страх тем, что недоговаривают. Чем больше вы говорите, тем выше вероятность того, что вы скажите глупость.

Нарушение закона

Гней Марсий, известный как Кориолан, был героем-полководцем Древнего Рима. В первой половине V века до н. э. он победил во многих важных сражениях, не раз спасая город от бедствий. Поскольку большую часть времени он проводил на полях сражений, немногие римляне были знакомы с ним, и это придавало ему ореол легендарной личности.

В 454 году до н. э. Кориолан решил, что пора ему использовать свою репутацию, чтобы заняться политикой. Он принял участие в выборах на пост консула высокого ранга. По традиции в самом начале предвыборной кампании кандидаты выступали с речью. Когда Кориолан предстал перед народом, то начал с демонстрации десятков ран и шрамов, полученных им за 17 лет обороны Рима. Мало кто из публики вслушивался в длинную речь, которая последовала за этим; шрамы, доказательство его доблести и патриотизма, у многих вызвали слезы. Казалось, успех Кориолана предрешен.

Когда же настал день голосования, Кориолан явился в форум в сопровождении всего сената и римских патрициев. Простых горожан неприятно поразила эта вызывающая демонстрация уверенности в победе в день выборов.

Когда Кориолан снова заговорил, он обращался в основном к аристократам, пришедшим с ним. Речь его была надменной, даже

оскорбительной для народа. Заявляя о победе на выборах как о решенном деле, он похвалялся военными подвигами, сыпал шутками, смешными лишь для патрициев, зло отзывался о своих оппонентах и преувеличивал добро, сделанное им для Рима. На сей раз люди слушали: им раньше и в голову не приходило, что легендарный солдат был еще и обычным хвастуном.

Новость о второй речи Кориолана быстро разлетелась по городу, и на выборы явилось множество народа, чтобы проголосовать против него. Потерпев поражение, Кориолан вернулся на поле боя обиженным, с жаждой отомстить простолюдинам, которые проголосовали против него. Несколько недель спустя в Рим прибыла большая партия зерна. Сенат собирался бесплатно раздать его народу, но в момент голосования по этому вопросу появился Кориолан и попросил слова. Раздача зерна, убеждал он, плохо повлияет на город. Многие сенаторы заколебались, голоса разделились. Кориолан не остановился на этом: он перешел к критике самой идеи демократии. Он требовал отменить участие представителей народа — трибунов — в правлении и высказывался за то, чтобы городом правили только патриции.

Когда эта, последняя, речь Кориолана стала достоянием народа, возмущению горожан не было предела. В сенат были посланы трибуны с требованием, чтобы Кориолан предстал перед народом. Он отказался. По всему городу вспыхивали волнения. Сенат, опасаясь вспышки народного гнева, проголосовал за раздачу зерна даром. Трибунов отозвали, но люди продолжали требовать, чтобы Кориолан выступил перед ними с извинениями. В этом случае и при условии, что он впредь будет держать свои мысли при себе, ему было бы разрешено вернуться в армию.

Кориолан в последний раз предстал перед народом, который слушал его в полной тишине. Он начал медленно и спокойно, но постепенно снова перешел к оскорблениям. Его тон был вызывающим, выражения резкими. По мере того как он говорил, возмущение народа росло. В конце концов поднялся такой шум, что он не смог продолжать.

Посовещавшись, трибуны приговорили Кориолана к смерти и приказали магистратам немедленно сбросить его со скалы. Толпа восторженными криками приветствовала это решение. Однако

патрициям удалось вмешаться, и приговор был заменен на пожизненное изгнание. Народ торжествовал при вести, что великий национальный герой Рима будет с позором изгнан из города. Такого ликования на улицах Рима никогда не устраивали — даже в честь победы над врагом.

Устрицы полностью раскрывают раковину в полнолуние; когда краб видит устрицу, он кидает внутрь ее камешек или водоросль, так что устрица не может закрыться вновь и становится добычей краба. Таков удел тех, кто слишком много открывает рот и тем отдает себя на милость слушателя.

Леонардо да Винчи, 1452–1519

Толкование

Пока Кориолан не занялся политикой, имя его вызывало преклонение. Военные подвиги свидетельствовали о его незаурядном мужестве. Пока гражданам было известно о нем только немногое, с его именем связывали множество легенд. Однако, стоило ему предстать перед римлянами и высказать, что у него на уме, величие и тайна улетучились. Он шумел и бахвалился, как простой солдафон. Он злословил и оскорблял народ, словно чувствуя неуверенность и пытаясь самоутвердиться. Внезапно стало ясно, что он совсем не тот, кем его считали. Противоречие между легендой и реальностью глубоко разочаровало тех, кто обожал своего героя. Чем больше говорил Кориолан, тем более слабым он казался: тот, кто не контролирует своих слов, не владеет собой и недостоин уважения.

Если бы Кориолан меньше говорил, у людей не появилось бы повода для обиды на него, они никогда не узнали бы его истинных чувств. Он бы сохранил свою сильную ауру, был бы, без сомнения, избран консулом, а впоследствии смог бы претворить в жизнь свои антидемократические взгляды. Но человеческий язык — это зверь, которого способны укротить немногие. Он постоянно пытается выбраться из клетки, и, если его не укротить, он вырвется на волю и причинит немало бед. Те, кто расточает сокровища слов, не могут приумножить власть.

В 1944 году, в тяжелые для него дни, Майкл Арлен (киносценарист) приехал в Нью-Йорк. Чтобы как-то отвлечься от своих несчастий, он решил пойти в знаменитый ресторан «21». В вестибюле он столкнулся с Сэмом Голдуином, который дал ему какой-то ненужный совет — купить беговых лошадей. В баре Арлен встретил Луиса Б. Майера, старого знакомого, спросившего, каковы его планы на будущее. «Я сейчас говорил с Сэмом Голдуином...» — начал Арлен. «Сколько он вам предложил?» — перебил его Майер. «Недостаточно», — уклончиво ответил сценарист. «Устроит вас 15 тысяч за тридцать недель?» — спросил Майер. На сей раз Арлен не колебался. «Да», — был его ответ.

Клифтон Фадиман. «Коричневая книжечка анекдотов»

Соблюдение закона

При дворе Людовика XIV аристократы и министры проводили дни и ночи в дебатах о проблемах государства. Они совещались, спорили, заключали и расторгали союзы, снова спорили, пока не наставал решающий момент: избирались двое из их числа, чтобы представить мнения сторон самому Людовику, который должен быть принять окончательное решение. После того как двое были избраны, споры возобновлялись: как сформулировать доклады? что произведет на Людовика впечатление, а что ему не понравится? в какое время дня лучше обратиться к нему и какой уголок Версальского дворца избрать для этого? какое выражение должно быть на их лицах?

Когда наконец всё было решено, наступала важная минута. Два избранника приближались к Людовику — это само по себе требовало тонкости и деликатности — и, завладев его вниманием, заговаривали о своем деле подробно, приводя различные доводы.

Людовик выслушивал молча, сохраняя на лице загадочное выражение. Когда оба заканчивали говорить и ждали ответа короля, он, обращаясь к ним обоим, отвечал: «Я подумаю». С этими словами он удалялся.

Впоследствии ни министры, ни придворные больше не слышали от короля ни слова об интересующем их предмете — они просто видели результат, когда позже, порой спустя недели, король принимал

решение и действовал. Он никогда не утруждал себя повторными обсуждениями вопроса.

Толкование

Людовик XIV был очень немногословен. Ему принадлежит знаменитое: «Государство — это я». Трудно высказаться более лаконично и выразительно. Его печально известное: «Я подумаю» — очень короткая фраза, которой он отвечал на все запросы и обращения.

Не всегда Людовик был таким; в юности он любил поговорить, упиваясь собственным красноречием.

Позже он научился быть молчаливым, навязал себе эту маску, чтобы никому не дать вывести себя из равновесия. Никто не знал наверняка своего положения, никому не удавалось предсказать реакцию короля. Никому не удалось бы обмануть Людовика, нашептывая ему то, что он хочет услышать, ведь никто не знал, что он хотел слышать. Вынужденные подолгу высказываться перед хранящим молчание Людовиком, просители невольно все больше раскрывались перед ним, а это король впоследствии мог с успехом использовать против них.

Безответственные слова подданных часто имеют последствия более глубокие, чем лишь воспоминание о дурных поступках...

Младший граф Эссекс сказал королеве Елизавете, что ее характер так же искривлен, как и ее тело. Это стоило ему головы, причем он лишился ее не по причине своей мятежности, а именно из-за этого высказывания.

Сэр Уолтер Рейли, 1554–1618

Наконец, молчание Людовика помогало ему держать всех в страхе и подчинении. Это было одной из основ, на которых покоилось его могущество.

Сен-Симон писал: «Никто лучше его не знал цену своим словам, своей улыбке, даже вскользь брошенному взгляду. Всё в нем имело ценность, потому что он мог влиять на ход вещей, и его величие усугублялось его немногословием».

Одна из историй, которые часто рассказывают о Киссинджере... касается доклада, над которым работал лорд Уинстон. Представив доклад Киссинджеру, он вскоре получил его назад с замечанием: «Это лучшее, на что вы способны?» Лорд переделал и отредактировал доклад и наконец вновь представил его на рассмотрение. Работа вернулась с тем же коротким замечанием. Переделав его еще раз и снова получив тот же вопрос от Киссинджера, лорд взорвался: «Да, черт побери, это лучшее, на что я способен!» На что Киссинджер ответил: «Отлично, полагаю, на этот раз я его прочту».

Вальтер Айзексон. «Киссинджер», 1992

Еще более разрушительно для министра произносить глупости, нежели совершать их.

Кардинал де Рец, 1613—1679

Ключи к власти

Во многих отношениях власть — это игра внешнего, видимого; если вы говорите мало, неизбежно будете казаться крупнее и могущественнее, чем на самом деле. Ваше молчание заставит других занервничать. Человеческие существа предназначены для интерпретаций, толкований и объяснений; им необходимо знать, о чем вы думаете. Если вы тщательно следите за тем, что приоткрыть, им не удается проникнуть в ваши замыслы, понять, что вы собой представляете.

Ваше молчание и односложные ответы вынудят их занять оборонительную позицию, и они не выдержат, начнут заполнять паузы собственными высказываниями, выдавая свои секреты и слабости. Они покинут встречу с ощущением, что их обокрали, вспоминая каждое ваше слово по пути домой. Такое повышенное внимание к вашим кратким речам лишь прибавит вам власти.

Немногословие необходимо не только королям и государственным деятелям. Почти во всех случаях жизни чем меньше вы говорите, тем более глубоким и загадочным выглядите. Еще в молодости художник Энди Уорхол понял, что невозможно одними уговорами заставить людей поступать по-вашему. Они повернутся против вас, исказят ваши

желания, пойдут наперекор из чувства противоречия. Однажды он сказал другу: «Я понял, что, если помалкивать, можно добиться большей власти».

В своей жизни Уорхол с успехом применял этот принцип. Интервью, которые он давал, напоминали высказывания оракула: он произносил что-то пространное и неясное, а интервьюеру приходилось ломать голову, чтобы представить, что бы это значило, стараясь обнаружить какие-то глубины в этих, порой бессмысленных, фразах. Уорхол редко говорил о своих работах: он предоставлял право другим интерпретировать их. Он рассказывал, что научился этому у загадочного Марселя Дюшана, другого художника XX века, который рано понял, что чем меньше он говорит о своих работах, тем больше публика говорит о них. А чем больше о них говорят, тем выше становится их цена.

Урок, который можно извлечь: слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Следите за словами. Особенно осторожно выражайте сарказм: минутное удовлетворение, полученное от едких слов, может быть перечеркнуто ценой, которую вы за них заплатите.

Король (Людовик XIV) хранит полную секретность во всем, что касается государственных дел. Министры посещают заседания Совета, но он поверяет им свои планы лишь после того, как все обдумал и пришел к окончательному решению. Если бы вы могли видеть короля! Выражение его лица непроницаемо, его глаза напоминают лисьи. Он никогда не обсуждает дела государства ни с кем, кроме своих министров в Совете. Говоря с придворными, он касается исключительно их привилегий или обязанностей. Даже самые шутливые и легкомысленные его высказывания звучат как речения пророка.

> Прими Висконти. Цит. по кн. Луи Бертрана «Людовик XIV», 1928

Образ: Дельфийский оракул.

Когда к оракулу приходили за советом, жрицы роняли несколько загадочных слов, которые казались полными смысла и важности. Все

повиновались словам оракула — в них была власть над жизнью и смертью.

Авторитетное мнение

«Никогда не начинай шевелить губами и зубами, пока этим занимаются твои подчиненные. Чем дольше я храню молчание, тем скорее другие задвигают губами и зубами. Пока они двигают губами и зубами, я могу понять их истинные намерения... Если господин не загадочен, чиновники найдут возможность брать и брать».

Хань Фэй, китайский философ, III век до н. э.

Оборотная сторона

Порой случается и так, что безмолствовать неумно. Молчание может показаться странным, возбудить подозрения, особенно у тех, кто занимает более высокое положение; неясное, двусмысленное высказывание может быть истолковано самым неожиданным и нежелательным для вас образом. Молчание и многословие — приемы, которые следует применять аккуратно, осторожно и лишь в определенных ситуациях. Подчас разумнее бывает изображать шута горохового, который притворяется дурачком, но знает, что он умнее короля, — он болтает без умолку, развлекая господ, и никому в голову не приходит заподозрить, что шут-то не так уж и глуп.

К тому же слова порой могут служить своего рода дымовой завесой, маскируя любой ваш обман. Развлекая собеседников пустой болтовней, вы отвлекаете внимание, завораживаете их; чем больше вы разглагольствуете, тем скорее они теряют бдительность. Говорунов, как правило, не подозревают в хитрости и коварстве, они кажутся бесхитростными простачками.

Вот квинтэссенция оборотной стороны политики многословия, к которой прибегают сильные мира сего: болтовня и многословие помогают вам выглядеть слабее и глупее, и за этим прикрытием вы можете без всякого труда обманывать и добиваться своих целей.

Закон 05. Очень многое зависит от репутации. Береги ее ценой жизни

Формулировка закона

Репутация — краеугольный камень власти. С помощью репутации вы можете внушать страх и побеждать. Стоит, однако, ей пошатнуться, как вы становитесь уязвимым и подвергаетесь нападкам со всех сторон. Сделайте свою репутацию непоколебимой. Всегда бдительно ожидайте возможных атак и отражайте их, прежде чем будете атакованы. Учитесь выводить из строя врагов, находя бреши в их репутации. Затем отойдите в сторону и предоставьте общественному мнению расправляться с ними.

Соблюдение закона (1)

Во время войны между тремя царствами в Китае в 207—265 годах великий полководец Чуко Лан, стоявший во главе армии царства Шу, разместил свои многочисленные войска в отдаленном лагере, а сам с немногими солдатами расположился на отдых в небольшом городке.

Вдруг прибежали часовые с тревожной вестью о том, что приближаются вражеские силы — 150-тысячное войско под командованием Сыма Ю. При Чуко Лане было не больше сотни солдат, ситуация казалась безнадежной. Враги вот-вот должны были захватить знаменитого воина.

Лан не стал сетовать на горькую долю или терять время, представляя, как его захватят в плен. Он приказал солдатам приспустить знамена, открыть городские ворота и спрятаться. Сам же, облачившись в монашеский халат, уселся на самом видном месте на городской стене. Он раскурил благовония и запел, играя на лютне. Через несколько минут он увидел, как приближается громадная вражеская армия, бесконечные фаланги солдат. Делая вид, что не замечает их, он продолжал петь и играть на лютне.

Вскоре армия остановилась у городских ворот. Впереди был Сым Ю, который сразу же узнал человека на стене.

Несмотря на то что солдатам не терпелось ворваться в неохраняемый город через открытые ворота, Сым Ю заколебался,

сдерживая войско и поглядывая на Лана. Затем он приказал немедленно и спешно отступить.

Толкование

Чуко Лана прозвали Спящим Драконом. О его завоеваниях во время войны в эпоху Троецарствия слагались легенды. Как-то раз в его лагерь явился человек, назвавшийся перебежчиком, младшим офицером вражеской армии, и предложил помощь и ценные сведения. Лан сразу же понял, что это ловушка, дезертир не настоящий; он приказал обезглавить его. Но в последнюю минуту, когда топор был уже занесен, Лан предложил спасти шпиону жизнь в обмен на его согласие стать двойным агентом. Благодарный и перепуганный, тот согласился и стал передавать врагу дезинформацию. Лан выигрывал одно сражение за другим.

В другой раз Лан выкрал военную печать и изготовил фальшивые документы с приказом разместить вражеские войска в отдаленных пунктах. Рассеяв таким образом силы противника, он захватил три города и обеспечил себе сквозной проход через вражеское царство. Однажды он обманул врагов, заставив поверить, что их лучший военачальник — предатель, после чего тому пришлось бежать и присоединиться к Сыму Ю. Спящий Дракон тщательно культивировал свою репутацию умнейшего человека Китая, у которого всегда наготове фокус в рукаве. Эта репутация, не менее грозная, чем любое другое оружие, наводила ужас на врагов.

Сым Ю десятки раз сражался с Ланом и хорошо его знал. Увидев пустой город и Лана, сидящего на стене и поющего молитвы, он заподозрил неладное. Монашеский халат, пение, благовония — всё это походило на игру с целью запутать противника. Его заманивали в ловушку. Игра была столь очевидна, что у Сыма Ю возникло сомнение — что, если Лан на самом деле один и доведен до отчаяния? Но так велик был его страх перед Ланом, что он не решился рискнуть. Вот что значит власть репутации. Она может остановить целую армию и даже обратить ее в бегство без какого-либо оружия.

Ибо, как говорит Цицерон, даже восстающие против него (влечения к славе. — Пер.) стремятся к тому, чтобы книги, которые они на этот счет пишут, носили их имя, и хотят прославить себя тем,

что презрели славу. Все другое может стать общим; когда нужно, мы жертвуем для друзей и имуществом, и жизнью. Но уступить свою честь, подарить другому свою славу — такого обычно не увидишь.

Монтень, 1533–1592

Соблюдение закона (2)

В 1841 году молодой П. Барнум мечтал добиться признания его первым шоуменом Америки. Чтобы достичь славы, он решил приобрести Американский музей на Манхэттене и превратить его в коллекцию диковин. Однако у Барнума не было денег. Музей стоил 15 тысяч долларов, но Барнуму удалось составить заявку так, что она понравилась владельцам, несмотря на то что наличные заменяли десятки рекомендаций и поручительств. Уже имелась устная договоренность, но в последний момент основной партнер передумал, и музей с коллекцией был продан директорам другого музея, принадлежавшего мистеру Пилу. Барнум был разъярен, а партнер объяснил: бизнес есть бизнес, музей продали Пилу, потому что Пил известен в определенных кругах, а у Барнума такой известности нет.

Барнум оперативно принял решение. Не имея возможности поставить на кон собственную известность, он мог сделать только одно — разрушить репутацию Пила. Он организовал поток писем в газеты, где владельцев музея называли группой «вышедших в тираж банковских клерков», не имеющих представления о том, как правильно организовать работу музея и досуг людей. Читателей предостерегали от приобретения акций Пила, объясняя, что покупка второго музея должна была привести к уменьшению их стоимости. Кампания, проведенная Барнумом, возымела действие: акции упали в цене, репутация Пила и доверие к его финансовому положению были подорваны. Владельцы Американского музея пересмотрели свое решение и продали его Барнуму.

Пилу потребовались годы, чтобы оправиться от удара, и он всегда помнил о роли Барнума в своих бедах.

Мистер Пил лично решил предпринять атаку на Барнума, создав своему музею репутацию «интеллектуального, утонченного развлечения» и рекламируя его программы как более научные, чем у вульгарного конкурента. Одним из «научных» аттракционов Пила

были сеансы гипноза, собиравшие толпы зрителей и в течение долгого времени пользовавшиеся успехом.

Чтобы нанести ответный удар, Барнум в свою очередь организовал сеанс гипноза и сам погрузил в транс маленькую девочку. Когда она, казалось, глубоко заснула, Барнум попытался загипнотизировать зрителей, но, как он ни старался, никто из зрителей не поддавался его чарам. Зрители начали смеяться. Расстроенный Барнум наконец объявил, что желает доказать, что транс девочки настоящий, поэтому сейчас он отрежет ей палец, а она ничего не почувствует. Но, пока он точил нож, девчушка открыла глаза и удрала со сцены, к восторгу зрителей. Эту и другие пародии Барнум повторял довольно долго. Вскоре никто уже не воспринимал представления Пила всерьез, популярность пошла на спад. Через несколько недель шоу пришлось закрыть. В последующие годы за Барнумом закрепилась слава смелого, непревзойденного мастера зрелищ и представлений, которую он сохранил в течение всей жизни. Доброе имя Пила так и не удалось восстановить.

Толкование

Барнум применил два разных способа, чтобы погубить репутацию Пила. Первый был простым: Барнум посеял сомнения относительно стабильности и платежеспособности музея. Сомнение — мощное оружие. Стоит запустить несколько коварных слухов, и перед вашими соперниками встает неразрешимая дилемма. Они, конечно, могут опровергать слухи, могут даже доказать, что это вы их распускаете. Но сомнение все равно останется: что заставляет их так рьяно защищаться? Может, в слухах есть доля правды? Если же они решат проигнорировать сплетню, сомнения будут еще сильнее.

Если проделать все правильно, распространяемые слухи могут так разъярить и вывести из равновесия ваших соперников, что они неизбежно начнут совершать ошибку за ошибкой. Это оружие, однако, хорошо для тех, у кого нет устоявшейся репутации.

«Ах, помню:
Шел я мимо монастырского поля, —
Голод, случай, вкус иль бес меня толкнул, —
И сщипнул я, сколько сумел ухватить;

А по какому праву, честно говоря?»
На это — крик со всех сторон.
Волк с судейским пылом произносит речь,
Чтоб заклать богам эту проклятую тварь,
От которой пошло все зло.
Грешок объявлен преступленьем:
«Чужая трава! Чудовищно! Повесить его мало!
Только смерть — достойная ему казнь!»
И тут же он в этом убедился:
Кто слаб или кто силен —
Тот и по суду выйдет один черным, другой — белым.

Жан Лафонтен, 1621—1695

Когда Барнум стал известен, создал себе репутацию, он применил другой, более изящный способ — пародию на сеанс гипноза, — высмеяв своих соперников. И тоже с невероятным успехом. Если в обществе есть серьезные основания доверять вашему мнению, когда вы высмеиваете оппонентов, вы ставите их в оборонительную позицию, что только усиливает уважение к вам.

Чрезмерные издевательства и оскорбления не очень пригодны в этом случае — они непривлекательны и могут больше навредить вам, чем помочь. Но легкие подкалывания и насмешки предполагают, что у вас достаточно сильное ощущение собственной значимости, чтобы просто потешить себя доброй шуткой за счет соперника.

Склонность к юмору представит вас безобидным шутником, в то время как вы пробиваете брешь в репутации конкурента.

Легче справиться с нечистой совестью, чем с дурной репутацией.

Фридрих Ницше

Ключи к власти

Окружающие, даже близкие друзья, всегда в какой-то мере загадочны и непостижимы. В их характерах есть скрытые, укромные уголки, которые вам никогда не показывают. Непознаваемость других может вызывать раздражение, ведь, если вдуматься, она лишает нас

возможности объективно оценивать людей. Но мы предпочитаем, игнорируя этот факт, судить о людях по внешним признакам, по тому, что легче всего открывается нашему взгляду: одежда, жесты, слова, поступки. В социальной сфере внешний облик является барометром для всех наших оценок и суждений, и, значит, надо тщательно следить за тем, чтобы о вас не судили неверно. Один ложный шаг, одно подозрительное или непредвиденное изменение вашего облика могут быть гибельны. Вот почему крайне важно своими руками создать и самому поддерживать собственную репутацию.

Репутация защитит вас, не даст людям узнать, каков вы на самом деле, поможет в какой-то степени влиять на то, как мир судит о вас, — властная позиция для вас. Репутация обладает силой чародея: одним взмахом палочки она может удвоить вашу силу и отогнать преследователей. Выглядят ли одни и те же дела великолепными или ужасными, целиком и полностью зависит от репутации исполнителя.

В древнекитайском царстве Вэй был придворный по имени Ми Цуся, пользовавшийся репутацией человека необыкновенно деликатного и бескорыстного. Он стал фаворитом правителя. В царстве был закон, согласно которому тому, кто тайком проедется в карете правителя, отрубали ступни ног. И все же, когда мать Ми Цуся заболела, он воспользовался каретой господина, чтобы навестить ее, сделав вид, что получил на это разрешение. Когда правителю стало известно о проступке, он сказал: «Какой хороший сын Ми Цуся! Ради своей матери он пошел на преступление и был готов лишиться ног!»

В другой раз они вдвоем прогуливались по фруктовому саду. Ми Цуся ел персик и оставшуюся половину предложил правителю. Тот заметил: «Ты так сильно любишь меня, что забыл о вкусе своей слюны, предлагая мне доесть персик».

Однако позже придворные интриганы распустили слухи, что Ми Цуся завистлив и самовлюблен. Им удалось опорочить его доброе имя. Теперь его поступки виделись правителю в ином свете. «Этот малый однажды проехался в моей карете, притворившись, что делает это с моего ведома, — сердито говорил он, — а в другой раз осмелился предложить мне недоеденный им персик». За те же поступки, что вызывали восхищение правителя, когда Ми Цуся был фаворитом, теперь он должен был понести наказание. Отрубят ли ему ступни? Это полностью зависело от крепости его репутации.

Вначале вам следует поработать над репутацией обладателя одного какого-либо выдающегося качества, например или честности, или щедрости, а может, изворотливости. Это выделит вас и заставит других говорить о вас. Затем постарайтесь, чтобы о вашей репутации узнало как можно больше народа (не переусердствуйте: репутацию надо строить без спешки и на твердом основании), и наблюдайте, как она распространяется, словно лесной пожар.

Прочная репутация придаст вам солидность и дополнительную силу при относительно малых затратах энергии. Она подобна ауре, вызывающей уважение, а порой и страх. Германский генерал Эрвин Роммель, который сражался во время Второй мировой войны в Северной Африке, славился хитрыми и коварными маневрами, наводившими ужас на противника. Даже когда его группировки были уничтожены и британские танки превосходили его технику в соотношении пять к одному, целые города спешно эвакуировались при одном лишь слухе о его приближении.

Говорят, слава бежит впереди человека, и если это добрая слава, вызывающая уважение, значительная часть работы проделана еще до вашего выхода на сцену, хотя вы не успели проронить ни слова.

Ваш успех как бы предопределен прежними заслугами. В значительной мере успех челночной дипломатии Генри Киссинджера был основан на его известной способности сглаживать противоречия; никому не хотелось показаться таким твердолобым, что с ним даже Киссинджер не может договориться. Мирное соглашение казалось свершившимся фактом, если только в переговорах принимал участие Киссинджер.

Пусть ваша репутация будет базироваться на одном безукоризненном качестве. Это единственное качество — будь то работоспособность или обольстительность — становится чем-то вроде визитной карточки, с ее помощью вы подготавливаете свой выход, гипнотизируя окружающих. Репутация честного человека позволит вам применять всевозможные трюки и обманы. Казанова использовал свою репутацию соблазнителя, чтобы вымостить дорогу к новым завоеваниям: женщинам, которые прослышали о его победах, становилось интересно, им не терпелось самим проверить, в чем же секрет его невероятных любовных успехов.

Возможно, ваша репутация уже запятнана, в этом случае придется поработать над созданием новой. В таких случаях самое мудрое — объединиться с кем-то, чей имидж является противоположным вашему, и использовать его доброе имя для обеления и возвышения своего. Трудно, к примеру, самому избавиться от ярлыка нечестного человека, но образец честности может помочь. Когда П. Т. Барнум решил изменить мнение о себе как об устроителе низкопробных развлечений, он пригласил из Европы певицу Дженни Линд. Благодаря ее репутации звезды первой величины тур по Америке, спонсором которого выступил Барнум, немало облагородил и возвысил его собственный образ. Еще один пример: крупнейшим авторитетам преступного мира Америки XIX века долгое время не удавалось снять с себя обвинения в жестокости и злодействе. Только решение начать коллекционировать произведения искусства, так что имена Моргана и Фрика теперь постоянно звучали рядом с именами да Винчи и Рембрандта, помогло смягчению их неприглядного имиджа.

Репутация — сокровище, которое необходимо накапливать и хранить с особым тщанием. Особенно пока вы стоите в начале пути, защищайте свое имя всеми доступными способами, берегите от всех нападок. Укрепив позиции, научитесь не выходить из себя и не занимать оборонительную позицию в ответ на провокационные высказывания врагов — это свидетельствует о вашей неуверенности в собственной репутации. Вместо этого двигайтесь дальше и ни за что не показывайте слабости, даже если уже и не надеетесь, что удастся себя защитить. Однако помните, что атака на репутацию соперника является мощным оружием, особенно если он сильнее. В такой схватке он рискует многим, тогда как ваша собственная, пока еще неустоявшаяся, репутация представляет для него слишком незначительную мишень, когда он попытается открыть ответный огонь. Именно эту тактику Барнум с успехом применял в начале своего восхождения. Но ею следует пользоваться разумно: она не должна выглядеть мелочной местью. Если вам не удалось повредить репутации противника, ваша собственная неизбежно рухнет.

Знаменитый изобретатель Томас Эдисон считал, что любые механизмы могут работать с использованием постоянного тока. Когда сербский ученый Никола Тесла объявил, что ему удалось сконструировать механизм, работающий на переменном токе, Эдисона

это возмутило. Он решил растоптать репутацию Теслы. Для этого он собирался публично доказать, что машины, работающие на переменном токе, крайне опасны, и обвинить в этом Теслу. Эдисон подверг множество домашних животных смертельным ударам переменного тока. Этого показалось недостаточно, и в 1890 году он обратился к руководству государственной тюрьмы Нью-Йорка с предложением устроить показательную казнь преступника с использованием переменного тока. Но Эдисон экспериментировал лишь с мелкими животными. Он не рассчитал напряжение, и преступник получил электрошок, но не погиб. В государстве с жестокими законами о наказании (возможно, самыми жестокими в мире) казнь пришлось повторить. Это было ужасающее зрелище.

Хотя впоследствии репутация Эдисона была восстановлена, в тот момент она пострадала много больше, чем репутация Теслы. Не следует заходить слишком далеко в подобных атаках, ведь они привлекут внимание к вашей мстительности, а не к качествам того, на кого вы нападаете. Если ваша собственная репутация прочна, используйте более тонкие приемы, такие как сатиру и насмешки, что ослабит противника, а вас представит обаятельным остроумцем. Могучий лев поиграет с мышкой, которая перебежала ему дорогу, — любое иное поведение повредит его репутации грозного зверя.

Мор зверей

Беда, ввергающая в ужас,
Беда с разгневанного неба,
Разверзнутая в казнь прегрешеньями земли,
Короче молвить — смертный мор,
Чей каждый день — добыча для волн Ахерона,
Напал на звериное племя.
Умерли не все, но в страхе были все.
Было уже не до того,
Чтобы искать поживы на недолгие дни:
Никакая снедь не была мила,
Ни волк, ни лиса не гнались
За жертвою, вкусной и невинной;
Даже горлицы улетели прочь —
Не до любви им и не до радости.

Лев созвал совет. Он молвил: «Друзья мои,
Должно быть, за наши грехи
Небо ниспослало нам бедствие.
Так пусть же тот, кто грешнее всех,
Предаст себя в жертву Божьему гневу —
Может быть, этим он спасет остальных.
История учит, что в подобных несчастьях
Помогали такие обеты.
Пусть же каждый без лести заглянет себе в совесть!
Я сам признаюсь, что по алчности моей
Пожрал немало баранов.
А что они мне сделали? Ничего!
А порою случалось мне съесть
И пастуха.
О, я готов предать себя в жертву,
Но пусть скажут и другие, кто в чем виноват,
Ибо, по чести,
Кто грешнее, тому и смерть».
«Государь, — в ответ ему лиса, —
Вы слишком добры, чувствительны и совестливы.
Кушать баранов, эту пошлую чернь, —
Разве это грех? Вы над нами — сеньор
И вашими клыками лишь оказываете им честь.
Да и пастух,
Конечно, сам был виноват,
Что над всеми нами, зверями,
Он мнил себя повелителем».
Лиса умолкла, льстецы захлопали,
И после этого
Ни медведю, ни тигру, ни прочим князьям
Не поминали даже и непрощаемых обид:
Все драчливые твари, даже самые отпетые,
Получались как святые.
Вот доходит черед и до осла.

Образ: копи, полные алмазов и рубинов.

Вы откопали их, теперь вы богаты. Храните их любой ценой. Грабители и воры явятся со всех сторон. Не обольщайтесь, думая, что богатство дано вам раз и навсегда. Постоянно обновляйте сокровища — от времени они тускнеют и теряют цену.

Авторитетное мнение

«Вследствие этого я пожелал бы нашему придворному подкреплять свои врожденные достоинства сноровкой и хитростью и заручиться уверенностью, что, когда бы ему ни пришлось отправиться в края, где с ним незнакомы, его появление будет предварять его добрая слава... Ибо репутация, опирающаяся, как считают, на мнение многих, порождает твердую веру в заслуги человека, веру, которую впоследствии нетрудно укрепить в умах, уже надлежащим образом настроенных и подготовленных».

Бальдассарре Кастильоне, 1478–1529

Оборотная сторона

В этом случае она невозможна. Репутация важна при любых обстоятельствах, из этого закона нет исключений. Может быть, не придавая значения тому, что думают о вас другие, вы завоюете репутацию независимого и оригинального человека. Это тоже неплохой имидж — Оскар Уайльд пользовался им весьма успешно. Мы живем в обществе и неизбежно зависим от мнения других, так что, опорочив свое имя, нельзя добиться ничего хорошего. Не заботясь о своем образе, вы заставляете других решать за вас. Будьте хозяином своей судьбы — и своей репутации.

Закон 06. Завоевывай внимание любой ценой

Формулировка закона

Обо всем судят по внешнему облику. То, чего увидеть нельзя, не имеет ценности. Поэтому никогда не позволяйте себе затеряться в толпе или кануть в Лету. Выделяйтесь. Бросайтесь в глаза, чего бы это ни стоило. Притягивайте к себе как магнит, кажитесь крупнее, красочнее, загадочнее, чем множество скромных и вежливых людей вокруг.

Часть I

ОКРУЖИ СВОЕ ИМЯ СЕНСАЦИЯМИ И СКАНДАЛАМИ

Притягивайте к себе внимание, творя незабываемый, подчас противоречивый образ. Напрашивайтесь на скандалы. Идите на всё, чтобы выглядеть крупнее и сиять ярче всех окружающих. Не имеет значения, о внимании какого рода идет речь — любая шумиха принесет известность и власть. Пусть лучше вас подвергнут критике и нападкам, чем проигнорируют.

Соблюдение закона

П. Т. Барнум начинал свою деятельность в качестве помощника владельца цирка Аарона Тернера. В 1836 году цирк приехал в Аннаполис, городок в штате Мэриленд, чтобы дать там несколько представлений. В день начала выступлений Барнум с утра отправился на прогулку по городу, надев новый черный костюм. Ротозеи следовали за ним. Кто-то выкрикнул, что узнает преподобного Эфраима К. Эвери. Последний пользовался нехорошей славой: хотя недавно с него было снято обвинение в убийстве, большинство американцев все же считали его виновным. Разгневанная толпа разорвала на Барнуме костюм и готова была линчевать его. После безуспешных попыток объясниться Барнум призвал всех следовать за ним в цирк, где смогут удостоверить его личность.

В цирке старик Тернер подтвердил, что это был лишь розыгрыш — он сам и распространил слух о том, что Барнум — это Эвери. Толпа рассеялась, но Барнуму, которого чуть не убили, было не до смеха. Он хотел знать, что подвигло его хозяина сыграть с ним злую шутку. «Дорогой мой мистер Барнум, — ответил Тернер, — все это на пользу. Запомните, все, что нам нужно для успеха, — побольше шумихи». И правда, все в городе судачили о розыгрыше, а вечером цирк был полон, как и все вечера до конца их пребывания в Аннаполисе. Барнум получил урок, который помнил всю жизнь.

Творение, чтобы его сочли достойным для показа принцу, должно было представлять собой нечто особенное. Художник и сам мог также попытаться привлечь внимание двора, выделившись своим поведением. По мнению Вазари, Содома «был хорошо известен как своей эксцентричностью, так и репутацией хорошего живописца». Поскольку Папе Льву X «нравились такие странные, чудаковатые особы», он посвятил Содому в рыцари, что уже окончательно выбило художника из колеи. Ван Мандера удивляло, что результаты экспериментов Корнелиса Кетеля, пытавшегося писать картины ртом или ногами, пользовались спросом у самых знатных клиентов, а ведь Кетель лишь развивал подобные эксперименты Тициана, Уго да Карпи и Пальма Джоване, которые, по свидетельству Боскини, писали пальцами, «якобы имитируя метод, которым пользовался Верховный Творец». Ван Мандер сообщает, что Госсерт привлек внимание императора Карла V тем, что носил фантастичные наряды из бумаги. Поступая так, он воспроизвел тактику Динократа, который, чтобы добиться доступа к Александру Македонскому, появился перед ним в облике обнаженного Геракла.

Мартин Варнке. «Придворный художник», 1993

Первым собственным большим делом Барнума был Американский музей в Нью-Йорке — собрание курьезов и диковин. Однажды на улице к Барнуму обратился нищий. Вместо того чтобы подать милостыню, Барнум предложил ему заработать. Подойдя с нищим к музею, он дал ему пять кирпичей и объяснил, что нужно делать. Нищий должен был медленно пройти с ними круг, составляющий несколько кварталов. В определенных местах нужно было класть один кирпич на мостовую, а один держать в руке. На обратном пути он должен был заменять лежащий на тротуаре кирпич тем, который нес в руке. Во время «работы» ему следовало сохранять полную серьезность и не отвечать на вопросы. Вернувшись к музею, он должен был войти в здание, пройти по его залам, выйти через служебную дверь и повторить «работу» с кирпичами.

Первый же рейс привлек сотни людей, которые с недоумением оглядывались, видя загадочные манипуляции. На четвертом круге его уже окружали зеваки, обсуждающие, что же это он делает. Каждый раз, как он входил в музей, за ним следовали люди, готовые взять

входной билет, чтобы только не упустить чудака из виду. В музее их привлекали коллекции, так что некоторые задерживались в залах. К концу первого дня чудак с кирпичами привел за собой в музей около тысячи посетителей. Через несколько дней вмешалась полиция — ему приказали прекратить хождение, так как собираемые им толпы мешали уличному движению. Прогулки с кирпичами закончились, но тысячи жителей Нью-Йорка побывали в музее, и многие из них стали сторонниками Барнума.

На балконе, который выходил на улицу, Барнум расположил ансамбль музыкантов под громадным транспарантом: «Бесплатная музыка для миллионов». Какая щедрость, подумали жители Нью-Йорка, спеша послушать бесплатный концерт. Но Барнум потрудился нанять самых слабых музыкантов, и, как только ансамбль загремел, многие поспешили приобрести билеты в музей, чтобы укрыться в нем от резких звуков «музыки» и улюлюканья разочарованной толпы.

Одной из первых «диковин», с которой Барнум объехал всю страну, была Джойс Хет. Женщина утверждала, что ее возраст 161 год, и Барнум демонстрировал ее как бывшую няню Джорджа Вашингтона. После многих месяцев представлений толпы зрителей начали редеть, и Барнум разослал в газеты анонимное письмо, где говорилось, что «Джойс Хет — не человек, а автомат, изготовленный из китового уса, каучука и бесчисленных пружин». Те, кто до сих пор не удосужился взглянуть на старушку, немедленно заинтересовались, а те, кто уже видел ее, платили, чтобы решить, правдивы ли слухи, что это робот.

В 1842 году Барнум приобрел каркас, который должен был изображать русалку. Фигура напоминала обезьянку с рыбьим туловищем, но и голова, и тело были очень искусно сделаны. Барнуму удалось узнать, что чудо техники изготовлено в Японии и его демонстрация там произвела настоящую сенсацию.

Тем не менее Барнум разослал в газеты по всей стране информацию о том, что на островах Фиджи поймана живая русалка. Когда он выставил экспонат в музее, дебаты о возможности существования подобных мифических существ буквально охватили всю страну. До того как Барнум развернул газетную кампанию, никому и дела не было до русалок, теперь все с жаром обсуждали реальность их существования. Число посетителей достигло рекордной величины

в те дни, когда все устремились взглянуть на фиджийскую русалку и поспорить о том, настоящая ли она.

Через несколько лет Барнум объехал Европу с Генералом Мальчиком с пальчик, пятилетним карликом из Коннектикута. Барнум представлял его как одиннадцатилетнего английского мальчика. Он обучил его множеству удивительных трюков. В этом турне имя Барнума привлекало столько внимания, что сама королева Виктория, этот образец рассудительности, удостоила его и талантливого мальчика личной аудиенции в Букингемском дворце. Пусть английская пресса высмеивала Барнума — Виктория великодушно позволила развлечь себя и впоследствии всегда отзывалась о нем с уважением.

Если уж придворному случится участвовать в каком-то публичном зрелище, например рыцарском турнире... он должен быть уверен, что сбруя и попона его лошади великолепны и что сам он надлежащим образом подготовлен, с приличествующим девизом и хитроумными устройствами, чтобы приковать к себе внимание толпы так же прочно, как магнит притягивает железо.

Бальдассарре Кастильоне

Даже подвергаясь поруганию, я получаю свою долю славы.

Пьетро Аретино, 1492–1556

Толкование

Барнум усвоил основную истину о привлечении внимания: если все глаза смотрят на тебя, ты получаешь особые права. Для Барнума привлечь интерес означало собрать толпу. Он писал впоследствии: «У любой толпы подкладка из серебра». И толпа охотно позволяла втянуть себя в действо. Вот один любопытный остановился около человека с кирпичами, следом то же сделают уже многие. Они скапливаются, как кролики. Незаметный толчок — и они уже устремились в музей или смотрят ваше представление. Чтобы собрать толпу, нужно выдумать что-то необычное, странное. Подойдет любой курьез, любая диковина, потому что толпу как магнитом притягивает все удивительное и необъяснимое. Завладев вниманием людей,

не выпускайте его. Барнум охотно перенимал трюки конкурентов, если видел, что они приносят успех.

В начале вашего восхождения к высотам не жалейте сил, чтобы привлечь к себе внимание. Самое важное: в чем состоит внимание, не имеет значения. Не реагируя на разгромные отклики о его представлениях и мистификациях, Барнум никогда не жаловался. Если какой-то газетчик особенно злобно поливал его грязью, он приглашал того на премьеру и предоставлял лучшее место. Порой Барнум мог и сам анонимно раскритиковать в прессе собственную работу, лишь бы его имя не исчезало с газетных полос. С точки зрения Барнума, внимание — не имеет значения, позитивное или негативное, — было основной составляющей его успеха. Самый жалкий удел для человека, который жаждет известности, славы и, конечно, власти, — оставаться в забвении.

Оса и принц

Оса по имени Острохвостая давно мечтала прославиться. Однажды она явилась в королевский дворец и ужалила маленького принца, который спал в своей кроватке. Принц проснулся и громко заплакал. Король и придворные в тревоге поспешили к нему. Принц кричал, а оса жалила его снова и снова. Придворные старались поймать осу, но каждый из них получил по укусу. На крики сбежался весь королевский двор, новость быстро распространилась, и ко дворцу стали стекаться зеваки. Город волновался, все дела встали. Оса, удаляясь на отдых после своих трудов, заметила: «Имя без славы подобно пожару без пламени. Нет ничего важнее, чем добиться известности любой ценой».

Индийская басня

Ключи к власти

Сверкать ярче, чем окружающие, — это умение, с которым никто не рождается на свет. Вам предстоит учиться тому, как привлекать внимание «так же прочно, как магнит притягивает железо». В начале вашей карьеры вы должны связать свое имя и репутацию с тем, что выделит вас из ряда других людей, например с характерным стилем в одежде, какой-нибудь особенностью, вывертом, который покажется

забавным и заставит говорить о вас. Как только образ закрепится, вы станете индивидуальностью, у вашей звезды появится место на небосклоне.

Распространенное заблуждение считать, что этот, свойственный лишь вам облик не должен быть противоречивым и что быть предметом нападок почему-то плохо. Трудно представить что-либо более далекое от истины. Чтобы избежать осечки и чтобы вашу известность не затмил другой, вы не должны отказываться от одного рода внимания к вам в пользу другого. В конечном счете любое внимание пойдет вам на пользу. Барнум, как мы видели, радовался всякой нападке на него и не ощущал потребности защищаться. Он добровольно надел на себя маску обманщика.

Двор Людовика XIV изобиловал талантливыми писателями, художниками, красавицами, а также мужчинами и женщинами непогрешимых добродетелей, но ни о ком из них столько не говорили, сколько о герцоге Лозаннском. Герцог был мал ростом, почти карлик, и поведение его отличалось крайней дерзостью — он спал с королевской фавориткой и открыто оскорблял не только придворных, но и самого короля. Людовика, однако, так развлекала эксцентричность герцога, что он с трудом выносил отлучки последнего. Это объяснялось просто: странности несносного характера герцога привлекали внимание. После того как его очарование действовало на окружающих, им хотелось общаться с ним во что бы то ни стало.

Общество нуждается в ярких личностях, возвышающихся над серостью и посредственностью. Поэтому не стесняйтесь качеств, выделяющих вас из толпы, привлекающих к вам внимание. Не избегайте стычек, даже скандала. Лучше нападки, даже клевета, чем забвение. Этот закон действителен для всех профессий, а каждый профессионал должен быть в душе немного шоуменом.

Великий ученый Томас Эдисон понимал: чтобы добывать деньги, необходимо любой ценой постоянно быть на виду. Тому, как представить изобретения публике, как привлечь общественное внимание, он придавал почти такое же значение, как самим изобретениям.

Эдисон ставил эффектные опыты, чтобы продемонстрировать свои открытия в области электричества. Он рассказывал об изобретениях

будущего, которые казались фантастикой, — о роботах, о машинах, способных сфотографировать мысль, — не потому что собирался тратить силы на работу над ними, но чтобы заставить публику говорить о себе. Он делал все, чтобы быть в центре внимания больше, чем его великий соперник Никола Тесла. Тот, возможно, в действительности был талантливее Эдисона, но имя его оставалось в тени. В 1915 году стали поговаривать, что Эдисон и Тесла будут совместно удостоены звания лауреатов Нобелевской премии в области физики. На самом деле премия была вручена двум английским физикам. Только впоследствии стало известно, что Нобелевский комитет сначала действительно остановился на кандидатурах Теслы и Эдисона, но последний отказался разделить премию с Теслой. К тому времени он, в отличие от Теслы, уже пользовался надежной известностью и предпочел отклонить высокую честь, но не позволить прозвучать имени соперника.

Если вы занимаете невысокое положение и оно не дает особых шансов привлечь к себе внимание, эффективным приемом станет атака на самую заметную, самую сильную, самую знаменитую личность, до какой только вы сможете «дотянуться».

Когда в начале XVI столетия Пьетро Аретино, который в юности был всего лишь учеником печатника в Риме, захотел привлечь к себе внимание как к сочинителю стихов, он решил опубликовать серию сатирических стихотворений, высмеивающих папу Римского и его привязанность к ручному слону. Это нападение немедленно принесло Аретино известность. Клеветнические нападки на сильных мира сего обычно имеют сходный эффект. Но помните, что этим приемом не следует злоупотреблять после того, как вы уже стали объектом общественного внимания, — это может привести к обратному результату.

Оказавшись на виду, вы можете поддерживать интерес к себе, варьируя и приспосабливая к обстоятельствам свой метод привлечения внимания. Если этого не делать, публике станет скучно и она перенесет свой интерес на другой объект. Игра требует постоянной бдительности и творческого подхода.

Пабло Пикассо никогда не позволял себе слиться с фоном. Когда его имя начинали привычно связывать с каким-либо определенным стилем, он поражал публику серией новых неожиданных работ. Лучше

вывести из равновесия безобразным творением, думал он, чем позволить зрителям слишком привыкнуть к моему стилю. Следует понимать: люди испытывают чувство превосходства по отношению к тем, чьи действия могут предсказать. Если вы покажете им, кто находится на высоте положения, играя против их ожиданий, вы разом добьетесь уважения и станете объектом еще более пристального внимания.

Образ: свет рампы.

Актер, вступающий в этот сверкающий круг, достигает высот существования. Все смотрят на него. Узкий луч софита может осветить только одного. Делай что можешь, чтобы удержать его на себе. Будь забавным, нелепым или скандальным, лишь бы луч остановился на тебе, оставив других актеров в тени.

Авторитетное мнение

«Показывай себя, будь на виду... То, чего не видят, как бы не существует... Именно свет явился первопричиной, благодаря которой воссияло все творение. Демонстрация заполняет многие пробелы, прикрывает недостатки и дает всему вторую жизнь, особенно в том случае, если она подкреплена истинными достоинствами».

Бальтазар Грациан

Часть II

СОЗДАВАЙ ОРЕОЛ ТАИНСТВЕННОСТИ

В банальном и скучном мире то, что кажется загадочным, притягивает. Никогда не объясняйте слишком четко, что вы делаете или намерены сделать. Не раскрывайте все карты. Атмосфера таинственности возвысит вас. Она породит ожидание — все будут, не отрываясь, смотреть на вас, чтобы увидеть, что же произойдет. Используйте тайну, чтобы обманывать, соблазнять и даже устрашать.

Соблюдение закона

В 1905 году по Парижу поползли слухи о юной восточной женщине, которая танцевала в некоем частном доме, постепенно сбрасывая окутывавшие ее вуали. Журналист, видевший ее танец, писал: «Блистая драгоценностями и благоухая ароматами, женщина с Востока явилась в Европу, чтобы привнести толику восточной роскоши и цвета в пресыщенную жизнь европейских городов». Вскоре всем стало известно имя танцовщицы: Мата Хари.

В начале того года, зимой, небольшая избранная аудитория собиралась в салоне, обставленном индийскими статуями и другими редкостями. Оркестр исполнял произведения, навеянные индийскими и японскими мотивами. Заставляя зрителей ждать и строить догадки, Мата Хари неожиданно появлялась в сверкающем костюме: короткая белая кофточка из хлопка была украшена в индийском стиле драгоценными камнями; обручи на талии, также все в камнях, поддерживали саронг, который не столько скрывал, сколько обнажал ее тело; руки снизу доверху украшали браслеты. Мата Хари начинала танец в стиле, какого никто в Париже до тех пор не видел, извиваясь всем телом, точно в трансе. Она говорила возбужденным и захваченным зрителям, что ее танцы — это рассказы, передающие содержание индийских мифов и сказок Японии. В скором времени столпы парижского общества, а также послы из далеких стран с боем

добивались приглашения в тот салон, где, по слухам, Мата Хари танцевала ритуальные танцы обнаженной.

Публике хотелось знать о ней больше. Танцовщица рассказала журналистам, что по происхождению она голландка, но выросла на острове Ява. Рассказала она и о времени, проведенном ею в Индии, где она и обучилась обрядовым индуистским танцам, и о том, что индийские женщины «умеют метко стрелять, скакать верхом, вычислять логарифмы и беседовать на философские темы». К лету 1905 года, хотя лишь немногие парижане видели танцы Маты Хари, ее имя было у всех на устах.

По мере того как Мата Хари давала все новые интервью, история ее жизни менялась: росла в Индии, ее бабушка была дочерью яванской принцессы, жила на острове Суматра, где проводила дни «скача верхом на коне, с ружьем в руке и рискуя своей жизнью». Никто не знал ничего определенного, но газетчиков не смущали разночтения в ее биографии. Они сравнивали ее с индийским божеством, созданием, сошедшим со страниц Бодлера. Их воображение подсказывало все новые образы для сравнений с этой таинственной гостьей с Востока.

В августе 1905 года Мата Хари впервые выступила перед широкой аудиторией. Толпы, сгоравшие от нетерпения увидеть ее в вечер премьеры, устроили волнения. Теперь она стала культовой фигурой, породившей множество подражаний. Одна газета писала: «Мата Хари — воплощенная поэзия Индии, ее мистицизм, чувственность, гипнотическое очарование». Другая замечала: «Если Индия богата такими сокровищами, все французы скоро переберутся на берега Ганга».

Скоро слава Маты Хари и ее ритуальных индийских танцев вышла за пределы Парижа. Ее приглашали в Берлин, Вену, Милан. В течение нескольких лет она гастролировала по Европе, вращаясь в высших кругах и получая баснословные гонорары, дававшие ей независимость, которой редко пользовались женщины той эпохи. Затем, незадолго до конца Первой мировой войны, она была арестована во Франции. Ее допросили, предъявили обвинение и судили как германскую шпионку. Только на суде всплыла правда: Мата Хари приехала не с Явы и не из Индии, не росла в Азии, в ее жилах не текло ни капли восточной

крови. Ее настоящее имя было Маргарета Зелле, и родом она была из небольшого северного городка Фрисланд в Голландии.

Толкование

Когда Маргарета Зелле прибыла в Париж в 1904 году, в ее кармане лежало полфранка. Она была одной из тысяч миловидных девушек, стекавшихся в Париж каждый год, чтобы найти работу натурщиц, танцовщиц в ночном клубе или статисток в «Фоли Бержер». Через несколько лет, когда их неизбежно заменяли более юные девушки, им оставалось оканчивать дни на панели или возвращаться домой постаревшими и раскаявшимися.

Зелле имела более высокие амбиции. Она не умела танцевать и никогда не работала в театре, но в детстве путешествовала с семьей, и ей приходилось видеть танцы жителей Явы и Суматры. Зелле прекрасно понимала, что в ее плане важны были не сами по себе танцы, не лицо или фигура, а то, удастся ли ей окутать себя ореолом тайны. Тайна, которую она создала, заключалась не в ее танце, костюмах, не в историях, ею рассказанных, не в бесконечной лжи о ее происхождении: эта тайна заключалась в атмосфере, окружавшей Мату Хари и все ее поступки. О ней ничего не было известно наверняка. Она постоянно менялась, удивляя своих почитателей новыми нарядами, новыми танцами, новыми рассказами. Эта таинственность притягивала публику, та жаждала узнать больше, ожидая следующего хода. Мата Хари была не красивее, чем большинство приезжающих в Париж девушек, она не так уж хорошо танцевала. Ее загадка выделяла ее из массы, привлекала и удерживала внимание зрителей, давала ей славу и богатство. Люди без ума от тайн. Постоянно требуя усилий для разгадывания, тайны никогда не надоедают. Загадочное не удается схватить. А то, что нельзя измерить и употребить, порождает власть.

Ключи к власти

В древности мир был наполнен ужасным и непознаваемым — болезни, катастрофы, капризные деспоты, тайна смерти. То, что не удавалось понять, люди переосмысливали в мифах. Спустя века, однако, с помощью науки и здравого смысла удалось осветить мрак. То, что прежде было загадочным и запретным, теперь стало понятным

и привычным. Но за это пришлось платить: в мире, ныне банальном, лишенном загадок и мифов, мы втайне мечтаем о непознаваемом, о людях или вещах, которые невозможно до конца объяснить, измерить, использовать.

Это власть таинственного: оно побуждает строить всё новые загадки, тревожит воображение, заставляет нас верить, что за ним скрывается нечто волшебное. Мир стал таким обыденным, а его обитатели столь предсказуемы! Поэтому, если окутать что-либо покровом тайны, это почти наверняка попадет в центр освещенного прожектором круга и заставит нас разглядывать его.

Не воображайте, что для того, чтобы создать атмосферу таинственности, нужно быть величественным и внушать обожание. Тайна утонченная и трудноотличимая, сплетающаяся из событий вашей повседневной жизни, поражает и привлекает гораздо сильнее. Помните: большинство людей открыты, их можно читать как книгу, они мало заботятся о контроле над своими словами и обликом, они безнадежно предсказуемы. Будьте на заднем плане, меньше говорите, порой вставляя двусмысленные фразы, обдуманно кажитесь непоследовательным, позволяйте себе еле уловимые странности — и вокруг вас появится ореол таинственности. Окружающие затем усилят этот ореол, постоянно пытаясь трактовать вас.

Как художники, так и мошенники понимают: для того чтобы привлекать интерес, необходима таинственность. Граф Виктор Люстиг, аристократ среди жуликов, блестяще овладел этой игрой. Он всегда совершал необычные поступки, порой они казались лишенными смысла. Он подъезжал к фешенебельным отелям в лимузине с шофером-японцем. Никому до этого не приходилось видеть японца шофера, это казалось экзотическим и странным. Люстиг носил самую дорогую одежду, но непременно какая-либо деталь — медаль, цветок, нарукавная повязка — находилась, мягко говоря, не на месте. Это казалось не столько безвкусным, сколько эксцентричным и интригующим.

В отелях можно было видеть, как он без конца получает сообщения одно за другим — их приносил ему японец шофер. Он разрывал записки с выражением крайнего негодования. (На самом деле это были чистые листы бумаги.) Люстиг сидел один в гостиной, читал большую, внушительного вида книгу, улыбаясь людям, но не вступая в общение.

Через несколько дней, естественно, все обитатели отеля сгорали от желания узнать что-нибудь об этом странном человеке.

Вот это внимание помогало Люстигу обводить простаков вокруг пальца. Они прямо-таки требовали его внимания и общества. Каждый хотел, чтобы его видели в компании с загадочным аристократом. Одурманенные этим образом, слепцы и не замечали, как их грабят.

Атмосферу тайны посредственность может использовать для того, чтобы казаться умнее и глубже. Это помогло Мате Хари, женщине с рядовой внешностью и невыдающимся интеллектом, походить на богиню, а ее танцам казаться божественными. Тайна, окружающая художника, делает его произведения более интересными — трюк, который с успехом применял Марсель Дюшан. Это очень просто: поменьше говори о своей работе, шути и заигрывай, давая забавные, порой противоречивые комментарии, а потом предоставь другим извлекать из всего этого смысл.

Люди загадочные ставят других в положение ниже себя, так как другие пытаются их понять. Любители загадочного ореола стараются всё окружать неопределенностью и неизвестностью. Мао Цзэдун, к примеру, умело поддерживал загадочный имидж: ему не приходилось прилагать стараний, чтобы выглядеть непоследовательным или противоречивым, — противоречивость самих его поступков и слов означала, что он всегда на высоте положения. Всем, даже его жене, казалось, что Мао невозможно понять, и это придавало ему величия. Это также означало, что общественность всегда сохраняла интерес к нему, с беспокойством ожидая следующего шага.

Если общественное положение не позволяет вам полностью скрывать ваши действия, следует по крайней мере научиться быть менее открытым. Время от времени совершайте поступки, не соответствующие тому, чего ждут от вас люди. Так вам удастся держать их в напряжении и привлекать к себе внимание, что сделает вас сильнее. Загадка, если правильно поработать над ее созданием, может вызвать интерес такого сорта, что наведет ужас на ваших врагов.

Во время 2-й Пунической войны (219–202 годы до н. э.) великий карфагенский полководец Ганнибал опустошал и разрушал всё на своем пути к Риму. Ганнибал был известен умом и двуличностью. Под

его командованием армия Карфагена, уступавшая римской по численности, превосходила ее стратегически и тактически. Но вот однажды разведчики Ганнибала, допустив грубейшую ошибку, завели войско в болотистую местность, так что позади у них оказалось море. Римское войско перекрыло единственный проход через горы в глубь материка, и Фабий, полководец римлян, торжествовал — он заманил в ловушку самого Ганнибала! Расставив посты, он обдумывал план победоносного сражения.

Но глубокой ночью караульные увидели внизу нечто непонятное: к горе направлялась громадная вереница огней. Тысячи и тысячи огней. Если это была армия Ганнибала, то она выросла в сотни раз. Часовые горячо спорили о том, что это могло означать: подкрепление с моря? войско, которое пряталось в засаде? призраки?

Тем временем огни рассыпались по всей горе, снизу доносился ужасный шум, словно там трубили миллионы рогов. Это демоны, решили часовые. Самые умные и храбрые в римской армии караульные в панике покинули свои посты.

На другой день Ганнибала на болоте не оказалось. В чем же состояла его уловка? Не призвал же он и впрямь демонов на помощь? На самом деле он приказал привязать пучки веток к рогам тысячного стада быков, которые шли в обозе его армии и использовались для жертвоприношений. Когда ветки подожгли, возникло впечатление, что гору окружает несметное войско. Как только огонь стал обжигать кожу животных, те разбежались во все стороны с диким мычанием, так что огни стали распространяться по склонам горы. Успех этого приема, однако, не в самих по себе огнях или шуме, а в неразрешимой задаче, поставленной Ганнибалом перед врагом, — загадка захватила внимание часовых, привела их в ужас и обратила в бегство.

Если вас загнали в угол, поймали в ловушку, если приходится обороняться, поставьте простой эксперимент: совершите нечто, что нельзя легко понять или истолковать. Пусть это будет обычный поступок, но обставленный так, чтобы сбить с толку ваших недругов, — допускающий множество толкований, делающий неясными ваши намерения. Недостаточно быть просто непредсказуемым (хотя и эта тактика может принести успех — см. закон 17). Подобно Ганнибалу, поставьте спектакль, не поддающийся пониманию. Пусть в вашем действе не будет системы, метода,

причины — никакого объяснения. Если у вас получится, вы будете внушать страх и трепет, и караульные сбегут со своих постов. Назовем это «тактикой безумного Гамлета», ведь герой Шекспира использовал ее очень успешно, пугая своего отчима Клавдия непонятным поведением. У страха глаза велики; благодаря загадке ваши войска будут казаться более многочисленными, а ваша власть — более устрашающей.

Образ: танец с вуалями.

Вуали окутывают танцовщицу. То, что они приоткрывают, вызывает волнение. То, что под ними скрывается, возбуждает интерес. Квинтэссенция тайны.

Авторитетное мнение

«Не открываясь сразу, ты делаешь ожидание более напряженным... Подмешивай во все чуть-чуть тайны, и это само собой породит благоговение. Давая объяснения, не будь чересчур определенным... Так ты подражаешь путям божественным, заставляя людей теряться в догадках и ждать».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

В начале восхождения вам необходимо привлечь к себе внимание любой ценой, но по мере подъема следует постоянно адаптироваться к изменениям. Не применяйте подолгу один и тот же прием. Атмосфера таинственности очень хороша для того, кто работает над созданием ауры власти и хочет стать заметным, но при этом выглядеть сдержанным. Мата Хари зашла слишком далеко в своих вымыслах. Обвинение ее в шпионаже, хотя было фальшивкой, выглядело разумным и обоснованным, поскольку из-за постоянной лжи она стала казаться подозрительной и бесчестной. Не допускайте, чтобы окружающая вас таинственная дымка постепенно трансформировалась в репутацию лжеца. Загадки должны выглядеть наполовину игрой, забавной и неопасной. Не заходите слишком далеко и умейте отыграть назад.

Бывают времена, когда лучше не оказываться в центре общественного внимания, тогда скандалы и шумиха нужны менее всего. Внимание к вам не должно задевать сильных мира сего или соперничать с их репутацией. Вы только проиграете от сравнения. Это целое искусство — знать, когда бороться за внимание, а когда уйти в тень.

Лола Монтес в совершенстве владела искусством привлекать внимание. Она была родом из маленького городка, ей удалось переломить судьбу, стать любовницей Ференца Листа, а затем — фавориткой и политическим советником короля Людвига Баварского. В зрелом возрасте она потеряла чувство меры.

В 1850 году весь Лондон ожидал премьеры шекспировского «Макбета» с величайшим актером того времени Чарльзом Джоном Кином. Вся английская элита должна была быть на спектакле. Поговаривали даже, что королева Виктория и принц Альберт предстанут перед публикой. Обычай того времени требовал, чтобы к моменту прибытия королевы все уже заняли свои места. Поэтому зрители собрались пораньше, и, когда королева вошла в свою ложу, все встали и встретили ее аплодисментами. Королевская чета, немного выждав, ответила поклоном. Все сели, погас свет. Вдруг глаза всех присутствующих обратились к ложе, расположенной против королевской: из тени вышла женщина и уселась на кресло после королевы! Это была Лола Монтес. Ее темные волосы украшала бриллиантовая диадема, на плечах было длинное меховое манто. Зрители перешептывались в изумлении, глядя, как мантия из горностая была сброшена, открыв низко декольтированное платье из пунцового бархата. Публика заметила, что королевская чета избегает смотреть в сторону ложи Лолы. Мало-помалу остальные последовали примеру королевы, и до конца вечера Лолу Монтес игнорировали. После спектакля более никто в свете не решался приглашать ее. Магнетизм ее обаяния обратился против нее. Ее взгляда избегали. В Англии у нее больше не было будущего.

Никогда не проявляйте излишнего рвения в стремлении завладеть вниманием — подобная жадность свидетельствует о вашей неуверенности. Следует понимать, что не всегда в ваших интересах становиться центром внимания — например, в присутствии короля,

королевы или кого-то равного им. Кланяйтесь и держитесь в тени, не вступая в состязание.

Закон 07. Заставь других работать на себя и пользуйся результатами

Формулировка закона

Используйте ум, знания и беготню других людей для продвижения собственных дел. Такая помощь не только сэкономит ваши ценные силы и время, но и придаст вам божественный ореол преуспевающего человека. Ваши помощники будут забыты, вас же запомнят. Никогда не делайте сами того, что могут сделать для вас другие.

Нарушение и соблюдение закона

В 1883 году молодой ученый Никола Тесла, серб по национальности, трудился в европейском отделении Континентальной компании Эдисона. Он был блестящим изобретателем, и Чарльз Бэчелор, менеджер предприятия и личный друг Эдисона, убеждал его попытать счастья в Америке, предложив написать рекомендательное письмо к самому Эдисону. Так началась для Теслы жизнь, до самого конца полная горестей и несчастий.

Когда Тесла представился Эдисону в Нью-Йорке, знаменитый изобретатель сразу взял его на работу. Тесла искал способы улучшить примитивные динамо-машины Эдисона. Наконец он предложил полностью переделать их конструкцию. Эдисону это показалось огромной работой, которая не будет выполнена и спустя годы, но он ответил: «Вы получите 50 тысяч долларов, если сможете это сделать».

Тесла трудился над проектом днем и ночью и уже через год представил значительно улучшенную модель динамо-машины с полностью автоматизированным управлением. Он пришел к Эдисону, чтобы разделить с ним радость и получить свои 50 тысяч. Тот одобрил улучшения, но, когда дело дошло до денег, сказал молодому сербу: «Тесла, вы не понимаете американского юмора!» — и взамен предложил скромную премию.

Навязчивой идеей Теслы было создание механизма, использующего переменный ток. Эдисон же верил лишь в постоянный ток и не только отказался поддержать исследования Теслы, но и делал все возможное, чтобы саботировать их. Тесла обратился к крупному магнату из

Питтсбурга, Джорджу Вестингаузу, открывшему собственную электрическую компанию. Вестингауз полностью оплатил исследования Теслы и предложил ему очень выгодное соглашение на будущее с высоким авторским вознаграждением. (Разработанные Теслой все системы переменного тока и в наши дни используются как основные.) Но после того, как были оформлены патенты на имя Теслы, нашлись ученые, которые воспользовались его изобретением, утверждая, что они выполнили для него основную работу. Имя Теслы затерялось в неразберихе, публика даже приписывала изобретение самому Вестингаузу.

Через год стало известно о переговорах Вестингауза с Дж. Пирпонтом Морганом о перекупке предприятия. Условием Моргана была ликвидация контракта с Теслой. Вестингауз объяснил ученому, что компания разорилась бы, если бы ему пришлось выплатить все гонорары в соответствии с соглашением. Он предложил Тесле выкупить его патенты за 216 тысяч долларов — большая сумма, однако не сравнимая с двенадцатью миллионами, которые компания была должна ему в то время. Финансисты лишили Теслу денег, патентов и в значительной мере признания авторства в отношении главного изобретения его жизни.

Имя Гильельмо Маркони навсегда связано с изобретением радио. Но немногим известно, что в процессе работы (Маркони передал сигнал через Ла-Манш в 1899 году) он опирался на результаты исследований Теслы, запатентованные в 1897 году. И опять Тесла не получил ни денег, ни признания. Тесла изобрел не только энергетическую систему переменного тока, но и индукционный двигатель, на деле именно он является «отцом радио». Однако все его изобретения не смогли принести ему известности.

В 1917 году, когда, став стариком, он доживал дни в крайней бедности, Тесла узнал, что ему присуждена Эдисоновская медаль Американского института инженеров-электриков. Он отказался получить ее. «Вы хотите, — сказал он, — почтить меня медалью, чтобы я приколол ее на лацкан и впустую позировал в течение часа перед сотрудниками вашего института. Вы бы украсили мой пиджак, но по-прежнему морите голодом мой ум, не в силах отдать должного ему и его творениям, благодаря которым в значительной степени возник и существует ваш институт».

Если охотник полагается на надежность своей колесницы, использует ноги шести коней и заставляет Ван Ляна направлять поводья, тогда он сам не утомится и ему не составит труда ловить быстрых животных. Теперь предположим, что он не пользуется преимуществами своей колесницы, отказывается от применения конских ног и навыков Ван Ляна и спешивается, чтобы самому гоняться за животными. В этом случае, даже если ноги его так же быстры, как у Лю Чи, он не будет поспевать за добычей. А ведь если пользоваться хорошими конями и крепкими колесницами, то даже раб или рабыня будут в состоянии ловить животных.

Хань Фэй, китайский философ, III век до н. э.

Толкование

Многие думают, что ученые, имеющие дело с объективными фактами, стоят выше мелочного соперничества, которое портит жизнь остальной части человечества. Никола Тесла также разделял эту иллюзию. Он верил, что наука не имеет ничего общего с политикой, заявлял, что его не заботят богатство и слава. Со временем, однако, это разрушило его научную работу. Его имя не ассоциировали ни с каким выдающимся изобретением, поэтому он не мог привлечь спонсоров к своим исследованиям. Раздумывая над великими будущими изобретениями, он не уследил, как другие разворовали его патенты и присвоили его славу.

Он хотел все сделать самостоятельно, но в результате умер в нищете.

Эдисон был полной противоположностью Теслы. Он был, пожалуй, не столь ярким мыслителем и изобретателем. Однажды он сказал, что ему самому необязательно быть математиком, если того можно нанять. Это был основной метод Эдисона. На самом деле он был деловым человеком и умел подать себя, чутко угадывая веяния и тенденции, а затем нанимая для работы лучших специалистов в той или иной области. Если у него была возможность обокрасть конкурентов, он это делал. Однако его имя известно лучше, чем имя Теслы, и с ним связывают большее число изобретений.

Урок двоякий: во-первых, признание заслуг за изобретение или открытие не менее, если не более, важно, чем само изобретение. Вы должны обеспечить свои права на изобретение и позаботиться, чтобы его у вас не украли и не воспользовались плодами ваших тяжких трудов. Для этого следует быть бдительным и безжалостным, помалкивать о своем творении, пока вы не будете уверены, что над ним не кружат стервятники. Во-вторых, научитесь извлекать выгоду из трудов других людей для продвижения собственных интересов. Время бесценно, а жизнь коротка. Пытаясь делать все самостоятельно, вы преждевременно выдохнетесь, растратите свою жизненную энергию. Намного лучше беречь свои силы, пользуясь промахами других, хватать наработанное ими и находить способ присваивать себе их достижения.

Черепаха, слон и бегемот

Однажды, встретив черепаху, Слон протрубил: «Прочь с дороги, слабое существо, я могу наступить на тебя!» Черепаха не испугалась и осталась на месте, так что Слон на нее наступил, но не смог раздавить. «Не хвались, господин Слон, ведь я такая же сильная, как ты», — сказала Черепаха, но Слон только расхохотался. Тогда Черепаха предложила ему встретиться на холме на следующее утро.

Назавтра, пока не встало солнце, Черепаха спустилась с холма к реке, где встретила Бегемота, — тот как раз направлялся в воду. «Господин Бегемот, не помериться ли нам силой? Могу поспорить, что не уступлю вам», — сказала Черепаха. Бегемоту показалась забавной такая нелепая выдумка, но он согласился.

Черепаха велела Бегемоту держать в пасти конец длинной веревки, пока она не крикнет «Эй!». Затем Черепаха поторопилась на холм, где ее уже ждал Слон. Она дала Слону другой конец веревки и сказала: «Как только я крикну “Эй!”, начинай тянуть веревку. Посмотрим, кто из нас сильнее». С этими словами она прошла полдороги вниз по холму, откуда ее не было видно, и крикнула «Эй!». Слон и Бегемот тащили, тащили, но никто не смог перетянуть другого — их силы были равны. Каждый из них согласился, что Черепаха равна ему по силе.

Никогда не делай сам того, что могут сделать за тебя другие. Черепаха заставила других поработать за себя, а почести достались ей.

Заирская народная сказка

Все воруют в коммерции и промышленности. Я и сам многое украл. Но я могу воровать с умом.

Томас Эдисон, 1847—1931

Ключи к власти

В мире власти действуют законы джунглей: есть те, которые охотятся и убивают, и есть множество тех, кто выживает за счет охоты других (гиены, стервятники). Они менее яркие, менее одаренные и часто неспособны сами выполнить работу, которая привела бы их к власти. Однако они рано осознают, что, если набраться терпения, обязательно дождешься, что кто-то сделает все за тебя. Не будьте наивны: в то самое время, когда вы в поте лица трудитесь над своим проектом, грифы и стервятники кружат над вами, прикидывая, как смогут жить и даже процветать, используя ваши творческие способности. Бесполезно жаловаться на это, исходить горечью и гневом, как поступал Тесла. Лучше защитить себя и включиться в игру. Построив основание своей власти, сами будьте стервятником, и вы сэкономите много времени и сил.

Один из двух полюсов этой игры можно проиллюстрировать на примере конкистадора Васко Нуньеса де Бальбоа. У Бальбоа была цель — открыть Эльдорадо, легендарный город несметных сокровищ.

В начале XVI века, после долгих лет бесчисленных лишений и смертельных опасностей, он обнаружил доказательства существования великой богатой империи к югу от Мексики, на территории сегодняшнего Перу. Завоевав империю инков, завладев их золотом, он мог стать новым Кортесом.

Слепая курица

Курица лишилась зрения, но привыкла скрести землю в поисках пищи. Несмотря на слепоту, она все же продолжала скрести еще более усердно. И к чему это было прилежной дурочке? Другая курица с острым зрением не утруждала свои нежные лапки работой, но, не ковыряясь в земле, наслаждалась плодами трудов другой. Ведь

стоило слепой курице вырыть ячменное зерно, ее бдительная подруга тут же его хватала.

Готхольд Эфраим Лессинг, 1729–1781

Проблема была в том, что слухи о его открытии распространились среди сотен конкистадоров. Он не понимал, что половина успеха состояла в том, чтобы помалкивать и внимательно следить за окружающими. Через несколько лет после того, как он обнаружил местоположение империи инков, солдат его армии, Франсиско Писарро, предал его, и Бальбоа казнили. Писарро взял то, к чему долгие годы шел Бальбоа.

На другом полюсе — живописец Петер Пауль Рубенс, который в конце своей карьеры не справлялся с огромным количеством заказов на картины. Он разработал систему: в просторной мастерской трудились десятки нанятых им прекрасных художников. Один специализировался на одежде, другой выписывал фон, и так далее. Получалось что-то вроде конвейера, и благодаря ему успевали закончить больше полотен. Если в мастерскую являлся с визитом важный заказчик, Рубенс распускал на день наемных живописцев. Пока заказчик наблюдал с балкона, Рубенс работал в неистовом темпе и с невероятной энергией. Заказчик покидал мастерскую в восторге от работоспособности этого человека, который может написать столько шедевров за очень короткий срок.

Вот квинтэссенция закона: научитесь заставлять других выполнять работу для вас и присваивать себе заслуги — и вы получите божественную силу и власть. Если вы считаете, что важно всю работу выполнять своими руками, вы никогда не продвинетесь достаточно далеко и разделите судьбу Бальбоа и Теслы. Найдите людей с умением и творческим потенциалом, которых вам недостает. Наймите их и ставьте на шедеврах свою подпись или найдите способ присвоить их работу. Так их таланты станут вашими, и мир увидит в вас гения.

Всем хорошо известно, что почти никто из современных политиков сам не пишет тексты выступлений. Своими трудами они бы не завоевали и одного голоса. Всем красноречием и остроумием, какого бы качества оно ни было, они обязаны спичрайтерам — наемным сочинителям речей. Другие люди выполняют работу —

политики пользуются результатами. Истина в том, что власть такого сорта доступна каждому.

Есть и другое применение этого закона, не требующее паразитирования на трудах ваших современников: обратитесь к прошлому — неиссякаемому источнику знания и мудрости. Исаак Ньютон назвал это «стоять на плечах гигантов». Он имел в виду, что, делая свои открытия, основывался на достижениях других. Славой гения он был во многом обязан (и сам это понимал) своей способности с умом использовать озарения ученых Античности, Средневековья, Возрождения. Шекспир заимствовал сюжеты, характеристики и даже диалоги, например, у Плутарха, так как знал, что Плутарху не было равных в описании тончайших психологических оттенков и в умелом цитировании. А сколько писателей затем в свою очередь заимствовали у Шекспира! Так это что — плагиат? Научитесь пользоваться знаниями прошлого — и вы прослывете гением, будучи на самом деле лишь умным заимствователем.

Писатели, исследующие природу человека; древние стратеги; историки, описавшие человеческую глупость и безумие; короли и королевы, изучившие нелегкое искусство нести бремя власти, — их знания пылятся, все эти люди прошлого ожидают, когда вы придете и вскарабкаетесь к ним на плечи. Их разум может стать вашим разумом, их умение — вашим умением, и они никогда не явятся, чтобы рассказать людям, как вы на самом деле неоригинальны. Можно упорно работать всю жизнь, ошибаясь снова и снова, расходуя время и энергию в попытках приобрести собственный опыт. А можно воспользоваться достижениями прошлого. Бисмарк сказал однажды: «Дураки говорят, что учатся на опыте. Я предпочитаю пользоваться опытом других».

Образ: стервятник.

Из всех жителей джунглей у него самая легкая доля. Трудную работу, которую выполняют другие, он делает своей работой. Их неудачные попытки выжить становятся его кормом. Посмотрите на стервятника: пока вы работаете, он же летает вокруг. Не боритесь с ним — присоединитесь.

Авторитетное мнение

«Есть многое, что нужно узнать, но жизнь коротка, а жизнь без знания — не жизнь. Есть прекрасное средство для извлечения знания — опыт и работа других. Так пот появится на лбу другого, а вы заработаете репутацию оракула».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Бывают случаи, когда присваивать себе результаты чужого труда неразумно: если ваша власть еще не совсем прочна, это будет выглядеть так, словно вы выталкиваете соперников со сцены. Для того чтобы с блеском пользоваться талантами других, следует твердо стоять на ногах, в противном случае вас обвинят в обмане.

Нужно понимать, когда для вас выгодно дать другим разделить с вами почести. Особенно важно не жадничать, если надо поделиться с хозяином. Идея исторического визита Ричарда Никсона в Китайскую Народную Республику первоначально пришла в голову именно ему, но могла так никогда и не осуществиться, если бы не дипломатическое искусство Генри Киссинджера. Все же, когда пришло время пожинать лавры, Киссинджер тактично позволил Никсону присвоить львиную долю заслуг. Зная, что со временем правда всплывет, он тщательно следил за тем, чтобы не показалось, будто он тянет одеяло на себя. Киссинджер играл мастерски: он получил восхищение стоящих ниже его и в то же время великодушно уступил приоритет и почести другому. Вот так и надо играть в эту игру.

Закон 08. Вынуждай людей подойти к себе; если нужно, используй приманку

Формулировка закона

Когда вы вынуждаете другого человека действовать, сила на вашей стороне. Выгоднее всего добиться, чтобы противник подошел к вам, нарушая ради этого собственные планы. Соблазните его сказочными выгодами — и атакуйте. У вас в руках все карты.

Соблюдение закона

Крупный преступник XIX века барон Дэниел Дрю был мастером игры на бирже. Желая, чтобы те или иные акции покупались или продавались, а их курс рос или падал, он почти никогда не шел к цели прямо. Одной из его уловок было, проходя торопливо по залу элитного клуба рядом с Уолл-стрит (так что было очевидно, что направляется на биржу), вынуть свой знаменитый красный носовой платок и вытереть пот со лба. При этом как бы незамеченный падал бумажный листок. Члены клуба, всегда старавшиеся предугадать шаги Дрю, набрасывались на записку, ожидая найти в ней биржевой прогноз. Слухи о содержании записки быстро распространялись, и члены клуба начинали покупку или продажу акций по сценарию, выгодному барону.

Филиппо Брунеллески, великий живописец и архитектор Возрождения, весьма успешно применял на практике искусство призывать к себе людей, демонстрируя этим власть над ними. Однажды он получил заказ на постройку нового купола собора Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции. Задание было важное и престижное. Но когда власти города наняли второго человека, Лоренцо Гиберти, на помощь Брунеллески, великого художника охватили невеселые мысли. Он ясно видел, что Гиберти получил заказ благодаря своим связям, чтобы, не утруждая себя участием в деле, присвоить половину награды.

В критический момент ремонтных работ на Брунеллески вдруг напала загадочная хворь. Он приостановил работы, но напомнил властям о нанятом ими Гиберти, предположив, что тот мог бы потрудиться во время его болезни. Скоро стало очевидно, что Гиберти

ни на что не годен. Представители города явились к Брунеллески, чтобы просить его продолжить работы. Он не соглашался, настаивая, чтобы проект заканчивал Гиберти. Когда представители города наконец осознали, в чем тут дело, Гиберти уволили.

После этого Брунеллески чудом выздоровел за считаные дни. Он не бушевал в гневе, не позволил одурачить себя — он применил искусство выманивания людей к себе.

Толкование

Манипуляция — опасная игра. Стоит кому-то заподозрить, что им манипулируют, он начинает сопротивляться и выходит из-под вашего контроля. Но, выманивая соперника к себе, вы создаете иллюзию, что контроль над ситуацией осуществляет он. Он не ощущает нитей, за которые вы дергаете.

Многое зависит от того, насколько вкусна приманка. Если ловушка выглядит достаточно привлекательно, ослепленные эмоциями и вожделениями, ваши враги не смогут видеть правды. Чем более алчными они становятся, тем легче вести их туда, куда вам надо.

Разложив приманку для оленей, я не стреляю в первую же олениху, которая подошла ее обнюхать, а жду, когда вокруг соберется целое стадо.

Отто фон Бисмарк, 1815—1898

Ключи к власти

Сколько раз один и тот же сценарий повторялся в истории: агрессивный лидер предпринимает решительные действия, которые вначале приводят к усилению его власти. Постепенно он достигает вершины, но затем всё обращается против него. Его многочисленные враги объединяются. Пытаясь сохранить власть, он начинает метаться, этим истощает свои силы, что приводит к неизбежному краху. Причина повторения этой схемы в том, что агрессивный человек редко способен полностью владеть ситуацией. Он не может заранее обдумать больше одного-двух ходов, не видит последствий того или иного своего активного действия. Он вынужден все время идти на поводу у врагов, число которых непрерывно растет. Это наряду с непредвиденными

последствиями его собственных импульсивных действий приводит к тому, что в итоге его агрессивная энергия обращается против него самого.

Находясь у власти, вы должны спросить себя: с какой целью я бросаюсь из стороны в сторону, стараясь решить свои проблемы и защититься от врагов, если я никогда не владею ситуацией? Почему я всегда реагирую на события, вместо того чтобы направлять их? Ответ прост: у вас неверное представление о власти. Вы путаете агрессивные действия с действиями эффективными. А часто эффективнее всего держаться на заднем плане, сохраняя спокойствие и разочаровывая тех, кто расставляет вам ловушки, и предпочитая долгую власть кратковременным победам.

Помните: основа власти — это способность удерживать инициативу, заставлять других отвечать на ваши ходы, держать соперников и окружающих в оборонительной позиции. Когда люди будут вынуждены поступать по вашей указке, вы начнете контролировать ситуацию. А тому, кто контролирует ситуацию, принадлежит власть. Две вещи должны произойти, чтобы вы достигли такого положения: вы сами должны научиться управлять своими чувствами и никогда не позволять гневу овладеть вами. Но в то же время следует уметь играть на естественной склонности людей выходить из себя, если их обижают или насмехаются над ними. В конце концов, способность управлять другими — оружие, намного более мощное, чем любой инструмент агрессии.

Если удается заставить других копать их собственные могилы, зачем потеть самому? Воры-карманники в совершенстве владеют этим правилом. Главное в их ремесле — точно определить, в каком кармане спрятан кошелек. Опытные карманники часто орудуют на вокзалах и в других людных местах около большого объявления «БЕРЕГИСЬ КАРМАННИКОВ». Прохожий, видя надпись, непроизвольно хватается за карман, проверяя, на месте ли кошелек. Дальнейшее для наблюдающего за ним вора не труднее, чем поймать рыбу в ведре. Порой карманники даже сами вешают на стену знак «БЕРЕГИСЬ КАРМАННИКОВ», чтобы облегчить себе работу.

Когда вы хотите заставить людей идти к вам, иногда полезно дать им знать, что вы собственноручно принуждаете их к этому. Вы отказываетесь от обмана в пользу неприкрытой манипуляции.

Психологические последствия этого глубоки: тот, кто призывает к себе, кажется персоной властной и заслуживающей уважения.

Есть еще одна дополнительная хитрость в умении заставить вашего соперника сделать так, как это выгодно вам, — вынудить его сражаться на вашей территории. Находясь на вражеской земле, он нервничает, начинает торопиться и допускать ошибки. Для переговоров и встреч разумно предлагать свою территорию или место по вашему выбору. У вас есть точка опоры, соперник же не видит ничего привычного и чувствует себя неуютно.

Образ: медовая ловушка для медведя.

Охотник на медведя не гоняется за своей добычей. Медведя, если он знает, что на него охотятся, почти невозможно поймать, и он свирепеет, если загнать его в угол. Вместо этого охотник раскладывает ловушки с медом в качестве приманки. Он не утомляется и не рискует жизнью в погоне. Он кладет приманку и ждет.

Авторитетное мнение

«Хорошие воины заставляют других подходить к ним. Это принцип пустоты и полноты других и себя. Когда вы вынуждаете противников подойти к вам, их силы всегда пусты; поскольку вы не идете к ним, ваша сила всегда полна. Атаковать пустоту наполненностью — то же, что бросать камнями по куриным яйцам».

Жань Ю, комментатор «Военного искусства», XI век

Оборотная сторона

Обычно самая умная тактика — заставить противника терять силы, преследуя вас. Но бывает и так, что внезапная атака так деморализует врага, что он прекращает борьбу. Вместо того чтобы выманивать противника, идите к нему, захватывайте инициативу. Стремительная атака может оказаться лучшим оружием, так как вынуждает врага действовать, не оставляя ему времени на раздумья или составление плана. Не имея возможности все обдумать, люди начинают делать ошибки и поневоле занимают оборонительную позицию. Эта тактика противоположна выманиванию на наживку, но выполняет ту же функцию: вы навязываете врагу свой ритм боевых действий.

Такие деятели, как Чезаре Борджиа и Наполеон, использовали элемент внезапности для устрашения и власти. Быстрые и непредсказуемые шаги вселяют ужас и деморализуют. Выбирайте тактику в соответствии с ситуацией. Если время работает на вас и известно, что ваши силы хоть приблизительно равны силам противника, тогда лучше истощить его, заставляя приблизиться к вам. Если же время не на вашей стороне, враг слабее и ожидание только поможет ему восстановить силы, не давайте ему этого шанса. Ударьте стремительно — и он будет зажат в угол. Как сформулировал боксер Джо Луис: «Пусть бежит, все равно ему не скрыться».

Закон 09. Добивайся победы действиями, а не доводами

Формулировка закона

Любой минутный успех, которого, как вам кажется, вы добились в споре, оборачивается пирровой победой. Куда эффективнее можно заставить других согласиться с вами, если действовать, не произнося ни слова. Показывайте, а не объясняйте, — и вы достигнете цели.

Нарушение закона

В 131 году до н. э. римскому консулу Публию Крассу Муциану, осаждавшему с войсками греческий город Пергам, потребовался таран, чтобы сокрушить крепостные стены. Несколькими днями раньше на афинской верфи он приметил крепкие корабельные мачты и приказал срочно послать за одной из них. Военный инженер из Афин, которому передали приказ, был убежден, что на самом деле консулу нужна мачта меньшего размера. Он бесконечно спорил с доставившими запрос солдатами, пытаясь убедить их, что меньшая мачта лучше подойдет для их цели. К тому же ее было легче транспортировать.

Солдаты предостерегали инженера: их командир не из тех, с кем можно спорить. Тот все же стоял на своем, утверждая, что именно мачта меньшего размера идеально подойдет для стенобитного механизма, ведь он сам его конструировал. Он чертил схему за схемой и наконец заявил, что он опытный эксперт, а они понятия не имеют о предмете спора. Солдаты хорошо знали своего командира, они посоветовали инженеру держать свой опыт при себе и выполнить приказ.

Когда они ушли, инженер продолжал размышлять. Почему, думал он, я должен повиноваться такому приказу, выполнение которого приведет к неудаче? Поэтому он все-таки решил отправить мачту поменьше. Инженер был совершенно уверен, что, увидев, насколько лучше она подходит, консул наградит его.

Когда маленькая мачта прибыла, Муциан потребовал у солдат объяснений. Они рассказали, что инженер бесконечно спорил с ними,

но обещал прислать большую мачту. Муциан пришел в ярость. Он не мог сконцентрировать внимание на атаке, забыл даже о том, как важно протаранить стену города, пока враг не получил подкрепление. Единственное, о чем он мог думать, был дерзкий инженер, которого он велел немедленно привезти к нему.

Приехав через несколько дней, инженер еще раз с удовольствием пустился в объяснения относительно преимуществ маленькой мачты. Он говорил, говорил, приводя те же аргументы, что и раньше в споре с солдатами. Он сказал, что в таких делах нужно прислушиваться к мнению эксперта и консул не пожалеет, если последует его совету. Муциан позволил эксперту закончить, а затем по его приказу солдаты стащили с инженера одежду и бичевали хлыстами, пока он не умер.

Толкование

Инженер, чье имя история для нас не сохранила, всю жизнь занимался конструированием мачт и опор и был известен как лучший и ученейший инженер в своем городе. Он знал, что прав. Мачта меньшего размера позволила бы развить большую скорость и нанести более сильный удар. Большее не обязательно означает лучшее. Конечно, консул разобрался в его рассуждениях и наверняка понимал, что наука нейтральна и является высшим доводом. Как же мог консул упорствовать в своем невежестве, если инженер показал ему подробные схемы и дал теоретические выкладки, пояснявшие его совет?

Военный инженер выступил в роли советчика. Этот типаж можно найти среди нас повсюду. Советчик не понимает, что слова никогда не бывают нейтральными, что, споря с тем, кто выше его, он ставит под сомнение ум и способности более сильного. Он не опасается человека, с которым спорит. Поскольку каждый человек убежден, что прав именно он, и слова почти никого не могут убедить, то все усилия советчика подобны разговору с глухим. Загнанный в угол, он продолжает спорить и этим роет себе могилу. Если он заставил другого человека почувствовать, что тот глупый и приниженный в собственных глазах, не спасет даже мудрость Сократа.

Дело не просто в том, чтобы избегать споров с теми, кто сильнее и могущественнее вас. Мы все числим себя мастерами рассуждений

и аргументации. Поэтому нужно помнить об осторожности: научитесь демонстрировать правильность своих идей косвенным путем.

ХИТРОСТЬ АМАСИСА

После свержения Априя в Египте воцарился Амасис родом из Саисского округа, из города Сиуф. Сначала египтяне мало уважали и ни во что не ставили царя, так как прежде он был простым гражданином и даже незнатного рода. Потом, однако, Амасису удалось завоевать их расположение хитростью, но деликатным способом. Среди несметных сокровищ у него был умывальный таз, в котором сам царь и все его гости всегда омывали ноги. Этот таз Амасис велел расплавить, отлить из него статую бога и воздвигнуть в самом оживленном месте города. Египтяне же, проходя мимо статуи, благоговейно молились ей. Когда же Амасис услышал об этом, то повелел призвать к себе египтян и объявил им, что статуя сделана из того таза для омовения ног, куда они раньше плевали, мочились и где омывали ноги, а теперь ее благоговейно почитают. Вот и с ним, прибавил царь, произошло примерно то же самое, что с этим тазом. Пусть когда-то прежде Амасис был только простым гражданином, а теперь он их царь. Поэтому они должны почитать и уважать его. Так Амасис расположил к себе египтян, и они добровольно согласились служить ему.

Из «Истории» Геродота, ок. 485 — ок. 425 до н. э.

Соблюдение закона

В 1502 году в реставрационных мастерских при соборе Санта-Мария дель Фьоре стоял невероятных размеров мраморный блок. Сначала это была необработанная глыба, но неумелый скульптор по ошибке пробил отверстие как раз в том месте, где должны были находиться ноги статуи, чем совершенно испортил материал. Мэр Флоренции Пьеро Содерини хотел было попытаться спасти блок, наняв для работы с ним Леонардо да Винчи или другого мастера, но отказался от своего намерения, так как все в один голос утверждали, что мрамор испорчен безнадежно. Вот как получилось, что каменная

глыба, на покупку которой была затрачена немалая сумма, пылилась теперь в темном зале мастерской.

Так обстояли дела до тех пор, пока флорентийские друзья великого Микеланджело не решили написать художнику в Рим, где он жил в то время. Только он, писали они, мог бы сделать что-то с мрамором, который, несмотря на дефект, был просто великолепен. Микеланджело приехал во Флоренцию, осмотрел камень и пришел к заключению, что мог бы вырезать из него фигуру, придав ей такую позу, чтобы обойти искалеченный участок. Содерини возражал, что это пустая трата времени — никому не удастся справиться с этим, — но все же согласился разрешить художнику поработать. Микеланджело решил ваять юного Давида с пращой в руке.

Спустя некоторое время, когда Микеланджело заканчивал работу над статуей, Содерини посетил мастерскую. Немного рисуясь и изображая знатока, он осмотрел творение Микеланджело и высказал мастеру свое мнение: все великолепно, вот только нос у изваяния немного велик. Микеланджело видел, что Содерини стоит прямо под гигантской фигурой и видит ее в искаженной перспективе. Не говоря ни слова, он жестом пригласил Содерини подняться с ним на леса. Оказавшись на уровне носа, он наклонился за резцом и заодно прихватил горсть мраморной пыли с досок. В то время как Содерини наблюдал за ним, стоя всего в нескольких шагах, Микеланджело начал легонько постукивать резцом по носу статуи, понемногу выпуская из кулака мраморную пыль. Он, в сущности, никак не изменил нос Давида, но создал полное впечатление, что трудится над ним. Через несколько минут своего спектакля он выпрямился со словами: «Посмотрите теперь». — «Теперь стало гораздо лучше, — отозвался Содерини, — вы прямо-таки оживили его».

Толкование

Микеланджело понимал, что, начав исправлять форму носа, он мог погубить всю работу. И все же Содерини был заказчиком, да к тому же гордился своим художественным вкусом. Препирательства с таким человеком лишь оскорбили бы его, лишив Микеланджело надежд на дальнейшие заказы. Художник был слишком умен, чтобы спорить. Его решением было изменить перспективу, с которой смотрел Содерини (буквально привести его прямо под нос), не объясняя, что

с первоначально выбранного места он видел статую в искаженном виде.

К счастью, Микеланджело нашел способ сохранить совершенное творение и в то же время позволил Содерини поверить в то, что тот способствовал его улучшению. В этом двойная сила победы с помощью действий, а не слов: никто не обижен, и ваша точка зрения защищена.

Султан и визирь

Визирь прослужил своему владыке около тридцати лет и был почитаем всеми за свою преданность, правдивость и богобоязненность. Своей честностью, однако, он нажил при дворе немало врагов, и те распространяли слухи о его двуличии и вероломстве. Они нашептывали султану день за днем, пока в нем не зародилось недоверие к невинному визирю, и в конце концов он приговорил того, кто верно служил ему долгие годы, к смерти. В этой стране приговоренных к смерти связывали и бросали в клетку, где султан держал своих свирепых охотничьих псов. Собаки немедленно разрывали жертву на куски.

Однако, прежде чем визиря бросили на съедение псам, его спросили, каково его последнее желание. «Прошу отсрочить казнь на десять дней, — сказал он, — чтобы я мог расплатиться с долгами, собрать деньги, которые задолжали мне, вернуть людям вещи, которые они вверяли моим заботам, разделить мое добро между моими домочадцами и детьми и назначить им опекунов».

Взяв с визиря клятву, что он не попытается убежать, султан согласился выполнить его просьбу.

Визирь поспешил домой, собрал сто золотых слитков, а затем отправился к псарю, который ухаживал за собаками султана. Он положил перед псарем сто слитков золота и сказал: «Позволь мне поухаживать за собаками десять дней».

Псарь согласился, и в течение десяти дней визирь заботился о зверях, был с ними ласков, любовно расчесывал им шерсть и хорошо кормил. К концу отведенного срока они ели у визиря из рук.

На одиннадцатый день визирь предстал перед султаном, ему повторили все обвинения, и султан наблюдал, как визиря связали и бросили к собакам. Но едва псы увидели визиря, они подбежали

к нему, виляя хвостами. Они радостно прыгали и играли с ним. Султан и другие свидетели происходящего были удивлены, и султан спросил визиря, почему собаки пощадили его. Визирь отвечал: «Я ухаживал за этими собаками десять дней. Владыка мог сам видеть результат. Я верой и правдой служил тебе тридцать лет, и каков результат? Я приговорен к смерти по навету моих врагов». Султан покраснел от стыда. Он не только помиловал визиря, но и подарил ему красивые одежды и передал ему на суд людей, опорочивших его. Благородный визирь даровал им свободу и впоследствии был к ним добр.

«Утонченная уловка». Сборник арабских мудростей
и хитростей, XIII век

Ключи к власти

В сфере власти очень важно научиться оценивать, каким будет воздействие ваших поступков на окружающих со временем. Пытаясь доказать свою позицию или добиться победы в споре, никогда не знаешь наверняка, как повлияет сам спор на тех, кого убеждаешь: они могут соглашаться с тобой внешне вполне вежливо, но в душе негодовать и возмущаться. А может быть, вы ненамеренно произнесете какие-то слова, которые можно истолковать по-разному, в том числе и в обидную для них сторону, и это испортит им настроение. Даже самые лучшие аргументы любого спора остаются всего-навсего словами, а это такое скользкое основание. Спустя несколько дней после спора и доводов, которые казались такими убедительными, мы часто возвращаемся к своему первоначальному мнению — просто потому, что оно более привычно.

Следует понимать: слова ничего не стоят. Каждому известно, что в пылу спора можно сказать что угодно, лишь бы доказать свою правоту. Мы процитируем Библию, обратимся к недостоверной статистике. Кто упрекнет за такую мелкую недобросовестность? Поступки и демонстрация наглядного — совсем другое дело. Они намного действеннее, в них больше смысла. Они здесь, прямо перед глазами, мы можем их видеть: «Да, теперь нос у статуи стал как раз таким, как надо». Не сказано обидных слов, исключена возможность быть ложно понятым. Никто не поспорит с наглядным

доказательством. Как замечает Бальтазар Грациан: «Правду чаще можно увидеть, ее труднее услышать».

Сэр Кристофер Рен представлял собой английский вариант человека эпохи Возрождения. Он прекрасно знал математику, астрономию, физику и физиологию. За долгие годы своей деятельности он стал одним из самых прославленных архитекторов Англии. И все же нередко случалось, что заказчики приказывали ему вносить неумные изменения в его проекты. Никогда они не слышали возражений или оскорблений в ответ. У архитектора были другие способы доказать свою правоту.

В 1688 году Рен создал проект великолепной ратуши для Вестминстера. Мэра, однако, проект не удовлетворил; мэр нервничал. Он поделился своими опасениями с Реном: второй этаж небезопасен и может обрушиться прямо в его кабинет на первом этаже. Он попросил Рена добавить две каменные колонны, чтобы получше укрепить потолок. Рен, непревзойденный инженер, понимал, что колонны вовсе не нужны и что опасения мэра беспочвенны. Но колонны были построены, мэр чувствовал себя счастливым и благодарным. Только годы спустя реставраторы, поднявшись в люльке под потолок, увидели, что колонны по высоте чуть-чуть не достают до потолка.

Это был обман. Но двое получили что хотели: мэр мог расслабиться, а Рен знал, что потомки узнают, что его оригинальный проект был верен, а колонны не нужны.

Сила наглядной демонстрации вашей идеи в том, что у оппонентов нет необходимости обороняться, а значит, они более открыты для убеждения. Дайте им в буквальном смысле ощутить физически, что вы имеете в виду, а это куда более мощные аргументы, чем любые слова.

Однажды Никиту Хрущева во время его выступления, обличающего преступления Сталина, прервал выкрик с места. «Вы работали со Сталиным, — крикнули из зала, — почему же не остановили его тогда?» Хрущев, очевидно, не мог разглядеть с трибуны того, кто к нему обращался. Он прорычал: «Кто это сказал?» Никто не поднял руки. Все в зале замерли. Через несколько секунд напряженного ожидания Хрущев добродушно сказал: «Теперь понимаете, почему я его не остановил?» Вместо того чтобы объяснять, что Сталина боялись все, кто с ним общался, что малейшее

неповиновение грозило смертью, Хрущев дал аудитории почувствовать, на что было похоже общение со Сталиным. Он дал им кожей ощутить сводящий с ума страх, осознать, что означало посметь высказаться, противостоять вождю, в данном случае Хрущеву. Никаких объяснений больше не понадобилось.

Аллах и Ибрагим

Аллах Всемогущий пообещал, что Он не возьмет душу Ибрагима до тех пор, пока тот не захочет умереть и не попросит Его об этом. Когда жизнь Ибрагима близилась к концу и Аллах решил забрать его, Он послал ангела в облике старика, совершенно немощного и беспомощного. Старик остановился у дверей дома Ибрагима и сказал ему: «О, Ибрагим, я голоден, не дашь ли ты мне поесть?» Ибрагим был удивлен, услышав эти слова от старика. «Тебе бы лучше умереть, — воскликнул он, — чем влачить такое жалкое существование».

В доме Ибрагима всегда имелось угощение для странников. Поэтому он дал старику чашку бульона, немного мяса и хлеба.

Старик сел и принялся за еду. Он с трудом глотал, а один раз кусок выпал у него из рук, и он стал искать его. «О, Ибрагим, — сказал старик, — покорми меня». Ибрагим взял пищу из его рук и поднес ее к губам старика. Но кусок, скользнув по бороде, упал старику на грудь. «Сколько тебе лет, старый человек?» — спросил Ибрагим. Оказалось, что старик ненамного старше самого Ибрагима. Тогда Ибрагим воскликнул: «О Аллах, наш Владыка, забери меня к Себе прежде, чем я достигну возраста этого человека и стану таким же немощным, как он!» Как только Ибрагим произнес эти слова, Аллах забрал его душу.

«Утонченная уловка». Сборник арабских мудростей
и хитростей, XIII век

Самый сильный довод — символ, служащий подоплекой действию. Сила символа — знамени, мифа, памятника какому-либо эмоционально значимому событию — в том, что он понятен каждому без слов. В 1975 году, когда Генри Киссинджер участвовал в трудных и нерезультативных переговорах с Израилем по поводу возвращения части Синайской пустыни, захваченной им в 1967 году, он неожиданно

прервал напряженные переговоры и предложил осмотреть одно памятное место. Он отправился на развалины древней крепости Масада, известной всем жителям Израиля как место, где в 73 году семьсот иудейских воинов предпочли самоубийство сдаче римским легионам. Израильтяне сразу поняли подоплеку этой поездки Киссинджера: он косвенно упрекал их в стремлении к массовому самоубийству. Хотя сама поездка мгновенно не повлияла на состояние умов израильских дипломатов, она настроила их на более серьезный и ответственный подход, чем если бы прозвучало прямое предупреждение. Символы, подобные Масаде, несут огромную эмоциональную нагрузку.

Стремясь к власти или стараясь удержать ее, всегда ищите непрямые пути, а также тщательно планируйте свои сражения. Если вам не важно, сколько времени пройдет, пока другой человек согласится с вами, или вы согласны ждать, пока время и собственный опыт заставят того, другого, понять, чего вы хотите, тогда лучше всего не затруднять себя демонстрированием наглядных доводов. Берегите силы и идите прочь.

Образ: доска-качели.

Вверх-вниз, вверх-вниз движутся спорщики, не продвигаясь вперед. Слезайте с качелей и покажите им свои намерения, не раскачивая доску. Оставьте их наверху, и пусть сила тяжести постепенно опустит их на землю.

Авторитетное мнение

«Никогда не вступай в споры. В обществе ничего не следует обсуждать, а только давать результат».

Бенджамин Дизраэли, 1804–1881

Оборотная сторона

Словесные перепалки могут иметь одно важное применение в мире власти: они способны отвлечь внимание от коварных поступков, замаскировать их. В таких случаях спор и все доводы, которые вы можете предложить, работают на вас. Втяните другого в дискуссию, чтобы отвлечь от ваших обманных ходов. Слова помогают и в случае,

если вас поймали на лжи, и чем эмоциональнее и увереннее вы высказываетесь, тем меньше похожи на лжеца.

Этот метод часто помогает маскироваться талантливым мошенникам. Однажды граф Виктор Люстиг, человек с врожденным даром к аферам, продал десяткам простаков по всей стране коробки, выдавая их за аппарат для копирования денежных купюр. Обнаружив, что их надули, основная масса клиентов не решалась обратиться в полицию, чтобы избежать огласки неприятного дела. Однако некий шериф Ричардс из округа Ремсен в штате Оклахома был не из тех, кто позволил обдурить себя на 10 000 долларов. Однажды он выследил Люстига в чикагской гостинице.

Люстиг услышал стук в дверь. Когда он открыл ее, то увидел направленный на него ствол револьвера. «Что-то случилось?» — хладнокровно спросил он. «Негодяй! — прокричал шериф.— Я тебя убью. Ты надул меня с этой чертовой коробкой!» Люстиг изобразил замешательство. «Хотите сказать, что аппарат не работает?» — спросил он. «Ты и сам знаешь, что не работает», — ответил шериф. «Но этого не может быть, — сказал Люстиг.— Совершенно исключено, чтобы он не действовал. Вы правильно с ним обращались?» — «Я делал всё в точности так, как вы сказали», — ответил шериф. «Нет, должно быть, вы что-то сделали не так», — возразил Люстиг. Спор двигался по кругу. Ствол револьвера опустился.

Люстиг перешел ко второй фазе в тактике дискуссии: он начал заумные технические разглагольствования о действии его аппарата, совершенно запутав шерифа, который теперь выглядел уже менее уверенно и далеко не так воинственно. «Смотрите сами, — наконец сказал Люстиг, — я верну вам деньги сейчас же. Я также дам вам письменную инструкцию о том, как работает аппарат, и поеду с вами в Оклахому, чтобы на месте проверить, в чем там дело. Вы на этом никак не можете ничего потерять». Шериф медленно кивнул. Чтобы успокоить его окончательно, Люстиг протянул ему пачку стодолларовых купюр, уговаривая шерифа расслабиться и развлечься, проведя уик-энд в Чикаго. Успокоенный и немного смущенный, шериф вышел из номера. В течение нескольких дней Люстиг внимательно просматривал газетную хронику. Наконец он нашел то, чего ждал: короткая заметка сообщала, что шериф Ричардс арестован за

распространение фальшивых денег. Люстиг выиграл в споре. Шериф никогда более его не беспокоил.

Закон 10. Инфекция: избегай невеселых и невезучих

Формулировка закона

Чьи-то чужие невзгоды могут оказаться для вас губительными — эмоциональные состояния так же заразны, как болезни. Вам может казаться, что вы спасаете утопающего, на самом деле вы лишь приближаете собственное несчастье. Несчастные всегда навлекают беды на себя, они навлекут их и на вас. Вместо этого держитесь поближе к везучим и счастливчикам.

Нарушение закона

Мэри Джилберт родилась в ирландском городке Лимерик в 1818 году. В 1840-х годах она отправилась в Париж, чтобы попытать счастья в качестве танцовщицы и актрисы. Взяв себе имя Лола Монтес (у ее матери были отдаленные испанские предки), она представлялась танцовщицей фламенко из Испании. К 1845 году ее карьера продвигалась слишком вяло, и, чтобы выжить, она стала куртизанкой, а вскоре была уже одной из самых преуспевающих представительниц этого ремесла в Париже.

Но только один человек мог спасти почти погибшую танцевальную карьеру Лолы: Александр Дюжарье, владелец популярной во Франции газеты и, кроме того, газетный театральный критик. Она решила атаковать и завоевать его. Изучая его привычки, она узнала, что он каждое утро ездит верхом. Сама умелая наездница, Лола также отправилась как-то утром на конную прогулку, где «случайно» врезалась в него. Вскоре их ежеутренние прогулки стали совместными. Через пару месяцев Лола перебралась в его квартиру.

Долгое время они были счастливы. С помощью Дюжарье Лола смогла как-то оживить свою карьеру танцовщицы. Рискуя быть осужденным в обществе, Дюжарье объявил друзьям, что весной собирается жениться на ней. (Лола не рассказывала ему, что в 19 лет сбежала с англичанином и все еще была официально замужем.) Дюжарье был безумно влюблен, однако жизнь его заскользила вниз по наклонной плоскости.

Ему изменила удача в делах, и влиятельные друзья начали его избегать. Однажды Дюжарье пригласили на бал, устроенный одним из самых богатых молодых парижан. Лола тоже хотела пойти, но он не позволил. Они в первый раз поссорились, и Дюжарье отправился на бал один. Там, отчаянно напившись, он оскорбил влиятельного театрального критика Жана Батиста Розмон де Боваллона; возможно, тот как-то прошелся по поводу Лолы. На следующий день Боваллон вызвал его на дуэль. Боваллон считался одним из самых метких стрелков во Франции. Дюжарье пытался принести извинения, но дуэль состоялась. Он был убит. Так окончилась жизнь одного из самых многообещающих молодых членов парижского света. Опустошенная, Лола покинула Париж.

В 1846 году Лола Монтес оказалась в Мюнхене, где решила атаковать и завоевать короля Людвига Баварского. Легче всего подобраться к Людвигу, как ей удалось узнать, можно было через его адъютанта, графа Отто фон Рехберга, питавшего слабость к хорошеньким девушкам. Однажды, когда граф завтракал в кафе под открытым небом, Лола проезжала верхом на лошади и «случайно» была выброшена из седла и приземлилась у ног Рехберга. Граф поспешил на помощь и был очарован. Он обещал представить ее Людвигу.

Рехберг договорился об аудиенции для Лолы, но когда она прибыла в назначенное время, то услышала, как король говорит, что у него нет времени для встреч с ищущими славы иностранками. Лола оттолкнула часовых и ворвалась в комнату короля. В этот момент ее платье разорвалось спереди (может быть, это сделала она сама, а может, часовой), и, к изумлению всех присутствующих, и в особенности короля, ее пышная грудь была бесстыдно обнажена. Лоле была дарована аудиенция монарха. Через пятьдесят пять часов состоялся ее дебют на баварской сцене. Рецензии были ужасны, но это не помешало Людвигу договориться о новых выступлениях.

Людвиг, по его собственным словам, был околдован Лолой. Он стал появляться с ней на публике, затем купил и обставил квартиру для нее на одном из фешенебельных мюнхенских бульваров. Хотя он был известен скупостью и полеты роскоши ему плохо удавались, он осыпал Лолу подарками, писал для нее стихи. Став его фавориткой, она взлетела на вершину известности и удачи за одну ночь.

Симон Тома был великим врачом своего времени. Помню, как однажды, встретив меня у одного из своих больных, богатого старика, больного чахоткой, он, толкуя о способах вернуть ему здоровье, сказал между прочим, что один из них — это сделать для меня привлекательным пребывание в его обществе, ибо, направляя свой взор на мое свежее молодое лицо, а мысли — на жизнерадостность и здоровье, источаемые моей юностью в таком изобилии, а также заполняя свои чувства цветением моей жизни, он сможет улучшить свое состояние. Он забыл только прибавить, что из-за этого может ухудшиться мое собственное здоровье.

Мишель де Монтень

Лоле начало изменять чувство меры. Однажды, когда она скакала верхом, немолодой человек ехал на лошади впереди нее чуть медленнее, чем ей бы хотелось. Объехать его Лоле не удавалось, и она начала хлестать его кнутом. В другой раз взяла на прогулку собаку без привязи. Собака напала на прохожего, но вместо того, чтобы помочь человеку, она избила его поводком. Подобные выходки вызывали негодование добропорядочных баварцев, но Людвиг выгораживал Лолу и даже пожаловал ей баварское гражданство. Окружение короля предпринимало безуспешные попытки открыть королю глаза на опасность всей этой истории, но те, кто критиковал Лолу, расставались со своими местами.

Баварцы, которые прежде любили короля, теперь открыто демонстрировали свое неуважение к нему. Лола же тем временем получила титул графини, специально для нее был выстроен дворец. Она начала вмешиваться в политику, давая Людвигу советы, как ему поступать. Она пользовалась самой большой властью в королевстве. Ее влияние на короля продолжало расти, ее обращение с министрами его кабинета отличалось небрежностью и надменностью. В конце концов по всему королевству стали вспыхивать восстания. Когда-то мирная страна находилась буквально на грани гражданской войны, студенты распевали повсюду «Raus mit Lola!» («Долой Лолу!»).

К февралю 1848 года Людвиг был более не способен противостоять давлению. С тяжелым чувством он приказал Лоле немедленно покинуть Баварию. Она подчинилась, но только после того, как ей

заплатили. В последующие недели гнев баварцев обратился на любимого ими ранее короля. В марте того же года он был вынужден отречься от престола.

Лола Монтес перебралась в Англию. Ей, как ничто другое, требовалась респектабельность, и, хотя по-прежнему Лола была замужем (так и не оформив развод с тем англичанином), она расставила сети для Джорджа Траффорда Хелда, многообещающего молодого офицера армии, к тому же сына влиятельного адвоката. Хотя он был десятью годами моложе Лолы и мог выбрать себе жену из числа самых красивых и богатых невест Англии, Хелд пал жертвой ее чар. Они поженились в 1849 году. Вскоре Лола была арестована по обвинению в двоемужестве, она скрылась, не уплатив налога, и вместе с Хелдом переехала в Испанию. Они страшно ссорились, однажды Лола замахнулась на него ножом. В конце концов он расстался с ней. Вернувшись в Англию, он узнал, что уволен из армии. Отвергнутый английским обществом, Хелд перебрался в Португалию, где жил в бедности. Еще через несколько месяцев его короткую жизнь прервал несчастный случай на корабле.

Спустя несколько лет человек, опубликовавший автобиографию Лолы Монтес, обанкротился.

В 1853 году Лола переехала в Калифорнию, где встретила и сделала своим мужем человека по имени Пэт Халл. Эта связь была такой же бурной, как и предыдущие, но она бросила Халла ради другого мужчины. Халл запил, впал в глубокую депрессию, которая длилась до самой его смерти четыре года спустя, когда он был еще относительно молодым человеком. В возрасте 41 года Лола отказалась от своих нарядов и украшений и обратилась к Богу. Она ездила по Америке с лекциями на религиозные темы, одетая в белое и в белом головном уборе, напоминающем нимб. Она умерла двумя годами позже, в 1861 году.

Многие вещи можно назвать заразительными. Сонливость может быть заразительной так же, как и зевота. В крупномасштабной операции, если враги возбуждены и вот-вот нападут, не раздражай их никакой мелочью. Изобрази полное спокойствие, это заворожит врагов и заставит их расслабиться. Передай им свое настроение. Ты можешь

передать им беспечность, настроение опьяненности, скуку или даже слабость.

Миямото Мусаши. «Книга пяти колец», XVII век

Толкование

Лола Монтес привлекала мужчин с помощью своих уловок, но ее власть над ними была чем-то большим, чем чисто сексуальное воздействие. Она порабощала любовников силой своего характера. Мужчины оказывались затянутыми в водоворот, который она закручивала вокруг себя. Они ощущали растерянность, смущение, но эмоциональный накал Лолы заставлял их почувствовать себя и более живыми.

Как это часто бывает в случае с инфекцией, со временем накапливались сложности. Свойственная Лоле неуравновешенность начинала раздражать ее любовников, действовала им на нервы. Они незаметно для себя оказывались втянутыми в ее проблемы, но эмоциональная зависимость от нее заставляла их помогать ей. Так болезнь переходила в критическую стадию, Лоле Монтес нельзя было помочь. Ее проблемы были слишком глубоки. С того момента, как ее любовник погружался в них, можно было считать его конченым человеком. Он оказывался впутанным в ссоры и скандалы. Инфекция распространялась на его семью и друзей, а в случае с Людовиком — на целую нацию. Единственным верным решением было бы отсечь ее от себя, в противном случае — страдания и полный крах.

Такой пагубный, «инфицирующий» характер встречается не только у женщин, к полу это не имеет отношения. Он вырастает из внутренней неустойчивости, но распространяется вовне, притягивая к себе несчастья. Это почти стремление к разрушению и дестабилизации. Можно потратить годы на изучение патологии такого разрушительного типа психики, но не тратьте времени — просто усвойте урок. Если вы подозреваете, что рядом с вами обладатель такой инфекции, не спорьте с ним, не пытайтесь помочь, не представляйте этого человека своим друзьям, чтобы не попасть в сети. Спасайтесь бегством, или придется страдать от последствий.

Не рассматривай глупца как культурного человека, хотя можешь считать способного человека мудрецом, и не путай невежественного трезвенника с истинным аскетом. Не общайся с глупцами, особенно с теми, что считают себя мудрыми. Не гордись собственным невежеством. Позаботься о том, чтобы поддерживать отношения только с людьми достойными, ибо уже благодаря близости к ним человек может снискать добрую репутацию. Приходилось ли тебе наблюдать, как кунжутное масло смешивают с розами или фиалками и как, побыв сколько-то времени рядом с розами или фиалками, оно перестает быть кунжутным маслом и его уже называют маслом розовым или фиалковым?

Каи Каус ибн Искандер. «Зеркало для принцев», XI век

А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.
Он много думает, такой опасен...
...Но если бы я страху был подвержен,
То никого бы так не избегал,
Как Кассия...
...Такие люди вечно недовольны,
Когда другой их в чем-то превосходит,
Поэтому они весьма опасны.

«Юлий Цезарь». Вильям Шекспир, 1564–1616

Ключи к власти

Нас окружают невезучие люди, страдающие от ударов судьбы, с которыми им не под силу справиться. Эти люди заслуживают всей возможной помощи и симпатии, какие только мы можем им дать. Но есть иные, не созданные для несчастий или невезения, а призывающие их на свою голову собственными разрушительными поступками и дестабилизирующим воздействием на окружающих. Как прекрасно было бы научиться воспитывать их, изменять их характеры и жизнь, но чаще именно они вторгаются в нашу жизнь и заставляют нас меняться. Причина проста — люди очень восприимчивы к настроениям, эмоциям, даже к образу мыслей тех, с кем проводят время.

Неизлечимо несчастливые, недовольные и нестабильные обладают особенно разрушительным воздействием из-за того, что их характеры и эмоции так интенсивны. Они часто выставляют себя жертвами, так что вначале бывает трудно понять, что они сами обрекают себя на страдания. Раньше чем вы разберетесь в истинной природе их невзгод, вы будете втянуты в них, заражены ими.

Следует понимать: в играх власти очень важно, с какими людьми вы связаны в представлении других. Риск того, что вы будете ассоциироваться с «разносчиками инфекции», в том, что приходится тратить много драгоценного времени и сил на попытки освободиться. К тому же по ассоциации вы окажетесь кем-то вроде соучастника в глазах окружающих. Ни в коем случае нельзя недооценивать опасность инфекции.

Есть много типов разносчиков инфекции, которых необходимо остерегаться, но один из них наиболее коварен — это тот, кто страдает от постоянной неудовлетворенности. Недовольство Кассия, организовавшего заговор против Юлия Цезаря, вырастало из чувства глубокой зависти. Он просто не мог выносить присутствия кого-либо более талантливого. Возможно, из-за того, что Цезарь постоянно слышал колкости и саркастические замечания Кассия, он отказал ему в назначении на важный пост претора и отдал эту должность Бруту. Кассий постоянно ворчал, его ненависть к Цезарю стала патологической. Брут, убежденный республиканец, осуждал Цезаря как диктатора; если бы он набрался терпения и подождал, то стал бы первым человеком в Риме после смерти Цезаря и смог бы исправить зло и ошибки, допущенные тем. Но Кассий заразил его затаенной враждебностью, каждый день отравляя его россказнями о зле, которое якобы творил Цезарь. Наконец он добился своего, втянув Брута в заговор. Это было началом великой трагедии. Скольких несчастий мог бы избежать Брут, если бы знал, что надо сторониться воздействия подобной заразы.

От инфекции есть одно спасение: карантин. Но к тому времени, как вы распознаете проблему, часто бывает уже слишком поздно. Какая-нибудь Лола Монтес берет вас в сети своей могучей личности. Кассий опутывает вас своим доверием и глубиной чувств. Как защитить себя от таких всепроникающих вирусов? Ответ заключается в том, чтобы судить о людях по тому, как они воздействуют на окружающий мир,

а не по тому, как и чем они объясняют свои проблемы. Разносчиков заразы можно распознать по несчастьям, которые они притягивают к себе, по их бурному прошлому, длинному списку разорванных дружб и знакомств, их нестабильному, со срывами, продвижению по службе, а также по самой силе их характера, которая опрокидывает вас и заставляет забыть о своих соображениях. Будьте готовы определить разносчика инфекции по этим признакам, научитесь распознавать недовольство в его глазах. Самое важное — не поддавайтесь жалости. Не делайте попыток помочь. Этот человек не изменится, а вот вы будете выбиты из колеи.

Орех и колокольня

Орех оказался на вершине высокой колокольни, куда занесла его ворона, и, закатившись в щель, смог избежать своей ужасной участи. Тогда он стал умолять колокольню спрятать его, взывая к милосердию Божьему и расхваливая ее высоту, красоту и благородный звук ее колоколов. «Увы, — продолжал он, — раз не случилось мне упасть под зелеными ветвями моего старого отца и лежать в мягкой почве под покровом его опавшей листвы, то хоть ты не отвергай меня. Когда я оказался в клюве вороны, я дал обет, что если смогу избежать гибели, то окончу свои дни, тихо лежа в маленькой ямке».

Эти слова расстрогали колокольню, и, движимая состраданием, она позволила ореху остаться в той щели, куда он упал.

Прошло немного времени, и орех лопнул. Его корни прорастали в трещинки в камнях и раздвигали их, его побеги потянулись вверх, к солнцу. Скоро они поднялись выше самого здания, а по мере того как перекрученные корни становились толще, они начали разрушать стены и сдвигать древние камни с их привычных мест. Тогда колокольне стала понятна причина разрушения, но было слишком поздно, и вскоре она уже лежала в руинах.

Леонардо да Винчи, 1452—1519

Образ: вирус.

Невидимый, он проникает в ваши поры без предупреждения, распространяется бесшумно и медленно. Раньше чем вы спохватитесь, вы уже заражены и больны.

Другая сторона инфекции по-настоящему ценна и более понятна: есть люди, которые притягивают удачу своим хорошим расположением духа, природной жизнерадостностью, энергией и умом. Такие люди — источник радости, с ними вы должны объединяться, чтобы разделить с ними процветание, которое они к себе привлекают.

Это касается не только хорошего настроения и удачи, любое положительное качество может оказаться заразительным. Талейран, министр иностранных дел в правление Наполеона, обладал множеством странных и пугающих черт, но все единодушно считали, что он превосходил любого француза изяществом, аристократическим шармом, остроумием. И в самом деле, являясь потомком одного из древнейших благородных семейств страны, он, невзирая на веру в демократию и Французскую республику, сохранял изысканные придворные манеры. Его современник Наполеон был во многих отношениях противоположностью — простолюдин с Корсики, неразговорчивый и нелюбезный, даже грубый.

Наполеон никем так не восхищался, как Талейраном. Завидуя тому, как министр общается с людьми, его уму, способности очаровывать женщин, он поступил очень мудро — держал Талейрана при себе в надежде впитать недостающую культуру. Без сомнения, Наполеон менялся за время своего правления. Многие острые углы были смягчены благодаря его постоянному общению с Талейраном.

Используйте положительные стороны такого эмоционального воздействия для своего блага. Если, например, вы от природы скуповаты, вам никогда не подняться выше определенного уровня; лишь щедрым натурам свойственно величие. Общайтесь с щедрыми, и они заразят вас своими способностями. Если вы мрачны, держитесь поближе к жизнерадостным. Если вы склонны к затворничеству, заставьте себя подружиться с коммуникабельными людьми. Никогда не кооперируйтесь с теми, у кого ваши же недостатки: они укрепят все то, что тянет вас назад. Пусть вас влечет только к положительному. Возьмите это за жизненное правило, и оно поможет вам больше, чем любая терапия.

Авторитетное мнение

«Распознавай баловней судьбы для того, чтобы общаться с ними, и неудачников для того, чтобы избегать их. Обычно невезение — это преступление или безумие, и среди тех, кто страдает от него, нет болезни более заразительной; никогда не открывай дверь даже для наименьшего из неудачников, ибо, если ты это сделаешь, многие другие войдут, ухватившись за него... Не замарайся злосчастием других».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Этот закон не допускает обратных случаев. Он универсален. Ничего нельзя выиграть от общения с теми, кто заражает вас своими невзгодами. Можно приобрести власть и удачу благодаря дружбе с везучими. Игнорировать это правило опасно.

Закон 11. Старайся, чтобы люди зависели от тебя

Формулировка закона

Чтобы оставаться независимым, вы должны всегда быть необходимым и нужным. Чем больше на вас полагаются, тем большей свободой вы располагаете. Добейтесь, чтобы счастье и процветание людей зависели от вас, — и вам нечего опасаться. Никогда не обучайте их всему, чтобы они не могли обходиться своими силами.

Нарушение закона

Однажды в эпоху Средневековья наемный солдат, имя которого не сохранилось, спас город Сиену от иностранных захватчиков. Как могли добрые горожане Сиены наградить его? Никакие деньги, никакие почести не шли ни в какое сравнение с тем, что их городу сохранили свободу. Горожане хотели провозгласить наемника правителем города, но решили, что даже этого недостаточно. Наконец один из участников ассамблеи, созванной для решения этого вопроса, вышел вперед и предложил: «Давайте убьем его и провозгласим потом святым — покровителем города». Так они и сделали.

Граф Карманьола был одним из самых храбрых и удачливых предводителей наемных военных отрядов. В 1442 году он, уже немолодой человек, воевал на стороне Венеции в затяжной войне с Флоренцией. Внезапно граф был отозван в Венецию. Любимец народа, он был принят пышно, со всевозможными почестями. Вечером ему предстояло отужинать с самим дожем во Дворце дожей. Однако по дороге туда он заметил, что стражник ведет его в другом направлении. Проходя по знаменитому Мосту вздохов, он внезапно понял, куда они направляются — это была дорога в тюрьму. Он был осужден по сфабрикованному обвинению, а на другой день на площади Святого Марка перед замершей от ужаса толпой, непонимавшей, почему его судьба так круто изменилась, его обезглавили.

Конь и кобыла

Кобыла ходила день и ночь в поле, не пахала, а конь кормился ночью, а днем пахал.

Кобыла и говорит коню: «Зачем ты пашешь? Я бы на твоем месте не пошла. Он бы меня плетью, а я бы его ногою». На другой день конь так и сделал. Мужик видит, что конь стал упрям, и запряг в соху кобылу.

Из «Басен» Льва Толстого, 1828–1910

Толкование

Многих великих наемников Италии эпохи Возрождения постигла та же участь, что святого покровителя Сиены и графа Карманьолы: они выигрывали битву за битвой для своих нанимателей лишь для того, чтобы окончить дни в ссылке, заточении или на плахе. Проблема была не в неблагодарности. Она заключалась в том, что вокруг было много других наемников, столь же умелых и доблестных, как и они. Они были заменимы. Их убивали, ничего при этом не теряя. Их слава росла, и они хотели все большего денежного вознаграждения за свою службу. Насколько лучше было избавиться от них и нанять других, помоложе и подешевле. Такова была судьба графа Карманьолы, который начал действовать дерзко и независимо. Он воспринимал свою власть как нечто само собой разумеющееся, не дав себе труда убедиться в том, действительно ли он незаменим.

Таков удел (но менее трагичный, надеемся мы) тех, кто не заставил окружающих зависеть от себя. Рано или поздно появляется тот, кто делает их работу не хуже, — кто-то моложе, свежее, не требующий высокой оплаты, вызывающий меньше опасений.

Станьте единственным, кто может делать то, что делаете вы. Добейтесь, чтобы жизнь тех, кто вас нанимает, так тесно переплелась с вашей, что им и в голову не пришло бы от вас избавиться. Иначе в один прекрасный день вас могут заставить пройти по вашему Мосту вздохов.

Соблюдение закона

Когда Отто фон Бисмарк в 1847 году стал депутатом прусского парламента, ему было 32 года, и он совсем не имел друзей или союзников. Оглядываясь вокруг, он решил, что его союзниками

не будут ни парламентские либералы или консерваторы, ни какой-либо конкретный министр, ни, конечно, простолюдины. Он выбрал короля Фридриха Вильгельма IV. Это был странный выбор, чтобы не сказать больше, ведь король тогда находился отнюдь не на вершине власти. Слабый, нерешительный человек, он то и дело уступал в парламенте либералам. Он был бесхребетным, и многое в нем очень не нравилось Бисмарку, как в личностном, так и в политическом плане. И все же Бисмарк находился при Фридрихе денно и нощно. Когда другие депутаты атаковали короля из-за его многочисленных неумных решений, только Бисмарк был на его стороне.

В конце концов все окупилось: в 1851 году Бисмарк был назначен министром королевского кабинета. Он начал действовать. То и дело он направлял руку короля, побуждая его постепенно укреплять армию, противостоять либералам, поступать в точности так, как того хотел Бисмарк. Он помогал Фридриху преодолеть неуверенность, ощутить себя мужчиной, учил его быть твердым и править с достоинством. Постепенно он восстанавливал власть короля, пока монархия не стала, как прежде, основной правящей силой в Пруссии.

После смерти Фридриха в 1861 году на трон взошел его брат Вильгельм. Бисмарк ему активно не нравился, и он не имел намерения держать его рядом с собой. Однако он унаследовал ту же ситуацию, в которой когда-то находился брат: множество врагов искали возможности ослабить его власть. Он уже собирался отречься от престола, чувствуя, что ему не хватает силы справиться с этой опасной и неустойчивой ситуацией. Но Бисмарк и к нему постепенно вошел в доверие. Он стоял рядом с новым королем, добиваясь от него твердых и решительных действий. Король, не опираясь на твердую руку Бисмарка, не смог бы удерживать в узде врагов и, несмотря на свою антипатию к этому политику, вскоре назначил его премьер-министром. Они часто ссорились, обсуждая, как поступить, — Бисмарк был намного более консервативен, но король понимал, что зависит от него. Стоило премьер-министру пригрозить, что он подаст в отставку, король соглашался на все его условия. По сути дела, управлял государством Бисмарк.

Прошли годы, и действия Бисмарка в роли прусского премьера привели к объединению раздробленной Германии в единое государство. Теперь Бисмарк уговаривал короля согласиться на

коронацию в качестве императора единой Германии. Но на самом деле вершины власти достиг именно Бисмарк. Правая рука императора, рейхсканцлер, обладатель княжеского титула, он держал в руках все рычаги управления государством.

КОТ, КОТОРЫЙ ГУЛЯЛ САМ ПО СЕБЕ

...Тогда Женщина рассмеялась, поставила перед Котом миску теплого белого молока и сказала: «О Кот, ты умен, словно человек, но не забывай, что с Мужчиной или с Собакой ты не договаривался, и я не знаю, как они поступят, когда вернутся домой». «Что мне до того? — сказал Кот. — Раз у меня есть мое место в Пещере у огня и мое теплое белое молоко трижды в день, мне дела нет до того, что могут сделать Мужчина или Собака».

...И с того дня по нынешний трое уважающих себя Мужчин из пяти непременно кинут чем-нибудь в Кота, где бы они его ни повстречали, а любая уважающая себя Собака загонит его на дерево. Но и Кот, со своей стороны, соблюдает условия договора.

Он убьет мышь и приласкается к Младенцам, когда он в доме, правда только до тех пор, пока те не примутся слишком сильно тянуть его за хвост. Но если это выполнено, и в промежутках, и когда луна встанет и придет ночь, он — Кот, который гуляет сам по себе, и все места для него одинаковы. Тогда он уходит в Мокрый Дикий Лес или карабкается по Мокрым Диким Деревьям или по Мокрым Диким Крышам, размахивая своим диким хвостом и гуляя в своем диком одиночестве.

Из кн. «Просто сказки» Редьярда Киплинга, 1865–1936

Толкование

Большинство молодых и амбициозных политиков, ища свое место в политическом пейзаже Германии 1840-х годов, попытались бы заложить фундамент своей власти, консолидируясь с теми, чья собственная власть в тот момент была наиболее сильна. Бисмарк увидел другое решение. Присоединяться к властным и сильным неумно: они проглотят вас, как это сделал венецианский дож с Карманьолой. Никто из них не будет по-настоящему испытывать

в вас нужды, если они и без того сильны. Если вы амбициозны, гораздо мудрее поискать слабых правителей или хозяев и сделать их зависимыми от вас. Вы становитесь их силой, умом, опорой. Какую власть вы приобретаете! Ведь если они захотели бы избавиться от вас, рухнула бы вся постройка.

Миром правит настоятельная потребность. Люди редко действуют, не испытывая в этом нужды. Если вы не постарались сделать так, что без вас не могут обойтись, вас отбросят прочь при первой возможности. Если же вы понимаете Законы Власти и заставляете других зависеть от себя или от своего благополучия, если можете нейтрализовать их слабость своими «железом и кровью» (по выражению Бисмарка), тогда вы переживете своих господ, как Бисмарк. У вас будут все преимущества власти, без ее скрытых шипов, которые получает властелин.

Поэтому мудрый государь будет заботиться о том, как сохранить зависимость своих подданных от государства и от него самого, кем бы они ни были и при любых обстоятельствах. В этом случае они всегда будут заслуживать доверия.

Никколо Макиавелли

Ключи к власти

Вершина власти — способность заставлять людей поступать по вашему желанию. Если вам это удается, не принуждая их силой и не оскорбляя, если они охотно выполняют то, что угодно вам, значит, ваша власть на недосягаемой высоте. Лучший способ достичь такого положения — добиться, чтобы от вас зависели. Господин нуждается в ваших услугах, он слаб или неспособен действовать без вас, вы проникли в его работу так глубоко, сплелись с ней так, что попытка избавиться от вас принесет ему лишь множество сложностей или ему придется тратить драгоценное время на поиски адекватной замены. Если удалось построить взаимоотношения так, у вас в руках козыри, рычаги, позволяющие управлять господином по вашему желанию. Это классический пример человека, стоящего за троном, королевского слуги, который фактически правит королем. Бисмарку не нужно было

запугивать Фридриха и Вильгельма или торговаться с ними. Он просто ясно дал понять, что если не будет получать того, что хочет, то просто уйдет, оставив короля на произвол судьбы. Оба короля быстро начали плясать под его дудку.

Многие ошибочно считают, что высшая форма власти — независимость. Это заблуждение. Власть подразумевает отношения между людьми. Вам непременно нужны союзники, исполнители и даже слабые властители, которые служат вам ширмой. Полностью независимый человек живет в хижине среди чащи леса — он свободен приходить и уходить когда вздумается, но он лишен власти. Единственное, на что вы можете надеяться, так это чтобы окружающие стали настолько зависимы от вас, что вы смогли бы наслаждаться чем-то вроде независимости навыворот, ведь их потребность в вас раскрепощает вас.

Людовик XI (1423—1483), великий король Франции, питал слабость к астрологии. Он держал придворного астролога, которого обожал, пока в один прекрасный день тот не предсказал, что одна из придворных дам умрет через восемь дней. Когда предсказание сбылось, Людовику стало страшно: либо астролог убил женщину, чтобы доказать свою правоту, либо он невероятно преуспел в своей науке. В обоих случаях его следовало убить.

Однажды вечером Людовик вызвал астролога в комнату, расположенную в верхнем этаже замка. До его прихода король сказал слугам, чтобы по его сигналу они схватили астролога, подтащили к окну и выбросили — с высоты в сотню метров.

Астролог появился, но, раньше чем дать сигнал слугам, Людовик решил задать ему последний вопрос: «Ты утверждаешь, что тебе известна участь других. А что гороскоп говорит о твоей собственной судьбе? Скажи мне, когда ты умрешь?»

«Я умру ровно на три дня раньше Вашего Величества», — ответил астролог. Король так и не подал сигнала. Жизнь предсказателя была спасена. Король не только всегда усиленно охранял его, но и осыпал дарами и заставлял пользоваться услугами лучших придворных докторов.

Астролог пережил Людовика на много лет, опровергнув свое предсказание, но подтвердив свое искусство управлять людьми.

Это образец: заставьте других зависеть от вас. Если расставание с вами грозит возможными бедами, даже смертью, господин не осмелится испытать судьбу, чтобы проверить правильность предсказания. Есть много способов добиться такого положения. Лучший из них — обладать талантом и мастерством в своем деле, которые всегда ценились превыше всего.

В эпоху Возрождения главным условием успеха для художника был точный выбор покровителя. Микеланджело превзошел всех: его покровителем был папа Юлий II. Но они не поладили из-за постройки мраморной гробницы для папы, и Микеланджело в возмущении покинул Рим. К удивлению папского окружения, папа не только не уволил художника, но и разыскал его и в свойственной ему неповторимой высокомерной манере уговорил Микеланджело вернуться. Он знал, что Микеланджело сможет найти другого хозяина, а вот ему никогда не найти второго Микеланджело.

Вам необязательно обладать талантом Микеланджело, достаточно уметь что-то, что выделяет вас из массы. Вам нужно создать ситуацию, в которой вы не пропадете, сможете найти себе другого господина или покровителя, но ваш господин побегает, чтобы найти нового слугу с таким же особенным талантом. А если, между нами, вы не так уж незаменимы, найдите способ производить такое впечатление. Репутация знающего специалиста прекрасно помогает убедить тех, кто выше вас по положению, в том, что им без вас не обойтись. Однако истинная зависимость со стороны вашего господина делает его более уязвимым, чем ложная, а это всегда в вашей власти — сделать так, чтобы ваши знания и умения были незаменимы.

Вот что подразумевается под переплетением судеб: как ползучая лиана, вы обвиваетесь вокруг источника власти, так что срезать вас нельзя, не причинив вреда ему. Вам, в сущности, нет нужды самому переплетаться с вашим господином, можно предоставить это ему, коль скоро он также является незаменимым звеном в цепи.

Однажды в кабинет президента киностудии «Коламбиа Пикчерс» Гарри Кона явились с мрачным видом его администраторы. Шел 1951 год, в Голливуде была в разгаре «охота на ведьм» — антикоммунистическая кампания, организованная соответствующим комитетом Конгресса. Администраторы принесли плохие новости: один из работников студии, сценарист Джон Ховард Лоусон, оказался

коммунистом. Его следовало уволить, иначе студии грозили преследования.

Никто не назвал бы Гарри Кона мягкотелым либералом, вообще-то он был убежденным республиканцем. Его любимым политиком был Бенито Муссолини, у которого он однажды был с визитом и чья фотография в рамке красовалась у него на стене. Любимым ругательным выражением Кона было «коммунистический ублюдок». Но при этом, к изумлению администраторов, Кон отказался увольнять Лоусона. Он оставил его не потому, что тот был хорошим сценаристом — в Голливуде было полно хороших сценаристов. Он оставил его из-за цепочки зависимостей: Лоусон был сценаристом Хамфри Богарта, а Богарт был звездой студии. Если бы Кон уволил Лоусона, он бы разрушил невероятно выгодные отношения. Это обошлось бы дороже, чем шумиха, поднятая из-за его отказа уволить коммуниста.

Генри Киссинджеру удалось пережить не одну передрягу в Белом доме при Никсоне, и все же он выстоял. Не потому, что был лучшим дипломатом, которого только мог найти Никсон, — нашлось бы кому вести переговоры не хуже; и не потому, что Никсон и он прекрасно ладили — они ладили далеко не всегда; и не потому, что их политические идеалы совпадали. Киссинджер выжил потому, что он очень глубоко закрепился в столь многих областях политической структуры, что его устранение привело бы к хаосу. Власть Микеланджело была интенсивной, она зависела от одного обстоятельства — его художественного таланта. Власть Киссинджера была экстенсивной. Он оказался вовлеченным в работу такого количества департаментов администрации, занятых столькими разными направлениями, что сама эта вовлеченность стала его козырем. Благодаря этому у него было много сторонников. Если вы сможете обеспечить себе такое положение, устранить вас будет опасно — могут оказаться нарушенными самые различные виды взаимозависимостей. В то же время интенсивная форма власти дает больше свободы, чем экстенсивная, поскольку те, кто ею обладает, не обязаны конкретному хозяину или конкретной властной структуре своей безопасностью.

Можно заставить других зависеть от вас, применяя тактику разведывания секретов. Зная тайны окружающих, владея

информацией, распространение которой им хотелось бы предотвратить, вы связываете свою судьбу с их судьбами. Вы неприкосновенны. Министры тайной полиции очень подолгу удерживаются на своем месте: они могут сделать королем и могут свергнуть короля или, как в случае с Дж. Эдгаром Гувером, президента. Однако эта должность несет в себе столько подозрительности и неуверенности, что все это почти обесценивает власть, которую она дает. Вы не можете спокойно спать, а что хорошего во власти, которая не приносит умиротворения?

Последнее предупреждение: не воображайте, что зависимость господина от вас заставит его любить вас. На самом деле он будет чувствовать страх и бояться вас. Но, как сказал Макиавелли, лучше вызывать страх, чем любовь. Страхом можно управлять, любовью — никогда. Зависимость от таких тонких и переменчивых чувств, как любовь и дружба, только делает вас незащищенным. Лучше пусть другие зависят от вас из страха вас потерять, чем из любви к вашему обществу.

Вяз и виноградная лоза

Сумасбродная юная виноградная лоза тщеславно рвалась к самостоятельности и мечтала о том, чтобы ничто не стесняло ее рост. Она с презрением отвергала союз с величавым вязом, что рос рядом и искал ее объятий. Поднявшись на незначительную высоту без чьей-либо поддержки, она сразу выпустила во все стороны нежные побеги на непривычную и чрезмерную высоту. При этом она окликнула соседа, призывая его обратить внимание на то, сколь мало она нуждалась в его поддержке. «Бедная безрассудная лоза, — отвечал вяз, — как непоследовательно твое поведение! Будь ты и в самом деле независима, ты бережно расходовала бы жизненные соки, используя их для утолщения ствола, в то время как ты бездумно тратишь их на ненужную листву. Я вскоре буду свидетелем твоего падения на землю. И все же тебе посочувствуют многие представители рода человеческого, из тех, кто, будучи отравлен тщеславием, с презрением отрицает экономию; и из тех, кто ради того, чтобы поддержать на мгновение пустое бахвальство своею независимостью, истощает самый источник ее пустыми тратами».

Из «Басен» Роберта Додсли, 1703–1764

Образ: лиана со множеством шипов.

Внизу корни растут вглубь и вширь. Вверху ветви лианы проталкиваются сквозь кусты, обвиваются вокруг деревьев, столбов и оконных рам. Избавиться от них стоило бы таких трудов и такой крови, что легче позволить им виться.

Авторитетное мнение

«Заставь людей зависеть от тебя. Можно получить от такой зависимости больше, нежели простую благодарность. Тот, кто утолил жажду, немедленно поворачивается спиной к колодцу. Когда зависимость исчезает, вместе с ней исчезают вежливость и пристойность, затем — уважение. Первый урок, которому должен научить тебя опыт, таков: давай надежде жить, но не исполняться, заставляя даже коронованного покровителя испытывать в тебе нужду».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Слабое место заключается в том, что, заставляя других зависеть от вас, и вы сами в какой-то мере зависите от них. Но стараться преодолеть это означает избавиться от тех, кто выше вас, это означает остаться в одиночестве, не зависеть ни от кого. Таково монополистское стремление Дж. П. Моргана или Джона Д. Рокфеллера — стремление быть вне конкуренции, сохранять полный контроль. Если вы в состоянии взвалить на себя такое — дерзайте.

Любая независимость имеет свою цену. Вы будете вынуждены изолироваться. Монополии часто расшатываются и разваливаются из-за растущего давления изнутри. Они также становятся причиной бурных эмоций, заставляют врагов сплачиваться для борьбы с ними. Стремление к полновластию чаще всего бесплодно и разрушительно. Взаимная зависимость поддерживает закон, зависимость — редкое и зачастую фатальное исключение. Поэтому лучше согласиться на положение зависимости друг от друга и следовать этому важному закону сосуществования, чем искать его противоположность. Вы не будете испытывать невыносимого бремени, как те, кто находится на

вершине, а господин, тот что выше вас, поневоле будет вашим рабом, потому что он будет зависеть от вас.

Закон 12. Проявляй иногда честность и щедрость, чтобы обезоружить свою жертву

Формулировка закона

Один искренний, честный поступок побьет дюжину нечестных. Чистосердечные проявления честности и великодушия усыпят бдительность даже самых подозрительных. Когда ваша избирательная честность пробьет брешь, можете обманывать их и манипулировать ими как хотите. Вовремя поднесенный дар — троянский конь — послужит той же цели.

Соблюдение закона

Однажды, году приблизительно в 1926-м, высокий, щегольски одетый молодой человек посетил Аль Капоне, самого известного гангстера того времени. Его речь отличал элегантный иностранный акцент. Человек представился как граф Виктор Люстиг. Он пообещал, что если Капоне даст ему 50 тысяч долларов, то он сможет удвоить эту сумму. У Капоне было более чем достаточно средств, чтобы покрыть такое «вложение», но не в его привычках было раздавать крупные суммы незнакомцам. Он присмотрелся к графу. Что-то в нем привлекло гангстера — шикарный стиль, манеры, — так что Капоне решил подыграть ему. Он собственноручно отсчитал купюры и протянул их Люстигу. «Хорошо, граф, — сказал Капоне, — удвойте их за два месяца, как обещали». Люстиг ушел с деньгами, положил их в банковский сейф в Чикаго, а затем отправился в Нью-Йорк, где у него были запущены многочисленные операции по добыванию денег.

50 тысяч лежали нетронутыми в чикагском банке. Люстиг не делал попыток их удвоить. Через два месяца он вернулся в Чикаго, забрал деньги из банка и вновь отправился к Капоне. Он осмотрел каменные физиономии телохранителей гангстера, примирительно улыбнулся и сказал: «Прошу принять мои глубочайшие извинения, мистер Капоне. Я с прискорбием должен сообщить, что мой план не сработал. Я проиграл».

Капоне медленно привстал. Он разглядывал Люстига, прикидывая, в каком месте реки удобнее будет его утопить. Но граф сунул руку

в карман пальто, вынул 50 тысяч долларов и положил их на стол. «Здесь ваши деньги, сэр, до единого цента. Я еще раз приношу мои искренние извинения. Это крайне неприятно. Все пошло не так, как я планировал. Я очень хотел удвоить ваши деньги для вас и себя самого — видит Бог, я в этом очень нуждаюсь, — но план не удалось реализовать».

Капоне в замешательстве откинулся на спинку кресла. «Я знаю, что вы мошенник, граф, — произнес Капоне.— Я знал это с первого момента, как увидел вас здесь. Я ожидал 100 тысяч долларов или ничего. Но это... вернуть мои деньги назад... м-да». — «Я еще раз прошу простить меня, мистер Капоне», — сказал Люстиг, беря шляпу и поворачиваясь, чтобы выйти. «О господи! Да вы честный человек! — вскричал Капоне.— Если у вас затруднения, возьмите хоть это». И он отсчитал пять купюр по тысяче долларов из 50-тысячной пачки. Граф, казалось, был ошеломлен, он пробормотал слова благодарности и вышел с деньгами.

Именно ради этих пяти тысяч Люстиг все и затевал.

Толкование

Граф Виктор Люстиг, человек, владевший несколькими языками, гордившийся своим воспитанием и культурой, был одним из наиболее талантливых аферистов XX века. Он прославился своей дерзостью, бесстрашием и, что особенно важно, знанием человеческой психологии. Он мог раскусить человека за считаные минуты, понять его слабости, у него было невероятное чутье на простаков. Люстигу было известно, что большинство людей готовы обороняться от жуликов и других нарушителей спокойствия. Его целью было поломать эту оборону.

Один из верных способов справиться с этим было изображать полную искренность и честность. Кто отнесется с недоверием к человеку, которого буквально застали за совершением честного поступка? Люстиг применял избирательную честность много раз, но в случае с Капоне он пошел на шаг дальше. Ни один нормальный аферист не отважился бы на такое дело. Он выбрал бы себе в жертву кроткого, безобидного человека, один вид которого говорит, что он, не ропща, проглотит горькую пилюлю. Обмани Капоне — и тебе придется дрожать всю жизнь (сколь короткой ей ни суждено после

этого быть). Но Люстиг понимал, что человек, подобный Капоне, никому не доверяет. В его окружении нет честных или щедрых людей, а постоянно находиться в компании волков очень тяжело, это может даже вызвать депрессию. Человек типа Капоне втайне мечтает испытать по отношению к себе бескорыстный или честный поступок, чтобы убедиться, что не все вокруг только и ждут, чтобы его обокрасть.

Люстиг обезоружил Капоне полной неожиданностью своего поступка. Талантливому аферисту нравилось вот так играть чувствами, эмоциями, поскольку в такие минуты человека очень легко отвлечь и обмануть.

Не смущаясь, применяйте закон на таких, как Капоне. С помощью хорошо рассчитанного проявления честности или великодушия вы заставите самых жестоких и циничных зверей есть из ваших рук.

Франческо Борри, придворный шарлатан

Франческо Джузеппе Борри из Милана, чья смерть в 1695 году почти совпала с окончанием XVII столетия, предвосхитил тот особенный тип шарлатана, авантюриста, самозванца — придворного или кавалера...

Настоящая слава пришла к нему по переезде его в Амстердам. Там, присвоив себе титул Medico Universale, он окружил себя огромной свитой и разъезжал в карете, запряженной шестериком лошадей...

Пациенты стекались к нему отовсюду, некоторых больных несли в портшезах от Парижа до самого Амстердама. Борри не брал платы за свои консультации, раздавал значительные суммы бедным, и о нем было известно, что он никогда не получает денег по почте или по векселям. Поскольку при этом он продолжал жить в роскоши, вскоре распространился слух, что он владеет философским камнем. Внезапно этот благодетель исчез из Амстердама.

Тогда обнаружилось, что он увез с собой деньги и драгоценности, которые были доверены ему на хранение.

Грете де Франческо. «Власть шарлатана», 1939

Все становится серым, если вокруг в обозримом пространстве нет хоть одной сделанной мною отметины. Жизнь тогда кажется пустой

и подавляющей. Я не могу понять честных людей. Они ведут беспросветную жизнь, полную скуки.

Граф Виктор Люстиг, 1890–1947

Ключи к власти

Квинтэссенция обмана — отвлечение внимания. Отвлекая людей, которых вы собираетесь обмануть, вы выигрываете время и пространство, чтобы сделать что-то незаметно для них. Добрые, великодушные, честные поступки часто являются наиболее эффективным способом отвлечения внимания, так как обезоруживают даже самых подозрительных. Это превращает их в детей, готовых поверить любому эффектному жесту.

В Древнем Китае это называлось «дать раньше, чем возьмешь». Наблюдая, как вы отдаете, окружающие не замечают, как вы берете. Это механизм с бесчисленными вариантами практического применения. Неприкрыто отнять что-то у кого-то опасно, даже для власть имущих. Жертва воспылает жаждой мести. Так же опасно просто попросить то, что вам нужно, даже если попросить очень вежливо: если другие не увидят в этом выгоды для себя, они могут обидеться на вашу просьбу. Научитесь давать прежде, чем возьмете. Это готовит почву, смягчает реакцию на будущую просьбу или просто помогает отвлечь внимание. А даяние может принимать разные формы: действительно дар, акт щедрости или великодушия, добрая услуга, «честное» признание — смотря по обстоятельстам.

Частичная честность лучше всего срабатывает, если вы впервые имеете с кем-то дело. Мы все дети привычки, и наше первое впечатление сохраняется надолго. Если кто-то в самом начале вашего знакомства поверил в вашу честность, убедить его в обратном будет трудно. Это дает вам пространство для маневра.

Джей Гоулд, как и Аль Капоне, не верил никому. К тридцати двум годам он уже был мультимиллионером, сколотив состояние в основном благодаря обману и применению силы. В конце 1860-х Гоулд вложил большие средства в железнодорожную компанию «Эрие», а затем обнаружилось, что рынок наводнен ее фальшивыми акциями. Фортуна изменила Гоулду, ему пришлось пережить много невзгод.

В разгар кризиса некий лорд Джон Гордон-Гордон предложил свою помощь. Гордон-Гордон, шотландский лорд, по-видимому, добился некоторого успеха, вложив средства в железные дороги. Наняв экспертов-графологов, Гордон-Гордон смог доказать Гоулду, что в выпуске поддельных бумаг на самом деле виновна группа людей, занимающих руководящие посты, в том числе и в компании «Эрие».

Гоулд был благодарен. Гордон-Гордон предложил ему объединить усилия, чтобы выкупить контрольный пакет акций. Гоулд согласился. Какое-то время предприятие, казалось, процветало. Наши герои стали друзьями, и каждый раз, как Гордон-Гордон обращался к Гоулду с просьбой дать денег на покупку новых акций, тот давал деньги не задумываясь. Однако в 1873 году Гордон-Гордон неожиданно сбыл с рук все свои акции по демпинговым ценам. Он получил прибыль, но цены на акции Гоулда резко упали, нанеся ему непоправимый урон. После этого Гордон-Гордон скрылся.

В ходе следствия выяснилось, что ГордонГордон был на самом деле Джоном Кроунингсфилдом, внебрачным сыном матроса торгового флота и лондонской официантки. И раньше многое указывало на то, что Гордон-Гордон был аферистом, но его первый честный поступок так ослепил Гоулда, что, только потеряв миллионы, он смог увидеть очевидное.

Одноразовой демонстрации честности иногда недостаточно. Для создания репутации честного человека следует совершить ряд поступков, пусть даже вполне непоследовательных. Когда же репутация закрепится, ее, как и первое впечатление, трудно поколебать.

В Древнем Китае правитель Ву из царства Чэнь решил, что настало время захватить царство Чу, которое становилось все более могущественным. Никому не сообщив о своем намерении, он устроил женитьбу правителя Чу на своей дочери. Затем он собрал совет и спросил министров: «Я собираюсь начать военные действия. Какое царство, по-вашему, нам стоило бы захватить?» Как он и ожидал, один из советников ответил: «Царство Чу». Правитель, казалось, был рассержен и сказал: «Чу теперь родственное государство. Как мог ты предложить напасть на него?» И он приказал наказать советника за его преступное предложение. Правитель Чу прослышал об этом и, принимая во внимание другие отзывы о честности Ву, а также свою

женитьбу на его дочери, не предпринимал никаких мер, чтобы защитить свои границы с царством Чэнь. Спустя несколько недель армия царства Чэнь вошла в царство Чу и захватила его, чтобы никогда уже не отдать.

Честность — один из лучших способов рассеять подозрения, но не единственный. Любое проявление благородства, бескорыстный поступок, акт самоотречения послужат этой цели, и особенно щедрость. Немногие люди могут устоять против подарка, даже от закоренелого врага, вот почему это прекрасный способ обезоружить людей. Подарок будит в нас ребенка, в другое время подавляемого настороженностью. Хотя часто мы рассматриваем поступки других людей в самом циничном свете, нам редко удается разглядеть макиавеллиевскую подоплеку подарка, часто скрытую за высшими мотивами. Подарок — прекрасный объект, который может скрывать мотивы низменные.

Более трех тысячелетий назад древние греки переплыли море, чтобы захватить прекрасную Елену и разрушить город Париса Трою. Осада длилась десять лет, много героев пало в сражениях, но ни одна сторона не могла приблизиться к победе. Однажды пророк Калхас собрал греков.

«Перестаньте биться в эти стены! — сказал он им.— Вы должны найти другой путь. Нам не взять Трою силой. Надо прибегнуть к военной хитрости». Хитроумный царь греков Одиссей предложил тогда построить гигантского деревянного коня и спрятать внутри воинов, а затем предложить троянцам принять его в дар. Сыну Ахилла это предложение не понравилось, он назвал такой план немужественным. Лучше тысячам пасть на поле сражения, чем добыть победу предательским путем. Но солдаты, поставленные перед выбором между еще десятком лет мужества, чести и смерти, с одной стороны, и быстрой победой — с другой, выбрали деревянного коня, которого немедленно и построили. Хитрость удалась — и Троя пала. Один дар сделал больше, чем вся греческая армия за десять лет.

Образ: Троянский конь.

Ваше коварство скрыто внутри великолепного дара, перед которым не может устоять ваш противник. Ворота открываются. Оказавшись внутри, сейте опустошение.

Пусть рассчитанная доброта также станет частью вашего арсенала обманов. Годами древние римляне предпринимали осаду города Фалисканы, но безуспешно. Как-то раз римский генерал Камилл, который стоял тогда лагерем у стен города, неожиданно увидел человека, ведущего к нему нескольких ребятишек. Человек представился фалисканским учителем, а дети оказались дочерьми и сыновьями самых богатых и благородных жителей города. Притворившись, что вывел детей погулять, учитель завлек их прямиком к римлянам и предложил выдать их как заложников в надежде на то, что Камилл, враг города, отблагодарит его.

Камилл не взял детей в заложники. Он приказал раздеть учителя, связать ему руки за спиной, дал каждому ребенку по розге и отправил их домой, велев хлестать учителя по пути до самого города. Поступок возымел немедленное действие на жителей Фалискан. Отказ Камилла воспользоваться преимуществом ситуации сломил сопротивление горожан, они капитулировали. Полководец рассчитал верно. Ему в любом случае нечего было терять: он знал, что захват заложников не привел бы к окончанию войны, по крайней мере не сразу. Повернув ситуацию, он завоевал уважение и доверие врагов, обезоружил их. Продуманная доброта часто может сломить даже наиболее упрямых врагов: целясь прямо в сердце, она уничтожает волю к борьбе.

Помните: играя на чувствах людей, рассчитанный добрый поступок может превратить Капоне в бесхитростное дитя. Как всегда при использовании эмоционального подхода, нужно быть осторожным: если вас разгадают, то разочарование, нереализованные чувства благодарности и теплоты превратятся в мощнейшую ненависть и недоверие. Если вы не можете придать своим поступкам искренность и сердечность, не затевайте игру с огнем.

Авторитетное мнение

«Когда правитель Синь из царства Чэнь собирался напасть на Ю, он подарил ему нефрит и табун лошадей. Когда правитель Ци собирался напасть на Чжоу, он подарил ему прекрасные колесницы. Отсюда пословица: “Когда ты собираешься взять, ты должен дать”».

Хань Фэй

Оборотная сторона

Если ваше прошлое — прошлое обманщика, никакая честность, великодушие или доброта не обманут людей. Если люди видят в вас лицемера, то начать вдруг изображать честного человека просто подозрительно — лучше изображать жулика.

Граф Люстиг, проворачивая самую грандиозную аферу своей жизни, собирался продать Эйфелеву башню наивному промышленнику, который поверил, что правительство продает ее с аукциона на металлолом. Промышленник уже был готов передать громадную сумму в руки Люстига, который успешно изображал правительственного чиновника. В последнюю минуту, однако, что-то в Люстиге вызвало подозрение у простака. На встрече, где должна была состояться передача денег, Люстиг заметил его внезапное недоверие.

Подойдя к промышленнику, Люстиг тихим шепотом заговорил о том, какое низкое жалованье он получает, в каком тяжелом финансовом положении находится и т. д. Через несколько минут клиент осознал, что Люстиг намекает на взятку. Он почувствовал облегчение. Теперь было ясно, что Люстигу можно доверять: поскольку все госчиновники не отличались честностью, Люстиг выглядел вполне реально. Клиент передал деньги. Изображая нечестного чиновника, Люстиг был правдоподобен. В этом случае честность могла бы вызвать противоположный эффект.

Когда французский дипломат Талейран состарился, он повсюду пользовался репутацией лжеца и обманщика. На Венском конгрессе (1814—1815) он распространял сказочные истории и делал невероятные замечания людям, которые знали, что он наверняка лжет. Его хитрость имела единственную цель — замаскировать то, в чем он на самом деле обманывал окружающих. Однажды, например, находясь в кругу друзей, Талейран заявил с совершенно искренним видом: «В делах каждый должен держать свои руки на виду». Слышавшие это не поверили своим ушам: человек, который ни разу в своей жизни не раскрыл своих карт, говорил другим, что они должны раскрывать свои. Подобные приемы не давали возможности отличить в словах Талейрана правду от лжи.

Ничто в королевстве власти не зиждется на каменном фундаменте. Неприкрытый обман порой помогает замести следы и даже заставляет

восхищаться честностью вашей нечестности.

Закон 13. Прося о помощи, взывай к своекорыстию людей... и никогда — к их милости или великодушию

Формулировка закона

Если вам пришлось обратиться к союзнику за помощью, не трудитесь напоминать ему о вашем былом участии в добрых делах. Он найдет способ вас проигнорировать. Вместо этого в своей просьбе или в своем договоре с ним дайте ему увидеть нечто такое, что будет выгодно ему, и подчеркивайте это без меры. Он с воодушевлением поддержит предложение, сулящее выгоду ему самому.

Нарушение закона

В начале XIV столетия юноша, именуемый Каструччо Кастракани, возвысился из простых солдат, став правителем крупного итальянского города Лукка. Его продвижению (совершившемуся в результате предательства и кровопролития) способствовало одно из наиболее могущественных семейств в городе — Поджио. Но едва их протеже пришел к власти, они поняли, что забыты им. Его честолюбие полностью перевесило благодарность, если он вообще ее испытывал. В 1325 году, воспользовавшись отъездом Каструччо, который сражался с основным врагом Лукки — Флоренцией, Поджио сговорились с еще одним дворянским семейством города избавиться от властолюбивого князя, приносившего им только беды.

Подняв мятеж, заговорщики напали на наместника, оставленного Каструччо для управления городом, и убили его. Поднялись волнения, силы сторонников Каструччо и сторонников Поджио были примерно равны. В момент наивысшего напряжения, однако, глава семьи Поджио, Стефано, вмешался и заставил обе стороны сложить оружие.

Стефано был миролюбив и не принимал участия в заговоре. Он все время уговаривал семью положить конец бесполезному кровопролитию. Теперь он настаивал на том, чтобы выступить от имени своего семейства и уговорить Каструччо выслушать их жалобы и удовлетворить требования. Стефано был старшим и мудрейшим

в клане, так что семья согласилась довериться его дипломатии, а не своему оружию.

Услышав о восстании, Каструччо поспешил назад. Но к моменту его прибытия стычки прекратились благодаря тайным действиям Стефано, и правителя поразили мир и спокойствие, царившие в его городе. Стефано предполагал, что Каструччо будет благодарен ему за его роль в усмирении восставших, поэтому он нанес правителю визит. Он объяснил, каким образом добился мира, а затем воззвал к милости Каструччо. Стефано объяснил, что бунтовщики из его семьи люди молодые и пылкие, хотят власти, но не имеют опыта. Он напомнил и о былом великодушии и помощи, оказанной Каструччо его семьей. По всем этим причинам, сказал он, правитель должен простить Поджио и выслушать их жалобы. Это, сказал он, было бы единственным верным решением, ведь семья охотно сложила оружие, а в прошлом всегда поддерживала его.

Каструччо терпеливо слушал. Казалось, он ничуть не рассержен и не обижен. Напротив, он в ответ призвал Стефано не сомневаться, что справедливость восторжествует, и попросил пригласить всю его семью во дворец, чтобы обсудить взаимные претензии и прийти к соглашению. При расставании Каструччо сказал, что благодарен Богу за дарованную возможность проявить снисходительность и доброту. В тот вечер все семейство Поджио явилось во дворец. Каструччо сразу же приказал схватить их, а через несколько дней все они были казнены, включая Стефано.

Большинство людей столь неистово субъективны, что ничто на самом деле не занимает их, лишь они сами. Любое сделанное кем-то замечание наталкивает их на размышления об их собственных делах, а всё их внимание поглощено и захвачено малейшим шансом перевести разговор на свою личность, сколь бы отдаленной ни была тема.

Артур Шопенгауэр, 1788—1860

Толкование

Стефано является олицетворением всех тех, кто верит в торжество правосудия и благородства. Конечно, в истории известны случаи, когда обращения к правосудию и напоминания о благодарности увенчивались успехом, но значительно чаще это приводило к страшным последствиям, особенно при попытке договориться с людьми, подобными Каструччо. Стефано было известно, что путь князя к власти пролегал через предательство и безжалостную жестокость. Наконец, было известно, что этот человек приказал убить близкого и преданного ему друга. Когда Каструччо сказали, что он совершает ужасную ошибку, убивая старого друга, он ответил, что казнит не старого друга, а нового врага.

Человек, подобный Каструччо, понимает лишь силу и корысть. Когда вспыхнул мятеж, наиболее опасным шагом из всех возможных было погасить его и отдать себя на милость правителя. Но даже когда эта роковая ошибка совершилась, у Стефано еще был шанс подкупить Каструччо деньгами или посулами золотых гор в будущем, намекнуть, что для поддержания власти Каструччо по-прежнему не обойтись без Поджио, благодаря их связям с самыми влиятельными родами Рима или хотя бы возможности устроить ему выгодную брачную партию.

Вместо этого Стефано стал ворошить прошлое, вспоминая о долгах, которые не были возвращены. Никого нельзя заставить насильно быть благодарным, а часто благодарность ложится тяжким бременем, которое человек счастлив был бы сбросить. Каструччо уничтожил свои обязательства перед Поджио, избавившись от самих Поджио.

Соблюдение закона

В 431 году до н. э., перед самым началом Пелопоннесской войны, остров Керкира (впоследствии получивший название Корфу) и греческий город-государство Коринф находились на пороге конфликта. Обе стороны направили послов в Афины, стараясь привлечь афинян в союзники. Ставки были высоки, поскольку иметь Афины на своей стороне означало победить. И кто бы ни стал победителем, проигравшей стороне не приходилось рассчитывать на его милость.

Остров Керкира взял слово раньше. Посол начал с признания того факта, что острову в прошлом не приходилось оказывать помощь Афинам, а вообще-то Керкира чаще союзничал с неприятелями Афин. Керкира и Афины не были связаны ни дружбой, ни благодарностью. Да, признал посол, сейчас он явился в Афины из-за страха и озабоченности будущим своей родины. Единственное, что он мог предложить, был взаимовыгодный союз. Керкира располагал военным флотом, по силе и численности уступавшим только афинскому. Союз двух государств способствовал бы развитию невероятно мощного флота, который служил бы для устрашения неприятельского государства Спарты. Ничего другого остров Керкира, к сожалению, не мог предложить.

Представитель Коринфа выступил затем с блестящей, страстной речью, являвшей резкий контраст сухому, бесцветному выступлению островитянина. Он вспомнил все былые заслуги Коринфа перед Афинами. Он вопрошал, что сказали бы другие союзники Афин в случае заключения городом союза с бывшим врагом против теперешнего друга, который преданно служил интересам Афин: пожалуй, эти союзники могли бы разорвать свои соглашения с Афинами, увидев, что их верность не ценится. Он апеллировал к законам Эллады и напоминал, что пришло время Афинам платить Коринфу за все сделанное добро. Под конец он перешел к долгому перечислению услуг, когда-либо оказанных Коринфом Афинам, и напомнил о том, как важно быть благодарными по отношению к друзьям.

После обоих выступлений афиняне приступили к дебатам. Когда пришло время голосования, они единогласно отдали голоса в пользу союза с Керкирой против Коринфа.

Крестьянин и яблоня

В саду у крестьянина росла яблоня, которая не давала плодов, а по ее ветвям прыгали воробьи и кузнечики. Крестьянин решил срубить ее и, взяв в руку топор, с силой ударил по корням. Кузнечики и воробьи умоляли его не рубить дерево, которое давало им приют, и пожалеть его. Они обещали, что за это станут своим пением облегчать человеку его труды. Не обращая внимания на их мольбы, крестьянин нанес второй и третий удар топором. Когда он добрался до дупла в дереве, то

обнаружил в нем улей, полный меда. Отведав медовых сот, крестьянин отбросил топор и стал заботливо ухаживать за деревом, словно оно было священным.

Из «Басен» Эзопа, VI век до н. э.

Толкование

История превосходно помнит афинян, которые известны как самые трезвомыслящие люди во всей классической Греции. Для них вся риторика мира, все взывания к эмоциям не могли перевесить убедительного практического аргумента, особенно такого, какой увеличивал бы их могущество.

Коринфский посол не учел того, что его взывания к былым заслугам Коринфа перед Афинами лишь раздражали афинян, заставляя их испытывать чувство вины и напоминая, что они многим обязаны Коринфу. Афинян менее всего заботили прежние заслуги и дружеские чувства. В то же время они знали, что, даже если другие союзники сочтут их неблагодарными за отказ поддержать Коринф, все же эти города-государства едва ли пойдут на разрыв отношений с Афинами, самыми могущественными в Греции. Афинская империя управлялась с помощью силы, и любые проявления неодобрения попросту были бы подавлены.

Когда люди выбирают между разговорами о прошлом и обсуждением будущего, прагматик всегда тяготеет к будущему и забывает прошлое. Политики Керкиры понимали, что с трезвыми реалистами лучше быть прагматиками. И наконец, большинство людей действительно прагматичны — редко кто из них станет действовать вопреки собственным интересам.

Всегда было законом, что слабый должен повиноваться сильному, а кроме того, мы считаем, что достойны властвовать. Вплоть до сего момента ты полагал так же, но теперь, подсчитав собственные выгоды, начинаешь рассуждать в терминах добра и зла. Заключениями подобного рода никогда не удавалось отвратить людей от стремления к власти, предоставляемой превосходством силы.

Из «Пелопоннесской войны» Фукидида, ок. 460—400 до н. э.

Ключи к власти

В своем продвижении к власти вам предстоит не раз попадать в положение просящего помощи у тех, кто обладает большей властью. Просить помощи — это искусство, а успех зависит от вашей способности понять того, с кем вы имеете дело, и не перепутать свои нужды с его нуждами.

Большинство людей никогда не добиваются в этом положительного результата, потому что ослеплены собственными желаниями и потребностями. Они исходят из допущения, что те, к кому они обращаются, бескорыстно заинтересованы в оказании им помощи. Они разговаривают так, будто их нужды имеют значение для этих людей, заботят их, тогда как на самом деле, возможно, ничто не волнует их меньше. Иногда они обращаются к высоким материям: возвышенным мотивам или таким чувствам, как любовь или сострадание. Они рисуют масштабные полотна, в то время как простая, обыденная реальность могла бы оказаться более притягательной. Они не отдают себе отчета в том, что даже обладающий самой большой властью человек находится в тисках собственных нужд, так что, если не воззвать к его интересам, он в лучшем случае воспримет вашу просьбу как ненужную трату времени.

В XVI веке португальские миссионеры предпринимали многолетние попытки обращения в католицизм жителей Японии, при этом Португалия обладала монополией на торговлю Японии с Европой. Хотя миссионеры и добились некоторых успехов, однако им никак не удавалось договориться с правящей элитой страны. К началу XVII столетия их деятельность вызывала резко отрицательное отношение у императора Японии Иэясу. Когда в Японию стали прибывать голландцы, император испытал облегчение. Он очень нуждался в европейцах из-за их огнестрельного оружия, познаний в навигации, а это были к тому же европейцы, которые не докучали навязыванием религии, — голландцы хотели только торговать. Иэясу быстро распорядился изгнать португальцев из страны. С тех пор он имел дело только с практичными голландцами.

Япония и Голландия — страны с совершенно разными культурами, но обе разделяли вечный и универсальный идеал: корыстные интересы. Любой человек, с которым вы имеете дело, — это как бы

другая культура, чужая земля, и его прошлое не имеет ничего общего с вашим прошлым. Все же вы можете преодолеть различия между ним и вами, взывая к его эгоизму. Здесь не нужна излишняя тонкость, будьте внятны: вы обладаете ценной для него информацией, вы можете наполнить его чемоданы золотом, вы сделаете так, что он будет жить дольше и счастливее. Вот язык, на котором все мы говорим и который понимаем.

Самое важное — понять психологию другого человека. Он честолюбив? Озабочен своей репутацией или положением в обществе? Есть ли у него враги, которых вы могли бы помочь победить? Может, его попросту интересуют деньги или власть?

Когда в XII веке монголы заняли Китай, они создали опасность для существования культуры, процветавшей в течение двух тысячелетий. Их вождь, Чингисхан, видел в Китае лишь страну, где не хватало пастбищ для его лошадей, так что он решил разрушить ее, сровняв с землей города, потому что «так будет легче завоевать китайцев и растить траву». Китай был спасен от разорения и опустошения не солдатом, не полководцем и не королем, а человеком по имени Елюй Чуцай. Сам Чуцай был иностранцем, но признавал превосходство китайской культуры. Ему удалось стать доверенным советником Чингисхана и внушить тому, что можно лучше воспользоваться богатством страны, если не разрушать ее, а начать взимать дань с каждого ее жителя. Чингисхан счел совет мудрым и поступил так, как предложил Чуцай.

Когда Чингисхан в результате долгой осады завоевал город Кайфэн, то намеревался уничтожить всех его обитателей (так он поступал с жителями городов, которые оказывали сопротивление).

Чуцай сообщил ему, что именно этот город дал Китаю лучших ремесленников и инженеров и что полезнее использовать их, чем лишить жизни. Никогда прежде Чингисхан не проявлял милосердия, хотя на самом деле не милосердие спасло город. Чуцай хорошо изучил вождя монголов. Это был варвар, крестьянин, не интересовавшийся культурой, да и ничем другим, что не имело отношения к военным действиям и практическим результатам. Чуцай поэтому предпочел воззвать к единственному чувству, которое могло быть развито в таком человеке: к алчности.

Эгоизм, корыстный интерес — рычаг воздействия на большинство людей. Дайте им увидеть, каким образом вы можете содействовать удовлетворению их потребностей, — и ваша просьба о помощи магическим образом не встретит сопротивления с их стороны. Проходя каждый шаг по дороге к достижению власти, вы должны учиться прокладывать путь в мыслях окружающих, видеть их нужды и интересы, избавляться от пелены своих собственных чувствований, затмевающих истину. Овладейте этим искусством — и ваши возможности станут безграничными.

Образ: веревка.

Веревка милости и благодарности истерта и порвется при первом ударе. Не доверяйте ей свою жизнь. Веревка взаимного эгоизма сплетена из множества волокон, ее не так просто разорвать. Она прослужит долгие годы.

Авторитетное мнение

«Кратчайший и лучший путь добиться удачи — дать людям ясно понять, что это в их собственных интересах способствовать продвижению ваших».

Жан де Лабрюйер, 1645—1696

Оборотная сторона

Найдутся и такие люди, которые сочтут, что взывать к их корыстным интересам некрасиво и неблагородно. Они предпочитают проявлять милосердие, быть справедливыми и, таким образом, чувствовать себя выше вас. Обращаясь к ним с просьбами о помощи, вы подчеркиваете их власть и положение. Они достаточно сильны, чтобы ничего не желать от вас, кроме возможности ощутить превосходство. Это вино, которое их пьянит. Они костьми ложатся, чтобы продвинуть ваш проект, представить вас влиятельным людям, — постаравшись, конечно, чтобы все происходило на публике и, разумеется, совершенно бескорыстно (обычно чем больше при этом публики, тем лучше).

Поэтому, цинично апеллируя к эгоистическим интересам, вы сможете найти подход не к каждому.

Кое-кому это придется не по душе — они не хотят, чтобы казалось, будто их интересуют такие низменные мотивы. Им нужна возможность продемонстрировать добросердечие.

Не скромничайте. Предоставьте им такую возможность. Прося их о помощи, вы не делаете их жертвой обмана — им нравится отдавать и нравится, чтобы видели, как они отдают. Научитесь различать тип влиятельных людей и понимать, какой подход сработает. Если они источают алчность, не взывайте к их милосердию. Если же они стремятся выглядеть милосердными и благородными, не обращайтесь к их жадности.

Закон 14. Играй роль друга, действуй как шпион

Формулировка закона

Знать своего соперника очень важно. Используйте шпионов для сбора ценной информации, и она позволит вам быть на шаг впереди. Еще лучше — поработайте шпионом сами. Учитесь зондировать почву, поддерживая вежливую светскую беседу. Задавайте непрямые вопросы, ответы на которые приоткрывают слабости и намерения людей. В любой ситуации можно найти возможности для искусного расследования.

Соблюдение закона

Джозеф Дювин был, без сомнения, крупнейшим торговцем произведениями искусства своего времени — в период с 1904 по 1940 год он монополизировал американский рынок произведений искусства для коллекционеров с миллионными состояниями. Только один лакомый кусочек никак ему не давался: предприниматель Эндрю Меллон. Заполучить Меллона в клиенты сделалось навязчивой идеей Дювина.

Друзья говорили ему, что это несбыточная мечта. Меллон был человеком чопорным, угрюмым. Рассказы о словоохотливом, общительном Дювине раздражали его — он ясно дал понять, что не желает знакомиться с этим человеком. Но Дювин возражал сомневающимся друзьям: «Меллон не просто будет покупать у меня — он будет покупать только у меня». Годами он выслеживал добычу, изучал привычки и вкусы миллионера. Для этого он негласно подкупал многих служащих Меллона, получая от них ценную информацию. К тому времени, когда Дювин был готов действовать, он знал Меллона не хуже, чем знала Меллона его собственная жена.

В 1921 году Меллон находился в Лондоне. Он остановился в роскошных апартаментах Кларидж-отеля. Дювин вселился в номер на втором этаже, как раз под Меллоном. Он дал поручение своему камердинеру завести дружбу с камердинером Меллона, и в день, который он выбрал для решительного шага, камердинер Меллона

сообщил камердинеру Дювина, а тот передал своему хозяину, что Меллон только что надел пальто и вышел в коридор, чтобы вызвать лифт.

Дювин с помощью камердинера также быстро облачился в пальто. Спустя считаные секунды Дювин вошел в лифт, где — какая неожиданность! — уже находился Меллон. «Добрый день, мистер Меллон, — произнес Дювин, представившись.— Я собрался в Национальную галерею, посмотреть кое-какие картины». Вот сюрприз — господин Меллон как раз направлялся именно туда. Так и получилось, что Дювин смог сопровождать свою жертву в такое место, где он был способен закрепить первый успех. Вкусы Меллона были ему известны как свои пять пальцев, и, прогуливаясь с магнатом по залам музея, он ослепил, поразил его своими познаниями. И опять совершенно случайно оказалось, что вкусы их поразительным образом совпадают.

Меллон испытал приятное удивление: перед ним был совсем не тот Дювин, какого он себе представлял. Этот человек был очень мил, приятен в общении и обладал бесспорно безукоризненным вкусом. Когда они возвратились в Нью-Йорк, Меллон посетил эксклюзивную галерею Дювина и влюбился в его собрание. Его — не странно ли? — притягивало буквально каждое произведение, он всегда хотел коллекционировать именно такие работы. В дальнейшем до конца жизни он был лучшим и самым щедрым клиентом Дювина.

Толкование

Джозеф Дювин, честолюбивый человек с бойцовским характером, ничего не оставлял на волю случая. Нельзя добиться успеха, если полагаться на то, что можно просто понравиться тому или иному клиенту. Это то же, что стрелять по уткам с завязанными глазами. Вооружись малой толикой фактов — и точность прицела увеличится.

Меллон был самой яркой победой Дювина, но не единственной. Он шпионил за многими миллионерами. Подкупая служащих или домочадцев будущего клиента, он получал постоянный доступ к ценной информации о времени прихода и ухода их хозяина, изменениях его вкусов и других мелочах, которые позволяли Дювину быть на шаг впереди. Соперник Дювина, который хотел заполучить в клиенты Генри Фрика, заметил: когда бы он ни пришел с визитом

к этому состоятельному ньюйоркцу, всегда оказывалось, что до него там уже побывал Дювин, словно обладавший шестым чувством. Другим торговцам казалось, что Дювин вездесущ и узнает все раньше, чем они. Его могущество обескураживало их и приводило в уныние, а многие просто сдавались, отказываясь от попыток работать с богатыми и выгодными клиентами.

Такова власть искусного шпионажа: он помогает выглядеть всемогущим, ясновидящим. Хорошее знакомство с вашей мишенью придаст вам обаяния в ее глазах, так как вы сможете предвосхищать ее желания. Никому не виден источник вашей власти, а с невидимым невозможно бороться.

Правители воспринимают мир посредством шпионов, как коровы посредством обоняния, брамины — посредством священных книг, а остальные люди — посредством собственных глаз.

Каутилья

Ключи к власти

В царстве власти ваша цель — возможность управлять будущими событиями. Одна из сложностей, с которой вы сталкиваетесь при этом, в том, что люди не захотят посвящать вас в свои мысли, чувства и планы. Если люди следят за своими высказываниями, им часто удается скрыть главные черты характера, слабости, скрытые мотивы, навязчивые идеи. В результате вам не удается прогнозировать их поступки, и вы все время блуждаете в потемках. Хитрость в том, чтобы найти способ узнавать их секреты и скрытые намерения так, чтобы они об этом не подозревали.

Это не так сложно, как может показаться. Дружелюбная маска позволит вам тайно собирать сведения и о друзьях, и о врагах. Пусть другие советуются с гороскопом и гадают на картах Таро, у вас есть более точные методы прорицать будущее.

Самый распространенный метод шпионажа — использование других людей, как в случае с Дювином. Способ простой, действенный, но рискованный: вы, несомненно, будете получать информацию, но у вас почти нет контроля над людьми, которые на вас работают. Они

могут оказаться недостаточно умелыми, чтобы скрыть, что шпионят, или даже начать действовать против вас. Гораздо лучше стать шпионом самому, изображая друга, но при этом незаметно собирая информацию.

Французскому политику Талейрану не было равных в этом искусстве. Он обладал почти сверхъестественной способностью выведывать у собеседников секреты в обычном вежливом разговоре. Его современник барон де Витроль писал: «Его манеру разговора отличали остроумие и изящество. Он владел искусством прятать свои мысли или умыслы за прозрачной вуалью намеков, слов, которые скрывали больше, нежели выражали. Только при крайней необходимости приоткрывал он собственную личность». Ключом здесь является способность Талейрана подавлять себя в беседе, чтобы другие говорили о себе, неизбежно обнажая свои намерения и планы.

На протяжении всей жизни Талейрана о нем говорили, что он интереснейший собеседник, хотя на самом деле говорил он очень мало. Он никогда не касался в разговоре собственных мыслей; он давал возможность окружающим раскрывать себя. Он организовывал для иностранных дипломатов дружеские игры в шарады, светские приемы, на которых ловил каждое их слово, вытягивал из них откровенные признания и собирал информацию, бесценную для него как министра иностранных дел Франции. На Венском конгрессе он занимался сбором сведений другим способом: выбалтывал то, что казалось секретом (на самом деле чаще всего собственную выдумку), и наблюдал за реакцией слушателей. Он, например, мог сообщить собранию дипломатов, что из надежного источника ему стало известно, будто русский царь собирается арестовать высокопоставленных военных за измену. Видя реакцию собравшихся на эту выдуманную новость, он замечал, кого особенно воодушевляет ослабление русской армии, — может быть, их правительства строили планы относительно России? Как выразился барон фон Штеттен, «месье Талейран стреляет из пистолета в воздух, чтобы посмотреть, кто выскочит в окно».

Будьте внимательны на светских приемах и безобидных вечеринках. Именно здесь люди ослабляют самоконтроль. Подавляя собственную индивидуальность, вы можете спровоцировать их на откровенность. Блеск этого маневра состоит в том, что окружающие

ошибочно принимают ваш интерес за дружбу. Таким образом, вы не только собираете сведения, но и обзаводитесь связями.

Этот метод, впрочем, следует применять аккуратно и внимательно. Если вас заподозрят в выведывании секретов у окружающих, то будут избегать. Делайте акцент на дружеской болтовне, а не на ценных сведениях. Ваш поиск крупиц информации не должен бросаться в глаза, или ваши наводящие вопросы скорее вскроют ваши намерения, чем позволят получить нужные вам сведения.

Один из приемов, который можно испробовать, подсказан нам Ларошфуко. Он писал: «Искренность может быть обнаружена в считаных людях и часто является умнейшей из уловок — искренность проявляют с целью вытянуть откровенные признания и секреты из других». Иными словами, притворившись, будто вы открываете собеседнику душу, вы легче сможете вытянуть его собственные секреты. Сделав фальшивое признание, вы можете рассчитывать на правдивое с его стороны.

Другую хитрость связывают с именем философа Артура Шопенгауэра, который предлагал изо всех сил противоречить людям в разговоре, чтобы вызвать их раздражение, довести до такого состояния, когда они перестанут следить за своими словами. Всплеск эмоций заставляет их раскрыть всю правду о себе, ту самую правду, которая впоследствии может быть обращена против них.

Еще один, косвенный, метод — расставлять маленькие ловушки, заставляющие людей выдавать себя. У Хосрова II, коварного и могущественного шаха Ирана в VII веке, было множество способов узнавать всю подноготную подданных, не вызывая при этом подозрений. Если, к примеру, он замечал, что двое его придворных дружны, он отзывал одного из них в сторону и сообщал, что ему известно, будто второй друг — изменник и скоро будет казнен. Шах говорил придворному, что доверяет ему больше, чем кому-либо, и что тот должен хранить эту тайну. Затем он внимательно наблюдал за обоими. Если обнаруживалось, что поведение второго человека никак не изменилось, он делал вывод, что первый придворный сохранил секрет. Тогда он повышал его в чинах, а позднее делал признание: «Я хотел убить твоего друга, потому что мне кое-что о нем сообщили, но, проверив донос, я убедился, что он был ложным». Если же, напротив, второй придворный начинал избегать шаха, держаться

скованно, Хосрову становилось ясно, что его секрет выдали. Тогда второго придворного изгоняли, сообщив ему, что все было лишь проверкой, которую он не прошел, и что, хотя он и не совершил ничего дурного, ему больше не доверяют. Первого же придворного, выдавшего секрет, Хосров высылал из страны.

Эта форма шпионажа может показаться странной — она ведь позволяет раскрыть не какие-то конкретные сведения, а характер человека. Часто, однако, это является лучшим способом решать проблемы в самом зародыше.

Провоцируя людей на конкретные действия, вы можете оценить их лояльность, честность и т. п. А это знание нередко оказывается самым ценным: располагая им, вы в дальнейшем сможете прогнозировать поступки окружающих.

Если у вас имеются основания подозревать, что некто говорит вам неправду, притворитесь, будто верите каждому его слову. Это придаст ему смелости продолжать, он станет высказываться более открыто и в конце концов выдаст себя. Также, если вы заподозрите, что некто недоговаривает, пытаясь скрыть от вас часть правды, притворитесь, что вы ему не верите. Ваше сопротивление спровоцирует его, и он выложит всё до конца, направив всю силу правды на то, чтобы разбить ваше недоверие.

Артур Шопенгауэр

Образ: третий глаз шпиона.

В стране людей с двумя глазами третий глаз дает всеведение Бога. Вы видите дальше, чем другие, вы заглядываете им в душу. Никто не защищен от этого глаза, кроме вас самого.

Авторитетное мнение

«Итак, причина, по которой великий государь и мудрый военачальник побеждают врага в любом сражении, а их подвиги превосходят подвиги обыкновенных людей, заключается в том, что они предвидят положение врага. Это „предвидение“ нельзя получить ни от духов, ни от богов, ни проводя аналогию с событиями прошлого,

ни занимаясь астрологическими вычислениями. Оно может быть получено от людей, которым известно положение врага, — от шпионов».

Из «Искусства войны» Сунь-цзы, VI—V века до н. э.

Оборотная сторона

Информация принципиально важна для власти, но, собираясь шпионить за другими, приготовьтесь к тому, что они следят за вами. В информационной войне мощным оружием является дезинформация. Как говорил Уинстон Черчилль: «Истина так драгоценна, что ее всегда должен сопровождать телохранитель — ложь». Окружите себя такими телохранителями, чтобы к вашей истине нельзя было прорваться. Выдавая такую информацию, какую отобрали вы сами, вы ведете в игре.

В 1944 году налеты фашистских бомбардировщиков на Лондон неожиданно участились. На город было сброшено более двух тысяч ракет Фау-1, убито свыше пяти тысяч человек, ранено значительно больше. Однако каким-то образом немецкие летчики все время промахивались. Ракеты, предназначенные, например, для лондонского Тауэра, падали, не достигая города, в малонаселенных пригородах. Так случалось потому, что, определяя координаты объектов, немцы полагались на сведения секретных агентов, внедренных в Англии. Им не было известно, что их агентов раскрыли и что вместо них работали английские контрагенты, снабжая их слегка искаженной информацией. Ракеты с каждым разом падали все дальше и дальше от предполагаемых целей. К концу кампании они поражали коров в английских деревнях.

Предоставляя людям ложную информацию, вы можете получить перевес. Если шпионаж дает третий глаз вам, дезинформация закрывает один глаз у вашего противника. А циклоп, как известно, никогда не попадает в цель.

Закон 15. Разбей врага полностью

Формулировка закона

Всем великим вождям со времен Моисея было известно, что испуганный враг должен быть разбит наголову. (Порой это знание приходило к ним через тяжкие испытания.) Если оставить хоть одну искру, как бы тускло она ни мерцала, в конце концов разгорится огонь. Остановившись на полпути, можно потерять больше, чем при условии полного уничтожения: враг оправится и будет искать отмщения. Разбейте его не только телесно, но и духовно.

Нарушение закона

В истории Китая самым известным случаем соперничества между лидерами была борьба Сян Юя и Лю Бана. Эти военачальники начинали службу друзьями, сражаясь на одной стороне. Сян Юй был благородного происхождения. Большой и сильный, подверженный вспышкам гнева и грубоватый, немного тугодум, он, несмотря на это, был хорошим воином и всегда был впереди своего войска. Лю Бан был родом из простой крестьянской семьи. Он не слишком отдавался службе, предпочитая сражениям женщин и вино. Вообще, это был человек не вполне порядочный и коварный, но он обладал способностью находить лучших стратегов, держал их около себя в качестве советчиков и прислушивался к их словам. Он сделал карьеру в армии благодаря этому таланту.

В 208 году до н. э. правитель Чу послал два огромных войска завоевать могущественное царство Чэнь. Одна армия шла на север под командованием Сун И и с Сян Юем в качестве второго командира. Другое войско, возглавляемое Лю Баном, направилось прямо в царство Чэнь. Целью была его великолепная столица город Саньян. Сяну, властному и нетерпеливому, невыносима была мысль, что Лю Бан возьмет столицу первым и, возможно, заполучит командование над объединенной армией.

В какой-то момент командующий северным фронтом Сун И заколебался, не решаясь послать солдат в бой. Взбешенный Сян ворвался в шатер Суна и, назвав его изменником, отрубил ему голову,

после чего объявил, что принимает на себя командование армией. Не ожидая приказа, он оставил северный фронт и направился прямиком к Саньяну. Он был уверен, что как солдат и полководец превосходит Лю, но, к его невероятному изумлению, его соперник, армия которого была небольшой, но подвижной, первым занял столицу. У Сяна был советник по имени Фан Цзен, который предостерег его: «Этот неотесанный мужлан (Лю Бан) всегда был жаден только до женщин и богатства, но сейчас, войдя в столицу, он не отвлекается на пирушки и наживу. Это означает, что он метит выше».

Фан Цзен убеждал Сяна убить соперника, пока не поздно. Он предложил ему пригласить хитрого крестьянина на пир в свой лагерь за пределами Саньяна и во время ритуального танца с мечами отрубить ему голову. Приглашение было послано, Лю попался в ловушку и явился на пир. Но Сян все медлил с приказом начать танец с мечами, а тем временем Лю что-то заподозрил, и ему удалось убежать. «Эх! — презрительно воскликнул Фан Цзен, поняв, что Сян провалил их план.— Нельзя было полагаться на простофилю. Лю Бан еще захватит власть, а нас всех посадит в темницу».

Осознав ошибку, Сян с армией спешно отправился в столицу, на этот раз решив заполучить голову соперника. Лю был не из тех, кто рвался в бой, если шансы не в его пользу, поэтому он оставил город. Сян вошел в Саньян, убил принца царства Чэнь и сжег город. Лю теперь стал злейшим врагом для Сяна, который гонялся за ним многие месяцы и в конце концов загнал в городок, окруженный крепостной стеной. Осажденный, без запасов продовольствия, с деморализованной армией, Лю стал просить мира.

Снова Фан Цзен предостерег Сяна: «Покончи с ним сейчас же! Если ты снова дашь ему ускользнуть, потом горько пожалеешь об этом». Но Сян решил проявить великодушие. Ему хотелось доставить Лю в царство Чу живым и принудить бывшего друга во всеуслышание признать его, Сяна, превосходство. Однако прав оказался Фан: Лю использовал переговоры с окружившим его неприятелем как отвлекающий маневр и удрал с небольшим отрядом. Сян, недоумевающий, как это он снова упустил противника, еще раз отправился в поход за ним, но на этот раз ярость, казалось, лишила его разума. В одном из сражений, захватив в плен отца Лю, Сян выставил

старика перед солдатами и прокричал, так чтобы Лю слышал его на другом краю поля боя: «Сдавайся, или я сварю твоего отца заживо!» Лю спокойно отвечал: «Мы ведь побратимы. Так что мой отец — это и твой отец. Если ты собираешься сварить своего отца, пришли мне миску супа!» Сян опомнился, и сражение продолжалось.

Спустя несколько недель в разгар преследования Сян неразумно расположил свои силы так, что неожиданно Лю удалось окружить его основной гарнизон. Впервые расклад изменился. Теперь Сян был вынужден просить мира. Главный советник Лю склонял его к тому, чтобы покончить с Сяном, разбить его войско, не проявляя милости. «Дать ему уйти — все равно что отпустить тигра. Он рано или поздно сожрет тебя», — говорил советник. Лю согласился.

Начав переговоры, он добился того, чтобы Сян ослабил оборону, после чего приказал перебить все его войско. Сяну удалось бежать. Один, без коня, зная, что Лю назначил большую награду за его голову, он вышел к небольшому отряду его собственных отступавших солдат и крикнул: «Я слышал, что Лю Бан обещал тысячу слитков золота и поместья десяти тысяч семей за мою голову. Я хочу оказать вам услугу». Затем он перерезал себе горло и умер.

Западня в Синигалье

В день, когда казнили Рамиро, Чезаре [Борджиа] покинул Сиену, оставив изувеченное тело посреди площади, и отправился на юг. Спустя три дня он прибыл в Фано, где принял посланцев из Анконы, заверивших его в своей преданности. Гонец от Вителлоццо Вителли объявил, что Синигалья, маленький порт на Адриатике, окружена кондотьерами [наемными воинами]. Только цитадель под командованием генуэзца Андреа Дориа еще держалась, и Дориа отказывался передать ее кому-либо, кроме самого Чезаре.

[Борджиа] послал сообщить, что будет там на следующий день — именно это хотели услышать кондотьеры. Прибыв в Синигалью, Чезаре стал бы легкой добычей, оказался бы в западне между цитаделью и их войсками...

Кондотьеры были уверены, что военное преимущество на их стороне, полагая, что после отбытия французской армии Чезаре остался с небольшим отрядом.

На самом деле, согласно Макиавелли, [Борджиа] выступил из Сиены с десятью тысячами пехотинцев и тремя тысячами лошадей и потрудился разделить своих людей на маленькие группы, которые отправились по параллельным дорогам, чтобы соединиться у Синигальи. Армия потому была так велика, что из показаний, вырванных у Рамиро де Лорка, он знал о намерениях кондотьеров и решил поймать их в их собственную западню. Это была невероятно хитрая уловка, шедевр, названный историком Паоло Джовисом «великолепным надувательством». На рассвете 31 декабря [1502 года] Чезаре достиг окраины Синигальи. <...> под водительством Микелотто Корелла двести улан, авангард армии Чезаре, заняли позицию на мосту через канал. <...>захват моста позволил отрезать войскам заговорщиков путь к отступлению...

Чезаре обратился к кондотьерам с преувеличенным почтением и позвал их к себе. ...Микелотто подготовил для Чезаре палаццо Бернардино, и герцог пригласил кондотьеров войти. <...>очутившись во дворце, кондотьеры были арестованы стражниками, бесшумно подкравшимися сзади... [Чезаре] отдал приказы о нападении на отряды Вителли и Орсини в удаленных районах... В ту ночь, пока их отряды подвергались уничтожению, Микелотто задушил Оливеретто и Вителли во дворце Бернардино... Одним ударом [Чезаре] избавился от своих бывших военачальников и злейших врагов.

Иван Клоулас. «Борджиа», 1989

Толкование

Сян Юй многократно демонстрировал свою жестокость. Он редко колебался, если для достижения цели ему нужно было устранить соперника. Но с Лю Баном он действовал иначе. Он уважал его и не хотел одержать верх нечестным путем. Ему хотелось доказать свое превосходство на поле боя, добиться, чтобы умный Лю сдался, преклонившись перед ним. Каждый раз, когда тот был у него в руках, что-то его останавливало — фатальная симпатия, а может, уважение к человеку, который, что ни говори, когда-то был его другом и товарищем по оружию. Однако в тот момент, когда Сян позволил Лю понять, что намерен с ним покончить, и снова упустил его, он

подписал себе приговор. Ведь Лю не страдал от подобной нерешительности, когда удача повернулась к нему.

Подобная судьба возможна для каждого из нас, когда мы испытываем сочувствие к своим врагам, когда жалость или надежда на примирение мешает нам покончить с ними. Мы лишь усиливаем их страх и ненависть к нам. Мы оказались сильнее, они унижены. И все же мы отпускаем разъяренных гадюк, которые однажды найдут способ ужалить нас. С силой нельзя обращаться таким образом. Ее следует уничтожить, раздавить, лишить малейшего шанса на возвращение и реванш. Это относится и к бывшему другу, который стал врагом. Основной закон противостояния гласит: примирение не обсуждается. Лишь одна сторона может победить — и это должна быть полная победа.

Лю Бан хорошо усвоил урок. После победы над Сян Юем этот сын земледельца сделал блистательную карьеру, став верховным главнокомандующим армий царства Чу. Поборов следующего противника — правителя Чу, своего монарха, он поднялся на императорский трон, сражая всех на своем пути, и вошел в историю как один из величайших правителей Китая, бессмертный Хань Каоцу, основатель династии Хань.

Тем, кто хочет добиться цели, не следует проявлять милосердие.

Каутилья

Соблюдение закона

У Чжао — дочь знатного вельможи — родилась в 625 году. Юная красавица была пленительна и именно поэтому попала в гарем императора Тай Цзуна.

Императорский гарем был опасным местом, где множество наложниц соперничали за место фаворитки императора. Красота и несомненные достоинства У Чжао помогли ей одержать над ними легкую победу, но, зная, что, как и всякий человек, обладающий властью, император капризен и может в любой момент заменить ее, повинуясь прихоти, она задумалась о своем будущем.

У Чжао удалось соблазнить распутного императорского сына Гао Цзуна, использовав единственную возможность остаться с ним наедине: она подстерегла его во дворцовом писсуаре. Однако после смерти императора, когда Гао Цзун взошел на трон, У Чжао пришлось разделить участь жен и наложниц умершего императора. Согласно закону и традиции, ее обрили и заточили в темницу на пожизненное заключение. Через семь лет У Чжао задумала совершить побег. Ей удалось тайно наладить общение с императором и подружиться с императрицей, его женой. Так она добилась появления в высшей степени необычного указа, который разрешал ей вернуться во дворец и в гарем. У Чжао лебезила перед императрицей и была в любовной связи с императором. Императрица не препятствовала этому — ей еще только предстояло подарить императору наследника, закрепив этим свой союз. До этого ее положение было уязвимым, и У Чжао являлась для нее ценной союзницей.

В 654 году У Чжао стала матерью. Однажды императрица пришла навестить ее, и, как только она ушла, У Чжао задушила новорожденного — своего собственного ребенка. Когда об убийстве узнали, подозрение сразу же пало на императрицу: она как раз только что посетила У Чжао, к тому же всем было известно, как она ревнива. Именно в этом и состоял план коварной наложницы. Императрицу обвинили в убийстве, и вскоре она была казнена. У Чжао стала императрицей. Ее супруг, привыкший проводить жизнь в удовольствиях, с радостью отдал бразды государственной власти новой жене, которую теперь называли императрицей У.

Хотя новое положение давало немалую власть, У все же не чувствовала себя в безопасности. Враги были повсюду, она ни на минуту не отпускала от себя телохранителя. Когда ей исполнился 41 год, ее испугало подозрение, что фавориткой императора стала его прелестная племянница. У отравила юную женщину, подмешав глину в ее пищу. В 675 году ее собственный сын, официальный наследник, также был отравлен. Ее следующий по старшинству сын — внебрачный, но теперь коронованный как принц — немногим позже был отправлен в ссылку по сфабрикованному обвинению. И когда в 683 году скончался император, У добилась признания своего сына недееспособным. Всё это привело к тому, что императором был

провозглашен ее младший, самый неудачный сын. Она продолжала править в качестве его опекуна.

Последующие пять лет были отмечены бесконечными дворцовыми переворотами. Все они провалились, а заговорщики были казнены. К 688 году не осталось никого, кто мог бы соперничать с У. Она провозгласила себя божественным потомком Будды, и в 690 году наконец осуществилось ее главное желание: она получила титул Святого и Божественного «императора» Китая.

У стала императором, потому что не оставила в буквальном смысле никого от предыдущей династии Тан. Это позволило ей править в атмосфере относительного спокойствия и мира еще добрый десяток лет. В 705 году, в возрасте восьмидесяти лет, ее принудили отречься.

Оставшиеся в живых враги могут стать опасными, подобно недолеченной болезни или не до конца потушенному пожару. Следовательно, их нужно уничтожать полностью...

Ни в коем случае не следует недооценивать врага, считая его слабым. Он станет опасным в свое время, как искра огня в стоге сена.

Каутилья

Толкование

Все, кто был знаком с императрицей У, отмечали ее энергию и интеллект. В то время даже очень честолюбивой женщине, проведшей несколько лет в гареме императора, а затем пожизненно заточенной в темницу, не на что было рассчитывать. В своем постепенном, но примечательном восхождении к вершинам власти У ни разу не проявила наивности. Она понимала, что любое колебание, любая минутная слабость могли стоить ей головы. Поскольку каждый раз, как она избавлялась от очередного соперника, появлялись новые, она пришла к простому решению: надо избавиться от всех, иначе убьют ее. Другие императоры до нее следовали к вершине тем же путем, но У Чжао, у которой как у женщины почти не было шансов завоевать власть, пришлось быть еще более жестокой и безжалостной.

Сорокалетнее правление императрицы У было одним из самых длительных в истории Китая. Несмотря на то что всем хорошо

известно, как совершалось ее кровавое восхождение к власти, в Китае она признана как один из наиболее талантливых правителей, благоприятствовавших процветанию государства.

Чтобы побеждать, приходится быть безжалостным.

Наполеон Бонапарт, 1769—1821

Священник спросил умирающего Рамона Марию Нарваэса, государственного деятеля и полководца Испании (1800—1868): «Прощаете ли вы, ваше превосходительство, ваших врагов?» — «Нет, мне не нужно прощать моих врагов, — ответил Нарваэс. — Все они были мною убиты».

Ключи к власти

То, что оба случая, иллюстрирующие закон, относятся к Китаю, неслучайно: история этой страны изобилует именами врагов, оставленных в живых, но впоследствии уничтоживших мягкосердечного противника.

«Добей врага» — вот ключевой стратегический принцип Сунь-цзы, автора «Искусства войны», написанного в VI—V веках до н. э. Идея проста: твои враги желают тебе зла. Они больше всего на свете хотят уничтожить тебя. Если, сражаясь с ними и пройдя половину или даже три четверти пути, ты остановишься — ради милосердия, надежды или примирения, — ты лишь придашь им решительности, усилишь их озлобление, и однажды они возьмут реванш. Они могут притвориться друзьями на некоторое время, но лишь потому, что ты победил. У них нет другого выбора, кроме как выжидать.

Решение: будьте безжалостны. Уничтожайте своих врагов полностью, как они уничтожили бы вас. Единственное, чем ваши враги могут обеспечить вам спокойствие и безопасность, — это их исчезновение.

Мао Цзэдун, большой поклонник сочинений Сунь-цзы и любитель китайской истории, знал, насколько важен этот закон. В 1934 году Мао и около 75 тысяч плохо экипированных солдат спасались бегством в пустынных горах Западного Китая от сильной и многочисленной

армии Чан Кайши — позднее это получило название Длинного перехода.

Чан был полон решимости уничтожить всех коммунистов до единого, так что спустя несколько лет у Мао оставалось не более 10 тысяч солдат. Однако к 1937 году, когда Китай подвергся японской интервенции, Чан посчитал, что коммунисты более не представляют угрозы. Он решил прекратить преследование и сосредоточиться на борьбе с японскими захватчиками. Прошло еще десять лет, и коммунисты оправились настолько, что смогли наголову разгромить армию Чан Кайши. Чан забыл древнюю мудрость, Мао ее помнил. Чана преследовали до тех пор, пока вся его армия не отступила на остров Тайвань. В наши дни в материковом Китае ничего не сохранилось от его режима.

Мудрость полного разгрома врага стара, как Библия: возможно, первым, кто применил ее на практике, был Моисей, познавший эту истину от самого Бога. Бог разделил Красное море, чтобы могли пройти сыны Израилевы, а затем сомкнул воды над гнавшимися за ними египтянами, так что «не осталось ни одного из них». Когда Моисей спустился с горы Синай с десятью заповедями и обнаружил свой народ поклонявшимся золотому тельцу, он покарал смертью всех преступников до последнего. И перед самой смертью он сказал своему народу, уже на пороге Земли обетованной, что они должны полностью истребить племена ханаанские: «Когда... поразишь их... не вступай с ними в союз и не щади их».

Ориентация на полную победу является аксиомой, сформулированной Карлом фон Клаузевицем, философом и теоретиком войны. Анализируя кампании Наполеона, фон Клаузевиц писал: «Мы считаем, что полное истребление сил врага должно всегда быть наиважнейшим соображением... По достижении главной победы не следует рассуждать об отдыхе, о передышке... но только о продолжении, о дальнейшем преследовании врага, захвате его столицы, атаке его резервных сил и всего, что только могло бы дать неприятельской стороне подкрепление и поддержку». После войны начинаются переговоры и раздел территории. Если вы одержали лишь частичную победу, то при обсуждении условий неизбежно проиграете то, чего достигли во время военных действий.

Выход прост: не оставляйте неприятелю шанса. Уничтожьте его — тогда его территория перейдет в ваше распоряжение. Назначение власти в том, чтобы полностью подчинить себе противника, заставить его повиноваться. Вы не можете позволить себе остановиться на полпути. Зажатый в угол, неприятель будет вынужден выполнять вашу волю. Этот закон может иметь применение отнюдь не только на полях сражений. Переговоры подобны коварному змею, который незаметно проглотит вас вместе с вашей победой. Так пусть лучше противнику нечего будет обсуждать, не давайте ему надежды, не оставляйте пространства для маневра. Враг повержен — и этим все сказано.

Следует понимать: в борьбе за власть неизбежно возникнет соперничество, и у вас появятся враги. Среди них будут люди, которых вы не сможете расположить к себе, склонить на свою сторону, они все равно останутся врагами. Но, независимо от того, какое оскорбление или обиду вы им нанесли, не воспринимайте их ненависть как личную. Просто осознайте, что мир между вами невозможен, особенно в то время, пока вы находитесь у власти. Если вы позволите им находиться рядом, они будут мечтать о реванше с той же неизбежностью, с какой день сменяется ночью. Ожидать, пока они выложат на стол карты, просто глупо. Это прекрасно понимала императрица У, уничтожив всех на своем пути.

Будьте реалистом: пока у вас есть враги, вы никогда не будете в безопасности. Помните уроки истории, мудрость Моисея и Мао: никогда не останавливайтесь на полпути.

Речь, само собой, идет не об убийстве, а об изгнании. Измотанные и ослабленные, а затем навсегда удаленные из вашего окружения, враги не смогут причинить вам вред. У них нет никакой надежды на то, чтобы восстановить свои позиции и напасть на вас. Если же у вас нет возможности изгнать их, по крайней мере не забывайте, что они плетут против вас интриги, и не поддавайтесь на их показное дружелюбие. Единственное ваше оружие в такой ситуации — это бдительность. Если никак не удается изгнать врагов немедленно, приготовьтесь действовать при первой же возможности.

Образ: гадюка, не добитая вами.

Она вывернется и укусит вас, впрыснув двойную дозу яда. Враг, оставленный рядом, подобен полумертвой гадюке, которую вы

пытаетесь выходить. Чем больше проходит времени, тем сильнее действует яд.

Авторитетное мнение

«По этому поводу стоит заметить, что людей надо либо ласкать, либо устранять, ибо за малое зло они могут отомстить, а за большое не могут. Вот почему обиду надо наносить таким образом, чтобы не бояться мести».

Никколо Макиавелли

Оборотная сторона

Этот закон не следует игнорировать ни при каких обстоятельствах, но иногда случается, что лучше, если только это возможно, позволить врагу самому разрушить себя, чем собственноручно причинять ему страдания. В военном деле, например, хороший полководец знает, что, если приходится атаковать загнанную в угол армию, ее солдаты сражаются намного более яростно. Поэтому иногда лучше оставить им лазейку, путь для отступления. Они измотают себя и будут куда больше деморализованы отступлением, чем любым уроном, нанесенным им в сражении. Когда шею противника обвивает петля, тогда — но только если вы совершенно уверены, что у него нет шансов на восстановление, — вы должны предоставить ему возможность повеситься самому. Дайте врагам самим разрушить себя. Результат будет тот же самый, но ваше самочувствие — несравненно лучше.

Еще одно: порой, разбив неприятеля, можно до такой степени ожесточить его, что он проведет годы, готовясь к реваншу. Версальский мирный договор 1919 года именно так повлиял на немцев. Кто-то скажет, что в конечном счете лучше было бы проявить терпимость.

Проблема заключается в том, что снисхождение порождает другую опасность — оно может ободрить врагов, все еще питающих недобрые чувства, и подтолкнуть их к активным действиям. Почти всегда более мудрое решение — разбить противника полностью. Если он вынашивает планы отмщения спустя годы, не ослабляйте бдительности, разгромите его.

Закон 16. Используй свое отсутствие, чтобы приумножить уважение и честь

Формулировка закона

Слишком активное вращение в обществе сбивает вам цену. Чем больше вас видно и слышно, тем более обыденным вы кажетесь. Если вы уже добились определенного положения, временное исчезновение заставит больше говорить о вас, даже восхищаться вами. Следует научиться определять, когда уйти. Творите ценность, создавая дефицит.

Нарушение и соблюдение закона

Средневековый трубадур шевалье Гийом де Бало странствовал по дорогам юга Франции от замка к замку, декламируя стихи и во всем являя образец рыцаря без страха и упрека. В замке Жавиак он встретил и полюбил прелестную хозяйку, мадам Гильельму де Жавиак. Он пел ей свои песни, читал стихи, играл с ней в шахматы, и постепенно она, в свою очередь, полюбила его. У Гийома был друг, шевалье Пьер де Баржак, который путешествовал вместе с ним и также был принят в замке. Пьер тоже влюбился в даму, живущую в замке Жавиак, добрейшую, но темпераментную Вьернетту.

Как-то между Пьером и Вьернеттой произошла ужасная ссора. Дама прогнала Пьера, и он обратился к своему другу Гийому за помощью, умоляя его помочь вернуть расположение любимой. Гийом как раз собирался на время оставить замок, но по возвращении, через несколько недель, пустил в ход свои чары и помирил Пьера с Вьернеттой. Пьер ощущал, что любовь его усилилась многократно, ведь не бывает любви сильнее, чем та, что вспыхивает после примирения. Чем глубже и длительнее размолвка, говорил он Гийому, тем слаще чувство, сопутствующее миру и сближению.

Как трубадур, шевалье Гийом гордился тем, что вкусил все радости и горести любви. Слушая речи друга, он тоже пожелал испытать радость примирения после ссоры. С этой целью он разыграл сильнейшую обиду на мадам Гильельму, перестал писать ей любовные

письма, затем внезапно покинул гостеприимный замок и не появлялся даже на праздниках и охотах. Это выводило из себя юную даму.

Гильельма посылала к Гийому гонцов, пытаясь выведать, что произошло, но он отправлял их обратно. Он думал, что все это рассердит даму и она потребует, чтобы он, подобно Пьеру, умолял ее о прощении. Однако его отсутствие возымело противоположный эффект: оно заставило Гильельму полюбить его еще сильнее. Теперь дама преследовала своего рыцаря, посылая гонцов и письма с объяснениями, что было почти неслыханно — дамы никогда не гонялись так за своими трубадурами. Гийому это совсем не понравилось. Поведение Гильельмы, казалось ему, свидетельствовало об утрате достоинства. Он теперь не только сомневался в своем плане — он также сомневался в своей даме.

В конце концов после многих месяцев вдали от Гийома Гильельма сдалась. Она перестала забрасывать его посланиями любви, и он задумался: может, она рассержена? может, его план все-таки сработал? Он ведь так этого ждал. Настало время примирения. Он облачился в свой лучший наряд, выбрал самую дорогую упряжь для лошади, надел великолепный шлем и выехал в Жавиак.

Услышав, что ее возлюбленный вернулся, Гильельма поспешила навстречу, упала перд ним на колени, сбросила вуаль, чтобы поцеловать его, и умоляла о прощении, чем бы ни был вызван его гнев. Вообразите его разочарование — план полностью провалился. Она не вышла из себя, она вообще никогда не выходила из себя, она лишь крепче полюбила, а ему так и не придется испытать радость примирения после ссоры. Видя ее теперь, он решился попытаться достичь задуманного еще раз: оттолкнул ее с грубыми словами и угрожающими жестами. Она удалилась, на этот раз жестоко обиженная.

На следующее утро трубадур пожалел о содеянном. Он снова поехал в Жавиак, но дама не приняла его и приказала слугам прогнать его от замка по подвесному мосту и дальше по холму. Гийом бежал. Вернувшись к себе, он разразился рыданиями: он совершил ужаснейшую ошибку. В течение следующего года, лишенный возможности видеть даму сердца, он страдал от ее отсутствия, ужасного отсутствия, которое лишь разжигало его любовь. Он написал одно из своих прекраснейших стихотворений «Моя песнь возносится,

словно покаянная молитва». Он написал множество писем Гильельме, объясняя свой поступок и умоляя о прощении.

После долгого сопротивления мадам Гильельма, вспоминая его мелодичные песни, красивое лицо, а также сноровку в танцах и соколиной охоте, почувствовала, что не прочь вернуть его. Чтобы наказать трубадура за его жестокость, она приказала ему удалить ноготь с мизинца правой руки и прислать ей вместе со стихами, описывающими его страдания.

Он выполнил все в точности. В конце концов Гийом де Бало получил возможность ощутить это чувство — примирение после размолвки, которое превосходило даже испытанное его другом Пьером.

Верблюд и плывущие поленья

Кто первый увидал Верблюда,
Тот прочь бежал при виде чуда;
Второй осмелился приблизиться к нему,
А третий и узду надел на дромадера.
Так, силою привычки и примера,
Становимся мы близки ко всему,
Что нам казалося пугающим и странным, —
С ним находясь в общеньи постоянном.
В пример тому я приведу рассказ.
Стоявшие на страже как-то раз
Увидели предмет, плывущий в отдаленьи.
Немедленно решили все вокруг:
«Большой фрегат иль брандер!»
Чрез мгновенье
Все в нем увидели простой с товаром тюк, челнок
И, наконец, плывущие поленья.
Знаком я в свете кое с кем,
Кого касается мое повествованье:
За нечто их сочтешь на расстояньи,
Вблизи они окажутся ничем.

Жан Лафонтен (пер. О. Чюминой)

Толкование

Пытаясь открыть радость примирения, Гийом де Бало непреднамеренно испытал истинность закона об отсутствии и присутствии. В начале операции следует возвысить и усилить значение своего присутствия в глазах окружающих. Если исчезнуть слишком рано, вас могут попросту забыть. Но когда вас любят, разлука воспламеняет и волнует. Если причина вашего исчезновения неизвестна, это лишь подливает масла в огонь: партнер начинает думать, что это его (или ее) вина. Пока вас нет рядом, воображение влюбленного взбудоражено, а разгоряченное воображение делает любовь сильнее. Напротив: чем больше Гильельма преследовала Гийома, тем меньше он любил ее — она стала слишком доступной, не оставляла простора для его воображения, так что чувство начало задыхаться. Когда она перестала посылать к нему гонцов, он получил возможность сделать глоток воздуха и вернулся к первоначальному плану.

То, чего не хватает, неожиданно кажется заслуживающим нашего уважения и чести. То, что длится слишком долго, надоедает, начинает докучать. В Средние века дамы постоянно подвергали любовь своих рыцарей испытаниям, посылая их в долгие и изнурительные странствия, для того чтобы в их жизни были разлуки и встречи. В самом деле, если бы Гийом первым не оставил свою прекрасную даму, ей самой пришлось бы отослать его, самой позаботиться о разлуке.

Человек сказал Дервишу: «Почему я так редко вижу тебя?» Дервиш отвечал: «Потому что слова „Почему я так редко вижу тебя?“ слаще для моего слуха, чем слова „Зачем ты снова явился?“».

Мулла Джами. Цит. по «Каравану снов», Идрис Шах, 1968

Соблюдение закона

Когда-то давно ассирийцы правили в Азии в течение многих столетий. Однако в VIII веке до н. э. народ Мидии (северо-западная часть Иранского нагорья) восстал против них и добился свободы. Жителям Мидии предстояло установить новое правление. Решительно

настроенные против любой формы деспотизма, они не хотели предоставить неограниченную власть одному человеку, кем бы он ни был, не соглашались на монархию. Без лидера, однако, стране грозил хаос, раздробленность, соседние деревни воевали бы друг с другом.

В одной из таких деревень жил человек по имени Дейос, известный своей справедливостью и умением разрешать споры. Он справлялся с этим так успешно, что местные жители спешили к нему с любым спорным вопросом, а его влияние возрастало. По всей стране закон дискредитировал себя и не пользовался уважением — судьи были продажными, и никто не шел в суд для решения своих проблем, полагаясь больше на силу. Вскоре весть о мудрости Дейоса, его неподкупности и непоколебимой беспристрастности облетела страну, и люди со всей Мидии потянулись к нему. Он стал основным вершителем правосудия.

Находясь на вершине славы, Дейос неожиданно решил, что должен остановиться. Довольно ему восседать в кресле судьи, примирять брата с братом, деревню с деревней. Объяснив, что проводил слишком много времени за решением чужих проблем, а при этом совсем забросил свои дела, он удалился на покой. С неожиданным уходом такого справедливого и влиятельного судьи, как Дейос, уровень преступности вырос, а авторитет закона никогда еще не был таким шатким. Представители всех деревень Мидии собрались на совет, чтобы решить, как быть. «Наша страна не может больше так жить, — заявил глава одного из племен.— Давайте выберем правителем кого-либо из нас, чтобы в стране был установлен порядок, пока мы не лишились всего в этом хаосе».

Хотя жители Мидии достаточно натерпелись от деспотизма ассирийцев, они решили, что стране необходим правитель. Человеком, который всем казался самым подходящим для этой роли, был, конечно, справедливый Дейос. Его было трудно уговорить, но люди просили, умоляли — без него, повторяли они, страна скатится в полное беззаконие. Дейос наконец согласился.

Но он поставил условия. Для него должны были построить огромный дворец, приставить к нему телохранителей, а еще выстроить столицу, из которой он правил бы страной. Когда всё было выполнено, Дейос въехал во дворец. Расположенный в центре столицы дворец был

окружен стенами и совершенно недоступен для простых людей. Дейос выдвинул еще одно условие: общение с ним возможно только через посредников. Никому из его придворных не разрешалось видеться с ним чаще одного раза в неделю, и то по специальному разрешению.

За пятьдесят три года своего правления Дейос расширил владения Мидии и заложил основы государства Персии, империи, которой правил его праправнук Кир. За время правления Дейоса людское уважение к нему переросло в почитание и своеобразное обожествление: люди верили, что он не обычный смертный, а сын богов.

Разлука гасит мелкие страсти и усиливает великие подобно тому, как ветер задувает свечу и разжигает пожар.

Франсуа де Ларошфуко, 1613–1680

Толкование

Дейос был человеком с большими амбициями. Он раньше других понял, что страна нуждается в сильной руке, и решил, что станет ее правителем. В стране, измученной анархией, самым влиятельным лицом мог стать праведный судья и арбитр. Поэтому Дейос начал с того, что создал себе репутацию человека неподкупной честности.

Находясь на вершине карьеры судьи, Дейос, однако, осознал истинность закона отсутствия и присутствия: работая с такой обширной клиентурой, он оказался слишком «на виду», стал чересчур доступен, а это грозило потерей уважения, которым он наслаждался до тех пор. Люди начали воспринимать его услуги как нечто само собой разумеющееся. Единственным способом вновь завоевать желанные почитание и власть было полностью отступить в тень, дав жителям Мидии почувствовать, каково им придется без него. Как он и ожидал, вскоре они явились умолять его править ими.

Открыв для себя этот закон, Дейос стал воплощать его на практике. Во дворце, который был для него выстроен, никому не разрешалось его видеть, за исключением горстки придворных, да и те удостаивались этого лишь изредка. Вот что писал Геродот: «Была опасность, что, если бы они видели его постоянно, это вызвало бы

зависть и обиды, а они повлекли бы за собой заговоры. Но раз его не видел никто, это порождало легенды о том, что он был не таким, как обычные люди».

Пять добродетелей петуха

Служа у герцога Аи из Лю, Тьен Чжао, раздосадованный тем, что его не ценят по достоинству, сказал своему господину: «Я хотел бы улететь далеко, подобно снежному гусю». —

«Что ты хочешь этим сказать?» — спросил герцог.

«Видите петуха? — отвечал Тьен Чжао. — Его гребешок — символ учтивости. Его мощные шпоры свидетельствуют о силе. Его готовность схватиться с любым врагом говорит о храбрости. Его привычка созывать других к месту, где есть пища, показывает великодушие. Наконец, точность, с которой он всегда возвещает об уходе ночи, являет нам пример надежности. И все же, несмотря на пять добродетелей, петухов каждый день убивают, чтобы приготовить кушанье для вашего стола. Отчего?

Причина в том, что петухи находятся в пределах вашей досягаемости.

А снежные гуси за один перелет покрывают расстояние в тысячу ли. Отдыхая в вашем саду, они ловят рыбу, черепах и клюют ваше просо. Но, хотя они не наделены пятью добродетелями петуха, вы цените и оберегаете этих птиц из-за того, что они редки.

Вот поэтому я и мечтаю улететь, подобно снежному гусю».

Ю Шусен. «Древнекитайские притчи»

Ключи к власти

Всё в этом мире зависит от отсутствия и присутствия. Яркое присутствие привлекает к вам власть и внимание — вы сияете, затмевая остальных. Но через какое-то время возникает противоположный эффект: чем больше вас видят и слышат, тем стремительнее снижается ваше влияние. К вам привыкают. Как бы вы ни старались быть неординарным, по непонятной причине люди ценят и уважают вас все меньше. Вы должны уметь уйти в нужный момент,

прежде чем незаметно перестанете существовать для окружающих. Это игра в прятки.

Истинность закона легче всего увидеть на примере любви и охлаждения. В начальных сценах этой пьесы отсутствие предмета вашей любви будит воображение, окутывая его или ее некой аурой. Но эта аура блекнет, когда вы знакомитесь ближе, — когда для воображения больше нет простора. Возлюбленный становится таким же человеком, как все, человеком, в присутствии которого для вас нет ничего удивительного. Вот по какой причине французская куртизанка XVII века Нинон де Ланкло советовала постоянно применять хитрость, скрываясь от своего любовника. «Любовь никогда не умирает от голода, — писала она, — но ее часто убивает пресыщенность».

Стоит вам позволить видеть в себе просто человека, как все потеряно — вас проглотят и вами пресытятся. Чтобы этого не случилось, необходимо заставить людей жаждать вашего возвращения. Добейтесь их уважения, пугая возможностью утратить вас навсегда. Примените схему исчезновения и появления.

Наполеон имел в виду именно этот закон, когда сказал: «Если я буду слишком часто появляться в театре, люди перестанут меня замечать». Сегодня, когда мир перегружен потоком зрительных образов (пресса, телевидение), прием с исчезновением со сцены становится еще более действенным. Ничто не кажется больше достоянием частной жизни, так что каждый, кому удается скрыться, вызывает особое восхищение. Романисты Дж. Д. Сэлинджер и Томас Пинчон вызвали культовое поклонение потому, что знали, когда им исчезнуть.

Другой, более приземленный случай этого закона — это закон дефицита в научной экономике. Если какой-либо товар пропадает, его цена на рынке мгновенно возрастает. В Голландии XVII века правящие классы хотели сделать тюльпан символом государства. Они добились того, что цветок стал редкостью, а это вызвало то, что впоследствии получило название «тюльпаномания». Цветок тюльпана тогда стоил дороже, чем равное ему по весу количество золота.

В нашем веке торговец произведениями искусства Джозеф Дювин достигал своей цели сходным образом — торговал лишь самыми редкими из них. Чтобы держать цены на высоком уровне и не ронять

авторитета, он скупал целые коллекции и хранил их в своих подвалах. Картины, которые он продавал, становились чем-то большим, чем живописные полотна, — это были фетиши, и их стоимость неизмеримо возрастала из-за их уникальности. «Можете купить любую картину, какую только хотите, за пятьдесят тысяч — это просто, — сказал он однажды.— А вот покупать картины по четверти миллиона за штуку — тут надо повозиться!»

Образ: солнце.

Мы особенно ценим его, когда его нет. Чем дольше тянутся дождливые дни, тем больше нам недостает солнца. Но слишком много жары и солнца выматывает. Научитесь исчезать так, чтобы люди ждали вашего возвращения.

Распространите закон дефицита на то, что вы умеете. Сделайте то, что вы предлагаете миру, редкостью, труднодоступной диковинкой — и вы немедленно возрастете в цене как уникальный специалист.

Неизбежно настает момент, когда кто-либо из власть имущих задерживается на своем посту, словно гость, который все сидит и не уходит. Мы устаем от таких властителей, теряем к ним уважение. Мы видим, что они ничем не отличаются от других представителей человечества, а это значит, что теперь нам они кажутся хуже, так как мы неизбежно сравниваем их теперешний имидж и наше отношение к ним с тем, что было раньше. Вовремя уйти со сцены — тонкое искусство. Если проделать все правильно, вы вновь завоюете утерянную было популярность и вернете себе хотя бы часть власти.

Крупнейшим правителем XVI века был Карл V. Король Испании из дома Габсбургов, он правил империей, которая в какой-то момент объединяла значительную часть Европы и Новый Свет.

Находясь на вершине власти, в 1557 году он внезапно удалился в монастырь. Вся Европа была захвачена его неожиданным уходом. Люди, которые ненавидели и боялись его, стали называть его великим. Он стал казаться святым.

В недавние времена киноактрису Грету Гарбо никогда так не обожали, как после ее ухода на покой в 1941 году.

Авторитетное мнение

«Используя свое отсутствие, добейся, чтобы тебя уважали и ценили. Если присутствие уменьшает известность, отсутствие ее увеличивает. Человек, в котором во время его отсутствия видят льва, появляясь подчас, становится обыкновенным и смешным. Таланты теряют свой блеск, если мы слишком близко знакомимся с ними... Даже выдающийся гений использует уход от дел так, что люди получают возможность чествовать его и чтобы шумиха вокруг его ухода помогла оценить его должным образом».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Этот закон можно применять лишь тогда, когда достигнут определенный уровень власти. Необходимость удалиться возникает только после того, как вы упрочили свое положение. Слишком ранний уход не будет способствовать росту уважения к вам, вас попросту забудут. Если вы впервые вышли на сцену, вначале создайте узнаваемый, воспроизводимый образ, образ, который будет виден отовсюду. До тех пор пока это не будет достигнуто, отсутствие для вас опасно — пламя, вместо того чтобы разгореться, может погаснуть.

Похожим образом в любви и охлаждении разлука действенна лишь тогда, когда вам удалось сделать так, чтобы ваш образ был рядом с вашим партнером, чтобы вы стояли перед его мысленным взором, чтобы ваш голос звучал в его ушах, чтобы каждая вещь напоминала о вас.

Следует помнить: вначале не раздавайте себя понемногу, а, напротив, будьте вездесущим. Только о том, что видят, ценят и любят, будут сожалеть, лишившись.

Закон 17. Держи других в подвешенном состоянии..., поддерживай атмосферу непредсказуемости

Формулировка закона

Люди — порождения привычки, обладающие неутолимой потребностью искать и находить хорошо знакомое в поступках других. Предсказуемость дает им ощущение контроля над вами. Смешайте карты: станьте умышленно непредсказуемым. Поведение непоследовательное или внешне бесцельное будет выводить их из равновесия и заставит терять терпение в попытках объяснять ваши поступки.

Соблюдение закона

В мае 1972 года чемпион мира по шахматам Борис Спасский в столице Исландии Рейкьявике с тревогой ожидал приезда своего соперника Бобби Фишера. Чемпиону и претенденту предстояла встреча на чемпионате мира по шахматам, однако Фишер не прибыл вовремя, и матч висел на волоске. Фишера беспокоил вопрос о размере гонорара, вопрос о том, как будет распределяться призовой фонд, вопрос о регламенте матча в Исландии. Он готов был отказаться от участия в любой момент.

Спасский старался сохранять спокойствие. Его начальство считало, что Фишер над ним издевается, и требовало его возвращения, но Спасский хотел этого матча. Он знал, что способен победить Фишера, и не собирался допускать, чтобы что-то помешало ему одержать эту главную победу. «Но теперь, похоже, вся наша работа готова пойти прахом, — говорил Спасский своему товарищу.— А что мы можем? Сейчас ход Бобби. Если он приедет, мы будем играть. Не приедет — игры не будет. Инициатива принадлежит тому, кто собирается совершить самоубийство».

Фишер в конце концов приехал в Рейкьявик, но ставил все новые условия и по-прежнему угрожал отменой матча. Ему не нравился зал, где должны были состояться игры, он критиковал освещение,

жаловался на шум от кинокамер, его раздражали даже стулья, на которых предстояло сидеть ему и Спасскому. Теперь Советский Союз перехватил инициативу и пригрозил, что его игрок будет отозван.

Блеф, кажется, сработал: после недель ожидания и бесконечных, доводящих до бешенства препирательств Фишер согласился играть. Все чувствовали облегчение, и особенно Спасский. Но в день, когда чемпиона и претендента должны были официально представить друг другу, Фишер появился с большим опозданием, как и в день начала «матча века», что, однако, грозило претенденту серьезными последствиями: в случае слишком большого опоздания в первой игре ему должны были засчитать поражение. Что происходило? Вел ли он своего рода интеллектуальную игру? А может быть, Бобби Фишер боялся Бориса Спасского? Собравшимся гроссмейстерам и Спасскому казалось, что этот вундеркинд из Бруклина трусит. Фишер появился за одну минуту до объявления об отмене игры.

Первая встреча шахматного турнира имеет огромное значение, она задает тон всем последующим. Как правило, это медленная и спокойная игра, во время которой противники определяют стратегию матча, прощупывая друг друга. Но эта игра была иной. В самом начале Фишер сделал ужасный ход, возможно, самый неудачный в его жизни, и, когда Спасский поддел его на крючок, он, похоже, готов был сдаться. Спасский знал, что Фишер никогда не объявлял себя проигравшим. Даже терпя, казалось бы, неизбежное поражение, он сражался до конца, изматывая противника. На этот раз создавалось впечатление, что он смирился. И вдруг сделан сильный ход, вызвавший шум в зале. Ход поразил Спасского, но чемпион справился с собой, и ему удалось выиграть партию. Но никто не мог объяснить стратегию Фишера. Проиграл ли он намеренно? Или перенервничал? Не смог собраться? Может, он не в себе? Или, как думали некоторые, душевнобольной?

После поражения в первой встрече усилились жалобы Фишера — на плохой зал, камеры, вообще на все подряд. На вторую игру он снова опоздал. Организаторам это надоело: Фишеру засчитали поражение. На его счету было уже два проигрыша и ни одной победы, позиция, из которой никому еще не удавалось выиграть в чемпионате. Фишер был явно выбит из колеи. Однако на третьей встрече, как вспоминают очевидцы, его глаза свирепо сверкали, и это заметно беспокоило

Спасского. Несмотря на яму, которую он вырыл себе сам, претендент выглядел очень уверенно. Он еще раз, что называется, промазал, совершив грубый просчет, как и в первой игре, но его самоуверенный вид заставил Спасского заподозрить ловушку. Чемпион пытался, но никак не мог понять, в чем подвох, и неожиданно получил мат. Нетрадиционная тактика и непредсказуемость Фишера заставляла соперника сильно нервничать. В конце игры Фишер вскочил и выбежал из зала с криком: «Я сокрушил его грубой силой!», потрясая сжатым кулаком.

В следующих играх матча Фишер делал ходы, которых до него не делал никто, ходы, которые были не в его стиле. Теперь уже Спасский стал допускать промахи. Проиграв шестую партию, он заплакал. Один из гроссмейстеров сказал: «Теперь Спасскому надо еще подумать, безопасно ли ему возвращаться в Россию». После восьмой встречи чемпиону показалось, что он нашел объяснение происходящему: Фишер гипнотизирует его. Он решил не смотреть Фишеру в глаза, тем не менее проиграл.

После четырнадцатой партии он собрал свою команду и объявил: «Была предпринята попытка управлять моим разумом». Он заподозрил, что апельсиновый сок, который он пил за шахматным столом, содержал наркотики. Воздух также мог содержать химические препараты. Наконец, Спасский публично обвинил команду Фишера в том, что нечто, изменявшее его, Спасского, сознание, подложили ему в кресло. КГБ насторожился: Борис Спасский позорил Советский Союз!

Кресла увезли и подвергли рентгеноскопии. Химики не обнаружили в них ничего необычного. Единственное, что вообще удалось найти, были две дохлые мухи в стойке осветительного прибора. Спасский начал жаловаться на галлюцинации. Он был не в состоянии продолжать игру и 2 сентября признал себя проигравшим.

Толкование

Раньше в играх со Спасским Фишеру приходилось нелегко. Спасский обладал невероятной способностью угадывать стратегию соперника и направлять ее против него. Он быстро приспосабливался к обстановке, был спокоен, мог разрабатывать атаки, приводившие к победе не через семь, но через семьдесят ходов. Он превосходил

Фишера благодаря своей способности просчитывать игру на много ходов вперед, а также потому, что был прекрасным психологом и никогда не терял контроля над собой. Один шахматист сказал: «Он не просто ищет лучшие ходы. Он ищет такие ходы, которые выводят из равновесия соперника».

Однако Фишер понял, в чем был один из секретов успеха Спасского: тот использовал предсказуемость, строил свою игру, отталкиваясь от особенностей манеры противника. Все, что делал Фишер на матче чемпионата, было попыткой перехватить инициативу и вывести Спасского из равновесия. Несомненно, бесконечное ожидание повлияло на психику Спасского. Однако особенно сильное воздействие оказали грубые промахи Фишера и то, что у него как бы не было четкой стратегии игры. И действительно, он изо всех сил старался изменить свой почерк, даже ценой проигрыша в первой партии и присужденного поражения во второй.

Спасский был известен своим хладнокровием и самоконтролем, но впервые в жизни ему не удавалось понять противника. Его напряжение росло, и в конце концов именно он походил на душевнобольного.

В шахматах заключена квинтэссенция жизни, поскольку, во-первых, для победы вам нужно сохранять полнейшее спокойствие и быть очень дальновидным; во-вторых, игра строится на схемах, последовательности ходов, которые уже когда-то были разыграны и будут разыгрываться снова с небольшими вариациями в любом матче. Ваш соперник анализирует схемы, использованные вами в игре, и пытается прогнозировать ваши ходы. Не предоставляя противникам никаких предсказуемых, шаблонных ситуаций, на которых они могли бы строить свою игру, вы получаете большое преимущество. В шахматах — как в жизни: если людям не удается предугадать ваше поведение, они испытывают беспокойство и неопределенность — их охватывают тревога, страх, смущение.

Жизнь при дворе — это серьезная, безрадостная шахматная партия, которая требует, чтобы мы расставили фигуры, составили план и, следуя ему, парировали ходы соперника. Иногда, однако, лучше рискнуть и сделать совершенно необоснованный, непредсказуемый ход.

Жан де Лабрюйер

Ключи к власти

Нет ничего страшнее неожиданности и непредсказуемости. Вот почему нас так пугают землетрясения и ураганы: мы не знаем, когда это случится. После того как разразится стихийное бедствие, мы с ужасом ожидаем следующего. Сходное воздействие, хотя и не настолько сильное, оказывает на нас непредсказуемое человеческое поведение.

Поведение животных укладывается в схемы, именно поэтому людям удается охотиться и убивать их. Лишь человек обладает способностью постоянно изменять свое поведение, импровизировать и преодолевать давление рутины и привычки. При этом большая часть людей не реализуют эту возможность. Они предпочитают повторять одни и те же привычные действия, потому что это не требует усилий и потому что они заблуждаются, веря, будто если они не станут раздражать других, то их оставят в покое. Следует понимать: человек власти вселяет некоторый страх, намеренно выводя окружающих из равновесия, чтобы держать инициативу в своих руках. Иногда необходимо нанести удар без предупреждения, когда люди меньше всего этого ожидают, чтобы заставить их трепетать. Это инструмент, которым пользуются сильные мира сего на протяжении веков.

Филиппо Мариа, последний миланский герцог Висконти в Италии XV века, намеренно совершал поступки, противоположные тем, которых от него ожидали. Например, он мог вдруг щедро одаривать придворного своими милостями, а затем, когда человек решал, что можно ожидать продвижения по службе, так же внезапно третировал его, демонстрируя полное пренебрежение. В смятении несчастный собирался оставить двор, но герцог опять начинал прекрасно с ним обращаться. Вконец запутавшись, придворный приходил к выводу, что его прошение о новой должности, вероятно, показалось герцогу оскорбительным, и решал держаться так, словно никогда не помышлял о продвижении. Тут герцог мог обвинить его в отсутствии честолюбия и отослать его.

Секрет успеха в общении с Филиппо был прост: не старайся заранее понять, чего он хочет. Не пытайся угадать, чем ему потрафить. Никогда не навязывай ему свою волю, просто повинуйся его воле.

Затем жди, что произойдет. Среди смятения и неуверенности, которые сеял герцог, он властвовал спокойно, как существо высшее, чья воля непререкаема.

Непредсказуемость чаще всего бывает тактикой господина, но ее с большим успехом может применять и подчиненная сторона. Если вы чувствуете, что вас превзошли или загнали в угол, ответьте серией непредсказуемых ходов. Это так запутает ваших врагов, что отбросит их назад или заставит делать тактические ошибки.

Весной 1862 года, во время Гражданской войны, генерал Джексон и 4600 солдат армии конфедератов постоянно досаждали превосходящим их по численности войскам федералистов в долине Шенандоа. Между тем неподалеку генерал Джордж Бринтон Макклеллан во главе 90-тысячной армии федералистских солдат двигался на юг от Вашингтона (округ Колумбия), чтобы устроить западню в столице конфедератов Ричмонде (штат Вирджиния). На протяжении нескольких недель, пока шла эта кампания, Джексон попеременно то выводил свои войска из долины Шенандоа, то возвращался.

В его поступках не было смысла. Собирался ли он помогать оборонять Ричмонд? Или готовился к атаке на Вашингтон, оставшийся незащищенным в отсутствие Макклеллана? А может, направлялся на север, чтобы сеять там разрушение? Почему его небольшой отряд ходил по кругу?

Необъяснимые передвижения Джексона привели к тому, что генералы федералистов решили повременить с наступлением на Ричмонд до тех пор, пока не поймут его намерений. А за это время южане успели подтянуть к городу подкрепление. Сражение, в котором армии конфедератов предстояло быть разбитой, окончилось ничьей. Джексон использовал подобную тактику не раз, если имел дело с превосходящими силами противника. «При любой возможности следует мистифицировать, вводить в заблуждение и удивлять врага, — говорил он. — Такая тактика приносит победу, и маленькая армия сможет сокрушить большую».

Этот закон применим не только к войне, но и к ежедневно возникающим ситуациям. Люди всегда стараются разгадать мотивы, стоящие за вашими поступками, и использовать вашу предсказуемость против вас. Сделайте совершенно необъяснимый ход — и им придется

занять оборонительную позицию. Из-за того что не удается понять вас, они начинают нервничать. А когда враги в таком состоянии, вы можете без труда устрашить их.

Пабло Пикассо заметил как-то: «Лучший расчет — это отсутствие расчета. Стоит вам достигнуть определенного уровня признания, окружающие, как правило, начинают подыскивать разумное объяснение каждому вашему поступку. Так что просто глупо заранее тщательно обдумывать свои действия. Вы только выиграете, если будете поступать как вздумается».

Долгое время Пикассо сотрудничал с торговцем произведениями искусства Полом Розенбергом. Сначала он предоставлял ему довольно широкие полномочия по отношению к своим картинам, однако однажды без видимой причины сказал Розенбергу, что больше не разрешает продать ни одной работы. Как объяснил Пикассо, «Розенберг провел следующие двое суток, пытаясь понять, в чем дело. Не собираюсь ли я передать права другому торговцу? Я продолжал работать и спокойно спал, а Розенберг все пытался понять. Через два дня он пришел снова, взвинченный, обеспокоенный, со словами: „В конце концов, дорогой друг, вы ведь не стали бы порывать со мной, если бы я предложил столько (тут он назвал существенно более высокую сумму) за эти картины вместо той цены, что платил обычно, не так ли?“».

Непредсказуемость — не только оружие устрашения: периодически разрушая привычные схемы, вы тем самым поднимаете переполох, подогревая к себе интерес. Люди говорят о вас, приписывают вам мотивы и объяснения, не имеющие ничего общего с истиной, и это помогает вам постоянно занимать их мысли. В конечном счете чем взбалмошнее вы выглядите, тем большее уважение вызываете. Лишь безнадежный аутсайдер, занимающий подчиненное положение, ведет себя предсказуемо.

Образ: циклон.

Ветер, который не поддается прогнозированию. Внезапные скачки барометра, необъяснимые изменения направления и скорости. От него невозможно защититься: циклон сеет страх и тревогу.

Авторитетное мнение

«Просвещенный властитель так загадочен, что кажется, будто он живет нигде, так необъясним, что никто не может домогаться его. Он пребывает в бездействии наверху, а его советники трепещут внизу».

Хань Фэй

Оборотная сторона

Порой предсказуемость может сыграть вам на руку: создавая для окружающих привычные и удобные схемы, вы убаюкиваете и усыпляете их. Они готовы действовать, исходя из своих устоявшихся представлений о вас. Этим можно воспользоваться по-разному. Во-первых, это создает для вас дымовую завесу, удобную ширму, прикрываясь которой вы можете действовать. Во-вторых, это позволяет вам изредка делать что-то совершенно противоположное схеме и так глубоко поразить этим противника, что он падет даже без дополнительного толчка.

В 1974 году Мухаммед Али и Джордж Форман должны были участвовать в чемпионате мира по боксу для тяжеловесов. Всем было ясно, как пойдет бой: огромный Джордж Форман будет стараться провести нокаут, а Али — приплясывать вокруг него, изматывая противника. Это была манера Али вести бой, его схема, которой он не изменял вот уже более десяти лет. Но на этот раз казалось, что Форман имеет преимущество: у него был сокрушительный удар, и, если набраться терпения, рано или поздно он должен был поразить им Али. У Али, прекрасного стратега, были другие планы. На пресс-конференции перед боем он заявил, что собирается поменять свой стиль и нокаутировать Формана. Никто, включая Формана, ни на секунду не поверил этому. Такой план был бы для Али равносилен самоубийству, он, как всегда, разыгрывал комедию. Между тем до начала боя тренер Али ослабил канаты вокруг ринга. Обычно тренер делает это, если боксер собирается нанести сильный удар. Но и этому никто не поверил. Решили, что это просто представление.

К изумлению всех зрителей, Али сделал именно то, что обещал. Пока Форман ждал, когда он начнет пританцовывать вокруг него, Али атаковал его и нанес мощный удар. Он совершенно обескуражил соперника, поломал его план игры. Форман растерялся, в конце концов выбился из сил, начал беспорядочно махать кулаками, получая все

больше контрударов в ответ. Наконец Али нанес роковой удар правой, отправив Формана в нокаут. Представление о том, что поведение человека должно укладываться в привычные для него рамки, так сильно, что даже заявления Али о намерении изменить стратегию оказалось недостаточно. Форман попал в западню — западню, о которой его предупредили.

Осторожно: непредсказуемость иногда может обернуться против вас, особенно если вы занимаете подчиненное положение. Бывают случаи, когда лучше позволить окружающим чувствовать себя спокойно и уютно, чем выбивать их из колеи. Слишком непредсказуемое поведение может быть расценено как нерешительность или даже навести на мысль о каких-то более серьезных психических отклонениях. Схемы могущественны, и, нарушая их, можно терроризировать людей. Однако эту власть следует использовать с умом.

Закон 18. Не строй крепостей, чтобы защитить себя: изоляция опасна

Формулировка закона

Мир опасен, а враги повсюду — каждый вынужден защищаться. Крепость кажется самым надежным убежищем. Но изоляция не только и не столько защищает нас, сколько подвергает еще большим опасностям: она лишает нас важной информации, делает заметной и уязвимой мишенью. Лучше быть среди людей и находить союзников. Прикройтесь от врагов толпой, словно щитом.

Нарушение закона

Цинь Шихуанди, первый император Китая (221–210 гг. до н. э.), был могущественнейшим правителем своего времени. Его империя превосходила империю Александра Македонского и по величине, и по мощи. Он завоевал все соседние территории и объединил их в великое централизованное государство Китай. Но в последние годы жизни мало кому удавалось лицезреть его.

Император жил в великолепнейшем дворце, выстроенном к тому времени в столице Сяньяне. Дворец имел 270 павильонов, все они соединялись тайными подземными ходами, что позволяло императору передвигаться по дворцу так, чтобы никто его не видел. Он проводил каждую ночь в другой спальне, и всякого, кто случайно встречал его, немедленно обезглавливали. Лишь горстке приближенных было известно его местонахождение, но тот из них, кто открывал эту тайну кому-либо, также расставался с жизнью.

Первый император остерегался всяких контактов с людьми настолько, что, если ему приходилось выезжать из дворца, он путешествовал инкогнито, тщательно изменяя свой внешний облик. Во время одной из подобных поездок по провинциям император скоропостижно скончался. Его тело было перенесено в столицу в императорском паланкине, за которым везли тележку с соленой рыбой, чтобы заглушить запах разлагающегося тела, — никто не должен был узнать о его смерти. Он умер одиноким, вдали от своих

жен, домочадцев, друзей и придворных, рядом были лишь его слуга да несколько евнухов.

Маска красной смерти

Долгое время Красная Смерть опустошала страну. Никакой мор не был еще столь беспощаден или столь отвратителен. Кровь была ее знамением и ее печатью — алость и ужас крови. Острые боли, внезапное головокружение — а затем кровь, что обильно хлынет сквозь поры, и гибель. ...И первые спазмы, ход и завершение болезни были делом получаса.

Но принц Просперо был жизнерадостен, неустрашим и находчив. Когда народ в его владениях наполовину вымер, он призвал к себе тысячу здоровых и неунывающих друзей из числа рыцарей и дам своего двора и с ними удалился в одно из принадлежащих ему аббатств, построенное наподобие замка.

То было просторное и великолепное здание, рожденное эксцентрическим, но царственным вкусом самого принца. Аббатство окружала крепкая и высокая стена с железными воротами. Придворные, войдя, принесли кузнечные горны и увесистые молоты и заклепали болты изнутри. На случай нежданных порывов отчаяния или неистовства они решили не оставить никаких возможностей для входа или выхода. Аббатство было в обилии снабжено припасами. При таких мерах предосторожности придворные могли надеяться на спасение от мора. Внешний мир был предоставлен самому себе. А пока предаваться скорби или размышлениям не имело смысла. Принц позаботился о развлечениях. Там были буффоны, там были импровизаторы, там были балетные танцовщики, там были музыканты, там была Красота, там было вино. Все это, с безопасностью в придачу, было внутри. Снаружи была Красная Смерть.

И к концу пятого или шестого месяца затворничества, когда мор свирепствовал с особой яростью, принц Просперо пригласил тысячу друзей на бал-маскарад, исполненный самого необычайного великолепия. Он являл собою роскошное зрелище, этот маскарад. <...>

...И веселье клокотало, пока часы наконец не начали бить полночь... И быть может, случилось и так, что до того, как совсем умолкли отзвуки последнего удара часов, многие в толпе

почувствовали присутствие фигуры в маске, ранее ни единым из них не замеченной. <...> Он был высок и тощ и с головы до ног окутан саваном. Маска, скрывавшая его лицо, так походила на облик окоченелого мертвеца, что и самый пристальный взгляд с трудом заподозрил бы обман. И все же это могло бы сойти ему с рук, если даже не встретить одобрение предававшихся буйному веселью. Но он зашел чересчур далеко и принял обличье Красной Смерти. Его одеяние было забрызгано кровью — и его широкий лоб, да и все лицо покрывали ужасные багровые капли. <...>

...И тогда, призвав исступленную отвагу отчаяния, гости, все как один, ринулись в черную залу к маске, чья высокая, прямая фигура застыла в тени эбеновых часов, — и у них перехватило дух от невыразимого ужаса, когда они обнаружили, что под зловещими одеяниями и трупообразною личиною, в которые они свирепо и грубо вцепились, нет ничего осязаемого.

И стало понятно, что пришла Красная Смерть. Она явилась, яко тать в нощи. И один за другим падали гости в забрызганных кровью залах веселья и умирали, каждый в том исполненном отчаяния положении, в каком упал. И жизнь эбеновых часов кончилась вместе с жизнью последнего из веселившихся. И огни треножников погасли. И Тьма, и Тлен, и Красная Смерть обрели безграничную власть над всем.

Эдгар Аллан По, 1809–1849

Толкование

Цинь Шихуанди начинал как властитель царства Цинь, бесстрашный воин с необузданными амбициями. Современники описывали его как человека с «носом острым, словно жало осы, узкими, как щелочки, глазами, голосом шакала и сердцем тигра или волка». Он мог быть порой милостивым, но чаще «расправлялся с людьми без колебания». Силой и хитростью он завоевал земли, окружавшие его царство, и создал Китай, выковал единую нацию и культуру. Он покончил с феодальной раздробленностью, а чтобы держать под контролем многочисленных соратников бывших правителей, во множестве рассыпанных по всему обширному государству, переселил 120 тысяч их родственников в столицу

и поселил наиболее высокопоставленных в большом дворце. Он соединил многие стены, обозначавшие границы провинций, и построил Великую Китайскую стену. Он унифицировал законы страны, письменность и даже размеры колес у повозок.

При этом, однако, император поставил вне закона учение Конфуция, философа, чьи представления о морали фактически стали религией в китайской культуре. По приказу Цинь Шихуанди тысячи конфуцианских книг были сожжены, а тех, кто упоминал Конфуция, казнили. Этим император создал себе множество врагов, поэтому его страхи постоянно нарастали, становились болезненными. Казни и расправы продолжались. Современник, философ Хань Фэй-цзы, заметил, что «четыре поколения династии Цинь не знали поражений, но жили в постоянном страхе, предчувствуя гибель».

По мере того как император все больше затворялся в своем дворце, чтобы обезопасить себя, он постепенно терял власть в своем государстве. Евнухи и слуги заправляли политическими делами, не спрашивая его одобрения и даже вообще не ставя его в известность. Они плели интриги и против него. К концу он был императором лишь номинально, а изоляция его была так глубока, что мало кому стало известно о его кончине. Возможно, он был отравлен теми самыми слугами, которые одобряли его затворничество.

Вот что приносит изоляция: удалитесь в крепость — и вы лишитесь контакта с источниками своей власти. Вы теряете возможность получать информацию о том, что происходит вокруг, теряете и чувство меры. Вместо того чтобы обрести безопасность, вы отрезаете себя от того знания, от которого зависит ваша жизнь. Никогда не удаляйтесь настолько далеко от улиц, чтобы не услышать, что происходит вокруг, не заметить интриги, которые плетут против вас.

Соблюдение закона

Для Людовика XIV и его свиты в 1660 году был построен дворец в Версале, не похожий на другие королевские дворцы мира. Как в пчелином улье, тут все вращалось вокруг персоны короля. Придворные размещались в апартаментах, окружавших королевские покои, на расстоянии, которое зависело от положения, занимаемого придворным. Королевская опочивальня располагалась в самом центре

дворца (в буквальном смысле) и находилась в фокусе всеобщего внимания. Каждое утро в этой комнате происходила церемония, известная как леве.

В восемь часов утра первый камердинер короля, спавший в изножье королевской кровати, будил его величество. Затем пажи открывали дверь и впускали тех, кто принимал участие в утренней церемонии. Порядок, по которому они входили, был точно определен: сначала появлялись незаконные сыновья короля и его внуки, затем принцы и принцессы крови, за ними — его врачи. Следующими входили распорядитель гардероба, официальный чтец короля и лица, ответственные за его развлечения. Вслед за ними прибывали государственные деятели, входившие в соответствии с их рангом, в порядке его возрастания. Последними по порядку, однако не по значению, появлялись те, кто получил специальные приглашения на церемонию. К концу в комнате собиралось не менее сотни королевских слуг и посетителей.

День был организован так, что Людовика постоянно посещали придворные и официальные лица, прося его совета и суждения. На все их вопросы он обычно отвечал: «Я подумаю».

Сен-Симон отмечал: «Если он поворачивался к кому-то, задавал вопрос, делал какое-либо замечание, глаза всех присутствовавших обращались на этого человека. Это было отличие, которое обсуждали, и высокий престиж». Во дворце было невозможно уединение, даже для короля, — каждое помещение имело дверь в смежные с ним, каждый коридор вел в покои большего размера, где постоянно собирались группы дворян. Действия любого были независимыми, но ничто и никто не оставались незамеченными. «Король не только следил, чтобы все высшее дворянство собиралось при его дворе, — писал Сен-Симон, — он требовал того же и от мелкого дворянства. При его леве и кушэ, во время трапез, в версальских садах, он всегда смотрел вокруг, все примечая. Его задевало, если самые родовитые дворяне не жили при дворе постоянно, и те, кто никогда не появлялся или показывался лишь изредка, вызывали его крайнее неудовольствие. Если кто-то из них обращался с прошением, король гордо ответствовал: „Мне он неизвестен“, и никто не смел возразить».

Толкование

Людовик XIV пришел к власти в результате гражданской войны, Фронды. Основной движущей силой Фронды было дворянство, возмущенное усилением трона и тоскующее по временам феодализма, когда сюзерены правили в своих владениях, власть же, которую имел над ними король, была совсем невелика. Дворяне проиграли войну и, затаив обиду, держались обособленно.

Конструкция Версаля поэтому представляла собой нечто большее, чем просто каприз обожающего роскошь короля. Она выполняла важнейшую функцию: король получал возможность пристально следить за каждым и быть в курсе всего, происходящего вокруг. Роль некогда горделивого дворянства свелась к перебранкам из-за права помогать королю одеваться по утрам. Во дворце были невозможны уединение и изоляция. Людовик XIV очень рано уяснил, насколько опасна для короля добровольная изоляция. В его отсутствие заговоры будут разрастаться словно грибы после дождя, враждебность породит раздоры и интриги, и, наконец, вспыхнет бунт, прежде чем король успеет что-либо предпринять. Чтобы предотвратить такой ход событий, следует не просто поощрять общительность и открытость, их необходимо четко организовать и направить в нужное русло.

В Версале эти условия выполнялись до самого конца царствования Людовика, то есть около пятидесяти лет относительного мира и покоя, на протяжении которых булавка не могла упасть на пол так, чтобы король не услышал.

Одиночество представляет опасность для рассудка, не благоприятствуя и добродетели... Смертный, стремящийся к уединению, несомненно, расточителен, возможно, суеверен и, по всей вероятности, безумен.

Д-р Сэмюэл Джонсон, 1709–1784

Ключи к власти

Макиавелли доказывает, что в военном смысле крепость неизбежно является ошибкой. Она становится символом изоляции власти и представляет легкую цель для врагов того, кто ее построил.

Предназначенные для того, чтобы защитить, крепости на самом деле отрезают вас от помощи и лишают гибкости. Они могут казаться неприступными, однако стоит вам удалиться в одну из них, и вот уже всем известно, где вы находитесь. И не нужно большой хитрости, чтобы превратить вашу крепость в тюрьму. Крепости, с их замкнутым тесным пространством, весьма уязвимы в отношении инфекционных заболеваний. В стратегическом смысле изоляция в крепости не дает защиты и на самом деле создает больше проблем, чем помогает решить.

Поскольку человек по природе своей существо общественное, власть зависит от социальных контактов и взаимодействий. Чтобы добиться власти, вы должны находиться в центре событий, подобно Людовику XIV в Версале. Все события должны вращаться вокруг вас, вы должны быть осведомлены обо всем, что происходит на улицах, и обо всех, кто может плести против вас интриги.

Опасность, по мнению большинства людей, возникает тогда, когда они чувствуют, что им что-то угрожает. В это время они стараются отступить и спрятаться в той или иной крепости. Однако, поступая так, они получают все меньше и меньше информации и теряют возможность видеть и оценивать происходящее вокруг. Они теряют маневренность и становятся легкой добычей, к тому же изоляция делает их подозрительными. В военном деле и большей части стратегических игр изоляция часто предшествует поражению и смерти.

В моменты неопределенности и опасности вам нужно преодолеть желание спрятаться. Вместо этого возобновляйте старые связи и заводите новые, внедряйтесь в самые разные круги.

В этом состоит хитрость, к которой на протяжении столетий прибегают люди власти.

Римский государственный деятель Цицерон происходил из мелкого незнатного рода, и его шансы добиться власти были бы ничтожны, если бы не удалось самостоятельно завоевать место среди правящей элиты города. Он проделал это и добился блестящего успеха, точно определяя влиятельных людей, а затем то, в каких отношениях они между собой. Он бывал повсюду, был знаком с каждым, у него была такая разветвленная сеть связей, что он с легкостью противопоставлял любому врагу союзника.

Французский государственный деятель Талейран действовал точно так же. Потомок старейшего аристократического рода Франции, Талейран, несмотря на это, старался постоянно быть в курсе того, что происходило на улицах Парижа, и это позволяло ему предугадывать события. Он получал даже своеобразное удовольствие от общения, как говорят сегодня, с криминальными элементами, собиравшими ему ценные сведения. Каждый раз, когда наступал кризис и власть переходила из рук в руки — в дни конца Директории, падения Наполеона, отречения Людовика XVIII, — Талейран не только выживал, но и процветал, поскольку никогда не замыкался на узком круге общения и всегда поддерживал связи с новым порядком.

Этот закон важен для королей, королев и других верховных властителей: в ту самую минуту, когда вы теряете контакт со своим народом и начинаете искать безопасность в изоляции, назревает бунт. Никогда не воображайте себя столь возвышенным, чтобы позволить себе пренебречь общением даже с самыми низшими слоями общества. Уединяясь в крепости, вы становитесь легкой мишенью для заговорщиков, рассматривающих вашу изоляцию как оскорбление и повод для восстания.

Люди — социальные существа, отсюда следует, что в искусстве быть приятными для окружающих можно добиться успеха, лишь постоянно находясь среди них. Чем больше вы контактируете с людьми, тем легче, с приятностью вы всего добьетесь. Изоляция же придает вам напряженный вид и приводит к еще большей изоляции, потому что люди начинают вас сторониться.

В 1545 году Козимо I, основатель династии Медичи, решил увековечить свое имя, заказав фрески для капеллы собора Сан-Лоренцо во Флоренции. Он мог выбирать из многих прекрасных живописцев и в итоге остановился на Якопо да Понтормо. Преуспевающий в течение долгих лет художник, Понтормо хотел, чтобы фрески стали венцом его творчества. Первым его желанием было закрыть капеллу, чтобы никто не увидел рождение шедевра или не украл идеи живописца. Он выставил бы за дверь самого Микеланджело. Когда в капеллу вторглись любопытные юнцы, Якопо еще усилил охрану.

Понтормо расписал потолок капеллы сценами из Библии — Сотворение мира, Адам и Ева, Ноев ковчег и т. д. В верхней части

центральной стены он написал Христа во славе, поднимающего мертвых из гробов в день Страшного суда. Художник работал одиннадцать лет, почти не покидая капеллу, так что у него развились боязнь человеческого общения и страх, что его обкрадут плагиаторы.

Понтормо умер, не успев завершить работу, ни одна из фресок не сохранилась. Но великий литератор эпохи Возрождения, друг Понтормо, Вазари, видевший фрески вскоре после смерти художника, оставил нам их описание. Полное отсутствие чувства меры. Сцены громоздились одна на другую, множество фигур на одном уровне накладывались на фигуры на другом. Понтормо увлекся отделкой деталей, но совершенно потерял ощущение общей композиции. Вазари прерывает описание, говоря, что если бы ему пришлось его продолжить, «то, думаю, я сошел бы с ума и увяз бы в этой живописи, как, по-моему, случилось с Понтормо, проведшим одиннадцать лет среди своих творений, и как случится с каждым, кто увидит их». Вместо того чтобы увенчать творчество Понтормо, эта работа стала для него крахом и гибелью.

Его фрески можно назвать наглядной иллюстрацией влияния изоляции на человеческий разум: потеря чувства соразмерности, погружение в детали в сочетании с неспособностью увидеть общую картину, некое странное уродство, которое выражается в потере контакта. Очевидно, что изоляция губительна для творчества так же, как и для общения.

Власть — порождение людей, она неизбежно усиливается от общения с ними. Вместо того чтобы подумывать о крепости, посмотрите на мир следующим образом: это громадный Версальский дворец, где каждое помещение соединяется с соседним. Нужно стать открытым, научиться легко входить в различные круги общения и выходить из них, смешиваясь с самыми разными их представителями. Такая подвижность и легкость в общении защитит от недоброжелателей, которым не удастся хранить свои козни в секрете, и от серьезных врагов, которым не удастся изолировать вас от ваших сторонников.

Находясь в постоянном движении, вы переходите из зала в зал, никогда не засиживаясь и не обосновываясь надолго в одном месте. Ни один охотник не успеет прицелиться и попасть в вас.

Образ: крепость.

Цитадель на вершине холма — символ всего нежелательного, ненавистного для власти. Горожане выдадут вас первому же врагу. Отрезанная от мира, крепость падет без сопротивления.

Авторитетное мнение

«Справедливый и мудрый властитель, желающий сохранить этот свой образ и не позволить сыновьям стать деспотичными правителями, не станет строить крепость, с тем чтобы сыновья надеялись на добрую волю подданных, а не на мощь цитаделей».

Никколо Макиавелли

Оборотная сторона

Почти никогда изоляция не является правильным выбором. Не будучи в курсе всего, что происходит вокруг, вы не сможете защитить себя. Но единственное, чему не способствует постоянное общение, — это мысль. Груз общественного мнения, склоняющего к соглашательству, и невозможность дистанцироваться от окружающих не позволяют ясно обдумывать то, что происходит вокруг вас. В этом случае изоляция — в качестве временной меры — поможет вам выиграть в перспективе. Многие серьезные мыслители стали таковыми, оказавшись в изоляции. Макиавелли написал своего «Правителя» лишь благодаря тому, что был в ссылке, вдалеке от политических интриг Флоренции.

Существует, однако, опасность, что такой тип изоляции породит всевозможные уродливые и извращенные идеи. Вы можете выиграть, но это грозит тем, что вы вдруг ощутите величие и неограниченность своих возможностей. К тому же, чем больше вы изолированы, тем труднее бывает выйти из изоляции, когда вам этого захочется, — она быстро и незаметно затягивает вас в зыбучие пески. Если вам нужно время, чтобы подумать, прибегайте к самоизоляции лишь на краткий срок и в малых дозах. Тщательно следите, чтобы дверь, ведущая обратно в общество, не захлопнулась.

Закон 19. Знай, с кем имеешь дело: не наноси обиду кому не следует

Формулировка закона

В мире есть разные типы людей, и нельзя ожидать, что все они будут одинаково реагировать на одни и те же приемы. Вы запугаете или перехитрите кого-то, а он до конца дней будет вам мстить. Такие люди — волки в овечьей шкуре. Поэтому тщательно выбирайте жертву или противника и никогда не задевайте и не обижайте тех, кого не следует.

Оппоненты, простаки и жертвы: предварительная типология

В процессе восхождения к власти вам предстоит встретиться со многими разновидностями оппонента, простака и жертвы. Наивысшая форма искусства власти — искусство отличать волков от ягнят, лисиц от зайцев, соколов от стервятников. Если вы хорошо различаете их, то для достижения успеха вам не потребуется использовать принуждение и насилие. Но если придется вслепую схватиться с тем, кто встал на вашем пути, то как бы потом не пришлось горько сожалеть об этом всю жизнь, какой бы долгой она ни была. Умение распознавать типы людей и действовать в соответствии с ними — жизненно важно. Ниже перечислены пять наиболее опасных и сложных примечательных типов обитателей джунглей, какими они виделись мастерам — как искусства, так и мошенничества — прошлого.

Обидчивый и горделивый. Хотя поначалу он может это скрывать, но уязвимое самолюбие такого человека делает его очень опасным. Стоит ему уловить малейшие признаки неуважения или пренебрежения к себе, как это приведет к взрыву необузданной ярости и насилия. Вы можете твердить себе: «Да ведь я всего лишь сказал то-то и то-то на вечеринке, где все напились...» Это неважно. У его преувеличенной реакции нет рациональных причин, так что не тратьте время на попытки понять, что случилось. Если почему-либо вы заподозрили в человеке, с которым ведете дела, сверхобидчивость

и чрезмерную гордыню, уносите ноги. Что бы вы ни надеялись получить от него, оно того не стоит.

Болезненно неуверенный. Этот человек имеет отношение к предыдущему типу, но не так сильно выражен, и его труднее распознать. Его эго хрупко, его ощущение себя как личности уязвимо, и, если ему кажется, что его задевают или на него нападают, боль и обиду трудно сдержать. Он будет отвечать мелкими укусами до тех пор, пока вы не начнете их замечать. Обнаружив, что вы обманули или обидели такого человека, скройтесь из виду надолго. Держитесь от него подальше — иначе он закусает вас до смерти.

Мистер Подозрительный. Другой вариант вышеупомянутых пород — будущий Иосиф Сталин. Он видит то, что хочет увидеть — обычно худшее, — в окружающих и воображает, что все против него. Мистер Подозрительный на самом деле наименее опасен из троицы: он неуравновешен от природы, и его легко обмануть, в точности так, как постоянно обманывали самого Сталина. Сыграйте на его природной подозрительности, чтобы настроить и повернуть его против других. Но если вы станете объектом его подозрений, будьте бдительны.

Злопамятный змей. Обманутый или задетый, этот человек не выкажет внешнего гнева или обиды, он будет просчитывать и выжидать. Затем, когда придет его черед раскрыть карты, месть будет хладнокровной и меткой. Узнать этого человека можно по его расчетам и хитростям в самых разных областях жизни. Обычно он холоден и бесстрастен. Будьте вдвойне настороже со змеем и, если ненароком задели его, либо добейте, либо уберите из поля зрения.

Простой, невзыскательный и часто неумный. Ах, вы приняли охотничью стойку при виде такой аппетитной жертвы! Но такого человека гораздо труднее обмануть, чем вам кажется. В западню чаще попадают те, кто обладает умом и воображением. Тупица не схватит наживку потому, что просто не заметит ее. Он так безмятежен. Опасность этого типа не в том, что он навредит вам или будет искать отмщения, а главным образом в том, что он будет отнимать ваше время, энергию, ресурсы и даже ваш рассудок, пока вы пытаетесь обмануть его. Имейте наготове тест для проверки — анекдот, историю. Если человек все понимает абсолютно буквально, вы столкнулись с этим типом. Вам решать, иметь с ним дело или нет.

Встретив воина с мечом, обнажи свой меч: не декламируй стихов тому, кто не является поэтом.

Из буддийской классики. Цит. по кн. «Гром с неба»

Нарушение закона (1)

В начале XIII столетия хорезмшах Мухаммед после множества войн и сражений основал громадную империю, которая простиралась на запад до современной Турции и на юг до Афганистана. Центром империи стал великий азиатский город Самарканд. У шаха была мощная и боеспособная армия, всего за несколько дней он мог собрать более 200 тысяч воинов.

В 1219 году к Мухаммеду прибыло посольство от нового вождя кочевников с востока — Чингисхана. Послы вручили великому шаху всевозможные дары, представлявшие лучшие товары и богатства не великой еще, но быстро растущей империи хана. Чингисхан хотел возобновить Великий шелковый путь в Европу и предложил шаху владеть им совместно, поддерживая мир между двумя империями.

Мухаммеду показалось, что незнакомый выскочка с востока слишком много о себе возомнил, если позволяет себе как к равному обращаться к тому, кто очевидно выше его по положению. Он проигнорировал предложение хана. Хан предпринял повторную попытку: на сей раз он прислал караван верблюдов, навьюченных удивительными диковинами, добытыми им в Китае. Однако караван еще не успел добраться до Мухаммеда, как Инальчик, правитель области, граничащей с Самаркандом, захватил его для себя, а людей казнил.

Чингисхан был уверен, что произошла ошибка, что Инальчик действовал без ведома Мухаммеда. Он отправил к шаху новых посланцев, повторяя свое предложение и прося о наказании для правителя. На этот раз Мухаммед сам велел обезглавить одного из посланцев, а двух других отпустил, выбрив им головы, — страшное оскорбление согласно монгольскому кодексу чести. Хан отправил шаху послание: «Ты выбрал войну. Что должно произойти, произойдет, а что это будет, мы не знаем. Только боги знают». Мобилизовав свои силы, он напал на провинцию Инальчика в 1220 году, занял столицу, захватил

в плен правителя и приказал казнить его, залив расплавленное серебро в глаза и уши.

На следующий год хан предпринял множество партизанских операций, говоря современным языком, против армии шаха, значительно превосходившей его армию. Его метод был совершенно новаторским для того времени — воины умели очень быстро скакать верхом и в совершенстве владели искусством стрельбы из лука, причем стреляли, находясь в седле. Благодаря скорости своих войск и их способности на ходу перестраиваться, Чингисхан вводил Мухаммеда в заблуждение относительно как своих намерений, так и направления движения армии. В конечном счете ему удалось сначала окружить Самарканд, а затем и захватить его. Мухаммед бежал, а год спустя умер, его обширная империя развалилась и была разрушена. Чингисхан стал единоличным правителем Самарканда, Великого шелкового пути и большей части Северной Азии.

Месть Лопе де агирре

Характер [Лопе де] Агирре весьма наглядно проиллюстрирован анекдотом из хроник Гарсиласо де ла Вега, который упоминал, что в 1548 году Агирре возглавлял взвод солдат, конвоировавший индейских рабов из шахт в Потоси (Боливия) к королевской сокровищнице. На рабов навьючили непомерные грузы серебра, что было против закона, и местный представитель власти алькальд Эскивель задержал Агирре и приговорил его к двумстам плетям в качестве наказания за жестокое обращение с индейцами.

Солдат Агирре, когда огласили приговор, угрожал алькальду, что не высечет, а убьет его, на то он и благородный по рождению дворянин... Всё это не произвело на алькальда впечатления, и он приказал выполняющему экзекуцию привести приговор в исполнение. Палач, явившись в тюрьму, положил Агирре на скамью... и тот получил свою порцию плетей.

Когда Агирре выпустили, он объявил о своем намерении убить официальное лицо, приговорившее его, алькальда Эскивеля. Срок службы Эскивеля истек, и он уехал в Лиму, за три тысячи двести лиг, но за две недели Агирре настиг его там. Испуганный судья сбежал в Кито, за четыре тысячи лиг, однако Агирре добрался туда через двадцать дней. «Когда Эскивель услышал о его появлении, — пишет

Гарсиласо, — то предпринял новое путешествие за пять тысяч лиг в Куско».

Но спустя несколько дней Агирре пришел туда, пешком, босым, говоря, что человеку, которого высекли, неуместно ехать верхом или направляться туда, где он может встретить знакомых. Таким образом Агирре преследовал алькальда в течение трех лет и четырех месяцев.

Вымотанный преследователем, Эскивель оставался в Куско, городе, где было такое жесткое правление, что здесь он чувствовал себя в безопасности от Агирре. Он купил дом неподалеку от собора и никогда не покидал его без меча и кинжала. Однако как-то в понедельник, в полдень, Агирре вошел к нему, обшарил весь дом, и, пройдя через коридор, гостиную, спальню и внутренние покои, где судья держал свои книги, он наконец нашел последнего спящим над книгой и зарубил его насмерть. Затем убийца вышел, но, подходя к дверям дома, обнаружил, что оставил шляпу, и имел мужество вернуться и взять ее, а затем пошел по улице.

Уокер Чапман. «Золотой сон: искатели Эльдорадо», 1967

Толкование

Никогда не исходите из предпосылки, что тот, с кем вы имеете дело, слабее или ниже вас. Некоторые люди не вспыхивают как порох, обижаются не сразу, из-за этого вы можете счесть их толстокожими и не бояться обидеть их. Но стоит вам задеть их честь и достоинство, они поразят вас вспышкой гнева, который может показаться внезапным, чрезмерным и неожиданным для тех людей, каких вы считали спокойными. Если вы хотите ответить кому-то отказом, лучше всего сделайте это как можно более вежливо и уважительно, даже если вы чувствуете, что запрос смешон, а предложение нелепо. Никогда не выставляйте за дверь обиженными тех, кого вы еще недостаточно хорошо знаете, — рискуете наткнуться на Чингисхана.

Нарушение закона (2)

В самом конце 1910-х годов несколько крупнейших мошенников Америки объединились в профессиональную организацию со штаб-квартирой в Денвере, штат Колорадо. В зимние месяцы они разъезжались по южным штатам, занимаясь своим ремеслом. В 1920

году Джо Фьюри, лидер организации, находился в поездке по Техасу, зарабатывая сотни тысяч долларов классическими мошенническими приемами. В Форт-Ворте он встретил простака по имени Дж. Франк Норфлит, скотовода, владельца большого ранчо. Норфлит, соблазненный обещанными жуликом богатствами, снял с банковского счета все, что там было, — 45 тысяч долларов и отдал их Фьюри и его помощникам. Спустя несколько дней они вернули ему его «миллионы», которые на поверку оказались «куклой»: парой настоящих долларовых купюр поверх толстых пачек нарезанной газетной бумаги.

Фьюри и его люди проделывали этот трюк сотни раз, и облапошенный клиент обычно был настолько сражен собственной глупостью, что покорно принимал урок и смирялся с потерей денег. Но Норфлит оказался непохожим на других простаков. Он пошел в полицию, где ему сказали, что дело почти безнадежное. «Тогда я сам найду их, — заявил Норфлит детективам, — пусть даже на это придется потратить остаток жизни». Его жена взяла на себя заботы о ранчо, пока Норфлит разъезжал по стране, разыскивая тех, кто, подобно ему, стал жертвой мошенников. Он нашел собрата по несчастью, и сообща они опознали в Сан-Франциско одного из мошенников. Им даже удалось привлечь его к суду. Тот покончил с собой, предпочтя такой исход длительному сроку тюремного заключения.

Норфлит продолжал. Он выследил второго мошенника в Монтане, связал его, как теленка, и протащил по грязным улицам до городской тюрьмы. В поисках Джо Фьюри и его правой руки, В. Б. Спенсера, он не только путешествовал по стране, но и выезжал в Англию, Канаду и Мексику. Обнаружив Спенсера в Монреале, Норфлит побежал за ним по улице. Спенсеру удалось скрыться, но скотовод не потерял следа и поймал его в Солт-Лейк-Сити. Спенсер предпочел строгость закона самосуду Норфлита и явился с повинной.

Норфлит обнаружил Фьюри в городке Джексонвилл, штат Флорида, и собственноручно препроводил его в Техас, где передал в руки правосудия. Но на этом не остановился: он добрался до Денвера, задумав уничтожить всю организацию. Истратив не только крупную сумму денег, но еще и один год своей жизни на преследования, он добился того, что все руководители организации

попали за решетку. Даже те, кого ему не удалось поймать, были так напуганы, что явились с повинной. За пять лет охоты Норфлит в одиночку разрушил крупнейшую в стране организацию мошенников. В результате он стал банкротом, его брак распался, но он умер счастливым человеком.

Толкование

Многие люди, ставшие жертвой мошенничества, как правило, испытывают унижение от того, что их одурачили, унижение, смешанное со смирением. Они получили урок, усвоив, что бесплатных обедов не бывает и они, по сути, пали жертвой собственной жадности. Некоторые, однако, не хотят глотать эту пилюлю. Отказываясь поразмышлять о своем простосердечии или об алчности, они видят в себе лишь невинных жертв.

Люди такого сорта кажутся участниками крестового похода за справедливость и честность, но на самом деле они просто ощущают сильнейшую неуверенность в себе. Их обманули, провели, это еще больше пошатнуло их веру в себя, и они безрассудно, очертя голову бросаются в атаку, пытаясь поправить положение.

Стоила ли месть Норфлита за испытанное им потрясение потери ранчо, крушения брака, многолетних скитаний по дешевым гостиницам, истраченных денег? Норфлиты этого мира не постоят за ценой, чтобы спасти свой пошатнувшийся внутренний мир.

Все люди испытывают ощущение неуверенности, и часто лучший способ обмануть простака — сыграть на этом чувстве. Но в сфере власти всё относительно, и человек, заметно более неуверенный в себе, чем обыкновенный смертный, представляет серьезную опасность. Будьте настороже: если вы прибегаете к обману или хитростям любого толка, внимательно изучите выбранный вами объект. Люди неуверенные, с болезненно хрупким эго не переносят ни малейшей обиды. Чтобы понять, не имеете ли вы дело именно с таким человеком, предложите ему тест: например, позвольте себе сдержанно пошутить на его счет. Человек уверенный рассмеется; патологически неуверенный отреагирует так, словно его кровно обидели. Если вам кажется, что ваш объект относится к последнему типу, выберите себе другую жертву.

Нарушение закона (3)

В V веке до н. э. Цзюнь Эр, принц китайского царства Чэнь, был вынужден отправиться в изгнание. Он жил скромно, порой даже в бедности, выжидая, когда придет время ему вернуться домой и возобновить жизнь, подобающую принцу. Случилось ему попасть в провинцию, правитель которой, не зная, кто перед ним, обошелся с ним грубо. Советник правителя Шу Чан видел это и сказал: «Этот человек — знатный принц. Пусть ваше высочество примет его с великими почестями, и он будет чувствовать себя обязанным!» Но правитель видел перед собой лишь нынешнее низкое положение принца, он не прислушался к совету и продолжал оскорблять принца. Шу Чан снова предостерег своего господина: «Если ваше высочество не желает быть полюбезнее с Цзюнь Эром, тогда прикажите его казнить, чтобы избежать несчастья в будущем». Правитель только отмахнулся.

Годы спустя принцу наконец удалось вернуться домой и восстановить все свои права. Он не забыл тех, кто был добр к нему, и тех, кто оскорблял его в годы бедности. Но едва ли не лучше всего он запомнил, как с ним обращались у того правителя. При первой же возможности он собрал большое войско, двинул его на владения правителя, захватил города и отправил обидчика в изгнание.

Толкование

Никогда нельзя знать наверняка, с кем имеешь дело. Человек, занимающий скромный пост сегодня, может стать влиятельной особой завтра. Мы многое забываем в нашей жизни, но редко забываем обиду.

Откуда было знать правителю, что принц Цзюнь Эр окажется человеком амбициозным, расчетливым, хитрым, злопамятным змеем? Способа узнать об этом не было, скажете вы, но тогда не лучше ли не испытывать судьбу? Ничего нельзя добиться, бесцельно обижая кого-то. Подавите в себе желание оскорбить, даже если кажется, что перед вами слабак. Удовлетворение вряд ли сравнимо с опасностью, что в один прекрасный день он или она окажутся способными ответить вам.

Нарушение закона (4)

Год 1920-й был особенно неудачным для американских торговцев произведениями искусства. Крупные покупатели — поколение баронов преступного мира прошедшего столетия, — подойдя к определенному возрастному рубежу, умирали как мухи, а новые банкиры не спешили занимать их место. Дела обстояли так скверно, что несколько самых крупных профессионалов решили объединиться — неслыханное событие, поскольку в обычное время люди этого ремесла ладят, как кошки с собаками.

Джозеф Дювин, продававший картины богатейшим дельцам Америки, страдал в тот год больше других своих коллег, поэтому решил присоединиться к союзу. В группу входили уже пять крупнейших торговцев страны. Озираясь в поисках нового клиента, они решили, что их последней надеждой может стать Генри Форд, в то время самый богатый человек страны. Форду еще только предстояло познакомиться с рынком произведений искусства, и цель была такой крупной, что имело смысл обрабатывать его сообща.

Было решено составить список «100 величайших живописных полотен мира» (все они по счастливой случайности имелись на рынке) и предложить некоторые из них Форду. Даже сделав одну покупку, он уже поставил бы себя наравне с крупнейшими коллекционерами. «Консорциум» работал неделями и произвел на свет великолепное произведение: три тома с изумительными репродукциями и серьезными искусствоведческими комментариями к каждой картине. Следующим шагом был визит в дом Форда в Диаборне, штат Мичиган. Простота убранства дома удивила торговцев: мистер Форд был, похоже, совершенно безразличен к внешним эффектам.

Форд принял их в кабинете. Он просмотрел книги с восхищением и восторгом. Обнадеженные торговцы уже представляли миллионы долларов, которые хлынут вскоре в их сейфы. Однако Форд, закончив знакомиться с книгами, произнес: «Джентльмены, такое прекрасное издание с такими прекрасными цветными иллюстрациями стоит, должно быть, чертовски дорого!» — «Но мистер Форд! — воскликнул Дювин.— Мы не предполагаем, что вы купите эти книги. Мы их изготовили специально, чтобы показать вам картины. Эти книги — наш подарок вам». Форд выглядел озадаченным. «Джентльмены, — сказал он, — это невероятно любезно с вашей стороны, но я просто

не представляю, как принять такой великолепный, дорогой подарок от чужих людей». Дювин объяснил Форду, что на репродукциях изображены живописные полотна, оригиналы которых они надеялись продать ему. Форд наконец-то понял. «Но джентльмены! — воскликнул он.— Зачем мне оригиналы, когда картинки прямо здесь, в книжке, так прекрасны?»

Толкование

Джозеф Дювин славился умением заранее досконально изучать свои жертвы и своих клиентов, получать представление об их слабостях и мельчайших особенностях их вкуса еще до встречи с ними. Тяжелые обстоятельства вынудили его пренебречь этой тактикой в случае с Генри Фордом. Ему потребовались месяцы, чтобы полностью оправиться от этого удара — как морального, так и материального. Форд был непритязательный, простой человек, ради которого не стоило затевать дело. Он был воплощением того буквально и прямолинейно мыслящего простака, у которого не хватает воображения даже на то, чтобы его можно обмануть. С тех пор Дювин тратил усилия только на таких клиентов, как Меллоны и Морганы мира сего, — людей достаточно хитрых и искушенных для того, чтобы попасться в его силки.

Ключи к власти

Способность оценивать людей и понимать, с кем имеешь дело, — наиболее важный навык из всех, необходимых тому, кто приумножает и удерживает власть. Без него вы слепы: вы можете обидеть тех, кого нельзя было обижать, подберете неверных кандидатов для совместной деятельности, будете считать, что льстите людям, на самом деле оскорбляя их. Прежде чем совершить любой поступок, сделать любой ход, изучите и оцените своего потенциального партнера или свою мишень. В противном случае вы зря потратите время и наделаете ошибок. Изучайте слабости людей, находите бреши в их броне, дознайтесь, чем они гордятся и чего стыдятся. Узнайте их вдоль и поперек, прежде чем решать, иметь ли с ними дело.

Два предостережения. Первое: судя о своих соперниках и оценивая их, никогда не полагайтесь на свои инстинкты. Вы можете наделать грубейших ошибок, доверяя таким неточным индикаторам. Ничем

нельзя заменить сбор конкретной информации. Изучайте своих соперников, шпионьте за ними, сколько бы времени это ни потребовало. Впоследствии это окупится.

Второе: никогда не доверяйте видимости, внешнему виду. Человек с сердцем змеи может разыграть добряка, чтобы скрыть свою сущность. Человек, внешне грозный, часто на самом деле труслив. Научитесь видеть сквозь внешние покровы и распознавать подобные противоречия. Не доверяйте той версии, которую предлагает сам человек, — слишком часто она расходится с истиной.

Образ: охотник.

Он не расставляет одинаковых ловушек для лисицы и волка. Он не положит приманку там, где ее некому схватить. Он знает досконально свою дичь, ее привычки, ее тропы и охотится удачно.

Авторитетное мнение

«Следует твердо знать, что не бывает людей, совершенно незначительных и не заслуживающих внимания. Время от времени нужно разрешать им быть полезными вам, чего они, безусловно, не станут делать, если хоть раз выказать им свое пренебрежение. Ошибки часто прощают, пренебрежение — никогда. Людская гордыня навсегда запоминает подобное».

Лорд Честерфилд

Оборотная сторона

Какую пользу можно было бы извлечь из неумения разбираться в людях? Научитесь отличать львов от агнцев, иначе придется платить сполна. Соблюдайте этот закон во всей полноте. У него нет оборотной стороны — даже не старайтесь найти такой случай.

Закон 20. Ни с кем не объединяйся

Формулировка закона

Только глупец торопится примкнуть к одной из сторон. Не вверяйте себя никому, кроме себя самого, не связывайте себя обязательствами. Сохраняя независимость, вы получите возможность властвовать — сталкивая людей между собой, заставляя их следовать за вами.

Часть I

НЕ СВЯЗЫВАЙ СЕБЯ НИ С КЕМ, НО ПОЗВОЛЯЙ ВСЕМ ИСКАТЬ ТВОЕГО РАСПОЛОЖЕНИЯ

Позволив людям чувствовать, что они могут располагать вами, вы потеряете всякую власть над ними. Не имея доказательств вашего расположения, они постараются завоевать его с удвоенным усердием. Держитесь в стороне — и вы достигнете власти, которая родится из их внимания. Уподобляйтесь королеве-девственнице: давайте им надежду, но не удовлетворение.

Соблюдение закона

Когда королева Елизавета I в 1558 году взошла на престол Англии, начались активные поиски супруга для нее. Вопрос дебатировался в парламенте, его обсуждали все англичане независимо от происхождения, но все были единодушны в том, что выйти замуж ей следует как можно скорее, ведь у королевы должен быть король, и они должны произвести на свет наследника. Споры о замужестве затянулись на годы. Самые привлекательные и достойные холостяки страны — сэр Робер Дадли, граф Эссекс, сэр Уолтер Рейли — искали руки Елизаветы. Она не лишала их надежды, но не спешила, а ее намеки на то, кто из претендентов может оказаться счастливцем, часто были противоречивыми. В 1566 году парламент отправил к Елизавете делегацию, торопя ее с замужеством, пока она не вышла из детородного возраста. Она не спорила, не огорчила посланцев отказом, но по-прежнему оставалась девицей.

Деликатная игра, которую вела Елизавета, постепенно превратила ее в предмет вожделений, бесчисленных сексуальных фантазий и в объект культового поклонения. Придворный врач Саймон Форман описывал в дневнике сны, в которых он лишал королеву девственности. Живописцы изображали ее в образе Дианы и других богинь. Поэт Эдмунд Спенсер, как, впрочем, и другие, писал панегирики королеве-девственнице. В них она была названа «императрицей мира», «целомудренной девой», которая правит Вселенной и управляет движением звезд. В разговоре с ней многие посетители мужского пола осмеливались делать не слишком тонкие

сексуальные намеки, но Елизавета их не останавливала. Она делала всё, что могла, чтобы возбуждать их интерес и в то же время держать их на расстоянии.

По всей Европе короли и принцы понимали, что брак с Елизаветой означает союз с Англией. Король Испании сватался к ней, так же как и принц Шведский и эрцгерцог Австрийский. Она вежливо отказала им.

Важнейшую проблему дипломатии в дни царствования Елизаветы представляло восстание Фламандских и Голландских Нидерландов, в то время принадлежавших Испании. Не следовало ли Англии разрушить свой альянс с Испанией и выбрать Францию как основного союзника на континенте, способствуя этим получению независимости Фламандией и Голландией? К 1570 году сложилось впечатление, что союз с Францией для Англии — самый разумный курс. Во Франции были два достойных, благородной крови претендента на руку королевы — герцоги Анжуйский и Алансонский, братья французского короля. Выйдет ли Елизавета за одного из них? У каждого были свои преимущества, и Елизавета поддерживала их надежду. Вопрос годами оставался нерешенным. Герцог Анжуйский наносил многочисленные визиты в Англию, прилюдно целовал Елизавету, даже называл ее нежными, ласковыми прозвищами. Она, казалось, отвечала ему взаимностью.

Тем временем, пока она флиртовала с братьями, был подписан договор, который скреплял союз между Францией и Англией. К 1582 году Елизавета оборвала ухаживания. Она сделала это с большим облегчением, особенно по отношению к герцогу Анжуйскому: ради решения дипломатических вопросов ей приходилось любезничать с человеком, само присутствие которого она переносила с трудом, который был неприятен ей физически. Как только мир, установленный между Францией и Англией, оказался вне опасности, она как можно вежливее отвергла притязания приторного герцога.

К тому времени Елизавета была уже слишком старой, чтобы иметь детей. Она могла позволить себе прожить остаток жизни по своему усмотрению и предпочла умереть королевой-девственницей. Она не оставила прямых наследников, однако период ее неподражаемого правления был мирным и дал многое для развития культуры в стране.

Толкование

У Елизаветы были веские причины не выходить замуж: она была свидетельницей ошибок Марии, королевы Шотландской, ее родственницы. Шотландцы, не допускавшие мысли о том, чтобы ими правила женщина, хотели, чтобы Мария вышла замуж, и сделала это с умом. Но было бы непопулярным шагом выбрать мужа-иностранца. Оказать честь одному из дворянских семейств? Это вызвало бы ужасающее соперничество. Наконец Мария остановила свой выбор на лорде Дарнлее, католике, чем навлекла на себя гнев шотландских протестантов и вызвала бесконечные беспорядки, последовавшие за этим.

Елизавета знала, что брак часто приводит к гибели женщины-правительницы: выйдя замуж и заключив союз с одной партией или нацией, королева оказывается втянутой в конфликты отнюдь не по своему выбору, конфликты, которые рано или поздно захлестнут ее или приведут к бессмысленной войне. К тому же муж становится фактическим правителем и нередко старается уничтожить супругу-королеву, как это сделал Дарнлей, постаравшись избавиться от Марии. Елизавета прекрасно усвоила урок. У нее как у правительницы было две цели: избежать брака и избежать войны. Ей удалось совместить эти цели, используя вероятность замужества для того, чтобы манипулировать окружающими. В минуту, когда она приняла бы предложение одного из соискателей ее руки, в эту самую минуту она лишилась бы своей власти. Ей приходилось окружать себя ореолом тайны, быть желанной, никогда не разбивая ничьих надежд, но никогда и не уступая.

На протяжении этой игры кокетства и неприступности, игры, длиной в жизнь, Елизавета царила в стране и в сердцах мужчин, каждый из которых мечтал завоевать ее. Она была в центре внимания, и власть находилась в ее руках. Сохраняя свою независимость от всех, Елизавета удержала власть и стала объектом всеобщего поклонения.

Я бы предпочла стать нищенкой, но незамужней, чем замужней королевой.

Елизавета I Тюдор, 1533–1603

Ключи к власти

Власть чрезвычайно многолика, и следует научиться трюкам, улучшающим ваш имидж. Отказ от участия в группировках и альянсов с отдельными людьми — один из таких трюков. Держась в стороне, вы вызовете не раздражение, а своеобразное уважение. Вы постоянно кажетесь сильным и властным из-за вашей неуловимости в противовес большинству людей, поддающихся влиянию группы или родства. Эта аура власти со временем усиливается: растет ваша репутация независимого человека, и по мере этого все большее количество людей начинает нуждаться в вас, стремится стать одним из тех, кому удастся склонить вас на свою сторону. Желание подобно вирусу: если мы видим, что окружающие тянутся к кому-либо, эта особа приобретает привлекательность и в наших глазах.

В ту минуту, когда вы отдаете кому-то предпочтение, магия рассеивается. Вы становитесь таким же, как все. Люди начинают применять любые коварные приемы, чтобы перетянуть вас в свой лагерь. Они будут забрасывать вас подарками, оказывать бесчисленные услуги, и все это для того, чтобы вы почувствовали себя обязанным им. Благодарите их за их внимание к вам, стимулируйте их интерес, но не примыкайте ни к кому и ни за что. Если вам того хочется, можете принимать их подарки и услуги, но тщательно поддерживайте свою внутреннюю отстраненность. Вы не должны позволить себе почувствовать себя кому-либо обязанным.

Однако помните: ваша цель не в том, чтобы отделаться от всех или показаться неспособным на плодотворное сотрудничество. Подобно королеве Елизавете, вы должны поддерживать кушанье подогретым, возбуждать интерес, соблазнять людей возможностью заполучить вас. Вам придется порой уступать их вниманию, но не заходя слишком далеко.

Греческий воин и государственный деятель Алкивиад владел этой игрой в совершенстве. Именно он возглавил афинский флот, который вторгся на Сицилию в 414 году до н. э. Когда завистники в Афинах попытались оклеветать его, сфабриковав против него обвинения, он, вместо того чтобы предстать перед судом на родине, попросил убежища у врагов — спартанцев. Позже, когда афиняне были разбиты под Сиракузами, Алкивиад перебрался из Спарты в Персию, хотя Спарта в то время переживала расцвет. Теперь уже и афиняне,

и спартанцы искали расположения Алкивиада из-за его влияния в Персии, персы же осыпали его почестями благодаря его влиянию в Афинах и Спарте. Он давал обещания каждой стороне, но не выделял ни одну, и все козыри были у него в руках до самого конца.

Если вы стремитесь получить власть и влияние, испробуйте тактику Алкивиада: займите позицию между теми, кто ведет борьбу за власть. Обещайте одной стороне свою помощь. Другая сторона, всегда стремящаяся превзойти соперника, тоже постарается вас не упустить. А раз каждая из сторон ищет вашей поддержки, это придает вам вид особы влиятельной и желанной. Так вы получите больше власти, чем если бы примкнули к одной из сторон. Чтобы довести эту тактику до совершенства, необходимо тщательно контролировать себя и не допустить эмоционального усложнения ситуации, а окружающих рассматривать как пешек в вашем восхождении к вершинам. Ни в коем случае не позволяйте без крайней нужды обращаться с собой как с лакеем.

В разгар президентских выборов 1968 года в США Генри Киссинджер связался по телефону с командой Ричарда Никсона. Киссинджер ранее был связан с Нельсоном Рокфеллером, который, не набрав достаточно голосов, не прошел в кандидаты от республиканской партии. Теперь Киссинджер предлагал лагерю Никсона ценную конфиденциальную информацию по мирным переговорам во Вьетнаме, проходившим в Париже. У него был на переговорах свой человек, который оперативно информировал о ходе событий. Люди Никсона с радостью приняли предложение.

Одновременно, однако, Киссинджер искал сближения и с кандидатом от демократов Хьюбертом Хамфри, предлагая ему свою помощь. Команда Хамфри хотела получать от него конфиденциальные сведения о Никсоне, и Киссинджер предоставлял их. «Видите ли, — говорил он людям Хамфри, — я всегда терпеть не мог Никсона». На самом же деле он не был заинтересован ни в одной из сторон. В действительности он стремился к тому, что и получил в результате: гарантии высокого поста от обоих кандидатов. Кто бы ни победил на выборах, карьера Киссинджера была обеспечена.

Победил, разумеется, Никсон, и Киссинджер был назначен на высокий пост в его администрации. Но даже тогда он проявил достаточно благоразумия, чтобы не слишком засвечиваться в роли

человека Никсона. Когда в 1972 году Никсон был переизбран на новый срок, сотрудники, намного более лояльные к нему, чем Киссинджер, были уволены. Киссинджер стал единственным из представителей администрации Никсона, пережившим Уотергейт и продолжившим службу при следующем президенте, Джералде Форде. Сохраняя дистанцию, Киссинджер процветал в тяжелые времена.

Люди, которые используют эту стратегию, часто замечают странный феномен: к тем, кто охотно спешит на помощь, редко испытывают уважение — их помощь слишком просто получить, чтобы ее могли оценить. В то же время к тем, кто не спешит оказывать услуги, обращается множество просителей. Отстраненность как бы свидетельствует о власти, и каждый хочет заполучить в сторонники того, кто ею обладает.

Когда Пикассо после проведенной в бедности молодости стал известнейшим художником, он не вверил судьбу своих полотен тому или иному агенту или торговцу, хотя со всех сторон получал соблазнительные предложения. Пикассо, казалось, все это совершенно не интересовало. Его тактический прием бесил торговцев, они подозревали конкурентов, а цены на картины росли. Когда Генри Киссинджер, госсекретарь США, хотел добиться разрядки в отношениях с Советским Союзом, он не сделал уступок или соглашательских жестов — он стал заигрывать с Китаем. Это раздражало и пугало советских руководителей — страна уже находилась в политической изоляции, а союз США с Китаем грозил усугубить ситуацию. Ход Киссинджера подтолкнул советских лидеров к переговорам. Такую тактику можно сравнить с соблазнением. Если вы решили соблазнить женщину, советовал Стендаль, начните ухаживать за ее сестрой.

Стойте в стороне, и люди к вам потянутся. Они будут стремиться завоевать ваше расположение. Пока вы имитируете мудрую королеву-девственницу, подкрепляя их надежды, вы будете оставаться притягательным как магнит, объектом желаний и внимания.

Образ: королева-девственница.

Центр внимания, вожделения и поклонения. Не выказывая предпочтения одним поклонникам перед другими, девственная

королева всех их заставляет вращаться вокруг себя подобно планетам, не способным ни оставить свои орбиты, ни приблизиться к ней.

Авторитетное мнение

«Не связывай себя ни с кем и ни с чем, ведь это означает стать рабом, рабом кого угодно... Самое важное — сохранить свободу от обязательств и долгов — инструмента, которым пользуются противники, чтобы с твоей помощью захватить власть».

Бальтазар Грациан

Часть II

НЕ ПРИНИМАЙ НИЧЬЮ СТОРОНУ, БУДЬ НАД СХВАТКОЙ

Не позволяйте окружающим втягивать вас в их мелочные склоки и дрязги. Проявляйте интерес, делайте вид, что поддерживаете их, но любым способом сохраняйте нейтралитет. Предоставьте другим сражаться, а сами наблюдайте и ждите. Когда стороны устанут и немного успокоятся, то упадут прямо вам в руки «готовенькими». Вообще-то, можно бы взять за правило провоцировать ссоры и затем предлагать посредничество, приумножая свою власть.

Соблюдение закона

В конце XV века между сильнейшими городами-государствами Италии — Венецией, Флоренцией, Римом и Миланом — постоянно возникали конфликты. Франция и Испания следили за борьбой, готовые выхватить все, что удастся, у ослабевших итальянских городов. А посередине, как в ловушке, находилось маленькое государство Мантуя, которым правил молодой герцог Джанфранческо Гонзага. Мантуя была расположена в Северной Италии, ее захват одним из могущественных соседей казался только вопросом времени — в любой момент крошечное независимое государство могло быть завоевано и прекратило бы свое существование.

Гонзага был храбрым воином, умелым полководцем, и он стал наемным военачальником, сражаясь на стороне того, кто лучше платил. В 1490 году он заключил брачный союз с Изабеллой д'Эстэ, дочерью правителя другого небольшого итальянского герцогства — Феррары. Поскольку он проводил много времени вне дома, править Мантуей от его имени выпало Изабелле.

Первый настоящий экзамен на роль правительницы Изабелла держала в 1498 году, когда король Франции Людовик XII готовил войска для нападения на Милан. Итальянские государства уже подсчитывали доходы, которые сулило им неизбежное поражение Милана. Папа Александр VI заявил о невмешательстве, тем самым предоставив Франции карт-бланш. Венецианцы сообщили, что не станут помогать Милану и надеются, что за это Франция отдаст им

Мантую. Правитель Милана Лодовико Сфорца внезапно обнаружил, что находится в полном одиночестве, без поддержки. Он обратился к Изабелле д'Эстэ, своему близкому другу (по слухам, и любовнице), умоляя ее убедить герцога Гонзагу прийти к нему на помощь. Изабелла попыталась, но супруг отказался: он видел, что положение Сфорца безнадежно. В 1499 году Людовик XII без труда занял Милан.

Перед Изабеллой стояла теперь дилемма: если она сохранит лояльность по отношению к Лодовико, французы нападут на нее; но если вместо этого она станет союзником Франции, то наживет врагов по всей Италии, и стоит Людовику XII отозвать свои войска... А если обратиться к Риму или Венеции за поддержкой, они попросту проглотят Мантую под видом оказания помощи. Но что-то нужно было делать. Могущественный король Франции дышал в затылок. Она решила подружиться с ним, как раньше завоевала дружбу Лодовико Сфорца — заманчивыми подарками, тонкими, остроумными письмами, возможностью находиться в ее обществе, ведь Изабелла славилась красотой и обаянием.

В 1500 году Людовик XII пригласил Изабеллу в Милан на большой праздник в честь его победы. Леонардо да Винчи сконструировал к этому событию огромного заводного льва: лев открывал пасть, изрыгая свежие лилии, символ французского королевства. Изабелла надела на праздник одно из своих знаменитых платьев (ее гардероб был несравнимо богаче, чем у любой итальянской принцессы), и, как она и рассчитывала, Людовик был очарован и покорен, он игнорировал всех дам, проявляя внимание только к ней. Вскоре Изабелла стала его постоянной спутницей, а в обмен на ее дружбу король обещал сохранить Мантуе независимость от Венеции.

Одна опасность миновала, однако надвигалась другая, более страшная, на этот раз с юга в лице Чезаре Борджиа. С 1500 года Борджиа неуклонно продвигался на север, захватывая мелкие княжества в походе, совершаемом во имя своего отца. Изабелла прекрасно знала, что представляет собой Чезаре: ему нельзя было верить, его ни в коем случае нельзя было задевать. Его нужно было обхаживать, льстить ему, но держаться от него на почтительном расстоянии.

Изабелла начала с того, что стала посылать ему подарки — соколов, лучших собак, духи и десятки масок, так как она знала, что он

всегда надевает маску, отправляясь на прогулки по улицам Рима. Ее гонцы доставляли ему льстивые послания (одновременно шпионя для Изабеллы). Как-то Чезаре спросил, нельзя ли ему разместить в Мантуе свои войска. Изабелле удалось вежливо отговорить его от этой затеи. Она прекрасно понимала, что, если только расквартировать войска в городе, они его не покинут.

Хотя Чезаре казался очарованным ею, Изабелла приказала всем в своем окружении не говорить о нем ни единого дурного слова, зная, что у него повсюду были шпионы и он мог воспользоваться малейшим предлогом для вторжения. Став матерью, Изабелла пригласила Чезаре быть крестным отцом ее ребенку. Она даже поманила его перспективой того, что в будущем их семьи могли бы породниться. Так или иначе, ее уловки срабатывали, и, хотя Борджиа завоевывал всех и вся, Мантую он не тронул.

В 1503 году отец Чезаре скончался. Спустя несколько лет папа Римский Юлий II вознамерился военным путем добиться вывода французских войск из Италии. Когда правитель Феррары — Альфонсо, брат Изабеллы, — встал на сторону французов, Юлий решил напасть на него и усмирить. Снова Изабелла оказалась в сложной ситуации: с одной стороны — папа, с другой — французы и брат. Она не отваживалась примкнуть ни к одной из сторон, но обидеть любую из них также было невозможно.

Снова Изабелла вела двойную игру, настоящим мастером которой она стала. Она отправила своего супруга Гонзаго сражаться против Юлия, зная, что он не будет драться слишком яростно. В то же время она позволила французским войскам пройти по территории Мантуи, чтобы оказать помощь Ферраре. Жалуясь во всеуслышание на вторжение французов на ее территорию, она тайком снабжала их ценными сведениями. Чтобы придать вторжению правдоподобие в глазах Юлия, она даже заставила французов сделать вид, будто они разграбили Мантую. И это помогло: папа оставил Мантую в покое.

В 1513 году после длительной осады Юлий захватил Феррару, и французские войска отступили. Через несколько лет умер измученный войной папа. После его смерти кошмарный круговорот сражений и мелких столкновений возобновился.

Италия за время правления Изабеллы претерпела огромные перемены: папы сменялись, Чезаре Борджиа возвысился и пал,

Венеция потеряла изрядную долю своего величия, Милан подвергся вторжению, Флоренция находилась в упадке, Рим был разграблен императором Карлом V Габсбургом. При всем том крошечная Мантуя не просто выжила — она процветала, на зависть всей Италии. Ее богатства и суверенитет оставались неприкосновенными еще на протяжении столетия после кончины Изабеллы, последовавшей в 1539 году.

Коршуны, вороны и лисица

Коршуны и вороны договорились между собой, что станут делить пополам любую добычу. Однажды они увидели раненную охотниками лисицу, беспомощно лежавшую под деревом, и собрались вокруг нее. Вороны сказали: «Мы возьмем себе переднюю половину лисицы». —«Тогда мы возьмем заднюю», — согласились коршуны. Лисица посмеялась над этим и сказала: «Я всегда думала, что коршуны по рождению выше ворон, и тогда именно им должна бы достаться моя передняя часть, ведь в нее входит голова с мозгом и другими вкусными вещами». — «О да, это правда, — сказали коршуны, — мы возьмем эту часть лисицы себе». — «А вот и нет, — возразили вороны, — она наша, как договаривались». Тут между спорщиками началась настоящая битва, многие пали с обеих сторон, а те немногие, что уцелели, едва унесли ноги.

Лисица провела под деревом еще несколько дней, питаясь убитыми воронами и коршунами, а потом удалилась, крепкая и бодрая, заметив: «Слабый выигрывает, когда сильные враждуют».

Индийская басня

Толкование

Изабелла д’Эстэ оценивала политическую ситуацию Италии с непостижимой проницательностью. Она прекрасно понимала: стоит только присоединиться к одной из сражающихся сторон — и ты обречен. Сильнейший сомнет тебя, слабый измотает. Любой новый союз породит и новых врагов, а это приведет к дальнейшему разгоранию конфликта, вовлечению в него все новых сил. И в конце

концов вы будете обессилены и лишены способности сопротивляться. Вас ждут полный крах и полное истощение.

Изабелла выбрала единственный путь спасения и сохранения Мантуи. Она не позволила себе потерять голову из-за благосклонности королей и герцогов, не пыталась останавливать конфликты, которые разгорались вокруг, иначе она неизбежно оказалась бы втянута хотя бы в один из них. И любой конфликт она умела обратить себе на пользу. Противники сражались не на жизнь, а на смерть, изнуряя себя борьбой, и на Мантую у них не оставалось сил. Источником власти Изабеллы было мудрое умение казаться заинтересованной в делах каждой стороны, при этом на деле она не поддерживала ни одну из них.

Вступив в борьбу не по своему выбору, вы теряете инициативу. Интересы воюющих сторон становятся вашими, вы превращаетесь в инструмент схватки. Учитесь владеть собой, скрывать свои побуждения и привязанности, сдерживайте искушение ввязаться в драку на чьей-либо стороне. Будьте приветливы со всеми, но вовремя отступите, не принимая участия в столкновении. Каждый бой отнимает у воюющих сторон силы, а вы делаетесь сильнее с каждым боем, которого вам удалось избежать.

Люди, которым многое дано, не спешат совершать опрометчивые поступки, так как легче избежать компрометирующей ситуации, чем достойно выйти из положения, будучи скомпрометированным. Такие ситуации — проверка твоей рассудительности. Безопаснее избегать их, чем даже выходить из них победителем. Одно принятое обязательство потянет за собой новое, большее, и ты не заметишь, как окажешься на краю беды.

Бальтазар Грациан

Ключи к власти

Чтобы преуспеть в игре под названием «власть», следует держать свои эмоции под контролем. Но, даже овладев этим искусством, темперамент и настроения окружающих вы все равно не сможете контролировать. А они представляют серьезную опасность.

Большинство людей постоянно находятся в водовороте эмоций, непрерывных стычек и конфликтов. Ваша независимость и самоконтроль будут лишь раздражать и сердить их. Они и вас постараются втянуть в этот водоворот, умоляя принять чью-нибудь сторону в их бесконечных столкновениях или заняться их примирением. Если вы уступите их эмоциональному давлению, то вскоре обнаружите, что ваш ум и ваше время полностью заняты решением их проблем. Несмотря на то что вы испытываете жалость к людям, никому и никогда не позволяйте втянуть себя в водоворот страстей. В этой игре вы никогда не выиграете — конфликты будут лишь множиться.

Однако совсем в стороне оставаться невозможно, поскольку это вызовет бесконечные обиды. Чтобы правильно вести игру, вам следует изображать заинтересованность проблемами окружающих, иногда даже до такой степени, чтобы казалось, что вы на их стороне. Но, внешне поддерживая их, вы должны на самом деле поддерживать свою внутреннюю энергию и не терять здравомыслия. Выслушивайте всех с сочувственным видом, но держитесь на расстоянии и от дружелюбных королей, и от опаснейших Борджиа. Отказываясь объединяться и тем сохраняя свою автономию, вы удерживаете инициативу: вы не защищаетесь, а сами выбираете, как вам поступать.

Сила на стороне того, кто не спешит выхватить оружие, особенно если он позволяет другим утомиться от борьбы, чтобы затем использовать как преимущество их усталость. В Древнем Китае царство Ци однажды было захвачено царством Чэнь. Гуан, правитель соседней провинции, хотел поспешить на защиту Ци, но его советник считал, что лучше не торопиться с помощью. «Ци пока далеко до поражения, — сказал он, — а Чэнь еще не истощило свои силы. А пока Чэнь не изнурено долгой борьбой, мы мало что можем. Более того, благодарность за поддержку в период опасности не так велика, как за помощь в возрождении разрушенного царства». Доводы советника показались правителю убедительными, и Гуан впоследствии действительно стяжал славу и спасителя Ци от ужаса разрухи, и победителя ослабевшего к тому времени Чэнь. Гуан сражался в стороне от схватки, пока ее участники не изнурили друг друга, и вступил в дело тогда, когда это было для него безопасно.

Умение выждать дает выигрыш во времени, следовательно, позволяет выбрать удобную позицию и, когда кто-либо из противников ослабеет, воспользоваться ситуацией. Вы также можете продвинуться в игре на шаг дальше, если пообещаете поддержку всем участникам конфликта, а сами будете маневрировать таким образом, чтобы выигрыш достался вам. Именно так поступил в XIV веке Каструччо Кастракони, правитель итальянского города Лукка. Каструччо желал покорить город Пистойю, но на открытое нападение не решался. Однако Каструччо знал, что в Пистойе были две ненавидевшие друг друга враждующие группировки — Белые и Черные. Он вел переговоры с Черными, обещая им помощь против Белых, а тайком от Черных сулил Белым, что поможет им действовать против Черных. И Каструччо сдержал обещания — он послал армию к тем городским воротам, которые контролировали Черные. Стражи, разумеется, пропустили ее. Тем временем вторая его армия вошла через ворота, находившиеся под контролем Белых. Две армии соединились на центральной площади, заняли город, убили лидеров обеих группировок, покончили с внутренней распрей, и Каструччо стал правителем Пистойи.

Сохраняя нейтралитет, вы можете изображать посредника, миротворца, а на самом деле защищать собственные интересы. Можете пообещать поддержку одной стороне, так чтобы другой пришлось домогаться вас и предлагать более высокую цену, или вести себя подобно Каструччо.

В конфликтной ситуации часто появляется искушение примкнуть к более сильной из сторон или к той, альянс с которой сулит вам очевидные преимущества. Это рискованно. Во-первых, трудно предвидеть, какая из сторон победит. Но даже если ваш прогноз верен и вы связали себя с сильнейшим из противников, есть риск, что, став победителем, он подчинит вас, а то и просто забудет. Поставив на слабейшего, вы обречены. А вот выжидая, вы не проиграете.

Во время французской Июльской революции 1830 года, после трех дней мятежа, Талейран, бывший в то время уже в годах, сидел около окна, прислушиваясь к колокольному звону, который оповещал о том, что мятеж в Париже подавлен. Повернувшись к своему собеседнику, он сказал: «А, колокола! Мы побеждаем».— «Кто это “мы”, мой князь?» — спросил тот. Жестом прервав его, Талейран отвечал:

«Ни слова! Я завтра скажу вам, кто „мы“». Он хорошо знал, что одни глупцы спешат в подобной ситуации: заявив слишком рано о своих предпочтениях, теряешь свободу маневра. Вас к тому же будут меньше уважать: возможно, завтра, подумают люди, он примкнет к другому делу или движению, раз сегодня так легко отдает себя этому. Удача — капризный божок и часто переходит от одной стороны к другой. Поспешно выбрав одну из них, вы лишаетесь выигрыша во времени и удовольствия от ожидания. Пусть окружающие примыкают к той или иной группировке, а сами не спешите терять голову.

Наконец, бывают случаи, когда самое мудрое — даже не пытаться притворяться, будто вы кого-то поддерживаете, а вместо этого возвещать о своей независимости и об уверенности в своих силах. Аристократическая поза независимости особенно важна для тех, кому необходимо завоевывать уважение. Джордж Вашингтон понимал, насколько это важно в его работе по упрочению молодого американского государства. Как президент, Вашингтон избежал искушения заключить союз с Англией или Францией, хотя на него и оказывали давление! Он хотел, чтобы его страна завоевала уважение мира, добившись независимости. Хотя соглашение с Францией могло оказаться полезным на короткое время, в перспективе, как считал Вашингтон, более важно было установить национальную автономию. Европа должна была увидеть в Соединенных Штатах равноценную силу.

Следует помнить: ваша энергия и ваше время небезграничны. С каждым мгновением, потраченным вами на других, ваша сила убывает. Вы можете опасаться, что вас назовут бессердечным, но в конечным счете, сохранив независимость и уверенность в себе, вы добьетесь уважительного отношения и займете такое положение, что сможете выбирать, кому и какую оказывать помощь.

Цена зависти

Бедная женщина торговала на рынке сырами. Кошка подкралась и стащила один. Собака, заметив воровку, хотела было отнять у нее сыр. Кошка и собака сцепились. Собака рычала и лаяла, кошка шипела и царапалась, но ни одна из сторон не могла взять верх в драке.

«Пойдем к лису, пусть он нас рассудит», — предложила наконец кошка. «Хорошо, пойдем», — сказала собака. И они отправились

к лису. Тот выслушал обеих с рассудительным видом.

«Глупые звери, — упрекнул он их, — кто же так себя ведет? Хотите, я поделю сыр пополам между вами, так что вы оба будете довольны?» — «Согласны», — сказали собака и кошка.

Лис вынул нож и разделил сыр, но вместо того, чтобы разрезать его вдоль, он рассек его по ширине. «Моя половина меньше», — запротестовала собака.

Лис посмотрел оценивающе из-под очков на долю собаки.

«Ты права, совершенно права!» — решил он.

Лис подошел и откусил кусочек от доли кошки.

«Теперь они одинаковы», — сказал он.

Кошка, увидев, что сделал лис, начала мяукать: «Посмотрите только! Мой кусок теперь меньше!»

Снова лис надел очки и поглядел оценивающе на долю кошки.

«Ты права! — сказал он. — Погодите-ка, я это исправлю».

И он откусил кусочек от половинки собаки.

Так лис подравнивал то кошачью, то собачью долю, пока не доел весь сыр прямо у них на глазах.

Натан Озюбель. «Сокровища еврейского фольклора», 1948

Образ: заросли кустов.

В лесу один куст цепляется к другому, выставляя шипы в стороны соседей. Однако вдалеке на почтительном расстоянии друг от друга растут высокие, стройные деревья. Только то, что не приближается слишком близко, может возвышаться над чащей.

Авторитетное мнение

«Считай, что более мужественно не дать вовлечь себя в схватку, чем выиграть сражение, а там, где уже есть один вмешавшийся глупец, позаботься, чтобы их не стало двое».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Обе части этого закона могут обернуться против вас, если зайти слишком далеко. Игра, предлагаемая здесь, трудна и деликатна. Если

вы играете сразу против многих, то есть риск, что окружающие разгадают ваш маневр и дружно ополчатся на вас. Если вы заставите слишком многих ваших последователей ждать чересчур долго, то вскоре вместо любви будете внушать недоверие. Люди начнут терять интерес. В конце концов может оказаться, что вам стоит примкнуть к одной из сторон, хотя бы только ради видимости, чтобы доказать, что вы способны на привязанность.

Даже тогда, однако, ключом к успеху будет умение сохранять свою внутреннюю независимость — удерживаться от эмоционального включения в ситуацию. Не говоря об этом вслух, будьте готовы уйти в любой момент и заявить о своей свободе, если сторона, которую вы поддерживали, начинает проигрывать.

Закон 21. Прикинься простаком, чтобы надуть простака: кажись глупее своей мишени

Формулировка закона

Никому не нравится чувствовать себя глупее другого. Поэтому хитрость в том, чтобы дать вашей жертве почувствовать себя умным, и не просто умным, но более умным, чем вы. Однажды поверив в это, она никогда не заподозрит, что у вас могут быть скрытые мотивы.

Соблюдение закона

Зимой 1872 года американский финансист Эсбери Харпендинг находился в Лондоне, когда получил телеграмму: на американском Западе открыто месторождение алмазов. Источник информации был надежен — Вильям Рэлстон, владелец Банка Калифорнии, — тем не менее Харпендинг отнесся к ней как к розыгрышу, возможно навеянному недавним открытием огромных алмазных месторождений в Южной Африке. Однако к первым сообщениям о золоте, найденном на американском Западе, все тоже отнеслись скептически, а это оказалось правдой. Но россыпи алмазов на Западе! Харпендинг показал телеграмму другу и коллеге барону Ротшильду (одному из самых богатых людей в мире) со словами, что это, вероятно, шутка. Барон, однако, ответил: «Не будьте в этом так уверены. Америка очень велика. Она уже преподнесла миру много сюрпризов. Может быть, есть и другие в запасе». Харпендинг немедленно первым же пароходом вернулся в Штаты.

Когда он добрался до Сан-Франциско, там царило возбуждение, напоминавшее дни золотой лихорадки конца 1840-х годов. Алмазную жилу обнаружили двое простых старателей, Филипп Арнольд и Джон Слэк. Они не раскрывали ее местоположения в штате Вайоминг, а когда несколькими месяцами раньше возили туда весьма уважаемого эксперта геолога, ехали кружным путем, чтобы он не запомнил дороги. Оказавшись на месте, эксперт увидел, как шахтеры выкапывают алмазы. Возвратившись в Сан-Франциско, эксперт показал камни нескольким ювелирам, один из которых оценил их стоимость в 1,5 миллиона долларов.

Харпендинг и Рэлстон попросили Арнольда и Слэка съездить с ними в Нью-Йорк, чтобы ювелир Чарльз Тиффани подтвердил оценку. Старатели не сразу согласились — они чувствовали ловушку: разве можно было доверять этим городским пройдохам? Что, если Тиффани и финансисты собираются украсть у них жилу прямо из-под носа? Рэлстон постарался рассеять их страхи, уплатив им 100 тысяч долларов и положив в банк еще 300 тысяч на случай, если сделка состоится. Они согласились.

Небольшая группа отправилась в Нью-Йорк, где всем предстояло собраться в особняке Сэмюэля Л. Барлоу. Съехались сливки городской аристократии — генерал Джордж Бринтон МакКлеллан, командовавший армией северян в Гражданской войне, генерал Бенджамин Батлер, Хорас Грили, редактор газеты «Нью-Йорк трибюн», Харпендинг, Рэлстон и Тиффани. Только Слэк и Арнольд отсутствовали — они отправились осматривать город.

Когда Тиффани объявил, что камни настоящие и стоят целое состояние, финансистам с трудом удалось справиться с возбуждением. Они связались с Ротшильдом и другими магнатами, чтобы сообщить им об алмазной жиле и предложить принять участие в инвестициях. Одновременно они сообщили старателям, что хотят провести еще одну проверку: они настаивали, чтобы эксперт-геолог, которого выберут они сами, съездил со Слэком и Арнольдом на место оценить мощность жилы. Те неохотно согласились. Они сказали, что им все равно пора возвращаться в Сан-Франциско. Камни, которые осматривал Тиффани, они оставили Харпендингу на сохранение.

Спустя несколько недель лучший эксперт в стране Луис Жанин встретился со старателями в Сан-Франциско. Жанин, законченный скептик, был решительно настроен доказать, что жила ничего не стоит. С ним поехали Харпендинг и еще несколько заинтересованных финансистов. Как и в случае с предыдущим экспертом, старатели вели команду запутанной дорогой через многочисленные каньоны, не давая сориентироваться. Прибыв на место, финансисты с изумлением наблюдали, как Жанин роется повсюду, разрушая муравейники, переворачивая валуны и находя изумруды, рубины, сапфиры, а чаще всего — алмазы. Исследование продолжалось восемь дней, и в конце концов Жанин сообщил инвесторам, что они стали владельцами самого богатого месторождения драгоценных камней в истории. «Могу

поручиться, — сказал он им, — что с сотней работников и соответствующим оборудованием добыча алмазов будет приносить до миллиона долларов в месяц».

Возвратившись в Сан-Франциско через несколько дней, Рэлстон, Харпендинг и другие оперативно создали корпорацию частных вкладчиков на 10 миллионов долларов. Первым делом они, разумеется, избавились от Арнольда и Слэка. Это потребовало от них скрывать свое радостное возбуждение — им вовсе не хотелось, чтобы те узнали об истинной стоимости месторождения. Поэтому они разыграли целый спектакль. Кто знает, прав ли Жанин, говорили они старателям, жила может быть совсем не такой богатой, как ему кажется. Это вызвало лишь раздражение. Финансисты попробовали изменить тактику, предостерегая рассерженных старателей, что если те непременно захотят иметь долю в предприятии, то бессовестные миллионеры и инвесторы, организовавшие корпорацию, в конце концов оберут их. Безопаснее им получить 700 тысяч — по тем временам невероятная сумма, — забыв об алчности. Этот довод показался старателям убедительным, они согласились взять деньги, в обмен подписав бумаги о передаче всех прав на участок и передав финансистам карты и планы.

Новости о месторождении распространились повсюду. По всему Вайомингу работали изыскатели. Тем временем Харпендинг и компания тратили миллионы, полученные от инвесторов, закупая оборудование, нанимая лучших специалистов и обставляя шикарные офисы в Нью-Йорке и Сан-Франциско.

Несколькими неделями позже, совершив первый выезд на место, они узнали горькую правду: ни единого алмаза или рубина найти не удалось. Всё оказалось фальшивкой, а они — разорены. Харпендинг, сам того не желая, вовлек богатейших людей мира в самую громкую аферу века.

Удел мудреца

Ныне человек ничем не гордится так, как своими умственными способностями, поскольку именно они позволили ему завоевать господствующее положение в животном мире. Однако было бы крайне опрометчиво показать кому-то свое очевидное превосходство над ним

в этом отношении, да еще и обратить на это обстоятельство внимание окружающих. <...>

Если положение и богатство всегда берутся в расчет и от них зависит отношение к человеку в обществе, то с интеллектуальными способностями дело обстоит самым неожиданным образом: величайшая милость, которая им оказывается, — то, что их вообще не замечают. Если люди все же обращают на них внимание, то в этом случае рассматривают их как проявление неслыханной дерзости либо как нечто, на что их обладатель не имеет законного права, да еще осмеливается этим гордиться.

И в осуждение и наказание за такое поведение люди втайне стараются унижать его всеми возможными способами! Если же они медлят с этим, то лишь потому, что ждут подходящего случая. Человек может являть образец скромности и смирения, но если он превосходит людей в интеллектуальном отношении, они все равно вряд ли простят ему это преступление. В «Саду роз» Саади замечает: «Ты должен знать, что глупцам неизмеримо сильнее претит общество людей умных, нежели мудрецам — общество глупцов».

Артур Шопенгауэр

Толкование

Арнольд и Слэк, чтобы надуть своих важных богатых клиентов, не нанимали подставного инженера и не подкупали Тиффани. Все эксперты были настоящими. Они искренне поверили в существование жилы и ценность камней. Что было обманом во всей истории, так это сами Арнольд и Слэк. Эти двое казались такими простаками, деревенщиной, такими наивными, что никому ни на мгновение и в голову не пришло, что они могут быть способны на такой дерзкий обман. Старатели применили закон «кажись глупее, чем твой клиент» — первую заповедь обманщиков.

План мошенников был очень простым. За несколько месяцев до того, как объявить об «открытии», Арнольд и Слэк съездили в Европу, где приобрели драгоценных камней примерно на 12 тысяч долларов (часть денег, заработанных ими в свое время на золотодобыче). Затем они нашпиговали «жилу» этими камнями и пригласили первого эксперта, который «нашел» камни и привез их в Сан-Франциско.

Ювелиры, изучавшие камни, включая самого Тиффани, психологически поддались ажиотажу, поднятому вокруг находки, и намного завысили их цену. Затем Рэлстон выплатил старателям 100 тысяч в качестве страховки, и сразу после поездки в Нью-Йорк они отправились в Амстердам, где закупили мешки необработанных камней, после чего вернулись в Сан-Франциско. Они во второй раз поработали над месторождением, так что теперь можно было найти гораздо больше драгоценностей.

Залогом успеха схемы, однако, были не эти трюки, а тот факт, что Арнольд и Слэк блестяще сыграли свои роли. Во время поездки в Нью-Йорк, где они вращались в обществе миллионеров и магнатов, они очень точно изобразили деревенских олухов, облачившись в слишком короткие и тесные штаны и куртки и недоверчиво косясь на все, что видели в большом городе. Никто бы не поверил, что эти простодушные провинциалы могли одурачить самых искушенных и циничных дельцов своего времени. И когда Харпендинг, Рэлстон и даже Ротшильд признали существование жилы, каждому, кто засомневался бы, приходилось поставить под сомнение ум наиболее преуспевающих бизнесменов мира.

В результате репутация Харпендинга была безвозвратно разрушена, Ротшильд усвоил урок и более никогда не становился жертвой мошенничества. Слэк получил свою долю и скрылся, его не удалось обнаружить. Арнольд отправился домой, в Кентукки. В конце концов, бумаги о продаже прав на участок были подлинными и законными, покупатели нанимали лучших консультантов, а уж если жила истощилась, это была не его проблема. На вырученные деньги Арнольд превратил свою ферму в великолепное хозяйство и открыл собственный банк.

Ключи к власти

Ощущение, что кто-то другой умнее нас, почти непереносимо. Мы обыкновенно стараемся найти этому какое-либо оправдание: «Он просто нахватался из книг, а у меня настоящие знания», «Ее родители платили, чтобы дать ей хорошее образование. Были бы мои родители побогаче, будь я из такой же семьи...», «Он не такой уж умный, как ему самому кажется». И еще одно, не самое маловажное: «Она, может быть, образованна в своей узкой области лучше, чем я, но во всем

остальном совсем не так умна, как я. Даже Эйнштейн отставал во всем, кроме физики».

Учитывая, насколько необходим ум для самолюбия и тщеславия большинства, невероятно важно случайно не обидеть человека, поставив под сомнение его умственные способности. Это непростительный грех. Но если вы примете это железное правило и заставите его работать на вас, оно откроет вам необъятные возможности влияния на людей. Ненавязчиво показывая людям, что они умнее вас, убеждая их в вашем недалеком уме, даже слабоумии, вы сможете вить из них веревки. Чувство интеллектуального превосходства, которое вы дадите им, ослабит их бдительность.

В 1865 году Отто фон Бисмарку нужно было, чтобы Австрия подписала одно соглашение. Соглашение полностью отвечало интересам Пруссии и было не в пользу Австрии, и Бисмарку приходилось хитрить, чтобы добиться своего. Участник переговоров с австрийской стороны, граф Бломе, был заядлым картежником. Его любимой игрой был куинс, и он часто говаривал, что мог бы судить о человеке по тому, как он играет в куинс. Бисмарк знал об этом высказывании Бломе.

Вечером накануне начала переговоров Бисмарк с невинным видом пригласил Бломе на игру в куинс. Позднее он писал: «С тех пор я никогда больше не садился играть в куинс. Я играл так неосмотрительно, опрометчиво, что все были поражены. Я проиграл несколько тысяч талеров (денежная единица того времени), но мне удалось одурачить (Бломе), заставив его поверить, что я более азартен, чем на самом деле, и я не мешал ему так думать». Бисмарк не только показался безрассудным, он вел себя как человек неумный и недалекий, говорил глупости, непрерывно болтал, показывая, что не может держать себя в руках.

Все это заставило Бломе думать, что он получает ценную информацию. Он знал об агрессивности Бисмарка — за пруссаком уже закрепилась такая репутация, и своим поведением он подтверждал ее. А агрессивные люди, как было известно Бломе, обычно глупы и несдержанны. Поэтому к моменту подписания соглашения Бломе был уверен, что у него есть преимущество. Безголовый дурень вроде Бисмарка, считал он, неспособен на хладнокровный расчет или обман. Поэтому Бломе лишь мельком просмотрел договор, прежде чем

подписать его, и не стал изучать его окончательный вариант. Не успели высохнуть чернила, как Бисмарк радостно выкрикнул ему в лицо: «Ну и ну, никогда бы не поверил, что найдется австрийский дипломат, который согласится подписать этот документ!»

У китайцев есть выражение: «Надеть личину свиньи, чтобы убить тигра». Оно восходит к древнему способу охоты, когда охотник надевал на себя шкуру и пятачок свиньи, подражал ее поведению, хрюкал. Могучий тигр, думая, что перед ним свинья, позволял ей приблизиться, надеясь на легкую добычу. Но последним удавалось посмеяться охотнику.

Переодевание в маску свиньи творит чудеса с теми, кто, подобно тиграм, самонадеянны и надменны: чем более легкой кажется им добыча, тем проще вам будет поменяться с ними ролями. Этот трюк можно также применять, если вы считаете свое место в иерархии незаслуженно низким: притворяясь более глупым, чем вы есть на самом деле, даже дурачком, вы великолепно замаскируетесь. Выглядите безобидным поросеночком — и никому в голову не придет, что у вас имеются опасные для окружающих планы.

Вас могут продвигать, ведь будет казаться, что вы очень удобны для вышестоящих, готовы к услугам. Клавдий, до того как стал императором Рима, и французский принц, ставший впоследствии Людовиком XVIII, использовали этот прием, чтобы вышестоящие не заподозрили их в притязаниях на трон. В юности они изображали дурачков, и их оставили в покое. Когда пришло время нанести удар и решительно действовать, они застали окружающих врасплох.

Ум — это качество, которое полезно скрывать, но не останавливайтесь на этом. Вкус и утонченность соседствуют с умом на шкале тщеславия. Дайте людям почувствовать, что они изысканнее вас, — и они ослабят свою настороженность. Арнольду и Слэку было известно, что наивный вид может творить чудеса. Искушенные финансисты посмеивались у них за спиной, но кто смеялся последним? Всегда позволяйте людям верить, что они умнее и тоньше вас, а поскольку им приятно это осознавать, вы дольше будете рядом с ними и у вас будет больше возможностей их обойти.

Образ: опоссум, прикидывающийся мертвым.

Хищники не трогают его. Кто бы мог подумать, что такое некрасивое, неумное и нервное маленькое существо способно на подобный обман?

Авторитетное мнение

«Знай, как можно применять глупость, — самый мудрый человек иногда разыгрывает эту карту. Бывают случаи, когда высшая мудрость состоит в том, чтобы прикинуться глупым, — ты должен не быть невеждой, а уметь сыграть его. Не слишком правильно быть мудрецом среди дураков и нормальным среди лунатиков. Тот, кто изображает глупца, не глуп. Лучший способ добиться хорошего отношения со всеми — надеть на себя шкуру самого тупого из простаков».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Демонстрация ума редко бывает выгодной. Лучше выработать у себя постоянную привычку преуменьшать свои достоинства. Если даже люди случайно узнают правду — что на самом деле вы гораздо умнее, чем кажетесь, — вы вызовете у них большее восхищение своей скромностью, чем могли бы вызвать, показавшись во всем блеске. Лишь начав подниматься на вершину, конечно, не следует изображать полного тупицу; если хотите, покажите своему руководству, тонко и ненавязчиво, что вы умнее ваших конкурентов. Но, по мере того как вы взбираетесь по лестнице, постарайтесь уменьшить блеск.

Есть, впрочем, одна ситуация, в которой лучше поступить противоположным образом, — когда вы стараетесь скрыть обман за ширмой ума и интеллигентности. Если вы выглядите знающим и авторитетным, люди поверят тому, что вы скажете. Это может оказаться очень полезным, если необходимо найти выход из щекотливого положения.

Джозеф Дювин, занимавшийся продажей произведений искусства, однажды присутствовал на званом вечере в нью-йоркском доме некоего магната, которому он недавно продал по очень высокой цене картину Дюрера. Среди гостей был молодой французский художественный критик, выглядевший очень уверенным и знающим. Желая произвести впечатление на молодого человека, дочь магната

показала ему картину Дюрера. Критик долго изучал полотно, а потом сказал: «Знаете, я не думаю, что этот Дюрер подлинный». Девушка поспешила передать отцу его слова, и магнат, сильно встревоженный, обратился к Дювину за объяснениями. Дювин рассмеялся: «Вы можете представить себе, молодой человек, что по меньшей мере двадцать экспертов здесь и в Европе тоже попались и заявляли, что это не Дюрер? А теперь и вы сделали ту же самую ошибку». Его уверенный тон и авторитетный вид смутили француза, и тот извинился за свой промах.

Дювин знал, что рынок произведений искусства переполнен подделками и что многие полотна ошибочно приписывали кисти старых мастеров. Он прикладывал все силы, чтобы разобрать, где подлинник, а где фальшивка, но, стремясь продать картину, часто преувеличивал свою уверенность в подлинности шедевра. Для него важнее всего было, чтобы покупатель не сомневался в том, что приобрел Дюрера, и Дювин всем своим уверенным видом демонстрировал свой непререкаемый авторитет эксперта. Таким образом, надо быть готовым сыграть роль профессора в случае необходимости, но не стоит надевать эту маску просто удовольствия ради.

Закон 22. Используй тактику капитуляции: обрати слабости в силу

Формулировка закона

Когда вы слабее, ни в коем случае не сражайтесь ради чести. Вместо этого капитулируйте. Капитуляция даст вам время на то, чтобы оправиться от ран, время, чтобы измучить победителя и добиться его раздражения, время, чтобы дождаться, пока его мощь иссякнет. Не доставляйте ему удовольствия сразиться с вами и победить — капитулируйте раньше этого. Сделайте капитуляцию инструментом власти.

Нарушение закона

Остров Милос расположен в Средиземном море. В древние времена город-государство Афины был гегемоном морских и прибрежных областей Греции, но Спарта, в Пелепоннесе, была исконной метрополией Милоса. Во время Пелопоннесской войны жители Милоса отказались от союза с Афинами и сохранили лояльность по отношению к метрополии. В 416 году до н. э. афиняне выступили в поход против Милоса. Однако, прежде чем предпринять разрушительное нападение, они выслали вперед делегацию, которая должна была уговорить островитян стать союзниками Афин, вместо того чтобы потерпеть от них сокрушительное поражение.

«Вы не хуже нас знаете, — говорили посланцы, — что справедливость определяется соотношением силы и смирения и что на самом деле сильные делают то, на что хватает их власти, а слабые принимают то, с чем им приходится мириться». Когда островитяне заявили, что это отрицает идею честной игры, афиняне ответили, что именно власть имущие решают, что честно, а что нет. Милосцы возразили, что это — привилегия богов, а не смертных. «Наше мнение о богах и наше знание людей, — отвечал один из афинских посланцев, — привело нас к выводу, что основной и необходимый закон природы призывает властвовать над тем, с чем только сможешь справиться».

Милосцев это не убедило. Спарта, настаивали они, встанет на их защиту. Афиняне парировали: консервативные, практичные спартанцы

не станут помогать Милосу, потому что они ничего не приобретут в случае победы, но многое потеряют при поражении.

Наконец милосцы заговорили о чести и принципах, заставляющих противостоять грубой силе. «Не загоняйте себя в тупик из-за ложно понятого чувства чести, — сказали афиняне.— Честь порой приводит к полному поражению только потому, что очевидная опасность каким-то образом затрагивает людскую гордость. Нет ничего бесчестного в том, чтобы уступить крупнейшему государству в Элладе, которое предлагает вам такие разумные условия». Переговоры закончились. Милосцы обсудили предложение между собой и решили положиться на поддержку Спарты, волю богов и собственную правоту. Они вежливо отклонили предложение Афин.

Через несколько дней афиняне захватили остров. Его жители бились достойно, даже в отсутствие спартанцев, так и не пришедших им на помощь. Афинянам далеко не сразу удалось окружить и осадить столицу, но в конечном счете остров был взят. Афиняне не теряли времени — они казнили всех мужчин, годных для несения воинской службы, которых смогли поймать, продали в рабство женщин и детей и заселили остров своими колонистами. Лишь горстке островитян удалось спастись.

Толкование

Афиняне были одними из наиболее выраженных практиков и прагматиков в истории и в споре с гражданами Милоса приводили самые веские доводы: если вы слабее, то ничего не добьетесь, вступая в бессмысленную борьбу. Никто не придет слабому на помощь, ведь этим можно навлечь на себя неприятности. Слабые одиноки и вынуждены подчиняться. Сопротивляясь, вы не достигнете ничего, кроме собственных мучений и гибели многих людей, которые не верили в ваше дело.

Слабость — не грех, ее можно даже превратить в силу, если научиться правильно ею распоряжаться. Если бы обитатели Милоса сразу же сдались, они смогли бы бороться с афинянами путем саботажа или, получив всю возможную выгоду от альянса, выйти из него, как только позиция Афин стала бы слабее, что, кстати говоря, и произошло спустя несколько лет. Фортуна переменчива, и нередко сильный тоже может пасть. Капитуляция таит в себе большую власть:

убаюкивая врага послушанием, она дает вам время на то, чтобы оправиться, подготовиться для реванша. Не следует отказываться от этой возможности в пользу сомнительной чести вступить в битву, заранее обреченную на поражение.

Слабые люди никогда не уступают там, где это следует сделать.

Кардинал де Рец

Соблюдение закона

Приблизительно в 1920-е годы немецкий писатель Бертольд Брехт обратился к идеям коммунизма. С тех пор его пьесы, эссе и стихи отражали его революционный пыл, причем идеологические положения он старался излагать предельно четко и ясно. Когда к власти пришел Гитлер, Брехт и его коллеги-коммунисты были взяты на заметку. У писателя было много друзей в Соединенных Штатах — американцев, которые симпатизировали его взглядам, а также немецких интеллигентов, ускользнувших от Гитлера. В 1941 году Брехт эмигрировал в США и поселился в Лос-Анджелесе, где надеялся зарабатывать на жизнь, занимаясь кино.

В последующие несколько лет Брехт писал киносценарии с выраженной антикапиталистической направленностью. В Голливуде ему не очень везло, поэтому в 1947 году он решил возвратиться в Европу. Но в тот же год Комиссия Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности начала следствие по поводу предполагаемого проникновения коммунистического влияния в Голливуде. Комиссия начала собирать материалы на Брехта, который не скрывал, что исповедовал марксизм, и 19 сентября 1947 года, буквально за месяц до его запланированного отъезда из Америки, писатель получил повестку, предписывающую ему предстать перед Комиссией. Кроме Брехта повестки получили и другие сценаристы, режиссеры и продюсеры; эта группа стала известна как Девятнадцать из Голливуда.

Прежде чем отправиться в Вашингтон, Девятнадцать из Голливуда собрались, чтобы обсудить план действий. Они решили идти на столкновение. Вместо того чтобы отвечать на вопросы об их

принадлежности к коммунистической партии, они решили огласить подготовленные заранее заявления, которые поставят под сомнение авторитет Комиссии и будут оспаривать обвинения в антиконституционной деятельности. Даже если это приведет к тюремному заключению, решили они, таким образом удастся добиться гласности.

Брехт не согласился. Что хорошего, спрашивал он, в том, чтобы изображать мучеников, при этом мало у кого в обществе вызывая симпатию, если в процессе на много лет лишишься возможности ставить свои пьесы и продавать сценарии? Он был уверен в том, что по уму они превосходят членов Комиссии. Так к чему опускаться до уровня их оппонентов, вступая с ними в дискуссии? Почему бы не перехитрить Комиссию, притворившись, что они готовы сдаться, а на самом деле тонко посмеяться над ней? Девятнадцать вежливо выслушали доводы, но решили следовать намеченному плану, предоставив Брехту действовать по своему усмотрению.

Комиссия вызвала Брехта на 30 октября. От него ожидали того же поведения, что и от Девятнадцати, которые предстали перед Комиссией раньше. Ожидалось, что он будет спорить, откажется отвечать на вопросы, будет оспаривать право Комиссии на проведение слушания, возможно, даже выкрикивать оскорбления. К их глубочайшему удивлению, однако, Брехт демонстрировал лояльность. Он надел костюм (чего почти никогда не делал), курил сигару (он прознал, что председатель Комиссии был заядлым курильщиком сигар), вежливо и уважительно отвечал на вопросы.

В отличие от других свидетелей, Брехт ответил на вопрос о принадлежности его к коммунистической партии: он не является ее членом, сказал он, — и надо же, это оказалось правдой. Один из членов Комиссии спросил: «Правда ли, что вы написали несколько революционных пьес?» Брехт написал много пьес с открыто коммунистическими лозунгами, но он ответил: «Я написал много антигитлеровских песен, стихов и пьес, и, разумеется, их можно счесть революционными, потому что конечно же я выступал за свержение фашистского режима». Это заявление приняли без возражений.

Брехт говорил по-английски очень неплохо, но для дачи показаний воспользовался услугами переводчика, и такая тактика позволила ему вести тонкую лингвистическую игру. Когда члены Комиссии находили

высказывания коммунистической направленности в английских переводах его стихов, он повторял строки по-немецки для переводчика, который заново переводил их; в результате они каким-то образом приобретали вполне невинное звучание. В какой-то момент член Комиссии продекламировал революционное стихотворение по-английски и спросил Брехта, он ли это написал. «Нет, — ответил тот.— Я написал стихи по-немецки, и они очень отличались от этих». Уклончивые ответы писателя беспокоили членов Комиссии, но из-за его вежливого тона и признания их авторитета было просто невозможно на него сердиться.

После короткого — не более часа — опроса члены Комиссии решили, что этого достаточно. «Большое спасибо, — сказал председатель, — вы образцовый свидетель». Его не только освободили, но и обещали поддержку в случае недоразумений с иммиграционными властями. На другой день Брехт покинул Соединенные Штаты, чтобы никогда не возвращаться.

Вольтер жил в изгнании в Лондоне как раз в то время, когда антифранцузские настроения достигли самой высокой точки. Однажды, прогуливаясь по улицам, он был окружен озлобленной толпой. «Вздернем его, вздернем француза!» — кричали в толпе. Вольтер спокойно обратился к сборищу со следующими словами: «Англичане! Вы хотите убить меня за то, что я француз. Разве я уже недостаточно наказан тем, что не рожден англичанином?» В ответ на эти слова толпа разразилась приветственными криками и, не тронув, проводила его до самого дома.

Клифтон Фадиман. «Коричневая книжечка анекдотов», 1985

Толкование

Вызывающим поведением Девятнадцать из Голливуда снискали симпатии, а спустя годы они добились того, что общественное мнение их оправдало. Но при этом они попали в черные списки, и долгое время продуктивного творческого труда было упущено. Брехт выразил свою неприязнь к Комиссии более тонким способом. Его образ мыслей не изменился, он не пошел на компромисс; вместо этого во время дачи

показаний он искусно продемонстрировал свое превосходство над Комиссией: он все время ходил кругами и давал пространные ответы, полные лжи. Их, однако, невозможно было оспорить, настолько они были затуманены намеками и жонглированием словами. В результате он сохранил возможность и дальше писать свои революционные произведения (вместо того чтобы мучиться в тюрьме в Соединенных Штатах), хотя его псевдопослушание просто помогло ему изящно поиздеваться над Комиссией.

Не забывайте: людей, явно демонстрирующих свой авторитет, легко поймать, изображая капитуляцию. Если вы открыто демонстрируете подчинение, это заставляет их ощутить собственную значимость. Довольные тем, что вы их уважаете, они становятся легкой мишенью для контратаки или для того, чтобы посмеяться над ними, как Брехт. Соразмеряя свои силы и время, никогда не жертвуйте возможностью маневра в будущем, хотя и отдаленном, в пользу недолговечного ореола мученичества.

Когда мимо проезжает важный господин, умный крестьянин низко поклонится и тихонько испустит ветры.

Эфиопская пословица

Ключи к власти

В ведомстве власти нас часто подводит то, что мы слишком сильно отвечаем на действия врагов и соперников. Такая преувеличенная реакция порождает трудности, которых можно было бы избежать, будь мы рассудительнее. Помимо прочего, конфликт грозит затянуться до бесконечности, так как соперник в свою очередь тоже резко реагирует, как, например, афиняне в случае с Милосом. Нашим первым побуждением всегда бывает оказать сопротивление, на проявление агрессии в свою очередь ответить агрессией. Но в следующий раз, когда кто-то заденет вас и вы поймете, что собираетесь ответить тем же, попробуйте сделать вот что: не оказывайте сопротивления, не наносите ответного удара, а уступите, подставьте другую щеку, покоритесь. Вы убедитесь, что часто таким способом можно нейтрализовать противника — он ждет от вас ответной агрессии, даже

хочет этого, так что вы застаете его врасплох и обескураживаете, не оказывая сопротивления. Смиряясь, вы на самом-то деле становитесь хозяином положения, потому что ваша капитуляция является лишь частью плана, цель которого — усыпить врага, заставив его поверить, что вы сломлены.

Суть этой тактики в следующем: вы сохраняете внутреннюю твердость, но внешне склоняетесь. Лишенные повода для проявления агрессии, ваши противники в замешательстве. У них нет причин, которыми они могли бы воспользоваться, чтобы ответить дальнейшим насилием, а оно потребовало бы агрессивного хода от вас. Вместо этого вы выиграли время и пространство для подготовки ответного маневра, который может оказаться для них сокрушительным. В поединке интеллекта с грубой силой и агрессией такая тактика — первоклассное оружие. Она требует полного самообладания: тот, кто капитулирует по-настоящему, рискует лишиться свободы, и унижение от сознания своего поражения может оказаться губительным. Нельзя забывать, что вы лишь прикидываетесь проигравшим, подобно животному, которое прикидывается мертвым, чтобы спастись.

Мы видели, что бывает лучше сдаться, чем продолжать борьбу; если противник намного сильнее и очевидно, что поражение неминуемо, часто лучше бывает сдаться, чем бежать. Бегство поможет на короткое время, но рано или поздно враг настигнет. Сдавшись вместо этого, вы получаете возможность обвиться вокруг неприятеля и, вонзив в него зубы, поразить с близкого расстояния.

В 473 году до н. э. древнекитайский правитель царства Юэ Гу Чжан получил сокрушительное поражение от правителя царства У в битве при Фучжоу. Гу Чжан намеревался скрыться, но его советник подсказал другое: сдаться и постараться попасть на службу к правителю У, получив таким образом возможность как следует изучить его и подготовить реванш. Решив последовать этому совету, Гу Чжан отдал победителю все свои богатства и нанялся простым работником в его конюшни. В течение трех лет он вел себя смиренно, и наконец правитель, поверив в его лояльность, позволил ему вернуться к себе домой. На самом деле, однако, Гу Чжан все три года собирал информацию и планировал ответный удар. Когда У поразила страшная засуха и внутренние беспорядки ослабили царство, он, собрав армию, вторгся в У и одержал легкую победу. Вот какая сила

стоит за капитуляцией: она дает вам время для подготовки сокрушительного ответного удара. Если бы Гу Чжан просто бежал, этот шанс был бы для него потерян.

Когда в середине XIX века международная торговля начала угрожать независимости Японии, японцы обсуждали, как защитить страну от иноземцев. Один из министров, Хотта Масайоши, написал в 1857 году меморандум, который в дальнейшем определил японскую политику: «...я считаю, что наша политика должна заключаться в том, чтобы завязывать дружественные связи, отправлять корабли в другие страны и там повсюду вести торговлю, брать пример с иноземцев в том, в чем они нас превосходят, и исправлять собственные недостатки, заботиться об укреплении своей нации и пополнении вооруженных сил, и так постепенно подчинять иностранцев нашему влиянию, пока в конце концов все страны мира не познают благодать совершенного покоя и наше превосходство не будет признано по всей земле».

Перед нами блестящее приложение данного закона: использовать смирение и покорность, чтобы добиться превосходства над врагом. Изучить его досконально, медленно втираясь в доверие, внешне следовать его привычкам, но внутренне сохранять собственную культуру. В финале вы одержите победу, потому что враг считает вас слабым, низшим и, значит, не принимает мер предосторожности, а вы в это время догоняете и обходите его. Такая мягкая форма вторжения исподтишка часто наиболее эффективна, так как враг не ощущает необходимости чему-то противостоять, сопротивляться или к чему-то готовиться. Если бы Япония оказывала сопротивление западному влиянию, это могло бы вызвать насильственное вторжение Запада, которое полностью изменило бы самобытную японскую культуру.

Капитуляция часто позволяет поиздеваться над противниками или обернуть их оружие против них самих, как сделал Брехт. В романе Милана Кундеры «Шутка», в основу которого лег реальный опыт, полученный автором в чехословацкой исправительной колонии, есть история о том, как тюремные охранники организовали эстафету — соревнование между тюремщиками и заключенными. Для охранников это была возможность продемонстрировать свое физическое превосходство. Заключенные знали, что от них ждут проигрыша, поэтому они выбрали своеобразный путь: изображая, что стараются

изо всех сил, они на самом деле еле двигались, пробегали несколько метров и валились в изнеможении, хромали или бежали как можно медленнее, в то время как охранники проносились мимо на полной скорости. Заключенные приняли участие в эстафете и проиграли в ней, тем самым продемонстрировав полное послушание. Однако своим «сверхпослушанием» высмеяли всю затею, фактически провалив ее. Чрезмерное послушание — капитуляция — в этом случае позволило парадоксальным способом продемонстрировать превосходство. Сопротивление повлекло бы за собой ряд насильственных действий со стороны заключенных, и в этом они уподобились бы тюремщикам. Сверх меры подчиняясь своим врагам, они выставили их на смех, а при этом наказать заключенных было не за что, ведь они выполнили всё, что от них требовалось.

Власть — это постоянное движение, приливы и отливы, потому что игра сродни потоку; это арена постоянной борьбы, где обладание властью очень часто сменяется падением. Если вы чувствуете, что наступила усталость, маневр с капитуляцией прекрасно поможет вам вновь подняться на ноги — добровольная сдача позиций маскирует ваши притязания, учит вас терпению и самообладанию, самым нужным навыкам в этой игре, и помогает занять самое выгодное положение, из которого вы можете внезапно нанести удар по неприятелю. Если вы убежите или продолжите бой — это в итоге приведет к поражению. Если сдадитесь — это почти наверняка впоследствии обернется славной победой.

Каштан и смоковница

Один человек, забравшись на смоковницу и привязавшись к суку, обрывал сочные плоды и клал в рот, разрушая их и терзая своими твердыми зубами. Каштан, видя это, воздел свои длинные ветви и в смятении прошелестел: «О смоковница! Насколько ты беззащитнее от природы, чем я! Посмотри, как защищены мои нежные отпрыски: вначале их окутывает мягкая оболочка, а поверх нее — твердая скорлупа, которая, однако, изнутри имеет нежную выстилку. Но, не довольствуясь этим, природа снабдила нас еще и этими частыми острыми шипами, так что руки человека не могут повредить нам». В ответ смоковница расхохоталась, а отсмеявшись, произнесла: «Разве тебе неизвестно, как изобретателен человек? Он и у тебя может отнять

детей, просто в этом случае он воспользуется прутьями и камнями, а сбив плоды на землю, будет давить их ногами или разбивать камнями, чтобы вытащить твоих потомков из надежных убежищ раздавленными и изувеченными. Меня же он держит в руках осторожно, а не так грубо, как тебя».

Леонардо да Винчи

Образ: дуб.

У дуба, который сопротивляется ветру, одна за другой ломаются ветви, ему нечем защитить ствол, и он рано или поздно трещит. Дуб, который склоняется, живет дольше, его ствол становится толще, а корни уходят вглубь и делаются все более цепкими.

Авторитетное мнение

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два».

Евангелие от Матфея, 5:38–41

Оборотная сторона

Цель капитуляции в том, чтобы уцелеть до лучших времен, когда будет можно вновь заявить о себе. Обычно сдаются, чтобы избежать мук, хотя случается, что врага невозможно смягчить, и тогда мученического венца не избежать. Более того, если вы предпочтете смерть, то последователи могут почерпнуть в этом силы и вдохновение.

И все же мученичество, то есть оборотная сторона капитуляции, это хаотичная, нечеткая тактика, к тому же в ней не меньше насилия, чем в агрессии, которой она противостоит. На каждого прославленного мученика приходятся тысячи других, неизвестных. Их муки не зажгли ни религиозного чувства, ни бунта. Так что, если мученичество и передает иногда некоторую силу, это происходит стихийно, и невозможно предвидеть, случится ли это. Важнее то, что вы уже

не окажетесь рядом, чтобы наслаждаться этой силой, если она возникнет. И вообще, в мучениках иногда проскальзывает что-то эгоистичное и высокомерное, порой возникает ощущение, будто их последователи для них менее важны, чем их собственная слава.

Если власть опустошила вас, лучше не принимайте во внимание оборотную сторону этого закона. Забудьте про мученичество: маятник рано или поздно снова подхватит вас вверх, и надо выжить, чтобы дождаться этого.

Закон 23. Концентрируй свои силы

Формулировка закона

Сохраняйте силы и энергию, копите и храните их в концентрированном виде. Вы добьетесь большего, открыв богатую жилу и углубляя ее, чем порхая от одной неглубокой шахты к другой, — интенсивная разработка всякий раз побивает экстенсивную. Изыскивая источники мощи, которая возвысит вас, найдите один главный ключ, тучную корову, и она в течение долгого времени будет снабжать вас молоком.

Нарушение закона

В Китае в начале VI века до н. э. царство У начало войну против соседних северных провинций Срединного царства. У было на подъеме, власть его росла, но ему недоставало великой истории и культуры Срединного царства, столетиями являвшегося центром китайской цивилизации. Победой над Срединным царством правитель У надеялся мгновенно поднять свой престиж.

Поход начался с громких фанфар и многочисленных побед, но довольно скоро оказалось, что войска У одерживали победы на одном фронте, но при этом оставалась без прикрытия армия на другом. Первый министр и советник правителя У Цзун-сюй предупредил, что в варварском государстве Юэ, к югу от них, начинают замечать проблемы У и строят планы захвата. Правитель лишь посмеялся над такими страхами: еще одна громкая победа — и великое Срединное царство будет принадлежать ему.

Вскоре У Цзун-сюй отправил своего сына в безопасное место, в царство Чу. Этим поступком он подавал правителю знак, что не одобряет войну и боится, что честолюбие и эгоизм правителя приведут царство У к крушению. Правитель воспринял это как предательство, набросился на министра, обвиняя его в нелояльности, и под влиянием вспышки гнева дал ему приказ покончить с собой. У Цзун-сюй повиновался, но, прежде чем вонзить кинжал себе в грудь, он крикнул: «Вырви мне глаза, правитель, и прикажи поместить их на воротах У, чтобы я увидел, как войска Юэ с триумфом входят в них».

Как и предсказывал У Цзун-сюй, через несколько лет армия Юэ вошла в царство У. Когда варвары окружили дворец, правитель припомнил последние слова своего советника — и ему показалось, что вырванные глаза мертвеца видят его бесчестье. Не в силах перенести позор, правитель покончил с собой, «покрыв свое лицо, так чтобы не встретиться взглядом со своим министром в ином мире».

Толкование

История царства У — модель всех империй, которые пали, став жертвой чрезмерного расширения. В опьянении от своих успехов и непомерно честолюбивые, такие империи увеличивались до поистине гротескных размеров, и все завершалось крахом. Так случилось с древними Афинами, страстно возжелавшими заполучить дальний остров Сицилию и потерявшими империю. Римляне растянули границы своей империи, включая в нее обширные территории. Поступая таким образом, они сделали страну более уязвимой, увеличивая опасность нападения все новых племен варваров. Их бесцельная экспансия привела империю к гибели.

Что касается нашего примера с Китаем, удел царства У служит элементарным уроком того, что может случиться, если расточать силы на нескольких фронтах, игнорируя потенциальные опасности ради завоевания здесь и сейчас. «Если тебе не угрожает опасность, — учит Сунь-цзы, — не надо воевать». Это почти физический закон: все то, что раздувается слишком сильно, выходя за свои рамки, неизбежно рушится. Разум не должен блуждать от одной цели к другой или допускать, чтобы успех заставлял забыть о чувстве меры и целеустремленности. Тот, кто собран, последователен и не теряет связи с прошлым, обладает властью. Распущенные, разбросанные и напыщенные загнивают и падают. Чем сильнее они раздуваются, тем больнее ударяются падая.

Соблюдение закона

Банкирская семья Ротшильдов происходила от бедняков из еврейского гетто во Франкфурте. Жестокий закон германского города запрещал евреям появляться за пределами гетто, но евреи повернули это иначе: закон придавал им уверенность в себе и в их рьяной заботе о сохранении своей культуры любой ценой.

Мейер Амшель был первым из Ротшильдов, кто в конце XVIII века накопил состояние, давая деньги в рост. Прежде всего Мейер Амшель сблизился с семейством могущественных князей Турна и Таксиса. Вместо того чтобы оказывать услуги разным клиентам, он добился того, что стал первым банкиром этих князей. Во-вторых, он не допускал в свой бизнес чужих — только своих детей и близких родственников. Чем более сплоченной и единой становилась семья, тем большее могущество она приобретала. Вскоре бизнес повели пять сыновей Мейера Амшеля. На смертном одре, в 1812 году, Мейер Амшель отказался назвать основным наследником одного из них. Вместо этого он передал дело всем пятерым, завещав им хранить семейные традиции, держаться вместе, не поддаваться опасности расточительства и не допускать вторжения чужаков.

Заменив Мейера Амшеля в управлении делом, сыновья решили, что можно значительно увеличить состояние, если надежно закрепиться в финансовых делах Европы в целом, а не связывать себя с одной страной или княжеским домом. Один из пяти братьев, Натан, уже открыл магазин в Лондоне. В 1813 году Джеймс переехал в Париж. Амшель остался во Франкфурте, Соломон устроился в Вене, а младший, Карл, поехал в Неаполь. Связав воедино все сферы влияния, они смогли укрепить свои позиции на европейских финансовых рынках.

Такая расширенная сеть, разумеется, сделала Ротшильдов уязвимыми для той самой опасности, от которой предостерегал их отец: расточительство, рассеяние, разделение. Они избежали этой опасности и утвердились как мощнейшая сила в европейских финансах и политике, еще раз применив стратегию гетто — не принимать чужаков, концентрировать свои силы. Ротшильды разработали самую быструю систему курьерской почты в Европе, позволившую им узнавать новости о событиях раньше всех конкурентов. Они фактически стали обладателями монополии на информацию, а их переписка велась на франкфуртском диалекте идиш, закодированном так, что расшифровать его могли только сами братья. Перехватывать их корреспонденцию не имело смысла — никто не мог ее понять. «Даже самые видные банкиры не могут найти путь в лабиринте Ротшильдов», — признал финансист, попытавшийся проникнуть в клан.

В 1824 году Джеймс Ротшильд решил, что настало время жениться. Он обсудил этот вопрос с семьей, ведь речь шла о том, что в клан Ротшильдов войдет чужой человек, который может выдать их секреты. Поэтому Джеймс решил найти себе жену внутри семьи и выбрал дочь своего старшего брата Соломона. Братья были в восторге — они считали, что это блестящее решение вопроса о женитьбе. Выбор Джеймса теперь стал линией поведения и для других членов семьи. Два года спустя Натан выдал свою дочь замуж за сына Соломона. В последующие годы пять братьев заключили восемнадцать браков между своими детьми, из них шестнадцать — между двоюродными братьями и сестрами.

«Мы — как часовой механизм: каждая деталь необходима», — говаривал один из братьев, Соломон. Как в часах, каждый раздел бизнеса развивался в гармонии со всеми остальными, а внутренняя работа была не видна миру, который лишь наблюдал за движением стрелок. В то время как другие богатые и могущественные семьи страдали от тяжелых финансовых потрясений бурной первой половины XIX века, сплоченным Ротшильдам удалось не только выстоять, но и увеличить свое невероятное состояние.

Гусак и конь

Гусак, щипля траву на выгоне, посчитал оскорбительным для себя соседство с конем, что пасся поодаль. Злобно шипя, он обратился к тому: «Я конечно же более благородное и совершенное животное, чем ты, ибо все твои возможности и способности сводятся к одной-единственной. Я же могу ходить по земле, как и ты, однако у меня есть еще и крылья, на которых я поднимаюсь в небо.

Если же я захочу, то могу и плавать в прудах и озерах, освежаясь в прохладной воде. Я наделен свойствами птицы, рыбы и четвероногого».

Конь, презрительно фыркнув, отвечал: «Верно, что ты освоил три стихии, однако не выглядишь достойно ни в одной из них. Ты летаешь, это правда, но твой полет так тяжел и неуверен, что не дает тебе права равняться с жаворонком или ласточкой. Ты можешь плавать по глади вод, но не способен жить в воде, подобно рыбам. Ты не можешь ни кормиться в этой стихии, ни скользить в глубинах. А когда ты ходишь, а лучше сказать, ковыляешь по земле на своих кривых

коротких лапках, вытянув длинную шею, шипя на всех встречных, то вызываешь лишь смех у всех, кто тебя видит. Признаю, я действительно создан только для передвижения по земле, но как изящно мое сложение! Как соразмерны все члены! Как гармонично все мое тело! Как велика моя сила! Как поразительна моя скорость! Уж лучше быть предназначенным для одной стихии и быть в ней великолепным, чем быть гусаком повсюду!»

Из «Басен» Джона Айкина, 1747–1822

Толкование

Ротшильды появились в странное время. Они были выходцами из места, не менявшегося веками, но жили в век, давший рождение промышленной революции, Французской революции и бесконечной череде изменений. Ротшильды не хоронили своего прошлого, противостояли тенденции своего времени к рассеянию, поэтому они могут служить символом закона концентрации.

Лучше всех его демонстрирует Джеймс Ротшильд, тот из сыновей, что обосновался в Париже. За свою жизнь Джеймс был свидетелем падения Наполеона, реставрации монархии Бурбонов, буржуазной монархии герцога Орлеанского и, наконец, воцарения Наполеона III. Французские стили и моды менялись в безумном ритме, всё вертелось, словно карусель. Не боясь показаться окаменелым пережитком прошлого, Джеймс управлял своей семьей так, будто гетто жило внутри нее. Он сохранял внутреннюю собранность и крепость своего клана. Только так, держась, как якорем, за прошлое, семья оказалась в состоянии процветать среди общего хаоса. Концентрация была основой власти, богатства и стабильности Ротшильдов.

Лучшая стратегия — всегда быть сильнейшим; сначала в общем, затем — в определяющих пунктах... Нет закона более высокого и более простого, чем необходимость концентрировать свои силы... Кратко первый принцип гласит: действуй с предельной концентрацией.

«О войне». Карл фон Клаузевиц, 1780–1831

Ключи к власти

Мир страдает от все нарастающего разделения и дробления — внутри стран, политических групп, семей, даже отдельных личностей. Мы все находимся в состоянии полной рассеянности, никак не можем сосредоточиться, удержать свои мысли в одном направлении, пока нас не потянули в тысячи других. Уровень конфликтности в современном мире выше, чем когда-либо, и мы впустили всё это в наши собственные жизни.

Решением может стать уход: в себя, в прошлое, в более концентрированные формы мысли и действия. Наполеон знал важность сосредоточения сил и удара по слабому звену противника — в этом был секрет его успехов на полях сражений. Целеустремленность, полная концентрация на решении задачи и применение всех этих качеств против людей менее сосредоточенных, людей в состоянии смятения, — такая стрела всегда найдет свою мишень и каждый раз поразит врага.

Казанова объяснял свой жизненный успех способностью сосредоточиться на единой цели и добиваться ее, пока она не поддастся. Именно благодаря своей способности полностью отдавать себя женщинам, которых он желал, он стал неотразимым соблазнителем. Недели или месяцы, когда одна из этих женщин находилась в сфере его внимания, он не думал больше ни о ком. Когда его подвергли заключению под коварной свинцовой кровлей Дворца дожей в Венеции, в тюрьме, откуда никому не удавалось бежать, он сконцентрировался на обдумывании единственной цели — побеге. Перевод в другую камеру, означавший, что месяцы работы над подкопом пропали втуне, не обескуражил его, он не отступил и в конце концов совершил побег. «Я всегда верил, — писал он позднее, — что если человек задумает добиться чего-то и будет заниматься только этим, то он неизбежно преуспеет, невзирая на трудности. Этот человек сможет стать великим визирем или папой Римским».

Сосредоточьтесь на единой цели и добивайтесь самого полного воплощения своего плана. В мире власти вы постоянно будете нуждаться в помощи окружающих — как правило, людей более могущественных, чем вы сами. Глупец порхает от одного человека к другому, веря, что ему удастся выжить, разбрасываясь таким образом. Следствие закона концентрации, однако, гласит, что можно

сохранить много сил и получить больше власти, прилепившись к одному определенному источнику власти. Ученый Никола Тесла потерпел крах из-за того, что верил, что сохраняет свою независимость тем, что не служит одному господину. Он отказал даже Дж. П. Моргану, предлагавшему ему выгодный контракт. На самом деле «независимость» Теслы означала, что, отказываясь от покровительства одного конкретного патрона, он постоянно был вынужден угождать десяткам других. В конце своей жизни он осознал свою ошибку.

Все великие живописцы и писатели Возрождения сталкивались с этой проблемой, но больше других писатель XVI века Пьетро Аретино. На протяжении всей своей жизни Аретино страдал от унизительной необходимости угождать то одному, то другому князю. Наконец он решил покончить с этим и обратился за покровительством к Карлу V, обещая служить императору своим пером. Он приобрел свободу, которая открывается при верности одному источнику власти. Микеланджело нашел свою свободу с папой Юлием II, Галилей — с домом Медичи. Единственный покровитель оценит вашу преданность и станет зависеть от ваших услуг, в конечном счете хозяин служит своему рабу.

Наконец, власть сама по себе существует в концентрированных формах. В любой организации неизбежно рычаги управления находятся в руках маленькой группы людей. И часто это вовсе не титулованные особы. В игре власти лишь глупец молотит мимо цели, не умея сосредоточиться на ней. Вы должны выяснить, кто руководит действиями, кто действительно режиссирует из-за кулис. Как обнаружил Ришелье в самом начале своего восхождения, на французской политической сцене начала XVII века всем заправлял отнюдь не король Людовик XIII, а его мать. Поэтому он прилепился к ней и, взмыв над головами придворных, проделал свой путь наверх.

Достаточно взбить масло один раз — состояние и власть обеспечены вам до конца дней.

Берегись расточать свои силы, постоянно старайся накапливать их. Гений полагает, что он может делать всё, что делают другие, но ему наверняка придется раскаяться в каждом несправедливом суждении.

Иоганн-Вольфганг Гёте

Образ: стрела.

Вы не можете поразить две цели одной стрелой. Если ваши мысли блуждают, вы не попадете в сердце врага. Мысль и стрела должны слиться в одно целое. Только достигнув такой концентрации ментальной и физической силы, вы поразите своей стрелой цель и к тому же пронзите сердце.

Авторитетное мнение

«Почитай глубину больше, чем широту. Совершенство определяется качеством, а не количеством. Ширь сама собой не в состоянии возвыситься над посредственностью, и это несчастье людей с обширными общими интересами: гоняясь за несколькими зайцами, они не могут поймать ни одного. Глубина позволяет устремиться вверх и возвышает до уровня героев в материях величественных».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

В концентрации есть свои опасности, бывают и моменты, когда более верной тактикой является рассредоточение. Борясь с националистами за власть в Китае, Мао Цзэдун и коммунисты вели затяжную войну на многих фронтах, их основным оружием были саботаж и западни. Рассеяние часто выгодно более слабой стороне, это, по сути дела, основной принцип партизанской войны. В борьбе с более сильной армией концентрация сил только сделает вас доступной мишенью — лучше в этом случае раствориться в пейзаже и вызвать растерянность врага, неспособного вас обнаружить.

В том, чтобы связать себя с одним источником власти, есть главная опасность: если ваш покровитель умрет или выйдет из милости, вы будете страдать. Так случилось с Чезаре Борджиа, который унаследовал власть от своего отца, папы Александра VI. Именно папа Александр дал сыну армию, с ней тот воевал и завоевывал именем отца. Когда Александр внезапно скончался (не исключено, что от яда), Чезаре тоже словно умер. Он с годами нажил слишком много врагов и оказался без поддержки и защиты отца. В тех случаях, когда вам может потребоваться защита, часто мудрым решением бывает

подстраховать себя, обвившись вокруг нескольких опор, особенно в периоды великих потрясений и перемен или если у вас очень много врагов. Чем большему количеству покровителей и господ вы служите, тем меньше рискуете в случае, если один из них лишится власти. Даже если вы сосредоточите силы на одном покровителе, все же можно подумать о предосторожности и заранее подготовиться к дню, когда ваш господин или покровитель не будет более в состоянии опекать вас.

И последнее. Слишком зацикливаясь на достижении цели, вы можете превратиться в невыносимого зануду, особенно в искусстве. Живописец Возрождения Паоло Учелло уделял так много внимания проработке перспективы, что его полотна выглядели безжизненными и надуманными. Напротив, Леонардо да Винчи интересовало всё на свете — архитектура, живопись, оружие, скульптура, механика. Многогранность была источником его власти. Но такие гении редки, а простым смертным вроде нас лучше интенсивно разрабатывать одну грань.

Закон 24. Поступай как истинный придворный

Формулировка закона

Истинный придворный процветает в мире, где всё вращается вокруг власти и политической сноровки. Он в совершенстве владеет мастерством косвенного намека. Он льстит, уступает и утверждает свою власть над другими в самой изящной и уклончивой манере. Изучайте и применяйте законы двора — и вашему росту не будет предела.

Придворное общество

То, что вокруг власти сама собой формируется структура придворного общества, объясняется сущностью человеческой натуры. В прошлом двор собирался вокруг правителя и имел много функций: двор развлекал правителя, но, кроме того, это был путь утвердить и закрепить иерархические отношения королевской семьи, аристократии и правящих классов, удержать аристократов в подчиненном положении и в то же время вблизи правителя, так чтобы он мог не упускать их из виду. Двор служит власти многими способами, но главным образом он прославляет повелителя, предоставляя в его распоряжение своего рода миниатюрную вселенную, мирок, обитатели которого из кожи вон лезут, чтобы понравиться ему.

Быть придворным — опасная игра. Арабский путешественник XIX века, находясь при дворе в Дарфуре (современный Судан), сообщал, что придворные там должны были повторять всё, что делал султан: если он был ранен, им предписывалось страдать от такой же раны; если он падал с коня на охоте, падали и они. Подобная мимикрия была свойственна придворной жизни по всему миру. Самой серьезной опасностью было не угодить правителю — одно неверное движение грозило смертью или ссылкой. Удачливому придворному приходилось танцевать на канате: угождать, но не переусердствовать в угодливости; повиноваться, но стараться каким-то образом выделиться среди других придворных, однако ни в коем случае не выделяться настолько, чтобы правитель почувствовал себя неуютно.

Великие царедворцы на всем протяжении истории досконально осваивают науку манипулирования людьми. Они заставляют королей чувствовать себя более величественными и заставляют всех остальных

бояться их могущества. Им подвластна магия видимости, они знают, что почти обо всем при дворе судят по внешней оболочке. Настоящие придворные изысканны, учтивы, их враждебность завуалирована и уклончива. Эти властители мира никогда не говорят больше, чем необходимо, извлекая все, что можно, из комплимента или скрытого оскорбления. Они обладают притягательной силой — люди хотят находиться рядом с ними, потому что они умеют угождать, но не лебезя и не унижаясь при этом. Настоящие придворные становятся любимцами королей, наслаждаясь всеми преимуществами своего положения. Часто они могущественнее повелителей, так как умеют виртуозно накапливать и усиливать свое влияние.

Сегодня многие недооценивают придворную жизнь, считая ее пережитком прошлого, историческим курьезом. Они рассуждают, как писал Макиавелли, «так, будто небеса, Солнце, элементы и люди изменили порядок движения по своим орбитам и стали иными, нежели в древние времена». Возможно, на земле не появится другой Король-Солнце, но по-прежнему множество людей верит, что Солнце вращается вокруг них. Королевский двор, вероятно, можно считать более или менее отжившим или, по крайней мере, утратившим силу, но дворы и придворные все еще существуют, потому что существует власть. Придворных теперь редко заставляют падать с коня, но законы, регулирующие придворную политику, вечны, как и законы власти. Так что нам есть зачем учиться и есть чему поучиться у великих придворных прошлого и настоящего.

Две собаки

Дворовый, верный пес Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он с умиленья чуть не плачет
И под окном визжит, вертит хвостом и скачет.
«Ну что, Жужутка, как живешь,
С тех пор как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.

Какую службу ты несешь?» —
«На счастье грех роптать, — Жужутка отвечает. —
Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем, и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?» — «Я, — отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос, —
Живу по-прежнему: терплю и холод,
И голод
И, сберегаючи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот прекрасно! —
с насмешкой отвечал Жужу. —
На задних лапках я хожу».

Иван Крылов, 1769–1844

Законы придворной политики

Не выставляй себя напоказ. Это всегда неосторожность — распространяться о себе или привлекать слишком пристальное внимание к своим действиям. Чем больше вы разглагольствуете о своих делах, тем больше подозрений вызываете. Помимо всего прочего, выставленное напоказ благосостояние и благополучие может вызвать зависть у равных вам по положению. Помните об осторожности, распространяясь о своих достижениях, и возьмите за правило говорить о себе меньше, чем о других людях. Скромность обычно более привлекательна.

Будь беспечным. Никогда не показывайте, что слишком много трудитесь. Ваш талант должен казаться чем-то естественным, легким — тогда вас будут считать гением, а это лучше, чем прослыть

трудоголиком. Даже когда над чем-то требуется изрядно попотеть, постарайтесь, чтобы усилия не были заметны, — людям не нравится видеть кровавые мозоли от тяжкого труда, они считают это просто разновидностью хвастовства. Им приятнее восхищаться тем, как легко и изящно вы добиваетесь цели, чем ужасаться тому, какого адского труда это стоило.

Знай меру в лести. Может показаться, будто для тех, кто выше вас по положению, лести не может быть излишне много, но даже очень хорошие вещи обесцениваются, когда возникает избыток. Кроме того, это вызовет подозрения у тех, кто вам ровня. Научитесь льстить не прямолинейно — занижая собственные достижения, к примеру, или помогая господину выглядеть лучше.

Позаботься, чтобы тебя заметили. Перед нами парадокс: не следует беспардонно лезть на глаза и все же необходимо принять меры, чтобы быть замеченным. При дворе Людовика XIV любой, кого король удостаивал взглядом, мгновенно взлетал вверх по иерархической лестнице. Не было никакого шанса подняться тому, кого государь не выделил из множества придворных. Эта задача требует немалого искусства. Часто в самом начале и впрямь нужно, чтобы вас увидели, — в буквальном смысле. Поэтому нужно уделить внимание своему внешнему виду и постараться создать характерный, отличный от всех — отличающийся почти неуловимо — стиль и образ.

Изменяй стиль и язык общения, в зависимости от того, с кем имеешь дело.Ложная вера в равенство — утверждение, что цивилизованный человек разговаривает и ведет себя одинаково со всеми, независимо от занимаемого ими положения, — на самом деле роковая ошибка. Те, кто по рангу ниже вас, воспримут это как проявление снисходительности, и будут правы, а вышестоящие обидятся, хотя, возможно, не признаются вам в этом. Необходимо изменять стиль и язык с каждым новым собеседником. Это не ложь, но притворство, а притворство — искусство, а не дар Божий. Научитесь такому искусству. Это правило верно также для множества различных культур, обнаруживаемых при современном дворе: никогда не считайте, что ваши критерии поведения и ваши суждения универсальны. Неумением адаптироваться к другой культуре вы не только демонстрируете верх варварства, но и попадаете в невыгодное положение.

Не приноси дурные вести. Король приказывает казнить гонца, доставившего плохие вести. Это штамп, но штамп правдивый. Вы должны бороться, а если нужно, лгать и изворачиваться, добиваясь, чтобы участь вестника беды досталась вашему коллеге, а не вам. Приносите только хорошие новости и этим радуйте господина.

Избегай фамильярности и демонстрации близости к своему господину. Ему не нужен приятель вместо подчиненного, ему нужен подчиненный. Никогда не подходите к нему со свойским, фамильярным видом и не подчеркивайте дружеских отношений — это его прерогатива. Если он решит общаться с вами в таком ключе, отвечайте с осторожной вежливостью. В противном случае отыграйте в другую сторону и четко обозначьте дистанцию между вами.

Никогда прямо не критикуй вышестоящего. Может, это само собой разумеется, но бывают случаи, когда критика необходима, — если промолчать или не посоветовать ничего, это породит опасность иного сорта. Вам следует научиться давать советы или критиковать со всей доступной вам вежливостью и уклончивостью. Обдумайте свои слова, примерьтесь семь раз, пока не убедитесь, что вы добились достаточной обтекаемости. Станьте образцом любезности и тонкости.

Не проси об одолжениях тех, кто выше тебя. Ничто так не раздражает господина, как необходимость отказывать просителю. Это вызывает чувство вины и возмущение. Обращайтесь с просьбами лишь в случае крайней необходимости и знайте, когда остановиться. Чем брать на себя роль просителя, куда лучше заслуживать милости, так чтобы господин награждал ими охотно. Самое важное: не обращайтесь с просьбами от лица других людей, в самую последнюю очередь — от имени друзей.

Никогда не подшучивай над внешним обликом или вкусом. Живой ум и склонность к юмору — необходимые качества настоящего придворного, а порой и вульгарность уместна и желательна. Однако избегайте всякого рода шуток касательно внешнего вида или вкуса, двух очень чувствительных зон, особенно для тех, кто стоит над вами. Не делайте этого даже в их отсутствие, этим вы выроете себе могилу.

Не становись придворным циником. Радуйтесь успехам других. Если вы постоянно критикуете равных себе или подчиненных, это отразится и на вас, словно окутает серым облаком, неотступно

следующим за вами. Люди будут ворчать по поводу каждого нового замечания, вы будете вызывать у них раздражение. Выражая (умеренно) восторги по поводу достижений окружающих, вы парадоксальным образом обратите внимание на себя. Способность изумляться и восхищаться с искренним видом — это редкий, вымирающий талант, который до сих пор в большой цене.

Умей видеть себя со стороны. Зеркало — изобретение поистине чудесное, без него мы постоянно согрешали бы против красоты и внешних приличий. Вам также необходимо зеркало для отражения ваших поступков. Зеркалом могут служить окружающие, когда сообщают, как они воспринимают вас, но это не самый достоверный метод. Станьте сами собственным зеркалом, тренируя свой ум, чтобы видеть себя таким, каким видят вас другие. Вы ведете себя чересчур раболепно? Слишком стараетесь угодить? У вас отчаявшийся вид, и кажется, будто силы на исходе? Наблюдайте за собой со стороны — и вы избежите многих промахов и просчетов.

Владей своими чувствами. Подобно хорошему театральному актеру, вам предстоит научиться плакать и смеяться как по заказу, в нужный момент. Вы должны уметь скрывать гнев и разочарование, маскировать радость и удовлетворение. Обучайтесь владению своей мимикой. Называйте это ложью, если хотите, но если вы предпочитаете не играть, а всегда быть честным и открытым, не жалуйтесь, когда окружающие назовут вас несносным и самонадеянным типом.

Соответствуй духу времени. Небольшой налет ретро может выглядеть очаровательно, если выбрать период прошлого не менее чем двадцатилетней давности. Обращение к стилю последних нескольких лет покажется нелепым и будет уместно для того, кто избрал роль придворного шута. Ваше душевное состояние и образ мыслей должны идти в ногу со временем, даже если время оскорбляет ваши чувства. Однако, став слишком авангардным, передовым, вы рискуете остаться никем не понятым. Слишком быть впереди в этом отношении — дело всегда неблагодарное, лучше научиться по крайней мере маскироваться под дух времени.

Стань источником удовольствия. Это принципиально. Закон человеческого естества заставляет нас избегать неприятного или противного, тогда как очарование и предвкушение радости тянет нас,

словно мотыльков на пламя. Станьте этим пламенем — и вы достигнете вершины. Поскольку жизнь богата вещами неприятными, а удовольствия крайне редки, без вас не смогут обходиться, как без еды и питья. Может показаться, что это само собой разумеется, но очевидное очень часто игнорируют или не ценят. Не каждый способен играть роль фаворита, далеко не все наделены шармом и острым умом. Но любой из нас может обуздать свои неприятные качества и затушевать их при необходимости.

Человек, знающий двор, становится господином своих жестов, глаз и лица; он глубок и непроницаем; он скрывает неудовольствие, улыбается врагам, не дает воли раздражению, маскирует свои страсти, обуздывает сердце, говорит и действует наперекор своим чувствам.

Жан де Лабрюйер

СЦЕНЫ ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ:

примерные деяния и фатальные ошибки

Сцена I

Наставником Александра Македонского, завоевателя Средиземноморья и Среднего Востока до самой Индии, был великий Аристотель, и на протяжении всей своей недолгой жизни Александр был верен его философии и учению. Однажды он пожаловался Аристотелю, что в долгих военных походах рядом с ним нет никого, с кем бы он мог вести философские дискуссии. Аристотель в ответ предложил ему взять с собой Каллисфена, бывшего своего ученика, а к тому времени многообещающего философа.

Аристотель обучал Каллисфена умению быть придворным, но молодой человек в душе смеялся над этим. Он верил в чистую философию, неприкрашенные слова, в то, что следует говорить только правду. Если Александр так любит учиться, думал Каллисфен, он будет справедлив к тому, кто честно высказывает свои мысли. Во время одного из походов Александра Каллисфен высказал столько честных мыслей, что был казнен по приказу Александра.

Толкование

При дворе честность — глупая игра. Ни в коем случае нельзя быть до такой степени самоуверенным, чтобы поверить, что господину может быть интересна ваша критика, вне зависимости от того, насколько она объективна.

Сцена II

Китайские мыслители создали серию хроник под общим названием «21 история», являющихся официальной летописью, жизнеописанием каждой династии, начиная с династии Хань (около 2000 лет назад). Она включает описания исторических событий, статистику, данные переписей и военные хроники. В каждой из историй также имеется глава, которая называется «Необычные события», и в ней помимо перечня землетрясений и наводнений попадаются иногда описания таких удивительных явлений, как двухголовые овцы, гуси, летающие задом наперед, планеты и звезды, внезапно изменяющие свое

расположение на небе, и тому подобное. Землетрясения могут быть подтверждены исторически, но чудовища и странные природные феномены, очевидно, включены в летопись неслучайно и обязательно появляются там целыми группами. Что это может означать?

Китайский император был для подданных больше чем просто человек — он был силой природы, а его империя — центром Вселенной, и всё вращалось вокруг него. Он воплощал в себе совершенство мира. Критиковать его или любое его действие было равносильно тому, чтобы подвергать критике Божественное устроение. Ни один придворный или министр не осмеливался приблизиться к императору даже с самым малейшим словом предостережения. Но императоры были совсем не безупречны, и государство очень страдало от их ошибок. И включение в придворные хроники странных, якобы виденных феноменов было единственным способом предостеречь императора. Он мог прочитать в летописи о летающих хвостом вперед гусях или о схождении небесных светил с орбит и догадаться, что это предостережение. Его действия нарушили равновесие в природе — и следует исправить положение.

Толкование

Для китайских придворных было очень важно решить проблему с тем, в какой форме управлять действиями императора. За долгие годы тысячи сложили головы из-за того, что пытались давать советы владыке. Чтобы быть безопасной, критика должна была стать непрямой, но чересчур непрямая критика могла остаться непонятой. Хроники явились удачным решением: не называя в качестве объекта критики никого поименно, они давали советы настолько не персонализированные, насколько это было возможно, однако император вполне мог ощутить серьезность той или иной ситуации.

Ваш господин уже не считается центром Вселенной, но он все еще воображает, что всё крутится вокруг него. Когда вы делаете критические замечания в его адрес, он видит перед собой критикана, но не воспринимает саму критику. По примеру китайских царедворцев вы должны найти способ раствориться, словно предостережение исходит не от вас. Используйте символы и другие косвенные средства, чтобы изобразить картину потенциальных осложнений, не подставляя при этом свою шею.

Сцена III

В начале своей творческой деятельности французский архитектор Жюль Мансар получил заказ на разработку проекта небольшого расширения Версальского дворца для короля Людовика XIV. Для каждого отдельного проекта он должен был делать эскизы, тщательно следя, чтобы они в точности соответствовали инструкциям, полученным от Людовика XIV. Он должен был затем сам представлять их его величеству.

Сен-Симон так описывал манеру Мансара общаться с королем: «Он владел особым искусством показывать королю эскизы, преднамеренно оставляя в них что-то несовершенным, например в отношении садов, которые не были сильным местом Мансара. Король, как и предполагал Мансар, сразу же безошибочно указывал пальцем на слабое место эскиза и предлагал, как исправить, после чего Мансар во всеуслышание восклицал, что ему бы никогда не заметить и не решить проблему с таким блеском, как это сделал король. Мансар выражал восхищение, признаваясь, что рядом с королем он лишь слабый ученик».

К тридцати годам Мансар, который постоянно пользовался этим приемом, добился для себя у короля особых полномочий: хотя он был не так талантлив и опытен, как многие другие французские архитекторы, именно он занимался расширением Версаля. С тех пор он стал постоянным архитектором короля.

Толкование

В молодости Мансар наблюдал, как многие искусные придворные мастера теряли свои места не из-за неспособности или отсутствия таланта, а из-за грубейших просчетов, которые дорого им обходились. Мансар не повторил их ошибок. Он всегда давал возможность Людовику XIV тешить свое самолюбие, прилюдно питал его тщеславие.

Даже не воображайте, что умения и таланты так уж важны. При дворе искусство быть придворным гораздо важнее. Не стоит уделять так уж много внимания своим занятиям, если при этом вы пренебрегаете важными правилами. А главное из них — это умение помочь господину выглядеть талантливее, чем те, кто его окружает.

Сцена IV

Жан-Батист Изабэ был неофициальным придворным живописцем Наполеона. Во время Венского конгресса 1814 года, когда свергнутый Наполеон находился в заточении на острове Эльба, участники конгресса, которым предстояло решать судьбы Европы, пригласили Изабэ, чтобы увековечить это историческое событие на эпическом полотне.

Как только живописец прибыл в Вену, ему нанес визит Талейран, основной представитель французской стороны. Учитывая его, Талейрана, роль в переговорах, объяснил Талейран, он считает, что должен занимать центральное место на картине. Изабэ охотно согласился. Спустя несколько дней с художником говорил представитель Англии герцог Веллингтон и сказал примерно то же, что Талейран. Еще более вежливо Изабэ отвечал, что полностью согласен и что великий герцог действительно должен быть центром всеобщего внимания.

Вернувшись в студию, Изабэ обдумал дилемму. Отдавая предпочтение одному из двоих, он мог вызвать разлад в дипломатических сферах, самые непредсказуемые последствия, опасные для Европы в момент, когда ей необходимы мир и покой.

В конце концов, однако, художнику удалось почтить обоих политиков, так что и Талейран, и Веллингтон были удовлетворены. Полотно представляло огромный зал, заполненный дипломатами и политиками со всей Европы. С одной стороны герцог Веллингтон входит в зал, и все глаза устремлены на него, он в центре внимания. Между тем в самом центре картины сидит Талейран.

Толкование

Подчас бывает очень трудно удовлетворить господина, но, для того чтобы удовлетворить разом двух господ, нужно быть гениальным придворным. Необходимо найти верный путь, чтобы проплыть между Сциллой и Харибдой и спастись. Господа должны получать то, что им причитается, — уважение. Никогда не обижайте одного из них, оказывая предпочтение другому.

Сцена V

Джордж Браммел, также известный как Бо (Красавчик) Браммел, оставил след в конце 1700-х годов благодаря непревзойденной элегантности облика, тому, что ввел в обиход пряжки на башмаках (вскоре ему стали подражать все денди), и остроумным речам. Его лондонский дом был достопримечательностью города, а сам Браммел — авторитетом и законодателем во всех вопросах моды. Если ему не нравилась чья-то обувь, то человек немедленно избавлялся от нее и приобретал то, что носил Браммел, что бы это ни было.

Он изобрел новый способ завязывать галстук; поговаривали, что лорд Байрон провел не одну ночь у зеркала, пытаясь понять секрет галстучных узлов Браммела.

Одним из величайших обожателей Браммела был принц Уэльский, и сам весьма элегантный молодой человек. Будучи приближен ко двору принца и получив королевское содержание, Браммел вскоре так уверовал в собственный авторитет, что позволял себе подшучивать над комплекцией принца, называя своего хозяина Биг-Беном. Поскольку худощавость была важным качеством для денди, шутка воспринималась довольно болезненно. Однажды за обедом, когда слуги замешкались с очередным блюдом, Браммел обратился к принцу: «Позвони, Биг-Бен». Принц позвонил, но когда появился слуга, он приказал ему вывести Браммела за дверь и никогда больше не впускать.

Несмотря на немилость принца, Браммел продолжал вести себя высокомерно. Оставшись без поддержки принца, он погряз в страшных долгах, однако сохранял величественные манеры, и вскоре рядом с ним не осталось никого. Он умер в невероятной бедности, покинутым всеми и безумным.

Толкование

Убийственное остроумие Бо Браммела рассорило его с принцем Уэльским. Даже ему, арбитру вкуса и стиля, не сошли с рук шутки, высмеивавшие облик принца, которые он бросал тому в лицо при всех. Никогда и ни в какой форме не подшучивайте над худобой или полнотой человека, особенно если он ваш господин. Нищенские приюты истории переполнены людьми, решившими пошутить насчет внешности их повелителей.

Сцена VI

Папа Урбан VIII хотел остаться в памяти людей как талантливый поэт, однако, к сожалению, обладал весьма посредственными способностями к стихосложению. В 1629 году герцог Франческо д'Эстэ, зная о литературных притязаниях папы, послал в Ватикан в качестве своего посла поэта Фульвио Тести. Одно из писем Тести к герцогу объясняет, почему выбор пал на него: «Когда наша дискуссия была закончена, я преклонил колена, прощаясь, но Его Святейшество сделал мне знак и прошел в другую комнату, его спальню, там, подойдя к столику, взял с него стопку бумаг и затем, повернувшись ко мне с улыбкой на лице, промолвил: "Мы хотим предложить вниманию Вашей Светлости некоторые наши сочинения". И он прочел мне две длиннейшие оды в духе Пиндара, одна из которых восхваляла Пресвятую Деву, а другая посвящалась графине Матильде».

Нам неизвестно в точности, что думал Тести об этих длинных стихотворениях, так как для него было опасным свободно высказывать свое мнение даже в письме. Но он продолжал: «Я, повинуясь настроению, сопровождал каждую строку похвалами, а затем, поцеловав ногу Его Святейшества за столь необычное проявление благоволения [декламацию стихов], я удалился». Несколько недель спустя, когда сам герцог посетил папу, он смог процитировать несколько строф из стихотворений, написанных тем, и расхвалить их в достаточной мере, чтобы «чествуемый, казалось, потерял голову».

Толкование

В вопросах вкуса нельзя переборщить, восхваляя вкусы господина. Вкус является одной из наиболее чувствительных частей нашего эго. Никогда не обсуждайте и не критикуйте вкус господина — его стихи утонченны, его одежда изысканна, а его манеры — образец для подражания.

Сцена VII

Как-то вечером Чжао, древнекитайский правитель из династии Хань (206 г. до н. э.— 25 г. н. э.), напился допьяна и заснул в дворцовом саду. Придворный хранитель короны, основной обязанностью которого было присматривать за головным убором

правителя, проходил садом и увидел владыку, спящего без халата. Становилось прохладно, и хранитель короны укрыл правителя своим халатом, после чего удалился.

Когда Чжао проснулся и увидел халат, прикрывавший его, он спросил у своих приближенных: «Кто меня накрыл?» Узнав, что это был хранитель короны, Чжао вызвал к себе официального хранителя халата и наказал его за пренебрежение своими обязанностями, а затем приказал обезглавить хранителя короны.

Толкование

Не забывайте о своих обязанностях. Делайте то, что вам положено делать, старайтесь в меру своих способностей и никогда не делайте больше. Обычное заблуждение — думать, что сделать больше означает сделать лучше. Совсем не хорошо выглядит человек, который слишком уж лезет из кожи вон, словно пытается прикрыть какую-то свою неполноценность. Выполняя задачу, которую вам не поручали, вы вызываете у окружающих подозрения. Если вы хранитель короны — охраняйте корону. А излишки энергии приберегите до того времени, когда не будете находиться при дворе.

Сцена VIII

Однажды итальянский живописец эпохи Возрождения Фра Филиппо Липпи (1406–1469) вместе с друзьями отправился в увеселительное плавание на лодке. Они отплыли из Анконы и были захвачены пиратами. Их заковали в цепи и препроводили в Алжир, где продали в рабство. Восемнадцать долгих месяцев Филиппо провел, отчаявшись когда-нибудь вернуться в родную Италию.

Много раз Филиппо видел человека, купившего его. Однажды он набросал его портрет головешкой угля, вытащенной из костра. Он нашел белую стену и на ней, невзирая на цепи, от которых его так и не освободили, изобразил с большим сходством своего господина в полный рост, в одеянии мавра. Хозяину тут же рассказали об этом. В тех краях никто не обладал подобными способностями в рисовании, это казалось чудом, даром Божьим. Портрет так понравился хозяину, что он даровал Филиппо свободу и приблизил бывшего невольника к своему двору. Все знатнейшие люди Алжира приезжали полюбоваться на превосходные красочные портреты, написанные Фра

Филиппо, и наконец, в благодарность за честь, оказанную ему, хозяин помог Филиппо добраться до Италии.

Толкование

Мы, не покладая рук работающие для других людей, очень похожи на пленников пиратов и даже на невольников. Но, подобно Фра Филиппо (хотя, может быть, в меньшей степени), каждый из нас обладает каким-либо даром, талантом, способностью делать что-то лучше других. Преподнесите свой талант в дар господину — и это возвысит вас над другими придворными. Пусть господину достаются лавры, иногда это необходимо, но только на время; используйте его как ступеньку, как способ показать всем свой талант и в конце концов освободиться от рабства.

Сцена IX

Однажды слуга Альфонсо I Арагонского рассказал королю, что ему приснилось прошлой ночью: во сне Альфонсо подарил ему оружие, коней и богатые одежды. Альфонсо, будучи человеком щедрым и великодушным, подумал, что будет забавно, если сон сбудется, и немедленно приказал вручить слуге в точности такие дары.

Спустя некоторое время тот же слуга объявил Альфонсо, что снова видел сон — на этот раз король подарил ему большой кошелек с золотыми флоринами. Король улыбнулся и ответил: «Не верь больше снам, они лгут».

Толкование

В первый раз Альфонсо проявил свою волю. Делая явью сон, король как бы проявил божественное могущество в мягкой и ироничной манере. Во второй раз, однако, вся видимость магии исчезла, осталось лишь некрасивое плутовство слуги, который пытался манипулировать господином. Никогда не проси слишком много, знай, где нужно остановиться. Давать и дарить — прерогатива господина: давать, когда он хочет и что он хочет, делая это без принуждения. Не создавайте ситуации, в которой он вынужден будет вам отказать. Лучше получать милости, заслуживая их, а не выпрашивая.

Сцена X

Великий английский пейзажист Джозеф Мэллорд Уильям Тернер (1775 — 1851) был известен как прекрасный колорист, мастер, добивавшийся сверкания и необычной переливчатости красок. Цвет на его полотнах и в самом деле был настолько ярким и сильным, что другие художники не хотели, чтобы их картины соседствовали: рядом с его работами все остальные неизбежно казались тусклыми.

Живописец сэр Томас Лоренс однажды имел несчастье увидеть шедевр Тернера «Кёльн», висящий между двумя его собственными картинами. Лоренс пожаловался владельцу галереи, но не получил удовлетворения: в конце концов, ответил тот, чьим-то полотнам приходится соседствовать с пейзажами Тернера. Но Тернер услышал жалобу и до открытия выставки приглушил блистающее золотое небо «Кёльна», сделав его таким же тусклым, как краски на картинах Лоренса. Друг Тернера, увидев это, подошел к художнику с испуганным видом. «Что ты сделал с картиной?» — воскликнул он. «Пусть, а то бедняга Лоренс выглядел таким несчастным, — ответил Тернер.— К тому же это просто сажа. После выставки я все смою».

Толкование

Весьма многие заботы придворного связаны с господином, с ним связана и значительная часть опасностей. Однако было бы ошибкой воображать, что господин, и только он, один определяет вашу судьбу. Те, кто стоит ниже вас, и те, кто вам равен, также играют всевозможные роли. Двор — это густое варево, замешанное на негодовании, страхах и сильнейшей зависти. Нужно успокоить, умиротворить каждого, кто может так или иначе повредить вам, переадресовать, перевести на других их недовольство и зависть.

Тернеру, как выдающемуся придворному, было прекрасно известно, что его удача и слава зависят от его собратьев по кисти в неменьшей степени, чем от торговцев произведениями искусства и патронов. Сколь многие великие пали жертвами завистливых коллег! Уж лучше временно приглушить свой блеск, чем пострадать от стрел зависти.

Сцена XI

Уинстон Черчилль был художником-любителем. После Второй мировой войны его картины стали украшать коллекции собирателей живописи. Американский издатель Генри Люс, основатель журналов «Лайф» и «Тайм», приобрел один из пейзажей Черчилля, который висел в его кабинете в Нью-Йорке.

Однажды, находясь в Соединенных Штатах, Черчилль посетил Люса в его офисе, и они вдвоем смотрели на картину. Издатель произнес: «Хорошая картина, но, на мой взгляд, не хватает какой-нибудь детали на переднем плане — ну, скажем, овечки». К вящему ужасу Люса, на другой день ему позвонил секретарь Черчилля с просьбой переправить картину назад в Англию. Люс так и поступил, мертвея при мысли о том, что, по-видимому, оскорбил бывшего премьер-министра. Через несколько дней, однако, картина вернулась к Люсу. В нее были внесены небольшие изменения: одинокая овца теперь мирно паслась на переднем плане.

Толкование

Черчилль был на две головы выше Люса, как ростом, так и своей славой. Но и тот был, конечно, влиятельным человеком, так что мы все же позволим себе поставить между ними знак равенства. И все-таки, так уж ли важно было для Черчилля мнение американского издателя? К чему было прислушиваться к критике дилетанта?

Двор — в данном случае весь мир дипломатов и международных государственных деятелей, а также журналистов, которые добиваются их расположения, — это место, где все зависят друг от друга. Неумно обижать или задевать людей власти, критикуя их вкус, даже если они ниже вас или равны вам. Если человек, подобный Черчиллю, может принять критику человека, подобного Люсу, это лишь доказывает, что он является несравненным придворным. (Возможно, исправление, внесенное им в картину, подразумевало также некоторую снисходительность, но все было проделано так тонко, что Люс не смог почувствовать ни малейшего признака этого.) Подражайте Черчиллю: дорисовывайте овец. Всегда полезно и выгодно играть роль услужливого придворного, даже если вы имеете дело не с господином.

ОПАСНЫЕ ПРИДВОРНЫЕ ИГРЫ:

предостережение

Талейран был непревзойденным придворным, особенно в отношении его господина, Наполеона. Когда они только знакомились друг с другом, Наполеон вскользь заметил: «На днях я приду на обед в ваш дом». У Талейрана был дом в Отейле, в окрестностях Парижа. «Буду счастлив, мой генерал, — ответил министр.— И, поскольку мой дом недалеко от Булонского леса, вы сможете развлечься, немного постреляв после обеда».

«Я не люблю стрелять, — сказал Наполеон, — но я люблю охоту. Есть ли в Булонском лесу кабаны?» Наполеон был родом с Корсики, где охота на кабана — излюбленное развлечение. Задавая вопрос о кабанах в Париже, он показал себя провинциалом, настоящей деревенщиной. Талейран не рассмеялся, однако он не мог устоять перед соблазном разыграть человека, который был теперь его руководителем в делах политики, не превосходя его ни по крови, ни по благородству, поскольку Талейран принадлежал к старому аристократическому роду. Итак, на вопрос Наполеона министр ответил просто: «Очень немного, мой генерал, но осмелюсь сказать, что вам удастся найти одного».

Было решено, что Наполеон прибудет в дом Талейрана на следующий день к семи часам вечера и проведет там также следующее утро. Охота на кабана должна была состояться вечером. Все утро взволнованный генерал ни о чем не мог говорить, кроме охоты. Тем временем Талейран тайком отправил слуг на рынок, приказав им купить двух огромных черных свиней и доставить их в знаменитый парк.

После обеда охотники со сворами собак отправились в Булонский лес. По секретному сигналу Талейрана слуги выпустили одну из свиней. «Я вижу кабана!» — радостно вскрикнул Наполеон, вскочил на коня и пустился в погоню. Талейран остался позади. Через полчаса скачки по парку «кабана» наконец удалось схватить. В момент триумфа к Наполеону подошел один из его приближенных, который понимал, что пойманное существо никак не могло быть кабаном, и боялся, что генерала высмеют, если история получит огласку.

«Сир, — сказал он Наполеону, — вы понимаете, конечно, что это не кабан, а домашняя свинья».

В ярости Наполеон пустился вскачь к дому Талейрана.

По пути он осознал, что может стать объектом множества шуток и что вспышка гнева по отношению к Талейрану лишь поставит его в еще более смешное положение. Лучше уж показать, что он отнесся к этому с юмором. Однако ему было трудно скрыть свое негодование.

Талейран решил попытаться смягчить ситуацию и умаслить задетое самолюбие генерала. Он попросил Наполеона повременить с возвращением в Париж — нужно еще раз поохотиться в парке. Там было много кроликов, охота на которых была любимым времяпрепровождением Людовика XVI. Талейран даже предложил Наполеону воспользоваться набором ружей, которые некогда принадлежали Людовику XVI. Лестью и уговорами он убедил Наполеона снова отправиться на охоту.

Охота состоялась на следующий день. По пути Наполеон сказал Талейрану: «Я не Людовик XVI, конечно же мне не удастся убить и одного кролика». Но в тот день, как ни странно, парк кишел кроликами. Наполеон подстрелил не меньше полусотни, и его настроение изменилось от гнева до удовлетворения. В конце его азартного приключения со стрельбой, однако, к нему подошел тот же приближенный и шепнул: «Сказать правду, сир, я начинаю думать, что и это не дикие кролики. Подозреваю, что этот плут Талейран сыграл с нами еще одну шутку». (Предположение это было верным: Талейран послал нескольких слуг, чтобы они купили на рынке несколько десятков кроликов и выпустили их в парк.)

Наполеон немедленно поднял на дыбы своего коня и галопом умчался прочь, на этот раз прямо в Париж. Впоследствии, говоря Талейрану, что ни одной живой душе не должно стать известно о происшествии, Наполеон предупредил того, что, если он станет посмешищем для Парижа, расплата будет ужасной.

Наполеон смог вновь доверять Талейрану только спустя долгое время и никогда не мог до конца простить ему унижение.

Толкование

Придворные — волшебники. Они умеют делать так, что окружающие видят именно то, что им хотят показать. Имея наготове

огромный набор трюков и манипуляций, они должны только позаботиться о том, чтобы окружающие не замечали их хитростей и были ослеплены ловкостью их рук.

Талейран был великим мастером придворной интриги, и, если бы не приближенный Наполеона, ему бы, вероятнее всего, удалось и доставить удовольствие своему господину, и самому позабавиться за счет генерала. Но придворная жизнь — тонкое искусство: если вовремя не заметить подвоха или ловушки, то нечаянная ошибка может разрушить ваши лучшие трюки. Не подвергайте себя опасности быть пойманным за руку во время ваших маневров; никогда не выдавайте окружающим свои замыслы. Если это произойдет — вы сразу же упадете в их глазах, превратившись из придворного с прекрасными манерами в отвратительного негодяя. Вы ведете тонкую игру, отвлекайте внимание, маскируйте свои намерения и не допускайте, чтобы господин разоблачил вас.

Закон 25. Сотвори себя заново

Формулировка закона

Не принимайте роли, которую навязывает вам общество. Создайте себя заново, отчеканьте новую индивидуальность, которая привлекала бы внимание и никогда не наскучила публике. Лучше быть творцом собственного облика, чем позволять другим определять его для вас. Добавьте театральности своим общественным делам и выступлениям — ваша власть возрастет, а ваш образ покажется масштабнее, чем сама жизнь.

Соблюдение закона (1)

Юлий Цезарь оставил свой первый значимый след в общественной жизни Рима в 65 году до н. э., когда исполнял должность эдила, официального лица, надзиравшего, помимо прочего, за общественными играми. Он начал с того, что организовал серию тщательно подготовленных зрелищ — охоты на диких зверей, пышных гладиаторских боев, состязаний театральных актеров. По целому ряду причин он оплачивал эти представления из собственного кармана. У простых людей его имя вскоре стало прочно отождествляться с этими весьма любимыми в народе развлечениями. По мере того как он неторопливо продвигался, заняв пост консула, популярность в массах служила отличным фундаментом его власти. Говоря современным языком, он создал себе имидж грандиозного шоумена.

В 49 году до н. э. Рим находился на грани гражданской войны из-за соперничества двух лидеров — Цезаря и Помпея.

В момент наивысшего напряжения Цезарь, поклонник сцены, отправился в театр на представление, а затем, погруженный в раздумья, возвращался в темноте в свой лагерь на берегу реки Рубикон, отделявшей Италию от Галлии. Перейти со своей армией реку и оказаться на италийском берегу для Цезаря означало начало его войны с Помпеем.

В присутствии сопровождавших его друзей и слуг Цезарь проговаривал вслух оба варианта, приводя доводы «за» и «против», словно актер на сцене, прообраз Гамлета. В конце концов, подводя свой монолог к завершению, он указал на фигуру на берегу реки —

очень высокого солдата, который сыграл сигнал на трубе, а затем перешел мост через Рубикон и произнес: «Примем это как знак от богов и последуем туда, куда они призывают нас, к отмщению нашим двуличным врагам. Жребий брошен!»

Эти слова сопровождались театральным жестом, указывающим в сторону реки, при этом Цезарь смотрел на своих соратников. Он знал, что они колебались, поддержать ли им его, но его красноречие поразило их и позволило ощутить драматизм происходящего. Более прозаическая речь, возможно, не возымела бы такого эффекта. Соратники приняли сторону Цезаря. Вместе со своей армией он перешел Рубикон и на следующий год, победив Помпея, стал диктатором Рима.

В качестве полководца Цезарь был великолепен, идеальный командир. Он держался в седле лучше своих воинов и гордился тем, что превосходил их в мужестве и выносливости. Он вступал в битву в самые трудные и напряженные моменты, так что солдаты видели его в гуще сражения. Он звал их за собой, всегда оказываясь в центре, богоподобным символом мощи и образцом для подражания. Из всех армий Рима армия Цезаря была преданной и верной. Его солдаты, подобно простому люду, восторгавшемуся Цезарем, стали отождествлять себя с ним и считать его дело своим.

После поражения Помпея развлечения стали еще более дорогостоящими и пышными. Ничего подобного Рим раньше не видел. Гонки на колесницах стали более великолепными, гладиаторские бои — более драматичными, поскольку Цезарь устраивал для римской знати бои со смертельным исходом. Он инсценировал масштабнейшие театрализованные морские сражения на искусственном озере. Театральные представления разыгрывались в каждом районе Рима. На живописном склоне Тарпейской скалы был построен гигантский новый театр.

Зрелища привлекали целые толпы, которые стекались со всей империи. Дороги, ведущие к Риму, пестрели палатками зрителей. И в 45 году до н. э., приурочив к своему входу в город огромнейшее количество эффектов и сюрпризов, Цезарь, завершив свою Египетскую кампанию, поставил еще больше пышных публичных спектаклей.

Эти представления были чем-то большим, чем увеселение масс; они способствовали тому, что образ Цезаря в глазах народа казался

более масштабным, величественным, чем он был в реальной жизни.

Цезарь мастерски лепил свой образ, всегда заботился и о своей внешности, придавая ей первостепенное значение. Появляясь перед толпой, он непременно надевал великолепные пурпурные тоги. Он был величествен, как никто другой. Он ревностно заботился о своем внешнем облике — поговаривали, что одной из причин, по которой ему нравились почести, воздаваемые сенатом и народом, была возможность надевать по этому поводу лавровый венок, прикрывающий его лысеющую голову. Цезарь был незаурядным оратором. Он умел сказать многое в немногих словах, интуитивно чувствуя, когда завершить свою речь, чтобы достичь максимального эффекта. Он никогда не забывал о сенсациях — потрясающие заявления, с которыми он обращался к народу, усиливали театральность его выступлений.

Цезарь был невероятно популярен и любим римским народом, но соперники ненавидели и боялись его. Во время мартовских ид — 15 марта 44 года до н. э.— группа заговорщиков, возглавляемая Брутом и Кассием, окружила его в сенате, и он был убит многочисленными ударами ножа. Даже умирая, однако, он не утерял своего чувства театральности: он закрыл голову плащом, а нижним краем одежды прикрыл ноги, позаботившись о том, чтобы и мертвым иметь достойный вид. Римский историк Светоний сообщал, что его последние слова, обращенные к старому другу Бруту, который собирался нанести второй удар, были произнесены на греческом, как если бы Цезарь репетировал финал пьесы: «И ты, дитя мое?» (по Плутарху: «И ты, Брут?»).

Из мемуаров Казановы

Человек, который вознамерился попытать счастья в этой древней столице мира [Риме], должен быть хамелеоном, восприимчиво отображающим краски окружающей его атмосферы, — Протеем, способным принимать любую форму, любые очертания. Он должен быть гибким, податливым, неопределенным и вкрадчивым, близким, неуловимым, загадочным и непостижимым, часто низменным, порой искренним, иногда вероломным; всегда скрывающим часть своего знания, способным льстить уже одним тоном своего голоса; спокойным, безупречным хозяином собственной мимики, быть

холодным, словно лед, когда человек пылал бы как в огне; и если, к несчастью, он не религиозен в сердце — что очень часто случается с теми, кто обладает вышеперечисленными качествами, — он должен иметь религию в уме, так сказать, изображать ее на своем лице, на губах, в манерах; он должен страдать спокойно, а если он был честным человеком, то ему следует осознать себя в качестве отъявленного лицемера. Человек, душа которого противится такой жизни, должен оставить Рим и искать удачи где-то в другом месте. Я не знаю, хвалю я себя или оправдываюсь, но из всех перечисленных качеств я обладал лишь одним, а именно гибкостью.

Джованни Джакомо Казанова, 1725–1798

Толкование

Римский театр был событием для масс, привлекал огромные толпы народа, которые сейчас просто невозможно представить. Плотно набившись в гигантские амфитеатры, публика веселилась на грубоватых комедиях или с трепетом внимала высокой трагедии. Театр, казалось, являл собой квинтэссенцию жизни в ее драматической, концентрированной форме. Подобно религиозному ритуалу, театр обладал мощной, неотразимой притягательной силой для человека.

Юлий Цезарь был, возможно, первым общественным деятелем, понимающим жизненные связи между театром и властью. Это понимание пришло от его собственной одержимости театром. Он сублимировал этот интерес, сделавшись актером и режиссером на сцене мира. Он произносил строки своей роли так, будто читал написанное, он жестикулировал и двигался перед народом и среди народа, постоянно контролируя, как он выглядит в глазах своих зрителей. Он включал в репертуар сюрпризы и неожиданности, превращал в драму свои речи, обставляя свои появления на публике, словно представления. Его жесты были весьма масштабны, так что простые люди сразу их улавливали и понимали. Он становился невероятно популярным.

Цезаря можно считать идеалом для всех лидеров и людей власти. Подобно ему, вам следует научиться увеличивать масштабность своих действий с помощью театральных методов и приемов — сюрпризов

и неожиданностей, умения вызывать сочувствие и сопереживание, а также проводить символические параллели. Подобно Цезарю, вы должны всегда следить за аудиторией — знать, что зрителю понравится, а от чего он заскучает. Вы должны стараться быть на авансцене, управлять вниманием и никогда не уходить на задний план.

Соблюдение закона (2)

В 1831 году молодая женщина, именуемая Авророй Дюпен Дюдеван, оставила своего мужа и семью в провинции и переселилась в Париж. Она хотела быть писателем; брак воспринимался ею как заточение в тюрьме, поскольку не оставлял ей ни времени, ни свободы на то, чтобы следовать своей страсти. В Париже она надеялась обрести независимость и зарабатывать на жизнь литературным трудом.

Вскоре после прибытия в столицу Дюдеван, однако, столкнулась с жесткой реальностью. Для того чтобы обладать определенным уровнем свободы в Париже, нужны были деньги. Для женщины единственными способами получить деньги были замужество или проституция. Ни одна женщина в то время даже не помышляла о писательском труде как источнике существования. Женщины писали для развлечения, находясь на иждивении у своих мужей или тратя полученное наследство. Так что, принеся свое первое сочинение редактору, Дюдеван услышала назидательное: «Вам следует заниматься детьми, мадам, а не литературой».

Очевидно, мадам Дюдеван приехала в Париж, чтобы добиться невероятного. И в конце концов ей пришлось прибегнуть к стратегии, которую до нее не использовала ни одна женщина. Эта стратегия заключалась в том, чтобы сотворить себя полностью заново, собственноручно создать себе в обществе совершенно иное реноме. Женщины-литераторы до нее вынуждены были принимать на себя навязанную обществом роль — роль второстепенного художника, создающего определенного жанра литературу для других женщин. Дюдеван решила, что уж если предстоит играть, то она поменяет правила игры: она выбрала для себя мужскую роль.

В 1832 году издатель принял «Индиану» — первый крупный роман Дюдеван. Она захотела, чтобы он вышел в свет, подписанный псевдонимом Жорж Санд, так что весь Париж был уверен, что книга принадлежит перу мужчины. Дюдеван любила иногда надевать

мужскую одежду даже до появления Жоржа Санда (она всегда находила, что мужские рубашки и бриджи для верховой езды гораздо удобнее); теперь, став фигурой общественно значимой, она усилила и заострила образ. Она дополнила свой гардероб длинными мужскими пальто, серыми шляпами, грубоватыми башмаками и галстуками в стиле денди. Она курила сигары, во время беседы держалась по-мужски, не стесняясь лидировать в разговоре и даже употребить сочное словцо.

Странный писатель «женщина-мужчина» поразил публику. В отличие от других женщин-сочинителей Жорж Санд была принята в замкнутый мирок художников-мужчин. Она пила и курила с ними, у нее были романы с известнейшими художниками Европы — Мюссе, Листом, Шопеном. Она сама выбирала их и сама бросала, оставляя это на собственное усмотрение.

Те, кто хорошо знал Санд, прекрасно понимали, что ее мужской облик был не чем иным, как способом защитить себя от алчных, любопытных глаз публики. На людях ей нравилось играть роль эксцентричной особы, в приватной обстановке она становилась собой. Она понимала также и то, что персонаж Жорж Санд грозит сделаться предсказуемым и стабильным. Чтобы избежать этого, она время от времени резко изменяла характер созданного ею образа. Вместо того чтобы вступать в новые любовные интриги со знаменитостями, она занялась политикой, возглавляла демонстрации, инспирировала студенческие волнения. Никто в целом мире не смог бы предугадать границы создаваемого ею образа. Прошло много лет после ее смерти, и люди давно уже перестали читать ее романы, но театральность образа, какого не могла создать сама жизнь, продолжает волновать и вдохновлять.

Толкование

У людей, общавшихся с Жорж Санд, но не знакомых с нею близко, часто возникало ощущение, что рядом с ними мужчина. Но в своих дневниках и близким друзьям, например Гюставу Флоберу, она признавалась, что не испытывала желания быть мужчиной, а играла эту роль ради того, чтобы добиться общественного признания. Чего она действительно хотела, так это права определять и формировать свой собственный образ. Она не принимала ограничения, которые

навязывало ей общество. Однако она не стала добиваться власти, оставаясь самой собой. Вместо этого она сотворила личность, которую могла постоянно изменять в соответствии со своими потребностями, адаптировать; личность, которая привлекала внимание и помогала ей существовать.

Необходимо понимать: мир хочет навязать вам роль в жизни. Стоит вам согласиться на эту роль — и вы обречены. Ваша власть будет ограничена до минимума и неотъемлема от той роли, которую вы избрали или вынуждены были принять. Но актер играет множество ролей. Наслаждайтесь многоликостью или, по крайней мере, создайте себе новую индивидуальность по своему усмотрению — такую, которая не позволит завистливому и недоброжелательному миру связать и ограничить вас. Этот акт открытого неповиновения сродни вызову, брошенному богам Прометеем: в результате на вас ложится ответственность за ваше собственное творение.

Ваша новая индивидуальность защитит вас от мира именно потому, что она не вы, это маскарадный костюм, который вы снимаете и снова надеваете. Вы не должны принимать его личностно. И ваша новая индивидуальность отгораживает вас, из живого человека превращает в театральный образ. Вас прекрасно видно и слышно на галерке. Сидящие же в первых рядах восторгаются вашей смелостью.

Разве в обществе не говорят о нем, что он великий актер? При этом не имеется в виду, что он глубоко чувствует, но что он преуспел в притворстве, хотя не чувствует ничего.

Дени Дидро, 1713–1784

Ключи к власти

Характер, с которым вы, как вам кажется, родились, не обязательно соответствует тому, кем вы на самом деле являетесь. Помимо наследственных черт, переданных вам генетически, на формирование вашей индивидуальности оказали влияние ваши родители, друзья и приятели. Прометеева задача в том, чтобы взять в свои руки управление этим процессом, не передоверяя окружающим право определять и лепить ваш характер. Переделайте себя в сильную

натуру. Лепите себя, как из глины, — это может оказаться одной из самых масштабных и приятных жизненных задач. Это делает из вас, по существу, художника — художника, творящего себя самого.

И действительно, идея самосотворения берет начало из мира искусства. На протяжении тысяч лет только монархи и знатные люди самого высшего ранга были вольны сами формировать свое общественное лицо и определять свою индивидуальность. Сходным образом только монархам и самым богатым и влиятельным господам позволялось подвергать критике и осмыслению свой образ в искусстве и сознательно изменять его. Остальные представители человечества играли определенные роли, навязываемые обществом, и обладали незначительным самосознанием.

Признаки изменений этого установленного веками порядка можно уловить на картине Веласкеса «Менины», написанной в 1656 году. В левой части полотна изображен художник перед картиной, которую он пишет, но которую мы не можем видеть — она повернута к нам оборотной стороной. За спиной живописца стоят принцесса со своей свитой, один из придворных карликов — все они следят за его работой. Люди, позирующие для картины, не видны полностью, но мы можем разглядеть их крошечные отражения в зеркале на задней стене — это король и королева Испании, которые, по-видимому, сидят где-то впереди, за пределами полотна.

Картина свидетельствует о кардинальных переменах в динамике власти и способности человека определить собственную позицию в обществе, поскольку Веласкес, художник, расположен на картине гораздо более выигрышно, чем король с королевой. В каком-то смысле он обладает большей властью, чем они, потому что именно от него зависит изображение, образ — их образ. Веласкес более не видит в себе рабски подчиненного, зависимого художника. Он превратил себя в человека власти. И в самом деле, первыми в западном обществе, помимо аристократов, кто открыто начал экспериментировать со своим имиджем, были художники и писатели, а позднее — денди и представители богемы. В настоящее время концепция создания себя медленно просочилась и к остальным слоям населения. Подобно Веласкесу, вы должны добиваться для себя власти самому определять свое положение на картине и создавать свой собственный образ.

Первый шаг на пути создания себя есть осознание себя, самопознание. Почувствуйте себя актером, научитесь управлять своими эмоциями и определять свой внешний облик. Как сказал Дидро, плохой актер тот, кто всегда искренен. Мы испытываем неловкость в обществе людей, у которых все их мысли и переживания написаны на лице, которые ничего не умеют скрывать. Их искренность утомительна и невыносима, да их и трудно принимать всерьез. Те, кто плачет и кричит при людях, могут иногда вызывать сочувствие, но оно рано или поздно переходит в раздражение и презрение к их зацикленности на самих себе — мы чувствуем, что они плачут, чтобы привлечь к себе внимание, и вредная сторона нашей натуры требует не давать им этого удовлетворения.

Хорошие актеры лучше владеют собой. Они могут сыграть искренность и сердечность, могут выжать слезу и бросить взгляд, полный сочувствия, но им совсем не обязательно для этого испытывать адекватные чувства. Они демонстрируют проявление эмоций в форме, понятной окружающим. Но ни один правитель, ни один лидер не смог бы справиться со своей ролью, если бы даже не все, а хоть часть переживаний, которые ему приходится изображать, была искренней. Поэтому учитесь самоконтролю. Перенимайте пластичность и гибкость актеров, которые могут лепить свое лицо в зависимости от того, какое чувство нужно выразить.

Второй шаг в процессе самосотворения — вариация стратегии Жорж Санд: создание запоминающегося, яркого характера, привлекающего внимание, превосходящего партнеров по сцене. Такую же игру избрал для себя Авраам Линкольн. Он знал, что обыкновенный человек, провинциальный юрист, станет тем типом президента, которого еще не знала Америка, и получит неоспоримые преимущества на выборах. Хотя многие из этих качеств были ему присущи от природы, он подчеркнул их — шляпа и одежда, борода. (Ни один президент до него не носил бороды.) Линкольн был также первым президентом, который использовал фотографию, чтобы тиражировать свой образ, помогая создать «икону» «простого президента».

Хорошая драма, однако, требует чего-то большего, чем интересный внешний облик персонажа или отдельная выдающаяся сцена. Драма разворачивается во времени — это протяженное событие. Ритм

и чувство времени играют важнейшую роль. Гудини, к примеру, мог иногда выполнить свой трюк с исчезновением за мгновения, но растягивал его на долгие минуты, заставляя зрителей томиться в ожидании.

Секрет того, как заставить зрителей вытягивать шеи и затаивать дыхание, в том, чтобы давать событиям развиваться медленно, затем в решающий момент ускорить их ход, регулируя темп и сами события по своему усмотрению. Великие властители, от Наполеона до Мао Цзэдуна, пользовались театральными эффектами, чтобы поражать и развлекать публику.

Франклин Делано Рузвельт понимал, как важно «ставить» политические события в определенном порядке и ритме. Его президентские выборы 1932 года пришлись на время тяжелого экономического кризиса в Соединенных Штатах. Один за другим с пугающей частотой разорялись банки. Сразу после победы на выборах Рузвельт на какое-то время стал затворником. Он ничего не сообщал ни о своих планах, ни о назначениях на министерские посты. Он отказался даже от обязательной встречи с действующим президентом Гербертом Гувером. Ко времени инаугурации Рузвельта страна находилась в тревоге и беспокойстве.

Произнося инаугурационную речь, Рузвельт изменил тактику. Речь была властной, энергичной, она проясняла, что новый президент собирался руководить страной совершенно по-новому, отказываясь копировать скромность своих предшественников. Начиная с этого момента его выступления и поступки — назначения в кабинет министров, решительная законотворческая деятельность — приняли невероятно быстрый темп. Период после инаугурации стал известен под названием «Сто дней», и его успехи в изменении настроений страны частично покоились на использовании Рузвельтом драматических контрастов и хорошо продуманном ритме развития событий. Он держал свою аудиторию в напряжении, затем ошарашивал всех серией смелых и решительных поступков, которые казались тем более неожиданными, что возникали как бы из ниоткуда. Вам необходимо научиться подобным образом оркестровать события, никогда не раскрывая все свои карты разом, а вынимая их таким образом, чтобы достичь максимального театрального эффекта.

Хороший театральный спектакль не только покрывает множество грехов, но к тому же запутывает и обманывает ваших врагов. Вспомним еще раз одну поучительную историю. Во время Второй мировой войны немецкий драматург Бертольд Брехт работал в Голливуде сценаристом. После войны его вызвали в Комиссию Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности и обвинили в прокоммунистических настроениях. Другие писатели, вызванные для дачи показаний, собирались унизить членов Комиссии агрессивным эмоциональным противостоянием. Брехт был мудрее: ему удалось манипулировать членами Комиссии, играть на их чувствах, как на скрипке, очаровывая и в то же время дурача. Он тщательно отрепетировал свои ответы и даже использовал кое-какой реквизит, например сигару, которой он попыхивал, зная, что один из членов Комиссии любит сигары. И его продуманные, мастерские ответы, двусмысленные, остроумные и язвительные, действительно помогли ему убедить членов Комиссии. Вместо злобных и агрессивных чистосердечных тирад он предложил им самый настоящий спекталь, и в результате был освобожден от ответственности.

Другие театральные эффекты для вашего репертуара включают красивый жест, то есть действие в кульминационный момент, который символизирует ваш триумф или подчеркивает вашу значительность. Драматический переход Цезаря через Рубикон был не что иное, как beau geste (красивый жест) — поступок, который ослепил солдат своим блеском и сделал его героем в их глазах. Вы также должны знать, как важно правильно и вовремя появиться на сцене и уйти с нее. В первый раз встречая Цезаря в Египте, Клеопатра была завернута в ковер, из которого она выпала к его ногам. Джордж Вашингтон дважды покидал власть под рукоплескания и фанфары (сначала как генерал, затем как президент, который отказался третий раз баллотироваться на выборах), показывая, что он знал, насколько важен, драматичен и символичен правильно выбранный момент. Ваши собственные появления и уходы необходимо планировать и осуществлять столь же тщательно.

Старайтесь, однако, не переигрывать — это может оказать обратный эффект, как любой способ привлечь к себе внимание с затратой слишком многих усилий и средств. Актер Ричард Бартон

в самом начале своей творческой деятельности обнаружил, что, стоя на сцене абсолютно неподвижно, он привлекает внимание к себе, отвлекая его от других актеров. Стало быть, то, что вы делаете, менее важно, чем то, как вы это делаете, — ваше изящество, грация и внушительное спокойствие засчитываются на социальной сцене выше, чем слишком активная деятельность и суета.

И последнее: научитесь играть много ролей, быть тем, кто нужен в данный момент. Приспосабливайте свои маски к ситуации — будьте многоликим, надевая то лицо, которого от вас ждут. Бисмарк в совершенстве владел этой игрой: с либералом он был либералом, с хищником становился хищником. Он был недоступен пониманию, а то, что нельзя понять, невозможно уничтожить.

Образ: греческое божество моря старец Протей.

Своей властью он был обязан способности по своей воле менять внешний облик, превращаться во что угодно. Когда Менелай, брат Агамемнона, попытался схватить его, Протей превратился в льва, затем в змея, пантеру, кабана, текущую воду и, наконец, в зеленое дерево.

Авторитетное мнение

«Научись быть всем для всех. Осторожный Протей — ученый с учеными, святой со святыми. Это — искусство побеждать всякого, поскольку подобное притягивается подобным. Замечай характер каждого встречного и подражай ему — следуй по очереди примеру то серьезного, то игривого, меняя настроение обдуманно и осторожно».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Для этого важнейшего закона поистине нет обратных примеров: плохой театр — это лишь плохой театр. Даже чтобы выглядеть естественным, необходимо применить искусство, другими словами, играть. Плохая же игра порождает лишь неудовольствие. Конечно, не следует быть слишком театральным — избегайте напыщенных, ненатуральных жестов. В любом случае это будет просто плохой игрой, попирающей вековые театральные традиции, согласно которым

переигрывать запрещается. В общем и целом у этого закона нет оборотной стороны.

Закон 26. Держи руки чистыми

Формулировка закона

Вы должны выглядеть образцом порядочности и работоспособности: ваши руки никогда не были осквернены ошибками и грязными делами. Сохраняйте этот незапятнанный облик, используя других в качестве своего орудия и скрывая собственное участие.

Часть I

СКРЫВАЙ СВОИ ОШИБКИ — ИМЕЙ НАГОТОВЕ КОЗЛА ОТПУЩЕНИЯ, КОТОРЫЙ ВОЗЬМЕТ ВИНУ НА СЕБЯ

Наше доброе имя и репутация зависят больше от того, что мы скрываем, чем от того, что мы выставляем напоказ. Каждый совершает ошибки, но тот, кто действительно неглуп, позаботится о том, чтобы затушевать их, и постарается, чтобы обвинили кого-то другого. Для этого нужно всегда иметь наготове подходящего козла отпущения.

Соблюдение закона (1)

В конце II века, в эпоху Троецарствия, когда могущественная китайская империя династии Хань медленно угасала, Цао Цао, великий военачальник и министр императора, стал самым влиятельным человеком в стране. Желая укрепить свою власть и избавиться от некоторых своих соперников, Цао Цао начал военную кампанию с целью получить возможность распоряжаться жизненно важной в стратегическом отношении Срединной равниной. Во время осады стратегически значимого населенного пункта он немного ошибся в расчетах относительно зерна, подвозимого из столицы. Он ждал обоза с провиантом, но армия осталась без продовольствия, и Цао Цао был вынужден приказать начальнику продовольствия урезать рацион.

Цао Цао поддерживал в армии строгую дисциплину и имел целую сеть информаторов. Его шпионы вскоре сообщили про жалобы и пересуды солдат о том, что он живет хорошо, в то время как они голодают. Может, Цао Цао хранит продукты для себя, перешептывались солдаты. Поползли слухи о том, что Цао Цао, должно быть, хочет спровоцировать мятеж. Он вызвал к себе начальника продовольствия.

«Я хочу попросить тебя одолжить мне кое-что, и ты не должен мне отказать», — сказал ему Цао Цао. «О чем вы?» — спросил тот. «Я хочу одолжить твою голову, чтобы показать ее войску».— «Но ведь я ничего плохого не сделал!» — вскричал начальник. «Я знаю, — промолвил

Цао Цао со вздохом, — но если я не казню тебя, солдаты взбунтуются. Не печалься — после твоей смерти я позабочусь о твоей семье». У начальника продовольствия не было выбора, и он подчинился своей участи. Его казнили в тот же день, выставив голову на всеобщее поругание, после чего ропот среди солдат прекратился. Даже те, кто разгадал маневр Цао Цао, предпочли промолчать, ошеломленные и испуганные совершившимся насилием. Большинство же приняло его версию относительно того, кто виноват, предпочитая верить в мудрость и честность Цао Цао, а не в его некомпетентность и жестокость.

Толкование

Цао Цао пришел к власти в чрезвычайно неспокойное время. Борясь за превосходство в распадающейся империи Хань, неприятели наседали со всех сторон. Сражение за Срединную равнину оказалось более трудным и выматывающим, чем предполагалось, деньги и продовольствие были постоянной заботой. Неудивительно, что под таким давлением обстоятельств военачальник забыл своевременно распорядиться о подвозе провизии.

Когда стало ясно, что задержка с поставками оказалась серьезнейшей ошибкой и что армия вот-вот взбунтуется, у Цао Цао было две возможности: признать свою ошибку и попытаться оправдаться или же найти козла отпущения. Так как Цао Цао очень ясно понимал механизмы власти и осознавал значение имиджа, говоря современным языком, то он не колебался ни минуты: выбрав наиболее подходящую жертву, он немедленно расправился с ней.

Случайные ошибки неизбежны — ведь мир так непредсказуем. Людей власти, однако, губят не ошибки, а то, как они их исправляют. Подобно хирургам, они должны удалить злокачественную опухоль быстро и радикально. Извинения и оправдания — слишком тупые инструменты для подобной операции, власть имущие их избегают. Принося свои извинения, вы приоткрываете лазейку для сомнений в вашей компетентности, ваших намерениях, заставляете подумать о том, сколько других ошибок вы, возможно, совершили, не раскаявшись. Извинения никого не удовлетворяют, оправдания вызывают у всех чувство неловкости. Ошибка не исчезает из-за принесенных извинений, она усугубляется и воспаляется. Лучше уж

обрезать все разом, отвлечь от себя внимание окружающих, сфокусировав его на подходящем козле отпущения, прежде чем люди успеют осознать вашу ответственность или, быть может, вашу некомпетентность.

Я скорее предам весь мир, чем позволю миру предать меня.

Военачальник Цао Цао, 155—220

Соблюдение закона (2)

Много лет Чезаре Борджиа воевал за власть над значительной частью Италии во имя своего отца, папы Римского Александра. В 1500 году ему удалось захватить Романью. Этой провинцией в Северной Италии долгие годы правила череда алчных господ, умножавших свое личное богатство. Не имея полиции или других дисциплинарных сил, Романья скатилась к полному беззаконию, целыми областями управляли воры и враждующие между собой семьи. Чтобы установить порядок, Чезаре назначил главным комендантом города некоего Ремирро де Орко, властного и жестокого человека, по словам Никколо Макиавелли. Чезаре дал де Орко неограниченные полномочия.

Приступив к делу с энергией и решительностью, де Орко установил жестокий, безжалостный порядок в Романье и вскоре устранил почти всех нарушителей закона. Но в своем рвении он порой заходил слишком далеко, и спустя один-два года местное население стало бояться и ненавидеть его. В декабре 1502 года Чезаре предпринял решительные действия. Сначала он постарался, чтобы стало известно, что он неодобрительно отзывается о жестокости и зверствах де Орко. Затем 22 декабря по его приказу де Орко был помещен в тюрьму города Сезена, а когда на следующий день после Рождества горожане проснулись, на городской площади их ожидало странное зрелище: обезглавленное тело де Орко, облаченное в роскошные одежды с пурпурным капюшоном, насаженная на пику голова, окровавленный нож палача и плаха возле головы. Макиавелли так заканчивает свои комментарии к этому событию: «Жестокость этой сцены ошеломила людей и вызвала их удовлетворение».

Толкование

Чезаре Борджиа был истинным мастером в играх власти. Он всегда планировал свои действия на много ходов вперед, расставляя соперникам хитроумнейшие западни. За это Макиавелли превозносил его в своей книге «Правитель».

Чезаре предвидел будущее Романьи с удивительной ясностью: только безжалостное правосудие было способно установить порядок в провинции. Процесс затянется на многие годы, и вначале люди будут приветствовать порядок. Но постепенно у него появится все больше врагов, и граждане начнут взывать о смягчении такого мучительного для них порядка. Сам Чезаре не хотел поэтому, чтобы его имя ассоциировалось с этим жестким законопорядком, ведь ненависть народа вызвала бы впоследствии множество проблем. Вот он и выбрал человека для выполнения грязной работы, зная наперед, что, когда работа будет сделана, голова де Орко закрасуется на пике. Кандидат на роль козла отпущения в этом случае был намечен с самого начала.

Если в случае с Цао Цао козлом отпущения стал совершенно невинный человек, то в Романье он был опасным оружием из арсенала Чезаре, с помощью которого Чезаре удалось сделать черновую работу, не обагрив кровью собственные руки. В этом втором варианте важно отделить себя от этого человека — либо бросив его на произвол судьбы, либо даже, как сделал Чезаре, самому свершив над ним акт справедливого — в глазах всех —возмездия. Вы должны не только не быть замешаны в деле, но и произвести впечатление человека, способного навести порядок.

Афиняне постоянно содержали за счет государства немалое количество опустившихся и бесполезных существ; а когда над городом разражалось какое-либо бедствие — чума, засуха или голод... [этих козлов отпущения] выводили... и приносили в жертву, обычно побивая камнями за пределами города.

> Из «Золотой ветви» сэра Джеймса Джорджа Фрейзера, 1854–1941

Ключи к власти

Использование козлов отпущения старо, как сама цивилизация, примеры можно найти в истории самых разных народов по всему миру. Основная идея, стоящая за этим, — переадресовка своей вины и греха другому — предмету, животному или человеку, который или которого затем наказывают или уничтожают. Иудеи использовали живого козла (отсюда и термин «козел отпущения»), на его голову священник возлагал обе руки, исповедуясь в грехах сынов Израилевых. Таким образом грехи переносились на животное, после чего его уводили и бросали в лесу.

У афинян и ацтеков козла заменяли люди, часто те, которых кормили и содержали для этой цели. Поскольку считалось, что боги насылают голод и чуму на смертных в наказание за проступки, люди страдали не только от самих голода и чумы, но и от чувства вины и раскаяния. Они освобождали себя от вины, перенося ее на невинного, чья смерть должна была удовлетворить божественные силы и изгнать зло.

Это, по сути дела, очень и очень типичная человеческая реакция — не заглядывать в глубь себя, совершив ошибку или преступление, но озираться по сторонам и возложить вину и осуждение на кого-то, кто подойдет для этой цели. Когда в Фивах свирепствовала чума, Эдип повсюду искал ее причину, только не в самом себе и не в собственном грехе инцеста, которым как раз и разгневал богов, вызвав бедствие. Эта подспудная потребность перевести вовне свою вину, проецируя ее на другое лицо или объект, имеет огромную власть, и люди с умом знают, как этим пользоваться.

Жертвоприношение — ритуал, возможно, самый древний из всех ритуалов, а ритуал — тоже источник силы. Вспомните, как в убийстве де Орко Чезаре Борджиа распорядился символично расположить его тело. Обставив всё столь драматично, как бы совершив ритуал, он сконцентрировал вину на де Орко. Граждане Романьи отреагировали мгновенно. Поскольку для нас так естественно искать не внутри, а снаружи, мы с готовностью принимаем вину козла отпущения.

Кровавое заклание козла отпущения выглядит варварским пережитком прошлого, но практика эта живет и в наши дни, хотя бы фигурально или символически. Пока власть имущие должны выглядеть безгрешными и никогда не совершающими ошибок, до тех

пор козлы отпущения будут нужны миру. Какой современный лидер признает вину за свои деяния? Он ищет, кого осудить, ему нужен козел отпущения, чтобы принести жертву. Когда «культурная революция» Мао Цзэдуна с позором провалилась, великий кормчий не принес покаяния китайскому народу. Вместо этого, как до него Цао Цао, он выставил козлов отпущения, в том числе своего личного секретаря и высокопоставленного члена партии Чен Пота.

За Франклином Д. Рузвельтом закрепилась репутация честного человека и политика. На протяжении своей деятельности, однако, и он не раз сталкивался с ситуациями, в которых порядочное поведение могло повлечь за собой политическую катастрофу, но в то же время невозможно было позволить, чтобы его уличили в нечистоплотности или игре против правил. По этой причине в течение двадцати лет его секретарь Луис Хоуи играл при нем роль де Орко. Это он вел все тайные дела, манипулировал прессой, занимался закулисными интригами и коварными маневрами. И какая бы ошибка ни была совершена, какой бы нечистый трюк, противоречащий тщательно создаваемому имиджу Рузвельта, ни становился достоянием общественности, Хоуи служил козлом отпущения и никогда не жаловался.

Помимо перенесения на него вины, козел отпущения может служить инструментом для устрашения и предупреждения. В 1631 году был предпринят заговор с целью отстранения от власти французского кардинала Ришелье. Этот заговор известен теперь под названием «День простофиль». Попытка почти удалась, поскольку в ней приняли участие представители высших эшелонов государственной власти, включая королеву-мать. Но Ришелье устоял благодаря удаче и тем, кто молчаливо ему потворствовал.

Одной из ключевых фигур заговора был Мариллак, хранитель печати. Ришелье не мог заключить его в тюрьму, не вовлекая королеву-мать, это было бы слишком опасно. Поэтому он избрал целью брата Мариллака, маршала армии. Этот человек не участвовал в заговоре. Ришелье, однако, боясь, что могут быть и другие заговорщики, особенно в армии, решил устрашить их показательной казнью. Он судил брата по сфабрикованным обвинениям и потом казнил его. Таким образом, он косвенно наказал истинного виновника, хотя тот и был защищен от прямой угрозы расправы, и предупредил всех

потенциальных заговорщиков, что он не остановится ни перед чем, даже казнью невиновного, ради сохранения власти.

В самом деле, часто на роль жертвы для заклания выбирают именно самого невинного. Эти люди недостаточно влиятельны, для того чтобы сопротивляться, а их наивные протесты можно трактовать как доказательство их вины. Но следует соблюдать осторожность и чувство меры, чтобы не создать образ мученика. Важно, чтобы вы выглядели жертвой, несчастным вождем, которого подвели и даже предали негодные приближенные. Если ваш козел отпущения выглядит слишком слабым, а наказание непомерно жестоким, вы можете пасть жертвой собственной комбинации. Иногда необходимо подобрать на эту роль кого-то посильнее — того, кто в конце концов вызовет меньше симпатий.

История то и дело демонстрирует, что на роль козла отпущения берут приближенного. Это известно как «падение фаворита». Большинство королей заводят фаворита при дворе — человека, которого они выделяют, порой без видимой причины, осыпая его или ее милостями и знаками особого внимания. Но такой фаворит часто служит подходящим козлом отпущения в случае, когда что-то угрожает репутации короля. Одни придворные с готовностью поверят в справедливость обвинения — к чему бы королю жертвовать любимцем, если за тем нет вины? А другие придворные, завидующие фавориту, всегда порадуются его свержению. Король между тем избавляется от человека, который к тому времени, возможно, слишком много успел узнать о нем, стал, может быть, слишком уверен в своей власти над правителем, даже тайно презирает его. Выбор близкого союзника, партнера в качестве жертвы имеет тот же смысл, что «падение фаворита». Вы можете потерять друга или помощника, но с учетом отдаленной перспективы скрыть свои ошибки важнее, чем удерживать рядом с собой кого-то, кто в один прекрасный день может повернуться против вас. Кроме того, вы всегда найдете нового фаворита.

Образ: невинный ягненок.

В день принесения искупительной жертвы верховный жрец приносит ягненка в храм, возлагает руки на его голову и исповедуется в грехах всего народа, перенося вину на безвинное животное, которое

затем препровождают в дикую местность и бросают, а с ним исчезают грехи и вина народа.

Авторитетное мнение

«Глупость состоит не в совершении глупости, а в неспособности скрыть ее. Все люди совершают ошибки, но мудрецы скрывают свои промахи, тогда как глупцы выставляют их напоказ. Репутация более зависит от того, что скрыто, чем от того, что видно. Если не можешь быть добродетельным, по крайней мере, будь осторожным».

Бальтазар Грациан

Часть II

НАУЧИСЬ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КОШАЧЬЕЙ ЛАПКОЙ

В басне мартышка схватила лапку своей приятельницы-кошки и ею таскает каштаны из огня, таким образом получая желанные орешки и не обжигаясь.

Если вам необходимо сделать нечто неприятное или непопулярное, слишком рискованно выполнять работу самому. Вам потребуется кошачья лапка — кто-то, кто выполнит за вас грязную, опасную для вас работу. Кошачья лапа схватит то, что вам нужно, оцарапает того, кого вы хотите оцарапать, а люди не заметят, что отвечает за происходящее не кто иной, как вы. Пусть кто-то другой будет вашим исполнителем — палачом или вестником, доставляющим плохие известия, — вы же будете приносить только радость и счастливые новости.

Соблюдение закона (1)

В 59 году до н. э. будущая царица Клеопатра, которой тогда было десять лет от роду, стала свидетельницей свержения и изгнания своего отца, фараона Птолемея XII, в результате заговора, организованного его старшими дочерьми — ее сестрами. Одна из дочерей, Береника, возглавляла бунт и, уверенная, что теперь она сможет единолично править Египтом, заключила в тюрьму сестер, а мужа убила. Это, по ее расчетам, было необходимо, чтобы обеспечить безопасность своего правления. Однако то, что она, почти правительница, проявила такую неприкрытую жестокость и насилие по отношению к своим близким, членам царственной семьи, ужаснуло ее соратников и привело к возникновению мощнейшей оппозиции. Четыре года спустя этой оппозиции удалось помочь Птолемею вернуться на трон, после чего он незамедлительно казнил Беренику и других дочерей-заговорщиц.

В 51 году до н. э. Птолемей скончался, оставив наследство четверым младшим детям. По традиции, существовавшей в Египте, его старший сын Птолемей XIII (в то время десятилетний мальчик) женился на своей старшей сестре Клеопатре (ей в то время было 18), и супружеская чета вступила на фараонский трон для совместного управления страной. Ни один из четверых детей не чувствовал

удовлетворения таким ходом событий: каждый, включая Клеопатру, хотел больше власти. Началась вражда между ней и Птолемеем, каждый из них старался столкнуть другого.

В 48 году до н. э. с помощью некоторых правителей, помешавших притязаниям Клеопатры, Птолемею удалось вынудить сестру-супругу покинуть страну, оставив его как единственного правителя. В изгнании Клеопатра вынашивала планы. Она стремилась к единоличному правлению, мечтала вернуть Египту его былую славу и чувствовала, что братья и сестра не способны справиться с этой задачей. Однако при их жизни она не могла реализовать свои мечты. Пример же Береники научил ее тому, что никто не станет служить царице, которая убивает равных себе. Даже Птолемей XIII не осмелился расправиться с Клеопатрой, хотя и понимал, что за границей она не оставит своих планов, направленных против него.

В первый год пребывания Клеопатры в изгнании римский диктатор Юлий Цезарь прибыл в Египет, решительно настроенный на то, чтобы превратить страну в очередную колонию Рима. Клеопатра увидела в этом свой шанс: вернувшись инкогнито в Египет, она преодолела огромный путь, чтобы добраться до Цезаря в Александрии. Согласно легенде, для того чтобы попасть в его резиденцию, она приказала закатать себя в ковер, который, развернувшись у его ног, открыл его взору юную царицу. Клеопатра сразу же взялась за римлянина. Она воспользовалась тем, что знала о его любви к театру и интересе к египетской истории, и пустила в ход свои женские чары. Цезарь скоро поддался им и восстановил Клеопатру на троне.

Братья и сестра Клеопатры негодовали — она их переиграла. Птолемей XIII не стал ожидать, как развернутся дальнейшие события: не покидая своего дворца в Александрии, он собрал большую армию для похода на город и нападения на Цезаря. В ответ Цезарь немедленно поместил Птолемея и остальных членов семьи под домашний арест. Но младшая сестра Клеопатры, Арсиноя, убежала из дворца и встала во главе двигающихся к столице египетских войск. Теперь наконец Клеопатра видела для себя возможность: она уговорила Цезаря освободить Птолемея из-под домашнего ареста при условии, что он станет посредником при переговорах о перемирии. Конечно, ей было понятно, что брат поступит совсем не так и будет сражаться с Арсиноей за власть над египетской армией. Но это

привело бы к расколу в семье, то есть было бы на пользу Клеопатре. Более того, это давало Цезарю возможность победить и убить ее братьев и сестер в сражении.

Цезарь, получив подкрепление из Рима, быстро расправился с восставшими. При отступлении египтян Птолемей утонул в Ниле. Цезарь захватил Арсиною и отправил ее как пленницу в Рим. Он также казнил многочисленных врагов, строивших козни против Клеопатры, и арестовал других ее противников. Чтобы усилить свои позиции на троне, Клеопатра вышла замуж за единственного оставшегося брата — одиннадцатилетнего слабенького Птолемея XIV. Через четыре года Птолемей был отравлен при невыясненных обстоятельствах.

В 41 году до н. э. Клеопатра испробовала на другом великом римлянине, Марке Антонии, ту же тактику, которую так успешно применила в случае с Юлием Цезарем. Обольстив его, Клеопатра намекнула, что ее сестра Арсиноя, все еще находившаяся в заключении в Риме, участвует в заговоре против него. Марк Антоний поверил ей, и Арсиноя была безотлагательно казнена. Таким образом, Клеопатра избавилась от последнего из своих опасных родственников.

Мартышка и кот

Каштаны жарились в печи на угольках;
Мартышка на полу перед огнем сидела
И пристально на них глядела,
А Кот лежал у ней в ногах.
«Что, Васька, —говорит Мартышка. —
Достань каштана два, так будешь молодец!» —
«Да, лапу обожги! нет, я ведь не глупец!» —
«Э! неженка какой! трусишка!
Трус! трус!»
Вскочил мой Кот, в дугу себя согнул,
На лапки задние у печки приподнялся,
Переднюю к каштану протянул,
Ожегся и назад подался;
За дело принялся опять:
То лапку к угольками протянет,
То прочь ее, а там другою трогать станет,
И вытащил он так уже каштанов пять.

Каштаны Васька вынимает,
Мартышка же их подбирает,
Облупит, да и прямо в рот.
Вдруг, на беду, слуга идет.
Плутовка наутек, а Кот не догадался —
Работою все занимался.
Слуга на цыпочках к мошеннику подкрался
Да за уши схватил — и ну его таскать.
Кот бедный от побой, как мертвый, протянулся,
Насилу через час очнулся,
И полно с той поры без пользы воровать.
Мартышка вот умна: не обожглась,
Не бита и сыта;
А Васька глуп, так с ним случилася напасть...
То ль дело для себя украсть!..

Жан Лафонтен (пер. А. Измайлова)

Толкование

Легенда гласит, что Клеопатра добилась успеха благодаря своим обольстительным чарам, но в действительности ее власть была заключена в способности заставлять людей выполнять ее требования так, что они даже не замечали, что ими манипулируют. Цезарь и Антоний не только избавили ее от опаснейших брата и сестры — Птолемея XIII и Арсинои, — они уничтожили всех ее врагов, как в правящих кругах, так и среди военного командования Египта. Оба знатных римлянина стали для Клеопатры кошачьими лапками. Они бросались для нее в огонь, делали неприятную, но необходимую работу, в то же время помогая ей избежать репутации убийцы собственных братьев, сестер и собратьев-египтян. В конце концов оба они уступили ее желанию править Египтом не в качестве римской колонии, а как независимым государством. И всё это они делали, не отдавая себе отчета в том, как ловко она управляет ими. За этим стоял тончайший и мощнейший дар убеждения.

Королева никогда не замарает руки грязными делами, так же как король никогда не появится на людях с окровавленным лицом. И все же власть не может выжить без постоянного подавления людей —

всегда будет потребность в разных грязных делишках, необходимых вам для того, чтобы удержаться на троне. Подобно Клеопатре, пользуйтесь кошачьей лапкой, чтобы таскать из огня каштаны.

Выберите кого-нибудь, кто не входит в ваш ближайший круг и поэтому вряд ли поймет, как его или ее используют. Вы найдете таких простофиль повсюду — им доставляет удовольствие угождать вам, особенно если вы кинете им пару-тройку косточек в награду. Но хотя они выполняют задания, которые им кажутся вполне невинными, по крайней мере не выходящими за рамки закона, по сути, они расчищают для вас поле деятельности, распространяют информацию, которой вы снабжаете их, способствуя продвижению вашего дела, и пачкают свои руки, в то время как на вас не появляется ни пятнышка.

Соблюдение закона (2)

В конце 1920-х годов в Китае бушевала война между националистической и коммунистической партиями за управление страной. В 1927 году лидер националистов Чан Кайши призывал к физическому уничтожению всех коммунистов и в последующие несколько лет почти осуществил свою угрозу, расправляясь с врагами до тех пор, пока в 1934–1935 годах они не были вынуждены предпринять длительное отступление. Это был действительно долгий поход — шесть тысяч миль с юго-востока на отдаленный северо-запад страны, в суровых условиях, поход, в котором их ряды сильно поредели. В конце 1936 года Чан запланировал последнюю наступательную операцию с целью окончательно уничтожить врагов, но произошел мятеж. Его собственные солдаты схватили его и передали коммунистам. Теперь он мог ожидать только самого худшего.

Тем временем, однако, Япония ввела войска в Китай, и, к вящему удивлению Чана, вместо того чтобы убить его, лидер коммунистов Мао Цзэдун предложил договор: коммунисты отпустят его и признают командующим объединенными силами коммунистов и националистов, если он согласится участвовать в совместной борьбе против общего врага. Чан готовился к пыткам и издевательствам, теперь он не мог поверить своему счастью. Так вот как заговорили эти красные! Теперь, когда не нужно было думать об ответной акции против коммунистов, он решил, что мог бы справиться с японцами, а затем, спустя

некоторое время после победы, повернуть штыки и уничтожить красных без труда. Ему было нечего терять, зато приобрести, дав согласие, он мог всё.

Коммунисты вели войну с японскими оккупантами в своей обычной манере, используя тактику партизанских налетов, тогда как националисты сражались в стиле, более традиционном для армии. Совместными усилиями через несколько лет они покончили с японской оккупацией. И лишь теперь Чану стало окончательно ясно, чего добивался Мао. Его собственная армия в результате боев с японской артиллерией была невероятно ослаблена, требовалось долгое время на ее восстановление. Коммунисты же не только избежали прямых ударов японской армии по своим отрядам, но и использовали время войны для того, чтобы восстановить мощь и вновь приобрести влияние по всему Китаю. Как только война против Японии была закончена, возобновилась гражданская война, но на сей раз коммунисты поглотили ослабевших националистов и постепенно полностью подчинили их. Японцы послужили Мао той самой кошачьей лапкой. Не желая того, они подготовили благодатную почву для коммунистов и сделали возможной победу над Чан Кайши.

Как разносятся вести

Когда Омар, сын аль-Хаттаба, обратился в ислам, он захотел, чтобы весть о его обращении поскорее разнеслась повсюду. Он отправился к Джамилю, сыну Мамара аль-Джумахи.

Последний был известен тем, что мгновенно разносил сплетни. Если ему что-то сообщали по секрету, он немедленно возвещал об этом всем и каждому. Омар сказал ему: «Я стал мусульманином. Не говори никому. Храни эту тайну. Не упоминай об этом ни в коем случае».

Джамиль вышел на улицу и принялся кричать во весь голос: «Поверите ли вы, что этот Омар, сын аль-Хаттаба, стал мусульманином? Что ж, не верьте! А я говорю вам, что стал!»

Новость об обращении Омара в ислам разнеслась повсюду. А ведь ему только того и надо было.

«Утонченная уловка». Сборник арабских мудростей
и хитростей, XIII век

Толкование

Большинство лидеров, захватив такого сильного врага, каким был Чан Кайши, постарались бы поскорее уничтожить его. Но, поступив так, они лишились бы своего последнего шанса, которым умело воспользовался Мао. Без помощи опытного Чана, лидера националистов, борьба с японскими захватчиками грозила затянуться надолго и привести к полному краху. Мао был слишком умен, чтобы позволить себе из-за гнева упустить возможность убить одним выстрелом двух зайцев. В сущности, Мао использовал сразу две кошачьи лапки, которые помогли его полной победе. Он поймал Чана на хитроумную приманку, предложив стать союзником в войне с Японией. Мао знал, что националисты под командованием Чана примут на себя самые изматывающие бои и добьются успеха, изгнав японские войска из Китая, если им не придется отвлекаться на одновременную борьбу с коммунистами. Националисты, таким образом, были кошачьей лапкой номер один, которую Мао использовал, чтобы справиться с японскими оккупантами. Но Мао понимал и то, что в боях с японской артиллерией и авиацией националисты понесут существенные потери. Коммунистам потребовались бы десятилетия изнурительной борьбы, чтобы нанести подобный урон своим врагам. К чему терять время и тратить силы, если японцы могут выполнить эту работу намного быстрее? Это было мудрое и остроумное решение — заставить своих врагов биться друг с другом, что позволило коммунистам оказаться в выигрышной позиции.

Итак, можно двумя способами применять тактику кошачьей лапки: для сохранения своей репутации, как делала Клеопатра, или для сохранения сил и энергии. В последнем случае особенно важно планировать события на много ходов вперед, осознавая, что временное отступление (Чан, отпущенный на свободу) может привести к огромному скачку вперед. Если вы временно ослаблены и, чтобы собраться с силами, требуется время, есть смысл использовать окружающих и как ширму, помогающую скрыть ваши намерения, и как кошачью лапку, выполняющую работу за вас. Поищите сильную третью сторону, у которой те же враги, что и у вас (хотя, возможно, по разным причинам), воспользуйтесь преимуществом их силы для

нанесения удара, на который в ином случае вам, как более слабому, пришлось бы затратить гораздо больше энергии.

Вы можете даже мягко и ненавязчиво провоцировать их на военные действия. Старайтесь подыскивать на роль кошачьей лапки людей с повышенной агрессивностью — они часто рвутся в бой, так что вам лишь останется развернуть их в сторону цели.

Безумец и мудрец

Безумец раз бросал каменья в Мудреца,
Преследуя его; Мудрец ему на это:
«Мой друг! ты в поте своего лица
Трудился; вот тебе за то монета:
Труд по заслугам должен быть вознагражден.
Взгляни, вот человек проходит, он
Богат безмерно,
И щедро за твои дары воздаст, наверно».
К прохожему Глупец направился, спеша
Нанесть ему удар, в надежде барыша;
Но воздаяния дождался он иного:
Прохожий слуг созвал, и те спешат скорей
Избить Глупца и прочь прогнать едва живого.
Таких безумцев видим мы вблизи царей:
Чтоб господина позабавить,
Они на смех поднять готовы нас всегда.
Не стоит трогать их, чтоб замолчать заставить.
Притом же если вы не в силах, то тогда,
Как вы ни гневайтесь, вам это не поможет;
Направьте их к тому, кто отплатить им может.

Жан Лафонтен (пер. Н. Юрьина)

Соблюдение закона (3)

Курияма Дайзен был адептом Таною («Горячая вода для чая», японская чайная церемония) и адептом учения великого мастера чайной церемонии Сенно Рикю. Приблизительно в 1620 году Дайзен узнал, что его друг, Хошино Соэмон, одолжил крупную сумму денег

(300 рио — золотых слитков), чтобы помочь родственнику, увязшему в долгах. Но хотя Соэмону удалось внести залог и освободить родственника, он просто принял его бремя на себя. Дайзен хорошо знал Соэмона — он никогда особенно не пекся о деньгах и не очень разбирался в денежных делах, поэтому мог легко запутаться и попасть в затруднительное положение из-за задержки с выплатой займа своему кредитору, богатому купцу по имени Каваяши Санемон. Однако Дайзен знал, что если он предложит помочь Соэмону выплатить его заем, то лишь обидит друга, который наверняка откажется от помощи.

В один прекрасный день Дайзен навестил своего друга, они прогулялись по саду, вместе полюбовались отборными пионами Соэмона, а затем вошли в комнату для гостей. Здесь Дайзен увидел картину мастера Кано Тенню. «О, — воскликнул Дайзен, — что за изумительная картина... В жизни я не видел ничего прекраснее!» Он продолжал на все лады расхваливать картину, так что Соэмон сказал: «Хорошо, если уж она так тебе нравится, я надеюсь, ты окажешь мне честь принять ее в подарок».

Сначала Дайзен отказывался, но Соэмон настаивал, и он сдался. На другой день Соэмон в свою очередь получил посылку от Дайзена. В ней была прекрасная изящная ваза. В сопроводительном письме Дайзен просил друга принять ее в знак благодарности за картину, которую Соэмон так великодушно вручил ему накануне. Он объяснял, что ваза была изготовлена самим учителем Сенно Рикю и на ней имелась надпись — посвящение всемогущему правителю Хидейоши. Если Соэмон не захочет непременно оставить вазу себе, продолжал Дайзен, он может вручить ее в дар кому-нибудь из приверженцев Таною, например купцу Каваши Санемону, который однажды высказывал желание иметь ее. «Я слышал, — писал далее Дайзен, — у него есть великолепный набор отличной бумаги (имелись в виду закладные на 300 рио), который мог бы тебя заинтересовать. Если захочешь, ты мог бы предложить ему обмен».

Поняв, чего добивается его великодушный друг, Соэмон, взяв вазу, отправился к своему богатому кредитору. «И где только вы раздобыли это сокровище! — воскликнул Санемон, когда Соэмон показал ему вазу.— Я много слышал о ней, но вижу в первый раз. Это такая ценность, что с ней нельзя выезжать за ворота!» Он сразу согласился на предложение обменять вазу на закладные и предлагал Соэмону еще

300 рио сверх того. Но Соэмон, не особенно жадный до денег, попросил лишь вернуть ему закладные, что кредитор и сделал с превеликой радостью. После этого Соэмон поспешил к дому Дайзена, чтобы поблагодарить друга за его тактичную помощь.

Толкование

Курияма Дайзен понимал, что оказать благодеяние не всегда просто: если сделать это грубо и открыто, человек может почувствовать себя обремененным обязательствами. Это дает благодетелю некоторую власть над ним, но такая власть в итоге саморазрушительна, так как порождает зависть и сопротивление. Милость, оказанная тонко и элегантно, дает власть в десять раз большую. Дайзен знал, что прямое предложение помощи лишь оскорбило бы Соэмона. Вынудив Соэмона подарить ему картину, он обставил дело так, что тот почувствовал — подарком он доставил радость другу. В конечном счете все три стороны чувствовали удовлетворение — каждый получил желаемое.

Дайзен в данном случае сам сделал себя кошачьей лапкой, инструментом для таскания каштанов из огня. Он, вероятно, чувствовал некоторую боль от утраты вазы, но приобрел не только картину, но нечто неизмеримо более важное — власть придворного. Придворный обладает достаточной силой, чтобы своей одетой в перчатку рукой смягчать любые удары, направленные против него, скрывать свои шрамы, а акты помощи или спасения обставить изящно и элегантно. Помогая другим, придворный помогает себе. Пример Дайзена подтверждает основу основ любых случаев оказания помощи между друзьями и равными: никогда не навязывайте свою помощь. Найдите способ сделаться для друзей кошачьей лапкой, незаметно помогая им справиться с трудными ситуациями, но не выставляя напоказ свою помощь и не вынуждая их чувствовать себя в долгу перед вами.

Индийская птица

Купец держал в клетке птицу. Уезжая в Индию, страну, откуда была родом его птица, он спросил ее, не привезти ли ей чего-нибудь с родины. Птица попросила отпустить ее на свободу, но ей было отказано. Тогда птица попросила купца посетить индийские джунгли

и сообщить свободным птицам о ее неволе. Купец так и сделал, и не успел он закончить свою речь, как одна из птиц, в точности такая, как та, что была у него, замертво упала с дерева на землю. Купец подумал, что это, видимо, была родственница его птицы и известие так поразило ее, что бедняжка умерла от огорчения.

Когда он приехал домой, птица спросила его, не привез ли он для нее хороших новостей из Индии. «Нет, — ответил купец, — боюсь, что новость плохая. Одна из твоих родственниц, услышав о том, что ты в неволе, свалилась замертво прямо к моим ногам».

Едва он произнес эти слова, птица свалилась замертво на дно клетки. «Вот напасть, теперь известие о гибели родственницы убило мою птицу», — подумал купец. Он огорчился, вытащил птицу из клетки и положил ее на подоконник. В то же мгновение птица вспорхнула на ближайшее дерево. «Теперь ты понял, — проговорила птица, — то, что ты считал несчастьем, оказалось для меня хорошим известием. А подсказку, как мне поступить, чтобы освободиться, принес мне ты, мой тюремщик». С этими словами она улетела, обретя долгожданную свободу.

«Сказки дервишей». Идрис Шах

Нельзя быть слишком прямолинейным. Пойди и погляди на лес. Прямые деревья срубают, а искривленные оставляют расти.

Каутилья

Ключи к власти

Возможно, вам кажется, что постоянное усердие и образ человека, работающего больше других, — лучший имидж лидера, символ власти. На самом деле все совершенно наоборот: подобный человек олицетворяет слабость плохого руководителя. Почему вы работаете как вол? Вероятно, из-за собственной некомпетентности вам приходится прикладывать лишние усилия для того, чтобы удержаться на определенном уровне. А может быть, вы один из тех, кто не умеет распределять задания, и поэтому вынуждены во все вмешиваться лично. По-настоящему сильный держится, напротив, так, словно спешка и перегрузки ему неведомы. В то время как другие трудятся до

седьмого пота, эти люди приятно проводят досуг. Им ведомо, как найти исполнителей, которые будут таскать для них каштаны, позволяя сохранить энергию и поберечь руки от огня. Сходным образом вы можете верить, что, выполняя грязную работу собственноручно, принимая непосредственное участие в неприятных или неблаговидных делах, вы демонстрируете силу и бесстрашие. На самом деле вид у вас при этом неприглядный, недостойный занимаемого вами высокого положения. Истинно сильные люди держат руки незапятнанными. Их окружает только хорошее, и единственные заявления, которые они делают, — это сообщения о славных успехах.

Часто, конечно, бывает необходимо расходовать энергию, а порой приходится выполнять тяжелые, но неизбежные дела. Но вы ни в коем случае не должны выглядеть исполнителем этих дел. Находите кошачью лапку. Совершенствуйтесь в умении находить, использовать таких людей, а со временем отделываться от них, когда их роль выполнена.

Накануне важного сражения на реке Шу Чжугэ Ляна (великий китайский стратег и полководец III века) неожиданно обвинили в секретном содействии противнику. Командующий приказал ему изготовить для армии 100 000 стрел за три дня — этим он должен был доказать свою преданность. В противном случае ему грозила смерть. Даже не пытаясь приступить к изготовлению стрел — невыполнимое задание, — Лян взял десяток лодок и распорядился обшить их борта вязанками соломы. Поздним вечером, когда на реку уже спустился туман, он повел лодки по направлению к вражескому лагерю. Ожидая от хитрого Чжугэ Ляна какой-нибудь каверзы, враги не решились атаковать едва различимые в тумане лодки, но осыпали их настоящим дождем стрел. Когда лодки подплыли немного ближе, количество стрел, летящих с берега, удвоилось, и все они застревали в соломе. Спустя несколько часов люди, которые прятались в лодках, быстро отплыли вниз по течению и вернулись в лагерь, где их ожидал Чжугэ Лян. Из соломы было извлечено более 100 000 стрел.

Чжугэ Лян никогда не делал работы, которую могли сделать за него другие, всегда выдумывая трюки и хитрости, вроде описанной выше. Ключевым свойством, необходимым для разработки подобных стратегий, является способность продумывать дело на много ходов

вперед и представлять, что может послужить приманкой для тех, кого вы хотите заставить поработать на себя.

Для того чтобы успешно проводить подобные операции, нужно также умение неузнаваемо маскировать свои цели, окутывая их тайной, как были окутаны туманом лодки, неслышно подплывающие к стану врага. Когда вашим соперникам не совсем ясно, чего вы добиваетесь, их поведение впоследствии частенько оборачивается против них. Собственно говоря, они могут послужить для вас кошачьей лапкой. Скрывая свои намерения, вы сможете с минимальными усилиями добиться от них выполнения именно того, что необходимо для вас, но что вы не хотите делать своими руками. Это может потребовать планирования на несколько ходов вперед, это сравнимо с тем, как бильярдный шар, прежде чем угодить в лузу, несколько раз ударяется о борт.

Американский мошенник-виртуоз начала XX века Желтый Малыш Вейл знал, что, как бы искусно ни была подготовлена афера против богатого простака, если незнакомец просто подойдет, это непременно вызовет у простака подозрения, и все может провалиться. Поэтому Вейл использовал кого-то, уже знакомого с объектом аферы, в качестве кошачьей лапки — кого-то, не такого богатого и заметного, кто сам по себе не может стать объектом мошенничества, а поэтому, скорее всего, ничего не заподозрит. Вейл старался заинтересовать этого человека проектом, сулившим невероятное обогащение. Убежденный в реальности проекта, человек часто заговаривал, хотя его об этом и не спрашивали, о своем начальнике или богатом друге, которого надо бы привлечь к этому делу, ведь, вложив свои деньги, этот человек поможет всем заработать побольше. Кошачья лапка уговаривал богатого клиента, с самого начала являвшегося целью для Вейла, но тот не подозревал о западне, так как его тащил туда не кто иной, как человек, которому он полностью доверял.

Подобную уловку можно применить для того, чтобы приблизиться к человеку власти: сблизьтесь с кем-то из его окружения или с его подчиненным, чтобы добраться до него самого. Кошачья лапка порекомендует вас, так что будет меньше риска произвести впечатление слишком навязчивой и пронырливой персоны.

Самый простой и действенный способ использовать кошачью лапку — это снабдить человека информацией, которую он затем

распространит и донесет до того, кому вы ее предназначали. Ложная или специально внедряемая информация — мощное орудие, особенно если ее распространяет тот, кто вне подозрений. Вам будет просто изображать невинность, не выдавая, что вы ее источник.

Психотерапевт д-р Милтон Х. Эриксон рассказывал, что среди его клиентов часто встречались супружеские пары, в которых жена хотела лечиться у него, тогда как муж был категорически против.

Вместо того чтобы каждый раз тратить силы, уговаривая мужчину, доктор Эриксон вызывал к себе только жену и, разговаривая с ней, давал такие толкования поведению ее супруга, которые (он это прекрасно понимал) выведут его из себя, если только он это услышит. Нечего и говорить, что жена передавала все, что сказал доктор. Не проходило и месяца, как разъяренный муж начинал настаивать на своем присутствии на сеансе, чтобы вывести доктора на чистую воду.

Наконец, существуют случаи, в которых вы, добровольно предлагая себя в качестве кошачьей лапки, достигаете в результате большой власти. Это — хитрость истинного придворного, и символом ее можно назвать сэра Уолтера Рейли, бросившего свой плащ в грязь, чтобы королева Елизавета прошла по нему, не запачкав башмаки. Оказавшись орудием, защитившим господина или собрата от опасности или неприятности, вы заслужите огромное уважение, и рано или поздно это окупится. И помните: если вам удастся сделать свое участие тонким и тактичным, а не грубым и обременительным, то это окупится во много раз больше.

Давид и Вирсавия

Через год, в то время, когда выходят цари в походы, Давид послал Иоава и слуг своих с ним и всех Израильтян; и они поразили Аммонитян и осадили Рааву; Давид же оставался в Иерусалиме. Однажды под вечер Давид, встав с постели, прогуливался на кровле царского дома и увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива. И послал Давид разведать, кто эта женщина. И сказали ему: это Вирсавия, дочь Елиама, жена Урии Хеттеянина. <...> Давид написал письмо к Иоаву и послал его с Уриею. В письме он написал так: поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер. <...> Иоав... поставил... Урию на таком месте, о котором знал, что там храбрые

люди. И вышли люди из города и сразились с Иоавом, и пало несколько из народа, из слуг Давидовых; был убит также и Урия Хеттеянин. И послал Иоав донести Давиду о всем ходе сражения. <...> И услышала жена Урии, что умер Урия, муж ее, и плакала по муже своем. Когда кончилось время плача, Давид послал, и взял ее в дом свой, и она сделалась его женою и родила ему сына.

Ветхий Завет, Вторая книга Царств, 11

Образ: кошачья лапка.

У нее есть длинные когти, чтобы хватать. Она мягкая и снабжена подушечками. Воспользуйтесь кошачьей лапкой, чтобы таскать предметы из огня, царапать врагов, играть с мышью, прежде чем уничтожить ее. Порой вы делаете больно кошке, но чаще всего она ничего не чувствует.

Авторитетное мнение

«Делай сам все то, что тебе приятно, вещи же неприятные предоставь делать за тебя другим. Первое поможет тебе войти в милость, а второе — отразить недоброжелательство. Важные свершения часто не обходятся без кар и жестокости. Пусть же от тебя исходит только благо, а зло — лишь от других».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Обращаться с кошачьими лапками и козлами отпущения необходимо с крайней осторожностью, деликатностью и чувством меры. Они подобны занавесу, скрывающему от публики ваше собственное участие в грязной работе. Если вдруг занавес поднимется и все увидят, что за веревочки марионеток дергаете вы, все обернется против вас — вашу руку начнут узнавать во всем и вас могут обвинить даже в том, к чему вы не имели отношения. Стоит всплыть правде — и последствия начнут выходить у вас из-под контроля, нарастая как снежный ком.

В 1572 году королева-мать Екатерина Французская тайно замышляла убрать Гаспара де Колиньи, адмирала французского

военного флота и лидера гугенотов (французских протестантов). Колиньи был приближенным сына Екатерины, Карла IX, и она опасалась его возрастающего влияния на молодого короля. Поэтому она заказала его убийство одному из Гизов (члену могущественного клана, претендовавшего на королевский трон Франции).

Втайне план, который вынашивала Екатерина, был более далекоидущим: она хотела, чтобы гугеноты обвинили Гизов в убийстве одного из своих лидеров и отомстили. Одним ударом она могла избавиться от двух устрашающих врагов: Колиньи и семьи Гизов. Однако оба плана пошли не так, как было задумано. Убийца промахнулся, лишь ранив Колиньи. Зная Екатерину как одного из главных своих врагов, адмирал заподозрил в покушении ее и сказал об этом королю. В конце концов неудавшееся покушение и раздоры повлекли за собой целую череду событий, приведших к гражданской войне между католиками и протестантами и ее кульминации — Варфоломеевской ночи, кровавой резне, в которой были убиты тысячи протестантов.

Если использование рассмотренной тактики может повлечь за собой серьезный ущерб или опасность, будьте крайне осмотрительны. Более мудро пользоваться ею для невинных случаев, в которых ошибки и промахи не приведут к ужасным последствиям.

И последнее: бывают и такие случаи, когда не нужно отрицать своего участия и отказываться от ответственности, напротив — лучше обвинить самого себя в совершении ошибки. Если вы уже обладаете властью и упрочились в этом положении, иногда необходимо изображать кающегося грешника: со скорбным видом вы просите о прощении у тех, кто слабее вас. Это королевская уловка. В других случаях есть смысл наказывать собственной рукой, с тем чтобы вызвать страх и трепет у подчиненных. Вместо мягкой кошачьей лапки вы показываете свою грозно занесенную карающую десницу. Не разыгрывайте эту карту слишком часто: страх может превратиться в ненависть и неприятие. Вы и оглянуться не успеете, как эти чувства породят мощную оппозицию, которая рано или поздно сбросит вас с трона. Лучше пользоваться кошачьей лапкой — это намного безопаснее.

Закон 27. Играй на нуждах людей, создавая армию фанатичных приверженцев

Формулировка закона

Люди испытывают сильнейшее желание во что-нибудь верить. Станьте объектом такого желания, дав им основание, новую веру, которой они смогут следовать. Пусть ваши речи будут неясными, но обещающими, энтузиазм ставьте выше разума и ясности мышления. Дайте вновь приобретенным последователям ритуалы, которые они смогут исполнять, призывайте их к жертвоприношениям от вашего имени. В отсутствие организованной религии и великих примеров для подражания ваша новая система верований принесет вам неограниченную власть.

Наука шарлатанства, или Как создать культ за пять простых шагов

В поисках методов (они вам понадобятся!), приносящих максимум власти при наименьшем усилии, вы обнаружите, что один из наиболее эффективных способов — вызвать поклонение себе как объекту культа. Если вам удается увлечь за собой массы, перед вами открываются всевозможные пути для обмана. Приверженцы будут боготворить вас; больше того, они защитят вас от врагов и добровольно возьмут на себя труд по вовлечению окружающих в ваш еще только зарождающийся культ. Этот тип власти возвысит вас, и вы попадете в другой мир — больше вам не придется прибегать к хитрости или насилию, чтобы навязать свою волю. Вас обожают, и отныне вы непогрешимы.

Вам может показаться, что эта задача невыполнима, грандиозна, но на самом деле ничего трудного нет. Все мы люди, и нам совершенно необходимо верить во что-то, да во что угодно. Это делает нас невероятно легковерными: мы просто не можем тратить долгое время на сомнения, на опустошенность, когда верить не во что. Поманите нас чем-то новеньким, будь то эликсир, схема быстрого обогащения, технологическая новинка или направление в искусстве, — и мы прямо-таки выскакиваем из воды, чтобы схватить наживку. Обратимся к истории: описания новых течений, культов, сект, увлекающих за

собой массы, могут составить целую библиотеку. Спустя несколько веков, несколько десятилетий, несколько лет, несколько месяцев они, как правило, начинают казаться нелепыми, но пока их время не прошло, они выглядят такими притягательными, таинственными, божественными.

Всегда спеша поверить во что-нибудь, мы создаем святых и пророков из ничего. Не давайте же этому легковерию пропасть втуне: сделайтесь сами объектом поклонения. Пусть люди соорудят культ вокруг вас.

Великие европейские шарлатаны XVI и XVII столетий были мастерами в создании культов. Они жили, как и мы, во времена преобразований: организованная религия была в упадке, наука — на подъеме. Люди отчаянно метались в поисках нового идеала или новой веры. Шарлатаны начинали с продажи эликсиров здоровья и алхимических средств, помогающих разбогатеть. Быстро перемещаясь из города в город, они поначалу предпочитали работать с маленькими группами, пока случайно не постигли простую истину, коренившуюся в природе человека: чем больше толпа, которую они собирают вокруг себя, тем легче обманывать.

Сам шарлатан располагался на высоком деревянном помосте, и вокруг него немедленно собиралась толпа. В толпе люди становятся более эмоциональными, утрачивая способность рассуждать. Если бы шарлатан говорил с каждым из них наедине, они, вероятно, сочли бы его смешным, нелепым, но, затерянные в гуще себе подобных, они поддавались общему настроению, с жадностью внимая каждому слову. Им не удавалось отстраниться, дистанцироваться настолько, чтобы отнестись к происходящему скептически. Все слабые места в речах шарлатана покрывало рвение толпы. Страсть и энтузиазм бушевали словно пожар, обрушиваясь насилием против всякого, кто пытался заронить сомнение. Но, хладнокровно наблюдая за происходящим в течение десятилетий, экспериментируя и по вдохновению приспосабливаясь к этим ситуациям по мере их возникновения, шарлатаны довели до совершенства науку привлечения и завоевания толпы, овладели умением превращать толпу в армию своих последователей, а последователей — в секту, организацию, культ.

Ухищрения шарлатанов могут сейчас показаться архаичными, но и сегодня среди нас тысячи шарлатанов, они используют те же приемы,

проверенные временем, отточенные их предшественниками много веков назад. Они лишь меняют названия эликсиров и модернизируют внешний облик своих культов. Мы обнаруживаем этих шарлатанов современности во всех областях жизни — бизнесе, моде, политике, искусстве. Многие из них, вероятно, следуют шарлатанским традициям, представления не имея об их истории, но вы можете действовать более систематично и осознанно. Просто сделайте пять первых простых шагов, которые наши предки-шарлатаны совершенствовали столько лет.

Первый шаг. Будь проще, будь туманнее.

Чтобы создать культ, прежде всего вы должны привлечь внимание. Это следует делать не с помощью поступков — они слишком понятны и легко читаются, а с помощью слов, туманных и обманчивых. Ваши первые выступления, интервью, разговоры должны включать два элемента: с одной стороны, обещать что-то великое, какой-либо переворот, а с другой — быть совершенно неуловимо неконкретными. Это сочетание подстегнет мечтания ваших слушателей, которые сами начнут проводить параллели, додумывать, видеть то, что им хочется увидеть.

Чтобы придать вашей расплывчатости привлекательность, используйте слова, вызывающие ответный порыв, но в то же время неясные; слова, полные огня и энтузиазма. Очень помогают пышные названия для простых вещей и создание новых терминов для расплывчатых идей. Все это создает впечатление глубоких знаний, придает вам видимость глубины. Кроме того, постарайтесь употреблять новейшую терминологию, так чтобы лишь немногие понимали вас. Если все правильно выполнить, сочетание неясных обещаний, туманных, но соблазнительных идей и яростного энтузиазма взбудоражит людские души, и группа вокруг вас будет расти.

Если говорить слишком расплывчато, вам не поверят. Но еще опаснее быть слишком конкретным. Если вы объясните в деталях выгоду, которую получат люди, следуя за вами, то от вас будут ждать выполнения обещаний.

Разумеется, при всей расплывчатости ваши лозунги должны быть еще и просты. Проблемы большинства людей объясняются сложными

причинами: это глубокие, связанные с социальными факторами неврозы, корни которых, уходящие в далекое прошлое, невероятно трудно раскопать. Однако мало кто обладает терпением для того, чтобы разбираться с этим, большинство жаждет услышать о простых способах избавления от всех проблем. Если вы сумеете предложить им такой способ, то станете обладателем огромной власти и повелителем толпы приверженцев. Вместо сложного анализа реальной жизни и его громоздких объяснений вернитесь к примитивным рецептам наших предков, старым добрым снадобьям, загадочным панацеям.

Второй шаг. Придавай особое значение всему внешнему и эмоциям в противовес интеллекту.

Когда люди начнут группироваться вокруг вас, откуда ни возьмись появятся две опасности: скука и скептицизм. Скука гонит людей в другие места. Скептицизм позволяет им рационально обдумывать все, с чем вы выступаете перед ними, он развеет туман, так искусно нагнанный вами, показывая, чего на самом деле стоят ваши идеи. Поэтому вам необходимо развлечь скучающих и обезвредить циников.

Лучший способ сделать это — прибегнуть к помощи театра или чего-то подобного. Окружите себя роскошью, ослепите своих приверженцев внешним блеском, пустите им пыль в глаза, устройте спектакль. Это не только замаскирует нелепость ваших идей, прикроет нестыковки в системе верований, но и привлечет больше внимания и поклонников. Взывайте ко всем чувствам: пустите в ход благовония для их обоняния, расслабляющую музыку для слуха, красочные графики и диаграммы для зрения. Вы даже можете пощекотать их умы, например применяя новинки технологии, чтобы придать своему культу псевдонаучный вид, при этом не следует позволять ни одному из них по-настоящему думать. Используйте экзотику — далекие культуры, странные обряды — для создания театральных эффектов и для того, чтобы самые банальные и ординарные вещи выглядели как знаки чего-то из ряда вон выходящего.

Третий шаг. Придай своей группе структуру религиозной организации.

Количество ваших приверженцев растет, время организовать их. Организованные религии обладают проверенным и несомненным

авторитетом в глазах огромного количества людей, сохраняя его и в наш, якобы подверженный обмирщению, век. И даже если допустить, что религия сама по себе побледнела и выцвела, ее внешние формы по-прежнему имеют власть над сердцами. Возвышенные, святые ассоциации с религией можно эксплуатировать до бесконечности. Создавайте ритуалы для своих сторонников, организуйте их в иерархические структуры, выстраивая по степени приверженности, присваивайте им имена и титулы, которые перекликаются с религиозными образами, просите их о жертвах, которые будут заполнять ваши сундуки и усиливать вашу власть. Чтобы усилить псевдорелигиозную окраску вашего собрания, выступайте и действуйте как пророк. Вы не диктатор, в конце-то концов. Вы — жрец, гуру, мудрец, шаман... найдите любое другое слово, скрывающее вашу истинную власть за туманной дымкой религии.

Четвертый шаг. Ваш источник дохода.

Ваша группа выросла, вы выстроили на ее основе что-то вроде церкви. Сундуки ваши начинают наполняться деньгами приверженцев. Вы ни в коем случае не должны проявлять интереса к деньгам и к власти, которую они дают. До поры до времени следует скрывать и источник ваших доходов.

Ваши последователи хотят верить, что если пойдут за вами, то всевозможные замечательные вещи начнут падать прямо им в руки. Окружая себя роскошью, вы являете собой живое доказательство правдивости своей системы. Не давайте докопаться до истинного происхождения вашего богатства, то есть карманов ваших приверженцев.

Пусть верят, что оно пришло к вам в результате истинности ваших идей и методов. Последователи будут повторять каждое ваше телодвижение в надежде, что это принесет и им те же плоды, и их энтузиазм подражания ослепит их, не давая увидеть шарлатанскую природу вашего благосостояния.

Шарлатану было на руку, когда легковерных людей становилось все больше, так что группы его приверженцев росли с огромной скоростью, обеспечивая ему неимоверный успех, даже триумф. И это на самом деле происходило, по мере популяризации науки, начиная

с Возрождения и в последующие века. По мере быстрого накопления знаний и их распространения, особенно после изобретения книгопечатания, масса полуграмотной, доверчивой и легковерной добычи тоже возрастала, превращаясь в настоящее большинство; на их желания, мнения, предпочтения и предрассудки могла опираться настоящая власть.

Империя шарлатана продолжала шириться по мере распространения знаний; поскольку он опирался на достижения науки (впрочем, как правило, искажая и извращая их — получая золото методами, заимствованными у химии, а свои чудодейственные бальзамы готовя с помощью медицинских аппаратов), ему бы не удалось заинтересовать полных профанов. Неграмотных людей защищал от его абсурдных искушений их врожденный здравый смысл. Его излюбленной аудиторией были полуграмотные, те, кто променял здравый смысл на крупицы искаженной информации и нахватался кое-каких знаний, но обрывочных и в недостаточном количестве. <...>

Огромное большинство людей во все времена тянулось к невероятному и таинственному, а в определенные исторические периоды эта тяга особенно обострялась — когда сотрясались основы спокойного бытия и сама жизнь сходила с привычной колеи, а ценности, экономические или духовные, казалось, теряли свою значимость. В такие времена количество шарлатанов резко возрастало.

«Власть шарлатана», Грете де Франческо

Пятый шаг. Подготовьте операцию «Кто не с нами, тот против нас».

Группа ваша еще разрослась и теперь процветает, это магнит, притягивающий все новые и новые частички. Если вы не будете начеку, может сработать инерция, так что время и скука размагнитят группу. Чтобы держать людей в тонусе, вы сейчас должны проделать то, что известно всем религиям и идеологиям: создать движение «кто-не-с-нами-тот-против-нас».

Первым делом убедите ваших последователей в том, что они являются частью привилегированного клуба и их объединяют узы общих целей. Теперь, чтобы укрепить эти узы, объявите о появлении коварного врага, желающего вас уничтожить. Это — все те, кто не верит вашим идеям, они готовы на все, чтобы остановить вас!

Любого, кто не принадлежит к вашей группе, кто пытается разоблачить вас, теперь можно причислять к армии врага.

Если у вас нет врагов, изобретите их. Поставьте соломенное чучело, и ваши приверженцы будут сплачивать свои ряды в борьбе с ним. Они обрели идеалы, в которые верят, и неверных, которых уничтожают.

Соблюдение закона (1)

В 1653 году двадцатисемилетний миланец Франческо Джузеппе Борри объявил, что его посетило видение. Он ходил по городу, рассказывая каждому встречному, что ему явился архангел Михаил и объявил, что Франческо избран capitano generale армии нового папы, армии, которая покорит мир и принесет ему возрождение.

Архангел возвестил далее, что Борри даруется власть читать в сердцах людей и что скоро ему предстоит найти философский камень — вещество, с помощью которого простые металлы можно превращать в золото. На друзей и знакомых, слышавших, как Борри рассказывает о видении, это производило глубокое впечатление, так как Борри до того вел жизнь разгульную, с вином, женщинами и игрой в карты. Теперь же он отказался от всего этого, погрузился в изучение алхимии, говорил лишь о мистицизме и оккультных науках.

Преображение было таким внезапным и удивительным, а Борри, казалось, был так убежден в том, что рассказывал, что вокруг него стали собираться люди. К сожалению, итальянская инквизиция тоже приметила его — все, кто занимался оккультизмом, подвергались преследованию, — поэтому, покинув Италию, он отправился странствовать по всей Европе, от Австрии до Голландии, убеждая всех, кого встретит, что «последовавшим за ним будет дарована великая радость».

Повсюду Борри собирал толпы приверженцев. Его метод был прост: рассказ о видениях, которые становились все более изощренными и изобиловали все новыми деталями, и предложение «заглянуть в душу» каждому, кто ему верит (а таких было немало). Изображая погружение в состояние транса, он долго пристально смотрел на вновь «обращенного», затем объявлял, что видел душу этого человека, видел просветление и возможность для духовного роста. Если же ему казалось, что можно что-то выжать, он мог

удостоить человека поистине высокой чести, включив его в список (быстрорастущий) своих прозелитов (приверженцев, сторонников).

В организации было шесть ступеней, и прозелиты попадали на одну из них в зависимости от того, что прочитал Борри в их душах. Усердно работая и полностью посвятив себя культу, они получали возможность подняться на более высокую ступень. Борри — которого они называли «Его Превосходительство» и «Всеобщий доктор» — требовал от них строжайшего соблюдения обета бедности. Все деньги и имущество, которым они владели, следовало передать ему. Но они не возражали, так как Борри говорил им: «Скоро я завершу алхимические опыты и добуду философский камень, а это означает, что у всех нас будет столько золота, сколько мы пожелаем».

Богатея, Борри стал менять свой образ жизни. Он снимал превосходные апартаменты, лучшие в городе, куда приезжал на время, обставлял их сказочно красивой и дорогой мебелью. Он начал коллекционировать мебель. Борри разъезжал по улицам в карете, украшенной драгоценными камнями, с шестью великолепными воронымиконями в упряжке. Никогда не задерживаясь слишком подолгу в одном месте, он исчезал со словами, что идет к новым заблудшим душам, чтобы и их включить в свое стадо. Его авторитет только укреплялся в его отсутствие. Он стал знаменитым, хотя, по сути, ни разу не сделал ничего конкретного.

Со всей Европы к Борри стекались слепые, калеки и безнадежные больные, так как пронесся слух о его таланте целителя. Он не требовал платы за помощь, что казалось еще более изумительным, и на самом деле объявлял о случаях чудесного исцеления, происшедших в том или ином городе. Было достаточно лишь намека на совершаемые им чудеса — воображение людей разыгрывалось просто невероятно. Его богатство, например, источником которого на самом деле были щедрые даяния постоянно растущей группы богатых прозелитов, приписывалось его успешным опытам по получению философского камня. Церковь продолжала преследовать Борри, обвиняя его в ереси и колдовстве. Он отвечал на обвинения величественным молчанием. Это только укрепляло его репутацию и возбуждало еще более страстное поклонение. Только великие, по большому счету, подвергались гонениям: многие ли понимали Христа в его времена?

Борри и рта не раскрыл — его приверженцы присвоили ему новый титул — папы-Антихриста.

Так власть Борри росла и росла до тех пор, пока однажды он не уехал из Амстердама (где поселился на время) и не скрылся с огромной суммой денег, взятых в долг, и бриллиантов, оставленных ему на хранение. (Борри заявил, что обладает еще и мистическим талантом устранять с драгоценных камней дефекты.) Теперь он был в бегах. Инквизиции, после двадцати лет неудач, удалось схватить его, и он был заключен в тюрьму в Риме. Но так велика была вера в его оккультную власть, что до самого дня смерти его навещали в тюрьме богатые сторонники, включая даже королеву Швеции Кристину. Снабжая его деньгами и всем необходимым, посетители давали ему возможность до последнего дня продолжать опыты по добыванию философского камня.

Толкование

Борри наткнулся, чуть ли не случайно, на очень важное открытие. Устав от разгульной жизни, он решил отказаться от нее и посвятить себя оккультизму, который действительно занимал его. Он, однако, не мог не заметить, что упоминание о мистическом опыте (а не о физическом изнеможении) как о причине происшедших в нем перемен интересовало людей самых разных общественных слоев — всем хотелось узнать об этом побольше. Осознав, какую власть может он получить, если припишет изменения чему-то загадочному и необычному, он придумал видения. Чем более величественным было видение и чем более серьезных жертв он требовал, тем более достоверной и привлекательной казалась его история.

Помните: людям не нужна правда о причинах происходящих в вас перемен. Не хотят они слышать, что вы устали от тяжкого труда или о чем-то банальном, вроде истощения, скуки или депрессии. Им подавай что-нибудь романтическое, из ряда вон выходящее — вот в это они поверят с превеликой охотой. Они хотят слышать об ангелах и экспериментах с выходом из телесной оболочки. Будьте снисходительны и доставьте им это удовольствие. Намекните на мистический источник неких изменений, которым подверглась ваша личность, подпустите эфирного и бесплотного, и вас окружит толпа поклонников. Приспосабливайтесь к потребностям людей: пророк

должен отражать чаяния своих приверженцев. И всегда стремитесь ввысь. Чем масштабнее и бесстыднее ваши иллюзии, тем лучше.

Люди так простодушны и так рабски зависят от своих повседневных потребностей, что лживый человек всегда найдет множество таких, кто с готовностью поддастся обману.

Никколо Макиавелли

Соблюдение закона (2)

В середине первого десятилетия XVIII века в высшем европейском обществе распространился слух о швейцарском деревенском враче Михаэле Шюппахе, который лечил с помощью необычных лекарств: он использовал целительную силу природы и добивался сказочных успехов. Вскоре состоятельные люди со всей Европы, страдающие тяжкими недугами или небольшими недомоганиями, проложили тропу к альпийской деревушке Лангнау, где жил и работал Шюппах. Проделывая утомительный путь в горах, его будущие пациенты любовались видами потрясающей красоты. К моменту, когда они добирались до Лангнау, они, казалось, уже чувствовали себя обновленными, на пути к выздоровлению.

Шюппах, ставший широко известным просто как Горный доктор, держал в городке небольшую аптеку. Это место стало настоящим театром: толпы людей из разных стран осаждали комнатушку, стеллажи по стенам которой были сплошь уставлены бутылями с разноцветными травяными настоями. В то время как ведущие врачи той эпохи прописывали больным отвратительные на вкус, вонючие снадобья с непонятными латинскими названиями (как и многие лекарства сейчас), настои Шюппаха носили красивые названия: «Масло радости», «Сердце цветочка» или «Победитель чудовищ». Они были сладкими и приятными.

Пациентам в Лангнау приходилось набраться терпения, дожидаясь своей очереди к Горному доктору, потому что ежедневно примерно восемьдесят посыльных прибывали в аптеку из разных стран. Они доставляли бутыли с мочой. Шюппах утверждал, что может поставить диагноз, просто взглянув на мочу больного и прочитав описание

симптомов. (Разумеется, он очень внимательно читал это описание, прежде чем выписать лекарство.) Когда наконец доктор освобождался ненадолго (изучение образцов мочи отнимало очень много времени), он приглашал в аптеку одного из пациентов. Там он изучал образчик его мочи, объясняя, что ему достаточно посмотреть на эту жидкость, чтобы узнать все, что ему нужно. У сельских жителей есть чутье на такие вещи, говорил он, они мудры, так как живут простой, благочестивой жизнью, не испорченной сложностями житья в городе. Во время индивидуальной консультации врач и больной обязательно обсуждали, какими способами можно привести свою душу в состояние гармонии с природой.

Шюппах предлагал различные формы лечения, но каждая в корне отличалась от традиционной медицинской практики, принятой в те времена. Он, например, верил, говоря современным языком, в электрошоковую терапию. Тем, кто недоумевал, какое отношение это имеет к его идее целительных сил природы, объяснял, что электричество — природное явление, а он лишь имитирует естественную мощь молнии. Один из больных считал, что он одержим семью бесами. Доктор лечил его электрическим шоком, во время лечения восклицал, что видит, как бесы один за другим вылетают из тела больного.

Другой человек утверждал, что проглотил воз сена вместе с возницей и это причиняло ему ужасные боли в груди. Горный доктор терпеливо выслушал его, сказал, что ему слышен скрип колес из живота больного. Он пообещал вылечить страдальца и прописал ему успокаивающее и слабительное. Несчастный уснул на стуле рядом с аптекой. Когда он проснулся, его вырвало, а в это время позади него появился воз сена с возницей (нанятый Горным доктором для такого случая), скрипя колесами, так что ему оставалось поверить, что он и впрямь изрыгнул его благодаря помощи доктора.

Слава Горного доктора росла. Он пользовал знаменитостей — даже великий Гёте побывал в его деревеньке — и стал центром культа природы, где все натуральное и естественное считалось достойным поклонения. Шюппах кропотливо работал над воздействиями, которые развлекали и вдохновляли его пациентов. Профессор, посетивший его однажды, писал: «Кто-то сидит или стоит в обществе других, кто-то играет в карты, возможно, с молодой женщиной; вот дают концерт,

вот — обед или ужин, а вот представляют небольшой балет. Свобода естества повсюду сочетается с удовольствиями высшего света, и с весьма удачными результатами. Так что если доктору не под силу вылечить какой-то недуг, он, по крайней мере, излечит ипохондрию и меланхолию».

Храм здоровья

В конце 1780-х годов шотландский врач-шарлатан Джеймс Грэхем, живший в Лондоне, приобрел изрядное состояние и огромное количество поклонников. Антураж, которым окружал себя Грэхем, заставлял поверить в использование им последних достижений науки и техники.

В 1782 году он посетил Филадельфию, где познакомился с Бенджамином Франклином и заинтересовался новейшими научными опытами в области электричества. Эти эксперименты вдохновили его на создание аппарата в Храме Здоровья — удивительном заведении, которое он открыл в Лондоне для продажи своих эликсиров. В основном помещении, где он принимал пациентов, стоял «самый большой в мире воздушный насос», помогающий Грэхему в его «философических исследованиях» болезней, а также «непревзойденный металлический проводник», богато украшенный постамент, окруженный ретортами и сосудами с «эфирной и другими субстанциями».

Дж. Эннемозер опубликовал в 1844 году в Лейпциге книгу, посвященную истории магии. Вот как он описывает Храм Здоровья: «В доме этом... соединялись польза и удовольствие. Все было отмечено величием. Даже на первый взгляд, согласно суждению очевидца, казалось, что здесь представлены все произведения искусства, все изобретения и все богатства мира. Со стен комнат струился искусственный свет электрических светильников в форме арок; сияли мощные лучи звезд; разноцветные витражи были размещены повсюду с умом и большим вкусом. Всё это, уверяет нас тот же свидетель, очаровывало и до крайней степени возбуждало воображение».

Посетителям вручали листы бумаги с отпечатанными на них правилами здорового образа жизни. В Больших Покоях Аполлона они могли принять участие в таинственных ритуалах, которые

сопровождались пением гимнов: «Привет тебе, о Живительный Дух эфира! Магия Магнетизма, привет тебе!» И в то время как они приветствовали магию магнетизма, свет в окнах мерк, на потолке появлялись сверкающие электрические звезды, становилась видна юная прелестная «Цветущая Богиня Здоровья», стоящая в нише. <...>

Каждый вечер Храм Здоровья заполнялся посетителями; стало модным наведываться туда и испробовать необъятное четырехметровое ложе — «Великое Ложе Небес», о котором говорилось, что возлежание на нем излечивает от любого недуга. ...Ложе это, согласно Эннемозеру, «стояло в великолепных покоях, соединенных с примыкающей комнатой цилиндром, проводящим целительные токи... одновременно по стеклянным трубкам подавались приятные ароматы укрепляющих травяных настоев и восточных благовоний. Само неземное ложе покоилось на шести колоннах из твердого прозрачного вещества; покрывала из пурпурного и небесно-голубого атласного шелка были раскинуты поверх матраса, пропитанного арабскими духами по обычаю персидской знати. Покои, в которых располагалось ложе, именовались Святая Святых. ...

Остается добавить, что откуда-то доносились мелодичные звуки флейты и гармоник, приятное пение и мощные аккорды органа».

«Власть шарлатана», Грете де Франческо

Толкование

Шюппах начал свою карьеру как заурядный сельский врач. Иногда он использовал в своей практике деревенские снадобья, на которых сам вырос, и в конце концов стал замечать кое-какие сдвиги к лучшему, так что вскоре настои трав и естественные формы лечения стали его коньком. На самом деле его лечение силами природы оказывало глубокое психологическое воздействие на пациентов. В то время как типичные средства современной ему медицины приносили боль и страх, лечение Шюппаха было успокаивающим и приятным. Улучшение настроения больного в результате этого было важнейшим элементом системы лечения. Его пациенты так глубоко верили в талант и знания своего врача, что начинали верить и в свое выздоровление и страстно к нему стремиться. Шюппах не высмеивал их нелепые иррациональные объяснения своих страданий. Вместо

этого он использовал их ипохондрию таким образом, что казалось, будто он лечит их чудесным образом.

Случай Горного доктора учит нас нескольким вещам, важным для того, чтобы обзавестись поклонниками и почитателями. Во-первых, вы должны найти способ завладеть волей людей, заставить их поверить в ваше могущество достаточно сильно, чтобы вообразить себе всевозможные блага. Их вера будет самодостаточной, но нужна уверенность, что именно вас, а не собственную волю, они считают причиной своего преображения. Пусть это будет идея, общее дело или фантазия, но пусть она заставит их страстно поверить, и их воображение довершит начатое, так что вам будут поклоняться — как целителю, пророку, гению (на ваш вкус).

Во-вторых, Шюппах учит нас вечной власти веры в природу и простоту. Природа в действительности полна враждебных, вселяющих страх вещей, таких как ядовитые растения, хищные звери, внезапные катаклизмы, бедствия. Вера в целительные, успокаивающие качества природы на самом деле — искусно придуманный миф для романтиков. Но притягательность природы может дать вам огромную власть, особенно в трудные времена, полные стрессов и напряжения.

Важно, однако, правильно распорядиться этой притягательной силой. Устройте театр природы, в котором вы, подобно режиссеру, отбираете черты, соответствующие и отвечающие романтизму вашей эпохи. Горный доктор играл свою роль безукоризненно, обыгрывая свою доморощенную мудрость и деревенский ум, придавая излечениям вид драматических эпизодов. Он на самом деле не отождествлял себя с природой. Вместо этого он сотворил из природы культ, то есть искусственную конструкцию. Чтобы добиться впечатления естественности, вам придется изрядно потрудиться, придать природе театральность, сделать ее упоительно языческой. В противном случае никто и внимания не обратит. Природа также должна следовать моде и идти в ногу со временем.

Соблюдение закона (3)

В 1778 году в возрасте пятидесяти пяти лет врач и ученый Франц Месмер был на перепутье. Он являлся пионером в изучении животного магнетизма — течения в науке, утверждающего, что в организме животного содержится некое магнетическое вещество и что врач или

специалист может добиться фантастических результатов лечения, работая с этой субстанцией. Однако в Вене, где он жил, его теории были скептически, с насмешками встречены медицинской элитой.

Месмер заявлял, что получил отличные результаты, излечивая женщин от конвульсий, а его главным достижением, предметом особой гордости было возвращение зрения слепой девушке. Но другой врач, осмотревший девушку, заявил, что она слепа, как и была, и сама пациентка подтвердила это заключение. Месмер парировал, что к этому приложили руку его враги, переманив пациентку на свою сторону, чтобы избавиться от конкурента. Это заявление лишь вызвало новые насмешки. Становилось очевидно, что трезвомыслящие венцы — неподходящая аудитория для его теорий. Месмер принял решение отправиться в Париж и начать все сначала.

Сняв на новом месте шикарные апартаменты, Месмер декорировал жилье соответствующим образом. Вставленные в оконные рамы витражи будили религиозные чувства, зеркальные стены создавали гипнотический эффект. Врач объявил, что в его доме будут проводиться демонстрации сил животного магнетизма, приглашая страдающих меланхолией и больных испытать эти силы на себе. Скоро парижане, принадлежавшие к разным классам общества (но преимущественно женщины, которых идея увлекла больше, чем мужчин), платили за вход, желая стать свидетелями обещанных чудес.

Вошедших окутывали запахи цветков апельсина и другие экзотические ароматы, подававшиеся в комнаты через специальные вентиляционные отверстия. В салоне, где должна была состояться демонстрация, посвященных встречали звуки арфы, из соседней комнаты доносилось убаюкивающее женское пение.

Посередине салона находился длинный овальный контейнер, наполненный водой, о которой Месмер сообщал, что она намагничена. К отверстиям в металлической крышке контейнера были подведены длинные подвижные железные трубки. Посетителей просили занять места вокруг контейнера и приложить намагниченные трубки к больным местам, а затем взяться за руки со своими соседями. Садиться просили как можно ближе друг к другу, чтобы способствовать прохождению магнетической силы через их тела. В некоторых случаях пациентов даже привязывали друг к другу веревками.

Месмер выходил из комнаты, и с кувшинами намагниченной воды входили «ассистенты-магнетизеры» — все как на подбор красивые и сильные молодые мужчины. Они брызгали водой на участников сеанса, массировали их тела, втирали целительную влагу в кожу, вводя их в состояние, близкое к трансу. Через несколько минут женщин охватывало возбуждение. Одни рыдали, другие тряслись, дергая себя за волосы, третьи истерически хохотали. В разгар возбуждения в салон снова входил Месмер в ниспадающем шелковом одеянии, расшитом золотыми цветами; он нес белую магнетическую трубку. Двигаясь вокруг контейнера, он поглаживал и успокаивал пациенток, пока не устанавливалась тишина. Многие женщины впоследствии приписывали странную власть, которую он имел над ними, его пристальному взгляду, который, по их мнению, возбуждал или гасил магнетические флюиды в их телах.

Через несколько месяцев после прибытия в Париж Месмер вошел в моду. Его поддерживала сама королева Франции Мария-Антуанетта, супруга Людовика XVI. В Вене он не был признан официальными представителями медицинской науки, но здесь это не имело значения. Количество его учеников и последователей росло, все они платили учителю немалые суммы.

Месмер расширил свою теорию. Он заявлял, что благодаря силам магнетизма можно достичь гармонии всего человечества (эти идеи особенно привлекали людей в период Французской революции). Культ месмеризма захватывал страну, во многих городах возникали «Общества гармонии», где занимались опытами с магнетизмом. Эти кружки впоследствии пользовались печальной известностью: их, как правило, возглавляли вольнодумцы, люди распущенные, так что встречи чаще всего перерастали в групповые оргии.

На вершине популярности Месмера во Франции был опубликован доклад комиссии по результатам проверки теории животного магнетизма. Исследования проводились в течение нескольких лет. Вывод: воздействие магнетизма на организм на самом деле объясняется массовой истерией и самовнушением. Доклад был хорошо документирован и разрушил репутацию Месмера во Франции. Он покинул страну и удалился от дел. Но спустя несколько лет по всей Европе стали появляться подражатели, и культ месмеризма

распространился снова, а его последователи были еще более многочисленными.

Власть лжи

В городе Тернополе жил человек по имени реб Фейвел. Однажды, сидя дома и погрузившись в изучение Талмуда, он услышал на улице громкий шум. Подойдя к окну, он увидел ораву озорных мальчишек. «Не иначе как собираются опять набедокурить», — подумал реб Фейвел.

«Дети, скорее бегите к синагоге, — крикнул он, высунувшись, первое, что пришло ему на ум. — Увидите там морское чудовище, да еще какое! У него пять ног, три глаза, а борода, как у козла, только зеленая!»

Разумеется, ребятишек как ветром сдуло, а реб Фейвел вернулся к своему занятию. Он улыбался в бороду, вспоминая, как провел маленьких шельмецов.

Прошло не так уж много времени, а его ученые занятия снова были прерваны, на сей раз топотом бегущих ног. Подойдя к окну, он увидел толпу бегущих евреев. «Куда вы бежите?» — крикнул он. «К синагоге! — отвечали евреи. — Или ты не слышал? Там привезли морское чудище, с пятью ногами, тремя глазами и бородой, как у козла, только зеленой!»

Реб Фейвел посмеялся, думая, какую шутку он сыграл, и сел за свой Талмуд.Но только он сосредоточился на Писании, как вдруг услышал за окном крики и гул. И что же он увидел?

Огромную толпу мужчин, женщин и ребятишек, бегущую в сторону синагоги. «Что случилось?» — крикнул он, высунув голову в окно. «Как, вы не знаете? Что за вопрос! — отвечали ему. — Там, прямо перед синагогой, морское чудище! У него пять ног, три глаза и борода, как у козла, только зеленая!» И толпа пронеслась мимо. Реб Фейвел вдруг заметил, что среди бегущих был сам раввин. «Господи всемогущий! — воскликнул он. — Если сам раввин бежит среди них, там, должно быть, и впрямь что-то случилось. Дыма без огня не бывает!»

Недолго думая, реб Фейвел схватил шляпу, выскочил из дома и тоже пустился бежать. «Кто его знает?» — задыхаясь, бормотал он про себя, со всех ног несясь в сторону синагоги.

Натан Озюбель. «Сокровища еврейского фольклора»

Толкование

Деятельность Месмера можно подразделить на два этапа. Находясь в Вене, он еще сам верил в истинность своей теории и делал что мог, чтобы доказать свою правоту. Но его растущее разочарование и неприятие теории его коллегами заставили его выработать иную стратегию. Он переехал в Париж, где его никто не знал, и его экстравагантные идеи упали на благодатную почву. Он использовал национальную слабость французов к театру и зрелищам, превратив свое жилище в некое подобие магического мира, где воздействию подвергались все органы чувств — на обоняние, зрение, слух клиентов обрушивались потоки ощущений. Немаловажно то, что опыты с магнетизмом проводились только на групповых сеансах. Группа обеспечивала атмосферу, в которой магнетизм мог проявиться должным образом: один легковерный заражал другого, сокрушая своим эмоциональным настроем скептиков.

Месмер, таким образом, из убежденного защитника магнетизма превратился в шарлатана, использующего любые трюки и уловки, чтобы увлечь и захватить публику. Самым ловким трюком оказалась игра на подавленной сексуальности, кипящей внутри собиравшихся групп. В группе ищет выхода наружу сильнейшая тяга к общению, тяга более древняя, чем сама цивилизация. Это стремление можно объяснить социальной природой человека, но помимо этого важную роль в нем играет сексуальность, управлять и манипулировать которой шарлатаны умеют в совершенстве.

Вот чему учит нас случай Месмера: наша склонность к сомнениям, отстранение, дистанция, позволяющая нам рассуждать здраво, — все это куда-то исчезает, когда мы объединяемся в группы. Тепло и заразительность настроения группы побивает скептицизм индивидуума. Это и есть та сила, которая поможет вам создать культ, та власть, которой вы добьетесь в результате. Кроме того, играя на подавленной сексуальности людей, вы заставляете их ошибочно принимать свою экзальтацию за результат воздействия вашей мистической силы. Вы достигнете несказанной власти, работая с нереализованными устремлениями людей.

Помните также, что в самых успешных культах перед нами предстает смесь религии и науки. Возьмите самые новые технологические тенденции, прибавьте благородные идеалы, мистическую веру, новые способы исцеления. Варианты толкования вашего гибридного культа начнут расти как грибы, они сами стянут к вам такую власть, на которую вы и не осмелились бы посягнуть без этого.

Образ: магнит.

Невидимая сила притягивает к нему предметы, которые и сами служат магнитиками, притягивая частички к себе, заставляя расти и увеличиваться намагниченную систему. Но уберите основной магнит — все развалится. Станьте магнитом, невидимой силой, которая притягивает воображение людей и сплачивает их. Стоит им собраться вокруг вас, их уже не оторвешь никакой силой.

Авторитетное мнение

«Шарлатан достигает великой власти, просто открывая для людей возможность верить в то, во что им уже хотелось поверить...

Легковерные не в силах удержаться на безопасном расстоянии; они толпятся вокруг чудотворца, подпадая под воздействие ауры его личности, попадая в плен иллюзий, идут за ним с тяжеловесной серьезностью, словно стадо».

Грете де Франческо

Оборотная сторона

Один из резонов собирать группу приверженцев тот, что группу часто легче обманывать, нежели одиночку, и она оборачивается гораздо большей властью для вас. Однако в этом есть и опасность: если вдруг группа вас раскусит, вы окажетесь перед лицом разъяренной толпы, которая может разорвать вас на куски так же жадно, как только что внимала вам. Шарлатаны всегда помнили об этой опасности и находились в постоянной готовности покинуть город, как только становилось ясно, что их эликсир не приносит облегчения от страданий или что их идеи фальшивы. Промедление для них означало расплату собственной жизнью. Играя с толпой, вы играете

с огнем и должны, не спуская глаз, ловить первые искорки недоверия, высматривать любых врагов, которые могут настроить толпу против вас. Манипулируя чувствами, эмоциями толпы, вы должны научиться адаптироваться, мгновенно подстраиваться под все настроения и желания сформированной вами группы. Используйте осведомителей, будьте в курсе всех событий и держите наготове упакованные чемоданы.

По этой причине вы, может быть, предпочтете иметь дело с одиночками. Изолируя их от их естественного окружения, вы можете добиться того же эффекта, что и собирая в группы, — в обоих случаях они легче поддаются внушению и запугиванию. Выберите подходящего простака, и, если он даже раскусит вас, вам будет легче улизнуть от него, чем от толпы.

Закон 28. Приступай к делу без колебаний

Формулировка закона

Если вы не уверены в том, как пойдет дело, не начинайте его. Ваши сомнения и колебания повредят исполнению. Смущение опасно: лучше начинать поувереннее. Любые ошибки, допущенные вами из-за самоуверенности, легко исправить с помощью еще большей самоуверенности. Смелость берет города, скромность не в чести.

Уверенность и нерешительность

Краткое психологическое сравнительное исследование

Решительность и колебания имеют целью получить совершенно разные психологические реакции: колебания ставят препятствия на вашем пути, решительность их уничтожает. Поняв это, вы придете к выводу, что необходимо преодолеть природную застенчивость и начать упражняться в важном искусстве напора и смелости. Наличие последователей относится к наиболее ярким психологическим следствиям как уверенности, так и нерешительности.

Два витязя и талисман

Дорога к славе не усеяна цветами;
Пример нам — Геркулес с его трудами.
Герой соперника себе навряд ли знал
(В истории таких я больше не встречал),
Однакож был один, который не смутился,
Когда таинственную надпись прочитал;
Поверив ей, за счастьем устремился
В страну чудес — и счастье отыскал.
Он путешествовал с товарищем вдвоем.
Вдруг видят: столб стоит; написано на нем:
«Коль хочешь видеть, паладин,
Чего из рыцарей не видел ни один,
То переправься поскорей
Через ручей;
Там слон из камня есть, взвали его на спину,
С ним на гору взберись, без отдыха, зараз,

И положи его на самую вершину...»
Товарищ закричал:
«Пусть, в добрый час,
Кто хочет жизнь губить, пускается в дорогу!
А я хочу пожить еще во славу Богу.
Положим, переплыть ручей
Еще возможно, но на спину
Взвалить слона и с ношей сей
Взойти на самую вершину —
Нет предприятия смешней!
Наверное, пяти-шести шагов
Пройти с ним впору и — свалиться;
Но чтоб дойти до облаков,
Ни разу не остановиться — я не из этих смельчаков!
А впрочем, может быть, слона изображенье —
Миниатюрное для трости украшенье...
Тогда нет подвига.
Я продолжаю путь,
А вы уж со слоном управьтесь как-нибудь».
Лишь только он ушел, другой, отваги полный,
Тотчас же бросился в стремительные волны.
Вот на берег выходит он —
И видит: на земле лежит огромный слон,
Из камня сделанный.
Он взял его на спину
И с ним взбежал на горную вершину.
Там город.
Смело входит он,
Кладет слона, — и заревел вдруг слон.
Лишь только заревел, бежит со всех концов
На витязя народ вооруженный;
Всяк испугался бы и убежал смятенный,
Но витязь был из удальцов
И приготовился к решительному бою,
Меч обнажив пред шумною толпою.
Но, к удивлению его, не биться с ним
Народ бежал, а с радостным приветом,

Провозгласил его властителем своим,
На место короля, расставшегося с светом.
Наш витязь стал ломаться, говоря
О тяжести и трудности правленья,
О робости при званьи короля;
Но все кругом усилили моленья.
Сикст тоже говорит точь-в-точь
Перед избраньем в папы (в чем напасти
Быть папой, королем — придумать мне невмочь).
Склонился витязь наш и принял знаки власти.
А там в короткий срок народ он просветил,
Насколько их король смирен и робок был.
Знай: смелость города берет!
Коль счастие пришло — хватай без рассуждений,
Не допускай ни думы, ни сомнений:
Возврата нет ему, когда оно уйдет.

Жан Лафонтен (пер. А. Зарина)

ЧЕМ БЕСПАРДОННЕЕ ЛОЖЬ, ТЕМ ЛУЧШЕ. У всех нас имеются слабости, а наши усилия всегда несовершенны. Но, действуя с напором, можно добиться магического эффекта — все недостатки будут скрыты. Мошенники знают истину: чем наглее ложь, тем более правдоподобной она кажется. Уверенность, с которой изложена история, придает ей достоверности, отвлекая внимание от ее несостоятельности. Проворачивая аферу или вступая в переговоры, не имеет значения, по какому поводу, идите не просто до конца — идите дальше, чем планировали. Требуйте луну с неба, и вы поразитесь тому, как часто вы будете ее получать.

НЕРЕШИТЕЛЬНУЮ ДОБЫЧУ ОКРУЖАЮТ ЛЬВЫ. Люди шестым чувством замечают слабость других. Если с первой же встречи вы демонстрируете готовность к компромиссу, уступкам и отступлению, вы пробуждаете зверя даже в людях, которым обычно несвойственна кровожадность. Все зависит от восприятия, и если в вас увидят человека, который легко идет на попятный, поддается давлению, занимает оборонительную позицию, вас просто без жалости запинают ногами.

НАПОР ВЫЗЫВАЕТ СТРАХ, СТРАХ СОЗДАЕТ АВТОРИТЕТ. Уверенное поведение придаст вам масштабности, поможет казаться более могущественным, чем вы есть в действительности. В сочетании с внезапностью, скрытностью и со стремительностью змеи такое поведение вызовет куда больший страх. Устрашив своим напором, вы создаете прецедент: в каждом последующем случае окружающие будут готовиться к обороне, в ужасе ожидая вашего удара.

БЫТЬ НЕУВЕРЕННЫМ И НЕ ИДТИ ДО КОНЦА — ЗНАЧИТ РЫТЬ СЕБЕ МОГИЛУ. Если вы начинаете дело, не испытывая полной уверенности, то этим сами создаете препятствия на своем пути. С появлением трудностей вы растеряетесь, начнете метаться, искать решения там, где их нет, и непроизвольно будете создавать сами себе все новые проблемы. Удирая от охотника, перепуганный заяц легче попадает в расставленные силки.

КОЛЕБАНИЕ СОЗДАЕТ БРЕШЬ, СМЕЛОСТЬ ЕЕ УНИЧТОЖАЕТ. Если вы тратите время на раздумья и колебания, вы создаете брешь, которая дает окружающим также время и возможность все обдумать. Ваша нерешительность передает людям отрицательную энергию страха, порождает беспокойство.

Решительность разрушает подобные бреши. Темп, напор и энергичность ваших действий не оставляют окружающим времени на раздумья и сомнения. В обольщении колебание фатально — оно заставляет вашу жертву усомниться в ваших намерениях. Напористые и смелые действия венчают обольщение триумфом: они не оставляют времени для размышлений.

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛЯЕТ ВАС ОТ СТАДА. Смелость придает вам внушительности, масштабности. Скромный сливается с фоном; напористый привлекает внимание, а к тому, кто привлекает внимание, приходит власть. Мы не можем отвести от него глаз, с нетерпением ожидая его следующего решительного поступка.

Соблюдение закона (1)

В мае 1925 года пять французских «королей металлолома» — ведущих магнатов в сфере переработки металла — были приглашены на «официальную», но «строго конфиденциальную» встречу с заместителем генерального директора одного из подразделений Министерства почты и телеграфа в отеле «Крилон», в то время самом

фешенебельном отеле Парижа. Когда бизнесмены прибыли, их встретил лично сам генеральный директор, господин Люстиг, ожидавший их в шикарном номере на последнем этаже.

Бизнесмены не представляли себе, о чем пойдет речь на встрече, и умирали от любопытства. После того как были предложены напитки, директор приступил к объяснениям. «Господа, — сказал он, — речь идет о неотложном деле, которое требует полной секретности. Правительство Франции собирается принять решение о сносе Эйфелевой башни». В гробовом молчании слушали дельцы объяснения директора, что башня, как недавно сообщали в новостях, нуждалась в срочном ремонте. Как известно, башня изначально проектировалась как временное сооружение (к Всемирной выставке 1889 года), расходы на ее содержание растут год от года, а теперь, в период финансового кризиса, правительству предстоит потратить миллионы на ее ремонт. Многим парижанам Эйфелева башня была как бельмо в глазу, так что ее демонтаж пришелся бы им по сердцу. Со временем даже туристы забудут о ней — к тому же она сохранится на фотографиях и открытках. «Господа, — закончил Люстиг, — вас пригласили сюда, чтобы выслушать ваши предложения правительству по этому вопросу».

Он дал бизнесменам бланки с правительственным грифом, заполненные расчетами и цифрами, такими, к примеру, как вес металла башни в тоннах. Глаза их загорелись, когда они подсчитали, какие прибыли можно будет получить при таком количестве металлолома. Затем Люстиг спустился вместе с гостями к ожидавшему их лимузину, и они отправились к Эйфелевой башне. Предъявляя пропуск, он провел их по всем этажам башни, перемежая серьезные пояснения забавными анекдотами. В конце визита он поблагодарил их и обратился с просьбой представить свои предложения не позднее чем через четыре дня.

Через несколько дней после того, как предложения были ими представлены, один из пятерых, господин П., получил уведомление, что выиграл тендер на приобретение Эйфелевой башни и в целях безопасности должен явиться для оформления сделки в тот же номер отеля в течение двух дней, имея при себе заверенный чек на сумму около 250 000 франков (соответствует в наши дни примерно одному миллиону долларов) — четвертой части общей суммы.

По доставлении чека он получит документы, подтверждающие его права на владение Эйфелевой башней. Господин П. был в восторге — он войдет в историю как человек, который купил и демонтировал знаменитейшую достопримечательность. Но к тому времени, как он прибыл в номер отеля с чеком в руке, его начали мучить сомнения. Почему встреча назначена в отеле, а не в правительственном учреждении? Почему в этом не принимали участия другие официальные лица? Что это — мистификация, розыгрыш? Пока Люстиг рассуждал о подготовке к демонтажу башни, он засомневался и решил отступить.

Вдруг он заметил, что тон директора изменился. Он перестал говорить о башне, упомянул о своем низком жалованье, рассказал о том, как его жена мечтает о шубке, и пожаловался, что работать приходится до седьмого пота, но этого никто не ценит. У господина П. забрезжила догадка: высокопоставленный правительственный чиновник вытягивает из него взятку! Однако он ощутил не гнев, а облегчение. Теперь он поверил в подлинность Люстига, потому что и ранее все его контакты с французской бюрократией неизбежно включали аналогичные намеки. Успокоенный господин П. украдкой сунул в руку директора несколько тысячефранковых билетов. Затем он вручил ему заполненный чек. В обмен он получил пакет документов, в который входила и солидного вида купчая. Он вышел из отеля, погруженный в мечты о прибылях и грядущей славе.

Через несколько дней господин П., не дождавшись сообщения из министерства, начал догадываться, что дело нечисто. Несколько телефонных звонков — и стало ясно, что никакого генерального директора Люстига не существует, а Эйфелеву башню никто не планировал сносить. Его провели на 250 тысяч франков!

Господин П. не стал заявлять в полицию. Он понимал, как может отразиться на его репутации то, что он стал жертвой самой абсурдной и нелепой аферы в истории. Он мог стать мишенью для всеобщих насмешек и унижения, а его бизнес был бы обречен.

История У Сена

В низеньком домике, крытом соломой, в долине Намсана жили бедняки, муж и жена, господин и госпожа У Сен. Муж по собственной воле вот уже семь лет не выходил из своей холодной комнатки, где

только и делал, что читал книги. <...> Однажды его жена, вся в слезах, сказала ему: «Послушай, добрый мой супруг! Что толку в прочитанных тобой книгах? Моя молодость прошла, а я все обстирываю и обшиваю чужих людей, а самой не на что купить куртку или юбку, да что там — вот уже три дня, как не на что купить еды. Я замерзла и хочу есть. Больше не могу так!»

Услышав эти слова, ученый — человек не первой молодости — закрыл книгу, поднялся на ноги и, ничего не говоря, вышел за дверь. Добравшись до центра города, он остановил прохожего:

«Здравствуйте, мой друг! Не скажете ли, кто самый богатый человек в этом городе?» — «Бедный крестьянин! Разве ты не знаешь богатея Бьён-си? Его сверкающий дом с черепичной крышей и двенадцатью воротами как раз хорошо виден отсюда!» У Сен направился к дому богача. Пройдя через большие ворота, он без стука открыл дверь в гостиную и обратился к хозяину: «Мне нужно 10 тысяч янгов, чтобы начать торговое дело, и я хочу, чтобы вы мне их одолжили».— «Хорошо, господин. Куда мне отослать деньги?» — «На рынок Ансонг, через торговца подержанными вещами».— «Очень хорошо, господин. Я обращусь к Киму, у него самая большая лавка подержанных вещей на рынке Ансонг. Я отправлю деньги туда». — «До свидания, господин».

Когда У Сен вышел, гости, которые были свидетелями разговора, стали спрашивать Бьён-си, с чего это он так легко согласился дать довольно большую сумму незнакомому оборванцу. Богач ответил им с довольным видом: «Хотя на нем и была одежда нищего, он заговорил прямо о деле, без предательской неуверенности и не униженно, как поступают обычно люди, которые просят деньги, не собираясь возвращать долг. Так, как он, мог вести себя или сумасшедший, или человек, уверенный в успехе задуманного дела.

Но, судя по его бесстрашному взгляду и уверенному голосу, это человек незаурядный, очень умный и достойный доверия. Деньги часто принижают людей, но такие, как он, делают большие деньги. Я только рад помочь большому человеку начать его большое дело».

Ха Те Унг. «За кулисами дворцов Кореи»

Толкование

Если бы граф Виктор Люстиг, гениальный, экстраординарный аферист, попытался продать Триумфальную арку, мост через Сену, статую Бальзака, ему бы никто не поверил. Но Эйфелева башня была слишком грандиозна, слишком фантастична, чтобы можно было заподозрить, что она может быть частью мошеннического трюка. И в самом деле, именно потому, что вся затея была абсолютно невероятна, Люстиг смог спустя полгода, вернувшись в Париж, «перепродать» башню другому королю металлолома, причем по более высокой цене — за сумму в франках, эквивалентную сегодня полутора миллионам долларов!

Величина масштаба ведет к обману зрения. Масштаб отвлекает, чарует нас, все кажется таким очевидным, что мы просто не можем допустить возможности какой-то иллюзии или заблуждения. Вооружитесь сами масштабом и напором — распространите свой обман настолько, насколько сможете, а потом продлите его еще дальше. Если вы почувствовали, что простак что-то заподозрил, поступайте, как неустрашимый Люстиг: вместо того чтобы спасаться бегством или снизить цену, он повысил ее, запросив и получив взятку. Требуя больше, вы вынуждаете своего оппонента занять оборонительную позицию, засомневаться, вы разбиваете его наголову своей смелостью.

Соблюдение закона (2)

В 1514 году двадцатидвухлетний Пьетро Аретино был младшим подручным повара в богатом римском доме. Он мечтал стать писателем, прославить свое имя, но на что мог он надеяться?

В тот год папа Римский Лев X принял послов от короля Португалии с богатыми подношениями. Среди даров был громадный слон — первый слон в Риме со времен империи. Понтифик привязался к животному и обожал его, однако, несмотря на нежную любовь и заботу, слон (звали его Ханно) вдруг тяжело заболел. Папа созвал врачей, те назначили несчастному животному очистительный клистир в 500 фунтов, но все тщетно. Зверь умер, и папа был в трауре. Чтобы утешиться, он заказал великому живописцу Рафаэлю написать и установить над могилой портрет Ханно в полный рост с надписью: «Что унесла природа, то сохранил своим искусством Рафаэль».

Прошло несколько дней. По Риму ходил памфлет, который передавали из рук в руки. Памфлет вызывал смех и веселье. Он назывался «Последняя воля и завещание слона Ханно». В нем, в частности, говорилось: «Моему наследнику кардиналу Санти Куаттро я завещаю свои челюсти, чтобы он мог успешнее пожирать нажитое... Наследнику кардиналу Медичи завещаю свои уши, чтобы он мог лучше слышать, что где происходит...» Кардиналу Грасси, у которого была репутация развратника, слон завещал соответствующие — огромного размера — детали своего организма.

Памфлет не пощадил никого из верховного духовенства, досталось даже самому папе. Хорошо известные слабости каждого из кардиналов были высмеяны беспощадно и забавно. Заканчивался памфлет так: «Старайся подружиться с Аретино, ведь опасно быть его врагом. Одним словечком он погубит даже самого папу, так что храни нас, Боже, от его языка».

Толкование

Одним коротеньким памфлетом Аретино, сын бедного башмачника, сам слуга, добился славы.

В Риме все заинтересовались молодым смельчаком. Даже сам папа, удивленный такой храбростью, захотел с ним встретиться и в итоге предложил ему работу в папстве. С годами Аретино стал известен как «бич королей», так как сильные мира сего, от французского короля до императора Габсбурга, считались с ним и побаивались его острого языка.

Расчет Аретино был прост: если ты мал и незаметен, как Давид, найди и атакуй своего Голиафа. Чем крупнее твоя цель, тем больше внимания привлечешь к себе и ты сам. Чем бесстрашнее атака, тем больше она выделяет тебя из толпы, тем большего восхищения ты заслуживаешь. Крамольные мысли бродят в головах у многих, но мало кто набирается дерзости опубликовать их, сделать общим достоянием. Наметь себе самую масштабную цель и выпусти в нее заряд помощнее. Мир получит удовольствие от зрелища и наградит храбреца — тебя, такого маленького! — славой и властью.

Всегда приступай к задуманному смело, не боясь показаться дерзким и самонадеянным. Боязнь провала у того, кто берется за

дело, — это уже провал. Рискованно действовать, когда имеются сомнения в правильности поступка; в таких случаях безопаснее ничего не предпринимать.

Бальтазар Грациан

Ключи к власти

Мы в большинстве своем застенчивы, скованны. Мы стремимся избегать конфликтов, мы хотели бы всем нравиться. Порой нам приходят в голову героические мысли о смелых словах и поступках, но мы почти никогда не осмеливаемся осуществить их. Нас ужасают возможные последствия, страшит, что о нас могут подумать окружающие. Мы думаем о враждебности, которую можем возбудить, если осмелимся выйти за отведенные нам рамки.

Хотя на словах мы отрицаем свою робость, выдаем ее за заботу о других, за нежелание ранить или обидеть окружающих, на самом деле все наоборот: мы погружены в себя, беспокоимся о себе и о том, как выглядим со стороны. Но решительность центробежна, она придает людям раскованность.

Особенно ясно эти закономерности можно проследить в обольщении. Все великие соблазнители добивались успеха с помощью бесстыдства и наглости. Казанова не скрывал напора от женщины, которой он добивался, — этот напор сквозил в его манерах, в дерзких словах обольщения. Он был способен и полностью капитулировать перед ней, заставляя поверить, что ради нее он способен на все, может даже рисковать собственной жизнью, что ему и вправду порой приходилось делать.

Женщина, на которую он обрушивал этот поток, чувствовала, что этот мужчина открыт для нее, что он ничего от нее не скрывает. Это льстило ей несравнимо больше, чем любые комплименты. Ни при каких обстоятельствах, обольщая, он не выказывал колебаний или сомнений — просто потому, что никогда их и не испытывал.

Быть объектом обольщения приятно, и очарование частично заключается в ощущении, что тебя обволокли и поглотили, во временном выходе за пределы собственного «я», за пределы обычных сомнений, обременяющих нашу жизнь.

Стоит соблазнителю заколебаться — в тот же миг очарование исчезает, потому что мы всё осознаем, отдаем себе полный отчет в происходящем, видим его стремление покорить нас, замечаем все ошибки и огрехи. Решительность отвлекает внимание, поддерживает иллюзию. Она не вызывает сомнения или разочарования. Мы восхищаемся храбрецами, нам нравится быть рядом с такими людьми, потому что их уверенность в себе заражает нас, вытягивает из царства неуверенности и постоянной рефлексии.

Смелыми не рождаются. Даже Наполеону приходилось вырабатывать в себе привычку к сражениям, которые, как он скоро понял, были для него делом жизни и смерти. В светской жизни он был скованным и робким, однако преодолел себя, вырабатывая решительность во всех сферах своей жизни, потому что осознавал, что эта важнейшая черта характера придает величие любому человеку (даже тому, кто, как сам Наполеон, был мал ростом).

Вам следует развивать в себе решительность, упражнять свою смелость. И часто вы будете находить ей применение. Лучшая область, в которой можно начать, — это тонкая сфера переговоров, в особенности те случаи, когда вам предлагают назвать вашу цену. Как часто мы отступаем без боя, запрашивая слишком мало.

Когда Христофор Колумб просил королеву Испании финансировать его плавание в Америку, он обратился еще и с невероятно дерзким прошением присвоить ему титул Великого адмирала морей и океанов. Колумбу ответили согласием. Он получил ту цену, которую запросил, — он потребовал уважения к себе, и оно было ему оказано.

Генри Киссинджер тоже знал, что в переговорах смелые требования оказываются более действенными, чем хождение вокруг да около. Назначьте высокую цену, а потом, по примеру графа Люстига, повышайте ее.

Следует понимать: смелость не дана нам природой, но и робость тоже не является нашим естественным свойством. Это выработанная привычка, происходящая из нежелания вступать в конфликт. Вы боитесь последствий решительных действий, и эти страхи преувеличены, по сути же дела, последствия робости гораздо более плачевны. Вы теряете достоинство и вступаете в порочный круг сомнений и угрызений.

Помните: проблемы, возникающие в результате дерзких действий, можно решить с помощью еще большей дерзости и решительности.

Как побеждать в любви

Но я заметила, что с теми, кто поразил ваше сердце, вы робеете. Это может произвести впечатление на буржуа, но вам следует добиваться сердца дамы света другим оружием. <...>

Я заявляю вам от имени женщин: любая из нас предпочла бы несколько резкое обращение чрезмерной предупредительности. Мужчины, заблуждаясь на этот счет, упускают больше сердец, чем спасает добродетель.

Чем больше робости проявляет влюбленный, тем больше наше самолюбие стремится подстегнуть его; чем больше уважения выказывает он к нашему сопротивлению, тем более высокие требования мы предъявляем к нему самому.

Мы бы хотели сказать мужчинам: «Ах, пожалейте, не считайте нас такими уж добродетельными; вы просто вынуждаете нас устать от собственного целомудрия». ...

Мы постоянно стремимся скрыть то обстоятельство, что позволили любить себя. Создайте такую ситуацию, чтобы женщина могла сказать, что она сдалась, лишь уступив насилию или от неожиданности, убедите ее в том, что вы не недооцениваете ее, и я поручусь, что ее сердце будет отдано вам. ...Чуть большая решительность с вашей стороны поможет вам обоим обрести необходимую непринужденность. Помните, что недавно сказал вам Ларошфуко: «Рассудительный человек, когда он влюблен, походит на безумца, но он не должен и не может походить на идиота».

«Жизнь, письма и эпикурейская философия Нинон де Ланкло»

Образ: лев и заяц.

Лев не петляет и не увиливает — его движения стремительны, его челюсти быстры и крепки. Робкий заяц всеми способами старается избежать опасности, но в попытках отступить, запутать след и удрать он попадает в западню, пятится, чтобы угодить прямо в пасть хищника.

Авторитетное мнение

«И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ведь фортуна — женщина, и чтобы с ней сладить, ее надо бить и пинать, таким она поддается скорее, чем тем, кто вяло берется за дело. И как женщина она — подруга молодых, ибо они менее осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают».

Никколо Макиавелли

Оборотная сторона

Решительность, напористость ни в коем случае не должны быть определяющей стратегией, стоящей за всеми вашими поступками. Это тактический инструмент, который можно применить в подходящий момент. Планируя, продумывая заранее ход событий, заготовьте в качестве финального эпизода решительный поступок, который принесет вам успех. Другими словами: смелость является условным рефлексом, нужно только научиться контролировать смелость и использовать ее, когда это вам необходимо. Идти по жизни, вооружившись только нахальством, утомительно, да и не предвещает ничего хорошего. Вы бы обидели слишком многих, как обычно случается с теми, кто не может контролировать свою смелость (читай: грубость). Примером такой личности может служить Лола Монтес: ее дерзость принесла ей триумфальные победы, ей удалось даже соблазнить короля Баварии. Но поскольку ей никогда не удавалось сдерживаться, держать себя в узде, это всякий раз оказывалось причиной ее падения — в Баварии, в Англии, где бы она ни оказалась. Ее смелость и решительность граничили с жестокостью, почти безумием. Ивану Грозному была свойственна та же крайность: добившись успеха своими решительными действиями, он не смог остановиться на этом, его жизнь была кошмаром, наполненным насилием и садизмом.

Робости не место в королевстве власти, однако иногда можно добиться успеха, симулируя ее. В этом случае, конечно, скромность превращается в опасное оружие: вы заманиваете людей, разыгрывая овечку, чтобы затем сильнее поразить их своими решительными действиями.

Мальчик и крапива

Мальчик играл в поле и обжегся крапивой. Он побежал домой, к матери, жалуясь ей, что он просто дотронулся до этой гадкой травы, а она его обожгла. «Как раз потому, что ты лишь прикоснулся к крапиве, мой мальчик, — сказала мать, — она и обожгла тебя. В следующий раз, когда будешь иметь дело с крапивой, хватай ее крепко, и она ничего тебе не сделает». Любое дело нужно делать решительно.

Из «Басен» Эзопа

Закон 29. Планируй всё до самого конца

Формулировка закона

Завершение — это всё. Планируйте весь путь к нему, принимая в расчет все возможные последствия, препятствия, повороты фортуны, которые могут пустить насмарку ваш тяжелый труд, так что слава достанется другим. Если вы продумали всё до конца, вас не сокрушат обстоятельства и вы будете знать, когда остановиться. Легонько подтолкните удачу и помогите определить будущее, продумывая его на много шагов вперед.

Нарушение закона

В 1510 году с острова Эспаньола (сейчас — Гаити и Доминиканская Республика) отплыл корабль. Он направлялся в Венесуэлу, на помощь испанским колонистам, находившимся в осаде. Когда корабль удалился от порта на значительное расстояние, из сундука со съестными припасами выбрался «заяц»: это был Васко Нуньес де Бальбоа, родовитый испанец. Он отправился в Новый Свет в поисках золота, но задолжал крупную сумму денег и был вынужден скрываться от кредиторов в сундуке.

Бальбоа был одержим золотом с тех пор, как Колумб привез в Испанию из своих путешествий рассказы о сокровищах удивительной, еще не обнаруженной страны Эльдорадо. Бальбоа был одним из первых искателей приключений, отправившихся на поиски Колумбовой золотой страны. Он с самого начала был убежден, что обязательно найдет ее благодаря своей храбрости и целеустремленности. Теперь, когда он улизнул от кредиторов, ничто не стояло на его пути.

К несчастью, владелец корабля, богатый юрист Франсиско Фернандес де Энкизо, узнав о безбилетном пассажире, пришел в ярость и распорядился высадить его на первом же острове, который встретится на пути корабля. Однако еще до того, как на горизонте появился остров, Энкизо получил известие, что колонии, на помощь к которой он спешил, более не существует — колонисты покинули ее. Бальбоа понял, что это его шанс. Он рассказал морякам о своих путешествиях в Панаму, о том, как, по слухам, были богаты золотом те

края. Восхищенные моряки уговорили Энкизо сохранить Бальбоа жизнь и основать колонию в Панаме. Уже через несколько недель они заложили поселение, назвав его Дариен.

Первым губернатором Дариена стал Энкизо, но Бальбоа был не из тех, кто позволял другим перехватить инициативу. Он поднял кампанию, в результате которой Энкизо был смещен моряками и бежал в Испанию, спасая жизнь. Когда через несколько месяцев прибыл официальный представитель испанской короны, чтобы законным образом занять пост губернатора Дариена, его попросту не приняли. На обратном пути в Испанию представитель утонул. Это был несчастный случай, но в Испании Бальбоа был объявлен убийцей губернатора и узурпатором власти.

До сих пор Бальбоа выходил сухим из воды благодаря своей бесшабашности и браваде, но сейчас его надежды на богатство и славу, казалось, были обречены. Чтобы заявить свои права на Эльдорадо, в случае если найдет эту золотую страну, ему необходимо было заручиться одобрением испанского короля — одобрением, которое, находясь вне закона, получить нечего было и надеяться.

Оставался единственно возможный выход из создавшейся ситуации. Панамские индейцы рассказывали Бальбоа о бескрайнем океане, лежащем по ту сторону Центральноамериканского перешейка. Еще он узнал от них, что, если двигаться на юг вдоль этого западного берега, можно добраться до сказочных краев, богатой золотом страны Биру — так он расслышал это название. Бальбоа решил, что непременно пересечет страшные джунгли Панамы и станет первым европейцем, который омоет свои ноги в неизвестном океане. Оттуда он найдет дорогу к Эльдорадо. Если он сделает это именем Испании, то получит величайшую благодарность короля и будет помилован.

И вот в 1513 году Бальбоа отправился в путь, его сопровождали сто девяносто солдат. К тому времени как перешеек был пройден наполовину (то есть они углубились примерно на 90 миль), осталось всего 60 солдат, люди погибали один за другим в невыносимых условиях — кровососущие насекомые, тропический ливень, лихорадка. Но в конце концов перед взором стоявшего на вершине горы Бальбоа — первого из европейцев — предстал Тихий океан. Через несколько дней он вошел в его воды, не снимая своих доспехов,

со знаменем Кастилии в руке, и объявил все моря, земли и острова этого океана собственностью испанского трона.

Туземные индейцы приветствовали Бальбоа дарами — золотом, камнями, драгоценными жемчужинами, подобных которым он никогда не видел. Когда он спросил, откуда взялись все эти богатства, индейцы указали на юг, землю инков. Но у Бальбоа оставалось всего несколько солдат! Тогда он решил вернуться на время в Дариен, золото и драгоценности отослать в Испанию как залог доброй воли и испросить большую армию в помощь для завоевания Эльдорадо.

Когда до короля Испании дошли слухи о том, как храбро Бальбоа преодолел перешеек, как им был открыт западный океан, а также о его планах отыскать Эльдорадо, тот из преступника превратился в героя. Незамедлительно его провозгласили губернатором новой земли. Но еще прежде, до того как король и королева получили известия об открытии, сделанном Бальбоа, они уже отправили дюжину кораблей под командованием некоего Педро Ариаса Давила, Педрариаса, которому был отдан приказ арестовать Бальбоа за убийство и принять командование колонией. Прибыв в Панаму, Педрариас узнал, что Бальбоа прощен, а ему предстоит разделить губернаторство с человеком, который еще недавно подвергался преследованию как преступник.

Бальбоа тоже не находил себе места. Золото манило его, он мечтал лишь об Эльдорадо. Для достижения этой цели он уже не раз рисковал жизнью, и теперь разделить богатство и славу с новичком было просто невыносимо. Он скоро обнаружил, что этот Педрариас был завистливым, желчным человеком, который также тяготился этой ситуацией. И снова единственным выходом для Бальбоа было, перехватив инициативу, предложить пройти через джунгли с более многочисленной армией, имея с собой материалы и инструменты для постройки кораблей. Он предлагал, добравшись до побережья Тихого океана, приступить там к постройке армады, на которой можно будет отправиться в страну инков и завоевать ее. Неожиданно Педрариас согласился с предложенным планом — может быть, просто надеялся, что осуществить его не удастся. Сотни людей погибли во время этого второго похода через непроходимые леса, а дерево, что они несли для постройки кораблей, сгнило от непрерывных дождей. Бальбоа, как всегда, был несгибаем — никакая сила мира не могла остановить его

на пути к достижению заветной цели. Добравшись до берега Тихого океана, он приступил к рубке деревьев, чтобы пополнить запас древесины вместо испорченной. Но до побережья с ним дошло слишком мало людей, все они были измучены и ослаблены, и снова Бальбоа был вынужден возвратиться в Дариен.

Педрариас уговаривал Бальбоа вернуться назад, чтобы обсудить новый план. На подступах к колонии исследователя встретил Франсиско Писарро, его давний друг, который участвовал в первом походе через перешеек. Но это была ловушка: бывший друг с сотней солдат окружил Бальбоа, схватил его и препроводил к Педрариасу, который обвинил его в организации бунта. Спустя несколько дней Бальбоа был повешен вместе с его самыми верными соратниками. Через много лет Писарро сам добрался до Перу, а свершения Бальбоа были забыты.

Две лягушки

Две лягушки жили в одном пруду. В летний зной пруд пересох; лягушки покинули его и решили вместе искать новое жилье. По дороге случилось им проходить мимо глубокого колодца, доверху наполненного водой. Глядя на колодец, одна лягушка сказала своей подруге: «Давай останемся здесь и обоснуемся в этом колодце, он даст нам кров и пищу». Другая отвечала с сомнением: «Но представь, что из него уйдет вода, — сможем ли мы выбраться с такой глубины?»

Не делай ничего, не подумав о последствиях.

Из «Басен» Эзопа

Толкование

Большинство людей руководствуются велением сердца, а не тем, что диктует разум. Их планы расплывчаты и грандиозны, а когда возникают препятствия, они пытаются их преодолеть, импровизируя.

Но импровизация может разве что отсрочить новый кризис и никогда не заменит планирования на несколько ходов вперед и продумывания всего до самого конца.

Бальбоа мечтал о славе и богатстве, но имел расплывчатые представления о том, как этого достичь. Мало кто вспоминает его

бесстрашные походы и даже открытие им Тихого океана, потому что он допустил то, что в мире власти является непростительным грехом: прошел полпути и оставил дверь открытой для соперников. Человек, обладающий реальной властью, был бы достаточно бдителен, чтобы издалека разглядеть опасность — соперников, желающих ухватить свою долю, стервятников, что слетелись на запах золота. Бальбоа следовало бы держать в строгом секрете то, что стало ему известно о стране инков, до тех самых пор, пока он не добрался бы до Перу. Только в этом случае его голове и его богатству ничего не угрожало бы. Когда на сцене появился Педрариас, человек властный и осторожный приказал бы схватить его или даже убить, а армию, собранную для похода в Перу, взял бы под свое начало. Но Бальбоа жил одним днем, реагировал на все эмоционально, мечтал, но никогда всерьез не обдумывал будущее.

Что толку иметь величайшую в мире мечту, коль скоро и мировая слава, и несметное богатство достанутся другим? Никогда не теряйте головы в пространных, неоформленных до конца мечтаниях — продумывайте все до самого конца.

Тот, кто расспрашивает предсказателей судьбы о своем будущем, невольно поступается своей интуицией, внутренним предчувствием, говорящим о предстоящих событиях в тысячу раз точнее, чем любой гадальщик.

Уолтер Бенджамин, 1892–1940

Соблюдение закона

В 1863 году первый министр Пруссии Отто фон Бисмарк пристально изучал расстановку сил в Европе. Основными силами были Англия, Франция и Австрия. Сама Пруссия была одним из нескольких субъектов, входящих в слабосвязанный Германский союз. Австрия, доминирующий член союза, следила за тем, чтобы остальные германские государства оставались слабыми, разобщенными и зависимыми. Бисмарк верил, что предназначение Пруссии намного выше, чем быть на побегушках у Австрии.

Вот как разыграл свою игру Бисмарк. Его первым ходом стало объявление войны Дании с целью вернуть некогда прусские земли Шлезвиг-Гольштейн. Он знал, что подобное громкое заявление о прусской независимости может обеспокоить Францию и Англию, поэтому он заручился участием Австрии в войне, пообещав, что возвращенные земли Шлезвиг-Гольштейна будут принадлежать Австрии. Через несколько месяцев, когда исход войны был определен, Бисмарк потребовал, чтобы отвоеванные земли отошли во владение Пруссии. Австрийцы, разумеется, выразили свое возмущение, но затем пошли на компромисс, согласившись отдать Пруссии Шлезвиг, а через год продать Гольштейн. Мир впервые увидел, что Австрия слабеет, а Пруссия набирает силу.

Следующий ход Бисмарка был самым дерзким и решительным: в 1866 году он убедил прусского короля Вильгельма выйти из состава Германского союза, после чего вступить в войну с самой Австрией. Супруга короля Вильгельма, его сын-кронпринц и правители других германских государств категорически возражали против этой войны. Но Бисмарк был несгибаем, и ему, несмотря ни на что, удалось развязать конфликт. В результате превосходящая противника армия Пруссии разбила австрийцев в жестокой и короткой Семидневной войне. Король и прусские генералы хотели продолжить наступление, повести войска на Вену и постараться захватить как можно больше австрийской территории. Однако Бисмарк остановил их — на этот раз он выступил на стороне мира. В результате он сумел добиться подписания договора, по условиям которого Австрия предоставляла Пруссии и другим германским государствам полную автономию. Бисмарк добился того, что теперь можно было говорить о Пруссии как о наиболее влиятельной силе Германии, способной возглавить вновь созданный Германский союз.

Во Франции и Англии стали сравнивать Бисмарка с гунном Аттилой, высказывая опасения, что он собирается захватить всю Европу. Говорили, что, ступив на путь захвата и завоеваний, он не сможет остановиться. Действительно, спустя три года Бисмарк спровоцировал войну с Францией. Вначале он, казалось, готов дать свое разрешение на аннексацию Францией Бельгии, но в последний момент изменил свое решение. Играя, как кошка с мышью, он довел до бешенства французского императора Наполеона III и настроил

собственного короля против Франции. Начавшаяся в 1870 году война ни для кого не явилась сюрпризом. Недавно сформированный Германский союз с воодушевлением отнесся к идее участия в войне против Франции, и снова прусская военная машина вместе с союзниками разгромила вражескую армию за считаные месяцы. Хотя Бисмарк был против захвата каких-либо французских территорий, генералитет настаивал на том, чтобы Эльзас и Лотарингия стали частью союза, и он согласился.

Теперь вся Европа со страхом ждала, что еще предпримет прусское чудовище под предводительством Бисмарка, Железного канцлера. Прошел год, и Бисмарк основал Германскую империю, король Пруссии был коронован как император, а сам Бисмарк стал князем. Но затем произошло что-то непонятное: Бисмарк провозгласил отказ от войн. И в то время как другие европейские государства захватывали территории под колонии на других континентах, он строго ограничил колониальные притязания Германии. По его мнению, Германии требовались не лишние территории. Самой важной проблемой была безопасность. До конца своей жизни он боролся за поддержание мира в Европе и за предотвращение войн. Все отмечали, что с годами в нем произошли разительные перемены: он стал мягче, мудрее. Но они не понимали истинной причины: это был последний, финальный ход в его грандиозном плане.

Царь, суфий и хирург

Однажды в незапамятные времена повелитель Тартарии прогуливался с несколькими спутниками из числа приближенных. У обочины дороги стоял абдал (странствующий суфий), который выкрикивал: «Тот, кто даст мне сто динаров, получит от меня хороший совет!»

Царь остановился и сказал: «Абдал, что это за совет, который ты даешь за сто монет?» — «Господин, — ответил абдал, — прикажи, чтобы мне дали деньги, и я немедленно открою его тебе». Царь так и сделал, ожидая услышать что-то необыкновенное. Дервиш сказал ему: «Вот мой совет: никогда не начинай дела, не предусмотрев, чем оно может окончиться».

При этих словах свита и все вокруг стали смеяться и говорить, что абдал поступил мудро, потребовав деньги вперед. Но царь ответил:

«Нечего смеяться над хорошим советом, который дал мне этот абдал. Всем известно, что мы должны хорошенько думать, прежде чем сделать что-то. Но мы повинны в том, что каждый день забываем об этом, и последствия плачевны. Я очень ценю совет этого дервиша».

Царь решил всегда помнить наставление абдала, он приказал начертать его слова золотом на одной из стен дворца и даже выгравировать их на серебряной посуде. Немногим позже злоумышленник вознамерился убить царя. Он подкупил придворного хирурга, обещая сделать первым министром, если тот сделает на руке царя надрез отравленным ланцетом. Когда подошло время для обычного кровопускания, поставили серебряный тазик, чтобы собирать в него кровь. Вдруг взгляд хирурга упал на надпись на стенке таза: «Никогда не начинай дела, не предусмотрев, чем оно может окончиться».

В этот момент хирург вдруг понял, что если заговорщик займет место царя, то немедленно прикажет убить хирурга, чтобы не выполнять своего обещания.

Царь, видя, что хирург дрожит, спросил, что с ним. И тогда тот как на духу открыл ему правду.

Заговорщика схватили; царь велел привести всех, кто был с ним, когда абдал дал ему свой совет, и спросил их: «Вы все еще смеетесь над советом дервиша?»

Идрис Шах. «Караван снов»

Толкование

Есть простое объяснение тому, почему большинство людей никогда не могут верно выбрать момент для нападения: у них отсутствует точное осознание собственной цели. Если они добиваются победы, то их аппетит разгорается и им хочется получить еще, еще больше. Остановиться, наметить конкретную цель и затем держать курс на нее — это кажется чем-то невероятным, почти нечеловеческим. И все же это важно, как ничто иное, принципиально важно для сохранения власти. Тот, кто слишком далеко заходит в своем торжестве, вызывает реакцию, которая неизбежно ведет к упадку. Единственным решением является долгосрочное планирование. Необходимо предвидеть

будущее четко и ясно, словно боги Олимпа, которые смотрели сквозь облака и видели заранее, чем окончится любое событие.

С самого начала политической карьеры Бисмарк лелеял одну цель: сформировать независимое Германское государство при лидирующей роли Пруссии. Он начал войну с Данией не для захвата территорий, а для того, чтобы поднять прусский национальный дух и объединить страну. Война с Австрией была нужна для того, чтобы добиться для Пруссии независимости. (Вот почему Бисмарк отказался от присвоения принадлежавших Австрии территорий.) Война против Франции также имела свою цель: сплотить германские государства против общего врага, чтобы таким образом подготовить объединение Германии.

Когда эта цель была достигнута, Бисмарк остановился. Он никогда не соблазнялся ролью триумфатора, не поддавался на искусительное пение сирен, зовущих к дальнейшим завоеваниям. Он крепко сжимал поводья, и, когда бы генералы, прусский король и народ Пруссии ни требовали новых завоеваний, он всегда был в состоянии сдерживать эти настроения. Ничто не должно было исказить красоту его творения, и менее всего ложная эйфория, толкающая на попытки идти дальше — за пределы конечного результата, так тщательно спланированного Бисмарком.

Ключи к власти

Согласно верованиям древних греков, боги обладали способностью видеть события будущего. Они до мельчайших деталей знали обо всем, что должно было произойти. Люди, наоборот, рассматривались как жертвы рока, заложники настоящего времени и своих эмоций, неспособные предугадать, какие опасности их поджидают. Такие герои, как Одиссей, которые были способны видеть дальше своего носа, просчитывать события и планировать будущее, казалось, бросали вызов судьбе и были сродни богам благодаря способности предвидеть будущее. Сравнение и сейчас еще не потеряло своего значения — те из нас, кто обдумывает все заранее и терпеливо добивается осуществления планов, кажутся нам обладателями божественной власти.

Из-за того что люди в абсолютном большинстве слишком подвластны текущему моменту и бывают не в состоянии обдумывать

будущее, проявляя подобный тип предвидения, способность пренебречь удовольствием и неожиданной опасностью воспринимается как сила. Это власть, позволяющая преодолеть естественную человеческую тенденцию идти на поводу у происходящих событий. Необходимо научиться, отстраняясь, представлять себе более крупные события, проступающие за всем сиюминутным. Большинство людей верят, что уж их-то будущее не застигнет врасплох, что они умеют обдумывать все заранее и строить планы. Как правило, они заблуждаются: на самом деле они становятся рабами своих желаний и того воображаемого будущего, о каком они мечтали бы для себя. Их планы расплывчаты, основаны на их фантазии, а не на реальности. Им, вероятно, кажется, что все предусмотрено и просчитано, но на самом деле они просто воображают счастливое завершение дела, обманывая себя мощью собственного желания.

В 415 году до н. э. войско древних Афин атаковало Сицилию; афиняне считали, что этот поход принесет им богатство, власть и славное завершение Пелопоннесской войны, длившейся долгих шесть лет. Они не задумывались об опасностях, которыми грозило вторжение на территорию, так удаленную от дома. Они не предусмотрели ни того, что сицилийцы на своей территории будут сражаться все яростнее и успешнее, ни того, что все враги Афин объединятся против них, как и того, что война рассредоточится на много фронтов, истощая их военные ресурсы. Сицилийская экспедиция окончилась полным провалом и привела к разрушению одной из величайших цивилизаций всех времен. Афиняне пришли к этой катастрофе, ведомые сердцем, а не разумом. Они видели возможность славы, но не опасность, которая ожидала впереди.

Кардинал де Рец, живший во Франции в XVII веке, который славился своим умением проникать в человеческие замыслы и причины того, почему они часто рушатся, анализировал это явление. Во время восстания, направленного против французской монархии в 1651 году, молодой король Людовик XIV и его двор внезапно оставили Париж и разместились во дворце за пределами столицы. Пока король находился совсем близко, повстанцы ощущали это как невыносимое бремя, так что они почувствовали огромное облегчение, когда тот удалился. Это, однако, впоследствии послужило причиной их

падения, поскольку вне Парижа двор получил существенно большую свободу маневра. «Наиболее частая причина человеческих просчетов и ошибок, — писал позднее кардинал де Рец, — в том, что они слишком пугаются опасности, существующей в настоящий момент, и недостаточно боятся той, что ждет в будущем».

Если бы мы могли различить отдаленные опасности и разглядеть, каковы они, — скольких ошибок мы бы избежали! Сколько замыслов и планов было бы мгновенно оборвано, если бы мы осознали, что, помогая нам избежать маленькой опасности, они ввергают в более серьезные. Власть — это во многом не то, что мы делаем, а то, чего мы не делаем, — поспешные и неумные действия, которые мы повторяем из раза в раз и которые доводят нас до беды. Обдумывайте все в деталях, прежде чем начинать действовать, не позволяйте расплывчатым планам подвергнуть вас неприятностям. Будет ли это иметь непредвиденные последствия? Появятся ли у меня новые враги? Будут ли еще кому-то выгодны результаты моих трудов? Плохие концы встречаются намного чаще, чем хорошие, — не убаюкивайте себя ожиданием хеппи-энда.

Французские выборы 1848 года привели к борьбе между Адольфом Тьером и генералом Луи Эженом Кавеньяком. Понимая, что он безнадежно отстает в этой гонке с высокими ставками, Тьер отчаянно искал выхода. Его выбор пал на Луи Бонапарта, внучатого племянника великого Наполеона, бывшего в то время малозначительным депутатом в парламенте. Этот Бонапарт был не слишком значительной фигурой, даже казался слегка слабоумным, но одно его имя могло привлечь избирателей в стране, изнывающей по сильной руке. Его можно было бы сделать марионеткой в руках Тьера, а в конечном счете убрать со сцены. Первая часть плана удалась в совершенстве, Наполеон выиграл на выборах с огромным перевесом. Проблема была в том, что Тьер не предвидел простой вещи: «недоумок», как оказалось, обладал непомерными притязаниями. Через три года он распустил парламент, провозгласил себя императором и правил Францией еще восемнадцать лет, к вящему ужасу Тьера и его партии.

Конец — делу венец, он определяет все. Именно от того, как завершилась задуманная комбинация, зависит, кто получит славу, деньги, награду. Ваши расчеты должны быть предельно четкими, вы должны постоянно держать их в уме. Следует также обдумать, как

отогнать стервятников, что описывают круги в небе в ожидании лакомого куска — того, что осталось от вашего детища. А еще вы должны предвидеть множество возможных срывов, из-за которых появится искушение начать импровизацию. Бисмарк преодолел эти опасности, потому что планировал все до самого конца, не изменяя свой курс под влиянием кризисов, и никогда не позволял кому-либо стяжать его славу. Достигнув же намеченной цели, он удалился, подобно черепахе, убравшей голову в панцирь. Такой самоконтроль под силу полубогам.

Если вы видите на несколько шагов вперед, планируете свои ходы до самого конца, вас больше не будут терзать переживания или тяга к импровизации. Четкость видения избавит вас от тревоги и неопределенности — двух первопричин многих провалов. Научитесь видеть финал — и вы не испытаете разочарования.

Опыт доказывает, что тот, кто заранее вынашивает и обдумывает замыслы будущих предприятий, может действовать весьма быстро, когда наступает время для их осуществления.

Кардинал Ришельё, 1585–1642

Образ: боги Олимпа.

Взирая на людские дела с облаков, они видят наперед окончание всех великих грез и мечтаний, ведущих к трагедии и несчастьям. И боги смеются над нашей неспособностью предвидеть и над тем, как мы обманываем сами себя.

Авторитетное мнение

«Разве не много проще совсем не входить, чем войти, чтобы выйти? Словом, никоим образом не следует подражать тростнику, который поначалу выбрасывает прямой длинный стебель, но затем, как бы устав и выдохшись, начинает завязывать частые и плотные узелки, точно делает в этих местах передышки, свидетельствующие о том, что у него не осталось ни былого упорства, ни былой силы. Гораздо правильнее начинать спокойно и хладнокровно, сберегая свое дыхание и свой порыв для преодоления возможных препятствий и для

завершения начатого. Приступив к нашим делам, мы на первых порах управляем ими и держим их в своей воле, но позднее, когда они уже сдвинуты с места, они управляют нами и тащат нас за собой, так что нам только и остается, что идти следом».

Мишель де Монтень

Оборотная сторона

Стратегам хорошо известно — план должен включать альтернативные варианты и быть гибким. Если вы слишком жестко привязаны к своему плану, то не сумеете отреагировать на внезапные повороты судьбы. Изучив варианты развития предстоящих событий и выбрав цель, вы должны подумать об альтернативных вариантах и быть готовым к тому, чтобы, если потребуется, двигаться к цели не по торной дороге, а по боковой тропке.

Многие, однако, теряют не столько от излишне детального планирования и ригидности, сколько от привычки к постоянной импровизации. Таким образом, в рассмотрении оборотной стороны этого закона нет большого смысла, потому что ничего хорошего не выйдет из того, что вы откажетесь быть предусмотрительным и обдумывать все в деталях до конца. Если вы достаточно ясно мыслите и просчитываете все варианты, вы понимаете, что будущее не определено заранее, а значит, нужно быть гибким и уметь адаптироваться. Только имея четкие цели и перспективный план, вы достигнете свободы.

Закон 30. Добиваясь успеха, не показывай усилий

Формулировка закона

Ваши действия должны казаться естественными и выполняемыми с легкостью. Весь труд и пот, вложенные в них, как и все хитрые трюки, следует скрыть. Действуйте без видимых усилий, так, словно могли бы сделать гораздо больше. Не поддавайтесь искушению похвастаться, как тяжело вы потрудились,— это только породит лишние вопросы. Никому не раскрывайте своих приемов, иначе их применят против вас.

Соблюдение закона (1)

Японская чайная церемония, называемая Таною, восходит своими корнями к глубокой древности, но достигла особенной утонченности в XVI столетии благодаря известнейшему ее адепту и последователю Сенно Рикю. Хотя Рикю происходил из простой семьи, он достиг огромной власти, став для всемогущего правителя Хидейоши не только любимым мастером чайной церемонии, но и советником в том, что касается красоты и изящества, и даже в политике. Для Рикю секрет успеха состоял в том, чтобы все выглядело естественным, а усилия, которых стоила работа, были бы скрыты от глаз.

Однажды Рикю со своим сыном шли в дом своего знакомого для совершения чайной церемонии. По пути сын заметил, что прелестные, старинного вида ворота у входа в дом, куда они направлялись, придают дому поэтичный, уединенный вид. «Мне так не кажется, — ответил отец, — сразу понятно, что их привезли сюда издалека, из какого-нибудь горного храма, и видно, что перевозка стоила немалых денег. Если владелец дома столько сил вложил в установку ворот, это не могло не отразиться на его чайной церемонии». Что и произошло в действительности. Сенно Рикю вынужден был рано покинуть церемонию, не в состоянии выносить то, что не могли скрыть хозяева, — вымученность и тяжеловесность.

В другой раз, наслаждаясь чаем в доме своего знакомого, Рикю увидел, как хозяин вышел из дома, светя себе в темноте фонарем, срезал с дерева лимон и вернулся. Гость подумал: хозяину, наверное, показалось, что аромат лимона может украсить поданное блюдо, и он

импульсивно принял решение спуститься за ним в сад. Непосредственность этого экспромта показалась Рикю пленительной. Но лимон был подан позже, к осакскому рисовому торту. Рикю стало ясно, что все произошло по заранее продуманному сценарию, — лимон срезали, чтобы украсить дорогостоящее блюдо. Действие хозяина более не выглядело экспромтом. Внезапно стало ясно, что хозяин изо всех сил старался продемонстрировать свою утонченность. Все поняв, Рикю вежливо отказался от торта, извинился и откланялся.

Всемогущий правитель Хидейоши однажды пожелал посетить Рикю для совершения чайной церемонии. Вечером накануне его визита начался снегопад. Рикю, человек изобретательный и скорый на выдумки, прикрыл от снега камни-ступеньки, что вели через сад к его дому, положив на каждый камень по круглой подушке. До рассвета он вышел в сад и, увидев, что снег больше не идет, аккуратно снял подушки. Когда прибыл Хидейоши, он насладился безыскусной красотой вида — камни-ступеньки в форме правильных кругов, окруженные снегом, — и отметил, что этот знак учтивого внимания ценен вдвойне, поскольку выглядит столь естественно, что не наводит гостя на мысль о том, каких трудов стоило хозяину добиться этого.

После смерти Сенно Рикю его идеи продолжали оказывать глубокое воздействие на чайную церемонию. Сёгун Токугава Йоринобу, сын великого императора Иеясу, был учеником и последователем Сенно Рикю. В его саду был установлен каменный фонарь работы известного мастера, и даймё (владетельный князь в Японии) Сакаи Такадацу спросил, нельзя ли ему как-нибудь зайти, чтобы увидеть его. Йоринобу отвечал, что почтет это за честь, и велел садовникам привести сад в порядок к его визиту. Садовникам этим, незнакомым с принципами Таною, форма фонаря показалась неправильной, а его окошки — слишком маленькими и старомодными. Они привели местного ремесленника, который увеличил отверстия. За несколько дней до визита вельможи Йоринобу обходил сад. Увидев измененные оконца, он впал в ярость, готовый выхватить меч и разрубить глупца, который изуродовал фонарь, нарушил его естественную гармонию и лишил цели визит Сакаи.

Отбушевав, Йоринобу успокоился и припомнил, что покупал он когда-то два фонаря и что второй находится в саду на острове Кишу. Он за большие деньги нанял китобойную лодку и лучших гребцов,

каких смог найти, приказав доставить ему фонарь через два дня — задание, мягко говоря, не из легких. Но моряки гребли день и ночь, ветер был попутным, и они сумели прибыть вовремя. К радости Йоринобу, фонарь оказался еще прекраснее первого, ведь он стоял нетронутым двадцать лет в зарослях бамбука и, покрывшись нежным мхом, приобрел изумительную патину старины.

Когда вечером того же дня прибыл даймё Сакаи, он был восхищен фонарем — тот превзошел все его ожидания, выглядел как естественный элемент сада, его неотъемлемая часть. Он и представить не мог, сколько времени и усилий потребовалось Йоринобу, чтобы создать такое впечатление.

Художник Кано Таннью

Дате Масамуне как-то послал за Таннью, чтобы тот расписал пару золотых ширм по семь футов высотой. Художник сказал, что, по его мнению, для этого подойдут черно-белые рисунки, и отправился домой, после того как тщательно всё обдумал и рассчитал. На следующее утро он пришел рано и начал с того, что приготовил много туши и опустил туда лошадиную подкову, которую принес с собой. Затем он наставил отпечатки подковы по одной из ширм. Потом, взяв широкую кисть, нарисовал между отпечатками множество линий. Тем временем Масамуне зашел посмотреть, как работает художник. Он не смог сдержать раздражения и, буркнув: «Что за мерзкая мазня!», убрался к себе. Слуги сказали

Таннью, что их господин сильно разгневан. «Значит, не нужно было ему смотреть, пока работа не закончена», — ответил художник. Тем временем он взял кисточку поменьше и стал наносить там и сям мазки, и по мере того, как он делал это, отпечатки подковы превращались в крабов, а широкие мазки — в стебли тростника. Затем он повернулся ко второй ширме и всю ее забрызгал каплями туши, которые, когда он добавил несколько мазков тонкой кистью, стали превращаться в ласточек, проносящихся над плакучими ивами. Когда Масамуне увидел законченную работу, он был потрясен умением художника не меньше, чем перед этим был возмущен безобразным, как ему показалось, отношением того к работе.

А. Л. Садлер. «Японская чайная церемония»

Толкование

Для Сенно Рикю вершиной красоты было неожиданное, почти случайное проявление естественности и изящества. Эта красота являлась нежданно, казалась не требующей ничьих усилий. Природа создает подобное согласно своим законам, но людям, чтобы добиться такого эффекта, необходимо приложить старание и смекалку. Если они не могут скрыть, каких усилий им стоило достижение результата, все идет насмарку. Ворота были доставлены слишком издалека, срезанный лимон выглядел надуманным.

Часто приходится пускаться на выдумки и ухищрения, чтобы достичь желаемого результата, — подушки на снегу, гребцы, всю ночь проведшие на веслах, — но ваши зрители не должны заподозрить, уловить и тени намека на ту работу, физическую или интеллектуальную, которая стоит за всем этим. Природа не раскрывает нам своих приемов, и то, что имитирует природу, притворяясь легким и не требующим усилий, приближается по могуществу к самой природе.

Соблюдение закона (2)

Великий артист Гарри Гудини однажды назвал свое выступление «Невозможное возможно». И в самом деле, у тех, кому довелось быть свидетелями его умопомрачительных исчезновений, было ощущение, что происходящее на сцене противоречит всем разумным представлениям о человеческих возможностях.

Однажды вечером, в 1904 году, зрители — 4000 жителей Лондона — заполнили театр, чтобы увидеть, что будет делать Гудини, принявший вызов высвободиться из пары наручников, про которые было объявлено, что это самые крепкие кандалы из когда-либо изобретенных. На них было установлено шесть пар замков и по девять механических затворов на каждой манжете. Мастер из Бирмингема пять лет посвятил их изготовлению. Эксперты, изучившие их, признали, что никогда не видели ничего более замысловатого, на их взгляд, изощренная сложность замков делала побег невозможным.

Толпа видела, как эксперты надежно закрепили оковы на запястьях Гудини. Затем артист вошел в черный шкаф на сцене. Шли минуты. Чем больше времени проходило, тем более несомненным всем

казалось, что эти кандалы станут первым поражением Гарри. В какой-то момент Гудини вышел из шкафа и спросил, нельзя ли временно снять наручники, чтобы он смог скинуть пальто — в шкафу очень жарко. Его оппоненты отказались удовлетворить просьбу, подозревая, что просьба была хитрой уловкой, попыткой определить, как действуют замки. Тогда, не помогая себе руками, Гудини приподнял пальто над плечами, затем ему удалось перевернуться внутри пальто. Зубами он извлек перочинный нож из жилетного кармана, а потом, двигая головой, разрезал пальто. Проделав все это и освободившись от него на глазах у одобрительно зашумевших зрителей, восхищенных его ловкостью и сноровкой, Гудини снова вошел в шкаф.

Мастер борьбы

Жил однажды борец, настоящий мастер, который владел тремястами шестьюдесятью приемами и захватами. У него был любимый ученик, и он за время обучения передал ему 359 из них. Как-то вышло, что последний свой прием он так и не собрался показать. Прошло время, и молодой человек достиг таких успехов, что одерживал верх над каждым, кто бросал ему вызов. Он так возгордился, что как-то похвастался перед самим султаном, что мог бы легко победить учителя — и не делает этого только из уважения к его возрасту и в благодарность за учение.

Султана возмутила такая непочтительность, и он приказал немедленно устроить схватку между учителем и учеником в присутствии всего двора.

После удара гонга юнец ринулся вперед с воинственным воплем, но вот беда — наткнулся на неизвестный ему триста шестидесятый прием. Мастер схватил бывшего ученика, поднял его над головой и что есть силы бросил оземь. У султана и придворных вырвался приветственный крик.

Когда султан спросил мастера, как же ему удалось победить такого сильного противника, тот признался, что придерживал один прием как раз для такого случая. Затем он рассказал о горестных жалобах мастера стрельбы из лука, который учил всему, что знал сам. «Среди тех, кого я обучил стрельбе, — сокрушался он, — не нашлось ни одного, кто бы не постарался в конце обучения использовать меня как мишень».

Из книги «Ремесло власти» Р. Дж. Х. Сью

Наконец, достаточно долго протомив зрителей в ожидании, Гудини вышел из шкафа во второй раз, торжествующе поднимая вверх свободной рукой снятые оковы. По сей день никто не знает, как ему удалось освободиться от них. Хотя это заняло у него около часа, он ничем не выдал своей озабоченности, не проявил и тени сомнения. Все выглядело так, словно он нарочно тянул время, чтобы усилить драматизм момента, пощекотать нервы зрителям, ведь, по всей видимости, для него испытание было просто веселой игрой. Жалобы на жару были, очевидно, лишь частью представления. Очевидцам этого и других выступлений Гудини казалось, будто он играет с ними: эти оковы для меня ничто, словно говорил он, я бы мог освободиться уже давно, мне нипочем и более сложные замки.

Позднее Гудини выбирался из опутанной цепями забальзамированной туши «морского чудовища» (создание, напоминающее отчасти осьминога, отчасти кита). Он сам запечатывал себя в огромный конверт, из которого исчезал, не разрывая бумаги. Он проходил сквозь кирпичные стены. Подвешенный высоко над землей, выскальзывал из смирительной рубашки; прыгал с моста в ледяную воду в наручниках на запястьях и с цепями на ногах. Он погружался в стеклянный сосуд, полный воды, со скованными за спиной руками, и пораженные зрители, затаив дыхание, наблюдали, как он пытается освободиться, около часа находясь в воде без аквалангa! Каждый раз казалось, что он на волоске от смерти, — и каждый раз он избегал ее и представал перед потрясенной аудиторией настоящим суперменом.

Он ничего не рассказывал о своих методах и приемах, не давал даже намека на то, как выполнялись им те или иные трюки, — он заставлял зрителей и критиков теряться в догадках, и их бесплодные попытки объяснить необъяснимое способствовали созданию репутации и возрастанию власти Гудини. Самым, пожалуй, головоломным трюком было исчезновение слона весом в десять тысяч фунтов на глазах у публики — номер, который он повторял на сцене на протяжении почти пяти месяцев. Никто не мог объяснить, как он это делал, ведь в зале, где он показывал номер, для того, чтобы спрятать слона, просто не было места.

Легкость, с какой Гудини проделывал свои эскапады, заставляла подозревать его в контактах с потусторонними, оккультными силами, в сверхчеловеческих психических способностях, дающих ему власть над телом, и т. п. Но немецкий артист Клеппини объявил, что ему известен секрет Гудини: он просто использовал хитроумные технические устройства. Клеппини заявил также, что превзошел и победил Гудини в освобождении из наручников в Голландии.

Гудини не обращал внимания на всевозможные догадки вокруг его методов, но не мог стерпеть очевидную ложь, и в 1902 году он вызвал Клеппини на дуэль в наручниках. Клеппини согласился и через шпиона выведал комбинацию, которая должна была отпирать французские наручники с комбинационным замком. По его данным, именно эти наручники хотел использовать Гудини. План Клеппини состоял в том, чтобы выбрать для себя эту пару наручников, что должно было выбить из колеи Гудини, которому пришлось бы сражаться с механическими затворами.

В вечер дуэли, как и планировал Клеппини, Гудини предложил ему выбрать наручники, и он выбрал пару с комбинационным замком. Ему даже удалось скрыться с ними на минуту за ширмой, где он быстро проверил наручники и вновь появился перед публикой, уверенный в своей победе.

Гудини повел себя так, словно заподозрил обман, и отказался замкнуть наручники на Клеппини. Артисты заспорили, прямо на сцене начали толкать друг друга и даже подрались. Это продолжалось несколько минут, затем Гудини, рассерженный и взъерошенный, сдался и защелкнул наручники на запястьях Клеппини. Клеппини начал попытки освободиться. Что-то не срабатывало — только что он открывал наручники за ширмой, а сейчас проверенный код не действовал. Он потел, ломал голову. Прошел час, другой, зрители покинули зал. Наконец, измученный и униженный, Клеппини сдался и попросил, чтобы его освободили.

Наручники, которые Клеппини сам открывал за ширмой, используя кодовое слово «C-L-E-F-S» (в переводе с французского «ключи»), теперь щелкнули и открылись только в ответ на слово «F-R-A-U-D» (по-английски «обман»). Клеппини не мог понять, когда Гудини удалось совершить эту подмену.

Не показывай всего, на что способен. Мудрый человек не открывает своих знаний и талантов до конца, если хочет быть за них почитаемым. Он позволит тебе узнать о них, но не разобраться в них. Никому не должно знать, до какого предела простираются его способности, чтобы не разочароваться. Никто никогда не сможет постичь его полностью. Ибо догадки и предположения о широте талантов человека порождают большее благоговение, нежели точное знание пределов его возможностей, как бы велики они ни были.

Бальтазар Грациан

Толкование

Хотя мы не знаем наверняка, как Гудини выполнял большую часть своих непостижимых трюков, но ясно одно: оккультизм там был ни при чем, так же как и магия, — властью и могуществом Гудини обязан упорному труду и бесчисленным тренировкам, хотя то и другое великий артист скрывал от всего мира. Гудини никогда не полагался на случай, везение — день и ночь он изучал механизмы разных замков, исследовал древнейшие трюки цирковых фокусников и жонглеров, штудировал книги по механике, не пропускал ничего, что могло бы пригодиться. Каждую минуту, когда Гарри Гудини не занимался исследованиями, он тренировал свое тело, поддерживая невероятную гибкость суставов, учась тому, как управлять мышцами и регулировать дыхание.

В начале карьеры Гудини старый японский циркач, с которым они вместе выступали, научил молодого артиста древнему трюку: как глотать шар из слоновой кости, а затем снова извлекать его. Юноша постоянно репетировал этот трюк, используя маленькую очищенную картофелину на нитке, — он учился проталкивать картофелину туда и обратно с помощью мускулатуры глотки, пока не укрепил мышцы настолько, что смог проделывать трюк и без нитки. Организаторы шоу с наручниками в Лондоне обыскали Гудини перед началом представления, но никто не догадался заглянуть ему в глотку, где он мог прятать миниатюрные инструменты, которые помогли ему вскрыть замки. Но Клеппини все же глубоко заблуждался: не инструменты, а тренировки, работа и исследования делали возможными чудеса Гудини.

Гудини обвел соперника вокруг пальца, вся сцена была разыграна им как по нотам. Он позволил Клеппини узнать код французского замка, после чего предоставил тому выбрать именно эти наручники. Затем, инсценировав стычку, ловкий Гудини сумел изменить код замка. Он тренировался в выполнении этого трюка неделями напролет, но зрители не видели его пота, который оставался за сценой. К тому же Гудини никогда не нервничал, он заставлял нервничать других (специально тянул время, которое ему требовалось, чтобы ускользнуть от опасности, нагнетая обстановку и заставляя зрителей ерзать в тревожном ожидании). Его игра со смертью, всегда изящная и легкая, придавала ему вид супермена.

Вам, как человеку власти, необходимо постоянно искать и бесконечно репетировать, прежде чем выходить на люди. Никогда не демонстрируйте публике те неимоверные усилия, которые стоят за вашим спокойствием и уверенностью. Некоторым кажется, что подобная откровенность демонстрирует их честность и усердие, но на самом деле она лишь выставляет их слабыми — наводит на мысль о том, что, приложив столько усилий, того же результата смог бы добиться любой, или о том, что они не соответствуют своему месту. Оставьте ваши старания и ухищрения при себе, выглядеть всё должно так, словно вы наделены легкостью и изяществом богов. Никому не известен источник божественной власти, все видят только результат ее действия.

Ключи к власти

Первые представления о мощи пришли к человечеству при столкновениях с силами природы — вспышка молнии в небе, неожиданное наводнение, стремительность и свирепость дикого зверя. Эти силы не нуждались в раздумьях, не требовали планирования — их мощь проявлялась во внезапности появления, в гармоничности, во власти над жизнью и смертью. И в наши дни обладание силой именно этого типа кажется нам наиболее притягательным. С помощью науки и технологий мы воссоздаем стремительность и грозную мощь природы, но не в полной мере: наши машины шумят и ломаются, они требуют большого труда, который невозможно скрыть.

Даже самые искусные творения мастеров не в состоянии искоренить нашего восхищения перед тем, что движется бесшумно

и без усилий. Власть, которую имеют над нами дети, заставляющие нас идти у них на поводу, объясняется обольстительным очарованием существ менее рефлексивных, более нежных и непосредственных, чем мы. Мы не можем вернуться в это состояние, но, если нам удается имитировать подобную непринужденность, мы вызываем у окружающих некое первобытное благоговение, какое всегда пробуждала и пробуждает в человеке природа.

Один из первых европейских писателей, изложивших этот принцип, принадлежал к среде максимально неестественной, к двору эпохи Возрождения. В своей «Книге придворного», опубликованной в 1528 году, Бальдассаре Кастильоне описывает чрезвычайно изощренные и составляющие целый кодекс манеры истинного придворного. И ко всему, объясняет Кастильоне, обхождение придворного должно отличать то, что он называет «spezzatura», — способность придавать трудному вид простого. Он настоятельно рекомендует придворному «овладеть искусством держаться в любых ситуациях с известной непринужденностью, скрывающей любую искусственность и сообщающей всему, что говорят или делают, простоту и естественность». Нас восхищает виртуозность мастеров, однако это восхищение возрастет многократно, если творения отличают изящество и легкость, «в то время как... очевидность тяжких усилий и труда до седьмого пота полностью лишает привлекательности и обесценивает всё, какую бы ценность это ни имело».

Понятие «spezzatura» пришло из мира искусства. Все великие мастера ревностно хранили свою работу в тайне. На суд публики представляли лишь полностью законченные произведения искусства. Микеланджело даже папе Римскому не позволял наблюдать за тем, как он работает. Мастерская художника Возрождения всегда была закрыта как для публики, так и для покровителя, и не из опасения, что украдут идею, а потому, что произведение, которое видят в процессе работы над ним, многое теряет: исчезают магия, волшебство, обдуманная и тщательно создаваемая атмосфера простоты и естественной прелести.

Живописец Возрождения Вазари, бывший к тому же замечательным искусствоведом и первым художественным критиком, высмеивал Паоло Учелло, нарушавшего законы перспективы. По его

мнению, в работах Учелло слишком явственно сквозили усилия, прилагаемые им, чтобы справиться с этим недостатком, — это делало картины вымученными, ремесленный труд в них перевешивал вдохновение. Ту же реакцию и сейчас вызывает у нас исполнитель, неспособный скрыть, каких усилий ему стоила работа: все удовольствие от ее плодов исчезает при виде того, как человек выбивался из сил. При этом вместо наслаждения произведением ощущается неловкость. Те исполнители, которые не показывают напряжения, вселяют в нас покой, создавая иллюзию того, что их мастерство — не результат труда, а некое естественное их качество (даже если в действительности им приходится трудиться не меньше, чем первым).

Понятие «spezzatura» касается любой формы власти, поскольку власть чуть ли не полностью зависит от видимости и иллюзий, создаваемых вами. Ваши публичные выступления подобны произведениям искусства — они должны быть яркими, захватывающими, даже развлекающими. Обнажите скрытые механизмы своего творения — и вы немедленно станете простым смертным. То, что доступно пониманию, не вызывает благоговейного чувства — мы говорим себе, что и сами справились бы не хуже, будь у нас столько денег и времени. Не поддавайтесь искушению продемонстрировать, как вы творите, — куда умнее скрыть механизмы своего искусства.

Талейран применял эту концепцию каждый день своей жизни — и это способствовало тому, что его окутывала аура власти. Он никогда не любил слишком тяжело работать, но заставлял других выполнять работу для него — шпионаж, расследования, детальный анализ. Имея в своем распоряжении результаты этого гигантского труда, сам он, по крайней мере внешне, никогда не был в напряжении. Когда его осведомители сообщали, что должно произойти то или иное событие, он в светской беседе мог обронить, что предчувствует его неизбежность. В результате его стали считать провидцем. Его краткие лаконичные высказывания и остроты всегда полно и точно характеризовали ситуацию. Они, однако, были не экспромтами, а результатами серьезных исследований и размышлений. На всех, кто его знал, включая самого Наполеона, Талейран производил впечатление человека, обладающего безграничной властью, —

впечатление всесильности в первую очередь было обусловлено изяществом и внешней легкостью, с которой он добивался осуществления своих замыслов.

Есть и другая причина, по которой желательно скрывать закулисную сторону ваших дел: любые сведения, просачивающиеся вовне, могут быть использованы окружающими против вас. Вы лишаетесь преимуществ, которые дает молчание. Нам, как правило, хочется, чтобы мир узнал о наших достижениях — хотим потешить свое тщеславие, заставить восхищаться нашей сноровкой и мастерством, хотим даже сочувствия к своему тяжкому труду, к часам, затраченным на достижение нашего уровня артистизма. Научитесь контролировать эту тягу к болтовне — иначе добьетесь противоположного результата.

Помните: чем большей тайной окутано то, что вы делаете, тем более грозной кажется сила, которой вы наделены. Создается впечатление, что вы, и только вы, в состоянии выполнить то, что вы делаете, а авторитет человека, обладающего уникальным даром, высок безмерно. Наконец, если вы достигаете задуманного с легкостью и изяществом, люди верят, что вы способны на большее, если приложите больше стараний. Это порождает восхищение, граничащее со страхом. Ваши силы неисчерпаемы — никто не в состоянии измерить их до дна.

Образ: скаковая лошадь.

Вблизи мы видим напряжение, с которым наездник управляет лошадью, слышим тяжелое, прерывистое дыхание. Но на расстоянии, с которого зрители наблюдают за лошадью, кажется, что она летит по воздуху как олицетворение изящества и легкости. Держите окружающих на расстоянии, соблюдайте дистанцию, и им будет видна только ваша непринужденность.

Авторитетное мнение

«Если дело, каким бы мелким оно ни было, выполняется играючи, это не просто свидетельствует о мастерстве, но часто заставляет оценивать его выше, чем оно есть на самом деле. Так происходит

оттого, что наблюдателям кажется, будто человек, который работает хорошо и без усилий, способен и на большее».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Секретность, которой вы окружаете свои действия, должна выглядеть беспечной по духу. Стремление скрыть свою работу может произвести неприятное впечатление, даже навести на мысли о вашей ненормальности: вы принимаете игру чересчур всерьез. Гудини скрывал секреты своих трюков, но тщательно следил, чтобы это выглядело игрой в таинственность, одним из обязательных атрибутов шоу. Не показывайте свою работу, пока она не закончена, но если вы будете слишком акцентировать свои старания задернуть занавес, то уподобитесь живописцу Понтормо, который в последние годы жизни с таким усердием прятал от всех свои фрески, что это свело его с ума. Не забывайте о пользе самоиронии, относитесь к себе с юмором.

Бывают и такие случаи, когда лучше обнародовать свою «кухню» работы над тем или иным проектом. Все определяется вкусом аудитории и тем, правильно ли выбран для этого момент. П. Т. Барнум знал, что его публике приятно чувствовать себя участниками шоу, что люди приходят в восторг, когда удается раскусить трюк — возможно, отчасти потому, что разоблачение обманщиков — людей, которые скрывают от масс источники своей власти, — отвечало демократическому духу Америки. Публике импонировали и юмор шоумена, и его честность. Барнум учел это и довел принцип до крайнего выражения, когда, находясь на вершине популярности, опубликовал автобиографию, включавшую разоблачения его собственных трюков.

Частичное раскрытие трюков и методов, входящее в ваши планы и находящееся полностью под контролем, является высшим проявлением мастерства. Оно создает у зрителей иллюзию их превосходства и сопричастности, несмотря на то что большая часть айсберга по-прежнему остается скрытой от них.

Закон 31. Контролируй все варианты: пусть другие играют картами, которые сдаешь ты

Формулировка закона

Лучшие обманы те, при которых вы как бы предоставляете другому человеку выбор: у ваших жертв возникает иллюзия свободы выбора, на самом деле они лишь марионетки. Давайте людям выбор, при котором вы выиграете, что бы они ни предпочли. Принуждайте их выбирать меньшее из двух зол, но из тех, что служат вашим целям. Поставьте их перед дилеммой: куда ни кинь — всюду клин.

Соблюдение закона (1)

Нинон де Ланкло, французская куртизанка XVII века, находила определенные преимущества в своем образе жизни. Ее любовники имели аристократическое происхождение (вплоть до королевского), они хорошо ей платили, развлекали ее своим остроумием и интеллектом, удовлетворяли ее самые изощренные плотские желания и обращались с ней почти как с равной. Такая жизнь, казалось, была несравненно приятнее замужества. Но вот в 1643 году внезапно скончалась мать Нинон, и в возрасте двадцати трех лет она осознала, что осталась на свете совершенно одна — ни семьи, ни приданого, не на кого и не на что опереться в нужде. Ее охватил страх за свою судьбу, и, поддавшись панике, она ушла в монастырь, позабыв своих родовитых любовников. Спустя год она покинула монастырь и переехала в Лион. Когда она наконец возвратилась в Париж в 1648 году, любовники и воздыхатели стекались к дверям ее дома, их было больше прежнего, ведь Нинон слыла самой живой и остроумной из всех куртизанок того времени, так что все стремились к ее обществу.

Поклонники Нинон быстро обнаружили, что она изменила своим прежним привычкам и установила новую систему. Герцогам и принцам, желающим платить за ее услуги, позволялось это делать, но они более не были господами положения: она соглашалась спать с ними, когда этого хотела она, повинуясь собственной прихоти. Всё, что они приобретали за свои деньги, — это шанс. Если ей хотелось делить с ними ложе лишь однажды в месяц, им приходилось покоряться.

Не желающий стать тем, кого Нинон называла «un payeur» («плательщик»), мог присоединиться к большой и все растущей группе ее «martyrs» («мучеников») — мужчин, которые наносили ей визиты главным образом ради ее дружбы, ее язвительного и острого ума, а также ради того, чтобы послушать, как она музицирует на лютне, и оказаться в обществе самых великолепных умов эпохи — Мольера, Ларошфуко, Сент-Эвремона. Все martyrs, однако, также питали надежды: время от времени, довольно регулярно, Нинон выбирала себе среди них «un favori» — фаворита, человека, который становился ее любовником, ничего за это не платя, которому она отдавалась полностью на срок, определяемый ею самой: на неделю, на несколько месяцев, реже на более продолжительное время.

Payeur никогда не мог стать favori, но и martyr не имел такой гарантии и мог безуспешно прождать счастливого мига всю жизнь. Поэт Шарлеваль, например, никогда не пользовался особым расположением Нинон, но продолжал оставаться ее постоянным визитером — он был не в состоянии обходиться без ее общества.

Когда слухи о такой системе достигли ушей высшего французского общества, Нинон подверглась враждебным нападкам. Такая трактовка позиции куртизанки шокировала королеву-мать и ее двор. Однако, к ужасу и возмущению королевы-матери, поклонников это не отпугнуло, напротив, их количество росло, как и их желание. Стало настоящей честью быть payeur, помогать Нинон поддерживать ее жизнь и блестящий салон, иногда сопровождать ее в театр, делить с нею ложе, если она этого захочет. Звание «martyr» было еще более престижным — получившие его наслаждались ее обществом, не платя за это и лелея надежду, хотя бы смутную, на то, что в один прекрасный день удастся стать фаворитом. Эта надежда окрыляла многих молодых аристократов, ведь ходили слухи, что никто не может превзойти Нинон в искусстве любви. Так что холостяки и семейные, молодые и старики попадали в ее сети и выбирали одну из двух предоставляемых им возможностей, любая из которых прекрасно отвечала ее интересам.

Канцлер Германии Бисмарк, вне себя от постоянной критики со стороны Рудольфа Вирхова (германского ученого-патолога и либерального политика), через своих секундантов вызвал его на дуэль.

«Как у стороны, отвечающей на вызов, у меня есть право выбрать оружие, — сказал Вирхов. — Я выбираю это». Он протянул им два больших и на вид совершенно одинаковых куска колбасы. «Один из них, — продолжал он, — заражен смертельно опасными микробами, другой совершенно безвреден. Пусть Его Превосходительство решает, какой из них съест он, а мне достанется второй». Узнав об условиях, канцлер немедленно отменил поединок.

Клифтон Фадиман. «Коричневая книжечка анекдотов»

Толкование

Жизнь куртизанки влекла за собой возможность власти, какая была недоступна замужней женщине, но с ней были связаны и очевидные опасности. Мужчина, плативший куртизанке за ее услуги, когда это было нужно ему, обладал ею, решая, когда ему быть с ней, а впоследствии — когда оставить ее. По мере старения возможность выбора уменьшалась в зависимости от того, как сокращалось количество мужчин, выбиравших ее самое. Чтобы не скатиться в нищету, она должна была обеспечить себя материально еще в молодые годы. Вошедшая в легенду жадность куртизанок, таким образом, отражала насущную необходимость. Но это уменьшало привлекательность куртизанки: для мужчин важно верить в то, что женщина их желает, и часто их отпугивает слишком явная ее заинтересованность в деньгах. Так что доля стареющей куртизанки была, как правило, очень нелегкой.

Нинон де Ланкло приходила в ужас от мысли о любой форме возможной зависимости. Она рано познала и оценила все преимущества равного положения со своими партнерами и не хотела соглашаться на жизнь, которая лишила бы ее этого. Странно, но установленный ею порядок удовлетворял ее поклонников ничуть не менее, чем ее саму. «Плательщикам» доставляло удовольствие платить, притом сознание того, что они получат от Нинон награду лишь тогда, когда она сама этого захочет, вызывала у них радостный трепет, какого они не получали, общаясь с другими куртизанками. «Мученикам» то, что им не надо было платить, давало сознание превосходства. Как члены братства поклонников Нинон, они к тому же могли однажды испытать несравненное наслаждение стать ее

«фаворитом». Наконец, Нинон не принуждала своих поклонников вступать в ту или иную категорию. Они могли «выбирать», что предпочесть, то есть быть сводобными, а свобода сохраняла им иллюзию мужской гордости.

Такова сила предоставления людям выбора или, что почти одно и то же, иллюзии выбора, потому что они играют картами, которые сдавали вы. Нинон создала ситуацию, где любой вариант был выгоден ей. От «плательщиков» ей доставались деньги, необходимые для содержания салона. А от «мучеников» она получала самую важную составляющую власти: она могла окружить себя сонмом обожателей, гаремом, из которого выбирала себе любовников по вкусу.

Система, однако, базировалась на одном важнейшем факторе: шансе, хотя бы отдаленном, для «мученика» стать фаворитом. Иллюзия того, что богатство, слава или удовлетворение чувственных желаний могут в один прекрасный день упасть с неба в руки вашей жертве, эта приманка — которой невозможно противиться — должна быть включена в список ваших уловок. Эта надежда, очень слабая, заставит людей мириться с нелепейшими ситуациями, потому что оставит им самое главное — возможность мечтать. Иллюзия выбора, помноженная на вероятность счастливого случая в будущем, поможет завлечь в ваши сверкающие сети даже самых упрямых и подозрительных простаков.

Ключи к власти

Разнообразные фантазии на тему «как это может быть?», которые возникают у нас, когда звучат слова «свобода», «выбор» или «возможность», намного богаче тех благ, которые мы получаем в действительности. Если поближе изучить возможности выбора, какими мы располагаем — на рынке, во время выборов, на работе, — то окажется, что все они заметным образом ограничены: чаще всего мы выбираем лишь между А и Б, а остаток алфавита остается недоступным. И все же до тех пор, пока нас манит мираж множественности выбора, мы редко фиксируем внимание на упущенных возможностях. Мы «выбираем» веру, что игра ведется честно и что мы свободны. Мы предпочитаем не задумываться о том, чего стоит на самом деле эта наша свобода выбора.

Такое нежелание отдать себе отчет в ограниченности нашего выбора объясняется тем, что слишком полная свобода порождает своего рода беспокойство. Выражение «неограниченные возможности» звучит так многообещающе, но неограниченные возможности парализовали бы нашу способность выбирать. Ограниченность наших возможностей для нас утешительна.

Людям хитрым и оборотистым это предоставляет бескрайний простор для жульничества. Тем, кому предоставлена альтернатива выбора, трудно поверить, что они стали объектом манипуляции или обмана. Они не могут видеть, что вы даете им мизерное количество свободы, а в придачу навязываете им свою волю. Сужение диапазона вариантов, таким образом, должно стать обязательной частью ваших махинаций. Говорят, если сможешь добиться, чтобы птичка сама вошла в клетку, она будет петь намного лучше.

Ниже — наиболее распространенные формы «контроля над свободой выбора».

Лжец

Жил когда-то в Армении любознательный царь. Он решил развлечься и разослал по всей стране глашатаев с таким указом: «Слушайте! Тот, кто расскажет царю самую невероятную небылицу и докажет, что он самый большой лжец во всей Армении, получит из рук Его Величества яблоко, сделанное из чистого золота!»

Отовсюду ко дворцу потянулись люди — кого тут только не было: князья, купцы, крестьяне, священнослужители, богатые и бедняки, высокие и низкорослые, худые и толстые. В стране не было недостатка в лжецах, и каждый из них рассказал царю свою небылицу. Однако правитель уже раньше слышал все эти истории, и ни одна из них ему не понравилась. Царю уже начала надоедать его затея, и он уже подумывал разослать всех по домам, не наградив никого, когда перед ним предстал оборванец с большим глиняным кувшином под мышкой. «А ты чего хочешь?» — спросил царь. «Государь! — ответил бедняк немного смущенно. — Разве ты не помнишь? Ты задолжал мне горшок золота, и я пришел забрать долг». — «Да ты примерный лжец, милейший! — нахмурившись, воскликнул царь.— Я не должен тебе никаких денег!» — «Примерный лжец, я? — переспросил бедняк. — Тогда давай золотое яблоко!» Царь, поняв, что его провели, попытался

поправиться: «Нет, нет! Ты не лжец!» — «Тогда отдай мне горшок золота, который ты должен мне, господин», — отвечал хитрец. Царь увидел, что положение безвыходное. Он рассмеялся и отдал золотое яблоко.

Армянская народная сказка

Правильная подача вариантов. Это было любимым методом Генри Киссинджера. Будучи госсекретарем при президенте Ричарде Никсоне, Киссинджер считал себя лучше информированным, чем его босс, и верил, что в большинстве случаев он сам принимал более верное решение. Однако, попытайся он самостоятельно определять государственную политику, это обидело бы или рассердило президента, известного своей нерешительностью. Поэтому Киссинджер предлагал ему на выбор три-четыре варианта действий для каждой ситуации, причем представлял их таким образом, что вариант предпочтительный для него всегда казался явно лучшим решением вопроса по сравнению с другими. Раз за разом Никсон заглатывал наживку, не подозревая, что всегда движется туда, куда подталкивает его Киссинджер. Это превосходный способ играть на нерешительности господина.

Давление на упрямца. Одной из основных проблем, с которой столкнулся пионер гипнотерапии доктор Милтон Х. Эриксон в 50-е годы XX века, были рецидивы. Его пациенты вроде бы легко поддавались терапии, их состояние улучшалось, однако за их кажущейся восприимчивостью к лечению скрывалось глубокое сопротивление: рецидивы возникали очень скоро, больные возвращались к прежним привычкам при первом же удобном случае, винили в этом доктора и прекращали свои визиты к нему. Чтобы покончить с этим, Эриксон стал приказывать пациентам снова почувствовать себя так же плохо, как до лечения, — как бы возвратиться в исходный пункт. Столкнувшись с такой необходимостью, пациенты обычно «выбирали» избежать рецидива, что, конечно, и вело к желаемому для Эриксона результату.

Этот метод очень хорошо срабатывает с детьми и другими своенравными людьми, которые из духа противоречия норовят поступить наперекор тому, чего вы от них добиваетесь. Подтолкните

их «выбрать» то, что нужно вам, делая вид, что защищаете противоположное.

Смена игровой площадки. В 1860-е годы у Джона Д. Рокфеллера появилось намерение добиться создания монополии на нефть. Если бы он попытался скупить более мелкие нефтяные компании, его план раскусили бы и ему дали бы отпор. Вместо этого он начал, ничего не разглашая, скупать железнодорожные компании, которые занимались перевозками нефти. Теперь, если он наталкивался на сопротивление, пытаясь приобрести ту или иную нефтяную компанию, оставалось лишь напомнить им об их зависимости от железной дороги. Отказывая им в перевозке или просто поднимая расценки, он мог добиться краха их бизнеса. Рокфеллер сделал рокировку, перешел играть на другое поле, и добился того, что у мелких нефтедобывающих компаний оставались лишь те возможности, которые давал им он.

Когда вы применяете этот способ, то ваши оппоненты знают, что над ними совершается насилие, но это не имеет значения. Метод хорош для тех, кто сопротивляется до конца и готов на победу любой ценой.

Сужение выбора. Торговец произведениями искусства Амбруаз Воллард (конец XIX века) прекрасно владел этим методом. Клиенты приходили в магазин Волларда, интересуясь, предположим, творениями Сезанна. Он показывал им три картины, как бы забыв назвать цену, и притворялся, что задремал. Посетителям ничего не оставалось, как отбыть, не сделав выбора. Как правило, они возвращались на следующее утро, желая снова посмотреть картины, но на сей раз Воллард извлекал на свет божий менее интересные работы, делая вид, что ему кажется, будто их он показывал и накануне. Сбитые с толку клиенты изучали новое предложение, уходили, чтобы обдумать его, и снова возвращались. И опять повторялась та же игра: Воллард показывал еще менее ценные картины. Наконец покупатели осознавали: надо хватать то, что есть, а не то завтра он подсунет что-то еще похуже, да еще и по более высокой цене.

Модификация этого метода — поднимать цену всякий раз, как покупатель колеблется и откладывает решение до завтра. Это прекрасная уловка для торга с патологически нерешительными людьми. Она разрушит их представление о том, что завтра можно будет сторговаться выгоднее, чем сегодня.

Слабый человек. Слабыми легче всего манипулировать, контролируя их возможности выбора. Кардинал де Рец, великий провокатор (XVII век), служил в качестве неофициального помощника у герцога Орлеанского, который был болезненно нерешителен. Приходилось постоянно бороться, чтобы убедить герцога в необходимости какого-либо шага, — он колебался, просчитывал варианты, тянул до последнего, доводя приближенных до исступления. Но Рец нашел к герцогу подход: он описывал ему всевозможные опасности, преувеличивая их, сколько возможно, доводя до того, что герцогу виделись зияющие пропасти на всех путях, кроме одного, к которому и толкал его кардинал.

Эта тактика похожа на «расписывание вариантов», но со слабыми необходимо быть агрессивнее. Давите на их эмоции — тревогу, ужас: это в конце концов подвигнет их на действия. Попробуйте обратиться к их разуму — и они всегда найдут способ увильнуть.

Дж. П. Морган-старший однажды сказал знакомому ювелиру, что хотел бы купить булавку для галстука с жемчужиной. Вскоре после этого ювелиру попалась великолепная жемчужина. Он заказал для нее подходящую оправу и отослал Моргану вместе со счетом на 5 тысяч долларов. На другой день посылка была возвращена. Сопроводительное письмо Моргана гласило: «Мне нравится булавка, но не нравится цена. Если вы согласны принять вложенный чек на 4 тысячи долларов, верните коробку, не вскрывая печати».

Недовольный ювелир отказался от чека и в сердцах отправил посыльного прочь.

Вскрыв коробочку, чтобы убрать злосчастную булавку, он лишь тогда обнаружил, что ее там нет. На ее месте лежал чек на 5 тысяч долларов.

Клифтон Фадиман. «Коричневая книжечка анекдотов»

«Подельники». Это классический метод мошенников: вы втягиваете свою жертву в какое-то криминальное деяние, которое свяжет вас с ней кровью и общей виной. Простак принимает участие в вашем обмане, становится соучастником преступления (или думает, что это произошло: см. историю Сэма Джизила, Закон 3), теперь им

легко манипулировать. Серж Стависки, великий французский мошенник 1920-х годов, втянул в свои надувательства и аферы правительство Франции, так что его не осмелились отдать под суд и предпочли оставить в покое. Самое мудрое — обманом втянуть в сообщничество именно того человека, который наиболее для вас опасен. Его соучастие может быть минимальным — даже легкий намек на то, что он в чем-то замешан, связывает ему руки и покупает его молчание.

Рога дилеммы. Эту идею можно проиллюстрировать на примере похода генерала Шермана через Джорджию во время Гражданской войны в Америке. Хотя армия конфедератов знала, в каком направлении движется Шерман, но никто никогда не знал, слева или справа он будет нападать. Дело в том, что он разделил армию на два крыла, и если мятежники наступали на одном фланге, их немедленно атаковали с другого. Это классический метод, применяемый юристами в суде: юрист подводит свидетелей к необходимости выбирать между двумя вероятными объяснениями события, каждое из которых пробивает брешь в их версии. Им приходится отвечать на вопросы юриста, но что они ни скажут, оборачивается против них. Основное в этом методе — быстрота и натиск: не давайте жертве опомниться и ускользнуть. Попадая между двумя рогами дилеммы, они сами роют себе могилу.

Поймите: в борьбе с соперниками вам часто бывает необходимо причинить им вред. А если при этом ясно, что источник бед вы, ожидайте контратаки — готовьтесь к мести. Если, однако, им покажется, что они сами творцы собственных неудач, то они снесут все покорно. Вот почему всегда лучше позволить своим жертвам самим выбирать яд и, скрывая свою причастность, предоставить им отраву в полное распоряжение.

Образ: рога быка.

Бык загоняет вас в угол своими рогами — не одним рогом, от которого вы могли бы увернуться, а парой рогов, которая, как в капкан, ловит вас в промежуток между ними. Бегите налево или направо — куда бы вы ни двинулись, вы наткнетесь на заостренные их концы, и они пронзят вас насквозь.

Авторитетное мнение

«Ибо любые муки и зло, которые человек навлекает на себя добровольно и по собственному выбору, несравненно менее болезненны, чем те, что навлекают на него другие».

Никколо Макиавелли

Оборотная сторона

Возможность контролировать выбор служит одной основной цели: скрыть, что вы обладаете властью управлять и наказывать. Метод, однако, лучше всего работает на тех, чья власть непрочна, кто не может действовать открыто без риска вызвать подозрения, недовольство и возмущение. Да и вообще, вряд ли вашей популярности могут способствовать прямолинейные действия с применением насилия, как бы сильны вы ни были. Обычно более элегантно и более действенно дать людям иллюзию возможности выбора.

Однако, ограничивая возможность выбора у окружающих, вы иногда ограничиваете этим и себя. Бывают ситуации, когда для вас лучше предоставить соперникам широкий диапазон вариантов для выбора: наблюдая за тем, как они действуют, вы можете шпионить, собирать информацию и, в зависимости от этого, строить свои планы. Банкир XIX века Джеймс Ротшильд любил этот прием: он считал, что, управляя движениями своих противников, он терял возможность наблюдать за их стратегией и более результативно планировать свои действия. Чем больше свободы он предоставлял соперникам — на короткое время, — тем крепче ему удавалось прижать их впоследствии.

Закон 32. Играй на людских фантазиях

Формулировка закона

Правды часто избегают, так как она неприглядна и некрасива. Никогда не взывайте к истине и реальности, если вы не готовы к взрыву гнева из-за крушения иллюзий. Жизнь так жестока и горестна, что люди, способные произвести на свет романтическую фантазию, подобны оазису в пустыне: к ним тянутся. Руководить иллюзиями толпы — это великая власть.

Соблюдение закона

Город-государство Венеция переживал столь длительный период расцвета, что горожане ощущали благосклонность судьбы к их маленькой республике. В Средние века и позднее, в эпоху Возрождения, почти монопольное право Венеции на торговлю с Востоком сделало ее богатейшим европейским городом. При благоприятном республиканском правлении венецианцы наслаждались свободами, едва ли ведомыми другим жителям Италии. Но в XVI веке фортуна вдруг отвернулась от них. С открытием Нового Света преимущество перешло к странам Атлантического побережья Европы — Испании и Португалии, а позднее — Голландии и Англии. Венеция не могла выдержать экономической конкуренции, так что ее великолепие постепенно угасало. Последним ударом была потеря средиземноморских владений — острова Кипр, захваченного турками в 1570 году.

Теперь в Венеции разорялись благородные семейства, рушилась финансовая система. Венецианцы знали о своем блестящем прошлом — одни сами застали еще те прекрасные времена, другие слышали рассказы старших о них. Близость славных лет воспринималась как унижение. Венецианцы почти верили, что богиня Фортуна лишь ненадолго отвернулась от них, желая подшутить, но скоро вернутся былые дни. Но пока этот момент не настал, что они могли поделать?

В 1589 году по Венеции прошли слухи о прибытии загадочного человека по имени Брагадино, ученейшего алхимика, обладателя несметных богатств, способного, как говорили, получать золото

с помощью некоего таинственного вещества. Слух облетел весь город очень быстро, так как несколькими годами раньше один венецианский дворянин, проезжая через Польшу, услышал пророчество одного тамошнего ученого: Венеция вернет свою былую славу и власть, если сможет найти человека, сведущего в алхимической науке получения золота. Поэтому, как только до Венеции дошло известие об этом Брагадино с его алхимическим золотом (он постоянно держал в руках звякающие золотые монеты, а его дворец был набит золотыми предметами), многие начали мечтать: с его помощью город снова будет преуспевать.

Самые родовитые венецианцы собрались и вместе отправились в Брешию, где проживал Брагадино. Их провели по дворцу, а затем хозяин продемонстрировал благоговейно замершим гостям свой талант: взяв горсть каких-то минералов (на вид обычных камней), превратил их в несколько унций сверкающего золотого песка. В венецианском сенате готовились обсуждать предложение официально пригласить Брагадино в Венецию за счет города. Но в это самое время стало известно, что то же самое собирается сделать и герцог Мантуи. Рассказывали о блистательном и пышном приеме, устроенном Брагадино в своем дворце в честь герцога, упоминали одежду с золотыми пуговицами, золотые часы, золотые блюда и тому подобное. Обеспокоенные тем, что могут упустить Брагадино, сенаторы единогласно проголосовали за приглашение его жить в Венеции, посулив горы денег, необходимых ему, чтобы не отказываться от его шикарной жизни, но с тем условием, если он переедет незамедлительно.

Вскоре таинственный Брагадино прибыл в Венецию. Его колючие темные глаза, сверкающие из-под густых бровей, и два громадных черных мастифа, бывших при нем повсюду, производили впечатление мощи и неприступности. Он выбрал для своей резиденции роскошный дворец на острове Гвидекка. Его приемы, дорогую одежду и все его прихоти оплачивала республика. Венецию охватила алхимическая лихорадка. На уличных перекрестках продавали уголь, аппараты для дистилляции, воздуходувные мехи, алхимические трактаты. Каждый занимался теперь алхимическими опытами — каждый, кроме Брагадино.

Алхимик, казалось, не спешил начинать производство золота и спасать Венецию. Как ни странно, это лишь способствовало росту его популярности, доходящей до поклонения. Желающие повидать знаменитость стекались со всей Европы и даже из Азии. Шли месяцы, на Брагадино со всех сторон сыпались дары. Но никаких признаков чуда, которого доверчиво ждали от него, чуда, которое вознесет Венецию на былую высоту, по-прежнему не было. Наконец горожане начали проявлять нетерпение, вопрошая, когда же он возьмется за дело. Вначале сенаторы просили не торопить его — капризного, как сам дьявол, алхимика надо было улещивать. Но забеспокоились и дворяне и потребовали показать, как окупается дорогостоящее вложение города.

Брагадино свысока разговаривал с сомневающимися, но удостоил их ответа. Он сообщил, что на монетном дворе города им уже размещены значительные объемы таинственной субстанции, с помощью которой он получал золото. Он мог бы использовать всю субстанцию разом и получить количество золота, превышающее исходную субстанцию в два раза. Однако чем медленнее идет процесс, тем большее количество золота можно получить. Если не мешать процессу идти семь лет, вес золота превысит исходное количество субстанции не менее чем в 30 раз. Многие сенаторы были согласны ждать столько, сколько укажет Брагадино. Но другие возмутились: еще семь лет терпеть этого господина, что живет за их счет, как король, ни в чем себя не ограничивая! Так же были настроены и рядовые граждане Венеции. В результате враги алхимика потребовали, чтобы он продемонстрировал доказательства своих слов: пусть производит столько золота, сколько сможет, да поскорее.

Надменно, явно оскорбленный сомнениями в его искусстве, Брагадино ответил: «Венеция своим нетерпением предала меня и будет поэтому наказана, а я считаю себя свободным от обязательств». Он уехал из города, сначала в Падую, затем, в 1590 году, в Мюнхен по приглашению герцога Баварского, который, как и жители Венеции, знавал дни богатства и славы, но был расточителен и разорился, а теперь мечтал вернуть состояние с помощью алхимика. Брагадино запросил не менее выгодные условия, чем в Венеции, и вся ситуация повторилась в точности.

Похороны львицы
Супруга Льва скончалась.
Всё вдруг заволновалось, заметалось,
К царю летят со всех сторон
Слова любви и утешенья.
Весь двор в слезах от огорченья.
А царь — оповестить повелевает он
О том, что похороны вскоре.
В такой-то день и час быть всем, кто хочет, в сборе,
Чтоб видеть мог и стар и мал
Печальный церемониал.
Кто хочет?
А зачем скрывать такое горе,
Когда сам царь ревет с зари и до зари,
Да так, что эхо у него внутри.
У львов ведь нет иного храма.
И следом семо и овамо
На всех наречиях придворные ревут.
Под словом
«двор» я мыслю некий люд
Веселый, горестный, а впрочем, равнодушный
Ко всем и ко всему, зато царю послушный,
Любым готовый стать, каким монарх велит,
А если трудно стать, так хоть бы делать вид,
Свой цвет менять пред ним и обезьянить даже.
Придворные точь-в-точь рессоры в экипаже!
Но мы ушли от похорон.
Не плакал лишь Олень. А мог ли плакать он?
Нет, он был отмщен. Ведь вот какое дело:
Его жена и сын — их эта львица съела.
Так мог ли плакать он? А льстец один донес,
Что слышал смех его, но не заметил слез.
А гнев царя, еще и Льва к тому же,
Как Соломон сказал, всего на свете хуже.
Но ведь Олень читать-то не привык,
И что ему до чьих-то слов и книг!
И Лев ему рычит: «Презренный лесовик!

Смеешься? Плачут все, а ты затеял вздорить!
Не буду когти о тебя позорить.
Эй, Волки, все сюда, за королеву месть!
На тризне надлежит вам съесть
Изменника!» Тогда Олень в испуге:
«Но время слез прошло! Я плакать сам готов
О вашей, государь, достойнейшей супруге.
Но я видал ее на ложе из цветов,
И я узнал царицу сразу.
Я следую ее приказу.
“Мой друг! — она рекла. — Настал мой смертный час.
Боюсь, что призовут как плакальщика вас.
К чему? Когда я там, в блаженных кущах рая,
В Элизии живу, среди святых святая.
Но царь поплачет пусть. В блаженной вышине
Его слеза отрадна мне”».
Весть мигом разнеслась повсюду.
Все в крик: апофеоз! Он был свидетель чуду!
Олень помилован, представлен к орденам.
Прельщайте лестью высших саном,
Сном позабавьте их, платите им обманом.
Немилость высшего страшна лишь дуракам.
Приманку проглотил — и другом станет вам.

Жан Лафонтен

Толкование

Молодой киприот по имени Мамунья долгое время жил в Венеции, прежде чем переродиться в алхимика Брагадино. Он видел, какое уныние овладело городом, слышал разговоры о надеждах на восстановление положения. В то время как прочие шарлатаны упражнялись в мелком мошенничестве и ловкости рук, Мамунья изучал человеческую натуру. Он избрал Венецию в качестве трамплина для старта. Разработав план операции, он уехал за границу, изучил кое-какие алхимические фокусы, заработал с их помощью, а затем, вернувшись в Италию, открыл магазин в Брешии.

На расстоянии, рассчитал он, аура его власти будет выглядеть более внушительно.

Прежде всего Мамунья не устраивал примитивных представлений, чтобы убедить окружающих в своих талантах алхимика. Его великолепный дворец, богатые одеяния, звон золотых монет в его руках — все это казалось неоспоримым свидетельством и перевесило бы любые доводы разума. Возникал порочный круг, который он и использовал: его очевидное богатство подтверждало его репутацию алхимика, поэтому такие господа, как герцог Мантуанский, давали ему деньги, которые позволяли ему жить в богатстве, а это укрепляло его репутацию алхимика, и так далее. Стоило этой репутации возникнуть и закрепиться — и она стала работать на него. Герцоги и сенаторы соперничали, чтобы заполучить его, и он уже не должен был прибегать к докучным демонстрациям алхимических опытов. В те времена, впрочем, людей было легко обманывать: им хотелось верить. Венецианские сенаторы, которые видели, как он превращает в золото простые камни, до того нестерпимо хотели верить, что не заметили стеклянную трубку в его рукаве, из которой он посыпал золотым песком лежавшие перед ним камни. Блестящий, капризный, он был алхимиком их мечты — и, ослепленные его аурой, они не замечали его незамысловатых трюков.

Такова власть фантазий, их корни у нас в душе, особенно во времена лишений и упадка. Люди редко видят, что их проблемы порождены их собственной глупостью и неверными поступками. Им необходимо обвинить кого-либо или что-либо — окружающих, мир, богов, — а тогда и спасение тоже должно прийти извне. Появись Брагадино в Венеции с детальным анализом причин экономического упадка и предложением практических шагов по выходу из кризиса — его бы изгнали с позором. Действительность была слишком неприглядной, меры слишком болезненными — потребовалось бы работать не покладая рук, подобно тому, как трудились предки, принесшие процветание Венеции прошлых лет. Однако фантазию — в данном случае романтику алхимии — было легко понять и бесконечно приятнее принять.

Чтобы достичь власти, вам следует стать источником удовольствия для тех, кто окружает вас, а удовольствие даст игра на человеческих фантазиях. Никогда не обещайте постепенного улучшения, к которому

можно прийти в результате тяжелой работы. Вместо этого посулите луну, великое и внезапное преобразование, клад с золотом.

Можно убедить людей следовать самой нелепой и сумасбродной идее, для этого нужно только быть достаточно искусным, чтобы представить ее в выгодном свете.

Давид Юм, 1711–1776

Ключи к власти

Фантазия никогда не может действовать в одиночку. Ей требуется контрастирующий фон серости и обыденности. Именно подавляюще тусклая действительность позволяет фантазии пустить корни и расцвести. В Венеции XVI века реальностью были упадок и утеря престижа. Соответствующие фантазии рисовали внезапное восстановление былой славы благодаря чуду алхимии. По мере того как действительность становилась все хуже, венецианцы лелеяли блаженный воображаемый мир, в котором их город обретал прежнее богатство и власть в один миг, превратив пыль в золото.

Человек, способный претворить мечту в жизнь, превратить в сказку удручающую действительность, имеет доступ к безграничной власти. Если вы ищете фантазию, которая могла бы захватить массы, обратите внимание на банальные истины, наиболее сильно влияющие на каждого из нас. Не давайте обмануть себя приукрашенными автопортретами людей и описаниями их жизней, изучайте и раскапывайте, что на самом деле держит их в плену. Найдите это — и в ваших руках окажется волшебный ключ, который даст вам огромную власть.

Времена и люди меняются, давайте, однако, исследуем несколько вариантов подавляющей, сковывающей людей реальности и возможностей власти, предоставляемой ею.

Если хочешь солгать так, чтобы тебе поверили, не рассказывай неправдоподобной правды.

Император Японии Токугава Изясу, 1542–1616

Реальность: изменения происходят медленно и постепенно. Они требуют напряженной работы, удачи, немалого самопожертвования и большого терпения.

Фантазия: внезапное преображение приносит полную перемену фортуны, везение, которое заменяет труд, самопожертвование и время одним фантастическим ударом.

Это, безусловно, излюбленная фантазия шарлатанов наших дней, которые кишат среди нас. Это был и ключ к успеху Брагадино. Пообещайте быструю и полную перемену — от бедности к богатству, от болезни к здоровью, от страданий к процветанию, — и за вами потянутся.

Каким образом известный немецкий знахарь XVI века Леонгард Турнайссер стал придворным врачом у курфюрста Бранденбургского, если он даже не изучал медицину? Вместо ампутаций, пиявок, зловонных слабительных (то есть типичных средств медицины того времени) Турнайссер предлагал эликсиры со сладким запахом, обещал быстрое выздоровление. Блестящие придворные особенно интересовались его раствором «питьевого золота», который стоил целое состояние. Если симптомы болезни необъяснимы, Турнайссер обращался к гороскопу и прописывал талисманы. Кто мог устоять против такой фантазии — здоровье и хорошее самочувствие против мучений и боли!

Реальность: социальное общество имеет систему твердых установлений, законов и норм поведения. Мы миримся с этими ограничениями и знаем, что вынуждены ходить по одним и тем же привычным круговым маршрутам день за днем.

Фантазия: мы попадаем в совершенно новый мир, с другой системой ценностей и вероятностью интересных приключений.

Первое десятилетие XVII века. В Лондоне того времени говорили о таинственном незнакомце, молодом человеке по имени Джордж Салманазар. Он прибыл из края, который для большинства англичан был сказочной страной: с острова Формоза (Тайвань), недалеко от побережья Китая. Оксфордский университет пригласил Салманазара

преподавать островной язык, несколькими годами позже он перевел Библию на язык островитян, потом написал книгу — она тут же стала бестселлером — по истории и географии Формозы. Английское высшее общество носилось с молодым человеком как с любимой игрушкой, и везде, куда его приглашали, он развлекал собравшихся рассказами о своей родине и ее странных и экзотических обычаях.

После смерти Салманазара, когда было вскрыто его завещание, все узнали правду: он был всего лишь французом с богатым воображением. Все его рассказы о Формозе, все детали — алфавит, язык, литература, целая культура неведомой страны — были его выдумкой, мистификацией. Зная, что англичанам абсолютно ничего не известно о сказочной стране, он создал свою сложную, тщательно продуманную историю, которая отвечала их стремлению к экзотическому и необычному. Жесткий контроль над опасными мечтаниями людей, свойственный британской культуре, предоставил ему великолепную возможность использовать их фантазию в своих интересах.

Мечты об экзотическом могут, конечно, соприкасаться с сексуальными фантазиями. Не следует, однако, допускать слишком явного сближения, поскольку телесное препятствует полету фантазии. То, что можно увидеть и потрогать, вскоре вызывает пресыщение, что было уделом большинства куртизанок. Плотское очарование наложницы только разжигает аппетит господина к более разнообразным усладам, и это неизбежно приводит его к следующей красавице, которая дарит новизну. Фантазия, приносящая власть, обязательно должна оставаться не до конца осуществленной, нереализуемой, недостижимой. Танцовщица Мата Хари, к примеру, ставшая притчей во языцех перед Первой мировой войной, на вид была ничем не примечательна. Источником ее власти была фантазия, созданная ею маска женщины экзотичной, непознаваемой, не поддающейся расшифровке. Табу, на которые она замахивалась, касались не столько секса как такового, сколько нарушения принятых социальных и моральных норм.

Другая форма фантазий на почве экзотики — простая надежда вырваться из обыденности и скуки. Мошенники любят использовать в своих целях гнетущую атмосферу, царящую в мире трудящихся, отсутствие в нем малейшего намека на приключение. Это может быть,

например, организация экспедиции для поисков утерянных испанских сокровищ с участием привлекательной мексиканской сеньориты и возможностью встречи с президентом одной из южноамериканских стран — да все что угодно, что сулит развеять постылую скуку повседневности.

Реальность: общество расслоено и полно конфликтов.
Фантазия: люди могут объединиться в мистической общности душ.

В 1920-е годы мошенник Оскар Хартцелл быстро сколотил состояние на старой как мир афере имени сэра Френсиса Дрейка. Он обещал любому обладателю фамилии Дрейк долю несметных «сокровищ Дрейка» (сокровища, правда, были утеряны, но Хартцеллу якобы было известно их местонахождение). Тысячи обитателей Среднего Запада США попались на удочку. Хартцелл хитроумно повернул дело так, что поиски клада превратились в крестовый поход против правительства и любого другого, кто попытался бы вырвать сокровища из рук настоящих наследников. Возникла мистическая общность, своеобразный союз пострадавших Дрейков, они устраивали эмоциональные митинги и демонстрации. Пообещайте людям такой союз — и вы получите огромную власть, но власть опасную, которая легко может обернуться против вас. Подобные фантазии словно специально созданы для демагогов.

Реальность: смерть. Мертвых не вернуть, прошлое нельзя изменить.
Фантазия: внезапная и полная отмена этой невыносимой данности.

Этот обман имеет много вариантов, но требует большого мастерства и тонкости.

Картины Вермера Делфтского славятся своей красотой и являются настоящей классикой живописного искусства, но немногочисленны и, как следствие, очень редки. В 1930-е годы, однако, творения Вермера вдруг стали появляться на рынке произведений искусства.

Эксперты, к которым обращались за подтверждением их подлинности, объявляли их неподдельными произведениями мастера. Для многих коллекционеров такой, ранее неизвестный Вермер мог стать украшением собрания. Это напоминало воскрешение Лазаря: непостижимым образом Вермер словно вернулся к жизни. Прошлое изменило свою структуру.

Правда всплыла лишь позднее: новые Вермеры принадлежали кисти голландца Хана ван Меегерена, который изготавливал искусные подделки. Для своей фальсификации он выбрал именно Вермера, так как понимал, что такое фантазия: затея была обречена на успех именно потому, что и коллекционерам, и экспертам смертельно хотелось поверить в нее.

Помните: залог успеха в игре с фантазией есть сохранение дистанции. Отдаленное волнует, влечет, не обещая никаких проблем. Никогда не позволяйте ему превратиться в привычное: мираж, видимый издалека, исчезает, когда простак приближается к нему. Не описывайте фантазию слишком конкретно — она должна быть расплывчатой. Подделывая фантазии, позволяйте своим жертвам подойти ровно настолько, чтобы они могли увидеть и соблазниться, но держите их достаточно далеко, чтобы они продолжали мечтать и желать.

Образ: луна.

Недостижимая, постоянно меняющая очертания, она то исчезает, то появляется вновь. Мы глядим на нее, мечтая и дивясь, томясь и изнывая, — она никогда не становится привычной, всегда порождая фантазии. Не предлагайте очевидное. Обещайте луну.

Авторитетное мнение

«Во лжи есть очарование, привлекательность, ложь — это выдумка, которая может быть улучшена до фантазии. Ее можно задрапировать в одежды мистической концепции. Правда — холодные, трезвые и неуютные факты, их не так легко принять. Ложь куда приятнее. Самый презираемый человек в мире — тот, кто всегда говорит правду, кому чужда романтика... Для меня намного интереснее и выгоднее быть романтиком, чем говорить правду».

Желтый Малыш Вейл, 1875–1976

Оборотная сторона

Манипуляции с фантазиями масс дают власть, но и порождают опасность. Фантазии обычно содержат элемент игры — публика наполовину понимает, что ее дурачат, но все же не расстается с мечтой, смакуя предоставляемое вами развлечение и временный отход от обыденности. Так не утрачивайте легкости — старайтесь не приближаться к тому моменту, когда от вас потребуют результат. Это может оказаться весьма и весьма неприятно.

Поселившись в Мюнхене, Брагадино вскоре обнаружил, что трезвомыслящие баварцы не так истово верят в алхимию, как темпераментные венецианцы. Один герцог действительно верил в нее, потому что ему было необходимо, чтобы его вытащили из крайне затруднительного положения, в котором он находился. Брагадино начал ту же игру, что в Италии: он тянул время, принимал подарки. Он рассчитывал на терпение, но в народе росло раздражение. Деньги уходили, а результата не было. В 1592 году баварцы потребовали правосудия, и, неожиданно для Брагадино, над ним нависла реальная угроза виселицы. Как и прежде, он обещал и не выполнял, но на этот раз допустил роковую ошибку — неверно оценил долготерпение своих хозяев и свое влияние на них.

Последнее: не делайте распространенной ошибки, считая, что фантазия есть всегда нечто фантастическое. Она, безусловно, контрастирует с действительностью, но и сама реальность порой бывает настолько театральной и неправдоподобной, что фантазией становится мечта о простых вещах. Например, имидж Авраама Линкольна — образ простоватого провинциального юриста с бородой — помог ему стать президентом простых людей.

П. Т. Барнум создал удачное шоу с Томом Мальчиком с пальчик, карликом, который наряжался в костюмы знаменитых деятелей прошлого — например, Наполеона — и едко их высмеивал. Представление нравилось всем, вплоть до королевы Виктории, поскольку было созвучно фантазии того времени: довольно тщеславных вершителей истории, теперь дело за простыми людьми. Том Мальчик с пальчик как будто бы выворачивал наизнанку привычные представления о фантазии, в которых странное

и неизведанное становится идеалом. Но его действия, тем не менее, не выходили за рамки закона, поскольку в их основе лежала фантазия, а именно: у простого человека нет проблем, и он счастливее власть имущих и богатых.

Как Линкольн, так и Том Мальчик с пальчик играли роль простых людей, но тщательно следили за соблюдением дистанции. Если вам придется обыгрывать такой тип фантазии, не забывайте, что и в этом случае необходимо держать дистанцию и не позволять своему образу «человека из толпы» становиться слишком знакомым, приедаться — в противном случае он не сработает в качестве фантазии.

Закон 33. Знай слабые струнки каждого человека

Формулировка закона

У каждого есть слабости, брешь в крепостной стене. Такой слабостью может быть неуверенность, неконтролируемые эмоции или желания, а возможно, маленькие тайные радости. Как бы то ни было, обнаружив, превратите ее в орудие пытки и используйте для своей выгоды.

Найти орудие пытки: стратегический план действий

Всем нам приходится обороняться. Каждый человек носит на себе доспехи, защищающие от перемен, от бестактности друзей и нападок врагов. Мы больше всего хотим, чтобы нас оставили в покое и позволили действовать по нашему разумению. Постоянные попытки испытать на прочность оборонительные редуты противника отнимут у вас много энергии. Однако очень важно понимать, что абсолютно у всех людей имеются свои слабости — это некая уязвимая брешь в их психологических доспехах, *неспособная* сопротивляться, которая будет повиноваться вашей воле, если вы обнаружите ее и надавите на нее. Некоторые люди не скрывают своих слабостей, другие прячут их от всех. С последними бывает легко справиться, нащупав брешь в их оборонительных сооружениях.

Планируя штурм, помните о нижеследующих принципах.

Будь внимателен к языку жестов и подсознательным сигналам. Зигмунд Фрейд заметил: «Ни один смертный не способен хранить секрет. Если молчат его губы, говорят кончики пальцев; предательство сочится из него сквозь каждую пору». Эту основную посылку необходимо помнить и учитывать при поисках человеческой слабости — ее, эту слабость, неизбежно выдают незначительные на первый взгляд жесты и брошенные мимоходом слова.

Важно не только то, что вы ищете, но еще где и как вы это ищете. Повседневные разговоры — богатейшие россыпи, требующие разработки, поэтому, чтобы обнаружить слабость собеседника, научитесь слушать. Для начала всегда надо показывать свою заинтересованность разговором — сочувствие слушателя кому угодно развяжет язык. Хитрый трюк, которым часто пользовался Талейран,

состоит в том, чтобы притвориться, будто открываете собеседнику душу, доверительно делитесь с ним своим секретом. Секрет может быть полной выдумкой или правдой — в данном случае это не имеет для вас значения. Важно, чтобы *казалось*, что ваши слова идут из самого сердца. Это, как правило, вызывает ответ не менее искренний, но к тому же совершенно неподдельный — ответ, обнаруживающий слабость.

Если вы подозреваете, что у кого-то имеется особенно слабое место, прозондируйте его незаметно. Если, например, вы чувствуете, что человеку необходимо, чтобы его любили, начните делать ему комплименты. Если он клюнет на вашу лесть, какой бы грубой она ни была, вы на верном пути. Научитесь замечать детали — как тот дает чаевые официанту, что нравится этому, читайте сообщения, скрытые в манере одеваться. Ищите идолов, которым поклоняется интересующий вас человек, вещи, которые он обожает и за обладание которыми пойдет на все, — не исключено, что вы поможете ему осуществить его мечты. Помните: мы все стараемся скрыть свои слабости, поэтому мало что можно узнать, наблюдая за осознанным, контролируемым поведением. Интерес представляют детали, мелочи, просачивающиеся наружу, минуя сознание и контроль.

Найди беспомощное дитя. Большая часть слабостей возникает в детстве, прежде чем индивидуум начинает строить компенсаторную защиту. Может быть, ребенка баловали, давали ему поблажки в какой-то сфере, а может, какие-то его эмоциональные потребности остались неудовлетворенными. Когда ребенок становится старше, потакание или нехватка могут уйти вглубь, но не могут исчезнуть совсем. Сведения о детстве человека служат отличным ключом для расшифровки его слабостей взрослого возраста.

Один из признаков такой слабости, например, то, что, если вы касаетесь, затрагиваете ее, человек часто начинает вести себя по-детски. Поэтому внимательно следите за таким поведением объекта, которое не совсем приличествует его возрасту. Если ваши жертвы или соперники были в детстве лишены чего-то важного, скажем родительской поддержки, дайте им это или суррогат этого. Если они обнаружат перед вами тайную страсть, скрытые желания, удовлетворите их. В обоих случаях они будут обезоружены и не смогут противостоять вам.

Ищи контрасты. Видимость часто скрывает свою противоположность. За воинственными выкриками с битьем себя в грудь частенько прячется трусость, ханжески стыдливый фасад подчас маскирует похоть и распущенность, скромник мечтает обратить на себя всеобщее внимание. Сопоставляя внешнее с тем, что стоит за ним, можно часто обнаружить слабости людей, полярные тем качествам, какие они вам демонстрируют.

Находи слабое звено. Иногда в вашем поиске слабостей имеет значение не «что», а «кто». В современных вариантах придворной жизни часто кто-то, стоящий за сценой, обладает огромной закулисной властью, влиянием на тех людей, которые, по видимости, занимают самые высокие позиции. Эти теневые властители являются слабым звеном цепи: добейтесь их милости — и вы получите возможность косвенно влиять на короля.

Другой пример: даже в группе людей, внешне совершенно единодушных (например, когда группа под натиском внешнего врага теснее сплачивает ряды), всегда найдется слабое звено. Всегда можно найти одного человека, который не выдержит давления.

Заполняй пустоту. Два основных типа эмоционального вакуума — это неуверенность и неудовлетворенность. Неуверенные падают жертвой любых социальных предрассудков. Что до хронически неудовлетворенных, то поищите корни их постоянного недовольства. Те и другие почти неспособны скрыть свои слабости. Способность заполнить их эмоциональную пустоту — великий источник власти, к тому же неиссякаемый, им можно пользоваться бесконечно долго.

Давай пищу неконтролируемым эмоциям. К неконтролируемым эмоциям можно отнести параноидальный страх — страх, неадекватный ситуации, или любое низменное побуждение: жадность, тщеславие, ненависть или похоть. Находясь в тисках этих эмоций, люди часто не владеют собой, так что вы сможете управлять ими.

Соблюдение закона (1)

В 1615 году тридцатилетний епископ Люсонский, позднее известный как кардинал Ришельё, выступал перед представителями трех сословий Франции — духовенством, дворянством и простолюдинами. Ришельё был избран, чтобы служить выразителем интересов духовенства — огромная ответственность для человека еще

молодого и не особенно хорошо известного. Говоря обо всех актуальных проблемах, Ришельё в своей речи придерживался линии церкви. Но ближе к концу выступления он сделал нечто, что не имело никакого отношения к церкви, но было решающим для его дальнейшей карьеры. Он повернулся к трону пятнадцатилетнего короля Людовика XIII и к королеве-матери Марии Медичи, сидевшей позади Людовика, как и положено регентше, правившей Францией до наступления совершеннолетия. Все ожидали, что Ришельё обратится со стандартными словами к королю. Вместо этого, глядя в упор на королеву, он закончил свою речь длинным льстивым панегириком в ее честь, столь цветистым, что кое-кто из присутствующих членов церкви почувствовал обиду. Но улыбка на лице королевы, когда она внимала любезным речам Ришельё, была незабываемой.

Годом позже королева-мать назначила Ришельё государственным секретарем по иностранным делам, что для молодого епископа было неслыханной удачей. Он теперь вошел в узкий круг власти и изучал все происходящее при дворе так, словно перед ним был часовой механизм. Итальянец Кончино Кончини был фаворитом королевы-матери, возможно, и ее любовником, и эта роль делала его самым влиятельным человеком во Франции. Кончини был пустым и фатоватым, и Ришельё быстро нашел правильный подход, обращаясь к нему с таким почтением, словно тот был самим королем. Не прошло и полугода, как Ришельё стал одним из любимцев Кончини. Но в 1617 году произошло то, что перевернуло все вверх дном: по приказу юного короля, вид и поведение которого до тех пор заставляли воспринимать его как слабоумного, Кончини был убит, а люди из его ближайшего окружения заключены в тюрьму. Людовик XIII мгновенно устранил королеву-мать, показав, что отныне правит страной он сам.

Казалось, Ришельё поставил не на ту карту. Он был приближен и к Кончини, и к Марии Медичи, все приближенные которых ныне были не в чести, многие — под арестом. Сама королева-мать находилась под домашним арестом в Лувре. Ришельё не терял времени. В тот момент, как все покинули Марию Медичи, он остался с ней. Он знал, что Людовик не сможет покончить с нею, так как король был еще слишком молод и, несмотря ни на что, чрезмерно привязан к матери. Ришельё, как единственный друг королевы, сохранивший власть, взял на себя важную роль — осуществлял связь между королем и его матерью.

В награду он получил ее покровительство и смог пережить дворцовый переворот даже с пользой для себя. В течение нескольких лет после этого зависимость королевы-матери от Ришельё все возрастала. В 1622 году она сполна вознаградила его за преданность: благодаря ее связям в Риме Ришельё получил высокий пост кардинала.

К 1623 году положение короля Людовика XIII было весьма затруднительным. Он не доверял ни одному из своих приближенных, ему не с кем было посоветоваться. Хотя уже не мальчик, а молодой мужчина, он оставался по-прежнему ребенком в душе, и государственные дела давались ему с большим трудом. Теперь, когда он взошел на трон, Мария теоретически не имела власти, но она по-прежнему пользовалась влиянием на сына, который внимательно к ней прислушивался. Она постоянно твердила Людовику, что его единственным спасителем может стать Ришельё. Сначала Людовик не соглашался с этим ни в какую — он ненавидел кардинала всей душой и терпел его лишь ради матери. Но все же, изолированный от двора, измученный собственной нерешительностью, он покорился матери и сделал Ришельё вначале главным советником, а позднее — премьер-министром.

Теперь Ришельё более не нуждался в Марии Медичи. Он перестал бывать у нее, ухаживать за ней, перестал прислушиваться к ее мнению, позволял себе даже спорить и противоречить ее желаниям. Вместо этого он сконцентрировался на короле, добиваясь того, чтобы стать для своего нового господина незаменимым. Все бывшие до него премьер-министры, понимая инфантильность короля, старались оберегать его от бед. Проницательный Ришельё вел себя иначе, намеренно втягивая его в один масштабный проект за другим, такие, как крестовый поход против гугенотов и затяжная война с Испанией. Грандиозность этих проектов лишь увеличивала зависимость короля от своего влиятельного премьер-министра, единственного человека, способного поддерживать в государстве порядок. В последующие восемнадцать лет Ришельё, эксплуатируя слабости короля, правя Францией по собственному усмотрению, объединил страну и превратил ее в одно из сильнейших европейских государств.

Толкование

Ришельё воспринимал мир вокруг себя как военную кампанию, причем наиважнейшим элементом стратегии для него было выявление слабостей неприятеля и воздействие через них. К моменту его выступления в 1615 году он искал слабое звено в цепи власти и обнаружил, что таким звеном является королева-мать. Мария Медичи не была явно слабой — она управляла и Францией, и своим сыном. Ришельё, однако, видел, что на самом деле это не до конца уверенная в себе женщина, которая нуждается в постоянной мужской поддержке. Он осыпал ее знаками внимания и уважения, даже низкопоклонничал перед ее фаворитом Кончини. Он знал, что наступит день, когда король придет к власти, отчетливо видел, что Людовик безумно любит мать и всегда останется ребенком во взаимоотношениях с нею. Следовательно, решил он, способ воздействия на Людовика должен быть не прямым (что было слишком ненадежно и могло перемениться за один день), а опосредованным, через его мать, влияние на которую он мог сохранять в течение сколь угодно долгого времени.

Добившись желанного поста премьер-министра, Ришельё отбросил королеву-мать за ненадобностью, перейдя к следующему слабому звену цепи: характеру самого короля, характеру беспомощного ребенка, который нуждался в старшем авторитетном наставнике. Именно на слабости короля, как на фундаменте, Ришельё воздвиг собственную власть и славу.

Помните: оказавшись при дворе, ищите слабое звено. Властью часто обладает не король и не королева, а кто-то находящийся за сценой — фаворит, муж или жена, даже придворный шут. Этот человек может иметь больше слабостей, чем сам король, потому что его власть зависит от множества самых разных непостоянных факторов, не поддающихся регулированию.

И еще одно: имея дело с беспомощными детьми, неспособными принимать решения, играйте на их слабости и подвигайте их на рискованные начинания. Они попадут в еще большую зависимость от вас, видя в вас фигуру взрослого, за спиной у которого можно спрятаться и найти защиту в случае беды.

Соблюдение закона (2)

Вспомним еще один уже знакомый нам персонаж и историю, с ним связанную. В декабре 1925 года скучающие гости первоклассного отеля на американском курорте Палм Бич в штате Флорида с любопытством смотрели, как к входу подкатил «роллс-ройс» с шофером-японцем. Из машины вышел статный мужчина. В последующие несколько дней они наблюдали, как он прогуливался с неизменной элегантной тростью. Таинственному постояльцу всякий час доставляли телеграммы. Его не удавалось втянуть в разговоры, кроме самых коротких. Стало известно, что это аристократ, зовут его граф Виктор Люстиг и он принадлежит к одному из самых богатых европейских семейств, но ничего сверх этого выяснить не удавалось.

Вообразите теперь общее изумление, когда Люстиг как-то подошел к одному из наименее именитых постояльцев отеля, мистеру Герману Лоллеру, главе машиностроительной компании, и заговорил с ним. Лоллер только недавно сколотил свое состояние, и заводить контакты в обществе было для него делом первостепенной важности. Он был польщен и немного оробел в присутствии такого утонченного человека, который великолепно говорил по-английски, скорее с намеком на легкий иностранный акцент. Проходили дни, они сдружились.

Беседу в основном поддерживал Лоллер. Как-то вечером он признался, что дела идут неважно, а предстоят и вовсе тяжелые времена. В ответ Люстиг также сделал признание новому другу: ему приходилось испытывать серьезные проблемы с деньгами — коммунисты конфисковали имение семьи и все его сбережения. К счастью, он нашел решение — «аппарат, делающий деньги». «Вы фальшивомонетчик?» — прошептал Лоллер с ужасом. «Нет», — отвечал Люстиг и рассказал, что в основе действия аппарата лежит сложнейшая химическая реакция. В результате аппарат способен изготовить дубликат любой банкноты с абсолютной точностью. Вкладываешь в нее купюру достоинством один доллар, а через шесть часов у тебя их два — и оба подлинные. Он принялся многословно рассказывать, как аппарат был нелегально вывезен из Европы, как Германия разработала его с целью подорвать экономику Британии, как граф пользовался им в течение нескольких лет и так далее... Лоллер стал умолять продемонстрировать ему действие аппарата. Друзья

поднялись в номер Люстига, где граф извлек на свет впечатляющий ящик красного дерева с многочисленными отверстиями, рычагами и циферблатами. Лоллер наблюдал, как Люстиг вложил в прорезь долларовую купюру. Конечно, наутро Люстиг извлек на свет две купюры, обе еще влажные от химикатов.

Люстиг вручил купюры Лоллеру, а тот поспешил с ними в местный банк, где ему подтвердили их подлинность. Бизнесмен принялся лихорадочно умолять Люстига продать ему аппарат. Граф объяснил, что это уникальная машина, но Лоллер сделал очень выгодное предложение: 25 тысяч долларов, по тем временам немалая сумма (сегодня ей соответствует примерно 400 тысяч долларов). Даже теперь Люстиг, похоже, не был согласен: ему казалось, что он поступит некрасиво, вынуждая друга идти на такую трату. Но после долгих препирательств все же уступил. «В конце концов, — сказал он, — не так уж важно, сколько ты мне заплатишь. Ты же сможешь с помощью аппарата покрыть расходы за считаные дни». Люстиг заставил Лоллера поклясться, что он никогда не расскажет об аппарате ни одной живой душе, после чего взял деньги. В тот же день он выехал из отеля. Год спустя, после многих бесплодных попыток продублировать деньги, Лоллер решился отправиться в полицию с историей о том, как граф Люстиг провел его с помощью пары долларовых купюр, каких-то химикатов и деревянного ящика.

Все решают мелочи

Со временем я научился выискивать и использовать в своих интересах маленькие людские слабости. …Ведь особенно важны именно мелочи, детали. Однажды я обрабатывал президента крупного банка в Омахе. Дело [афера] касалось приобретения городского транспорта Омахи — трамвая, причем покупка включала и мост через Миссисипи. Люди, чьи интересы я якобы представлял, были немцами, так что мне приходилось вести переговоры с Берлином. Ожидая от них ответа, я тем временем от своего имени предложил банкиру акции горнорудного месторождения. Поскольку клиент был небедный, я решил играть по-крупному.

…Тем временем мы с банкиром стали партнерами по игре в гольф, я бывал у него дома, ходил в театр с ним и его супругой.

Хотя он проявлял некоторый интерес к моим делам на бирже, но мне никак не удавалось увлечь его настолько, чтобы он отбросил сомнения. Чтобы заинтересовать его, я «повышал ставки» и в конце концов заявил, что необходимо вложение 1 250 000 долларов. Из них я намеревался вложить 900 тысяч, а банкиру предлагал внести долю в 350 тысяч. Но он продолжал колебаться.

Однажды вечером, придя к нему на ужин, я надушился. Духи были от Коти – «Апрельские фиалки». В те времена надушенный мужчина не казался женственным, это было в обычае времени.

Супруге банкира аромат понравился. «Где вы их достали?» —«О, это редкий сорт, — отвечал я ей, — их специально изготавливают во Франции по моему заказу. Так вам они нравятся?» «Они прелестны!» — был ответ.

На другой день я порылся в своих пожитках и нашел пару пустых флаконов – конечно, французских.

В магазине в центре города я купил десять унций «Апрельских фиалок» Коти и перелил их во французские бутылочки. Тщательно запечатав горлышки, я завернул флаконы в папиросную бумагу.

Вечером я заглянул к банкиру и вручил духи его жене. «Их специально доставили из Кёльна по моему заказу», — сказал я ей.

На следующий день банкир позвонил в мой отель. Духи привели его супругу в восторг. Она с воодушевлением восклицала, что у нее в жизни не было парфюма с таким удивительным, тонким и экзотическим запахом. Я не стал сообщать банкиру, что экзотические духи можно было без труда приобрести прямо здесь же, в Омахе. «Она сказала, — добавил банкир, — что я просто счастливчик, раз могу стать компаньоном такого человека, как вы».

С этого момента его отношение к делу резко переменилось, так как он полностью доверял суждению жены. …Он внес в дело 350 тысяч долларов. Это была самая крупная сумма, которую мне удалось получить вот так играючи.

Желтый Малыш Вейл

Толкование

Граф Люстиг обладал талантом по-орлиному зорко видеть слабости окружающих. Для этого ему хватало самых незначительных деталей.

Лоллер, например, давал официантам слишком большие чаевые, нервничал, разговаривая со швейцаром, громко разглагольствовал о своем бизнесе. Люстиг из этого сделал вывод, что его слабостью была потребность к признанию в обществе и к уважению, которое, по мнению Лоллера, должны были обеспечить ему деньги. Вдобавок несчастный постоянно страдал от неуверенности в себе. Люстиг остановился в отеле с целью подыскать добычу. В Лоллере он нашел идеального простака — человека, жаждущего, чтобы кто-то заполнил бы его эмоциональную пустоту.

Таким образом, предлагая Лоллеру свою дружбу, Люстиг понимал, что тем самым дает ему шанс мгновенно завоевать уважение других обитателей отеля. Будучи аристократом, Люстиг также предлагал нуворишу доступ в изысканный мир старого богатства. И в довершение всего еще и аппарат — машина, которая могла спасти Лоллера от всех его тревог. Благодаря машине он еще и ощущал себя ровней самому графу, который также использовал ее. Нечего и удивляться тому, как охотно Лоллер проглотил наживку.

Соблюдение закона (3)

В 1559 году король Франции Генрих II погиб на рыцарском поединке. Престол унаследовал его сын, теперь ставший королем Франциском II, но за ним стояла жена Генриха, королева Екатерина Медичи, сильная женщина, издавна славившаяся как талантливый государственный деятель. Когда годом позже Франциск умер, Екатерина получила власть, став регентшей при ее следующем сыне по линии наследования, будущем Карле IX, которому в то время едва минуло десять лет.

Основную угрозу для власти королевы представляли Антуан де Бурбон, король Наварры, и его брат Луи, могущественный принц Конде. Оба они могли претендовать на регентство, оспорив права Екатерины, которая была итальянкой по происхождению, а значит, иностранкой. Екатерина не мешкая назначила Антуана генерал-лейтенантом короля. Казалось, этот титул удовлетворил его притязания. Назначение, кроме того, означало, что Антуан останется при дворе и у Екатерины будет возможность не терять его из виду. Ее следующий ход был еще хитрее: Антуан был известен своей слабостью к хорошеньким женщинам, и Екатерина приказала одной из

самых красивых своих фрейлин, Луизе де Руэ, обольстить его. Став любовницей Антуана, Луиза докладывала своей госпоже о каждом его шаге. Эта идея была настолько удачной, что Екатерина приставила другую свою фрейлину к принцу Конде, и таким образом появился на свет «escadron volant» — «летучий эскадрон» девушек, которых она использовала, чтобы контролировать действия ничего не подозревающих мужчин-придворных.

В 1572 году Екатерина выдала замуж свою дочь Маргариту де Валуа за Генриха, сына Антуана и нового короля Наварры. Так приблизить семью, всегда стоявшую в оппозиции, к власти было рискованным шагом. Поэтому, чтобы быть уверенной если не в преданности, то в лояльности Генриха, она велела очаровательнейшей участнице «летучего эскадрона» Шарлотте де Бон Самблансэ, баронессе де Сов, заняться им. Екатерину не остановило то, что Генрих стал супругом ее собственной дочери. Всего через несколько недель после свадьбы Маргарита Валуа записывает в дневнике: «Мой муж настолько поглощен мадам де Сов, что мы более не делим с ним ложе и даже не беседуем».

Баронесса была искусной шпионкой и помогала Екатерине держать Генриха в кулаке. Когда младший сын Екатерины, герцог Алансонский, сблизился с Генрихом настолько, что она испугалась возможности заговора, она подослала баронессу и к нему. Самая порочная в пресловутом эскадроне красавица проворно соблазнила Алансона, и вот уже двое молодых людей соперничают из-за нее, их дружба улетучивается, а вместе с ней и риск интриги против Екатерины.

Толкование

Екатерина с юных лет наблюдала, какую власть имеют любовницы над государственными мужами: любовницей ее собственного мужа Генриха II была знаменитая Диана де Пуатье. По собственному опыту Екатерина знала: мужчины, подобные ее мужу, хотят уверенности в том, что могут завоевать женщину благодаря не своему положению при дворе (которое не являлось наградой за заслуги, а было получено по наследству), а собственным достоинствам. Такая потребность делала мужчину уязвимым: женщине стоило сделать вид, что она покорена, как он уже не замечал, что на деле власть сосредоточена в ее

руках. Такова была власть Дианы де Пуатье над Генрихом. Такой была стратегия Екатерины — обернуть эту слабость себе на пользу, с ее помощью завоевывать мужчин и властвовать над ними. Все, что ей нужно было сделать, это натравливать самых прелестных и соблазнительных женщин двора, ее «летучий эскадрон», на мужчин, разделяющих слабинку ее мужа.

Помните: обязательно надо искать и отыскивать страсти, сильные чувства или навязчивые идеи, с которыми человек не в силах справиться. Чем сильнее страсть, тем уязвимее ваша жертва. Это может показаться вам неожиданным, потому что страстные натуры обычно производят впечатление сильных. На самом же деле это только маска, прикрываясь которой они отвлекают внимание от собственной слабости и беспомощности. Потребность мужчины в завоевании женщины в действительности говорит о его безграничной беспомощности — это и позволяет одурачивать мужчин на протяжении тысячелетий. Ищите в людях самое ярко выраженное начало: жадность, похоть, сильные страхи. С этими чувствами им не справиться, над ними люди почти не властны. Но если над чем-то не властны окружающие, возьмите власть в свои руки и сделайте это за них.

Соблюдение закона (4)

Арабелла Хантингтон была женой крупнейшего железнодорожного магната конца XIX века, Коллиса П. Хантингтона. Происхождения она была весьма скромного, и ей стоило большого труда добиться, чтобы ее признали в светском обществе. Если Арабелла давала прием в их особняке в Сан-Франциско, лишь немногие представительницы элиты удостаивали ее посещением. Большинство же считали ее охотницей за богатством и отнюдь не ровней себе. Из-за сказочного богатства мужа вокруг миссис Хантингтон вертелись торговцы произведениями искусства, но и они видели в ней лишь парвеню, выскочку. Только один человек обращался с ней иначе: торговец произведениями живописи Джозеф Дювин.

За первые несколько лет знакомства Дювина с Арабеллой он не пытался навязывать ей никаких дорогих покупок. Вместо этого он сопровождал ее при посещении шикарных магазинов, вел доверительные беседы, рассказывал ей о королевах и принцессах,

с которыми был знаком, и т. д. Она была счастлива: наконец ей встретился человек из высшего общества, который не отталкивает, а принимает ее как равную, а в чем-то даже признает ее превосходство. Тем временем Дювин, не стараясь ничего ей продавать, постепенно и ненавязчиво обучал ее своим эстетическим представлениям, а именно: лучшее искусство то, которое дороже стоит. Дювин всегда держался так, будто считал, что Арабелле присущ врожденный утонченный вкус, хотя и знал, что ее художественные предпочтения были просто ужасными, пока она не начала видеть мир его глазами.

После смерти Коллиса Хантингтона в 1900 году Арабелла получила огромное наследство. Она вдруг начала скупать дорогие живописные шедевры — Рембрандта, Веласкеса, — причем приобретала полотна только у Дювина. Несколько лет спустя Дювин продал ей «Голубого мальчика» кисти Гейнсборо по беспрецедентно высокой цене — в то время никто еще не платил столько за произведение искусства; факт тем более удивительный, что покупательница увлеклась коллекционированием так недавно.

Толкование

Джозеф Дювин раскусил Арабеллу Хантингтон, как только увидел ее. Он понял, в чем состоит ее комплекс: она страдала оттого, что с ней не считались, не принимали в обществе. Болезненно ощущая неполноценность из-за своего простонародного происхождения, она остро нуждалась в том, чтобы ей помогли утвердиться в новой социальной роли. Дювин выжидал. Вместо того чтобы уговаривать ее заняться коллекционированием картин, он не спешил, общался с нею на нейтральные темы, при этом тонко играя на ее слабости. Она почувствовала, что может быть интересна не только в качестве супруги одного из самых богатых людей в мире, но и сама по себе, — и была покорена. Дювин не вел себя с Арабеллой снисходительно или свысока, он не поучал ее, но внушал ей свои представления исподволь, ненарочито. В результате он обзавелся прекрасным и преданным клиентом.

Человеческая нужда в признании и самоутверждении, потребность чувствовать себя значительным — слабость, которую можно использовать с большим успехом. Все, что вам требуется, — это найти способ успокоить человека относительно его вкуса, социального

положения или ума, помочь почувствовать уверенность в себе. Когда рыбки оказываются на крючке, мотайте леску, держите их на этой удочке годами — они не сорвутся, ведь ваша роль для них благотворна, вы даете им то, чего они не могли добыть себе сами. Они могут так никогда и не заподозрить, что вы манипулируете ими, а если и поймут, вряд ли возмутятся, ведь вы нужны им, чтобы чувствовать себя увереннее и лучше, а это дорогого стоит.

Соблюдение закона (5)

В 1862 году король Пруссии Вильгельм назначил Отто фон Бисмарка первым министром и министром иностранных дел. Бисмарк был известен своей решительностью, своим честолюбием и тем, что стремился к укреплению военной мощи страны. Поскольку в парламенте и кабинете министров были преимущественно либералы, политики, которые и так уже хотели ограничить королевскую власть, было довольно рискованным шагом назначать Бисмарка на такие ответственные посты. Королева Августа пыталась отговорить Вильгельма, но, хотя обычно ей удавалось повлиять на супруга, на сей раз он был непреклонен.

Прошла всего одна неделя после назначения Бисмарка, когда он выступил с речью перед министрами, убеждая правительство в необходимости расширения армии. Он закончил речь словами: «Основные вопросы нашего времени будут решаться не речами и резолюциями, а железом и кровью». Его речь быстро распространилась по всей Германии. Королева кричала мужу, что Бисмарк — варвар, милитарист, что он собирается узурпировать власть в Пруссии и что Вильгельму следует немедленно отправить его в отставку. С ней было согласно либеральное правительство. Общественный протест был таким мощным, что Вильгельм начал опасаться, как бы ему не закончить дни на плахе подобно Людовику XVI во Франции, но он оставил Бисмарка на посту первого министра.

Бисмарк знал, что ему необходимо попасть к королю, пока не поздно. Он понимал и то, что совершил просчет и теперь должен смягчить впечатление от своих резких слов. Однако, продумывая свою стратегию, он решил, что не будет извиняться, а поступит как раз наоборот. Бисмарк хорошо знал короля.

К моменту их встречи Вильгельма, как и следовало ожидать, настроила королева, и он пребывал в сильном волнении. Он поделился своими опасениями, что его могут гильотинировать. Но Бисмарк ответил только: «Что ж, тогда мы умрем! Это должно произойти раньше или позже, а можно ли выдумать более достойную смерть? Я умру, защищая до конца моего господина и повелителя. Ваше Величество, умирая, Вы собственной кровью подтвердите законность Ваших королевских прав помазанника Божия. На плахе или на поле битвы — не имеет значения, где со славой рисковать душой и телом, отстаивая права, дарованные Божией милостью!» Он продолжал, взывая к королевской чести Вильгельма как монарха и главнокомандующего. Как мог король позволять людям давить на него? Разве честь Германии не была важнее каких-то словопрений? Первый министр не только настроил короля против жены и парламента, но и убедил его начать укрепление армии — основная цель, к которой стремился Бисмарк.

Битва при Фарсале

Оба войска [Юлия Цезаря и Помпея] вступили на равнину Фарсала и расположились там лагерем. Помпей опять обратился к своему прежнему плану [не отваживаясь на сражение], тем более что и предзнаменования, и сновидения были неблагоприятны. Зато окружавшие Помпея были до того самонадеянны и уверены в победе, что… посылали в Рим заранее нанимать дома, приличествующие для консулов и преторов, рассчитывая сразу после войны занять эти должности. Особенно неудержимо рвались в бой всадники. Они очень гордились своим боевым искусством, блеском оружия, красотой коней, а также численным превосходством: против семи тысяч всадников Помпея у Цезаря была всего лишь одна тысяча. Количество пехоты также не было равным: у Цезаря было в строю двадцать две тысячи против сорока пяти у неприятеля. <…>

Встревоженный численностью неприятельской конницы и блеском ее оружия, Цезарь приказал шести когортам, расположенным в глубине строя, незаметно перейти к нему и поставил их позади правого крыла, пояснив, как надо действовать, когда вражеская конница пойдет в наступление.

В центре сражалась пехота, а между тем конница Помпея с левого фланга горделиво тронулась в наступление, рассыпаясь и растягиваясь, чтобы охватить правое крыло противника. Однако, прежде чем она успела атаковать, вперед выбежали когорты Цезаря, которые, против обыкновения, не метали копий и не поражали неприятеля в ноги, а по приказу Цезаря целили врагам в глаза и наносили раны в лицо. Цезарь рассчитывал, что молодые солдаты Помпея, кичившиеся своей красотой и юностью, не привыкшие к войнам и ранам, более всего будут опасаться таких ударов и не устоят, устрашенные как самой опасностью, так и угрозою оказаться обезображенными. Так оно и случилось. Жители Помпеи отступали перед поднятыми вверх копьями, теряя отвагу при виде направленного против них оружия; оберегая лицо, они отворачивались и закрывались.

В конце концов они расстроили свои ряды и обратились в позорное бегство, погубив все дело, ибо победители немедленно стали окружать и, нападая с тыла, рубить вражескую пехоту.

Когда Помпей с противоположного фланга увидел, что его конница рассеяна и бежит, он перестал быть самим собою, забыл, что он Помпей Великий. Он походил, скорее всего, на человека, которого божество лишило рассудка. Не сказав ни слова, он удалился в палатку и там напряженно ожидал, что произойдет дальше, не двигаясь с места до тех пор, пока не началось всеобщее бегство.

Из «Жизнеописания Юлия Цезаря» Плутарха

Толкование

Бисмарк знал, что король чувствует давление со многих сторон. Ему было известно, что Вильгельм получил военное образование, что он обладает обостренным чувством чести и что в глубине души он стыдится своей неспособности противостоять жене и правительству. Вильгельм втайне мечтал стать великим и могущественным правителем, но не решался высказывать свои амбиции, так как боялся окончить дни подобно Людовику XVI. Подобно тому как зачастую напускная храбрость скрывает робость, за робостью Вильгельма скрывалась его потребность в демонстрации мужества и героизма.

Бисмарк, почувствовав тягу Вильгельма к славе за пацифистским фасадом, сыграл на неуверенности короля в своей мужественности.

Результатом явились три войны и основание Германской империи. Робость — золотое дно для тех, кто играет на слабостях окружающих. Застенчивые, тихие души часто жаждут превращения в собственную противоположность — они хотят стать Наполеонами. Им, однако, не хватает внутренней силы. Вы можете стать их Наполеоном, подталкивая их к решительным действиям, что помогает вам в решении ваших собственных проблем и в то же время лишь усугубляет их зависимость от вас. Помните: ищите противоположности и никогда не верьте вывеске на фасаде.

Образ: тиски.

У вашего врага есть секреты, которые он хранит, затаенные мысли, которые он не высказывает вслух. Но они выходят наружу, он бессилен этому помешать. Где-то имеется брешь, винтик его слабости — в его голове, сердце или в желудке. Нащупав брешь, обнаружив этот винтик, начинайте закручивать его в свое удовольствие.

Авторитетное мнение

«Находи рычаг для воздействия на всякого человека. Это искусство заставить людей действовать будто бы по их собственной воле. Здесь важнее умение, чем решительность. Ты должен знать, как подступиться к каждому. У любого поступка, любого волевого акта есть свой мотив, а уж каков он — зависит от индивидуального вкуса. Все люди склонны сотворять себе кумиров — для кого-то это слава, для других — эгоизм, своекорыстие. Умение состоит в том, чтобы знать всех этих идолов и заставить их служить себе. Зная побудительные мотивы человека, ты тем самым получаешь ключи к его душе».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

В игре на человеческих слабостях скрывается серьезная опасность: можно вызвать к жизни процессы, над которыми вы не имеете власти.

В играх власти всегда следует просчитывать и планировать несколько ходов вперед. При этом вы исходите из посылки, что окружающие более эмоциональны и неспособны к подобной

предусмотрительности. Но если вы воздействуете на их уязвимые места, на области, совсем им неподконтрольные, вы рискуете вызвать к жизни такие проявления эмоций, которые разрушат ваши планы. Подвигая робкого человека на решительные действия, вы вдруг видите, что он заходит слишком далеко; удовлетворяя потребность во внимании и поклонении, обнаруживаете, что ваш объект преисполнен теперь такой самоуверенности, что отбрасывает вас прочь. Беспомощность, инфантильность оборачиваются агрессивностью по отношению к вам.

Чем больше та или иная слабость замешана на эмоциях, тем больше потенциальная опасность. Поэтому не забывайте о пределах, которые требуются в этой игре, старайтесь ни в коем случае не увлекаться, подчиняя свою жертву. Ваша власть над жертвой не должна опьянять, она — не самоцель, а способ добиться чего-то большего.

Закон 34. Будь царственным на свой манер...: веди себя как король — и будешь принят как король

Формулировка закона

Тем, как вы преподносите себя, часто определяется то, как с вами обходятся. При длительном общении, показав себя вульгарным или серым, вы не сможете добиться уважения. Ведь король уважает себя сам и вызывает то же чувство у окружающих. Держась уверенно и величаво, вы показываете тем самым, что носить корону — ваше предназначение.

Нарушение закона

В июле 1830 года в Париже вспыхнула революция, в результате которой король Карл X был вынужден отречься от престола. Комиссия, составленная из лучших умов страны с целью назначить преемника, назвала Луи-Филиппа, герцога Орлеанского.

С самого начала было понятно, что Луи-Филипп будет королем совершенно иного типа, и не только потому, что происходил из другой ветви королевской семьи, или потому, что не унаследовал корону, а получил ее, что ставило под вопрос легитимность его царствования. Причина была в том, что он не любил пышных церемоний и внешних атрибутов королевской власти. У него было больше друзей среди банкиров, чем среди дворянства. Он не собирался создавать новый свод королевских законов, как Наполеон, но хотел понизить свой статус, чтобы приблизиться к бизнесменам и представителям среднего класса, которые и призвали его на престол. Поэтому имя Луи-Филиппа стало ассоциироваться не со скипетром и короной, а с серой шляпой и зонтиком, с которым он горделиво прохаживался по улицам Парижа, словно буржуа на прогулке. Когда Луи-Филипп пригласил Джеймса Ротшильда, крупнейшего банкира Франции, к себе во дворец, он принимал его как равного. И в отличие от любого из предыдущих королей он с удовольствием говорил с месье Ротшильдом о делах, потому что любил деньги и накопил изрядное состояние.

Пока влачилось царствование «короля-буржуа», люди стали относиться к нему с презрением. Аристократия не выносила самого облика столь нецарственного монарха и того, что в течение нескольких

лет вынуждена была зависеть от него. Растущий класс бедноты, включая радикалов, преследовавших Карла X, также не находил удовлетворения в правителе, который не был похож ни на монарха, ни на представителя простых людей. Банкиры, им Луи-Филипп был особенно предан, вскоре поняли, что страной управляют они, а не король, и обращались с ним все более неуважительно. Как-то перед поездкой на поезде, организованной для членов королевской семьи, Джеймс Ротшильд просто-напросто выбранил его — публично! — за опоздание. Однажды король ввел новшество, приняв банкира как ровню, теперь банкир относился к королю свысока.

В конце концов рабочие восстания, которые в свое время привели к свержению предшественника Луи-Филиппа, начали вспыхивать вновь, и король жестоко подавил их.

Что же он защищал столь яростно? Не институт монархии, к которому он относился с пренебрежением, не демократическую республику, которую не допускало его правление. Было очевидно, что он защищал не что иное, как свой капитал и капиталы банкиров — а это не тот путь, каким можно завоевать преданность граждан.

В начале 1848 года французы всех классов устраивали демонстрации, требуя реформы избирательной системы, которая сделала бы страну по-настоящему демократической. К февралю демонстрации стали более многолюдными. Чтобы поднять свою популярность, Луи-Филипп снял премьер-министра и назначил на его место либерала. Но этот шаг возымел обратный эффект: люди почувствовали, что могут свергнуть короля. Демонстрации переросли в самую настоящую революцию со стрельбой и баррикадами на улицах.

В ночь на 23 февраля толпы парижан окружили дворец. С проворством, которое застало всех врасплох, Луи-Филипп подписал отречение и в тот же вечер бежал в Англию. Он не оставил ни преемника, ни даже кандидата в преемники — все его правительство свернуло дела и растворилось, словно бродячий цирк, закончивший свои выступления в городе.

Никогда не теряй самоуважения и, когда ты один, не опускайся до бесцеремонного отношения к самому себе. Пусть цельность собственной натуры станет твоим нравственным мерилом, в большей

степени основанным на строгости собственного о себе суждения, нежели на любых внешних установлениях.

Воздерживайся от неподобающих поступков из уважения к собственной добродетели, а не из-за строгой критики, навязываемой авторитетами извне. Приучись относиться к себе с благоговейным страхом, и у тебя не возникнет нужды в воображаемом наставнике Сенеке.

Бальтазар Грациан

Толкование

Луи-Филипп сознательно уничтожил ауру, естественным образом присущую королям и лидерам. Он подсмеивался над символизмом величия, так как верил в пришествие нового мира, в котором лидеры не будут ничем отличаться от обычных граждан. Он был прав: новый мир, без королей и королев, определенно стоял на пороге. Он вместе с тем глубочайшим образом заблуждался, предсказывая изменения в динамике власти.

Буржуазные шляпа и зонт короля сначала забавляли французов, но вскоре стали вызывать растущее раздражение. Люди знали, что Луи-Филипп на самом деле не таков, как все они, что шляпа и зонтик были своеобразной хитростью, призванной вызвать у людей иллюзию, будто в стране вдруг наступило равноправие. На самом же деле богатство в обществе было распределено крайне неравномерно. Для французов казалось естественным, что их правитель должен быть немного актером. Даже радикал Робеспьер, ненадолго пришедший к власти во время Французской революции за полвека до этих событий, понял это, а уж у Наполеона, снова вернувшего демократическую республику к имперскому режиму, это было в крови. Как только Луи-Филипп сошел со сцены, французы показали, чего им хотелось в действительности: они избрали президентом внучатого племянника Наполеона. Он был почти никому не известен, но они надеялись, что он воссоздаст мощную ауру великого императора и загладит щекотливый прецедент с «королем-буржуа».

У людей власти порой возникает искушение примерить на себя образ человека толпы, постараться создать иллюзию, что они и их подданные или подчиненные — это почти одно и то же. Но те люди, на

которых рассчитывают произвести впечатление этим ошибочным жестом, быстро раскусывают хитрость. Они понимают, что не получают при этом никаких преимуществ, все это только притворство, игра в то, что у них как будто бы общая судьба с их правителем. Единственный вариант общности, который может сработать, был найден американским президентом Франклином Рузвельтом. Он заявил, что президент разделяет ценности и идеалы с народом, даже если он в то же время остается патрицием в сердце. Он никогда не притворялся и не пытался стереть дистанцию, отделяющую его от толпы.

Лидеры, пытающиеся уничтожить дистанцию с помощью фальшивого дружелюбия, фамильярности, теряют способность вызывать преданность, страх или любовь. Взамен они получают презрение. Подобно Луи-Филиппу, они слишком невдохновляющи, так что не заслуживают даже гильотины, — лучше всего для них просто исчезнуть в ночи, словно их и не было никогда.

Соблюдение закона

Когда Христофор Колумб искал средства для осуществления своих легендарных морских путешествий, многие из тех, кто его окружал, считали его потомком итальянского аристократического рода. Это заблуждение было закреплено в биографии, написанной после смерти великого исследователя его сыном. В ней говорится, что род Колумба восходит к графу Коломбо ди Кастель ди Куккаро и Монферрат. Сам Коломбо, говорилось там, является потомком легендарного древнеримского полководца Колониуса, а двое из его двоюродных братьев предположительно были прямыми потомками императора Константинопольского. Поистине славное родство. Вот только оно не что иное, как смелая фантазия: на самом деле Колумб был сыном Доменико Коломбо, простого ткача, который открыл винный погребок, когда Христофор был юношей, а позднее зарабатывал на жизнь продажей сыра.

Колумб сам создал миф о своем благородном происхождении, потому что с юных лет ощущал, что его предназначение — великие дела, и потому что ему была присуща врожденная царственность. Устав от небогатой событиями жизни купца на торговом корабле, генуэзец Колумб переселился в Лиссабон. Воспользовавшись

сочиненной историей о своем знатном положении, он женился, войдя в высокородное лиссабонское семейство, имевшее связи в высшем обществе и даже королевском доме Португалии.

С помощью родителей жены Колумб получил аудиенцию короля Жуана II и обратился к нему с просьбой финансировать плавание на запад, целью которого были поиски более короткого пути в Азию. Колумб пообещал, что все совершенные им открытия будут сделаны во славу короля и получат его имя. Для себя Колумб хотел получить ряд привилегий: титул Великого адмирала морей и океанов, звание вице-короля любой страны, которую ему случится открыть; десять процентов от будущей торговли с этими странами. Все эти привилегии должны были наследоваться и не иметь ограничения во времени. Колумб обратился с такими запросами, невзирая на то что в недавнем прошлом был всего-навсего купцом, почти ничего не знал о навигации, не умел обращаться с квадрантом и никогда не командовал людьми. Короче говоря, у него абсолютно не было квалификации для того, чтобы выполнить задуманное. Кроме того, его петиция была написана в самом общем виде, содержала только расплывчатые планы, детали же вовсе не были проработаны.

Когда Колумб закончил говорить, Жуан улыбнулся: он вежливо отклонил предложение, но не отвергал возможностей для сотрудничества в будущем. В этот момент Колумб обратил внимание на нечто, о чем впоследствии помнил: несмотря на то что король отказал моряку в прошении, его запросы он воспринял как законные, имеющие право на существование. Он не осмеял Колумба, не задавал вопросов о его происхождении и кредитоспособности. На короля произвела впечатление уверенность, с которой держался Колумб, ему явно понравилось общение со столь решительным человеком. Аудиенция убедила Колумба, что его притязания не были чрезмерно завышенными, а интуиция его не обманывала: прося луну с неба, он сразу вырастал в глазах собеседника, ведь король должен был предположить, что человек с такими запросами либо безумен — а Колумб не выглядел безумцем, — либо он чего-то стоит.

Спустя несколько лет Колумб переехал в Испанию. Используя свои португальские связи, он стал вхож в высшие круги испанского двора, получал субсидии от известнейших финансистов и сидел за столом с герцогами и принцами. К каждому из них он обращался с той же

просьбой, что и к португальскому королю, — о финансировании его плавания на запад — и выдвигал те же условия для себя. Некоторые, как влиятельный герцог Медины, хотели помочь, но не могли, так как не были наделены властью даровать Колумбу искомые титулы и права. И все же Колумб не отступал. Он быстро понял, что лишь один человек может выполнить то, о чем он просит: королева Изабелла. В 1487 году ему удалось получить аудиенцию у королевы, и хотя сразу он не смог убедить ее в необходимости путешествия, однако совершенно очаровал ее и стал частым гостем при дворе.

В 1492 году Испании удалось наконец избавиться от мавров — захватчиков, которые на протяжении веков занимали значительную часть территории страны. Когда бремя войны было снято, Изабелла почувствовала, что теперь может свободнее распоряжаться сокровищницей казны, и решила поддержать ставшего ей другом мореплавателя, выделив средства на покупку трех кораблей и снаряжения, на жалованье команде и скромное вознаграждение Колумбу. Что особенно важно, она подготовила контракт, гарантировавший Колумбу награждение всеми титулами и званиями, о которых он просил. Единственное, в чем она отказала, были 10 процентов отчислений с торговых оборотов с открытыми им странами: абсурдное требование, так как Колумб настаивал на неограниченности его действия по времени. (Если бы этот пункт не был исключен, семья Колумба стала бы самой богатой на планете.)

Удовлетворенный тем, что его требования выполнены, Колумб в тот же год отправился в плавание на поиски западного пути в Азию. (Надо ли говорить, что он нанял и взял с собой в поход навигатора высочайшей квалификации.) Путь в Азию обнаружить не удалось, но, когда Колумб подал королеве новое, еще более амбициозное прошение финансировать новое плавание на следующий год, она согласилась. В тому времени она уже видела, что Колумба ждет великое будущее.

Гиппоклеид в Сиционе

В следующем поколении семья стала более знаменитой, чем прежде, благодаря выдающимся заслугам Клисфена, правителя Сициона. У Клисфена была дочь, Агариста, которую он желал выдать замуж за самого лучшего человека во всей Греции. Поэтому во время

Олимпийских игр, в которых он сам участвовал и выиграл гонки на колесницах, он во всеуслышание объявил, что любой грек, если сочтет себя достойным звания зятя Клисфена, должен прибыть в Сицион не позднее чем через два месяца. Спустя год и два месяца после этого он намеревался назвать дочери имя ее будущего супруга, которого он изберет для нее.

Специально по этому случаю Клисфен приказал подготовить стадион для состязаний в беге и площадку для борьбы.

Претенденты начали прибывать в город.

...Клисфен знакомился с каждым из них — расспрашивал о том, откуда они родом и какого происхождения; затем он поселял их в своем доме сроком на один год, чтобы лучше познакомиться с ними; беседовал с ними иногда с глазу на глаз, а порой со всеми вместе; испытывал характер, нрав и особенности каждого, проверял, как они воспитаны и образованы. ...Но самым важным испытанием было их поведение за обеденным столом. Так всё продолжалось целый год, пока претенденты жили в Сиционе; хозяева были очень гостеприимны и хорошо заботились о женихах.

…Из всех претендентов Клисфену особенно нравились два жителя Афин, а из них двоих он отдавал предпочтение сыну Тизандра, Гиппоклеиду. <…>

Наступил последний день, когда истекал назначенный срок. Клисфен должен был назвать имя своего избранника. Этот день отметили жертвоприношением ста быков и обильным пиром, на который были приглашены не только искатели руки принцессы, но и все знатные жители Сициона. После застолья началось состязание претендентов в музыке и красноречии. В обоих испытаниях Гиппоклеид далеко опережал своих соперников, но вот, по мере того как продолжались винные возлияния, он попросил флейтиста подыграть и пустился в пляс. Он получал удовольствие от своего танца; что же до Клисфена, то он начал сомневаться в своем выборе. Тем временем, после короткой передышки, Гиппоклеид послал за столом; когда стол был принесен, Гиппоклеид забрался на него и стал танцевать сначала лаконийские танцы, затем аттические, а под конец встал на голову, болтая в воздухе ногами. Лаконийские и аттические танцы выглядели довольно мерзко, но Клисфену, хотя он уже понял, что такой зять ему вовсе ни к чему, тем не менее, удавалось сохранять

хладнокровие. Но, увидев, как Гиппоклеид машет ногами в такт музыке, он больше не мог сдерживаться. «Сын Тизандра, — прокричал он, — ты проплясал свой брак».

Из «Истории» Геродота

Толкование

Колумб был весьма посредственным мореплавателем. Он меньше знал о море, чем обычный матрос на его корабле, не умел определить долготу и широту открытых им земель, принимал острова за континенты, плохо обращался с судовой командой. Но в одном он был гением: он умел себя продать. Чем еще объяснить, что сыну простого торговца сыром, мелкому купцу с торгового судна удалось снискать расположение высшей знати и королевских семейств?

Колумб обладал удивительной способностью очаровывать знать. Эта способность объяснялась его умением правильно себя подать. Он излучал уверенность, абсолютно непропорциональную его истинному тогдашнему значению. При этом его уверенность была не агрессивной, отталкивающей наглостью выскочки, а, напротив, спокойной и полной достоинства. В сущности, аристократы узнавали в его манере поведения самих себя. Сила аристократов старой закалки была в том, что они не нуждались в дополнительной поддержке. По мнению знати, Колумб говорил сам за себя: благородство заслуживает большего и имеет право требовать этого. С Колумбом поэтому они сразу же ощущали сродство, ведь он был таким же, как они сами, — возвышался над толпой, ощущая, что предназначен для величия.

Следует понимать: в вашей власти самому назначать себе цену. То, как вы подаете себя, отражает то, что вы о себе думаете. Если вы просите немногого, шаркаете ножкой, склоняете голову, люди сочтут это отражением вашего характера. Но это поведение не есть вы — оно лишь отражает то, каким образом вы хотите продемонстрировать себя окружающим. Вы можете без труда принять для себя иной, Колумбов облик: душевная энергия, спокойная уверенность и чувство, что вы рождены, чтобы носить корону.

Ключи к власти

Детьми, в начале жизни, мы наделены огромным богатством: мы считаем, что нам принадлежит весь мир, и хотим его получить. Это чувство еще сохраняется до того времени, когда мы впервые попадаем в социум, делаем первые шаги в своей карьере. Но, по мере того как мы становимся старше, испытывая разочарования и терпя неудачи, наш опыт устанавливает границы мира, и со временем они сужаются. Теперь мы ждем от мира все меньше, тем самым смиряясь с ограничениями, которые наполовину навязываем себе сами. Мы начинаем кланяться, шаркать ножкой, извиняться по самому мелкому поводу, чувствуя свою вину за то, что вторгаемся на чужую территорию. Преодолеть такое съеживание горизонта можно только одним способом: сознательно повести процесс в обратном направлении — научиться преуменьшать значение неудач и не обращать внимания на ограничения, убедить себя, что мы достойны лучшего, и заставить себя этого требовать — как в детстве. Чтобы этого добиться, мы должны выработать для себя определенную стратегию и ее придерживаться. Назовем ее Стратегией Короны.

Стратегия Короны основана на простой причинно-следственной цепи: если мы поверим, что предназначены судьбой для великих дел, то эта убежденность приведет к тому, что мы начнем излучать своеобразное сияние, подобно тому, как корона создает ауру вокруг короля. Это внешнее сияние будет заражать окружающих, и они будут считать, что у нас, вероятно, имеются причины быть настолько уверенными в себе. У тех, кто носит корону, такой вид, словно им неведомы внутренние ограничения касательно того, о чем они могут попросить, или того, что могут выполнить. Они буквально излучают это. Скованность и зажатость исчезают. Примените Стратегию Короны — вы поразитесь тому, какие плоды она принесет. Берите пример со счастливых ребятишек, которые просят все, чего ни захотят, — и получают это. Их очарование заключается именно в их высоких притязаниях и больших надеждах. Взрослым доставляет радость потакать их желаниям — точно так же, как радовалась Изабелла, выполняя желания Колумба.

На протяжении истории люди неблагородного происхождения — Феодора Византийская, Колумб, Бетховен, Дизраэли — придерживались Стратегии Короны, так твердо веря в собственное

величие, что это становилось пророчеством, и оно исполнялось! Прием прост: ваша вера в себя должна преодолеть вашу неуверенность. Даже если в глубине души вы понимаете, что обманываете себя, изображайте короля. Увидите, с вами начнут и обращаться соответственно.

Корона, возможно, выделит вас из толпы, но только от вас зависит, будет ли это реально: для этого нужно вести себя особо, как бы указывая своим поведением на расстояние, разделяющее вас и окружающих. Хороший способ подчеркнуть свое отличие — всегда держаться с достоинством, независимо от обстоятельств. Луи-Филиппу чувство обособленности от толпы было чуждо — он был королем банкиров. Поэтому его подданные могли испугать его — и он сразу сдался. Лишенный монаршего достоинства и твердости убеждений, Луи-Филипп выглядел самозванцем на троне, и корона легко слетела с его головы.

Королевскую манеру держать себя не нужно путать с наглостью, а уверенность в себе — с самоуверенностью. Порой королям бывает присуща наглость, но в этом случае она лишь выдает тревогу и слабость. Отсюда следует, что это нечто прямо противоположное царственному поведению.

Хайле Селассие, правивший Эфиопией с 1930 года, сорок с лишним лет, был когда-то юношей по имени Тафари Мэконнын. Он происходил из знатной семьи, но не имел реальных шансов на престол, так как его родство с тогдашним королем Менеликом II было слишком отдаленным. Тем не менее с самого детства его царственная осанка и уверенные манеры поражали окружающих.

С четырнадцати лет Тафари жил при дворе, где сразу произвел благоприятное впечатление на Менелика и стал его фаворитом. Спокойствие, с которым Тафари реагировал на насмешки, его выдержка и изящество поведения поразили короля. Прочие молодые дворяне, наглые, хвастливые и завистливые, не давали прохода хрупкому подростку. Но он никогда не выходил из себя — это было бы признаком обеспокоенности, до которой он никогда не опускался. Кое-кто из придворных уже тогда почувствовал, что в один прекрасный день этот мальчик взлетит очень высоко, потому что держался он так, словно это уже произошло.

Спустя время, в 1936 году, когда итальянские фашисты захватили Эфиопию и Тафари, которого теперь звали Хайле Селассие, был в изгнании, он обратился в Лигу Наций с просьбой рассмотреть дело его страны. Итальянцы, находившиеся в аудитории, ошикали его выступление, но он держался с таким достоинством, словно был неуязвим. Это возвысило его, а оппоненты выглядели на его фоне крайне неприглядно. Достоинство, кстати говоря, беспроигрышная маска, спасающая в любых трудных обстоятельствах: словно ничто не может задеть вас и у вас сколько угодно времени, чтобы ответить, если вы захотите снизойти до этого. Чрезвычайно мощная позиция.

Царственному поведению есть и другие применения. Мошенникам испокон веков известна важность аристократической внешности. Она, с одной стороны, обезоруживает людей и делает их менее подозрительными, а с другой — может испугать и заставить занять оборонительную позицию. Это отлично знал граф Виктор Люстиг: как только простак занял оборону, он обречен. Другой мошенник, Желтый Малыш Вейл, сообщая о некоем мистическом методе делания денег, держался по-королевски надменно, вселяя во всех уверенность, что он-то уже сказочно богат. Простаки умоляли жулика принять их в дело, мечтая получить свой шанс на богатство, в существовании которого он убеждал их одним своим видом.

Наконец, чтобы усилить внутренние психологические установки, необходимые для демонстрации царственного поведения, имеются внешние приемы, которые помогут вам добиться искомого эффекта.

Во-первых, применяйте стратегию Колумба: выступайте со смелыми притязаниями. Назначайте цену повыше и не снижайте ее.

Во-вторых, проявите чувство собственного достоинства, избрав в качестве противника того, кто выше всех по положению. Если вы нападаете на самого главного, эта атака автоматически ставит вас на один уровень с ним. Это стратегия Давида и Голиафа: выбирая великого оппонента, вы создаете видимость собственного величия.

В-третьих, сделайте какой-нибудь подарок вышестоящему. Это стратегия тех, у кого есть покровитель: делая подарок патрону, вы тем самым указываете на равенство между вами. Это старый жульнический трюк: давай, чтобы можно было взять.

Писатель эпохи Возрождения Пьетро Аретино, желая заполучить в качестве патрона герцога Мантуи, знал, что раболепием

и подобострастием он лишь добьется обратного: герцог сочтет его недостойным. Тогда он вручил герцогу подарок: картину Тициана, с которым Аретино был очень дружен. Приняв дар, герцог как бы признал равенство между собой и литератором. Герцог почувствовал себя непринужденно, поняв, что имеет дело с человеком его собственного аристократического склада. Он щедро наградил Аретино.

Стратегия подарков — дело тонкое, но дает блестящие результаты, потому что вы не заискиваете: вы просите о помощи в благородной манере, которая устанавливает равенство между двумя людьми. Один из них — так уж вышло! — имеет побольше денег.

Помните: вы сами назначаете себе цену. Вы просите меньше и получаете ровно столько. Так просите больше — этим вы покажете, что на самом деле достойны королевских почестей. Даже те, кто вам откажет, почувствуют уважение к вашей уверенности в себе, а это уважение рано или поздно сыграет свою роль и окупится неожиданными способами, которые нельзя предугадать заранее.

Образ: корона.

Наденьте ее на голову, и она заставит вас изменить осанку — в вас появится спокойное достоинство, излучающее свет. Никогда не показывайте сомнение, не теряйте царственности, или корона свалится с вашей головы. Она перейдет к более достойному. Не ждите, когда вас пригласят на коронацию. Величайшие императоры мира короновали себя сами.

Авторитетное мнение

«Каждый должен быть царственным на свой собственный манер. Пусть каждый твой поступок, даже рядовой, будет — в своей области — равноценным королевскому. Будь величественным в делах и возвышенным в мыслях. Всеми своими деяниями показывай, что достоин быть королем, даже если в действительности им не являешься».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Царственная осанка призвана возвысить вас над окружающими. Но если вы слишком оторветесь, это приведет вас к гибели. Никогда не делайте страшной ошибки — не унижайте людей, считая при этом, что вы возноситесь над ними. Нехорошо также парить слишком высоко в одиночестве — это делает вас очень хорошей мишенью. Бывают времена, когда излишний аристократизм в поведении опасен.

На период царствования Карла I, короля Англии, в 1640-е годы пришлось всеобщее глубокое разочарование институтом монархии. По всей стране бушевал бунт, предводителем был Оливер Кромвель. Если бы Карл был проницательнее, проявил бы понимание момента, поддержав реформы и публично добровольно отказавшись от некоторой части своих полномочий, история могла бы пойти по другому пути. Вместо этого он встал в позу, демонстрируя негодование по поводу посягательств на его власть и божественное начало монархии. Его негибкая царственность возмутила народ, и Карл в результате лишился головы. Помните: надо излучать царственность, но не грубость и не пренебрежение.

Последнее: это правда, что порой можно добиться чего-то, задевая короля грубоватой, приземленной вульгарностью, которая позабавит его. Но, поскольку в этом случае, чтобы оказаться в выигрыше, вы должны выделиться среди окружающих своей еще большей, чем у них, вульгарностью, эта игра опасна: всегда найдутся те, кто будет низкопробнее, чем вы, и вас легко будет заменить в любой момент шутом, моложе и вульгарнее вас.

Закон 35. Овладейте искусством управления временем

Формулировка закона

Никогда не показывайте, что спешите, — спешка выдает неумение распоряжаться самим собой и своим временем. Всегда старайтесь выглядеть спокойным, как будто вы знаете, что в конце концов всё придет к вам само. Научитесь выбирать правильный момент, улавливать дух времени, тенденции, которые приведут вас к власти. Научитесь отойти в сторону, если время еще не пришло, и бороться изо всех сил, когда момент назрел.

Соблюдение закона (1)

Жозеф Фуше начинал в качестве неприметного учителя школы-семинарии и провел более десяти лет (1780-е годы), переезжая из города в город и обучая математике мальчиков. При этом он не отдавал себя церкви без остатка, не принимал священнического сана — у него были более грандиозные планы. Он терпеливо дожидался своего мига удачи.

Когда же в 1789 году грянула Великая французская революция, Фуше решил, что настала пора действовать: он снял сутану, отрастил длинные волосы и примкнул к революционерам. Он сделал то, к чему призывал дух времени. В такой решающий момент не вскочить на отплывающий корабль означало бы для него катастрофу. Фуше успел на корабль: став другом вождя революции Робеспьера, он быстро упрочил свое положение в рядах восставших.

В 1792 году Фуше был избран представителем города Нанта в Национальный конвент (созданный в тот год с целью отработки новой конституции Французской республики).

Прибыв в Париж, чтобы занять место в Конвенте, Фуше обнаружил, что между умеренными и радикалами-якобинцами имеются серьезнейшие разногласия. Фуше чувствовал, что в перспективе, скорее всего, не победит ни одна из сторон. Власть редко удается удержать тем, кто начинал революцию, как и тем, кто поддержал и продолжил ее. Власть переходит к тем, кто приводит ее

к окончательному завершению. Именно к этой стороне и хотел примкнуть Фуше.

Он обладал удивительным умением безошибочно выбирать нужный момент. Он начал как умеренный, поскольку умеренные тогда были в большинстве. Когда же подошло время решать, казнить или помиловать Людовика XVI, он увидел, что люди жаждут заполучить голову короля, и отдал свой голос, который оказался решающим, за гильотинирование. С этой минуты он превратился в радикала. Но в Париже напряжение достигло предела. Он, предвидя, что тесно консолидироваться с одной из фракций может быть небезопасно, получил должность где-то в провинции, чтобы воспользоваться этой возможностью и пересидеть в глубинке напряженное время. Через несколько месяцев он получил назначение на должность проконсула в Лион, где сквозь пальцы смотрел на расправы над десятками аристократов. В определенный момент, однако, он призвал остановить убийства, почувствовав, что настроение в стране меняется, и, несмотря на всю кровь, уже обагрившую его руки, граждане Лиона приветствовали его в качестве спасителя от ужаса, получившего впоследствии название «террор».

До сих пор Фуше блестяще разыгрывал свои карты, но в 1794 году его старый друг Робеспьер призвал его в Париж, чтобы предъявить счет за деятельность в Лионе. Робеспьер был главной движущей силой террора. По его приказу сотни голов летели с плеч, и казалось, что Фуше, которому он более не доверял, ожидает подобная участь. В последующие месяцы происходила напряженная борьба: в то время как Робеспьер открыто выступил против Фуше, обвиняя его в опасных амбициях и требуя его ареста, хитроумный Фуше действовал не так прямолинейно, заручаясь поддержкой тех, кто начинал уставать от диктаторской власти Робеспьера.

Фуше знал, что чем дольше продержится, тем больше недовольных граждан сможет привлечь на свою сторону. Необходимо было получить широкую поддержку, прежде чем открыто выступать против влиятельного и могущественного вождя. Фуше находил эту поддержку и среди умеренных, и среди якобинцев, играя на общем растущем страхе перед Робеспьером, — каждый боялся стать следующим, кто попадет на гильотину. Все расчеты Фуше оправдались, когда наступило 27 июля: Конвент выступил против Робеспьера, выкриками

не дав ему закончить обычную длинную речь. Его арестовали, и спустя несколько дней в корзину гильотины упала голова не Фуше, а Робеспьера.

Вернувшись в Конвент после смерти Робеспьера, Фуше повел себя совершенно непредсказуемо: от него, как главы заговора против Робеспьера, ожидали, что он займет место среди умеренных, но, ко всеобщему изумлению, он снова сменил окраску, примкнув к радикальным якобинцам. Возможно, впервые в жизни он присоединился к меньшинству. Он ясно чувствовал скорое наступление реакции и понимал, что умеренные, которые казнили Робеспьера и сейчас собирались захватить власть, вскоре развернут новый виток террора, на сей раз направленного против радикалов. Таким образом, консолидируясь с якобинцами, Фуше связывал свое имя с жертвами, мучениками, каковыми им предстояло стать в близком будущем, то есть с людьми, которых объявят неповинными в тех бедах, что сотворили они сами.

Занять место в группе проигрывающих было, разумеется, очень рискованным гамбитом. Однако Фуше наверняка рассчитал, что ему удастся, избегая опасностей, исподволь влиять на общественное мнение и, настроив публику против умеренных, увидеть их падение. Так и случилось. Хотя в декабре 1795 года было приказано арестовать и гильотинировать Фуше, время для этого было упущено. Казни становились крайне непопулярны в народе, и Фуше еще раз пережил колебание маятника.

Власть перешла к новому правительству, Директории. Это, однако, было правление не якобинцев, а умеренных — но более умеренных, чем те, которые в недавнем прошлом возобновили политику террора.

Фуше, как радикалу, удалось сохранить жизнь, но пришлось уйти в тень. Долгие годы он терпеливо вел неприметное существование, не привлекая к себе внимания и дожидаясь, пока время сотрет из памяти людей неприятные чувства, связанные с ним. Затем он сблизился с Директорией и предложил себя в новом качестве: его страсть, сообщил он, это сбор секретной информации. Он стал платным осведомителем на правительственной службе, великолепно справлялся с работой и в 1799 году был вознагражден назначением на пост министра полиции. Теперь он не просто обладал властью распространять слежку на каждый уголок Франции, но и обязан был

делать это по долгу службы. Нечего и говорить, что это безмерно усилило природный талант Фуше — способность безошибочно определять, куда ветер дует. Поэтому он вовремя определил новую тенденцию в обществе, связанную с именем Наполеона — дерзкого молодого генерала, в котором сразу же разглядел будущее Франции. Когда Наполеон инспирировал государственный переворот 9 ноября 1799 года, Фуше притворился спящим. Он проспал целый день. За эту косвенную поддержку — ведь, в конце концов, в его должностные обязанности входило именно предотвращение военных переворотов — Наполеон оставил ему пост министра полиции при новом режиме.

В последующие годы Наполеон все более полагался на Фуше и доверял ему. Он даже присвоил бывшему революционеру титул герцога Отранто и одарил его немалым состоянием. Однако к 1808 году Фуше, всегда улавливавший ветер перемен, почувствовал, что Наполеон уже не на подъеме. Его война против Испании, страны, не представлявшей угрозы для Франции, была признаком потери чувства меры. Фуше, который никогда не оставался на тонущем корабле, вступил с Талейраном в заговор с целью свержения Наполеона. Хотя заговор и потерпел неудачу — Талейран был уволен, — Фуше оставили на посту, но держали на коротком поводке. Он стал первым сигналом растущего недовольства императором, который, казалось, терял власть. К 1814 году была проиграна масштабная война, и власть Наполеона рухнула.

Вслед за этим произошла реставрация монархии, и на престол взошел король Людовик XVIII, брат Людовика XVI. Фуше, всегда державший нос по ветру, чувствовал, что этот король ненадолго — он не выдерживал никакого сравнения с Наполеоном. Фуше снова занял выжидательную позицию, оставаясь в тени. Ждать пришлось недолго — в феврале 1815 года Наполеон бежал с острова Эльба. Людовик был в панике и обратился к человеку, который, как ему казалось, мог помочь ему скрыться, — к Фуше, бывшему радикалу, пославшему его брата, Людовика XVI, на гильотину, к Фуше, который сейчас был одним из наиболее популярных политиков страны и вызывал восхищение многих. Фуше не встал на сторону проигравшего, он отказал Людовику в его просьбе. Свой отказ он объяснил тем, что в его поддержке не было нужды, — он заверял, что Наполеон ни в коем случае не сможет вернуть себе власть (на самом

деле Фуше был уверен в обратном). Вскоре после этого Наполеон с его вновь набранной армией из поддерживавших его французов приближался к Парижу.

Видя, что его правление находится на грани краха, поняв, что Фуше обманул его, и не желая, чтобы этот сильный и коварный человек оказался на стороне Наполеона, король приказал арестовать и казнить министра. 16 марта 1815 года полицейские окружили карету Фуше на парижском бульваре. Что же, наступает конец? Может, и так, но пока он еще не наступил: Фуше заявил полиции, что, как член правительства, он не может быть арестован на улице. Они согласились с этим и позволили ему вернуться домой. Правда, в тот же день они нагрянули в дом и объявили, что он арестован. Фуше кивнул — но не будут ли офицеры столь великодушны, чтобы позволить ему помыться и переодеться, перед тем как покинуть дом? Получив их согласие, Фуше вышел из комнаты. Шли минуты, Фуше не возвращался. Когда полицейские, заподозрив неладное, ворвались в соседнюю комнату, они увидели раскрытое окно, ведущее в сад, и приставленную к нему лестницу.

Два дня полиция прочесывала Париж в поисках Фуше, но на окраинах уже были отчетливо слышны пушки Наполеона, и король со своими приближенными был вынужден в спешке покинуть город. Как только Наполеон вошел в столицу, Фуше объявился. Он снова провел палачей. Наполеон приветствовал своего бывшего министра полиции и с радостью предложил ему прежний пост. Можно сказать, что на протяжении Ста дней, пока Наполеон удерживал власть, вплоть до Ватерлоо, именно Фуше был истинным правителем Франции. После падения Наполеона на трон вернулся Людовик XVIII, и, подобно кошке, у которой, по поверью, девять жизней, Фуше поучаствовал в работе еще одного правительства — к тому времени его могущество и влияние выросли настолько, что даже король не осмелился бы бросить ему вызов.

Урок Сертория

Могущество Сертория теперь быстро возрастало, потому что все племена между Эбро и Пиренеями перешли на его сторону, и военные отряды из всех краев каждый день подходили, чтобы примкнуть к нему. В то же время его тревожило отсутствие дисциплины в армии

и чрезмерная самоуверенность этих вновь прибывающих варваров. Они наседали на него с требованием начать атаку на неприятеля, не могли терпеливо отнестись к его выжидательной тактике, и он был вынужден постоянно пускаться с ними в споры, чтобы постараться убедить. Однако, видя, что они недовольны и настаивают на своих требованиях, невзирая на обстоятельства, он перестал спорить и позволил им вступить в бой с неприятелем. Он надеялся, что они понесут серьезный урон, хотя и не будут полностью разбиты, и это заставит их в будущем лучше повиноваться приказам командира. Дело повернулось так, как он рассчитал; Серторию пришлось прийти на помощь, помочь беглецам с поля боя и невредимыми доставить их в свой лагерь. Теперь нужно было восстановить их пошатнувшийся дух, и поэтому через несколько дней он созвал общий сбор. Он показал собравшимся двух коней, одного старого и немощного, другого сильного и крепкого, развевающийся хвост которого отличался необыкновенно красивыми и густыми волосами.

Рядом со старым одром он поставил высокого мужчину богатырского сложения, а рядом с молодым конем — щуплого коротышку. По сигналу высокий воин схватил клячу за хвост и изо всех сил стал тянуть ее к себе, стараясь оторвать хвост. В это время второй человечек начал вырывать по одному волоску из прекрасного хвоста крепкого жеребца.

Силач, как он ни старался, не смог добиться своего и удалился под смех и шутки зрителей. Тем временем щуплый быстро и без труда повыдергивал почти все волосы из хвоста своего коня. Тут Серторий поднялся со своего места и заговорил: «Вы видите, друзья мои, что от упорства и настойчивости прока больше, чем от грубой силы, и что многие сложности не удается преодолеть, если хвататься за всё сразу, но можно добиться победы, если двигаться к ней шаг за шагом.

Истина в том, что планомерная и длительная работа одолевает всё, она сродни времени, с которым не может справиться ни одна сила на Земле. Помните, время — добрый друг и союзник тех, кто с умом выбирает правильный момент, но опаснейший враг для тех, кто торопится действовать в неподходящее время».

Из «Жизни Сертория» Плутарха

Толкование

В период непостоянства и переворотов Жозеф Фуше процветал благодаря своему искусству правильно рассчитывать время. Он преподал нам несколько ключевых уроков.

Во-первых, очень важно улавливать дух времени. Фуше всегда видел на несколько шагов вперед, определяя волну, которая бы вынесла его на вершину власти, и умело оседлывал ее. Всегда умейте управлять временем, лавируя и делая крутые повороты, и не упуская момента, когда нужно прыгнуть на борт проходящей лодки. Иногда дух времени трудно различим: тогда нужно ставить не на самое шумное и очевидное, а на то, что дремлет в глубине. Ищите Наполеона будущих времен, вместо того чтобы хвататься за обломки прошлого.

Во-вторых, умение различать главенствующее направление ветра еще не означает, что нужно двигаться именно в этом направлении. Любое мощное социальное движение неизбежно влечет за собой реакцию. Человек неглупый предвидит и то, какой она будет, как Фуше после казни Робеспьера. Вместо того чтобы хвататься за гребень уходящей волны текущего момента, дождитесь, пока мощным приливом вас вынесет к власти.

И наконец, в-третьих, Фуше отличался завидным терпением и умением выжидать. Терпение — ваш меч и щит, без него вы неизбежно окажетесь в проигрыше. Фуше, когда время было против него, не боролся, не нервничал, не впадал в ярость или отчаяние. Он сохранял хладнокровие и исподволь, не привлекая к себе излишнего внимания, обеспечивал себе поддержку в народе, основу его следующего шага к власти. Оказываясь в невыгодном положении, он знал, что время работает на него, нужно лишь быть терпеливым. Необходимо уметь понять, когда время прятаться в траве и притаиться за камнем, а когда пришла пора выпустить когти и напасть.

Ключи к власти

Время — это искусственная концепция, которую мы сами создали, чтобы сделать безграничность вечности и Вселенной более переносимыми, очеловечить их. Создав представление о времени, мы получили возможность в какой-то степени управлять, играть с ним. Время у ребенка медленное и долгое, легкорастяжимое. У взрослых оно летит с пугающей быстротой. Таким образом, время зависит от

восприятия, которое, как мы понимаем, может очень сильно меняться. Это главное, что необходимо понимать для овладения искусством управления временем. Внутренние переживания и эмоции заставляют время двигаться быстрее, следовательно, контролируя свои эмоциональные реакции, мы сможет замедлить время. Это непривычное мироощущение, отдаляющее в нашем восприятии наступление будущего, открывает невероятные возможности, позволяет отбросить страх и гнев и дает нам терпение — наиглавнейшее требование в искусстве управления временем.

Мы имеем дело с тремя видами времени, каждое предлагает свои задачи, которые можно решить при наличии определенных навыков и сноровки. Первый тип — растянутое время: долгое, порой тянущееся годами, — к нему следует относиться очень терпеливо и осторожно. Наше обращение с этим временем должно как можно больше напоминать оборону — это искусство не реагировать импульсивно, терпеливо ожидая наступления подходящего момента.

Второй тип — сжатое время: короткое время, которым мы можем пользоваться как оружием для нападения, нарушая временные расчеты противника.

И наконец, третий тип — время эндшпиля, когда план следует выполнять быстро и напористо. Мы выждали, определили момент, и теперь нельзя колебаться.

Растянутое время. С именем знаменитого художника эпохи Мин (XVII век) Чу Юня связывают историю, которая впоследствии совершенно изменила его образ жизни. Как-то зимой он собрался съездить в город, рекой отделенный от его родного города. Он взял с собой важные бумаги и книги и нанял мальчика, чтобы нести поклажу. День клонился к вечеру, и, когда лодка приближалась к противоположному берегу, Чу Юнь спросил лодочника, успеют ли они в город до закрытия городских ворот, так как до них было еще около мили. Лодочник бросил взгляд на мальчика, сжимающего тугую связку книг и бумаг. «Да, — ответил он, — если не пойдете слишком быстро».

Султан Персии приговорил двух человек к смерти. Один из них, зная, как сильно султан привязан к своему жеребцу, предложил ему в обмен на свою жизнь за год научить скакуна летать. Султан,

представив, что он сможет скакать на единственной в мире летающей лошади, согласился. Другой приговоренный недоверчиво посмотрел на своего друга: «Ты же не хуже меня знаешь, что лошади не умеют летать.

Что же заставило тебя предложить такую дичь султану? Ты ведь только оттягиваешь то, чего невозможно избежать».

«Это не так, — был ответ. — На самом деле я приобрел четыре шанса получить свободу. Первое: за год может умереть султан. Второе: могу умереть и я сам. Третье: может умереть лошадь. И четвертое: а вдруг я научу ее летать?!»

Р. Г. Х. Сю. «Сила власти»

Однако, высадившись на берег и увидев, что солнце садится, Чу Юнь испугался, что они не успеют в город и станут добычей разбойников. Чу Юнь и мальчик все ускоряли шаги, пока не перешли на бег. Тут веревка, которой были перевязаны бумаги, порвалась, и все документы разлетелись по земле. Прошло немало времени, пока путники собрали все бумаги. Конечно, они опоздали, ворота уже были закрыты.

Увеличивая скорость из страха и нетерпения, вы порождаете целый клубок проблем, требующих решения, и в конце концов на все у вас уйдет не в пример больше времени, чем могло бы. Торопливые люди могут иногда быстро добраться до места, но они рискуют попасть в опасные ситуации, они живут в постоянном режиме кризиса, решая проблемы, которые сами и порождают. Порой бездействие перед лицом опасности — лучшее, что можно предпринять: вы выжидаете, вы сознательно замедляете темп. Идет время, и вам вдруг предоставляются такие возможности, которых вы и представить не могли.

Ожидание подразумевает контроль не только над вашими собственными эмоциями, но и над эмоциями ваших коллег. Они, ошибочно принимая активность за силу, могут попытаться толкнуть вас на поспешные поступки. Но вы можете спровоцировать на подобную ошибку и ваших противников: если удастся заставить их поспешно ринуться навстречу неприятностям, пока вы выжидаете, стоя в стороне, то вам останется только не пропустить момент, чтобы вмешаться и собрать плоды.

Эта мудрая линия поведения стала основной стратегией великого сёгуна Токугавы Иэясу, правившего в XVII веке в Японии. Когда его предшественник, своенравный Хидейоши, у которого он служил в качестве военачальника, осуществил поспешное вторжение в Корею, Иэясу не принимал участия в походе. Он знал, что вторжение обратится поражением и приведет к падению Хидейоши. Лучше стоять у обочины в терпеливом ожидании, хотя бы это длилось годами, но затем оказаться готовым удержать власть в нужный момент — именно так и поступил Иэясу.

Вы замедляете время сознательно не для того, чтобы удлинить себе жизнь или продлить минутное удовольствие, но для того, чтобы играть в игры власти. Во-первых, когда ваш ум не загромождён постоянно неотложными делами, вы получаете возможность видеть далеко вперед. Во-вторых, вы обретете устойчивость к приманкам, расставляемым перед вами, и сможете удерживаться от того, чтобы превратиться в обычного нетерпеливого простака. В-третьих, у вас появится больше простора для проявления гибкости. Будут неизбежно появляться все новые возможности, которых вы не ожидали и которые, несомненно, были бы упущены, если бы вы форсировали темп. В-четвертых, вы не начинаете следующего дела, не закончив предыдущего. Создание фундамента, основания власти, может занять годы; убедитесь, что это основание прочно. Не промахнитесь — успех строится медленно, и только такой успех длится долго.

Наконец, замедление даст вам перспективу восприятия времени, в каком вы живете, позволяя вам взглянуть на все с некоторого отдаления. При этом, находясь в положении, эмоционально менее напряженном, вы приобретаете способность видеть очертания будущего. Тот, кто суетится и спешит, часто принимает поверхностные сиюминутные явления за истинные тенденции, видя лишь то, что хочет увидеть. Насколько же ценнее видеть то, что происходит на самом деле, даже если это неприятно и не облегчает, а усложняет вашу задачу.

Из «Сожженной книги» Ли Чжи

У господина Ши было два сына: один любил учиться, другой — воевать. Первый излагал свое нравственное учение при дворе утонченного Чи, и его сделали наставником; другой же говорил

о стратегии при дворе агрессивного Чу, и его сделали военачальником. Неимущий господин Менг, прослышав об их успехах, отправил своих сыновей из дому, желая, чтобы они последовали примеру юношей Ши. Первый изложил свое нравственное учение при дворе Чин, но Чин сказал: «Сейчас время жестокой вражды между государствами, каждый правитель занят тем, чтобы вооружить до зубов армию. Если бы я следовал болтовне ученых пустозвонов, нас давно бы сровняли с землей». И он приказал оскопить несчастного. Тем временем второй брат демонстрировал свой талант полководца при дворе Вей. Но правитель Вей сказал: «У меня государство слабое. Если бы я полагался на силу вместо дипломатии, нас бы очень скоро уничтожили. С другой стороны, если выпустить сейчас этого вояку, он предложит свои услуги другому государству, и мы можем оказаться в беде». Поэтому он приказал отрубить несчастному ноги. Обе пары братьев сделали совершенно одно и то же, но первые правильно выбрали время, а вторые ошиблись. Таким образом, успех зависит не от логических построений, а от выбранного ритма.

Ли Чжи, китайский философ, 1527–1602 (в современном пересказе Д. Бладворта)

Сжатое время. Трюк со сжатым временем заключается в том, чтобы расстраивать расчеты времени окружающих, заставляя их спешить, вынуждая ждать, принуждая их нарушать удобный им ритм, искажая их восприятие времени. Сбивая планы своего противника и в то же время сохраняя спокойствие, вы получаете время в свое распоряжение, а это уже полдела.

В 1473 году великий турецкий султан Мехмед Завоеватель предложил Венгрии вступить в переговоры, чтобы закончить бесконечную войну между Турцией и Венгрией. Когда венгерский эмиссар прибыл в Турцию для начала переговоров, турецкие чиновники униженно просили прощения — Мехмед только что покинул Стамбул, столицу Турции, и проследовал на фронт, где проходило сражение с давним неприятелем Узун Хасаном. Но он очень заинтересован в скорейшем достижении мира с Венгрией и просит эмиссара прибыть для встречи с ним на фронт.

Когда эмиссар добрался до поля сражения, оказалось, что Мехмеда там уже нет, он вместе с войсками продвигался на восток, преследуя

быстро отступающего неприятеля. Это повторялось многократно. Куда бы ни приехал эмиссар, турки преподносили щедрые дары, устраивали в его честь обеды и подобные приятные, но отнимающие время церемонии.

Наконец Мехмед, разгромив Узуна, встретился с венгерским эмиссаром. Но его условия мира с Венгрией были чрезвычайно жесткими и почти неприемлемыми. Через несколько дней переговоры закончились, не дав никакого результата. Все осталось по-прежнему. Но Мехмеду ничего другого и не было нужно. На самом деле всё было задумано и спланировано им заранее именно так: начиная военную кампанию против Узуна, он не мог не видеть, что, повернув армию на восток, он оголяет западный фронт и делает его уязвимым. Чтобы не позволить Венгрии воспользоваться его временной слабостью, он отвлек врага предложением о начале переговоров, а затем заставил его ждать, навязывая свои сроки.

Заставлять людей ждать — это действенный способ сжатия времени, до тех пор, конечно, пока они не заподозрили, какова ваша цель. Вы регулируете часы, они томятся в ожидании, вскоре теряют бдительность, и теперь вам остается только нанести удар. Противоположный прием тоже очень эффективен: заставьте противников спешить. Начните свои дела с ними не торопясь, затем резко нагнетайте напряжение, создайте ощущение, что все вот-вот произойдет. Не имея времени на раздумья, люди совершают ошибки — так устанавливайте для них свои сроки.

Макиавелли восхищало это в Чезаре Борджиа, который во время переговоров вдруг начинал давить на собеседника, принуждая того принимать решение, разрушая его планы и расчеты. А кто бы осмелился заставлять Чезаре ждать?

Знаменитый торговец произведениями искусства Джозеф Дювин хорошо знал, что, если он заставлял нерешительного покупателя, вроде Джона Д. Рокфеллера, поторопиться под тем или иным предлогом — картина будет вывезена из страны, ею заинтересовался другой богатый клиент, — то картина будет куплена еще до наступления назначенного срока. Фрейд заметил, что у пациентов, с которыми он подолгу занимался психоанализом без видимого успеха, стоило назначить им твердую дату конца лечения, чудесным образом наблюдалось улучшение — и как раз в срок. Знаменитый французский

психоаналитик Жак Лакан использовал вариант этого метода: иногда он без предупреждения заканчивал сеанс всего за десять минут вместо положенного часа. После того как это повторялось много раз, пациент понимал, что временем, пожалуй, следует воспользоваться эффективнее, выжимая из сеанса все, что можно, вместо того чтобы тратить время на пустую болтовню. Как видите, жестко установленные сроки — действенный инструмент. Забудьте о нерешительности и заставляйте людей шевелить мозгами и принимать решения. Навязывайте им собственный ритм, не позволяйте играть в удобном для них темпе. Никогда не давайте им времени.

Фокусники и лицедеи — эксперты по части сжатия времени. Гудини часто удавалось освободиться из оков за считаные минуты, но он заставлял публику волноваться, растягивая свои выступления не на один час. Фокусники знают, что лучший способ изменить наше восприятие времени — замедление ритма. Чем медленнее движутся руки фокусника, тем легче создать у зрителей иллюзию скорости, заставить их поверить, что кролик появился в одно мгновение. Великий фокусник XIX века Жан-Эжен Робер-Уден дал исчерпывающую формулировку этого эффекта: «Чем медленнее рассказана история, тем более короткой она кажется».

Медленный темп приводит и к тому, что всё, что вы делаете, начинает казаться более интересным — зрители подчиняются вашему ритму, погружаясь в подобие транса. Тренируйтесь в такого рода иллюзиях, они придадут вам власть гипнотизера, умеющего изменять восприятие времени.

Форель и пескарь

Как-то в мае на берегу Темзы стоял рыболов с удочкой и ловил на приманку в виде мушки. Он так искусно забросил, что к приманке устремилась молоденькая форель, но мать остановила ее.

«Никогда, дитя мое, — сказала она, — не следует слишком торопиться там, где есть возможная опасность. Не жалей времени, чтобы все обдумать, прежде чем бросаться очертя голову в предприятие, которое может стать роковым.

Откуда тебе знать, что эта соблазнительная на вид штучка и вправду муха? А вдруг это подвох, происки врага? Пусть кто-то другой рискнет проверить вместо тебя. Если это настоящая муха, что

ж, первая атака может увенчаться промахом; вторая же если не окажется удачной, то, по крайней мере, будет безопасной».

Едва она закончила говорить, как пескарик схватил мушку и своим примером доказал легкомысленной форели-дочери, сколь верным было поучение ее матери.

Из «Басен» Роберта Додсли

Время эндшпиля. Вы можете провести игру с виртуозным артистизмом — терпеливо дождаться подходящего момента, чтобы действовать, выбить из колеи противников, навязывая им свой ритм и разрушая их расчеты, — но это ничего не значит, если вы не знаете, как всё закончить. Не станьте одним из тех, кто кажется образцом выдержки и терпения, а на самом деле просто боится вплотную подойти к настоящему делу: терпение ничего не стоит без воли и готовности в нужный момент безжалостно подавить противника. Вы можете долго выжидать наступления развязки, но когда она приблизилась, действовать нужно быстро и решительно. Скорость нужна, чтобы парализовать соперника, чтобы скрыть все ваши возможные ошибки, наконец, чтобы поразить людей аурой своей значительности и завершенности.

С терпением заклинателя змей вы выманиваете змею наружу с помощью неторопливого равномерного ритма. Когда же змея выползла, станете ли вы медлить, занеся ногу над ее смертоносной головой? Никогда не может быть оправдано даже малейшее промедление в конечной фазе игры — эндшпиле. Истинный критерий вашего мастерства в управлении временем — это то, как вы работаете в эндшпиле, насколько оперативно вы способны изменить ритм событий и подвести их к быстрой и окончательной развязке.

Образ: ястреб.

Спокойно и бесшумно он описывает в небе круги, в вышине, зорко оглядывая все вокруг. Те, кто внизу, и не подозревают, что они в опасности. Внезапно, выбрав момент, ястреб камнем падает вниз с такой скоростью, что от него нет защиты. Его жертва не успевает понять, что произошло, а цепкие когти птицы уже схватили ее и уносят в небеса.

Авторитетное мнение

В делах людей бывает миг прилива,
Он мчит их к счастью, если не упущен,
А иначе всё плаванье их жизни
Проходит среди мелей и невзгод.

Вильям Шекспир, «Юлий Цезарь»

Оборотная сторона

Нельзя добиться даже малой власти, если пускать все на самотек и, выпустив бразды, приспосабливаться ко всему, что приносит время. Необходимо хоть в какой-то мере научиться управлять временем, если вы не хотите стать его жертвой. Следовательно, обратного случая для этого закона нет и быть не может.

Закон 36. Презирай то, чем не можешь обладать: игнорирование — лучшая месть

Формулировка закона

Признавая мелочь проблемой, вы даете ей существование и силу. Чем больше внимания вы уделяете врагу, тем сильнее он становится, и маленькая ошибка часто превращается в более серьезную и заметную при попытке ее исправить. Порой лучше оставить все как есть. Если есть что-то, чем вы хотите, но не можете обладать, продемонстрируйте пренебрежение к этому. Чем меньше заинтересованности вы проявите, тем более недосягаемым будете казаться сами.

Нарушение закона

Вождь мексиканской революции Панчо Вилья был вначале главарем бандитской шайки, но после революции в 1910 году стал настоящим народным героем. Он грабил поезда и раздавал деньги бедным, возглавлял дерзкие набеги, очаровывал дам романтическими эскападами. Им были очарованы и многие американцы — он казался человеком другой эпохи, отчасти Робин Гуд, отчасти Дон Жуан. После нескольких лет нелегкой борьбы, однако, всплыла фигура некоего генерала Карранца, который был провозглашен победителем в революции. Вилья и его отряды вынуждены были отступить и убраться в северный штат Чихуахуа. Его армия распалась, а он снова стал бандитом, нанося вред своей популярности. В конце концов, возможно от отчаяния, он стал обвинять во всех своих бедах и неудачах гринго, то есть американцев.

В 1916 году Панчо Вилья совершил набег на Колумбус, город в штате Нью-Мексико. Бесчинствуя на улицах городка, бандиты убили семнадцать американцев — военных и штатских. Президент Вудро Вильсон, как и многие граждане Соединенных Штатов, ранее восхищался Вильей. Теперь, однако, бандита следовало наказать. Советники Вильсона торопили его с решением о вводе войск в Мексику и поимке Вильи. Согласно их доводам, если такая могучая держава, как Соединенные Штаты, не ответит на вторжение чужого военного отряда на свою территорию, это будет подтверждением

слабости, то есть худшим, что можно представить. Многие американцы, продолжали они, знали Вильсона как пацифиста, однако народу покажется сомнительным отсутствие реакции на насилие. Вильсону следует доказать свою твердость и мужество, приказав применить силу.

Давление на Вильсона было сильным, и не прошло и месяца, когда с согласия правительства Карранцы он послал десятитысячную армию для захвата Панчо Вильи. Во главе карательной экспедиции, как называли операцию, стоял лихой генерал Джон Дж. Першинг, на счету которого было подавление партизанской войны на Филиппинах и восстаний индейцев в юго-западных штатах. Было очевидно, что Першингу под силу найти Вилью и справиться с ним.

Карательная экспедиция стала сенсацией, за Першингом к месту событий следовали машины с американскими репортерами. Экспедиции, писали они, предстоит стать проверкой американского могущества. Солдаты были вооружены по последнему слову военной техники, переговаривались по радио, вести разведку помогала авиация.

В первые месяцы военные, разделившись на небольшие отряды, прочесывали леса на севере Мексики. Американцы предложили награду в 50 тысяч долларов тому, кто сообщит о местонахождении Панчо Вильи. Но мексиканцы, которые было разочаровались в Вилье, когда он вновь занялся бандитизмом, теперь, когда за ним охотилась эта огромная армия, возвели его в ранг героя. Ему буквально поклонялись. Американцы получали ложную информацию, сбивающую их со следа: Вилью видели то в этой деревне, то высоко в тех горах; на разведку отправлялись аэропланы, туда спешили отряды, но ни разу не удалось встретить неуловимого Вилью. Казалось, он всегда на шаг опережает американских карателей.

К лету того же года состав экспедиции увеличился до 123 тысяч человек. Они страдали от невыносимой жары, москитов. С трудом продвигаясь по дикой местности, которую уже возненавидели, они вызывали негодование не только местного населения, но и мексиканского правительства. В какой-то момент Панчо Вилья скрывался в пещере в горах, оправляясь от пулевого ранения, полученного в стычке с мексиканской армией. Глядя вниз из своего высокогорного убежища, он мог наблюдать, как Першинг таскает обессиленных американских солдат по горам, не приближаясь к цели.

Всю зиму Вилья играл в кошки-мышки. Американцы начали воспринимать все происходящее как дешевый фарс — в сущности, они снова стали восхищаться Вильей, чувствуя невольное уважение к его неистощимому бесстрашию в борьбе против более сильного противника. В январе 1917 года Вильсон наконец отозвал Першинга. Когда американцы возвращались, на них напали повстанческие отряды, так что американская армия была вынуждена применить авиацию, чтобы защитить свои тылы. Карательная экспедиция наказала только самое себя — она обернулась унизительнейшим поражением.

Однажды, когда экономические взгляды Г. К. Честертона были раскритикованы в печати Бернардом Шоу, его друзья с нетерпением ждали, что он ответит на выпады, но ответа не последовало.

Историк Х. Беллок упрекнул его в этом. «Дорогой мой Беллок, — сказал Честертон, — я ему ответил. Для такого остроумного человека, как Шоу, молчание — это самая непереносимая отповедь».

Клифтон Фадиман. «Коричневая книжечка анекдотов»

Толкование

Вудро Вильсон организовал карательную экспедицию как демонстрацию силы. Он хотел проучить Панчо Вилью, а попутно показать всему миру, что никому — ни большому, ни маленькому — не сойдет с рук нападение на могущественные Соединенные Штаты, что виновный будет наказан. Экспедиция задумывалась быстрой — несколько недель, не более, и Вилья будет забыт.

Но все пошло не по плану. Чем дольше тянулась экспедиция, тем больше она обнажала неумение и некомпетентность американцев и показывала ум и изворотливость Вильи. Вскоре забыт был не Вилья, а тот набег, что послужил началом операции. По мере того как досадное происшествие раздувалось до размера крупного международного скандала, а разъяренные американцы посылали в Мексику все новые войска, несоответствие в масштабах между преследователями и преследуемым — которому все еще удавалось сохранять свободу — принимало комичный оттенок. В конце концов

этому колоссу, огромной армии, пришлось с позором отступать из Мексики. Карательная экспедиция достигла результата, обратного первоначальной цели: Вилья не только остался на свободе, но и стал более популярным, чем когда-либо.

Мог ли Вильсон избежать унижения? Он мог оказать давление на правительство Карранцы, потребовав от него поимки и выдачи Вильи. Поскольку многие мексиканцы устали от выходок Вильи к началу карательной экспедиции, можно было исподволь вести с ними работу, добиваясь их поддержки, — это позволило бы захватить бандита силами небольшого отряда. Можно было устроить западню на границе с американской стороны, поджидая следующего набега. Или вообще до поры до времени игнорировать ситуацию, предоставив мексиканцам самим разобраться с Вильей по собственному усмотрению.

Помните: от вас зависит, позволите ли вы докучать себе. Вы вполне можете проигнорировать назойливого обидчика, показав, что вы выше этого, а он не заслуживает вашего внимания. Это очень сильный ход. То, на что вы не реагируете, не может спровоцировать вас, заставить опуститься до более низкого уровня вашего противника. Ваша гордость не задета. Лучший урок, который вы можете дать назойливому комару, — предать его забвению, игнорируя его. Если же это невозможно (Панчо Вилья был виновен в убийстве американских граждан), следует негласно принять меры по его уничтожению, но ни в коем случае не привлекать внимания к надоедливому насекомому. Если вы тратите время и энергию подобным образом, то совершаете ошибку. Научитесь разыгрывать карту презрения и поворачивайтесь спиной к тому, кто вам, в сущности, не опасен.

Чудесный бык

Однажды, когда министр юстиции Токудайджи был начальником имперской полиции, он проводил собрание со своими подчиненными возле средних ворот. В это время бык, принадлежавший чиновнику по имени Акикане, отвязался и забрел в здание министерства. Он взобрался на помост, где сидел начальник, и улегся там, жуя свою жвачку. Все пришли к заключению, что это знак, дурное предзнаменование, и быка хотели поскорее отправить к прорицателю для принесения в жертву. Однако первый министр, отец министра

юстиции, сказал: «Бык не обладает разумом и проницательностью. У него есть ноги — и он может забрести куда угодно. Неразумно отнимать у чиновника с низким жалованьем несчастного быка, который ему нужен для пропитания». Он приказал вернуть быка владельцу и поменять покрытие пола в том месте, где полежало животное. Никогда следствие не идет впереди причины. Говорят, что, если ты видишь чудо, но не относишься к нему как к таковому, его чудесные свойства разрушаются.

Кенко, Япония, XIV век

Авторское мнение

Только вдумайтесь — вашему правительству попытка поймать меня обошлась в 130 миллионов долларов. Я таскал их в горы, по скалам. Порой они проходили по пятьдесят миль без капли воды. У них ничего не было, кроме солнца и москитов. ...И они ничего не добились.

Панчо Вилья, 1877–1923

Соблюдение закона

В 1527 году король Англии Генрих VIII решил избавиться от жены, Екатерины Арагонской. Екатерина не смогла подарить ему сына, наследника и столь необходимого продолжателя династии, и Генриху казалось, что он знает причину: он помнил, как сказано в Библии: «Если кто возьмет жену брата своего, это гнусно; он открыл наготу брата своего; бездетны будут они». Прежде чем выйти за Генриха, Екатерина была замужем за его старшим братом Артуром, но Артур умер спустя пять месяцев после женитьбы. Генрих выждал приличествующее время, а затем женился на вдове брата.

Екатерина была дочерью короля Испании Фердинанда и королевы Изабеллы, ее брак с Генрихом помогал сохранить важный альянс между странами. Теперь же Екатерине приходилось убеждать Генриха в том, что ее короткое первое замужество не увенчалось настоящими брачными отношениями. В противном случае Генрих считал их брак кровосмешением и настаивал на его расторжении как недействительном. Екатерина же настаивала на том, что после первого замужества она сохранила девственность, и напоминала, что сам папа

Климент VII благословил их союз, который, таким образом, нельзя было считать инцестом. Однако годы шли, а Екатерине не удавалось родить Генриху сына. У нее началась менопауза. Для короля это означало лишь одно: их союз был кровосмесительным и теперь Бог карает их.

Была и другая причина, по которой Генрих решил освободиться от Екатерины: он полюбил другую, более молодую женщину, Анну Болейн. Он не только любил ее, но надеялся, что, женившись на ней, получит законного наследника. Брак с Екатериной должен был быть аннулирован. Для этого католику Генриху нужно было разрешение Ватикана. Однако папа Климент никогда бы не пошел на это.

К лету 1527 года по Европе ходили слухи о том, что Генрих собирается совершить невозможное — аннулировать брак против воли Климента. Екатерина не собиралась отрекаться от престола и уходить в монастырь, как того хотел Генрих. Он, однако, избрал другую линию поведения: он перестал спать с Екатериной в одной постели, заявив, что считает ее невесткой, а не законной супругой. Он настаивал на том, чтобы ее именовали принцессой Уэльской — ее титул как вдовы Артура. В конце концов в 1531 году он отослал ее в дальний уединенный замок. Папа Римский приказал королю вернуть ее ко двору под страхом отлучения — самого страшного наказания для католика. Генрих не только проигнорировал угрозу, но и настаивал на расторжении брака с Екатериной, а в 1533 году женился на Анне Болейн.

Осел и садовник

Осел как-то, попав в переделку, лишился хвоста и очень сокрушался по этому поводу. Осел искал пропажу повсюду, ведь он был глуп и верил, что, найдя хвост, сможет прикрепить его на место. Он обошел луг, а затем заглянул в сад. Когда садовник увидел осла и невосполнимый ущерб, который тот наносил, топоча копытами прямо по растениям, он впал в неистовый раж, подбежал к ослу и недолго думая отрезал ему оба уха и бросил их на землю. Осел, который горевал о потере хвоста, впал в еще большее отчаяние, оставшись без ушей.

Из «Басен» Пильпая, Индия, IV век

Климент отказался признать этот брак, но Генриху не было до этого дела. Он сам более не признавал авторитета папы и порвал с Римско-католической церковью, провозгласив взамен англиканскую церковь во главе с королем Англии. И неудивительно, что вновь созданная церковь провозгласила Анну Болейн законной королевой Англии.

Папа перепробовал всевозможные угрозы, но они не действовали. Генрих просто игнорировал их. Климент кипел — никто еще не обращался с ним так пренебрежительно. Генрих унизил его, а он не мог ничего с этим поделать. Даже отлучение (которым он постоянно пугал, но так и не привел угрозу в исполнение) более не имело значения.

Екатерина также ощущала на себе разрушительную силу презрения Генриха. Она пыталась противостоять, но обращаться к Генриху было равносильно попытке разговаривать с глухим, а позднее ей стало не к кому апеллировать. Изолированная от двора, в забвении, лишенная общества короля, в бешенстве от гнева и бессилия, Екатерина медленно угасала и умерла в январе 1536 года от злокачественной опухоли сердца.

Обезьяна и горох

Обезьяна несла две полные горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотела поднять и просыпала двадцать горошинок. Она бросилась поднимать и просыпала все.

Тогда она рассердилась, разметала весь горох и убежала.

Лев Толстой

Толкование

Если вы удостаиваете кого-то вниманием, между вами устанавливается партнерство того или иного типа, в котором каждый реагирует на действия другого. По ходу дела вы теряете инициативу. Это динамика любого взаимодействия: узнавая других людей, пусть даже борясь с ними, вы открываетесь и поддаетесь их влиянию. Если бы Генрих изменил Екатерине, то был бы вовлечен в бесконечные ссоры и споры, которые бы ослабили его решимость, и в конце концов он бы сдал позиции. (Екатерина была женщиной сильной и упорной.)

Если бы он решил надавить на Климента, чтобы тот изменил вердикт о действительности их с Екатериной брака, или попытался договориться с ним и найти компромиссное решение, то попался бы на излюбленный прием Климента: тот тянул бы время, обещая гибкий подход, но в результате настоял бы на своем.

Генрих не сделал ничего подобного. Он применил сокрушительное оружие власть имущих: полное презрение. Игнорируя людей, вы как бы отменяете их существование. Это не может не нервировать их и не выбивать из колеи, но, поскольку они лишены возможности излить это на вас, они бессильны.

Закон имеет наступательный аспект. Карта презрения, которую вы можете разыгрывать, является очень сильным козырем, поскольку позволяет вам определять условия конфликта. Война в этом случае ведется по вашим правилам. Этой позой вы демонстрируете огромное могущество: вы король, и не замечаете тех, кто наскакивает на вас. Вы увидите, как подобная тактика доводит людей до бешенства, ведь их поступки и выпады рассчитаны на ваше внимание; если же вы игнорируете их, все ухищрения идут насмарку.

Человек: пни его — он простит тебя. Польсти ему — он поверит или раскусит тебя. Но проигнорируй его — и он возненавидит тебя.

Идрис Шах. «Караван снов»

Ключи к власти

Желания часто порождают парадокс: чем больше вы чего-нибудь хотите, чем больше вы за этим гоняетесь, тем труднее оно дается в руки, ускользая. Чем больше интереса вы выказываете, тем больше отталкиваете от себя объект желаний. Это объясняется тем, что ваше желание слишком сильно — оно вызывает у окружающих настороженность, даже испуг. Неконтролируемое желание придает вам вид слабого, незначительного, жалкого человека.

Как одни не могут удержаться от пересудов со всеми и обо всем, так другие постоянно суетятся по любому поводу. Они всегда преувеличивают, принимают все всерьез, делая из всего тайну

и повсюду находя поводы для ссор. Почти никакие обиды и огорчения не заслуживают того, чтобы принимать их близко к сердцу, ведь это значило бы заставлять себя переживать попусту. Абсурдно вести себя так, изводясь о том, что нужно просто выбросить через плечо. Многие вещи, которые кажутся важными в данное время, если их проигнорировать, оказываются совершенно незначительными; а другие, которые казались пустячными, оказываются достойными восхищения, если уделить им должное внимание.

Происходящее можно легко планировать в самом начале, но позднее это уже не так просто. Часто лекарство само становится причиной недуга; позволяй происходить тому, что происходит, — это не самое малоприятное из жизненных правил.

Бальтазар Грациан

Вам следует отвернуться от того, чего вам так хочется, выказать свое безразличие, пренебрежение. Это сильная реакция, и она выведет ваш объект из равновесия. Вы вызовете ответное желание. Это будет просто желание повлиять на вас — может быть, завладеть вами, а может, причинить боль. Если вас захотят заполучить в собственность, можно сказать, что вы успешно справились с первым этапом обольщения. Если вас захотят ранить, не давайтесь, навязывайте свои правила игры (см. Законы 8 и 39 о том, как провоцировать людей на действие).

Презрение — прерогатива короля. Действительность там, куда он соблаговолит направить свой взор, она в том, что он решит увидеть. Этим оружием пользовался король Людовик XIV — если вы ему не нравились, он вел себя так, словно вас тут не было, поддерживая свое превосходство тем, что прерывал общение по своему усмотрению. Такой власти вы добиваетесь, разыгрывая козырь презрения, периодически показывая окружающим, что можете обойтись без них.

Выбирая такую линию поведения, вы приобретаете силу, следовательно, обратное — привязанность и преданность — часто ослабляют. Уделяя незаслуженное внимание ничтожному врагу, вы выглядите ничтожным, и чем дольше вы не уничтожаете такого врага, тем значительнее он выглядит. Когда в 415 году до н. э. Афины решили завоевать Сицилию, могущественное государство напало на слабое.

И все же, втянув Афины в долгий конфликт, Сиракузы, наиболее важный город-государство в составе Сицилии, сумели вырасти и окрепнуть. В конце концов Афины были побеждены, а Сиракузы прославились в веках. В недавние времена президент Джон Ф. Кеннеди допустил аналогичную ошибку в отношении Фиделя Кастро — лидера кубинских коммунистов: вторжение на Кубу в 1961 году провалилось, и Кастро сделался интернациональным героем.

Другая опасность: если вам удалось раздавить назойливого или хоть ранить его, вы рискуете вызвать симпатию к слабой стороне. Критики Франклина Д. Рузвельта горько сокрушались по поводу денег, истраченных его администрацией на правительственные проекты, но их атаки не имели отклика среди тех, кто видел, как президент работает, чтобы покончить с депрессией в стране. Его оппонентам казалось, что они нашли удачный пример, иллюстрирующий, каким расточительным стал президент: его собака Фала, которую он обожал и баловал. Критики обвиняли Рузвельта в том, что он тратит деньги американских налогоплательщиков на собаку, в то время как многие американцы все еще прозябают в бедности. Но у Рузвельта был готов ответ: как могут оппоненты нападать на маленькую беспомощную собачонку? Выступление в защиту Фалы стало едва ли не популярнейшей из всех его речей.

В данном случае в роли слабого выступила собачка президента, и атака захлебнулась — в конечном счете президент только завоевал большую симпатию, поскольку многие люди естественным для них образом приняли сторону преследуемого, как это было и в случае с Панчо Вильей.

Часто мы испытываем искушение загладить свои ошибки, но чем больше стараемся, тем хуже порой результат. Иногда бывает правильнее оставить все как есть. В 1971 году, когда газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала «Бумаги Пентагона», подборку правительственных документов об истории присутствия США в Индокитае, Генри Киссинджер пришел в дикую ярость. В бешенстве от того, что администрация Никсона допустила подобную утечку, он сделал распоряжения, которые в результате привели к формированию группы, названной «Бригадой слесарей по устранению утечек».

Так была создана команда, которая впоследствии проникла в помещения демократической партии в Уотергейте, что положило

начало цепочке событий, закончившихся импичментом и отставкой Никсона. В действительности публикация бумаг Пентагона не являлась серьезной угрозой для администрации, но реакция Киссинджера все изменила. Пытаясь решить одну проблему, он создал другую: маниакальное стремление сохранить секретность привело к результатам гораздо более разрушительным для правительства и президента. Если бы Киссинджер проигнорировал публикацию пентагоновских документов, возникший из-за них скандал угас бы сам собой довольно скоро.

Тень и человек

Шалун какой-то тень свою хотел поймать:
Он к ней, она вперед; он шагу прибавлять,
Она туда ж; он, наконец, бежать:
Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
Все не даваясь, будто клад.
Вот мой чудак пустился вдруг назад;
Оглянется — а тень за ним уж гнаться стала.
Красавицы! слыхал я много раз:
Вы думаете что? Нет, право, не про вас;
А что бывает то ж с фортуною у нас;
Иной лишь труд и время губит,
Стараяся настичь ее из силы всей;
Другой, как кажется, бежит совсем от ней;
Так нет, за тем она сама гоняться любит.

Иван Крылов

Вместо того чтобы зацикливаться на проблеме, раздувать ее и усугублять, показывая, сколько тревоги и беспокойства она у вас вызывает, часто умнее бывает надеть презрительную маску аристократа, не показывая, что вы вообще знаете о существовании этой проблемы. Есть несколько способов применения этой стратегии.

Первый способ — назовем его политикой кислого винограда. Если вам очень сильно чего-то хочется, но вы понимаете, что не можете это получить, самое худшее, что можно сделать в этой ситуации, — это демонстрировать свое разочарование и жаловаться во всеуслышание

на свою неудачливость. Намного лучше сделать вид, что это никогда на самом деле не было для вас так уж важно.

Когда в 1861 году почитатели Жорж Санд выдвинули ее кандидатуру в качестве первой женщины-академика Французской академии, Санд не потребовалось много времени, чтобы понять, что академия ни за что ее не признает. Вместо того чтобы добиваться этого, она публично заявила, что не заинтересована в том, чтобы присоединиться к группе изношенных, вышедших в тираж, потерявших популярность пустышек. Ее презрительное высказывание опередило отказ академиков и оказалось на редкость удачным ходом: если бы она стала негодовать, то показала бы, что членство в академии для нее важно. Вместо этого она определила академию как сборище стариков — так стоило ли сердиться или огорчаться из-за того, что ей не придется скучать в их обществе? Восклицание «Зелен виноград!» иногда рассматривают как проявление слабости, в действительности это тактика сильных.

Второй способ: если вас атакуют «снизу» — кто-то, кто слабее или ниже вас, — не обращайте внимания, покажите, что вы даже не заметили атаку. Смотрите вдаль с рассеянным видом или отвечайте ласково, с милой улыбкой, демонстрируя, как мало значит для вас это нападение. Сходным образом, если с вами случилась какая-то неприятность, лучшее, что можно сделать, чтобы смягчить впечатление от своей ошибки, — показать, что вы относитесь к этому легко.

У японского императора Го Сайина, большого поклонника чайной церемонии, была бесценная древняя чаша для чая, предмет зависти всех придворных. Однажды гость, Дайнагон Цунехиро, попросил разрешения поднести чашу поближе к свету, чтобы получше ее рассмотреть. Чашу редко трогали с места, но император был в добром расположении духа и позволил взять ее. Дайнагон бережно взял ее в руки и вышел на террасу, однако, когда он поднял чашу к свету, она выскользнула у него из рук и, упав на камни в саду, разбилась вдребезги.

Император, разумеется, был вне себя. «Я был и вправду ужасно неуклюж, выронив ее, — произнес Дайнагон с низким поклоном, — но на самом деле причинил не так уж много вреда. Эта чаша Идо была очень стара, и как знать, сколько бы еще могла она существовать, но

ведь она была скрыта от людских глаз, и я даже думаю, может, такой конец и неплох для нее». Этот абсурдный и удивительный комментарий немедленно возымел действие: император успокоился. Дайнагон не стал оправдываться и не рассыпался в преувеличенных извинениях, но продемонстрировал свое достоинство и силу, прокомментировав свой промах с оттенком презрения. Император был вынужден ответить с подобным аристократическим безразличием, проявление гнева и огорчения было мелочным и неблагородным, и это дало Дайнагону преимущество, которым он не преминул воспользоваться.

Если соперник вам равен, такая тактика может обернуться против вас: демонстрируя безразличие, вы можете показаться бессердечным. Но с начальником или господином, если действовать быстро и без раздражения, это может сработать великолепно: сглаживая своей реакцией его гнев, вы экономите его время и энергию, которые он потратил бы, размышляя об этом, и к тому же позволяете ему публично продемонстрировать отсутствие мелочности.

Если мы начинаем извиняться или отрицать свою вину, когда нас подловили на ошибке, это только ухудшает ситуацию. Литератор эпохи Возрождения Пьетро Аретино часто хвалился своей аристократической родословной, которая на самом деле была подделкой. Когда его враги в конце концов раскопали правду, молва разошлась в одно мгновение, и скоро вся Венеция (Аретино в то время жил там) с изумлением узнала о его лжи. Начни он оправдываться — он только еще больше упал бы в общественном мнении. Аретино нашел способ ответить так, чтобы не уронить своего достоинства: он признал, что действительно является сыном ремесленника, но заявил, что если он, поднявшись из низов, был способен достичь таких высот, то это лишь подчеркивает его величие. С тех пор он никогда более не повторял прежней лжи, повсюду с гордостью рассказывая новую версию своего происхождения.

Помните: достойная реакция сильного человека на досадные мелочи и раздражающие пустяки — презрение или снисходительность. Старайтесь не показывать, что вы задеты, обижены или расстроены, — этим делу не поможешь, вы лишь признаете тем самым существование проблемы. Презрение — это блюдо, которое лучше подавать холодным.

Образ: болячка.

Она хоть и маленькая, но болит и саднит. Вы прикладываете разные лекарства, жалуетесь, расчесываете и сдираете ее. Врачи только портят дело, превращая маленькую ранку в серьезную проблему. А нужно просто оставить ее в покое, не теребить — и со временем она заживет, затянется без следа.

Авторитетное мнение

«Научись разыгрывать карту презрения. Это наиболее хитроумная форма мести. Имена множества людей никому не были бы известны, если бы только выдающиеся противники этих людей проигнорировали их. Ни одна месть не может сравниться с забвением, ибо оно есть не что иное, как погребение недостойного в пыли его собственного ничтожества».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Козырь пренебрежения следует использовать аккуратно и осторожно. По большей части мелкие невзгоды исчезают сами собой, если не обращать на них внимания, но некоторые могут усугубляться, и, если не принять своевременных мер, рана нагноится. Проигнорировал человека, занимающего более низкое положение, — а он, глядишь, превратился в серьезного соперника и, помня о пережитом унижении, полон планов отмщения. Итальянские принцы и князья игнорировали Чезаре Борджиа, молодого офицера в армии его отца, папы Александра VI. К тому времени, как они обратили на него внимание, было уже поздно — львенок стал львом, раздирающим Италию на куски. Поэтому часто, если вы публично демонстрируете пренебрежение, необходимо конфиденциально контролировать проблему, отслеживая ее развитие, пока не убедитесь, что все улеглось. Не давайте конфликту превратиться в злокачественную опухоль.

Выработайте у себя умение замечать самые мелкие свои проблемы и решать их, прежде чем они вырастут и выйдут из-под контроля. Научитесь различать проблемы, которые могут привести к катастрофе, и просто досадные неприятности, которые со временем могут

разрешиться сами по себе. В любом случае, впрочем, никогда полностью не пускайте ни одну из них на самотек. Пока проблема существует, она может тлеть, и есть риск, что пламя снова разгорится.

Закон 37. Создавай незабываемые зрелища

Формулировка закона

Яркая образность и символичные красивые жесты создают ауру власти — они захватывают любого. Ставьте поэтому спектакли для окружающих, полные притягательных наглядных и лучащихся символов, которые бы преувеличивали долю вашего участия. В ослеплении от зрелища никто не заметит, сколько на самом деле вами сделано.

Соблюдение закона (1)

В начале 1780-х годов в Берлине только и говорили о необычной и удивительной медицинской практике доктора Вайследера. Он демонстрировал настоящие чудеса в огромном, перестроенном из пивного ресторана зале, возле которого удивленные берлинцы видели длиннейшие очереди слепых, хромых, людей со всевозможными хворями, не поддающимися обычному лечению. Когда разнеслась молва, что доктор в ходе лечения подвергает пациентов воздействию лунных лучей, его нарекли Лунным доктором из Берлина.

В 1783 году стало известно, что доктор Вайследер излечил состоятельную женщину от ужасной болезни. Он сразу же стал знаменитостью. Прежде у бывшего пивного ресторана видели только беднейших жителей Берлина, одетых в обноски и лохмотья. Теперь же здесь, когда солнце катилось к закату, останавливались роскошные кареты, из которых выходили господа в дорогих костюмах и дамы с замысловатыми высокими прическами. Приходили даже люди с самыми незначительными болезнями, порой из чистого любопытства. Пока они ждали в очереди, пациенты победнее объясняли господам и дамам, что доктор принимает, только когда луна нарастает. Многие добавляли, что уже подвергались воздействию целебных сил, которые доктор черпал из лунного света. Даже те, кому стало лучше, продолжали приходить, повинуясь притягательной силе его экспериментов.

Внутри пивного ресторана посетителей встречал странный и волнующий спектакль. Зал плотно заполняла пестрая толпа всех сословий и национальностей, настоящее Вавилонское столпотворение.

Сквозь высокие стрельчатые окна на северной стене зала лилось серебряное сияние лунного света. Доктор и его жена, которая, по-видимому, также могла лечить больных, практиковали на втором этаже, куда вела лестница, расположенная в конце зала. По мере того как очередь продвигалась к лестнице, больные слышали доносящиеся сверху крики и вопли, и начинались взволнованные пересуды о том, что это, кажется, прозрел слепой.

Наверху очередь разделялась надвое, в северный кабинет к доктору и в южный к его супруге, которая принимала только женщин. Наконец после нескольких часов предвкушения и ожидания в очереди пациенты-мужчины представали перед самым удивительным доктором, пожилым человеком с торчащими пучками седых волос, энергичным, даже несколько нервозным. Он проводил к себе пациента (скажем, маленького мальчика, которого принес его отец), обнажал больную часть тела и поднимал мальчика к окну, к свету луны. Бормоча что-то неясное, доктор потирал больное место пациента, смотрел многозначительно на луну, а затем, получив свой гонорар, провожал мальчика и отца к выходу. Тем временем в комнате, выходящей окнами на юг, супруга доктора проделывала совершенно то же самое с пациентками — и это было странно. В самом деле, не могла же луна светить одновременно в двух местах. Другими словами, она не могла быть видна в окнах сразу обеих комнат. Очевидно, достаточно было самой мысли, идеи и символа луны, так как дамы не жаловались, доверительно сообщая потом, что целительные силы супруги Лунного доктора не уступали его собственным.

Толкование

Доктор Вайследер, возможно, не имел никаких медицинских познаний, но был тонким знатоком человеческой натуры. Он догадался, что людям не всегда нужны слова, рациональные объяснения или демонстрация могущества науки. Они скорее нуждаются в непосредственном воздействии на чувства, проникновении в эмоциональную сферу. Дайте им это, а остальное они проделают сами — например, поверят, что их может излечить свет, отраженный от каменной глыбы в миллионах километров от них. У доктора Вайследера не было нужды в таблетках, ему не приходилось читать длинных лекций о природе и могуществе лунных лучей. Он

понимал, что чем проще будет его спектакль, тем лучше — только лунный свет, заливающий комнату, лестница, ведущая к небу, лучи ночного светила, видимые или даже невидимые. И луна проявляла свою силу — она служила магнитом для фантазии, как и во все времена. Доктор приобрел власть, всего лишь отождествив себя с образом луны.

Помните: успешность продвижения к власти зависит от умения выбирать наиболее рациональный, кратчайший путь, требующий минимальных затрат. Следует уметь обмануть людские подозрения, обойти их упрямое сопротивление вашей воле. Образы — это чрезвычайно действенный обходной маневр: минуя голову, вместилище сомнений и упорства, они направляют свое воздействие прямо в сердце. Ошеломляя взор, они порождают мощные ассоциации, объединяют людей, волнуют их. Ослепленные белым сиянием луны, жертвы готовы обманываться и прекрасно поддаются вашему лечению.

Антоний и Клеопатра

...Но более всего она полагается на свою красоту и впечатление от своего обхождения. <...> Она ... поднимается по реке Киднос на судне с золотым носом, пурпуровыми парусами и серебряными веслами. Судно движется под музыку, под звуки флейты, свирелей и цитр. Сама Клеопатра лежит под балдахином, богато украшенным золотом, одетая подобно Венере, ее окружают и обвевают дети, изображающие амуров.

У руля и снастей стоят прелестные женщины, изображая нереид и граций. С жаровен разносятся по обоим берегам благоухания. Судно провожает по суше несметная толпа, к которой присоединяются и жители города Тарсус, чтобы полюбоваться зрелищем.

Когда вследствие этого площадь для народных собраний опустела, Антоний, не покидавший судейского кресла, слышит, что Венера прибыла в гости к Бахусу, на счастье Азии. Антоний посылает просить Клеопатру на ужин, но она выражает желание принять его у себя. Антоний, желая выказать ей вежливость и непредубеждение, принимает приглашение и следует ему. Он находит неописуемо великолепную обстановку, но особенно поражает его изобилие света. Говорят, что со всех сторон светило столько огней, висевших на стенах и расположенных с таким искусством вверху, внизу, в симметрических многоугольных и круговых фигурах, что из всех известных

прекрасных и занимательных зрелищ немногие могли сравниться с этим.

Плутарх. Из «Жизни Антония»

Соблюдение закона (2)

В 1536 году будущий король Франции Генрих II встретил свою первую любовь — Диану де Пуатье. Тридцатисемилетняя Диана была вдовой сенешаля Нормандии; Генрих же, жизнерадостный неоперившийся юнец, которому едва исполнилось семнадцать, только вступал на жизненный путь. Вначале их союз выглядел не более чем платоническим, и Генрих выказывал сильнейшую и возвышенную преданность Диане. Но скоро стало ясно, что он и ее постель предпочитает ложу своей молодой супруги Екатерины Медичи.

В 1547 году скончался король Франциск, и Генрих унаследовал трон. Это изменение ситуации сулило Диане определенные опасности. Ей только что исполнилось сорок восемь. Неудивительно, что, несмотря на холодные ванны и омолаживающие снадобья, которыми она, по слухам, пользовалась, возраст начинал брать свое. Теперь, когда Генрих стал королем, он мог вернуться на брачное ложе и поступить так, как другие короли, — выбрать себе любовницу из числа красавиц, какими, к зависти всей Европы, изобиловал французский двор. Ему ведь было еще только двадцать восемь. Но Диана и не думала сдаваться. Она по-прежнему притягивала своего любовника, пленяла его так же, как и на протяжении прошедших одиннадцати лет.

Секретным оружием Дианы де Пуатье были символы и образы, которым она всегда уделяла огромное внимание. В самом начале их связи с Генрихом она заказала кружево, в узоре которого были переплетены ее и его инициалы. Эмблема символизировала их союз. Это подействовало на Генриха как чары: он размещал эту эмблему повсюду — на своем королевском облачении, на памятниках и соборах, на фасаде Лувра, а затем в королевском дворце в Париже. Диана одевалась только в черное и белое — ее любимые цвета, и, где только возможно, в эти цвета была окрашена эмблема. Символ был легкоузнаваемым, а его значение не было ни для кого тайной. Со временем, когда Генрих стал королем, Диана пошла еще дальше:

она решила отождествить себя с римской богиней Дианой, в честь которой получила свое имя. Диана была богиней охоты, традиционного времяпрепровождения королей, страстно любимого Генрихом. Кроме того, в искусстве Возрождения Диана символизировала целомудрие и чистоту. Для женщины, подобной Диане, идентифицировать себя с богиней означало с новой силой вызвать к жизни все эти символы, которые бы мгновенно окружили ее ореолом уважения и почтительности. Подчеркнув этим символом их «целомудренные» отношения с Генрихом, она к тому же отгородила бы свое имя от представлений об адюльтере и себя от роли рядовой любовницы короля.

Чтобы добиться задуманного, Диана полностью изменила свой замок в Ане. Прежний замок сровняли с землей, а на его месте было возведено величественное здание, напоминающее древнеримский храм, окруженное по периметру дорическими колоннами. Постройка была выполнена из белого нормандского камня с черными крапинами — природа как бы воспроизводила белый и черный цвета Дианы. Монограмма переплетенных инициалов ее и Генриха украшала колонны, двери, окна, ковры. Символы богини Дианы — полумесяцы, рогатые олени и гончие псы — красовались на воротах и фасаде. Внутренние покои были украшены гобеленами с изображением эпизодов из жизни богини. Гобелены висели на стенах и устилали полы. В саду возвышалась знаменитая статуя «Диана-охотница», которая ныне находится в Лувре. Статуя поражала портретным сходством с Дианой де Пуатье. Живописные и скульптурные изображения Дианы наполняли замок.

Ане поразил воображение Генриха, так что он и сам стал во всеуслышание называть Диану де Пуатье олицетворением римской богини. Когда в 1548 году эта чета появилась вместе в Лионе на торжествах, народ встречал их живыми картинами, изображающими сцены с Дианой-охотницей. Великий французский поэт той эпохи Пьер де Ронсар писал стихи в честь Дианы. Можно сказать, повсюду во Франции царил настоящий культ римской богини, а инспирирован он был фавориткой короля. Генриху казалось, что и саму Диану окутывает божественная аура, что их удел быть вместе до конца дней. И вплоть до своей гибели в 1559 году Генрих оставался верным Диане, он произвел ее в герцогини, наделил огромным состоянием

и благоговел перед своей первой и единственной фавориткой, демонстрируя почти религиозное поклонение ей.

Из «Заката Средневековья» Йохана Гуизинги

В Средние века тяга к символам была гораздо сильнее. ...Символизм становится способом краткого изложения идей. Вместо того чтобы искать взаимоотношения между двумя предметами, следуя по скрытым окольным путям их причинных связей, мысль делает петлю и вскрывает эти отношения не в причинно-следственном аспекте, а в контексте значения. ...Символическое мышление позволяет обнаружить бесконечное количество ассоциаций между предметами.

В каждом предмете может быть зашифровано множество отдельных представлений, соответствующих различным свойствам, и каждое свойство может, в свою очередь, иметь множество символических значений. Высоким концепциям могут соответствовать тысячи символических значений. Ничто не может быть слишком низменным для того, чтобы представлять и прославлять возвышенное. Грецкий орех символизирует Христа: сладкое ядро — Его Божественную сущность, зеленая сочная кожура — Его человеческую природу, твердая скорлупа между ними — крест. Так любой предмет может возвысить мысли, направить их к вечному. ...Каждый драгоценный камень помимо естественного блеска излучает сияние своего символического значения.

Отождествление розы с девственностью больше чем просто поэтическое сравнение, поскольку вскрывает их естественную сущность. По мере того как каждое представление возникает в уме, логика символа порождает гармонию идей.

Толкование

Диане де Пуатье, женщине невысокого буржуазного происхождения, удавалось поддерживать интерес Генриха к себе в течение более чем двух десятилетий. Умерла она в шестьдесят с лишним, но его страсть к ней с годами не угасала, скорее росла. Она досконально изучила короля. Он не был интеллектуалом, но любил жизнь во всех ее проявлениях, в особенности рыцарские турниры, лошадей в великолепных сбруях и женщин в пышных одеяниях.

Любовь Генриха к внешним проявлениям блеска и роскоши казалась Диане инфантильной, и она играла на этой его слабости при всякой возможности.

Наиболее дальновидным шагом было принятие Дианой образа богини-охотницы. Это была игра, выходящая за рамки физического образного ряда и вступающая в область психологической символики. Идея превратить любовницу короля в символ чистоты и власти была очень дерзкой, но Диане всё удалось. Не стань она воплощением богини — осталась бы просто стареющей куртизанкой. С образным рядом и символикой Дианы за плечами она обрела мифическую мощь, величие стало ее уделом.

Вы также можете играть с подобными вещами, используя зрительные подсказки для создания целостного образа, как Диана использовала свои цвета и эмблемы. Затем игру можно продолжить: найдите образ или символ из прошлого, который точно подойдет к вашей ситуации, и накиньте его, подобно капюшону. Это поможет вам казаться величественнее и масштабнее, чем на самом деле.

Из-за света, который оно проливает на другие звезды, окружающие его, подобно придворным, из-за справедливости и равномерности распределения его лучей поровну всем и каждому, из-за добра, приносимого им повсеместно, порождая жизнь, радость и оживление, из-за его постоянства, которому оно никогда не изменяет, я избираю Солнце как величественнейший образ, способный символизировать великого монарха.

Людовик XIV

Ключи к власти

Пытаться защитить свое дело с помощью слов рискованно: слова — опасный инструмент, и часто они не достигают цели. Слова, которые используют окружающие с целью нас убедить, как бы приглашают нас поразмыслить на эту тему с помощью наших собственных слов, и это часто кончается тем, что мы приходим к противоположным выводам. (В этом отчасти сказывается противоречивость нашей природы.) Случается и так, что слова

задевают нас, вызывая неприязненные чувства по отношению к говорящему, а он и не подозревает об этом.

Но визуальная информация позволяет пройти напрямик, минуя лабиринт слов. Она поражает эмоциональной силой и воздействует мгновенно, не оставляя простора для рефлексии и сомнений. Подобно музыке, она прорывается, минуя заслоны рациональных, рассудочных мыслей. Вообразите Лунного доктора, пытающегося обосновать свой метод, пытающегося убедить своих больных, читая им лекции о свойствах лунного сияния и о своих особых отношениях с лучами отдаленного светила.

К счастью для него, он сумел создать неотразимо притягательное действо, в котором слова были лишними. В ту минуту, когда пациенты входили в пивной ресторан, образ луны говорил сам за себя достаточно красноречиво.

Необходимо понимать: слова неизбежно ставят вас в оборонительную позицию. Если вы вынуждены объясняться, тем самым сразу же ставится под сомнение ваша сила. Однако зрительный образ внушителен априори. Он не располагает к вопросам, порождает мощный ассоциативный ряд, исключает нежелательные интерпретации, немедленно находит путь к сознанию и разрушает непреодолимые преграды, воздвигаемые социальным неравенством. Слова возбуждают споры и дискуссии, образы объединяют людей. Образы — важнейшие и необходимые инструменты власти.

Символ обладает не меньшей властью — как зрительный образ (статуя Дианы), так и словесное описание чего-то видимого (словесный образ — «Король-Солнце»). Абстрактная идея — чистота, патриотизм, мужество, любовь — несет эмоциональную нагрузку и мощные ассоциации. Символ выражает десятки значений одним простым предметом или фразой. Символу Короля — Солнцу, согласно пояснениям Людовика XIV, можно было давать истолкование на разных уровнях, но красота этого образа в том, что он вызывал ассоциации, которые не нуждались в объяснениях, апеллировал непосредственно к подданным Людовика, выделял его среди прочих королей и вызывал в воображении образ его величия, образ, неизмеримо более мощный, чем слова сами по себе. Символ содержит силу, превосходящую словесные описания и пояснения.

Первостепенное значение при использовании символов и образов имеет осознание примата зрения над другими чувствами. До эпохи Возрождения эта точка зрения оспаривалась, зрение и другие чувства — обоняние, осязание и пр.— считали приблизительно равными по значению для человека. С тех пор, однако, удалось доказать, что именно посредством зрения человек получает львиную долю информации, этому чувству мы больше всего доверяем и от него зависим. Грациан сказал: «Правду, как правило, легче всего увидеть, услышать труднее». Художник Возрождения Фра Филиппо Липпи, захваченный в плен и проданный в рабство маврам, добыл себе свободу, набросав портрет своего хозяина угольком на белой стене. Когда тот увидел изображение, он, отдав должное человеку, наделенному даром создавать такие образы, отпустил Фра Филиппо на свободу. То единственное изображение подействовало сильнее, чем любые доводы, которые художник мог бы привести на словах.

Ни в коем случае не пренебрегайте тем, как именно визуально оформить ту информацию, которую хотите донести до зрителя. Такие факторы, как цвет, например, имеют огромное символическое значение. Когда Желтый Малыш Вейл, талантливый мошенник, издавал газету, рекламирующую им же выпускаемые фальшивые акции, он назвал ее «Красной газетой», и текст в ней печатал красной краской, хотя это обходилось недешево. Цвет создавал ощущение натиска, динамичности, уверенности в успехе. Вейл обладал чутьем на такого рода детали, помогающие обольщать жертвы, подобно современным специалистам в области рекламы и маркетинга. Если, например, вы используете слово «золотой» в названии чего-либо, что вы хотите продать, печатайте его золотом. Поскольку зрение доминирует над другими органами чувств, люди будут реагировать на цвет больше, чем на слово.

Зримое обладает огромной эмоциональной силой. Римский император Константин Великий почитал Солнце как божество всей своей жизни, но однажды он поднял глаза на солнце и увидел крест, пересекавший светило. Видение креста поверх солнца подвигло его на обращение к новой религии, и он немало содействовал распространению христианства в своей империи. Все проповедники мира не смогли бы оказать такого могучего воздействия. Находите такие образы и символы, которые могут столь же мгновенно

воздействовать на людей сегодня, и добивайтесь, чтобы ваше имя ассоциировалось с ними. Это даст вам несказанную власть.

Наиболее эффективна новая комбинация — сплав зрительных образов и символов, до сих пор несопоставимых, но благодаря связанным с ними ассоциациям и связям могущим четко продемонстрировать вашу новую идею, концепцию, религию. Зрительные образы часто появляются в определенной последовательности, и тогда порядок, в котором они возникают, сам по себе символичен. То, что появляется первым, например, символизирует власть, образ в середине кажется имеющим центральное значение.

Незадолго до окончания Второй мировой войны генерал Эйзенхауэр отдал приказ американским войскам первыми войти в Париж после его освобождения от фашистов. Французский генерал Шарль де Голль, однако, понимал, что такая последовательность событий может привести к тому, что американцы получат право распоряжаться дальнейшими судьбами Франции. Ценой множества ухищрений и манипуляций де Голль добился того, чтобы первыми во главе сил освободителей появились Вторая французская бронетанковая дивизия и он сам. Замысел удался, и после удачно проведенной операции союзники стали считаться с ним как с новым лидером независимой Франции. Де Голль знал, что лидер должен находиться в буквальном смысле впереди своей армии. Эта зрительная ассоциация безошибочно вызывает желаемую эмоциональную реакцию.

В игре символов происходят перемены: наверное, сейчас уже не совсем уместно изображать «солнечного короля» или драпироваться в тунику Дианы. Однако у вас еще есть шанс связать свое имя с подобными символами — косвенно. И конечно же вы можете создать свою собственную мифологию, используя фигуры из недавней истории, людей ушедших, не запятнавших себя и даже после смерти пользующихся большим авторитетом в обществе. Смысл в том, чтобы окружить себя аурой, ореолом, который ваш обычный облик пока не может породить. Диана Пуатье сама по себе не обладала такой лучезарной силой, она была всего лишь человеком, и к тому же обычным, как почти все мы. Символ вознес ее над прочими смертными и придал ей облик божества.

Применение символов, часто более мягких, чем грубые слова, помогает обсуждать щекотливые проблемы. Психотерапевт доктор Милтон Х. Эриксон всегда подыскивал символы и образы, которые помогали налаживать контакт с пациентами, если не ладился разговор. Работая с тяжело травмированными больными, он не задавал прямых вопросов, а вместо этого заводил разговор о чем-то нейтральном, например рассказывал о том, как на машине пересекал пустыню в Аризоне, где работал в 1950-е годы. Если возникало ощущение, что пациент не идет на контакт, он упоминал об одиноко росшем дереве, которое страдало от ветров из-за того, что стояло совсем одно на открытом месте. Строя эмоциональные связи и ассоциации с деревом в качестве символа, пациент с большей готовностью шел на разговор с доктором.

Пользуйтесь властью символов для того, чтобы приободрить и объединить своих подчиненных или соратников.

Во время мятежа против французской короны в 1648 году те, кто сохранял преданность королю, высмеивали восставших, сравнивая их с рогатками (по-французски frondes), которыми малыши пытаются напугать мальчишек постарше. Кардинал де Рец решил превратить этот унизительный образ в символ восстания: оно теперь получило название Фронды, а бунтовщики стали фрондерами. Они стали носить на шляпах украшения в виде рогаток, а само слово превратилось в их боевой клич. Без этого мятеж мог и затухнуть. Всегда находите символ, подходящий к вашему случаю, — чем больше эмоциональных ассоциаций, тем лучше.

Самый верный способ использования образов и символов — создать из них яркий спектакль, завораживающий людей и отвлекающий их от неприятной реальности. Сделать это несложно: люди любят все масштабное, зрелищное и неправдоподобное. Взовите к их чувствам, и они толпами будут стекаться на ваши шоу. Через зрительные впечатления лежит кратчайшая дорога к их сердцам.

Был человек по имени Сакамотойя Хечигуан, живший в верхнем Киото. <...> Когда правитель Хидейоши давал свой прославленный прием таною в Китано в десятый месяц 1588 года, Хечигуан укрепил огромный алый зонт девяти футов в поперечнике на шесте высотой семь футов. Зонт он обнес на расстоянии двух футов алой изгородью

таким образом, чтобы солнечный свет, отражаясь от нее, повсюду распространял блики того же цвета. Эта композиция так понравилась Хидейоши, что он в качестве награды освободил Хечигуана от уплаты налогов.

А. Л. Садлер. «Таною: японская чайная церемония», 1962

Образ: Крест и Солнце.

Распятие и сверкающее великолепие. Когда одно накладывается на другое, новая реальность обретает форму — восходит новая власть. Это символ — в многословных объяснениях он не нуждается.

Авторитетное мнение

«Для людей всегда важна внешняя оболочка вещей... Государь должен в подобающее время года развлекать народ празднествами и зрелищами».

Никколо Макиавелли

Оборотная сторона

Власти невозможно достичь без обращения к образам и символам. Для этого закона обратных случаев не существует.

Закон 38. Думай как хочешь, но действуй, как все

Формулировка закона

Если вы желаете показать, что опережаете свое время и противостоите эпохе, щеголяя оригинальными идеями и неортодоксальными путями, люди могут подумать, что вы просто хотите привлечь внимание, а на них смотрите свысока. Они найдут способ наказать вас за то, что заставили их почувствовать ваше превосходство. Куда безопаснее смешаться с ними и быть как все. Свою оригинальность приоткрывайте только терпимым к этому друзьям и тем, о ком вы точно знаете, что им понравится ваша уникальность.

Нарушение закона

Приблизительно в 478 году до н. э. город-государство Спарта отправил в Персию военную экспедицию во главе с молодым спартанским аристократом Павсанием. Греческим государствам незадолго до того пришлось отразить мощное нападение персов, и сейчас задачей Павсания, как и союзнического афинского флота, было наказать захватчиков и отвоевать острова и прибрежные поселения, занятые персами. И афиняне, и спартанцы относились к Павсанию с глубоким уважением — за ним закрепилась оправданная репутация бесстрашного воина.

Павсаний со своими войсками удивительно быстро занял Кипр, затем продвинулся в Малую Азию — на материк, в область, известную в то время как Геллеспонт, и захватил Византий (современный Стамбул). Подчинив значительную часть Персии, Павсаний странным образом изменился. Он стал появляться на публике с напомаженными волосами и в персидских одеждах, его сопровождали телохранители-египтяне. Он устраивал пышные застолья, восседая на персидский манер и требуя развлечений. Павсаний перестал видеться со старыми друзьями, все больше общался с персидским царем Ксерксом, до мелочей копируя стиль и манеры персидского диктатора.

Очевидно, власть и успехи Павсания ударили ему в голову. Его солдаты — афиняне и спартанцы — поначалу решили, что это преходящее увлечение: он всегда был склонен к театральности

и экзальтации. Но когда Павсаний стал публично высмеивать скромный образ жизни, принятый у греков, и оскорблять простых греческих солдат, они решили, что он зашел слишком далеко. Хотя прямого подтверждения этому не было, распространились слухи, что он перешел на сторону врага и собирается стать чем-то вроде греческой копии Ксеркса. Чтобы предотвратить назревающий мятеж, спартанцы отстранили Павсания от командования и отозвали его домой.

Однако Павсаний и в Спарте продолжал одеваться в персидском стиле. Спустя несколько месяцев он на собственные средства нанял трирему и возвратился в Геллеспонт. Своим соотечественникам он сообщил, что намерен продолжить борьбу против Персии. На самом же деле его планы были иными — стать единоличным правителем Греции, прибегнув для этого к помощи самого Ксеркса. Спартанцы объявили его государственным преступником и отрядили корабль для его поимки. Павсаний сдался, уверенный, что ему удастся легко снять с себя обвинение в предательстве. На суде всплыло, что он пренебрежительно относился к своим соратникам грекам, то и дело оскорбляя и задевая их. Так, он ставил монументы в свою собственную честь, вопреки обычаю возводить их во славу городов, армии которых завоевали победу. И все же Павсаний добился своего: несмотря на неоспоримые доказательства его многочисленных контактов с неприятелями, у спартанцев не поднялась рука арестовать такого высокородного и прославленного человека. Ему даровали свободу.

Сочтя, что отныне он получил неприкосновенность, Павсаний нанял гонца, чтобы доставить письмо Ксерксу. Гонец, однако, доставил его по другому адресу — спартанским властям. Тем захотелось узнать побольше, и они приказали гонцу встретиться с Павсанием в храме, где их разговор можно было незаметно подслушать. То, что говорил на встрече Павсаний, поразило их, словно удар молнии, — им никогда еще не приходилось слышать столь убийственно презрительной характеристики всему их образу жизни — характеристики тем более отвратительной, что давал ее спартанец. Был отдан приказ о немедленном аресте Павсания.

По дороге домой из храма Павсаний каким-то образом догадался о происшедшем. Он бросился к другому храму и укрылся в нем, но власти осадили его, расставив караулы вокруг убежища.

Павсаний отказался сдаться. Не желая вторгаться под сень священного храма, власти приказали продолжать осаду, заперев предателя внутри, как в ловушке. В конце концов Павсаний умер от голода.

Пытаясь плыть против течения, нетрудно попасть в беду. Только Сократу и ему подобным было это по силам. На несогласие смотрят как на нечто оскорбительное, потому что оно попирает воззрения большинства.

Недовольных становится все больше — возмущение можно вызвать, просто коснувшись щекотливой и предосудительной темы, являющейся предметом порицания, и уж тем более отозвавшись одобрительно об этом предосудительном предмете.

Истина существует для единиц; что до заблуждений, то они столь же распространены, сколь и вульгарны.

Мудреца узнают не по тем речам, которые он произносит на рыночной площади, ибо в этот момент он говорит не от лица собственной мудрости, а от лица всеобщего безумия, его же сокровенные мысли могут быть совершенно иными, даже противоположными: мудрый человек избегает вызывать у окружающих возражения так же тщательно, как сам старается никому не противоречить. Мысль свободна, ее нельзя и не следует сдерживать. Так удались в укромное убежище своего молчания, и если порой ты позволишь себе нарушить его, делай это лишь в присутствии немногих — тактичных и сдержанных друзей.

Бальтазар Грациан

Толкование

На первый взгляд может показаться, что Павсания просто очаровала чужая культура — такое происходит во все времена. Всегда с трудом мирившийся с аскетизмом Спарты, он обнаружил в себе тягу к персидской роскоши и чувственным удовольствиям. Облачаясь в персидские халаты, используя благовония, он испытывал облегчение, чувство освобождения от греческой суровой дисциплины и аскетизма.

Так порой случается, когда люди принимают культуру, в которой не были взращены. Однако часто к этому примешивается еще что-то: люди, выставляющие свою восторженную страсть к чужой культуре напоказ, тем самым демонстрируют презрение и неприятие своей собственной. Они рисуются, бравируют экзотическим внешним обликом, чтобы отделить себя от земляков, покорно подчиняющихся местным законам и традициям. Тем самым они пытаются показать свое превосходство. В противном случае они бы вели себя с большим достоинством, проявляя уважение к тем, кто не разделяет их переживаний. Их потребность в столь резкой демонстрации своей непохожести часто приводит к непониманию и нелюбви со стороны людей, идеалам которых они бросают вызов, может быть, косвенный и неявный, но от этого не менее обидный.

Фукидид писал о Павсании: «Из-за своего небрежения законами и подражания чужому образу жизни он сделался мишенью для всеобщих подозрений в нежелании следовать общепринятым образцам». Культура представляет собой многовековой уклад, идеалы и традиции которого разделяет большинство. Наивно полагать, что можно безнаказанно, без последствий для себя восставать против подобных вещей. Попытка будет наказана, это может выразиться по-разному, например вас могут подвергнуть остракизму — а это положение, свидетельствующее о настоящем безвластии.

Многие из нас, подобно Павсанию, слышат зов экзотического, чужестранного, притягательный, словно песня сирен. Умеряйте это свое влечение и не теряйте чувства меры. Открыто выражая удовольствие, которое вы получаете от чужого образа мыслей и действий, вы невольно выдаете другой, порой подсознательный мотив — желание продемонстрировать превосходство над окружающими.

Мудрецы [должны быть] подобны сундукам с двойным дном: когда кто-то, подняв крышку, заглядывает внутрь, ему не открывается все содержимое.

Сэр Уолтер Рейли

Bene vixit, qui bene latuit. — Тот хорошо живет, кто умело укрывается.

Публий Овидий Назон, 43 г. до н. э.— 18 г. н. э.

Соблюдение закона

Конец XVI века в Италии был отмечен сильнейшей реакцией против протестантской Реформации. Контрреформация, как ее называли, породила собственную версию инквизиции, целью которой было искоренить все отклонения от канонов католической церкви. Среди жертв был, к примеру, Галилео Галилей. Но один талантливый мыслитель подвергся даже более суровому преследованию — это был доминиканский монах и философ Томмазо Кампанелла.

Последователь материалистической доктрины римского философа Эпикура, Кампанелла не верил в чудеса, в рай и ад. Церковь распространяет эти суеверия, писал он, чтобы властвовать над простым народом и держать людей в страхе. Эти идеи граничили с атеизмом, а Кампанелла высказывал их без всяких опасений. В 1593 году он был схвачен инквизицией и брошен в тюрьму как еретик. Шестью годами позже приговор был смягчен, и Кампанеллу переместили в один из монастырей в Неаполе.

Южная Италия в то время находилась под контролем Испании, и в Неаполе Кампанелла оказался вовлеченным в заговор против захватчиков. Он надеялся на установление независимой республики на основе его собственных утопических идей. Итальянские инквизиторы, объединившись с испанскими, вновь арестовали его. На этот раз философа даже пытали, чтобы выяснить, чем или кем навеяны его богопротивные воззрения: его подвергли печально знаменитой пытке la veglia, при которой несчастного подвешивали за руки в нескольких дюймах над сиденьем, утыканным шипами. Поза была крайне неустойчивой, удержать тело на весу было почти невозможно, в конце концов жертва вынуждена была опускаться на острия, терзающие плоть при малейшем соприкосновении.

Однако за эти годы Кампанелла кое-чему научился. Осознавая перспективу быть казненным по обвинению в ереси, он изменил линию поведения: не отказавшись от своих взглядов, он перестал высказывать их публично.

Ради спасения жизни Кампанелла симулировал сумасшествие. Он навел своих палачей на мысль, что его еретические высказывания были последствием сильного умственного расстройства. Какое-то время его продолжали пытать, чтобы исключить симуляцию, но в 1603 году наконец приговорили к пожизненному тюремному заключению. Первые четыре года он был прикован к стене в подземной темнице. Но, невзирая на эти ужасные условия, он продолжал писать. Правда, он стал умнее и не выражал свои мысли открыто.

В одной из своих книг, «Испанская монархия», Кампанелла проводил мысль, что Испания была наделена божественной миссией распространять свое могущество по всему миру. В ней он давал испанскому королю практические советы в стиле Макиавелли касательно того, как добиться этой цели. Однако книга в целом представляла идеи, полностью противоположные истинным взглядам ее автора. «Испанская монархия» на самом деле была хитростью, попыткой доказать, что бывший еретик стал самым что ни на есть ярым приверженцем истинной веры. Это сработало: в 1626 году, через шесть лет после публикации, папа наконец освободил Кампанеллу.

Вскоре после выхода на свободу Кампанелла написал «Побежденный атеизм» — книгу, содержавшую нападки на свободолюбивых мыслителей, последователей Макиавелли, кальвинистов и еретиков всех мастей. Очевидно, Кампанелла переменился — его книга не оставляла в этом сомнений. Но так ли это было в действительности?

Доводы, которые он вложил в уста еретиков, звучали с невероятной силой и убедительностью. Притворяясь, что представляет их точку зрения лишь для того, чтобы затем ее разгромить, Кампанелла собрал в книге убийственные, сокрушительные доводы против католицизма. Выступая же от лица другой стороны, якобы его стороны, он оперировал затертыми штампами и запутанными обоснованиями. Краткие и выразительные доводы еретиков выглядели смелыми и искренними. Невыразительные и невнятные строки в защиту католической церкви было скучно читать, они никого не могли убедить.

Те из ревностных католиков, кто прочитал книгу, сочли ее двуличной и сомнительной, однако невозможно было обвинить ее автора в ереси или заявить, что Кампанеллу следует снова подвергнуть

аресту. Он, в конце концов, защищая католицизм, пользовался теми самыми доводами, которыми они и сами пользовались в дискуссиях. Придраться было не к чему. Но в последующие годы «Побежденный атеизм» стал настольной книгой, «библией» для атеистов, макиавеллистов и вольнодумцев. Они взяли на вооружение доводы, вложенные в их уста Кампанеллой для защиты их опасных воззрений. Комбинируя внешние проявления конформизма с завуалированным выражением своих истинных взглядов в форме, понятной его единомышленникам, Кампанелла доказал, что усвоил урок.

Когда меняются воды

Однажды давным-давно Хидр, учитель Моисея, обратился к людям с предостережением. В определенный день, сказал он, вся вода в мире, если только она не была специально запасена, исчезнет. Затем вода обновится, будет заменена другой, от которой люди будут терять рассудок.

Только один человек обратил внимание на это пророчество. Он набрал воды и хранил ее в безопасном месте, ожидая, когда воды начнут изменяться.

В назначенный день реки перестали течь, колодцы пересохли. Тот человек, что прислушался к совету, видя происходящее, отправился в свое хранилище и пил там запасенную воду.

Когда снова появились водопады и реки наполнились водой, этот человек вышел из своего укрытия к другим сынам человеческим. Он обнаружил, что теперь все говорят и думают совсем иначе, чем прежде, однако они не помнили о том, что было раньше. Когда он попытался напомнить им о предостережении, поговорить с ними, то понял, что они считают его безумцем. Они либо сердились, либо сочувствовали ему, но никто его не понимал. Сначала он старался не пить новую воду и каждый день возвращался к своим припасам. Но со временем он изменил свое решение, так как не мог выносить одиночества и необходимости жить, думать и вести себя иначе, чем все остальные. Напившись новой воды, он стал таким же, как все окружающие. Он сразу же забыл о своем хранилище старой воды, а все, кто его знал, решили, что он чудесным образом исцелился от безумия, став нормальным человеком.

Идрис Шах. «Сказки дервишей»

Толкование

Под угрозой устрашающих истязаний Кампанелла изобрел три стратегических хода, которые спасли ему жизнь, освободили из тюрьмы и позволили ему продолжать выражать свои взгляды. Сначала он симулировал безумие — в Средние века к этому способу прибегали, чтобы признать человека неспособным отвечать за свои поступки. Затем он написал книгу, выражавшую взгляды, прямо противоположные своим собственным. В конце концов, и это был самый блестящий ход, он обнародовал свои идеи, в то же время якобы осуждая их. Это старый, но очень действенный трюк: вы притворяетесь, будто несогласны с опасными идеями, но, выражая свое несогласие, придаете этим идеям глубину и выразительность. Вы как будто соглашаетесь с господствующими воззрениями, но тот, кто нужно, уловит иронию. Вы защищены.

В обществе неизбежно определенные ценности и традиции отрываются от исходных корней и мотивов и становятся косными, реакционными. Тогда против них обязательно восстают противники реакции, порой намного опережая свое время. Кампанеллу заставили понять, что нет смысла в попытках добиться своего ценой пыток и страданий. Мученичество ничему не помогает — лучше жить и хорошо себя чувствовать, хотя бы и в закосневшем мире. Тем временем можно подыскать способ выразить свои мысли и чувства так, чтобы ваши намеки поняли только немногие избранные. Не мечите бисер перед свиньями — ни к чему, кроме бед, это не приведет.

Долгое время я не говорил о том, во что я верил, и не верил в то, о чем говорил, а если вдруг когда-либо случалось мне сказать правду, то я скрывал ее за ложью столь многословной, что истину было нелегко отыскать.

> Никколо Макиавелли. Из письма к Франческо Гвичардини, 17 мая 1521 г.

Ключи к власти

Всем нам приходится лгать и скрывать наши истинные чувства, поскольку абсолютно свободное самовыражение в обществе неприемлемо, можно даже сказать, невозможно. С самого нежного возраста мы учимся скрывать свои мысли, говоря то, что от нас хотят услышать, изо всех сил стараемся не задеть, не обидеть. Большинство людей относятся к этому как к данности: имеется определенный набор идей, ценностей, которые принимают все окружающие, и оспаривать это бессмысленно. Мы верим в то, во что хотим, но, выходя из дома, надеваем маску.

Есть, однако, люди, усматривающие в подобном подчинении непереносимое для них ущемление их свободы. Они нуждаются в самоутверждении и доказательстве превосходства их ценностей и верований. В итоге, однако, их аргументы мало кого убеждают, оскорбленных же бывает гораздо больше. Ответ на вопрос, почему их аргументы не действуют, заключается в том, что большинство людей следуют своим идеалам и принципам, не задумываясь о них глубоко. Их верования опираются главным образом на эмоции: они совершенно не хотят подвергать ревизии привычный им образ мыслей, и, когда вы вызываете их на это, либо впрямую, доводами, либо косвенно, своим поведением, это их озлобляет.

Никогда не оспаривайте мнение другого человека, ибо, даже достигнув возраста Мафусаила, вам все равно не удастся убедить его отказаться от всех тех абсурдных заблуждений, за которые он упорно держится. Старайтесь также не поправлять людей, когда они делают ошибки в разговоре, с какими бы добрыми намерениями это ни делалось, ибо обидеть человека просто, но очень трудно, если не невозможно, загладить эту обиду. Если вас раздражают абсурдные замечания двух собеседников, чей разговор вам случайно довелось услышать, представьте себе, что вы слушаете диалог двух дураков в комедии. Probatum est. Если человек приходит в мир и заявляет, что он собирается учить его, этот мир, уму-разуму, должен быть благодарен своей судьбе, если ему удастся спасти свою шкуру.

Артур Шопенгауэр

Люди мудрые и рассудительные рано выучиваются тому, что можно вести себя так, как принято, и вслух произносить общепринятые мысли, но при этом необязательно в них верить. Власть, которой достигают люди, умеющие не выделяться, — это власть беспрепятственно думать о чем хочется, делиться своими мыслями с теми, с кем хотят поделиться, и при этом не страдать в изоляции и не подвергаться остракизму. Добившись положения и власти, они могут попытаться расширить круг посвященных в суть их идей. Возможно, для этого придется идти окольными путями, использовать стратегию Кампанеллы — стратегию иронии и намеков.

В конце XIV века в Испании началось преследование евреев. Их тысячами убивали, остальных изгоняли из страны. Тех, кто оставался в Испании, вынуждали принимать католичество. Но прошло около трехсот лет, и испанцы обнаружили нечто, что глубоко поразило их: многие из обращенных внешне вели жизнь католиков, но параллельно им каким-то образом удалось сохранить иудейскую веру, тайно соблюдать ее обычаи. Многие из этих так называемых марранов (первоначально — уничижительная кличка, происходящая от испанского слова «свинья») добились высокого положения на государственной службе, породнились со знатными родами, заключая браки, демонстрировали совершенно христианское благочестие — и вдруг выяснилось, что они были соблюдающими «Закон» иудеями. (Испанская инквизиция получила специальное задание очистить от них страну.) С годами они в совершенстве овладели искусством маскировки, мимикрии, добровольно выставляя на видные места распятия, делая щедрые пожертвования церквям, порой даже демонстрируя антисемитские взгляды, — всё это во имя сохранения своей внутренней свободы и веры.

Марраны знали, что в обществе имеют значение внешние проявления. И в наши дни ничего не изменилось. Стратегия проста: так же, как делал Кампанелла, когда писал свой «Побежденный атеизм», притворяйтесь, смешивайтесь с большинством, даже выступайте как ярый защитник господствующей идеологии. Если вы будете так вести себя на людях, никому не придет в голову, что наедине с собой вы исповедуете иные взгляды.

Не будьте наивны — не воображайте, будто в наше просвещенное время ортодоксальности более не существует. Джонас Салк, например,

считал, что с развитием науки отомрет политика и уйдут в прошлое условности. И вот, работая над вакциной против полиомиелита, он нарушил все правила научного этикета — обнародовал свое открытие, прежде чем доложить о нем научному миру, присвоил себе честь разработки вакцины, не упомянув с благодарностью о тех ученых, которые вымостили ему дорогу к успеху, — словом, сам себя произвел в светила. Общественность, возможно, приняла бы это благоприятно, но на него обрушились ученые. Его неуважение к канонам поведения, традиционно принятым в научном сообществе, привело к его полной изоляции, бойкоту. Он потратил много лет, чтобы ликвидировать образовавшуюся трещину и исправить отношения с коллегами.

Бертольд Брехт подвергался преследованию современной инквизиции — Комиссии Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности — и подошел к этому с хитроумием, заслуживающим внимания. Напомним, Брехта, который во время Второй мировой войны работал в Голливуде, в 1947 году вызвали в Комиссию для дачи показаний по поводу его предполагаемых симпатий к коммунистам. Прочие писатели, вызванные туда, избрали тактику конфронтации с членами Комиссии и вели себя как можно более вызывающе с целью привлечь к себе симпатии. Брехт, однако, повел противоположную игру: он отвечал на вопросы с околичностями и экивоками, что невероятно затрудняло интерпретацию. Назовем это стратегией Кампанеллы. Брехт даже надел костюм — что было для него почти невероятно — и курил сигару, зная, что сигары являются слабостью одного из членов Комиссии. Дело кончилось тем, что он буквально очаровал членов Комиссии и был отпущен.

Горожанин и путешественник

«Посмотри, — сказал горожанин, — вот самый большой рынок в мире».— «Вовсе нет», — возразил ему путешественник. «Ну, может, не самый большой, — сказал горожанин, — но уж наверняка самый лучший».— «Вы и в этом заблуждаетесь, я могу рассказать вам...»

Путешественника похоронили на рассвете.

Из «Басен» Роберта Льюиса Стивенсона, 1850–1894

Брехт переехал в Восточную Германию, где на него напала другая инквизиция. Там у власти были коммунисты, они подвергли творчество Брехта критике, обвиняя его пьесы в упадочничестве и пессимизме. Он и с ними не стал спорить и объясняться, а, чтобы успокоить голодных псов, кинул им кость — сделал несколько мизерных поправок в текстах пьес, которые готовились к постановке. Между тем ему удалось сохранить без изменения печатные тексты произведений. Его внешний конформизм в обоих случаях принес ему свободу писать без помех, по большому счету не изменяя своим убеждениям. Брехт жил в опасные времена в различных странах, но ему удалось выжить с помощью небольших уступок общепринятому и доказать, что он сильнее преследований и репрессий.

Люди, обладающие истинной властью, не только не ведут себя с окружающими оскорбительно, в отличие от Павсания и Салка они также научаются быть хитрыми лисами и изображать чувство коллективизма. На протяжении столетий именно такое поведение было и остается характерным для авантюристов, мошенников и политиков.

Лидеры — такие, как Юлий Цезарь и Франклин Д. Рузвельт, — преодолевали свой природный аристократизм ради того, чтобы продемонстрировать близость к простому народу. Они проявляли это в мелочах, в поступках и жестах, порой символических, призванных показать людям, что вожди разделяют их ценности, несмотря на разницу в положении.

Логическое продолжение такой практики — бесценная способность быть всем для каждого. Вступая в социум, не берите с собой собственных идеалов и воззрений, наденьте маску, которая лучше всего подходит для той группы, в какой вы находитесь. Бисмарку очень удавалась эта игра — правда, находились люди, прекрасно понимавшие, чего он добивается на самом деле, но их было незначительное меньшинство. Большинство заглатывало наживку, людям было лестно думать, что такой авторитетный деятель, как Бисмарк, разделяет их идеалы. Вас не сочтут лицемером, если вы будете соблюдать осторожность, — ибо можно ли обвинить в лицемерии того, кто просто не дает понять, за что же он выступает? Никто не сможет и упрекнуть вас в цинизме и отсутствии идеалов и ценностей. Разумеется, они у вас есть — вы разделяете идеалы окружающих ровно до тех пор, пока находитесь в их обществе.

Образ: черная овца.

Стадо избегает черную овцу, не зная наверное, принадлежит ли она к ним. Поэтому она плетется позади или блуждает в стороне от отары, представляя лакомый кусочек и легкую добычу для волков. Оставайтесь в стаде — это безопаснее. Отличайтесь от него мыслями, а не цветом руна.

Авторитетное мнение

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

Евангелие от Матфея, 7:6

Оборотная сторона

Есть единственный случай, в котором стоит выделиться из толпы, — это если вы уже из нее выделились. Добившись непоколебимо устойчивого положения и власти, вы можете демонстрировать ваше отличие, чтобы тем самым подчеркнуть дистанцию, отделяющую вас от толпы. Линдон Джонсон в бытность свою президентом США время от времени проводил совещания, сидя в туалете. Поскольку никто не мог и не решался осудить его за такую «привилегию», Джонсон тем самым показывал, что ему необязательно соблюдать протокол и быть любезным с окружающими. Римский император Калигула тоже пользовался этим приемом: он принимал важных посетителей в женском нижнем платье или в домашней одежде. Он также настоял, чтобы его конь был избран на пост консула. Но это не прошло для императора даром: Калигулу ненавидели, и эти выходки в конце концов привели к его свержению. Даже тем, кто достиг вершины власти, не следует оскорблять людей, идя наперекор общественному мнению, ведь рано или поздно им может потребоваться поддержка народа.

Наконец, общество бывает благосклонно к «оводам» — обличителям, бунтарям, которые нарочито отвергают привычное и традиционное, эпатируя обывателей, высмеивая отжившие, косные элементы культуры. Например, Оскар Уайльд достиг значительного

общественного влияния именно таким образом: он демонстрировал неприятие общепринятых норм, и слушатели, собиравшиеся на его публичные чтения, не только ожидали, что их чувства будут оскорблены, но и приветствовали это. Заметим, впрочем, что такая эксцентричная роль имела для него дурные последствия. Не нужно забывать, что Уайльд был обладателем незаурядного и необычного дара: люди могли бы счесть его колкости заурядным хамством, не будь они столь талантливы и очаровательны.

Закон 39. Мути воду, чтобы поймать рыбку

Формулировка закона

Гнев и эмоции стратегически абсолютно непродуктивны. Вам следует всегда оставаться спокойным и объективным. Но если можно позлить врагов тем, что сами вы сохраняете спокойствие, вы получаете бесспорное преимущество. Выведите врагов из равновесия: найдите щелочку в их самомнении, через которую их можно достать, — и они у вас на крючке.

Нарушение закона

В январе 1809 года Наполеон, возбужденный и встревоженный, спешил в Париж из Испании. Его шпионы и соглядатаи подтвердили слухи о том, что Талейран вместе с Фуше, министром полиции, вновь готовит заговор. Сразу по приезде в столицу взволнованный император вызвал к себе министров и высших сановников. Собрав их, он, расхаживая по комнате, начал возбужденно и сбивчиво говорить о том, что его собственные министры предают его.

Пока Наполеон говорил, Талейран стоял, прислонившись к каминной полке, и слушал его с совершенно безразличным видом. Глядя прямо ему в глаза, Наполеон громко произнес: «Что касается этих министров, то измена совершается уже в тот момент, когда они позволяют себе усомниться». Произнося слово «измена», Наполеон ожидал, что министр будет испуган. Но Талейран лишь улыбнулся в ответ со спокойным и скучающим видом.

Вид подданного, безмятежно выслушивающего обвинения, которые грозили ему виселицей, еще больше разгневал Наполеона. Некоторые министры, сказал он, хотят его смерти. И он на шаг приблизился к Талейрану — тот, однако, не отводил взгляда. Наконец Наполеон взорвался. «Вы трус, подлец, — выкрикнул он в лицо Талейрану, — бесчестный человек. Для вас нет ничего святого. Вы могли бы продать собственного отца. Я осыпал вас сокровищами, и все же вы готовы на все, чтобы мне навредить». Другие министры переглядывались, не веря своим ушам, — им не приходилось видеть бесстрашного полководца, завоевателя Европы, в таком состоянии.

«Вы заслуживаете, чтобы я сломал вас, как бокал, — продолжал Наполеон, топнув ногой.— У меня достаточно власти, чтобы сделать это, но я слишком презираю вас, чтобы мараться. Почему я не вздернул вас на воротах Тюильри? Но сделать это еще не поздно». Почти задохнувшись от крика, покраснев, с широко открытыми глазами, Наполеон продолжал: «Вы — ничтожество в шелковых чулках... А как насчет вашей супруги? Почему вы никогда не говорили мне, что Сан Карлос был любовником вашей жены?» — «Поистине, сир, мне никогда не приходило в голову, что эта информация может хоть как-то заинтересовать Ваше Величество или повлиять на наши отношения», — по-прежнему спокойно, без малейшего смущения отвечал Талейран. Выкрикнув еще несколько оскорблений, Наполеон удалился. Талейран неторопливо, своей характерной подпрыгивающей походкой, прошел по комнате. Слуга помог ему надеть плащ, а он обернулся к своим коллегам — министрам (которым казалось, что видят его в последний раз) и сказал: «Прискорбно видеть, господа, что столь великий человек так дурно воспитан». Несмотря на свой гнев, Наполеон не арестовал своего министра иностранных дел. Он только отстранил его от исполнения обязанностей и лишил звания великого камергера, считая, что для такого человека, как Талейран, унижение послужит достаточным наказанием. Он не предусмотрел того, что молва о его вспышке быстро разнесется — молва о том, как император полностью потерял контроль над собой и как Талейран, в сущности, унизил его тем, что не в пример ему сохранял самообладание и достоинство. Страница была перевернута: впервые приближенные увидели, что император потерял хладнокровие. Появилось ощущение, что он уже не тот. Как впоследствии говорил Талейран: «Это было началом конца».

Толкование

Это поистине было началом конца. До Ватерлоо оставалось еще шесть лет, но звезда Наполеона начала клониться к закату медленно, а после разгрома в России в 1812 году — стремительно. Талейран первым увидел знаки этого, особенно в неразумной войне с Испанией. В 1808 году было время, когда министр решил, что для обеспечения будущего мира в Европе Наполеон должен уйти со сцены. Он вступил в заговор с Фуше.

Возможно, заговор был не более чем ловушкой, провокацией для того, чтобы вывести Наполеона из себя. Ибо трудно понять, почему два рассудительнейших человека в истории остановились на полпути, не доведя задуманное до конца. Возможно, они лишь мутили воду, стараясь спровоцировать Наполеона на ложный шаг. И они действительно получили вспышку раздражения, которая полностью вывела его из равновесия, так что все увидели, что император не владеет собой. На самом деле допущенный Наполеоном взрыв негодования, который скоро стал всеобщим достоянием, крайне негативно отразился на его репутации.

Раздражительность, вспыльчивость — это серьезная проблема. Поначалу она может вызвать испуг, даже ужас, но не у всех. Однако по прошествии времени, когда тучи рассеиваются, появляются другие эмоции — замешательство, смущение и неловкость из-за способности крикуна так потерять самообладание и чувство обиды из-за произнесенных слов. Давая волю эмоциям, вы обязательно допустите несправедливые и преувеличенные обвинения. Несколько таких тирад, и люди начнут считать дни до вашего ухода со сцены.

Узнав о заговоре против него, заговоре, организованном двумя его наиболее важными министрами, Наполеон, конечно, имел все основания для беспокойства и гнева. Но такой злобной вспышкой и к тому же при таком количестве свидетелей он лишь продемонстрировал собственное бессилие. Выказать свое негодование означает показать, что вы теряете власть, расписаться в собственной беспомощности. Это можно сравнить с тем, как действует ребенок, когда начинает громко плакать, чтобы настоять на своем. Могущественный человек никогда не проявит подобной слабости.

У Наполеона в этой ситуации могло быть несколько вариантов поведения. Можно было подумать о том, что эти двое, люди выдающегося ума, обладающие великолепной интуицией, имели основания повернуться против него. Следовало бы выслушать их и извлечь из разговора какой-то урок для себя. Можно было попытаться вновь завоевать их расположение. Можно было даже избавиться от них, сделав их тюремное заключение или смерть впечатляющей демонстрацией власти. Не нужно тирад, детских выходок, неловкости, возникающей после них, — только спокойный и решительный разрыв отношений.

Помните: вспышки не могут устрашить и уж тем более вызвать преданность вам. Они порождают только тревогу и сомнения в вашей силе. Вскрывая вашу слабость, эти бурные взрывы часто являются вестниками падения.

Итакура Шигемуне и его чайная мельница

Итакура Сувоноками Шигемуне был большим любителем чайной церемонии и имел обыкновение размалывать для себя чай, заседая в суде в качестве судьи. Вот что послужило этому причиной: однажды, беседуя со своим другом и компаньоном, чаеторговцем по имени Эики, о совершении чайной церемонии, он попросил сказать ему честно, каково мнение о нем, Шигемуне, окружающих. «Что ж, я скажу, — ответил Эики.— Говорят, ты очень раздражаешься, если кто-то не дает показания очень четко, и распекаешь его, поэтому люди боятся обращаться за разбирательством судебных дел к тебе, а раз они не идут к тебе, то истина не торжествует».— «Ах, я рад, что ты рассказал мне об этом, — промолвил Шигемуне.— Я поддался привычке разговаривать жестко и, без сомнения, унижаю своими нападками людей, а ведь те, кто не горазд говорить, и без того смущаются и не могут представить свое дело как следует. Я постараюсь, чтобы такое впредь не повторялось». Вскоре после этого разговора он велел поставить в суде чайную мельницу, а перед ней — бумажную ширму. Теперь Шигемуне сидел за ширмой и размалывал чай. Это помогало ему сохранять хладнокровие во время слушания дел. И он мог с легкостью замечать, что приходит в раздражение, потому что листья чая переставали падать из мельницы равномерно размолотыми. Таким образом, правосудие вершилось беспристрастно, и люди покидали суд удовлетворенными.

А. Л. Садлер. «Таною: японская чайная церемония»

Соблюдение закона

К концу 1920-х годов Хайле Селассие вплотную приблизился к своей цели, которая заключалась в объединении Эфиопии и достижении единовластия. Страна, и он это чувствовал, нуждалась в сильном руководстве и объединении. Будучи регентом императрицы

Заудиту (падчерицы последней королевы) и наследником престола, Селассие посвятил долгие годы расшатыванию и ослаблению власти многочисленных эфиопских вождей. На его пути стояли серьезные соперники: императрица и ее муж, Рас Гугса. Селассие было известно, что королевская чета ненавидит его и хочет от него избавиться. Поэтому, чтобы исключить возможность заговора, он удалил Гугсу из столицы, где жила императрица, сделав его губернатором северной провинции Бегемедер.

В течение долгого времени Гугса играл роль преданного чиновника. Но Селассие ему не доверял: он знал, что Гугса и императрица готовятся отомстить. По мере того как время шло, а Гугса ничем себя не проявлял, становилось понятно, что вероятность заговора возрастает. Селассие знал, что нужно делать: создать такую ситуацию, чтобы заставить Гугсу раскрыть себя, спровоцировать его на активные действия раньше, чем он успеет к ним подготовиться.

По возможности старайтесь ни к кому не испытывать враждебности... Говорить с человеком раздраженно, выражать свою неприязнь словами или демонстрировать ее всем своим видом не просто необязательно — это опасно, глупо, нелепо и вульгарно. Страх и ненависть не следует выказывать никаким способом, кроме своих поступков. Чувства также будут куда более эффективными, если выразить их в действии, однако для этого необходимо избегать их проявления в любой другой форме. Лишь у холоднокровных животных укусы ядовиты.

Артур Шопенгауэр

Долгие годы северное племя азебу галлас находилось в состоянии постоянной конфронтации с официальными властями страны, грабя местные деревни, мародерствуя и отказываясь платить государственные сборы. Селассие ничего не предпринимал, чтобы остановить их, позволяя им набрать силу. Затем, в 1929 году, он отдал приказ Расу Гугсе начать военные действия против непокорного племени. Гугса подчинился, но в душе негодовал: он не испытывал недоброжелательства по отношению к азебу галлас, и требование сражаться с ними ущемляло его гордость. Он не мог ослушаться

приказа, но, занимаясь мобилизацией в армию, он начал распространять клеветнические слухи о том, что Селассие втайне заигрывает с папой Римским и планирует обращение страны в римское католичество и в дальнейшем превращение ее в колонию Италии. Армия Гугсы росла, и некоторые племена, присылавшие своих воинов в армию, тайно договорились о борьбе против Селассие. В марте 1930 года огромная армия численностью 35 000 человек выступила, но не на азебу галлас, а на юг, к столице, городу Аддис-Абеба. Уверившись в своей растущей силе, Гугса теперь открыто возглавил священную войну против Селассие с целью его свержения и возвращения страны в руки истинных христиан.

Он не заметил расставленной ловушки. Прежде чем приказать Гугсе воевать с мятежным племенем, Селассие подстраховался, обеспечив себе поддержку эфиопской христианской церкви. К тому же, прежде чем успел подняться мятеж, он подкупил нескольких человек из числа важнейших союзников, добившись от них обещания не принимать участия в сражении. Над армией мятежников, продвигавшейся на юг, к Аддис-Абебе, летали аэропланы, сбрасывая листовки, сообщающие, что верховные церковные иерархи признают Селассие истинным христианским лидером Эфиопии, а также что Гугса отлучен от церкви за разжигание гражданской войны. Листовки поубавили пыла у участников священного крестового похода за сохранение веры. Когда впереди замаячила битва, а обещавшие Гугсе поддержку союзники не появились, началось массовое бегство солдат из армии.

Бой длился недолго, армия мятежников почти сразу капитулировала. Рас Гугса отказался сдаться в плен и был убит в ходе сражения. Императрица, обезумев от горя, пережила своего супруга только на несколько дней. 30 апреля Селассие издал официальный указ, которым провозглашал себя императором Эфиопии.

Обезьяна и оса

Обезьяне, с наслаждением поглощавшей спелую грушу, докучала нахальная попрошайка оса, которая непременно хотела получить свою долю. Сначала она угрожала обезьяне, что разгневается, если та немедленно не удовлетворит ее требование, затем просто уселась на сочный плод, но обезьяна щелчком скинула ее.

Рассерженная оса решила перейти к крайним мерам: после того как в ход были пущены самые обидные оскорбления (которые обезьяна выслушала невозмутимо), она преисполнилась такого воинственного пыла, что, забыв о возможной расплате, яростно бросилась на обезьяну и ужалила ее изо всех сил. Она всадила жало так глубоко, что не могла, как ни старалась, извлечь свое оружие и была вынуждена оторвать его, оставив в ране.

Тем самым оса обрекла себя на смерть куда более мучительную, чем укус, полученный обезьяной.

Из «Басен» Джонатана Берча, 1783–1847

Толкование

Хайле Селассие всегда обладал способностью предвидеть развитие событий на много ходов вперед. Он знал, что, если позволить Гугсе самому определить удобное для него время и место восстания, опасность будет намного серьезнее, чем если удастся навязать ему свои сроки и условия. Поэтому он спровоцировал его на скоропалительную подготовку мятежа, оскорбив его достоинство: приказал ему начать боевые действия против тех, с кем Гугса не ссорился, от лица человека, которого тот ненавидел. Продумав все заранее, Селассие удостоверился, что мятеж Гугсы обречен, и решил воспользоваться им, чтобы покончить с двумя своими злейшими врагами.

Квинтэссенция этого закона: когда воды тихи, у ваших оппонентов есть время и пространство, чтобы строить козни против вас по своему усмотрению. Так взбаламутьте воду, заставьте рыбку всплыть у поверхности, заставьте неприятеля действовать, не закончив подготовку к нападению, перехватите инициативу. Лучший способ добиться этого — играть на неконтролируемых переживаниях: гордости, тщеславии, любви, ненависти. В мутной воде рыбешкам ничего не остается, как всплыть прямо навстречу наживке. Чем больше они нервничают, тем больше теряют власть над собой и в конце концов попадают в водоворот, который вы закрутили, и тонут.

Суверену не подобает поднимать войско в атаку из-за вспышки раздражения, вождю не подобает начинать войну, поддавшись гневу.

Сунь-цзы, IV—V века до н. э.

Ключи к власти

Вспыльчивые люди рано или поздно начинают выглядеть смешными, поскольку их реакция часто несоразмерна вызвавшей ее причине. Они принимают все слишком всерьез, преувеличивая обиды и оскорбления, причиненные им. Они так чувствительны к мелочам, что это уже становится смешным, настолько личностно они все воспринимают. Еще комичнее выглядит их уверенность в том, что вспышки гнева свидетельствуют о силе. На самом деле всё наоборот: раздражительность — не сила, а признак бессилия. Вы можете на короткое время ошеломить окружающих своими срывами, но в конце концов вас просто будут все меньше уважать. Со временем окружающие осознают также, что с человеком, настолько неспособным владеть собой, очень легко справиться.

Решение проблемы, однако, не в подавлении гнева и эмоциональных реакций. Ведь подавление эмоций забирает у человека массу энергии и приводит к отклонениям в поведении. Вместо этого мы должны осознать, что в обществе и в играх власти нет ничего личного.

СТОЧНАЯ КАНАВА ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

У Киньо, военачальника второго ранга, был брат, верховный жрец Риогаку, человек с редкостно скверным нравом. Рядом с его монастырем росло высоченное дерево рами. Случилось так, что в народе у этого дерева было прозвище — Дерево Верховный Жрец. «Это возмутительно», — сказал верховный жрец и приказал срубить дерево. Остался пень, и теперь люди называли его Пень Верховный Жрец. Разгневавшись больше прежнего, Риогаку велел выкорчевать пень и выбросить подальше, а на этом месте сделать сточную канаву. Что ж — народ теперь звал это место Сточная Канава Верховный Жрец.

Кенкё. «Праздные заметки», XIV век

Каждый попадает в цепь событий, которая берет начало задолго до настоящего момента. Наше раздражение часто вырастает из наших собственных детских проблем, проблем наших родителей, которые коренятся в их детстве, и так далее. Корни нашего раздражения можно найти и во взаимоотношениях с окружающими, в накопившихся перенесенных разочарованиях и обидах. Часто нам кажется, что подстрекатель нашего раздражения и гнева — определенный человек, однако на деле все гораздо сложнее и уходит корнями куда глубже той обиды, которую нам причинили. Если человек выплескивает на вас свое раздражение (и это кажется несоразмерным тому, что вы ему сделали), вам следует напомнить себе, что его гнев не направлен персонально на вас — не будьте настолько тщеславны. Причина гораздо шире, уходит корнями в прошлое, включает десятки прежних обид, так что даже не стоит затрудняться попытками понять. Вместо того чтобы принимать это на свой счет, смотрите на эмоциональный выплеск как на скрытое проявление силы, попытку справиться с вами или покарать вас, замаскированную под видом оскорбления или гневной отповеди.

Такой взгляд на проблему в другом ракурсе позволит вам с большей ясностью и энергией вести игры власти. Вместо того чтобы воспринимать все болезненно и преувеличенно и попадать в рабскую зависимость от эмоций окружающих, вы сможете обращать их потерю самообладания себе на пользу: вы сохраняете свою голову, в то время как они теряют свои.

В ходе важного сражения во время войны Трех царств (III век н. э.) советники полководца Цао Цао обнаружили документы, показывающие, что некоторые его военачальники уличены в сговоре с врагом. Советники торопили его с решением об их аресте и казни. Вместо этого он приказал сжечь документы и забыть обо всей истории. Если бы в критический момент сражения он проявил растерянность, объявил об измене, потребовал, чтобы свершилось правосудие, это могло обратиться против него, вызвав ослабление боевого духа в войсках. Правосудие могло подождать: в свое время он разберется с неверными военачальниками. Цао Цао сохранил самообладание и принял правильное решение.

Сравните это с реакцией Наполеона на известие о предательстве Талейрана: вместо того чтобы принять новость так близко к сердцу,

так эмоционально, императору следовало бы повести такую же игру, как Цао Цао, тщательно взвесив последствия любого своего поступка. Куда более сильным ответом с его стороны было бы проигнорировать Талейрана или постепенно снова привлечь министра на свою сторону, но покарать его позднее.

Злость только урезает ваши возможности, а властный, сильный человек не может существовать в условиях ограниченных возможностей. Выработайте у себя умение не принимать неприятности близко к сердцу и контролировать свои эмоции. Добившись этого, вы достигнете огромной власти: теперь вы можете манипулировать эмоциональными реакциями окружающих. Подталкивайте к активным действиям неуверенных, подвергая сомнению их мужественность и соблазняя перспективой легких побед. Поступайте, как Гудини, когда его вызвал на состязание менее искусный артист: уступите в чем-то, притворившись слабым (напомним: Гудини позволил сопернику похитить код замка наручников), чтобы спровоцировать противника на действия. После этого вы можете легко справиться с ним. С людьми слишком самонадеянными также следует притвориться слабее, чем вы есть, чтобы они начали действовать торопливо и непродуманно.

Сун Пину, командующему армией царства Чу и преданному последователю Сунь-цзы, однажды пришлось выйти со своими войсками против армии царства Вэй, которая вдвое превосходила их по численности. «Давайте, приближаясь к армии Вэй, зажжем сто тысяч огней, — предложил Сун Пин, — на другой день зажжем пятьдесят тысяч, а на третий — только тридцать тысяч огней». На третий день командующий армией Вэй воскликнул: «Я знал, что воины Чу — жалкие трусы, смотрите, не прошло и трех дней, как дезертировали две трети солдат!» И вот, оставив позади тяжелую на подъем тихоходную пехоту, военачальник решил не упускать удобный момент и нанести быстрый удар по лагерю противника небольшим, подвижным отрядом. Войска Сун Пина отступили, заманив отряд Вэй в тесный проход, и там атаковали и разгромили неприятеля. Полководец Вэй был убит, его армия разбита, после этого Сун Пину не составило труда справиться с остатком войска.

Еще одно: если вы имеете дело со вспыльчивым или раздраженным противником, порой лучшая реакция — это отсутствие реакции.

Следуйте тактике Талейрана: ничто не приводит человека в бешенство сильнее, чем оппонент, сохраняющий хладнокровие, в то время как он сам теряет выдержку. Если в ваших интересах вывести окружающих из равновесия, храните на лице аристократическое, скучающее выражение, не насмешливое и не торжествующее, а просто безразличное. Это их воспламенит. Когда же от гнева они дойдут до белого каления, вы будете одерживать легкие победы — и первая та, что их инфантильному поведению вы противопоставляете достоинство и самообладание.

Образ: пруд с рыбками.

Вода чиста и спокойна, и рыбки хорошо себя чувствуют в ней. Но замутите воду, и рыбки всплывут. Еще сильнее взбаламутив воду, вы заставите их занервничать и подняться к поверхности, при этом заглатывая любую добычу, которая окажется поблизости, включая крючок с только что насаженной приманкой.

Авторитетное мнение

«Если твой противник отличается горячим нравом, постарайся раздражить его. Если он самовлюблен, сыграй на его эгоизме... Настоящий мастер управляет активными действиями неприятеля, подсовывая ему ту ситуацию, в соответствии с которой он будет действовать. Он заманивает врага приманкой, на которую тот наверняка клюнет. Он не дает врагу остановиться, держа перед ним приманку, а затем нападает на него с отборным войском».

Сунь-цзы, VI—V века до н. э.

Оборотная сторона

Играя на людских эмоциях, следует соблюдать осторожность. Изучите прежде своего противника: кое-какую рыбу безопаснее не поднимать со дна пруда.

Правители Тира, столицы древней Финикии, были убеждены, что им удастся дать отпор Александру Македонскому, завоевателю Востока, который до поры до времени не трогал их город, надежно укрепленный и защищенный водой. Они послали к Александру послов с известием, что хотя они признают его императором, однако

не разрешают ни ему, ни его армии войти в Тир. Надо ли сомневаться, что это сообщение вызвало гнев Александра и он немедленно отдал приказ об осаде города. Город сопротивлялся четыре месяца, после чего Александр решил, что войну можно и прекратить, и согласился на переговоры с жителями Тира. Но они, будучи уверены, что уже крепко держат Александра на крючке и могут с ним потягаться, отказались от переговоров — они даже убили его гонцов.

Это вывело Александра из себя. Теперь для него не имело значения, как долго будет длиться осада и большая ли армия требуется для этого. У него были средства, и он был готов на все. Он начал такой мощный штурм, что захватил Тир едва ли не в тот же день, спалил его дотла, а жителей продал в рабство.

Вы можете поймать на крючок тех, кто превосходит вас силой, подобно Сун Пину, заставить их бросить в бой и разобщить свою армию, но сначала исследуйте воды. Найдите брешь в противнике. Если слабины нет — если они сильны безмерно, — вы не добьетесь ничего, наоборот: вы можете всего лишиться, провоцируя их. Тщательно выбирайте жертву, которой собираетесь подбросить приманку, и ни в коем случае не замахивайтесь на акул.

Последнее: случается, что вспышка гнева в правильно выбранный момент может принести вам пользу, но она должна быть тщательно подготовлена, и вам следует четко контролировать свой гнев. Тогда вы сможете точнейшим образом дозировать его и определять, на кого и каким образом он падет, а кого минует. Никогда не допускайте всплесков, которые в итоге могли бы вам повредить, обратившись против вас. Мечите громы и молнии пореже, чтобы они казались более устрашающими и полными смысла. Приступы гнева, будь то разыгранные по нотам или естественные, если они происходят слишком часто, теряют силу.

Закон 40. С презрением отвергай бесплатные обеды

Формулировка закона

То, что предлагают вам даром, таит опасность: обычно за этим стоит хитрый трюк или скрытое обязательство. За то, что чего-то стоит, стоит заплатить. Оплачивая свой путь, вы избавляетесь от необходимости благодарить, испытывать вину и обманывать. Часто умнее бывает заплатить полную цену — нельзя блистать и экономить одновременно. Не жалейте денег, заставляйте их работать, щедрость является признаком власти и притягивает ее.

Деньги и власть

В ведомстве власти у всего есть цена, и о каждом предмете судят по тому, сколько он стоит. Если что-то предлагается даром или по сниженной цене, часто идет с нагрузкой — психологической: сложное чувство, что вы в долгу, и сопутствующее этому беспокойство, и так далее. Сильные рано научаются защищать самые важные ценности: независимость и пространство для маневра. Платя без скидок, они страхуют себя от опасностей, затруднительных положений и тревог.

Открытость и гибкость в денежных делах учит еще и тому, насколько ценна стратегически рассчитанная щедрость, вариация уже известного нам фокуса «давай, когда собираешься брать». Вы приподносите дар, приличествующий случаю, и тот, кто получил его, чувствует себя обязанным вам. Щедрость смягчает людей — и обманывает их. Снискав славу щедрого человека, вы завоевываете восхищение окружающих, отвлекая их от своих планов достижения власти. Обдуманно расточая свое состояние, вы прельщаете придворных, доставляя им удовольствие и завоевывая ценных союзников.

Посмотрим на истинных обладателей власти — Цезаря, королеву Елизавету, Микеланджело, Медичи: среди них нет нищих. Крупные аферисты не жалеют денег на подготовку своих афер. Слишком туго затянутая мошна не вызывает симпатии — великий соблазнитель Казанова полностью предоставлял в распоряжение возлюбленной не только себя самого, но и свой кошелек. Сильные понимают, что деньги несут психологическую смысловую нагрузку, а также то, что

это источник вежливости и общительности. Эти люди делают человеческий аспект денег оружием из своего арсенала.

На каждого, способного относиться к деньгам играючи, приходятся тысячи, кого характеризует саморазрушительный отказ использовать деньги творчески и стратегически. Подобные типы представляют полярную противоположность сильным, властным людям, и вам необходимо научиться распознавать их, с тем чтобы избегать их вредоносного воздействия или обратить их негибкость себе на пользу.

Прожорливая рыбина. Прожорливых рыб интересуют только деньги, а не люди. Холодные и жестокие, они видят мир сквозь безжизненные таблицы бухгалтерского баланса. Видя в окружающих только пешек или препятствия на их пути к богатству, они попирают людские чувства и отвращают от себя даже тех, кто мог бы быть им полезен. Никто не хочет иметь дела с прожорливой рыбиной, и спустя годы она часто остается в одиночестве, которое свидетельствует о том, что наступил конец.

Прожорливые рыбы — это основа существования мошенников: ослепленные наживкой в виде перспективы легко разбогатеть, они жадно заглатывают острый крючок, прихватив и грузило. Их так легко обмануть потому, что, проводя столько времени в общении с цифрами (а не с людьми), они совершенно ничего не понимают в психологии — как чужой, так и своей собственной.

Избегайте их, прежде чем они начнут вас эксплуатировать, или играйте на их алчности для достижения своих целей.

Скупой

Один скупец, боясь лишиться своего богатства, решил пойти на хитрость. Он продал все, что имел, купил на все вырученные деньги золотой слиток и закопал его. Каждый день он приходил к этому месту и проверял, на месте ли слиток. Один из его работников заметил это. Он заподозрил, что там, должно быть, спрятан клад, и, стоило хозяину отвернуться, отправился к тому месту и украл слиток. Когда скупец вернулся и обнаружил пропажу, он стал плакать и рвать на себе волосы. Но сосед, увидев, как он сокрушается, сказал: «Не горюй, а лучше возьми-ка камень, закопай его на том же месте и думай, что это твой золотой слиток. Ты ведь не собирался воспользоваться им, а лежать в земле камень сможет ничуть не хуже, чем золото».

Деньги приобретают ценность не когда ими владеют, а когда ими пользуются.

Из «Басен» Эзопа

Демон торга. Сильные люди все оценивают и взвешивают, принимая в расчет не только стоимость, но и время, достоинство, спокойствие духа. Демоны торга лишены этой способности. Бесконечно торгуясь, не жалея на это драгоценного времени, они постоянно беспокоятся о том, чтобы не прогадать, и прикидывают, нельзя ли было в другом месте сторговаться подешевле. В добавление в этому предмет сделки, который им наконец достается, часто никуда не годится, порой требует дорогого ремонта или выходит из строя вдвое скорее, чем более дорогостоящий аналог. Расплачиваются они не только деньгами (хотя и в денежном отношении выгода от сделки часто обманчива), но и временем и душевным равновесием: отбивая у нормальных людей желание иметь с ними дело, потому что для демона торга поторговаться — это самоцель.

Подобные типы, казалось бы, могут причинить вред лишь самим себе, но их отношение к жизни сродни инфекционному заболеванию: им можно заразиться. Несмотря на сопротивление, они заронят в вашу душу беспокойные мысли о том, что вы прогадали, заплатив слишком много. Не спорьте с ними и не пытайтесь их переубедить. Просто мысленно добавьте время и свое душевное спокойствие — и вы поймете, что предлагаемая ими сделка обойдется дороже, если не в деньгах, то в отношении временных и нервных затрат.

Садист. Финансовые садисты играют в грязные игры с деньгами, используя их как инструмент для утверждения своей власти. Они могут, например, тянуть, не отдавая деньги, которые вы им дали в долг, утверждая при этом, что чек уже спешит к вам по почте. Если вы работаете на них, они вмешиваются буквально во все, придираясь и доводя вас до нервного срыва своей мелочной опекой. Садисты, похоже, думают, что, если они платят за что-то, это дает им моральное право унижать того, кто продает. В их отношении к деньгам отсутствует широта, свойственная царедворцам. Если вам «посчастливилось» иметь дело с этим человеческим типом, возможно, по большому счету вам лучше потерять в деньгах, чем оказаться втянутым в эти разрушительные взаимоотношения.

Неразборчивый даритель. Щедрость имеет определенную функцию в королевстве власти: она привлекает людей, смягчает их, делает их вашими союзниками. Но ее следует использовать с умом и знать меру. Неразборчивые дарители щедры потому, что хотят, чтобы все их любили и восхищались ими. При этом щедрость их такая разбросанная, безадресная и жалкая, что достичь желаемого результата не удается: ведь поскольку они одаривают всех, никто из получателей не чувствует себя удостоенным особого отличия. Этот человеческий тип может показаться привлекательным, однако, вступая с ним в отношения любого сорта, вы постоянно будете ощущать бремя его ненасытных эмоциональных потребностей.

Нарушение закона (1)

После того как Франсиско Писарро завоевал Перу в 1532 году, золото империи инков стало просачиваться в Испанию, и испанцы всех сословий начали мечтать о путешествиях в Новый Свет, суливших быстрое обогащение. Распространился рассказ об индейском вожде на востоке Перу, который раз в год, совершая ритуал, покрывал себя золотой пылью и нырял в озеро. Скоро имя вождя El Dorado (Золотой Человек) трансформировалось в название страны Эльдорадо, более богатой, чем империя инков, в которой улицы городов были вымощены золотом, а дома крыты золотой черепицей. Рассказы не казались невероятными, ведь наверняка вождь, позволявший себе такое расточительство, как смывание золотой пыли в озере, правил золотой страной. Испанцы пустились на поиски Эльдорадо по всему северу Южной Америки.

В феврале 1541 года самая многочисленная экспедиция под предводительством брата Писарро, Гонсало, вышла из эквадорского города Кито. Блистая доспехами и разноцветными шелковыми одеяниями, 340 испанцев направились на восток в сопровождении 4000 индейцев, служивших носильщиками и проводниками, 4000 свиней, десятков лам и приблизительно тысячи собак. Однако вскоре экспедицию настиг тропический ливень, из-за которого сгнили повозки и испортились съестные припасы. Тем временем Гонсало Писарро расспрашивал индейцев, которые попадались на пути. Тех, кто, как ему казалось, скрывал информацию о сокровищах, и тех, кто даже не слышал о них, он пытал и, убивая, скармливал своим псам.

Слухи о жестокости испанцев опережали экспедицию. Индейцы быстро поняли, что единственный способ избежать пыток и мучительной смерти от рук Гонсало — это выдумывать для него сказки про Эльдорадо, отправляя его подальше от родных мест. Следуя указаниям индейцев, Гонсало и его люди все больше углублялись в непроходимые джунгли.

В экспедиции воцарилось уныние. Одежда ее участников вконец износилась, доспехи заржавели, обувь была изорвана в клочья. Те рабы-индейцы, которые еще оставались в живых, дезертировали. Была съедена не только свинина, но и ламы, и даже собаки. Испанцы питались кореньями и плодами. Осознав, что так больше продолжаться не может, Гонсало, на свой страх и риск, решил продвигаться по реке. Была построена баржа из гниющего дерева. Но путешествие по реке Напо оказалось не менее тяжелым и опасным. Разбив лагерь на берегу реки, Писарро послал проводников вперед, на поиски индейских поселений, где могла быть еда. Он долго ждал их возвращения, пока не понял, что и они дезертировали. Теперь спускаться по реке пришлось самостоятельно.

Дождь лил без конца. Люди Гонсало забыли об Эльдорадо и мечтали лишь о возвращении в Кито. Наконец в августе 1542 года чуть более сотни членов экспедиции, которая в начале насчитывала тысячи участников, вернулись назад. Жителям Кито они, наверное, казались беглецами из ада: завернутые в лохмотья и шкуры, покрытые шрамами и язвами, исхудавшие до неузнаваемости. За полтора года, что длилась экспедиция, они проделали громадный круг, более двух тысяч миль пешком. Крупные суммы денег, вложенные в экспедицию, никак не окупились — ни Эльдорадо, ни золота.

Зарытое сокровище

Многие неумные люди мечтают найти клад, скрытый в земле, и разбогатеть. В Магрибе развелось множество берберийских «студентов», не желающих честно зарабатывать себе на жизнь. Они находят состоятельных людей и показывают им свитки с оборванными краями, с текстом не по-арабски, либо бумаги, которые, по их утверждению, представляют собой перевод документа, составленного владельцем клада.

В документе, разумеется, содержатся указания на то, где закопано сокровище. Таким образом они стараются получить деньги (обманывая богатых простаков) на путешествие к месту, где зарыт клад, чтобы выкопать и доставить сокровище. Иногда эти охотники за сокровищами бормочут заклинания и демонстрируют трюки, как бы доказывающие их знание магии. Однако никаким волшебством в действительности они не владеют — все это нужно, чтобы одурачить людей и заставить их поверить в остальное...

То, что они рассказывают о пропавших сокровищах, необоснованно и не имеет ни научного подтверждения, ни каких-либо других доказательств. Нужно понимать, что хотя, бывает, клады и находят, но это происходит крайне редко и натыкаются на них совершенно случайно. Тем же, кто обманывается и обманывает других подобными баснями, следует покаяться перед Аллахом в своей лени и неспособности честным трудом зарабатывать на жизнь. Им не должно занимать себя пустыми и лживыми выдумками.

Из «Мукаддимы» Ибн Хальдуна, 1332–1406

У японцев есть поговорка, которая звучит так: «Тада йори такаи моно ва наи», что означает «Больше всего ценят то, что досталось даром».

Мицухиро Мацумото. «Непроявленный путь»

Толкование

Даже после неудачи Гонсало Писарро испанцы снаряжали экспедицию за экспедицией в надежде найти Эльдорадо. И подобно Писарро, конкистадоры сжигали и разоряли деревни, мучили индейцев, тратили огромные средства — и ни на шаг не приближались к сокровищам. Деньги, которые уходили на такие экспедиции, не поддавались учету. Но, несмотря на очевидную бесплодность усилий, блеск фантазии продолжал ослеплять.

Поиски Эльдорадо уносили тысячи жизней — испанских и индейских. Мало этого, они разрушили всю испанскую империю. Золото стало навязчивой идеей испанцев. Золото, которое дошло до Испании, а такого было немало, тратили на новые и новые экспедиции

или на предметы роскоши, вместо того чтобы вкладывать их в сельское хозяйство или другие продуктивные отрасли. Целые испанские города пустели, потому что мужское население отправлялось на поиски сокровищ Эльдорадо. Фермы разрушались, армия страдала от недостатка солдат для участия в европейских войнах. К концу XVII столетия население страны уменьшилось почти вполовину, население Мадрида сократилось с 400 до 150 тысяч. Получая все меньшую отдачу в ответ на многолетние усилия, Испания постепенно приходила в упадок, от которого так и не оправилась.

Власть требует самодисциплины. Перспектива богатства, особенно внезапного и достающегося легко, разрушительна для чувств. Тому, кто разбогател в одночасье, часто кажется, что так же легко можно получить больше. Дармовой обед и деньги, что посыплются с неба в карман, ждут за углом.

Пребывая в этом заблуждении, алчный пренебрегает всем тем, от чего в действительности зависит власть: самоконтролем, доброжелательством окружающих и тому подобными вещами. Поймите: никакие серьезные перемены, кроме одной — смерти, — не случаются вдруг. Внезапное богатство редко бывает долговечным, потому что построено не на твердом основании. Ни под каким видом не позволяйте деньгам ослепить вас и выманить из надежной и прочной крепости власти. Пусть сила и власть будут вашей целью, а деньги сами найдут к вам дорогу. Оставьте Эльдорадо простакам и глупцам.

Нарушение закона (2)

В начале XVIII века никто в Европе не мог сравниться по положению с герцогом и герцогиней Мальборо. Герцог, проведя успешную военную кампанию против Франции, считался первым стратегом и полководцем Европы. Его супруга, герцогиня, после множества ухищрений утвердилась в положении фаворитки королевы Анны, которая правила Англией с 1702 года. В 1704 году триумфальная победа герцога в битве при Бленхейме сделала его героем Англии, и королева наградила его большим наделом земли в Вудстоке и деньгами на постройку дворца. Герцог дал своему будущему дому название Бленхеймского дворца и выбрал архитектора — молодого Джона Ванбру, человека, напоминавшего

мастеров Возрождения: пьесы он писал так же хорошо, как проектировал дома. Строительство начали летом 1705 года, с большой помпой и огромными надеждами.

Деньги

Юсуф ибн-Джафар эль-Амуди брал плату, порой очень высокую, с тех, кто приходил поучиться у него. Однажды известный законник, побывавший у него, сказал: «Мне очень нравится твое учение, и я уверен, что ты ведешь своих учеников по верному пути. Но ведь не принято брать деньги за знания. К тому же это могут неверно истолковать».

Эль-Амуди сказал: «Я никогда не продавал свои знания. Никаких денег на земле не хватит, чтобы заплатить за них». Что же до неверных толкований, то от них не спастись, даже если не брать денег, потому что тогда найдется какая-нибудь другая мишень.

К тому же вам должно быть известно, что человек, берущий деньги, может быть жадным, а может и не быть. Но человек, который не берет никакой платы, вызывает сильнейшие подозрения, заставляя думать, что он крадет у ученика его душу. Людей, которые говорят: «Я ничего не возьму», могут обвинить в том, что они собираются забрать волю своей жертвы.

Идрис Шах, 1977

Ванбру и в архитектуре проявлял свой талант драматурга. Его проект дворца был памятником блеску и силе Мальборо. Искусственные озера, монументальные мосты, искусно распланированные сады и другие фантастические черты отличали его. Однако герцогиня была недовольна всем с самого первого дня: ей казалось, что Ванбру впустую тратит слишком большие деньги на разбивку заурядного парка. Ей хотелось, чтобы работы были закончены как можно скорее. Герцогиня изводила Ванбру и его рабочих мелочной опекой, придираясь к ним по малейшему поводу. Хотя средства на строительство Бленхейма поступали из казны, она скандалила из-за каждого гроша. В конце концов ее ворчание насчет Бленхейма и по другим поводам воздвигло непреодолимую стену между ней и королевой Анной, и в 1711 году та приказала ей

освободить апартаменты в королевском дворце, которые она занимала. Когда герцогиня отбыла (кипя от злости из-за потери положения и особенно королевского жалованья), она вынесла из апартаментов абсолютно всё, вплоть до медных дверных ручек.

В последующие десять лет работа в Бленхейме то прекращалась, то возобновлялась, поскольку становилось всё сложнее получать средства из казны. Герцогине казалось, что Ванбру что-то замышляет против нее. Она обследовала каждую телегу, груженную камнем, каждый мешок извести, устраивала сцены из-за каждого лишнего куска кровельного железа, выводя из терпения строителей и подрядчиков. Мальборо, постаревший и немощный, хотел одного — уголка, где он мог бы провести свои последние годы. Но проект потонул в бесконечных тяжбах, исках строителей к герцогине из-за низкого жалованья и ответных исках герцогини к архитектору. В разгар этих препирательств скончался герцог. Он так никогда и не провел ни одного дня в своем любимом Бленхейме.

После смерти Мальборо его состояние было оценено более чем в 2 миллиона фунтов — больше чем достаточно для окончания строительства. Но герцогиня упрямо стояла на своем, она судилась с архитектором и подрядчиками и в конце концов отказалась от услуг Ванбру. Архитектор, занявший его место, закончил постройку Бленхейма за несколько лет, в мельчайших деталях следуя проекту Ванбру. Ванбру умер в 1726 году, изгнанный из дворца герцогини, лишенный возможности даже посмотреть на свое величайшее творение. Предвосхитив развитие романтизма, творение Бленхейма послужило началом для нового течения в архитектуре, став предметом двадцатидвухлетнего кошмара для своего создателя.

Толкование

Герцогиня Мальборо использовала деньги для садистских игр власти. Она рассматривала потерю денег как символ потери власти. В случае с Ванбру ее искажение восприятия зашло еще дальше: перед ней был великий художник, и она завидовала его одаренности творца, способности снискать славу, не имея богатства. У нее не было его талантов, что ж, зато было достаточно денег, чтобы мучить его и издеваться, придираясь по мелочам, пока она не сломала ему жизнь.

За этот тип садизма, однако, приходится платить ужасной ценой. Он привел к тому, что строительство, запланированное на десять лет, тянулось двадцать. Он отравил взаимоотношения, привел герцогиню к разрыву с королевой и двором, глубоко ранил герцога (который хотел всего лишь тихой жизни в своем дворце), породил бесконечные судебные тяжбы и отнял годы жизни Ванбру. И все же в конце концов справедливость восторжествовала: Ванбру стал признанным гением, тогда как герцогиню навсегда запомнили за ее скаредность.

Сильным мира сего свойственно величие духа, они ни в чем не бывают мелочными. Деньги же — это арена, на которой и величие, и мелочность проявляются наиболее ярко. Поэтому лучше тратьте деньги свободно и приобретайте репутацию щедрого человека, которая в перспективе принесет вам большие дивиденды. Никогда не позволяйте мелочным финансовым проблемам ослепить себя и заслонить от вас общую картину того, как воспринимают вас окружающие. Их разочарование может дорого вам обойтись. Если, заказав работу талантливым людям, вы собираетесь вмешиваться в нее, хотя бы оплатите ее как следует. Этим вы скорее, чем демонстрацией власти, достигнете того, что с вами будут считаться.

Человек, который любил деньги сильнее, чем жизнь

В стародавние времена жил старый дровосек, который почти каждый день ходил в горы рубить деревья. Поговаривали, что этот старик очень скуп, что он копит серебро, а потом обменивает его на золото, а золото любит больше всего на свете. Однажды на него напал разъяренный тигр. Старик бросился бежать, но ему не удалось улизнуть, и тигр схватил его в свои страшные зубы и потащил. Сын дровосека увидел, что случилось, и побежал, чтобы попытаться спасти отца. У него был длинный нож, и бежал он быстрее тигра, который тащил в зубах человека. Скоро юноша настиг тигра. Он увидел, что отец не очень сильно пострадал, так как тигр держал его за халат. Увидев сына с ножом, дровосек закричал в сильнейшей тревоге: «Не повреди тигриную шкуру! Не повреди шкуру, говорю! Если сможешь убить его так, чтобы на шкуре не было дыр, за нее дадут много серебра!» Пока сын выслушивал наставления отца, тигр одним прыжком скрылся в лесной чаще и, унеся старика туда, куда сын не мог пробраться, разорвал его и съел.

Китайская басня

Соблюдение закона (1)

Пьетро Аретино, сын башмачника, напомним, приобрел шумную известность своими едкими сатирами. Но, как любому художнику Возрождения, ему нужен был покровитель, который мог бы обеспечить ему сносное житье, при этом не мешая работать. В 1528 году Аретино решил испробовать новую стратегию в поисках покровителя. Уехав из Рима, он обосновался в Венеции, где о нем слышали немногие. У него было мало денег, которые удалось скопить, но и только. Несмотря на это, вскоре после переезда в новый дом он гостеприимно распахнул его двери для богатых и бедных, устраивая пиры и ;развлечения. Он привечал любого гондольера, всех встречая и потчуя по-королевски. На улицах он раздавал деньги — нищим, сиротам, прачкам. Среди городской бедноты разнесся слух о том, что Аретино не только замечательный сочинитель, но и благородный человек.

В дом Аретино зачастили люди искусства и влиятельные лица. За несколько лет он сделался знаменитостью. Ни один именитый сановник, посещавший Венецию, не покидал ее, не нанеся визит в этот дом. Щедрость Аретино стоила ему значительной части сбережений, но помогла приобрести влияние и доброе имя — краеугольные камни в фундаменте власти. В Италии того времени, как, впрочем, и в любом другом месте, возможность неограниченно тратить деньги была прерогативой богатых. Поэтому в аристократической среде Аретино приняли за влиятельную особу. А поскольку расположение влиятельной персоны хотели приобрести многие, Аретино стал получать всевозможные подарки и деньги. Герцоги и герцогини, богатые купцы, папы и принцы были среди тех, кто добивался его расположения и осыпал разными дарами.

Расточительность Аретино, конечно, была тактикой, и эта тактика подействовала не хуже волшебного заклинания. Но для того, чтобы получить настоящие деньги и комфорт, он нуждался в бездонном кармане крупного покровителя. Исследовав возможные варианты, он наконец остановил внимание на герцоге Мантуанском, чрезвычайно богатом вельможе, и написал эпическую поэму, предпослав ей

посвящение герцогу. Таким образом сочинители обычно искали покровительства: в благодарность за посвящение они получали небольшое вспомоществование, которого хватало до написания следующего стихотворения, так что в определенном смысле всю жизнь приходилось раболепствовать. Аретино, однако, стремился к власти, а не к угодничанию. Он мог посвятить поэму герцогу, но при этом вручить ее как дар, обставив дело так, чтобы выглядеть не наемным писакой в поисках жалованья, а ровней герцогу.

Аретино не остановился на этом: он убедил двух своих близких друзей, величайших художников Венеции, скульптора Якопо Сансовино и живописца Тициана, принять участие в том, что он задумал. Аретино, прежде чем начать обрабатывать герцога, хорошо изучил его. Он знал его вкусы до мелочей и мог посоветовать Сансовино и Тициану, какие сюжеты понравятся вельможе больше других. Когда затем он послал герцогу скульптуру работы Сансовино и полотно кисти Тициана как подарок от них троих, тот был на седьмом небе от счастья.

В течение нескольких месяцев Аретино продолжал делать подарки: мечи, седла и сбрую, стекло, которым славилась Венеция, — словом, вещи, которые, как ему было известно, герцог мог оценить по достоинству. И вот уже он, Тициан и Сансовино стали получать ответные дары. Задуманное начало приносить плоды: когда у друга поэта случилось несчастье — зять оказался в тюрьме в Мантуе, — Аретино смог обратиться к герцогу за помощью, и тот добился освобождения молодого человека. Друг Аретино, богатый купец, пользовался большим влиянием в Венеции. Благодаря тому, что он использовал добрые отношения, которые ему удалось установить с герцогом, Аретино добился того, что этот человек теперь считал себя в долгу перед ним. Теперь он в свою очередь был готов оказать ему любую услугу. Не раз Аретино удавалось использовать в своих интересах огромное политическое влияние герцога, а также пользоваться его помощью в своих многочисленных романах с придворными дамами.

В итоге, впрочем, их отношения стали несколько более прохладными, когда Аретино стало казаться, что герцог мог бы быть щедрее. Однако он не унизился до того, чтобы просить или жаловаться: обмен дарами между ними позволял ему держаться

с вельможей на равных, но не давал оснований рассчитывать на денежную помощь. Поэтому Аретино просто несколько отдалился от герцога и принялся за поиски возможного источника финансов. Он начал с короля Франции Франциска, затем попытал счастья с семейством Медичи, герцогом Урбино, императором Карлом V, и так далее. В конце концов, что означало иметь много покровителей вместо одного? Это давало преимущество — не нужно было кланяться ни одному из них, и власть Аретино казалась сравнимой с властью крупного сановника.

История Моисея и фараона

Так записано в книгах пророков, что Моисей был послан к фараону со многими чудесами, дивами, почестями и наградами. Для стола фараона в день требовалось 4 тысячи овец, 400 коров, 200 верблюдов и соответственное количество кур, рыбы, сушеного мяса, сладостей и многого другого. Все египтяне и вся египетская армия каждый день ели с этого стола, ибо четыреста лет назад фараон был провозглашен богом и с тех пор никогда не переставал снабжать их пищей.

Когда Моисей молился, говоря: «О Боже, покарай фараона!», Бог ответил на его молитву и сказал: «Я покараю его в воде, и пусть все его богатства и богатства его воинов перейдут к тебе и твоим людям».

Много лет прошло после этого обещания, и фараон, обреченный на гибель, продолжал вести жизнь, полную блеска и величия.

Моисей с нетерпением ждал, когда Бог покарает фараона, и у него уже не было сил. Поэтому он сорок дней постился, а потом отправился на гору Синай и обратился к Богу: «О Боже, не Ты ли обещал мне, что покараешь фараона, и вот он по-прежнему богохульствует и творит беззакония. Когда же гнев Твой обрушится на него?»

Раздался голос Бога Истинного. Он произнес: «О Моисей, ты хочешь, чтобы Я поскорее расправился с фараоном. Но тысячу раз тысяча Моих служителей молят Меня не делать этого, потому что они имеют часть от его богатства и наслаждаются миром под его правлением. Своей силой Я клянусь, что, пока он предоставляет пищу и поддержку Моим творениям, Я не обрушусь на него».

Моисей спросил: «А когда же Ты выполнишь свое обещание?» — «Я выполню свое обещание, когда он откажет Моим творениям

в пище. Если только он начнет умерять свою щедрость, знай, что его час скоро пробьет».

Так случилось, что вскоре фараон сказал Аману: «Моисей собрал сынов Израиля вокруг себя, и это нас беспокоит. Мы не знаем, что он замышляет. Нам надо держать хранилища наполненными хотя бы какое-то время, чтобы не остаться без запасов.

Поэтому следует наполовину уменьшить наши дневные рационы, а остаток отправлять в хранилища». Он сократил 2000 овец, 200 коров и 100 верблюдов, а потом стал урезать рацион каждые два или три дня. Моисей понял тогда, что скоро исполнится обещание Истинного, ибо растущая экономия — признак упадка и плохое предзнаменование. Рассказывают, что в день, когда войско фараона было потоплено, на его кухне зарезали всего двух овец.

Нет ничего лучше щедрости. ...Если человек богат и желает, не имея монарших привилегий, вести себя по-царски, если он хочет, чтобы люди склонялись перед ним, называя государем и господином, тогда научите его каждыйдень накрывать столы с угощением. Все те, кто достиг признания в мире, добились этого главным образом своей щедростью, в то время как скупых и расчетливых презирают в обоих мирах.

Из «Книги Правителей, или Правил для царей» Низама аль-Мулха, XI век

Толкование

Аретино были известны два фундаментальных свойства денег. Первое: чтобы давать силу и власть, деньги должны быть в обороте. Что можно купить за деньги? Вовсе не безжизненные предметы — власть над другими людьми. Пуская деньги в оборот, заставляя их работать, Аретино постоянно расширял круг влияния, которое в результате позволило с лихвой окупить его расходы.

Второе: Аретино понимал главные свойства подарков. Сделать кому-то подарок означает, что даритель и получатель равны или что даритель находится на более высокой ступени. Подарок также подразумевает, что получатель ощущает потребность или даже обязанность ответить на него, отблагодарить. Если, например, друзья предлагают вам что-то безвозмездно, вы должны понимать, что теперь

у них есть основания ожидать от вас чего-то в ответ — или, говоря грубее, им что-то нужно от вас — и, чтобы получить это, они своим подарком хотят вызвать у вас ощущение, что вы задолжали им ответную услугу. (Скажем в их оправдание, что они могут действовать неосознанно, сами совершенно не осознавая этой подоплеки, однако механизм именно таков.)

Аретино избегал таких посягательств на собственную свободу. Вместо того чтобы стоять с протянутой рукой и ждать, что богатый и сильный оплатит его жизнь, он повернул все с ног на голову: заставил сильных и богатых почувствовать себя обязанными ему. В этом была цель его подарков, ступеней, которые привели его на самый верх социальной лестницы. К концу жизни он стал одним из наиболее известных писателей в Европе.

Следует понимать: деньги могут определять отношения между людьми, но эти отношения не обязательно зависят от того, много ли у вас денег. Они не в меньшей мере зависят от того, как именно вы их используете. Разумные не скупятся, вместо вещей покупая влияние. Если для вас приемлемо подчиненное положение, вы миритесь с ним, потому что пока бедны, может оказаться, что вы останетесь в нем навсегда. Прибегните к трюку, который проделал Аретино с итальянской знатью: вообразите, что вы равны ей. Ведите себя как вельможа, гостеприимно распахните двери, пускайте деньги в оборот, создавайте фундамент власти, используя алхимию, которая превращает деньги во влияние.

Соблюдение закона (2)

Барон Джеймс Ротшильд разбогател в Париже к концу 1820-х годов. Вскоре после этого он столкнулся с крайне сложной проблемой: как еврею из Германии — полному аутсайдеру для французского общества — завоевать уважение французских высших сословий, отличительной чертой которых была крайняя ксенофобия? Ротшильд хорошо понимал, что такое власть. Он знал, что его состояние может дать ему положение, однако, несмотря ни на что, он по-прежнему останется чужаком. Поэтому, внимательно изучая светское общество своего времени, он задавал себе вопрос: чем можно завоевать его расположение?

Благотворительность? Ничто не могло интересовать французов меньше. Политическое влияние? Он уже им обладал, и это только вызывало у людей подозрение. Единственное слабое место, на котором можно сыграть, решил он, это скука. В период Реставрации французские имущие классы страдали от скуки. Поэтому Ротшильд начал тратить невероятные суммы на развлечения для них. Он нанимал лучших архитекторов и художников для оформления садов и бальных зал, пригласил Мари-Антуана Карема, известнейшего парижского шеф-повара, чтобы готовить для гостей на изысканнейших приемах, когда-либо виденных Парижем. Ни один француз не смог бы устоять, пусть даже приемы устраивал германский еврей. Еженедельные вечера у Ротшильда постепенно становились многолюднее, привлекали все больше внимания. Прошло несколько лет, Ротшильд добился того, чего хотел, единственного, что могло обеспечить власть чужаку: он был принят в обществе.

Толкование

Расчетливая щедрость — сильное оружие, отличный инструмент для построения фундамента, особенно для аутсайдера или чужака. Но барон Ротшильд оказался еще умнее: он понял, что его деньги воздвигли барьер между ним и французами, вызывая у них неприязнь и недоверие. Лучший способ преодолеть это заключался в том, чтобы тратить большие суммы денег, показывая тем самым, что он ценит французскую культуру и общество превыше денег. То, что делал Ротшильд, очень напоминало знаменитые праздники индейцев на американском Северо-Западе: периодически тратя огромные средства на гигантские оргии, празднества и пиры, индейское племя символизировало таким образом свою власть над другими племенами.

Основой власти Ротшильда были не деньги, но способность их тратить, а также уверенность в своем превосходстве, которая восстанавливала и окупала все, что было потрачено и разрушено во время этих торжеств.

Наконец, балы барона Ротшильда отражали его стремление войти не только во французские деловые круги, но и в светское общество. Тратя огромные суммы на празднества, он надеялся показать, что его сила и власть простирались дальше денег, но фундамент, который он построил, был таким прочным и основательным, какой просто

невозможно было бы купить только за деньги. Чтобы обезопасить свое состояние, он пришел к решению «транжирить» его. Такова обдуманная щедрость — она подобна ядру ореха под скорлупой: способность быть гибким, относиться к своему состоянию как к средству, а не цели, заставить его работать, не скупая материальные ценности, но завоевывая людские сердца.

Плащ огненного цвета

Во время похода Камбиса в Египет великое множество эллинов приезжало в эту страну по тем или иным надобностям. Некоторые, понятно, по торговым делам, другие — для службы в армии, многие же, без сомнения, просто из любопытства, чтобы посмотреть на разные диковинки. В числе любопытных был сын Эаса Силосон, бывший в изгнании брат Поликрата с Самоса. Силосону неслыханно повезло в Египте: когда он прогуливался по улицам Мемфиса, одетый в огненно-красный плащ, случилось, что Дарий, который был в то время офицером в армии Камбиса и еще не достиг высокого положения, увидел его и, внезапно охваченный желанием иметь такой же плащ, подошел к Силосону и попросил уступить ему плащ.

Силосон увидел, что офицеру очень хочется получить плащ, и, словно по вдохновению, сказал: «Я не продам его ни за какие деньги, но, если ты так уж хочешь получить его, я отдам тебе его даром». Дарий, сердечно поблагодарив, принял подарок. Вскоре Камбис умер, и случилось восстание семерых против Мага, после которого Дарий взошел на трон. Силосон узнал, что человек, которому он некогда отдал в Египте свой огненно-красный плащ, стал царем персов. Он поспешил в Сузы, уселся у входа в царский дворец и объявил, что требует, чтобы его внесли в список жертвователей царю. Стражник донес о происшествии Дарию, который в удивлении спрашивал себя, кем может быть этот странный человек.

«Наверняка, — сказал он, — поскольку я лишь недавно стал царем, это не может быть никто из эллинов, кому бы я не заплатил за их службу. Вряд ли кто из них мог так скоро здесь оказаться. Но приведи его сюда в любом случае, я должен знать, кто он и что ему нужно».

Стражник провел Силосона в царские покои, и, когда толмачи спросили его, кто он и что он сделал такого, что позволяет ему называть себя жертвователем, он напомнил Дарию историю с плащом

и объяснил, что он и есть тот человек, который подарил его. «Господин! — воскликнул Дарий.— Ты — щедрейший из людей, ибо, когда я был еще человеком без положения и власти, ты сделал мне подарок — небольшой, но заслуживающий благодарности не меньшей, чем самые великолепные дары, которые приносят мне сегодня. За это я дам тебе больше серебра и золота, чем ты сможешь сосчитать, чтобы тебе никогда не пришлось сожалеть об услуге, оказанной Дарию, сыну Гистаспа». — «Мой повелитель, — отвечал Силосон, — не давай мне ни золота, ни серебра, но помоги вернуть мне Самос, мой родной остров, который теперь, после того как Орэт убил моего брата Поликрата, в руках одного из наших слуг. Пусть Самос станет твоим даром мне — но пусть ни один человек на острове не будет убит или взят в рабство».

Дарий уступил мольбе Силосона и направил войско под командой Отана, одного из семи, с приказом выполнить все, о чем просил Силосон.

Из «Истории» Геродота

Соблюдение закона (3)

Представители флорентийского рода Медичи во времена Возрождения разбогатели, занимаясь, говоря сегодняшним языком, банковским делом, и приобрели огромное влияние в своем городе. Но во Флоренции, которая представляла собой республику с вековыми традициями, сама идея о том, что деньги покупают власть, шла вразрез с демократическими представлениями и ценностями, составлявшими предмет гордости города. Козимо, первый из Медичи, кто достиг большой известности, понимал это и был тише воды ниже травы. Он никогда не выставлял напоказ свое богатство. К 1470-м годам, то есть к тому времени, когда его внук Лоренцо достиг совершеннолетия, состояние семьи увеличилось весьма значительно, а влияние стало слишком заметным, чтобы его можно было скрывать и дальше.

Лоренцо решил проблему по-своему, применяя стратегию, которой испокон века пользовались обладатели богатства: он стал покровительствовать искусствам, сделавшись известнейшим меценатом. Он не просто расточал деньги, приобретая живописные полотна, ему принадлежала честь создания лучших школ в Италии, где

обучали молодых художников. Именно в одной из таких школ внимание Лоренцо привлек молодой Микеланджело, и Медичи пригласил художника жить в своем доме. То же самое он сделал и для Леонардо да Винчи. Леонардо и Микеланджело отплатили добром за великодушие покровителя, сохраняя ему преданность и после того, как стали прославленными художниками.

При столкновениях с врагами Лоренцо всегда применял свое оружие — меценатство. Когда в 1472 году Пиза, издавна враждовавшая с Флоренцией, угрожала напасть на нее, Лоренцо умиротворил ее жителей, поддержав деньгами Пизанский университет, некогда составлявший гордость и красу города, но к тому времени обедневший и утративший былой блеск. Пизанцы не устояли перед таким коварным маневром, который разом всколыхнул их тягу к культуре и одновременно умерил воинственность.

Толкование

Лоренцо, вне всякого сомнения, любил искусство, но его покровительство художникам имело еще и утилитарную цель, о которой он постоянно помнил. Во Флоренции той эпохи банковское дело не считалось самым почтенным способом добывания денег и уж, во всяком случае, не пользовалось популярностью как источник власти и влияния. Отношение к искусствам в обществе было полярно противоположным этому и доходило почти до религиозного поклонения. Тратя деньги на искусство, Лоренцо отвлекал внимание людей от неприглядного в их глазах источника своего богатства, принимая облик аристократа. Щедрость лучше, чем что бы то ни было, поможет вам отвлечь внимание окружающих от действительности и выглядеть покровителем искусства или религии.

Соблюдение закона (4)

Людовику XIV было великолепно известно значение и власть денег. В то время, когда он стал править самостоятельно, дворянство было влиятельной силой, которая выступала против королевской власти, проявляя признаки готовности к мятежу. Людовик разорил аристократов, вынуждая тратить громадные суммы денег на то, чтобы удерживать свое положение при дворе. Сделав их зависимыми от королевской благосклонности, он получил полную власть над ними.

Затем Людовик поставил дворянство на колени с помощью своей нарочитой щедрости. Вот как это происходило. Стоило королю заметить упрямого придворного, чье расположение было ему важно или чьи эскапады он хотел прекратить, он прежде всего с помощью своего богатства подготавливал почву. Сначала он словно переставал замечать его, игнорировал, заставляя подолгу нервничать. Затем тот вдруг узнавал то о назначении сына на прекрасное и хорошо оплачиваемое место, то о том, что в его родных местах получены щедрые пожертвования, или, например, ему самому преподносили в дар картину, которой он давно восторгался. Щедрые дары исходили от Людовика. Наконец спустя некоторое время — недели или месяцы — Людовик обращался к придворному с просьбой об одолжении. Человек, который раньше был готов на любые действия против короля, теперь понимал, что у него пропало всякое желание перечить монарху. Получив откровенную взятку, он, возможно, и возмутился бы, но тактика короля была вкрадчивой и коварной. Столкнувшись с твердой и бесплодной землей, на которой не принималось ни одно растение, Людовик XIV удобрял и обрабатывал почву перед тем, как бросать в нее семена.

Толкование

Людовик XIV понимал, что в отношении людей к деньгам имеется глубокая эмоциональная составляющая, уходящая корнями далеко в прошлое. В детстве очень сложные чувства к родителям возникают у нас из-за их подарков, подарок воспринимается нами как знак любви и одобрения. И этот эмоциональный элемент остается навсегда. Получая подарки, денежные или другие, люди неожиданно становятся уязвимыми, совсем как в детстве, особенно если подарок исходит от человека, облеченного властью. Им не удается противостоять ему, их воля смягчается, чем и пользовался Людовик XIV, удобряя почву.

Чтобы достичь цели наилучшим образом, подарок должен явиться полной неожиданностью. Важно, чтобы он был единственным в своем роде, чтобы человек не получал ранее ничего подобного или чтобы ему предшествовало холодное отношение дарителя. Чем чаще вы делаете подарки одним и тем же людям, тем менее действенным становится это оружие. Если они не воспринимают ваши подарки как нечто само собой разумеющееся, что было бы пределом

неблагодарности, то посчитают, что вы занимаетесь благотворительностью (а это уже совершенно другое дело). Сюрприз, неожиданный, неповторимый подарок, не может избаловать детей. Он позволяет вам добиться их послушания.

Деньги не могут принести выгоды большей, нежели когда вы от них освобождаетесь. Ибо в этом случае вы мгновенно обретаете расчетливость и бережливость.

Артур Шопенгауэр

Соблюдение закона (5)

Антиквару Фушимия, который жил в городе Эдо (древнее название Токио) в XVII веке, случилось однажды остановиться в деревенском чайном домике. Выпив чашку чая, он долго рассматривал чашку и, заплатив за нее, унес с собой. Местный ценитель искусства, увидев это, подождал, пока Фушимия выйдет, затем подошел к старушке — хозяйке домика и осведомился у нее, кто это был. Она рассказала, что их посетил самый знаменитый в Японии знаток, антиквар, поставщик самого даймё (владетельного князя) Изумо.

Ценитель выскочил на улицу, догнал антиквара и стал умолять продать ему чашку — он решил, что, если такой знаток купил ее, значит, вещь, должно быть, очень хороша. Фушимия от всего сердца рассмеялся. «Это самая обычная, заурядная чашка, — объяснил он, — никакой ценности она не имеет. Причина, по которой я проявил к ней интерес, в том, что мне показалось, будто пар поднимается из нее как-то странно, и я захотел проверить, не подтекает ли она». (Приверженцы чайной церемонии проявляли интерес к любой необычной детали или случайному проявлению естественной красоты.) Поскольку было видно, что ценитель по-прежнему очень хочет ее получить, Фушимия подарил ему чашку.

Счастливый обладатель чашки показывал ее разным людям, стараясь найти эксперта, который бы высоко оценил ее, но все сходились на том, что это самое обыкновенное, ничем не примечательное изделие, так что он ничего не добился. Вскоре он забросил собственное дело, думая только о чашке и о том состоянии,

которое она может ему принести. Наконец он добрался до Эдо и посетил Фушимию в его лавке. Антиквар увидел, что, сам того не желая, доставил этому человеку неприятные минуты из-за того, что тот поверил, будто чашка имеет какую-то ценность. Чтобы исправить свою оплошность, он любезно выкупил чашку за 100 рио (золотых слитков). Чашка и в самом деле была самая простая, но ему хотелось освободить провинциала от навязчивой идеи и в то же время позволить ему поверить, что все его усилия не были бесполезны. Тот поблагодарил и удалился довольный.

Слух о приобретенной Фушимией чашке разошелся среди его коллег. Все, кто что-то в этом понимал, считали, что если такой знаток выложил за нее сто рио, то ее истинная цена, скорее всего, намного выше. Он пытался рассказать о стечении обстоятельств, из-за которых ему пришлось купить чашку, но антиквары не поверили. Дело кончилось тем, что Фушимия сдался и, уступив уговорам, выставил чашку на продажу.

На аукционе два покупателя одновременно предложили за нее 200 рио и начали спорить о том, кто предложил раньше. Спор перешел в драку, во время которой чашку смахнули со стола, и, упав, она разлетелась на мелкие осколки. Аукцион пришлось остановить. Фушимия собрал осколки и склеил чашку, а потом убрал ее, считая дело законченным. Однако по прошествии нескольких лет его магазин навестил великий мастер чайной церемонии Мацудаира Фумаи. Он попросил антиквара показать ему чашку, которая уже стала легендарной. Фумаи внимательно осмотрел ее. «Она действительно не представляет собой ничего особенного, — промолвил он, — но Чайный Мастер ценит чувства и ассоциации выше товарной стоимости». Он купил чашку, заплатив за нее большую сумму. Так склеенная из кусочков обыкновенная чашка работы никому не известного ремесленника стала одним из самых известных предметов искусства в Японии.

Толкование

История, во-первых, иллюстрирует важную характеристику денег: именно люди создали их и именно люди наполняют их значением и придают им ценность. Во-вторых, то, что придворный ценит больше всего, как в вещах, так и в деньгах, — это эмоции и чувства, связанные с ними. Только это придает вещам и деньгам цену и именно это заставляет нас желать обладать ими. Урок прост: чем в большей степени ваши подарки и ваши проявления щедрости и великодушия воздействуют на чувства, тем они могущественнее. Предмет или слово, вызывающие на определенные эмоции или задевающие чувствительные струны, будут более действенны, чем деньги, которые вы тратите на дорогой, но безжизненный подарок.

Рыба в подарок

Кун Иси, первый министр Лю, очень любил рыбу. Поэтому люди, являвшиеся к нему с прошениями, постоянно покупали рыбу, чтобы преподнести ему в подарок. Однако Кун не принимал подарков. Удивленный этим, его младший брат спросил: «Ты ведь так любишь рыбу. Почему же ты отказываешься от рыбы, когда тебе хотят ее подарить?» В ответ Кун сказал: «Именно потому, что я так сильно люблю рыбу, я и отказываюсь от этих даров. Ведь, приняв такой подарок, я почувствую себя обязанным. Если же я буду кому-то обязанным, то буду очень скоро вынужден преступить закон. Если я преступлю закон, то меня отстранят от должности, которую я занимаю. Оставшись не у дел, я не буду в состоянии прокормить себя и уж подавно обеспечить себя любимым лакомством — рыбой. И наоборот, если я не приму рыбу от просителей, то меня не отстранят от должности, и я смогу сам себе купить столько рыбы, сколько пожелаю».

Хань Фэй

Соблюдение закона (6)

Акимото Сузумото, богатый любитель чайной церемонии, однажды дал своему слуге 100 рио и велел купить чашу, которую предлагал один торговец. Когда слуга увидел чашу, он засомневался в том, что она стоит таких денег, и, поторговавшись, сбил цену до 95 рио. Спустя

несколько дней, когда Сузумото уже начал пользоваться чашей, слуга с гордостью рассказал ему об удачной сделке.

«Какой же ты невежда! — воскликнул Сузумото.— Чайная чаша, за которую просят 100 рио, не может быть ничем другим, как семейной реликвией. Это вещь, которую могут продать лишь тогда, когда семья попала в крайне стесненные обстоятельства. И как же несчастные надеются в этом случае, что кто-то вдруг заплатит за нее побольше — хотя бы 150 рио. Так кем же надо быть, чтобы не проникнуться состраданием к их чувствам? Кроме того, старинную вещицу, за которую ты отдал 100 рио, не стыдно держать у себя, но та, что стоит всего 95, производит плохое впечатление. Поэтому убери с моих глаз эту чашу, чтобы я больше никогда ее не видел!». И он велел запереть чашу и никогда не пользовался ею.

Толкование

Когда вы торгуетесь, сбивая цену, то порой удается выгадать пяток рио, но нанесенная при этом обида и впечатление охотника за дешевкой, которое вы произведете, может стоить вам репутации — а это та ценность, которую превыше всех других ценят сильные мира сего. Научитесь платить сполна — это, оказывается, более выгодно.

Соблюдение закона (7)

Примерно в середине XVII века в Японии группа военачальников коротала время перед важным сражением. Для развлечения они устроили соревнование. Каждый участник вносил какой-либо приз для награждения победителей — книги, стрелы, седла и оружие.

Случилось так, что там оказался великий даймё Дате Масамуне, и его уговорили принять участие. В качестве приза он предложил сосуд из тыквы, свисавший с его пояса. Все смеялись, никому не хотелось выиграть такую дешевую вещицу. В конце концов тыкву получил слуга хозяина.

Однако, когда вечер закончился и военачальники беседовали, выйдя из шатра, Масамуне подвел к ним великолепного скакуна и вручил его слуге. «Это, — пояснил он, — конь, который вышел из тыквы». Ошеломленные военачальники невольно пожалели, что пренебрегли даром Масамуне.

Я отбирал деньги только у тех, у кого их было достаточно и кто охотно соглашался на предлагаемые мной авантюры, целью которых было якобы околпачивание других людей. Они стремились к деньгам ради самих денег.

Я же — ради роскоши и удовольствий, которые деньги могли мне дать. Они редко принимали в расчет особенности человеческой природы. Они ничего не знали — и еще меньше заботились — о своих партнерах. Если бы они проявляли больше интереса к человеческой натуре, если бы больше внимания уделяли общению со своими собратьями и меньше думали о погоне за его величеством долларом, то и сами не стали бы такими легкими мишенями.

Желтый Малыш Вейл

Толкование

Масамуне понимал следующее: деньги дают их обладателям возможность доставлять радость окружающим.

Чем чаще вы это делаете, тем большее восхищение вызываете. Если вам удается сделать так, что из тыквы появляется конь, то тем самым вы демонстрируете свою власть.

Образ: река.

Чтобы защитить себя или удержать воду, вы запруживаете ее. Скоро, однако, ее воды становятся зловонными и тлетворными. Только самые отвратительные формы жизни могут выжить в этих стоячих водах, ничто не может плыть по ним, прекращаются путешествия, останавливается торговля. Сломайте плотину. Когда вода течет и движется, она приносит изобилие, богатство и власть. На реке время от времени бывают паводки, приносящие процветание и добро.

Авторитетное мнение

«Великий человек, если он скуп, — глупец, а для человека с высоким положением нет порока более страшного, чем алчность. Скупец не завоюет ни земель, ни власти, ибо у него мало друзей, которые помогли бы ему в исполнении его воли. Тому, кто хочет иметь

друзей, не следует дорожить своим имуществом превыше всего, но нужно приобретать дружбу посредством щедрых даров. Ибо как магнит мощно притягивает к себе железо, так золото и серебро, которые человек дарит, притягивают к нему сердца людей».

Из «Романа о Розе» Гийома де Лорриса, 1200–1238

Оборотная сторона

Люди сильные не должны забывать: то, что достается даром, как правило, оказывается впоследствии подвохом. Друзья, которые предлагают услуги, не требуя за них платы, позже захотят от вас такого, что дороже денег, которые вы могли бы им заплатить. В сделках есть свои проблемы, не только материальные, но и психологические. Поэтому научитесь платить за услуги, и платить не скупясь.

Однако этот же закон, но примененный как бы с противоположной стороны, предоставляет широкие возможности для обманов и надувательств всех мастей. Соблазнять людей бесплатным обедом — излюбленная тактика мошенников.

Никто не умел пользоваться им лучше, чем уже известный нам Джозеф Вейл, он же Желтый Малыш, крупнейший аферист века. Он рано научился тому, что легко надувать людей, играя на их естественной жадности. «Это желание получить хоть что-нибудь задарма, — написал он однажды, — дорого обходится людям, которые имеют дело со мной и подобными мне... Когда люди будут понимать (хоть я и сомневаюсь, что это когда-нибудь случится), что даром они не могут получить ничего стоящего, количество преступлений снизится и человечество будет жить в гармонии».

За многие годы Вейл разработал множество способов того, как обманывать людей, соблазняя их шальными деньгами. Он «бесплатно» распределял недвижимость — соблазн, которому трудно противиться. Простаки должны были заплатить только по 25 долларов за оформление бумаг. Поскольку земля была бесплатной, высокий взнос казался оправданным, и люди охотно шли на это, так что Вейл сделал тысячи долларов на регистрации поддельных документов. В обмен на настоящие деньги он выдавал своим «клиентам» фальшивый акт о приобретении земель. В другой раз он сообщал жертвам о скачках с заранее известным результатом или об акциях, приносящих 200

процентов дохода за полмесяца. Всякий раз он видел расширенные глаза простаков, мечтающих о бесплатном обеде.

Урок несложен: обман легко удается, если вы подкрепляете его обещанием легкой поживы. Люди в большинстве своем ленивы и мечтают, чтобы богатство упало им в руки с небес. За небольшое вознаграждение продайте им совет, как без труда заработать миллион (П. Т. Барнум занимался этим на склоне лет), и это небольшое вознаграждение превратится в целое состояние, когда вы умножите его на тысячи простаков. Маните людей перспективой халявы — и вы добьетесь от них всего, ибо жадность достаточно могущественна, чтобы ваши жертвы в ослеплении закрыли глаза на что угодно. А как говаривал Желтый Малыш, половина удовольствия состоит в том, чтобы преподать людям нравственный урок: жадность не окупается.

Закон 41. Старайся не идти следом за великими

Формулировка закона

То, что случается вначале, всегда кажется лучше и оригинальнее того, что происходит потом. Если вы преемник великого человека или ребенок знаменитых родителей, то, чтобы превзойти их, вам придется не просто повторить, но удвоить их достижения. Не теряйтесь в их тени — застрянете в чужом прошлом. Вы сможете создать собственные имя и личность, если измените курс. Откажитесь от властного отца, заклеймите его наследие и добейтесь власти, засияв собственным, а не отраженным светом.

Нарушение закона

Когда в 1715 году после пятидесятипятилетнего блестящего царствования скончался Людовик XIV, все взоры устремились на его правнука и избранного преемника, будущего Людовика XV. Станет ли когда-нибудь пятилетний мальчик таким же великим правителем страны, каким был Король-Солнце? Людовик XIV превратил страну, балансировавшую на грани гражданской войны, в процветающее государство, одно из самых могущественных в Европе. Последние годы его правления были трудны для него — король постарел и устал, но он надеялся, что дитя разовьется в сильного монарха, который снова укрепит страну и продолжит дело, начатое его прадедом.

Поэтому в качестве наставников для царственного дитяти были приглашены лучшие умы Франции. Они должны были обучить его искусству управлять государством, методам, в которых Людовик XIV достиг совершенства. Ничто не было упущено в его образовании. Но когда в 1726 году Людовик XV взошел на престол, с ним произошла внезапная перемена: ему больше не нужно было учиться, угождать старшим, самоутверждаться. Он оказался стоящим во главе великой державы, все богатства и власть в которой принадлежали только ему. Он мог делать что пожелает.

Первые годы своего царствования, когда регентство закончилось, Людовик XV посвятил удовольствиям, предоставив управлять государством своему доверенному лицу Андре-Эркюлю де Флери. Это не вызвало большой тревоги, ведь он был так молод, ему нужно было

повеселиться и пошуметь, а Флери был хорошим министром. Но мало-помалу становилось ясно, что этот период грозит затянуться. Людовика не интересовали государственные дела. Его не беспокоило финансовое положение Франции или возможность войны с Испанией, главной заботой его были развлечения. Он не выносил скуку и постоянно искал способы ее развеять. Если он не охотился на оленей и не преследовал юных красавиц, то проводил время за карточным столом, просаживая огромные суммы за одну ночь.

Двор, как водится, был отражением вкусов государя: карточная игра и пышные увеселения стали привычным времяпрепровождением. Придворные не утруждали себя раздумьями о судьбах Франции — они старались произвести наилучшее впечатление на короля, добивались титулов, которые бы гарантировали им пожизненное обеспечение, и синекуры с высоким жалованьем за минимум работы. Паразиты стекались ко двору, долги государства росли.

В 1745 году Людовик полюбил мадам де Помпадур, женщину недворянского происхождения, которой удалось возвыситься благодаря красоте и обаянию, незаурядному уму и удачному замужеству. Став официальной фавориткой короля, мадам де Помпадур сделалась законодательницей мод и арбитром вкуса для всей Франции. Но у мадам имелись и политические амбиции, и в конце концов она возвысилась до положения неофициального премьер-министра — именно она, а не Людовик, решала проблемы формирования кабинета, по своему усмотрению освобождая и назначая министров даже на самые важные, ключевые посты.

Становясь старше, Людовик лишь требовал большего разнообразия в развлечениях. В Версале был построен бордель, Парк-о-Серф, куда свозили прелестных девиц со всей Франции. Подземные ходы и тайные галереи давали Людовику доступ туда в любое время. После смерти мадам де Помпадур, наступившей в 1764 году, ее преемницей стала фаворитка короля мадам Дюбари, которая очень скоро прибрала к рукам двор, а затем, идя по стопам мадам Помпадур, стала вмешиваться и в государственные дела. Если тот или иной министр чем-то не угождал ей, его тут же увольняли. Вся Европа была поражена, когда Дюбари, дочке кондитера, удалось добиться отставки Этьена де Шуазеля, министра иностранных дел и выдающегося французского дипломата, он был недостаточно почтителен с ней.

Время шло, шарлатаны и пройдохи свили гнезда в Версале, играя на интересе Людовика к астрологии, оккультизму и финансовым махинациям. Некогда ставший королем незрелый и изнеженный подросток, он с годами сделался еще хуже.

Девизом правления Людовика XV стала знаменитая фраза: «Apres moi, le deluge» — «После меня хоть потоп», или, иными словами, пусть Франция пропадает пропадом, меня к тому времени уже не будет. И действительно, ко времени, когда Людовика не стало (он скончался в 1774 году), его страна, да и его собственные финансовые дела были в совершенном упадке. Его внук Людовик XVI взошел на престол в королевстве, которое отчаянно нуждалось в преобразованиях и сильном руководстве. К несчастью для страны, новый король был даже слабее, чем его дед; он мог лишь беспомощно наблюдать, как страна скатывается к бунту. В 1792 году Великая французская революция провозгласила республику и конец монархии, и Людовик XVI был наречен Людовиком Последним. Спустя несколько месяцев он был гильотинирован, и корона Франции потускнела, утратив весь блеск, который когда-то придал ей Король-Солнце.

Из «Карманного зеркала для героев»

Многие могли бы воссиять, подобно фениксу, в своем деле, если бы другие им не предшествовали. Быть первым — великое преимущество, известность его удваивает... Те, кто идет первым, добиваются славы по праву первородства; те же, кто следует за ними, подобно младшим сыновьям, вынуждены довольствоваться скудным уделом... Соломон мудро выбрал миролюбие, отказавшись от воинственности и мести по отношению к своему отцу. Изменив курс, он решил, что проще стать героем... А наш великий Филипп II правил всем миром с престола своего благоразумия, поражая народы в веках. Если его непобедимый отец был образцом энергии, Филипп стал парадигмой благоразумия... Подобное новаторство помогло руководимому мудрыми советниками завоевать место в свитке великих. Не бросая собственного искусства, гениальные уходят с проторенной тропы и прокладывают, даже в профессиях старых как мир, шаги наверх, к славе. Гораций оставил эпическую поэзию Вергилию, как Марциал уступил лирику Горацию. Теренций избрал комедию, Персий — сатиру, каждый из них рассчитывал стать первым

в своем жанре. Смелое дарование никогда не пойдет на подражание ради легкой победы.

Бальтазар Грациан

Толкование

Из страны, в которой в конце 1640-х бушевала разрушительная гражданская война, Людовику XIV удалось создать могущественнейшее государство в Европе. Великие полководцы трепетали в его присутствии. Повар, допустив однажды ошибку в рецепте, готовя блюдо, покончил с собой, предпочтя смерть гневу государя. У Людовика XIV было много фавориток, но их власть не простиралась дальше спальни. Он собрал у себя при дворе наиболее блестящие умы своего времени. Символом его мощи стал Версаль: отказавшись от дворца предков, Лувра, он выстроил свой собственный дворец на совершенно новом месте. Это послужило символом нового, беспрецедентного порядка, основанного Людовиком XIV. Он сделал Версаль центром мироздания, осью, вокруг которой вращалась не только Франция, но и вся Европа, местом, которое посещали с чувством благоговения. Одним словом, Людовик заполнил зияющую пустоту — разлагающийся институт французской монархии — собственной символикой и сильной, лучащейся властью.

Людовик XV же символизирует роковой удел тех, кто наследует что-то великое или идет следом за великим человеком. Может показаться, что для сына такого деятеля естественно продолжить возводить величественное здание на фундаменте, заложенном отцом. Однако в ведомстве власти все получается наоборот. Изнеженный сын, стремящийся к удовольствиям, — вот тот наследник, который, как правило, сменяет великого отца. Ему совершенно несвойственна, даже чужда тяга отца к заполнению пустоты.

Согласно Макиавелли, настоятельная потребность есть то, что подвигает людей к действию, в отсутствие же таковой остаются лишь упадок и разложение. Не имея нужды в усилении и укреплении своей власти, Людовик XV неизбежно скатился к застою. В его правление Версаль, символ величия Короля-Солнца, стал банальнейшим местом увеселений и наслаждений, чем-то вроде Лас-Вегаса монархии Бурбонов. Версаль теперь олицетворял все то, что было ненавистно

в короле обнищавшему народу Франции, и во время революции дворец был разграблен ликующими повстанцами.

У Людовика XV, потомка великого Короля-Солнца, был единственный способ избежать западни собственного прошлого: психологически начать с нуля, сознательно не вспоминать о прошлых поколениях и о своей родословной, начать движение в другом направлении, создавая свой собственный мир. Если у вас есть выбор, лучше постараться вообще избежать подобной ситуации, обратиться туда, где есть вакуум, недостаток власти, где вы сможете навести свой порядок, не будучи вынужденным играть роль второго светила в небесах. Власть зависит от того, удается ли ее обладателю казаться сильнее, масштабнее окружающих. Если же вы будете теряться в тени отца, короля, великого предка — вам никогда не удастся добиться этого.

Но так как со временем государственная власть из выборной превратилась в наследственную, то новые, наследственные, государи изрядно выродились по сравнению с прежними. Не помышляя о доблестных деяниях, они заботились только о том, как бы им превзойти остальных в роскоши, сладострастии и всякого рода разврате.

Никколо Макиавелли

Соблюдение закона

Юность Александра Великого была отмечена сильным чувством, которому он отдавался со страстью, — сильнейшая неприязнь к отцу, царю Македонии Филиппу. Ему претили хитрость Филиппа, осторожный стиль его правления, напыщенные речи, пьянство и разгул, которому тот предавался, его увлечение борьбой и прочими способами убивать время. Александр знал, что ему необходимо стать полной противоположностью отцу: он вырабатывал решительность и храбрость, учился сдержанности в разговоре и немногословию, не терял драгоценного времени на удовольствия, которые не могли принести славы. Александра возмущало и то, что Филипп завоевал значительную часть Греции. «Мой отец будет продолжать захватывать

земли до тех пор, пока совсем не лишит меня возможности совершить что-то великое», — пожаловался он однажды. В то время как другие сыновья сильных мира сего радовались унаследованному богатству и жили в свое удовольствие, Александр хотел одного — превзойти отца, стереть имя Филиппа в истории, перечеркнуть своими победами его достижения.

Александру не терпелось показать окружающим, насколько он превосходит отца. Однажды торговец лошадьми Фессалиан привел великолепного коня по имени Буцефал, которого хотел продать Филиппу. Ни один из конюших царя не смог подойти к коню, и Филипп стал отчитывать торговца за то, что тот привел такого дикого и свирепого зверя. Видя это, Александр нахмурился и проговорил: «Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его». Он повторил это несколько раз, так что Филипп, которому он этим досадил, с вызовом предложил ему самому попробовать справиться с конем. Он приказал вернуть торговца и коня, втайне надеясь, что его сын свалится и получит горький урок. Но Александр не получил, а преподал урок: он не только оседлал Буцефала, но и сумел, пустив его вскачь, усмирить коня, с которым впоследствии не расставался, проделав на нем весь путь до Индии. Придворные бурно выражали свое восхищение; что же до Филиппа, то он в душе был объят тревогой, видя в Александре не сына, а соперника, претендующего на его власть.

Жизнь Перикла

В молодости Перикл очень боялся народа: он казался похожим на тирана Писистрата, его приятный голос, легкость и быстрота языка в разговоре этим сходством наводили страх на очень старых людей. А так как он владел богатством, происходил из знатного рода, имел влиятельных друзей, то боялся остракизма и потому не занимался общественными делами, но в походах был храбр и искал опасностей. Когда же Аристид умер, Фемистокл был в изгнании, а Кимона походы удерживали по большей части вне Эллады, тогда Перикл с жаром принялся за политическую деятельность. Он стал на сторону демократии и бедных, а не на сторону богатых и аристократов — вопреки своим природным наклонностям, совершенно не демократическим. По-видимому, он боялся, как бы его

не заподозрили в стремлении к тирании, а кроме того, видел, что Кимон стоит на стороне аристократов и чрезвычайно любим ими. Поэтому он и заручился расположением народа, чтобы обеспечить себе безопасность и приобрести силу для борьбы с Кимоном. Сейчас же после этого Перикл переменил и весь свой образ жизни. В городе его видели идущим лишь по одной дороге — на площадь и в Совет.

Плутарх. Из «Жизнеописания Перикла»

Неприятие Александром отца становилось все сильнее. Однажды, когда они сильно повздорили в присутствии придворных, Филипп выхватил меч, словно хотел ударить сына. Однако король выпил слишком много вина, оступился и упал. Александр, указав на отца, воскликнул: «Народ Македонии, смотри! Это человек, который готовится совершить переход из Европы в Азию. Да ведь он не может перейти от одного ложа к другому, чтобы не упасть».

Когда Александру было восемнадцать, Филиппа убил рассерженный на него придворный. По мере того как молва о цареубийстве распространялась по Греции, город за городом восставал против своих македонских наместников. Советники Филиппа рекомендовали Александру, ставшему царем, соблюдать осторожность, как сделал бы Филипп, и добиться победы коварством и хитростью. Но для Александра это было неприемлемо: он прошел с армией по всей стране до ее самых отдаленных уголков, подавляя восстания и заново сплачивая империю силой и натиском.

Часто случается, что, когда юный мятежник подрастает, его антагонизм по отношению к отцу постепенно идет на спад. Тогда он мало-помалу превращается в копию того самого человека, который его так возмущал. Но для Александра соперничество не потеряло остроту даже после смерти Филиппа. Объединив Грецию, он задумал покорить Персию, цель, которая не покорилась его отцу, мечтавшему о завоевании Азии. Победив Персию — Александр смог бы наконец считать, что превзошел Филиппа доблестью и славой.

Александр пересек Азию с 35-тысячной армией, чтобы встретиться с персидскими войсками, численность которых превышала миллион. Прежде чем вступить в сражение с персами, Александр проходил черед город Гордий. Здесь, в главном храме города, стояла древняя колесница, опутанная веревками, сделанными из прочнейшей коры

кизила. Легенда гласила, что тот, кто сможет распутать веревки — гордиев узел, станет править миром. Многие пытались справиться с этой задачей, но узел никому не поддавался. Александр, видя, что голыми руками веревки не распутать, выхватил меч и одним ударом рассек узел надвое. Этот символический жест показал миру, что перед ним не обычный человек, который не идет по проторенной дороге, а прокладывает свой путь.

Вопреки очевидному неравенству сил Александр одержал победу над персами. Все ждали, что на этом он остановится, — это был великий триумф, достаточный, чтобы имя прославилось в веках. Но Александр так же относился к собственным достижениям, как к своему отцу: завоевание Персии было в прошлом, а он не собирался почивать на лаврах прежних заслуг и не хотел позволить прошлому затмить настоящее. Он двинулся на завоевание Индии, чтобы расширить свою империю до пределов известного тогда мира. Только возмущение и безмерная усталость его солдат заставили его отказаться от намерения двигаться еще дальше.

Толкование

Александр представляет экстремальный, необычный тип в истории человечества — сын знаменитого и преуспевающего человека, превзошедшего отца в славе и могуществе. Причина того, почему этот тип встречается редко, проста: отцу, как правило, удается приобрести богатство, достичь славы, построить свое царство потому, что он начинает на пустом месте, с малого. Огромная жажда деятельности и энергия ведут его к успеху — ему нечего терять из-за собственной пылкости или чужого коварства. За его спиной нет собственного знаменитого отца, которому необходимо что-то доказывать. У людей этого типа имеются все основания верить в себя — верить, что они все делают лучше других, потому что в итоге они добиваются успеха.

Подобный человек подавляет сына, навязывает ему свои уроки, но сын начинает жизнь в совершенно другой ситуации и при иных обстоятельствах. Вместо того чтобы позволить сыну идти в другом направлении, отец пытается заставить его идти по своим стопам, возможно надеясь втайне, что тот провалится (как Филипп в глубине души желал, чтобы Буцефал сбросил Александра). Отцы порой завидуют сыновьям, их молодости и энергии, и желают, хоть порой

и неосознанно, руководить и властвовать. Сыновья таких мужчин часто бывают осторожными и пугливыми, боясь потерять то, чего добились отцы.

Сын никогда не выйдет из тени своего отца, если не осмелится применить агрессивную стратегию Александра Македонского: поправ прошлое, создать собственное царство, отодвинуть отца в тень, вместо того чтобы подчиниться и позволить ему проделать это с собой. Если вы не можете начать с нуля в материальном смысле — было бы глупо отказываться от унаследованного, — можете, по крайней мере, начать с нуля психологически, отбросив вес прошлого и избрав новое направление. Александр инстинктивно почувствовал, что привилегии рождения губительны для власти.

Будьте поэтому безжалостны к прошлому — не только проститесь с отцом и отцом отца, но и не держитесь за собственные достижения. Только слабый почивает на лаврах и живет памятью о былых заслугах. В игре власти нет времени для отдыха.

Жизнь Пьетро Перуджино, живописца (1450—1523)

Сколь благотворной может быть порою бедность для людей одаренных и сколь мощным побудительным стимулом может она служить им для достижения совершенства в избранном ремесле, каким бы оно ни было, можно видеть очень ясно на примере жизни Пьетро Перуджино. Желая с помощью своих природных способностей достичь определенного достойного положения, он оставил Перуджу, где влачил жизнь, полную бедствий и невзгод, и перебрался во Флоренцию. Но и там многие месяцы оставался беден, спал на сундуке за неимением иного ложа. Он обратил ночь в день и с великим рвением постигал секреты своей профессии. Живопись стала для Пьетро второй натурой, и его единственным удовольствием всегда оставалась работа, так что он постоянно оттачивал свое мастерство. А поскольку угроза нищеты не переставала маячить перед ним, он ради заработка брался за такие вещи, которыми в противном случае не стал бы себя утруждать, если бы не должен был постоянно заботиться о пропитании.

Возможно, богатство закрыло бы перед ним и его дарованием путь к постоянному совершенствованию, тогда как бедность открыла этот путь, но нужда подстегивала его, так как он страстно желал подняться

из своего низкого и жалкого положения — и если не вознестись к самым вершинам великолепия и совершенства, то, по крайней мере, обеспечить себе достойное существование. По этой причине, невзирая на холод, голод, неудобства и затруднения, тяготы и невзгоды, он радовался каждому дню, который приносил отдых и передышку. Он всегда повторял, словно это была пословица, что на смену скверной погоде обязательно приходит хорошая и что, пользуясь хорошей погодой, следует возводить дома, чтобы обеспечить кров и убежище на тяжелые времена.

Из «Жизнеописаний художников» Джорджо Вазари, 1511–1574

Ключи к власти

В некоторых древних государствах, например в Бенгалии и на Суматре, если правитель находился у власти слишком долго, подчиненные казнили его. Это отчасти представляло собой ритуал обновления, но также имело целью не допустить, чтобы могущество правителя превысило некий предел, ибо правитель мог сделать попытку нарушить существующий уклад в ущерб другим родам и своим собственным детям. Вместо того чтобы защищать народ, принимая на себя руководство в случае войн, он решал подчинить его себе, захватить власть в более полном объеме. В этом случае он подлежал избиению до смерти или ритуальному убийству. Теперь, когда его не было рядом, ничто не препятствовало возносить ему почести, поклоняться как божеству. Тем временем поле деятельности оказывалось расчищенным для обновленного порядка, который можно было беспрепятственно устанавливать.

Прошлое мешает юному герою строить собственный мир — он должен следовать по пути своего отца, даже если отец умер или не имеет власти. Герою приходится кланяться перед своим предшественником, склоняться перед традицией и опытом. То, что имело успех в прошлом, заставляет повторять в настоящем, даже если обстоятельства коренным образом переменились. Кроме прошлого героя тянет вниз еще и наследство, которое он боится потерять, и страх делает его осторожным и скованным.

Власть зависит от способности заполнить пустоту, засеять поле, расчищенное от мертвого груза прошлого. Только после того, как

фигура отца устранена, перед вами возникает чистое пространство, пригодное для возведения зданий и установления нового порядка. Есть много разных стратегий, позволяющих добиться этого, — вариации ритуального убийства вождя, которые маскируют неистовый порыв, облекая его в социально приемлемые формы.

Возможно, самый безобидный и простой способ справиться с тенями прошлого — умалить их значение, играя на извечном антагонизме поколений и настраивая молодое против старого. Для этого требуется подходящая фигура из старого времени, которую можно было бы пригвоздить к позорному столбу. Мао Цзэдун, восставший против древней китайской культуры, яростно сопротивлявшейся переменам, сыграл на скрытом общественном недовольстве насильственным насаждением в стране древнего учения Конфуция. Джон Ф. Кеннеди знал, как опасно увязнуть в прошлом. Он стал принципиально другим президентом по сравнению со своим предшественником Дуайтом Д. Эйзенхауэром и тем самым дистанцировался и от целой эпохи 1950-х годов, олицетворением которой являлся Эйзенхауэр. Кеннеди, например, не играл в гольф — традиционную и не слишком интеллектуальную игру, символ привилегий и старости, страстное увлечение Эйзенхауэра. Вместо этого он выбрал игру в американский футбол на газоне Белого дома. Во всех своих проявлениях администрация нового президента демонстрировала молодость и напор в противовес обстоятельности Эйзенхауэра. Кеннеди открыл для себя старую истину: молодежь легко восстает против старого уклада, стремясь занять собственное место в мире и освободиться от теней отцов.

Дистанция, которой вы хотите отделить себя от предшественника, часто требует создания некоей символики как способа заявить о себе во всеуслышание. Например, Людовик XIV сделал такой символичный жест, отказавшись занять традиционную резиденцию французских королей и построив собственный дворец в Версале. Король Испании Филипп II построил свой центр власти, дворец Эскуриал, и подоплека этого была совершенно та же. Но Людовик пошел дальше: он не пожелал быть таким же королем, как его отец или более ранние предки. Он не носил корону, не восседал на троне со скипетром в руке — он разработал свои собственные новые ритуалы и символы, утверждавшие его королевское величие. Людовик отнесся к ритуалам

предшественников как к вызывающим снисходительную улыбку древностям. Следуйте его примеру: не будьте рабами опыта предшественников. В этом случае вам их никогда не перегнать. Вы должны продемонстрировать свое отличие наглядно, выработав оригинальный стиль и символику.

Римский император Август, преемник Юлия Цезаря, понимал это очень хорошо. Цезарь был великим полководцем, общественным деятелем, человеком, вся жизнь которого являла что-то вроде ослепительного театрального спектакля, публика следила за ним затаив дыхание. Достаточно вспомнить хотя бы его отношения с Клеопатрой. Поэтому Август, несмотря на свою собственную любовь к театральным эффектам, решил соперничать с памятью Цезаря иначе, стараясь не превзойти его, а подчеркнуть различия между ним и собой: он заложил основание своей власти на возврате к римской простоте, суровости и аскетизму как во внешних проявлениях, так и по существу.

Предшественника сложно превзойти. Проблема заключается в том, что он заслоняет собой перспективу, отгораживая вас словно ширмой символами прошлого. У вас нет пространства, необходимого для создания собственного имени. Чтобы справиться с подобной ситуацией, вам нужно разыскать пустующие места — те области культуры, которые остались вакантными и в которых вы можете сделаться первой, принципиальной фигурой и заблистать в полную силу.

Когда афинянин Перикл собирался начать карьеру государственного деятеля, он обнаружил в политике Афин существенный пробел. Большинство афинских политиков его времени заручались поддержкой аристократии. Сам Перикл также тяготел к аристократам. И все же он решил использовать в своей политической игре простой народ. Его выбор не имел ничего общего с его личными симпатиями, но открывал путь к блестящей карьере. Исходя из этого, Перикл стал человеком народа. Вместо того чтобы соперничать с великими вождями прошлого и настоящего, он сделал себе имя в той области, где его не заслоняла ни одна тень.

Когда живописец Диего Веласкес начинал свою карьеру, он понимал, что не сможет сравниться с великими мастерами Возрождения, творившими до него и достигшими высот техники

и утонченности. Он предпочел работать в стиле, по стандартам того времени казавшемся грубым и небрежным. В этом стиле он преуспел. При дворе испанского короля были люди, которые, в свою очередь, хотели продемонстрировать свой разрыв с прошлым, новизна стиля Веласкеса привела их в восторг. Большинству представлялось слишком рискованным так резко порывать с традициями, но и они втайне восхищались теми, у кого доставало смелости разбить старые формы и вдохнуть новую жизнь в культуру. Вот почему можно достигнуть огромной власти, вступая на целину и заполняя пустоту.

Есть какое-то тупое упорство в желании повернуть историю вспять, и это большое препятствие на пути к власти: вера, а точнее, суеверие, что если кто-то до вас добился успеха, проделав операции А, Б и В, то вы сможете повторить его успех, сделав то же. Этот подход, механистичный, словно рецепт печенья, соблазнителен для нетворческих людей как самый простой и удобный из-за их лени и скованности. Но вот беда: обстоятельства и ситуации никогда не повторяются без изменений.

Когда во время Второй мировой войны генерал Дуглас Макартур принял командование над американскими вооруженными силами на Филиппинах, адъютант вручил ему книгу. В ней описывались различные прецеденты, имевшие место при предшествующих командующих, и рассказывалось, как именно они выходили из затруднительных положений. Макартур спросил, в скольких экземплярах существует книга. В шести, ответил адъютант. «Хорошо, — сказал генерал, — соберите все экземпляры и сожгите. Я не связан прецедентами. Всякий раз, как возникнет проблема, я собираюсь принимать решение заново — и немедленно». Примите этот подход к прошлому за образец: сожгите все книги — и учитесь самостоятельно искать пути решения проблем по мере того, как они возникают.

Вы можете верить, что отделили себя от предков или от фигуры отца, но, становясь старше, вы должны быть постоянно начеку, помня, что, когда вы в свою очередь станете отцом, бунт могут поднять против вас. В молодости Мао Цзэдун не ладил с отцом, и стычки с ним помогли юноше проявить свою индивидуальность и обрести новые ценности. Но со временем этот антагонизм понемногу стирался. Отец Мао считал физический труд более важным, чем умственный.

В юности Мао возмущали подобные взгляды, но, став старше, он исподволь приблизился к взглядам своего отца и принял их. Эти идеи отдались мощным эхом, когда Мао принудил целое поколение китайской интеллигенции заниматься ручным трудом — кошмарная ошибка, которая дорого обошлась его режиму. Помните: призрак вашего отца — в вас самих. Не позволяйте себе потратить годы, создавая себя только для того, чтобы потом ослабить бдительность и позволить призракам прошлого — отцу, привычке, истории — украдкой вернуться и снова занять свое место.

Наконец, последнее: как следует из истории Людовика XV, изобилие и процветание делают нас ленивыми и пассивными — когда наше положение обеспечивает нам безопасность и власть, то у нас нет стимула действовать. Это серьезная опасность, особенно для тех, кто достигает успеха и власти в раннем возрасте. Драматург Теннесси Уильямс, например, рано стал знаменитым. Его слава была внезапной, как ракета в темноте, благодаря успеху пьесы «Стеклянный зверинец». «Та жизнь, которую я вел до этого неожиданного успеха, — писал он позднее, — требовала самоограничений, в той жизни приходилось трепыхаться изо всех сил, чтобы свести концы с концами, но это была хорошая жизнь, потому что именно к такой приспособлен организм человека. Я не замечал, как много жизненной энергии уходило на эту борьбу, пока эта борьба не ушла в прошлое. Я обрел наконец уверенность в завтрашнем дне. Я сел, посмотрел вокруг, и мне вдруг стало очень грустно». Уильямс перенес потрясение, которое, возможно, было ему необходимо: оказавшись в результате в состоянии депрессии, на грани психологического срыва, он снова собрался с силами и смог писать. На свет появился «Трамвай „Желание“».

Ни к чему впадать в подобную крайность, лучше быть психологически готовым начать все сначала, чем заплывать жирком в лени и благополучии. Пабло Пикассо знавал успех, но постоянно изменял стиль своего творчества, порой полностью отказываясь именно от того, что принесло ему признание. Как часто наши ранние победы превращают нас затем в карикатуру на самих себя. Сильные люди распознают подобные ловушки: подобно Александру Великому, они находятся в постоянном движении, в борьбе, изменяя самих себя. Отцу нельзя позволить вернуться, его приходится побеждать на каждом этапе пути.

Проблема Пола Морфи

Даже самое поверхностное знакомство с шахматами показывает, что эта игра имитирует военные действия, и на самом деле шахматы были любимым времяпрепровождением многих величайших полководцев, от Уильяма Завоевателя до Наполеона. В состязании двух армий — черной и белой — действуют те же принципы стратегии и тактики, что и в реальной войне, так же необходимы интуиция и расчет, так же важна способность предугадывать планы противника и с той же, если не большей, безжалостностью каждый шаг влечет за собой неотвратимые последствия. Более того, очевидно, что подсознательный мотив, движущий игроками, это ни в коей мере не та задорная задиристость, что свойственна всем соревновательным играм, но намного более зловещий комплекс отцеубийства. Правда, от изначальной цели игры — захвата короля — теперь отказались, но с точки зрения мотива теперешняя цель — как бы выхолащивание короля через обездвижение — ничем не отличается, разве что несколько менее жестока... «Мат королю» означает буквально то же, что «смерть королю». Согласно тому, что известно нам о подсознательной психологической мотивации шахмат, основное и превалирующее стремление, которое присутствует у игроков, — это скрытое желание превзойти своего отца в социально приемлемой форме. Символично, что история взлета шахматиста XIX века, чемпиона Пола Морфи к вершинам шахматного олимпа началась спустя всего год после неожиданной и внезапной смерти его отца, которая явилась для него сильным потрясением. Мы можем высказать догадку, что его выдающаяся и блестящая попытка сублимации была, как в «Гамлете» Шекспира и в «Толковании сновидений» Фрейда, реакцией на это переломное событие... Теперь необходимо сказать и о приеме, которым встретила публика успехи Морфи, ибо он был таким, что возникает вопрос, не объясняется ли последующий крах Морфи его вероятной принадлежностью к типу, который Фрейд описывает как «Die am Erfolge scheitern» («надломленные успехом»)... Говоря языком психологии, не был ли Морфи испуган и подавлен своей собственной дерзостью и самонадеянностью, вдруг оказавшись в лучах славы [благодаря своему огромному успеху]? Фрейд указывает на то, что причина, по которой некоторые люди не выдерживают груза

внезапного успеха, заключена в том, что они могут справиться с ним в воображении, но не в реальности. Кастрировать собственного отца во сне — совсем не то же самое, что проделать это в действительности. Реальная ситуация провоцирует возникновение сильнейшего подсознательного комплекса вины, и наказанием может стать психическое расстройство.

Эрнест Джонс. «Загадка Пола Морфи», 1951

Образ: отец.

Он отбрасывает гигантскую тень на детей, держа их в рабстве даже после своего ухода, связывая с прошлым, сковывая их юные души и принуждая идти тем же наскучившим путем, по которому двигался сам. Он способен на разнообразные уловки. На каждом шагу дети должны быть готовы оттолкнуть отца и шагнуть в сторону из его тени.

Авторитетное мнение

«Остерегайся идти по стопам великого человека — тебе придется приложить вдвое больше усилий, чтобы превзойти его. Тех, кто идет по следам, считают подражателями. Неважно, сколько пота пролито ими, они никогда не избавятся от этого клейма. Нелегко определить новое направление и совершенствоваться в нем, найти новый путь к славе. К неповторимости ведет много дорог, не всегда проторенных. Самые новые могут оказаться самыми труднодоступными, но часто именно они оказываются кратчайшим путем к величию».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Из тени великого предшественника можно извлечь и преимущество, если воспользоваться ею как уловкой, следы которой необходимо будет уничтожить, после того как с ее помощью вы достигнете власти. Наполеон III воспользовался именем и легендарной славой своего двоюродного деда Наполеона Бонапарта, чтобы стать первым президентом, а затем императором Франции. Однако, взойдя на трон, он не стал более обращаться к теням прошлого. Он сразу показал, насколько резко будет отличаться его правление, и не давал

людям никаких оснований ожидать, что он будет пытаться достичь высот великого предка.

В прошлом часто можно найти и то, что заслуживает высокой оценки, — качества, которые неразумно было бы отбрасывать ради самоутверждения. Даже Александр Македонский признавал за своим отцом талант полководца и учился у него. Демонстративный отказ от всего багажа прошлых лет или огульное отрицание ценности опыта старшего поколения выглядело бы несколько инфантильно, особенно если вы не очень ясно представляете себе новый путь, которым собираетесь двигаться.

Иосиф II, сын австрийской императрицы Марии-Терезии, демонстративно поступал во всем наперекор матери — он одевался как обычный обыватель, останавливался в гостиницах, избегая дворцов, создавая образ «народного императора». Марию-Терезию, напротив, отличали царственность и аристократизм. Проблема заключалась в том, что при всем том она была любима народом, эта императрица, которая правила долго и разумно, пройдя нелегкий путь вместе со своей страной. Если вы неглупы и обладаете определенной интуицией, то она подскажет вам верное направление и вашему бунтарству гарантирован успех. Но если вы такая же посредственность, какой был Иосиф II по сравнению с матерью, то лучше поучитесь у старших, возьмите на вооружение опыт и знания ваших предшественников, которые базируются на чем-то содержательном.

Вот еще что: нужно приглядываться к молодежи, вашим будущим соперникам. Точно так же, как вы сейчас пытаетесь избавиться от своего отца, в скором будущем они будут вести себя по отношению к вам, отрицая все ваши достижения. В то самое время, когда вы бунтуете против прошлого, не спускайте глаз с тех, кто поднимается снизу, и ни в коем случае не давайте им никаких шансов обойтись так же с вами.

Великий живописец и архитектор Возрождения Пьетро Бернини обладал отменным чутьем на потенциальных юных соперников и не позволял им выходить за пределы собственной тени. Однажды ему показал свои архитектурные наброски молодой каменщик Франческо Борромини. С одного взгляда распознав талант, Бернини немедленно нанял юношу в помощники. Тот был в восторге от доброты маэстро, но

в действительности это была хитрость, к которой Бернини прибег, чтобы держать потенциального соперника на коротком поводке, психологически его обрабатывать и способствовать развитию комплекса неполноценности. И в самом деле, несмотря на яркий дар Борромини, Бернини превосходил его опытом и известностью. Тот же прием, что с Борромини, он применял на протяжении всей жизни: например, испугавшись, что великий скульптор Алессандро Альгарди затмит его, он так все устроил, что Альгарди не мог найти никакой работы и с радостью ухватился за предложение Бернини стать его подручным. И всякий подмастерье или помощник, который восставал против Бернини и пытался выйти в большой мир, обнаруживал, что его карьера загублена.

Закон 42. Порази пастыря — и паства рассеется

Формулировка закона

Часто беду может принести одна сильная личность — баламут, возмутитель спокойствия, самонадеянный выскочка. Если вы предоставите таким людям поле деятельности, другие подпадут под их влияние. Не ждите, пока причиняемые ими неприятности будут множиться, не пытайтесь с ними договориться — они безнадежны. Нейтрализуйте их влияние, изолируя их или изгоняя. Устраните возмутителя спокойствия — и его окружение разбежится.

Соблюдение закона (1)

Незадолго до конца VI века до н. э. город-государство Афины одного за другим низверг целый ряд мелких тиранов, которые доминировали в политике десятилетиями. Этот порядок пришел на смену более чем столетней демократии, принесшей Афинам власть и самые славные завоевания и победы. Но, по мере того как развивалась демократия, возникла и проблема, с какой афинянам ранее не приходилось сталкиваться: как поступать с теми, кого не волновала сплоченность небольшого города, окруженного врагами, кто не трудился на общее благо и не заботился о процветании Афин, а вместо этого думал только о себе, собственных амбициях и мелких интригах. Афиняне понимали, что такие люди, если дать им волю, посеют распри и раздоры, разделят город на группировки, будут внушать тревогу, и все это вместе приведет к гибели демократии.

Суровые наказания не приличествовали новому цивилизованному порядку, построенному в Афинах. Вместо них был найден другой, не такой жестокий и вполне удовлетворительный способ обходиться с согражданами, отличавшимися антиобщественным поведением. Раз в год все жители Афин собирались на рыночной площади, и каждый, взяв глиняную табличку, остракон, писал на нем имя человека, которого, как он считал, необходимо было изгнать из города на десять лет. Если одно и то же имя оказывалось нанесенным на всех шести тысячах табличек, человека тут же изгоняли. Если никто не набирал шести тысяч голосов, десятилетнему остракизму подвергался набравший максимальное количество остраконов. Это ритуальное

изгнание приобрело характер празднества — такое удовольствие все получали от возможности избавиться от этих раздражающих, доставляющих беспокойство личностей, которые хотели возвыситься над людьми, вместо того чтобы служить им.

В 490 году до н. э. Аристид, один из величайших полководцев в истории Греции, участвовал в победном сражении против Персии при Марафоне. В мирное же время он исполнял обязанности судьи, и за свою честность и справедливость на этом поприще получил прозвище Юст — Справедливый. Но с годами отношение афинян к нему изменилось и стало неприязненным. Он был настолько безупречен, что это, как казалось окружающим, выдавало его чувство превосходства и презрения к простому человеку. Его активная позиция, настоящая вездесущность в политике Афин, стала невыносимой. Граждане устали слышать, как его называют Юстом. Они боялись, что человек такого типа — рассудительный, но высокомерный — в конце концов приведет к серьезным разногласиям в обществе. В 482 году до н. э., невзирая на важность бесценного опыта Аристида для ведения продолжающейся войны с Персией, они собрали остраконы и изгнали его.

После того как Аристид был подвергнут остракизму, главным лицом в городе стал прославленный полководец Фемистокл. Но победы и заслуги опьянили его, так что вскоре он начал постоянно напоминать афинянам о своих воинских триумфах, о храмах, построенных им, об опасностях, которые он отразил. По его словам выходило, будто без него городу грозит гибель. И вот в 472 году до н. э. имя Фемистокла оказалось на остраконах, и город избавился от его отравляющего присутствия.

Величайшей политической фигурой в Афинах V века до н. э. был, без сомнения, Перикл. Хотя и ему много раз грозил остракизм, он избежал этой участи, поддерживая тесные связи с народом. Возможно, он получил в детстве урок от любимого наставника, несравненного Дамона, который превосходил всех жителей Афин умом, талантом музыканта и красноречием. Именно Дамон обучил Перикла искусству править. Но и он, в свою очередь, подвергся остракизму из-за своего высокомерия и оскорбительных манер по отношению к простым людям, вызывавшим слишком сильное негодование.

Ближе к концу V века до н. э. жил человек по имени Гипербол. Современники описывали его как самого никчемного человека в городе. Ему не было дела до того, кто и что о нем думает, сам же он мог оболгать и оклеветать любого, кто ему не нравился. Некоторых это развлекало, но большую часть сограждан он приводил в раздражение. В 417 году до н. э. Гипербол увидел возможность настроить общество против двух ведущих политических деятелей того времени — Алкивиада и Никия. Он рассчитывал, что хотя бы одного из этих двоих удастся подвергнуть остракизму и тогда он сам получит возможность занять его место. Задуманное им, казалось, шло как по маслу: афинянам претил вызывающий и беспечный образ жизни Алкивиада, а богатство и отчужденность Никия вызывали настороженность и неприязнь. Все указывало на то, что один из них непременно станет жертвой остракизма. Но Алкивиад и Никий — хотя в другое время они были врагами — мобилизовали все свои силы, и им удалось обратить общественное осуждение вместо себя на Гипербола. Этого невыносимого человека, убеждали они, можно было исправить, только изгнав его прочь.

Прежними жертвами остракизма были люди замечательные, сильные. Наказав низкого шута Гипербола, афиняне поняли, что остракизм выродился. Они прекратили эту практику, которая почти сто лет способствовала поддержанию мира в Афинах.

Толкование

Жители древних Афин обладали социальными инстинктами, не знакомыми нашим современникам. Граждане в буквальном смысле этого слова, афиняне чувствовали опасность, исходящую от асоциального поведения. Они видели, что такое поведение часто проявлялось в других формах: позиция «я лучше и праведнее всех», за которой проступает стремление навязать свои стандарты окружающим; чрезмерное тщеславие, удовлетворяемое в ущерб интересам общества; комплекс превосходства; тихое интриганство; разного рода асоциальность. Некоторые из этих типов поведения вели к созданию группировок, сеяли рознь, другие подрывали демократические устои общества, заставляя простых граждан ощущать рядом с ними собственную неполноценность и завидовать. Все это разрушительно сказывалось на благоденствии города. Афиняне

не делали попыток перевоспитать людей, ведущих себя подобным образом, или как-то обособить их, или же применить по отношению к ним жестокие наказания — все эти подходы лишь привели бы к появлению новых проблем. Выход был простым и действенным: избавиться от них.

Внутри любой группы можно проследить и обнаружить источник неприятностей — несчастливого, хронически неудовлетворенного человека, постоянно стоящего в оппозиции и заражающего общество своим образом мыслей. Вы не успеваете отдать себе отчет в том, что происходит, а неудовлетворенность, инакомыслие уже расползаются. Действуйте, пока еще можно распутать узел неприятностей и понять, кто все заварил. Прежде всего определите возмутителей спокойствия — вы их узнаете по заносчивому или повелительному виду. Обнаружив, не пытайтесь что-то в них изменить или потакать им — это только повредит делу. Атаковать их тоже не следует — ни напрямую, ни косвенно, — ибо они небезопасны, агрессивны по природе и не остановятся ни перед чем, пока не уничтожат вас. Поступите по примеру афинян: избавьтесь от них, пока не поздно. Отделите их от группы, прежде чем они поднимут смуту. Не давайте им времени внести разлад и заронить тревогу или недовольство, нельзя позволить им развернуться. Пусть пострадает один ради того, чтобы остальные получили возможность жить спокойно.

Завоевание Перу

Борьба вокруг носилок [на которых несли Атауальпу, правителя государства инков] разгорелась с новой силой. Схватка становилась все более жестокой, и в конце концов, после того как многие дворяне, защищавшие правителя, были убиты, он был низвержен.

Индейского монарха грубо сбросили на землю с такой силой, что он разбился бы, если бы Писарро и кое-кто из его офицеров не подхватили его на руки. Солдат мгновенно сорвал с его висков императорскую повязку, и несчастный правитель под стражей был препровожден в соседнее здание, где его содержали как пленника.

Теперь все попытки сопротивления были подавлены. Весть о расправе над верховным инком [Атауальпой] быстро разнеслась по городу и распространилась по всей стране.

Рассеялись те чары, которые еще могли собрать индейцев вместе. Каждый теперь думал только о спасении собственной жизни. Даже воины инка, встревоженные и понимающие, что им грозит, разбежались кто куда, не дожидаясь, пока их настигнут торжествующие преследователи, ждать от которых милости не приходилось. Когда ночь, более милосердная, чем люди, раскинула над беглецами свое покрывало, рассеянные отряды Писарро стали собираться по звуку трубы на кровавую площадь Кахамарки...

О [Атауальпе] говорили с благоговением, подобающим не человеку, а божеству.

Он не был более правителем государства, но в нем видели некое средоточие — краеугольный камень всего политического устройства, которому предстояло развалиться на куски под своим собственным весом, после того как этот камень из основания был убран. Так и случилось после казни Атауальпы. Не только то, что после его смерти трон остался незанятым, поскольку [Атауальпа] не оставил наследника, но то, какой была эта смерть, указало народу, что рука, куда более сильная и жестокая, чем прежде, захватила скипетр и что династия Детей Солнца навсегда ушла в небытие.

Уильям Х. Прескотт. «Завоевание Перу», 1847

Когда дерево падает, обезьяны разбегаются.

Китайская пословица

Соблюдение закона (2)

В 1294 году кардиналы католической церкви собрались в Риме, чтобы избрать нового папу. Их выбор пал на кардинала Гаэтани как человека весьма проницательного, сильного и жестокого. Такой папа мог бы принести Ватикану огромную власть. Приняв имя Бонифация VIII, Гаэтани скоро доказал, что высокое мнение о нем кардиналов было заслуженным: все свои действия он тщательно и дальновидно планировал, а затем не останавливался ни перед чем. Придя к власти, Бонифаций быстро избавился от противников и объединил Папскую область. Европейские властители в страхе перед политикой нового папы стали направлять к нему посланников для переговоров. Король

Альбрехт Австрийский уступил папству часть территории. Все шло по плану, намеченному Бонифацием.

Один пункт не укладывался в схему — это была Тоскана, богатейшая провинция Италии. Если бы Бонифацию удалось заполучить Флоренцию, самый сильный город Тосканы, весь регион перешел бы в его руки. Но Флоренция была независимой республикой, и захватить ее было нелегко. Папе приходилось тщательно продумывать каждый свой ход.

Флоренция была поделена на две соперничающие группировки — Белых и Черных. К Белым относились семьи горожан — торговцев и купцов, только недавно получивших богатство и власть. Черные были нобили — аристократы, обладатели накопленных веками состояний. Белые были более популярны в народе, и им удавалось одерживать верх, что вызывало растущее негодование Черных. Вражда между группировками становилась все более ожесточенной.

Бонифаций решил использовать это в своих интересах: он задумал помочь Черным завладеть городом, после чего Флоренция была бы у его ног. По мере того как он изучал расстановку сил, его внимание все больше привлекал один человек, сильный соперник, Данте Алигьери, знаменитый литератор, поэт, убежденный приверженец Белых. Данте всегда живо интересовался политикой. Он страстно верил в республику и часто критиковал своих сограждан за мягкотелость. Он также был и самым красноречивым оратором в городе. В 1300 году (год, когда Бонифаций начал осуществление своих замыслов относительно Тосканы) единомышленники Данте проголосовали за избрание его на высший выборный пост в Тоскане, сделав его одним из шести приоров города. За полгода пребывания в этой должности Данте вел себя как бескомпромиссный противник Черных и противостоял всем попыткам папы и его сторонников посеять в городе смуту.

К 1301 году у Бонифация созрел другой план: он призвал Карла Валуа, могущественного брата короля Франции, помочь навести порядок в Тоскане. Пока Карл продвигался по Северной Италии, а Флоренция была охвачена тревогой и страхом, Данте сразу проявил себя как человек, сумевший объединить людей. Он страстно восставал против политики попустительства захватчикам и бился изо всех сил, чтобы вооружить горожан и организовать сопротивление папе и его

марионетке — французскому принцу. Бонифацию нужно было любой ценой нейтрализовать Данте. Поэтому, наводя страх на Флоренцию приближающейся армией Карла Валуа, другой рукой он протянул оливковую ветвь — предложил переговоры в надежде, что Данте клюнет на эту приманку. И Флоренция в самом деле решила послать депутацию в Рим и постараться добиться мира. Депутацию, как легко было предсказать, должен был возглавить Данте.

Кое-кто предостерегал поэта, что это уловка коварного папы, желающего устранить Данте из города. Однако тот все же поехал в Рим, прибыв туда, когда войска французов подошли к воротам Флоренции. Он был убежден, что сумеет переубедить папу и спасти город. Но папа встретил депутацию грозно, нагнав, по своему обыкновению, страху на флорентийцев. «На колени передо мной! — прогремел он.— Не противьтесь моей воле! Я говорю вам искренне, что хочу только мира». Присмиревшие и напуганные властным тоном, флорентийцы слушали папу, а тот обещал, что будет поддерживать их интересы. Он посоветовал им возвращаться домой, оставив здесь для переговоров кого-нибудь одного. Бонифаций дал понять, что этим человеком должен быть Данте. Он говорил теперь подчеркнуто приветливо, но не оставляя сомнений в том, что сказанное следует считать приказом.

Так получилось, что Данте остался в Риме. Пока он и папа вели переговоры, Флоренция пала. Некому было сплотить Белых. Карл Валуа, используя финансовую поддержку папы для запугивания и подкупа, быстро добился разобщения Белых — одни из них согласились на переговоры, другие переметнулись на противоположную сторону. Узнав об усилении позиции Черных, папа немедленно отправил Данте из Рима.

Черные приказали Данте вернуться домой, где ему предстояло узнать о предъявленных ему обвинениях и предстать перед судом. Поэт отказался. Тогда Черные приговорили его к смертной казни, которой надлежало быть приведенной в исполнение в том случае, если когда-нибудь он ступит на землю Флоренции. Данте влачил жалкую жизнь в опале, скитаясь по всей Италии, изгнанный из любимого им города. Он так и не вернулся во Флоренцию, даже после смерти.

Волки и овцы

Однажды давным-давно волки направили к овцам посла, желая до поры до времени наладить с ними мир.

«Почему, — сказали они, — мы должны всегда враждовать? Эти злые собаки — вот кто причина всех бед; они беспрестанно лают на нас и этим нас раздражают. Отошлите их прочь, и тогда ничто не помешает нашей вечной дружбе и миру».

Глупые овцы послушались, собак прогнали, и стадо, лишившись своих лучших защитников, стало легкой добычей для своих коварных врагов.

Из «Басен» Эзопа

Толкование

Бонифаций знал, что, стоит ему устранить Данте со своего пути, Флоренции не выстоять. Он разыграл трюк, старый как мир — одновременно запугивая и предлагая мир, — и Данте попался на уловку. Заманив Данте в Рим, папа без труда справился с задачей удерживать там поэта столько времени, сколько потребовалось для осуществления его замыслов. Бонифацию был ведом один из важнейших принципов игры власти: один непокоренный, сильный духом человек может превратить покорных баранов во львов. Поэтому он устранил нарушителя спокойствия. Лишившись вожака, овцы разбрелись.

Помните: не теряйте времени, нанося во все стороны удары потому, что враг вам кажется многоголовым. Найдите одну голову, человека, обладающего сильной волей, умом или — и это важнее всего — харизмой. Во что бы то ни стало удалите этого человека с пути: когда он будет далеко, его воздействие ослабеет. Устранение может быть физическим (изгнание, отлучение от двора), политическим (ограничение политической и финансовой поддержки) или психологическим (разобщение его с группой единомышленников с помощью инсинуаций и клеветы). Рак начинается с единственной клетки. Устранив ее, вы предупредите распространение опухоли.

Ключи к власти

В прошлом целой нацией мог управлять король с горсткой приближенных. Только элита имела доступ к власти. С течением

времени власть постепенно становилась все более демократичной и расчлененной. Это, однако, порождает обычное ложное ощущение, что у группировок нет более центров власти, что власть равномерно распределена между многими людьми. В действительности, однако, власть, претерпев количественные изменения, осталась неизменной по существу. Возможно, поубавилось число могущественных тиранов, вершивших судьбы миллионов, но по сей день существуют тысячи карликовых деспотов, которые распоряжаются в своих мелких владениях, навязывая свою волю с помощью скрытых рычагов власти, харизмы и других механизмов. В каждой группе власть сконцентрирована в руках одного-двух человек, потому что это одна из тех областей, где природа человека всегда останется неизменной: люди всегда будут концентрироваться вокруг сильной личности, подобно планетам, обращающимся вокруг светила.

Пребывать в заблуждении, что подобные центры власти не существуют более, означало бы делать бесконечные ошибки, тратить впустую энергию и время и никогда не достичь цели. Сильные люди никогда не теряют времени даром. Они могут сделать вид, что верят, будто власть поделена между многими, но между тем будут внимательно следить за ключевыми фигурами группы, у которых на руках все козырные карты. Именно от них все зависит. Если начинаются неприятности, нужно искать, что лежит в основе, и вычленить из общей картины одну сильную фигуру, человека, которого необходимо изолировать или убрать, чтобы буря улеглась.

Доктор Милтон Х. Эриксон, работая в качестве семейного психотерапевта, обнаружил, что если в семье разлад и неприятности, то неизбежно обнаруживается один человек, который является причиной этому. На своих сеансах он символически изолировал «гнилое яблоко», сажая его или ее в стороне от остальных, пусть даже всего в одном-двух метрах. Постепенно другие члены семьи начинали видеть в физически отстраненном от них человеке источник своих проблем. Если вы разобрались, кто является возмутителем спокойствия, очень важно суметь указать на это окружающим. Крайне важно осознать, кто управляет происходящим в группе. Помните: подобные люди процветают, прячась за спины других членов группы, скрывая свои подрывные действия за реакциями других. Сделайте их

«работу» видимой, и они не смогут нарушать спокойствие и выводить всех из равновесия.

Ключевым элементом стратегических игр является изоляция сил врага. В шахматах вы стараетесь загнать в угол короля. В китайских шашках го задача игрока — изолировать шашки врага в тупиках, где они делаются неподвижными и бесполезными. Часто лучше изолировать врага, чем уничтожить, — вы будете выглядеть менее жестоким при равном результате, поскольку в играх власти изоляция равносильна смерти.

Наиболее эффективная форма изоляции — отделить жертву от основания ее власти. Когда Мао Цзэдун хотел исключить врага из правящей элиты, он не вступал в прямую конфронтацию с этим человеком. Он тихо и незаметно работал над тем, чтобы изолировать врага, разобщая его соратников, обращая их против него, уменьшая количество тех, кто его поддерживал. Вскоре получалось так, что человек незаметно сходил со сцены вроде бы сам по себе.

В играх власти очень важно быть на виду, присутствовать физически. Один из законов науки обольщения гласит, что следует, особенно на ранних стадиях этого процесса, постоянно встречать свой предмет или создать впечатление, что вы постоянно находитесь рядом. Если вы будете часто отлучаться, чары рассеются. У первого министра королевы Елизаветы Роберта Сесила было два основных соперника: фаворит королевы граф Эссекс и сэр Уолтер Рейли, ее прежний фаворит. Министр выдумал для них поручение, отправив обоих с миссией в Испанию. Удалив их от королевы, он добился того, что их влияние на королеву было ослаблено, и сумел обвить ее своими щупальцами, укрепившись в положении верховного советника. Из этого эпизода можно извлечь двоякий урок. Первый: ваше отсутствие при дворе прежде всего опасно для вас, и поэтому ни под каким видом нельзя покидать сцену в ответственные моменты — ваше отсутствие может символически и реально стоить вам власти. Второй: своевременное удаление со сцены соперников — сильнейший ход.

Изоляцию можно применять и с другими стратегическими целями. Если вы хотите соблазном привлечь к себе людей, бывает полезно вырвать их из привычной социальной среды. Оказавшись в изоляции, они будут более уязвимы, и ваше появление произведет удвоенный эффект. Так, аферисты часто стараются вырвать свои жертвы из

знакомого окружения, поместить их в непривычную обстановку, где бы они чувствовали себя неуютно. В такой ситуации люди слабеют и легче поддаются на обман. Изоляция, таким образом, может оказаться сильным инструментом подавления воли людей.

Часто можно встретить сильных, влиятельных людей, отделяющих себя от коллектива. Вероятно, власть опьянила их и заставила вообразить себя высшими существами. Возможно, они утратили навык общения с обычными людьми. Помните: это делает их крайне уязвимыми. Такого рода люди, сколь бы могущественными они ни были, легко могут лишиться всего.

Последнее: когда по пастуху наносят удар, это безмерно пугает овец. Когда Фернандо Кортес и Франсиско Писарро вели свои отряды против империй ацтеков и инков, они избежали ошибки вести бои на многих фронтах и не поддались страху, увидев несметное войско противника. Они нанесли главный удар, захватив королей, Монтесуму и Атауальпу. Огромные империи пали. Когда ушли вожди, исчез смысл жизни. Ось, вокруг которой все вращалось, исчезла, и вся конструкция рухнула. Цельтесь в лидеров неприятеля, свергайте их, а затем наблюдайте за смятением в рядах врага и используйте бесчисленные возможности, которые при этом возникают.

Жизнь Фемистокла

Так как уже и сограждане из зависти охотно верили разным наветам на Фемистокла, ему приходилось поневоле докучать им в Народном собрании частыми напоминаниями о своих заслугах. «Почему вы устаете, — сказал он недовольным, — по нескольку раз получать добро от одних и тех же людей?» Он навлек на себя неудовольствие народа также и постройкой храма Артемиды, которую он назвал «лучшей советницей», намекая этим на то, что подал городу и всем эллинам самый лучший совет и к тому же построил этот храм близ своего дома в Мелите... Ввиду всего этого Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уничтожить его авторитет и выдающееся положение. Так афиняне обыкновенно поступали со всеми, чье могущество они считали тягостным для себя и несовместимым с демократическим равенством.

Плутарх. Из «Жизнеописания Фемистокла»

Образ: стадо разжиревших овец.

Не тратьте драгоценное время на попытки выкрасть одну или двух овечек, не подвергайте риску свою жизнь и здоровье, сражаясь с овчарками, охраняющими стадо. Цельтесь в пастуха. Прогоните его — и псы последуют за ним. Сразите его — и стадо разбредется; теперь вы можете перетаскать овец одну за другой.

Авторитетное мнение

«Натягивая лук — тяни изо всех сил. Выбирая стрелу — бери самую длинную. Чтобы подстрелить всадника, целься сначала в его коня. Чтобы одолеть разбойников, прежде схвати главаря. Подобно тому как соблюдаются границы государства, нужно соблюдать меру, убивая людей. Если атаку врага можно остановить, сразив одного предводителя, то к чему убивать и ранить остальных?».

Китайский поэт Ду Фу, династия Тан, VIII век

Оборотная сторона

«Всякий урон, причиняемый человеку, должен быть облечен в такую форму, чтобы не пришлось потом опасаться его мести», — писал Макиавелли. Если вы собираетесь изолировать врага, постарайтесь, чтобы он ничего не понял и не пожелал отплатить вам той же монетой. Другими словами: применяйте этот Закон с позиции превосходства, так, чтобы вам не приходилось опасаться мести и недовольства.

Эндрю Джонсон, преемник Авраама Линкольна на посту президента США, считал присутствие Улисса С. Гранта в кабинете министров крайне нежелательным. Поэтому он изолировал Гранта, настояв на его выходе из правительства. Это возмутило великого генерала, и он ответил на насильственную меру тем, что занялся формированием республиканской партии и, победив на следующих выборах, сам стал президентом. Было бы умнее придержать человека, подобного Гранту, при себе, так он причинил бы меньше вреда; это лучше, чем вызывать у него желание отомстить. Часто полезно иметь людей на своей стороне, поближе к себе, чем сражаться с ними. Держа их под рукой, вы можете тихо заниматься ослаблением их базы, так

что, когда придет время разделаться с ними, их падение совершится стремительно и жестко, а они и не поймут, что послужило его причиной.

Закон 43. Завоевывай сердца и умы окружающих

Формулировка закона

Насилие порождает реакцию, которая в конечном счете обернется против вас. Вы должны обольщать людей, чтобы они захотели двигаться в вашем направлении. Соблазненный вами становится преданным слугой. Чтобы обольщать людей, нужно играть на их индивидуальных психологических особенностях и на их слабостях. Смягчите сопротивление, воздействуя на чувства, играйте на том, что людям дорого, и на их страхах. Если игнорировать сердца и умы окружающих, то они в результате вас возненавидят.

Нарушение закона

В конце царствования Людовика XV вся Франция, казалось, жаждала перемен. Когда внук короля, которого он избрал своим преемником, будущий Людовик XVI, женился на пятнадцатилетней австрийской принцессе, французам хотелось усматривать в этом проблеск надежды. Юная невеста Мария-Антуанетта была прелестна и полна жизни. С ее появлением сразу изменились настроения двора, погрязшего в разгуле при Людовике XV. О Марии-Антуанетте с восторгом судачили даже простолюдины, которым едва ли приходилось видеть ее. У французов вызывала возмущение череда фавориток и любовниц Людовика XV, они радостно готовились преданно служить новой королеве. В 1773 году, когда Мария-Антуанетта впервые торжественно проехала по улицам Парижа, восторженные толпы следовали за ее каретой с приветственными криками. «Какое счастье, — писала она своей матери, — находиться в положении, какое позволяет пользоваться всеобщим восхищением, почти не прилагая для этого усилий».

В 1774 году Людовик XV скончался, и его преемник занял трон. Став королевой, МарияАнтуанетта предалась развлечениям, которые нравились ей больше всего, — заказывала и носила самые дорогие туалеты и украшения в королевстве, изобретала самые изысканные и сложные прически в истории (ее парики возвышались над головой почти на метр), один за другим устраивала роскошные праздники и балы-маскарады. За все свои капризы она не расплачивалась, широко

пользуясь кредитом и не задумываясь о том, кто и когда будет оплачивать счета и велики ли долги.

Любимой игрушкой Марии-Антуанетты стал Эдемский сад в Малом Трианоне, за созданием и оформлением которого она надзирала самолично. Малый Трианон был одним из версальских дворцов с прилегающей к нему рощей. Сады Малого Трианона, по замыслу архитектора, должны были выглядеть как можно более естественными, на валунах и стволах деревьев был даже мох, уложенный руками садовников. Мария-Антуанетта постаралась усилить ощущение пасторали: были наняты крестьянки, чтобы пасти и доить самых красивых коров королевства, прачки и сыровары носили крестьянские костюмы, созданные по эскизам королевы; пастушки пасли овечек с шелковыми бантами на шеях. Порой Мария-Антуанетта заходила в коровник и видела там, как нарядные девушки переливали надоенное молоко в драгоценные фарфоровые вазы, изготовленные в королевских гончарных мастерских. Королева любила проводить время, собирая цветы в лесочке возле Малого Трианона, наблюдая, как ее добрые «селяне» радостно выполняют свою «работу». Место это стало изолированным мирком, население которого составляли лишь те самые избранные пейзане.

С каждой новой прихотью расходы на содержание Малого Трианона возрастали. Тем временем события в реальной Франции развивались своим чередом: голод, нищета, растущее возмущение. Даже среди придворных, равнодушных к социальным процессам, клокотало негодование — королева обращалась с ними пренебрежительно, как с детьми. Считалась она только со своими фаворитами, да и тех становилось все меньше и меньше. Но Марию-Антуанетту всё это не волновало. Ни разу на протяжении царствования она не прочитала ни одного доклада министров. Ни разу она не проехала по провинциям, чтобы попытаться привлечь людей на свою сторону. Ни разу не вышла и к парижанам и не приняла у себя ни одной депутации от них. Она не делала ничего подобного, так как была уверена, что люди и так должны обожать ее, она же не обязана пылать к ним ответной любовью.

В 1784 году королева оказалась впутанной в шумный скандал. В Европе была разоблачена сложнейшая афера: мошенники, кроме прочего, приобрели от имени Марии-Антуанетты очень дорогое

бриллиантовое колье; во время судебного разбирательства особенности ее образа жизни были преданы огласке. Люди услышали о том, сколько денег она тратила на одежду, драгоценности, костюмированные балы. Королева получила прозвище Мадам Дефицит, и с тех пор она стала объектом сильнейшего недовольства. Когда она появлялась в своей ложе в опере, зрители начинали шикать. Даже придворные были настроены против нее. Ибо и им стало ясно: пока она прожигала жизнь и, не задумываясь, тратила деньги из казны, страна подошла к черте.

Через пять лет, в 1789 году, произошло беспрецедентное событие истории: свершилась Великая французская революция. Королева не была обеспокоена — пусть народ немного побунтует, казалось, думала она, скоро всё утихнет и она сможет возобновить свою жизнь, полную радостей. В тот год народ отправился к Версалю, принудив королевскую семью покинуть дворец и переселиться в Париж. Это было триумфом для восставших, но у королевы появлялся шанс исправить ошибки, залечить раны, нанесенные ею людям. Однако урок не пошел ей на пользу. За время пребывания в Париже она ни разу не попыталась покинуть дворец, выйти навстречу своему народу. Ее подданные могли хоть сгнить в аду, ее это не волновало.

В 1792 году монархия была низвергнута, и королевскую чету переместили из дворца в тюрьму. На следующий год Людовика судили, признали виновным и приговорили к смертной казни. Марию-Антуанетту ждала та же участь, и ни одна душа не пришла к ней на помощь — никто из ее бывших друзей, придворных, ни один из европейских монархов (хотя, казалось бы, у кого, как не у них, представителей королевских семей своих собственных государств, были все основания подстраховаться, показать, что революция не мстительна) и даже ее собственная семья в Австрии, включая брата, который теперь занимал трон. Она была парией в этом мире. В октябре 1793 года она была казнена, не выказав раскаяния и держась гордо до самого конца.

Кир

Кир стал обдумывать способ, как бы похитрее склонить персов к измене Астиагу. Обдумывая же, он решил, что лучше всего сделать так: записав все, что он задумал, в послании, он созвал народное

собрание персов. Затем он раскрыл послание, прочитал его, объявив персам, что Астиаг назначил его военачальником. В своей речи Кир между прочим сказал: «Теперь, персы, я приказываю всем вам явиться, вооружившись серпом». <...>

Когда все они явились с упомянутым серпом, Кир приказал за день расчистить определенный участок земли (известная часть персидской земли площадью приблизительно 18 или 20 стадиев была покрыта колючим кустарником).

По окончании этой тяжелой работы Кир приказал на следующий день явиться снова, предварительно вымывшись. Между тем он велел собрать в одно место всех коз, овец и коров своего отца, заколоть их и приготовить угощение для персидского войска.

Кроме того, он приказал сделать запасы большого количества вина и хлеба. На следующий день, когда персы явились, Кир предложил им, расположившись на лугу, угощаться. После пиршества Кир спросил персов, какой день им больше понравился — вчерашний или сегодняшний. «Между этими днями есть, конечно, большое различие, — ответили они, — ведь вчерашний день принес нам только невзгоды, а сегодня все прекрасно».

Подхватив эти слова, Кир открыл персам все свои замыслы и сказал: «Персидские воины! Дело обстоит вот как: если вы пожелаете следовать за мною, то у вас будут и эти блага, и еще в тысячу раз больше. Если же не захотите, то вас ожидает бесконечный, подобный вчерашнему, тяжкий труд. Поэтому следуйте за мной и обретете свободу. Я рожден, как я верю, по воле богов взять на себя дело вашей свободы.

Я думаю, что вы ничуть не уступаете мидянам во всем прочем и в особенности как воины. Поэтому вам следует как можно скорее отложиться от Астиага».

Отныне персы обрели вождя и были рады избавлению от мидянского ига.

Ведь уже давно мидийское владычество было им ненавистно...

Персы же, отложившись при Астиаге от мидян, под предводительством Кира с тех пор владычествовали над Азией.

Из «Истории» Геродота

Толкование

С самого детства личность Марии-Антуанетты коверкали самым опасным образом: юную принцессу в Австрии безгранично баловали и льстили ей. Как будущая королева Франции, девочка постоянно находилась в центре всеобщего внимания. Ей не нужно было учиться тому, как нравиться людям или доставлять им удовольствие, как общаться с окружающими и учитывать их индивидуальные психологические особенности. Ей никогда не приходилось ничего добиваться, прибегать к расчетам или хитрости, чтобы получить желаемое. И как любой, кого балуют с детства, она выросла бесчувственным монстром.

На Марии-Антуанетте, как в фокусе, сошлась неудовлетворенность целой нации, она вызывала всеобщее негодование — особа, которая не прикладывает усилий, чтобы вам понравиться, не пытается улестить вас, пусть даже неискренне. И не воображайте, что она представительница ушедшей эпохи или что такой характер был уникален. Сегодня этот тип более обычен, чем когда-либо. Такие люди живут как бы в своем изолированном мирке — они, кажется, ощущают себя королями и королевами и уверены, что люди обязаны оказывать им внимание. Они не считаются ни с чьими интересами и особенностями, но сами требовательны и подходят к окружающим с самоуверенным напором Марии-Антуанетты. Изнеженные и избалованные в детстве, став взрослыми, они остаются инфантильными, считая, что все должны падать к их ногам и служить им. Зачарованные собственной магией, они не прилагают усилий, чтобы произвести хорошее впечатление на окружающих, не считая необходимым уговаривать или мягко убеждать людей в своей правоте.

В ведомстве власти такое восприятие мира губительно.

Во все времена следует быть внимательным к тем, кто вас окружает, тщательно изучать и учитывать индивидуальные психологические особенности людей, думать над своими словами, подбирая те, что дойдут до сердец и умов ваших собеседников (вышестоящих и, что особенно важно, подчиненных), создавая основу для поддержки, которая может потребоваться вам в решающую минуту. Без этой основы ваша власть будет шаткой, и при малейшем колебании фортуны подданные радостными криками сопроводят ваше падение с трона.

Соблюдение закона

В 225 году Шу Чжугэ Лян, великий стратег и главный советник правителя древнекитайского царства Шу, обдумывал опасную ситуацию. Царство Вэй поднялось на Шу, атакуя его с севера. Еще более опасно было то, что Вэй вступило в союз с варварскими государствами к югу от Шу, которыми правил вождь Миньюэ. Шу Чжугэ Лян был вынужден заниматься этой второй угрозой наступления с юга и, не решив этой проблемы, не мог и надеяться выгнать с севера Вэй.

Пока Чжугэ Лян готовился к походу на юг против варваров, один мудрый человек дал ему совет. Будет невозможно, сказал мудрец, восстановить мир в тех местах, применив силу. Ляну, возможно, удастся справиться с Миньюэ, но лишь только Лян отойдет на север, чтобы сразиться с Вэй, Миньюэ снова нападет. «Лучше завоевывать сердца, — сказал мудрец, — чем города; лучше сражаться сердцами, чем оружием. Я надеюсь, что удастся покорить сердца этих людей». — «Вы прочли мои мысли», — ответил Чжугэ Лян.

Как он и ожидал, Миньюэ предпринял мощную атаку. Но Чжугэ Лян расставил западню, и ему удалось захватить значительную часть войска неприятеля и самого вождя. Однако, вместо того чтобы покарать или тем более казнить пленников, он отделил солдат от командиров, приказал снять с них кандалы, накормил всех и угостил вином, а затем обратился к ним. «Все вы честные воины, — сказал он. — Я полагаю, у каждого из вас есть родители, жены, дети, которые ждут вас дома. Они, без сомнения, льют горькие слезы над вашей участью. Я собираюсь дать вам свободу, так что вы вернетесь домой к своим семьям, к тем, кто вас любит, и утешите их». Пленные стали благодарить Ляна со слезами на глазах. После этого он послал за Миньюэ. «Если я выпущу тебя, — сказал Чжугэ Лян, — что ты будешь делать?» — «Я снова соберу свое войско, — ответил Миньюэ, — поведу его против тебя на решительный бой. Но если ты пленишь меня во второй раз, я склонюсь и признаю твое превосходство». Лян не только приказал дать свободу Миньюэ, но и подарил ему лошадь и сбрую. Когда рассерженные этим младшие командиры поинтересовались, зачем он одарил врага, Лян ответил: «Я могу поймать этого человека без всякого труда. Я пытаюсь одержать победу над его сердцем. Когда я этого добьюсь, на юге воцарится мир».

Миньюэ предпринял повторную атаку. Но его же собственные воины, с которыми Лян так хорошо обошелся, схватили его и препроводили к Ляну. Тот повторил свой вопрос. Миньюэ ответил, что потерпел поражение не в честном бою, а из-за предательства своих командиров; он снова станет драться, но уж если и в третий раз будет захвачен в плен, то обязательно признает превосходство Ляна и склонится перед ним.

В течение нескольких месяцев Лян снова и снова сражался с Миньюэ, пленяя его в третий, четвертый, пятый раз. С каждым разом отряды Миньюэ были все больше недовольны им. Лян относился к ним по-хорошему, им больше не хотелось воевать с ним. Но всякий раз, когда Шу Чжугэ Лян предлагал Миньюэ сдаться, великий вождь находил для себя оправдание: ты меня перехитрил, мне не сопутствовала удача и так далее. Если ты снова меня поймаешь, обещал он, клянусь, что не предам тебя. И Лян снова позволял ему уйти.

Когда он поймал Миньюэ в шестой раз, то спросил опять о том же. «Если ты поймаешь меня в седьмой раз, — ответил пленник, — я буду преданно служить тебе и никогда больше не восстану». — «Хорошо, — сказал Лян, — но если я снова поймаю тебя, то больше уже не отпущу».

После этого Миньюэ и его солдаты отошли на дальнюю окраину своей земли, в провинцию У Юэ. Миньюэ был побежден столько раз, что у него оставалась единственная надежда: он обратился за помощью к правителю провинции У Юэ, У Ду Юэ, у которого была огромная и жестокая армия. Воины У Ду Юэ носили доспехи из плотно переплетенных стеблей виноградной лозы, вымоченных в масле и высушенных до такой твердости, что копья и стрелы не пробивали их. Объединившись с Миньюэ, правитель У Ду Юэ двинул свое несметное войско против Ляна. На этот раз великий стратег, казалось, был испуган и спешно отводил своих людей. Но на самом деле он устроил У Ду Юэ ловушку: заманил противника в тесное ущелье и поджег его с разных сторон. Когда огонь достиг солдат У Ду Юэ, их доспехи, пропитанные маслом, вспыхнули, как факелы. Все они погибли.

Ляну удалось оттеснить Миньюэ и его свиту от ущелья, и тот оказался в плену в седьмой раз. После страшного кровопролития Лян

не хотел даже видеть пленника. Он разговаривал с ним через посредника. «Мне приказано снова выпустить тебя на свободу, — сказал тот.— Собирай против Ляна другую армию, если сможешь, и попытайся еще раз завоевать его». Рыдая, Миньюэ упал на землю, подполз к Ляну и стал обнимать его колени, а затем простерся у его ног. «О повелитель, — плакал Миньюэ, — на тебе благодать небес. Мы, люди с юга, никогда больше не осмелимся противостоять тебе». — «Теперь ты сдаешься?» — спросил Лян. «Я, мои сыновья и мои внуки потрясены твоей безграничной милостью. Даже и теперь ты вновь даруешь нам жизнь. Я не могу не признать, что ты победил!»

Лян устроил в честь Миньюэ пир, снова утвердил его на троне, вернул ему земли, которыми он владел в начале своего правления, а потом отправился на север, выведя войско полностью, не оставив на землях Миньюэ своих солдат. Ляну больше не пришлось возвращаться на юг — в этом не было нужды: в лице Миньюэ он обрел преданного и непоколебимого союзника.

Люди, которые изменяли вселенную, никогда не добивались этого, служа вождям, но добивались успеха, ведя за собой массы. Те, кто служит вождям, прибегают к интригам и добиваются только второстепенных результатов. Те, кто ведет за собой массы, суть гении, преображающие облик мира.

Наполеон Бонапарт

Толкование

У Шу Чжугэ Ляна было две возможности: попытаться разбить варваров на юге одним сокрушительным ударом или терпеливо и медленно, не жалея времени, склонять их на свою сторону. Большинство полководцев, силой превосходя противника, ухватились бы за первую возможность, даже не рассматривая вторую. Но тот, кто обладает истинной властью, думает о будущем: первый вариант может быть быстрым и простым, однако со временем в сердцах побежденных появляется неприязненное чувство. Их унижение порождает ненависть, они жаждут реванша. Из-за этого вам придется постоянно балансировать на краю — растрачивать энергию на то, чтобы удержать

и защитить свои завоевания, становясь подозрительным и настороженным. Второй вариант, хотя и несравненно более сложный, не только приносит вам спокойствие духа, но и обращает потенциального врага в опору и поддержку.

В случае конфликта или стычки отступите на шаг — не жалея времени, просчитайте все и, настроившись на эмоциональную волну своего противника, изучите его психологические слабости. Применение силы лишь ожесточит его сопротивление. В большинстве случаев ключ к разрешению ваших противоречий — это человеческое сердце. Люди, как дети, находятся под влиянием эмоций. Чтобы смягчить их и склонить на свою сторону, замените жестокость милосердием. Учитывайте затаенные страхи, обратитесь к тому, что они любят, — свобода, семья и т. д. Когда вы их разгадаете, то на всю жизнь обретете друзей и верных союзников.

Правительства рассматривали людей только в массе, но наши люди были нестандартными, они были не формациями, а индивидуальностями... Наши королевства расположены в уме каждого человека.

Томас Эдуард Лоуренс, 1888—1935, «Семь колонн мудрости»

Жизнь Александра

Намереваясь вновь сразиться с Дарием, Александр выступил в поход... Преследование было долгим и тягостным: за одиннадцать дней его воины проехали верхом три тысячи триста стадиев, многие были изнурены до предела, главным образом из-за отсутствия воды. В этих местах Александр однажды встретил македонян, возивших на мулах мехи с водой из реки. Увидев Александра, страдавшего от жажды — был уже полдень, — они быстро наполнили водой шлем и поднесли его царю... Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не сделав ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: «Если я буду пить один, они падут духом». Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он не колеблясь вел их дальше, ибо они не могут

чувствовать усталости, не могут испытывать жажды и даже не могут считать себя смертными, пока имеют такого царя.

Плутарх. «Жизнеописание Александра»

Ключи к власти

В игре власти вы окружены людьми, у которых нет других причин и стимулов помогать вам, кроме собственных интересов. И если вам нечего предложить, чтобы заинтересовать их, возможно, отношение к вам будет недоброжелательным: в вас увидят очередного конкурента или просто не пожелают тратить на вас свое драгоценное время. Преодолеть эту холодность удается тем, кто может подобрать подход к сердцу и уму незнакомца, переманить его на свою часть поля. Но большинству так никогда и не удается освоить эту игру. Встречаясь с новым для себя человеком, вместо того чтобы отступить на шаг и присмотреться к нему и его неповторимой натуре, они говорят о себе, им не терпится навязать собственную волю и свои предрассудки. Они спорят, хвастают, демонстрируют силу. Сами того не замечая, в этот момент они создают себе врага, противника, поскольку ничто так не выводит из себя, как чувство, что тобой пренебрегают, игнорируют твою личность, не хотят разобраться в твоем психологическом складе. Чувство, что в вас видят лишь посредственность, вызывает негодование и желание пойти наперекор.

Помните: чтобы привлечь людей на свою сторону, прежде всего нужно найти к ним подход и мягко, незаметно сломить сопротивление. Обольщайте их обоюдоострым подходом — работайте с их эмоциями и играйте на их интеллектуальных пристрастиях.

Будьте внимательны и к тому, что выделяет их среди прочих (индивидуальные психологические особенности), и к тому, в чем они похожи на всех остальных (базовые эмоциональные реакции). Метьте в основные чувства: любовь, ненависть, ревность. Если вам удастся затронуть их, они ослабят контроль, и убедить их станет много проще.

Когда Шу Чжугэ Лян захотел отговорить полководца вражеского государства от вступления в альянс с Цао Цао, заклятым врагом Ляна, он не стал живописать жестокость Цао Цао или обсуждать его моральные принципы. Лян высказал догадку, что Цао Цао тайком подбирается к красивой молодой жене военачальника. Это как гром

поразило ревнивого мужа, и все мысли о союзничестве были отставлены. Мао Цзэдун всегда апеллировал к эмоциям народа и говорил с людьми самыми простыми словами. Сам он имел прекрасное образование, много читал, но метафоры, которые он использовал в своих речах, взывали к примитивным инстинктам, пробуждая у людей их затаенные тревоги и провоцируя всплески негативных эмоций на массовых митингах. Вместо того чтобы обсуждать практические аспекты определенной программы, он на самом примитивном уровне описывал, как она отразится на жизни народа. Будет заблуждением думать, что такой популистский подход срабатывает только с безграмотными и непросвещенными, он действует на каждого. Все мы смертны, всех страшит конец, каждый мечтает о преданной дружбе и привязанности. Всколыхните эти чувства — и вы завладеете сердцами.

Ветер и солнце

Северный ветер и Солнце поспорили, кто сильнее, и решили, что победит тот, кто скорее заставит путника сбросить одежду. Ветер начал первым. Но его порывы только заставляли путника плотнее кутаться в одежду, а когда он подул еще сильнее, стало так холодно, что человек надел еще и плащ. В конце концов Ветер устал возиться и передал путника солнцу. Солнце сначала немного пригрело своими лучами, так что человек снял теплый плащ. Затем оно засияло и стало так припекать, что он мало-помалу разделся и отправился искупаться в ближайшей речке. Уговоры приносят больше пользы, чем сила.

Из «Басен» Эзопа

Лучший способ это сделать — прибегнуть к красивым театральным эффектам, вроде того, что проделал Чжугэ Лян, накормив и отпустив пленных, в то время как от него ожидали самого худшего. Он потряс их до глубины души и подействовал на их сердца так, как он этого добивался. Играйте на контрастах, как он: толкайте людей в пропасть отчаяния, затем дайте надежду и утешение. Когда вместо ожидаемой боли вы приносите им облегчение, их сердца оказываются в ваших руках. Собственно говоря, вы добьетесь верного успеха,

доставляя людям удовольствия разного рода, так же, как если, посеяв страх, потом пообещаете или дадите защиту.

Символичные жесты и поступки довольно часто помогают завоевывать симпатии и хорошее отношение. Так, самопожертвование — демонстрация ваших страданий, которые вы разделяете с другими, — заставит людей отождествить себя с вами, даже если ваши страдания минимальные или символические, а у них самые настоящие. Входя в группу, совершите какой-нибудь добрый поступок, подготовьте почву для более жестких действий, которые последуют.

Когда Т. Э. Лоуренс во время Первой мировой войны сражался с турками в пустынях Среднего Востока, на него снизошло озарение: ему стало вдруг совершенно ясно, что традиционная, обычная война ушла в небытие. Солдат старого образца потерялся в громадной армии того времени, им манипулировали, приказывали, обращаясь как с пешкой на шахматной доске. Лоуренс не хотел мириться с таким положением дел. Для него личность каждого солдата была целой страной, которую предстояло завоевать. Преданный, инициативный, психологически подготовленный солдат сражается с большей отдачей и более осмысленно — он личность, а не марионетка.

Ощущение Лоуренса еще более верно для нашего мира, где почти все мы чувствуем себя отвергнутыми, обезличенными, испытываем недоверие к власти. Все это делает откровенные игры власти с применением жесткости и нажима тем более непродуктивными и опасными. Вместо того чтобы переставлять на доске шахматные фигуры, добейтесь преданности и сочувствия от тех, кто на вашей стороне. Пусть они ощутят гордость и энтузиазм от того, что вы посчитали их достойными для участия в общем деле. Это не только облегчит вашу работу, но и позволит с большей легкостью обманывать их и в дальнейшем. А чтобы добиться этого, необходимо учитывать индивидуальные психологические особенности каждого. Ни в коем случае не следует самоуверенно полагать, что тактика, сработавшая с одним человеком, даст хороший результат и с другим. Чтобы найти эффективный подход, сначала добейтесь, чтобы человек приоткрылся. Чем больше люди разговаривают с вами, тем больше вы узнаете об их вкусах, предпочтениях, симпатиях и антипатиях, то есть о рычагах, с помощью которых вам предстоит управлять ими.

Самый простой способ склонить окружающих на свою сторону — это продемонстрировать людям — и как можно проще и понятнее, — какую выгоду принесет им задуманное вами. Собственные интересы — самый сильный мотив из всех возможных: величие задачи может захватить ум, но, когда первый всплеск возбуждения уляжется, интерес угаснет, если за этим не будет ничего, кроме размытых перспектив. Выгода — более прочное основание. Лучше всего воздействуют аргументы внешне благородные и возвышенные, но на деле они самым неприглядным образом взывают к своекорыстным интересам. Эгоистические мотивы прикрыты, но гарантируют успех вашему делу.

Среди тех, кто лучше других владеет искусством найти подход к человеку, достучаться до людских сердец, много художников, интеллектуалов, поэтов. Это объясняется тем, что идеи легче всего передать с помощью образов и метафор. Поэтому всегда разумно иметь на своей стороне хоть одного художника, артиста или писателя, способного воззвать прямо к человеческим сердцам. Короли всегда обзаводились придворными литераторами: у Фридриха Великого был его Вольтер (пока они не поссорились и не расстались), Наполеон завоевал уважение Гёте. И наоборот, отношение Луи Наполеона к писателям, скажем к Виктору Гюго, которого он на долгие годы изгнал из Франции, косвенно явилось одной из причин его непопулярности в народе и падения. Таким образом, опасно отвергать художников, куда лучше иметь их в союзниках и использовать их дар.

Последнее: научитесь играть с массами. Чем шире ваша поддержка, тем крепче власть. Понимая, что одна отвергнутая, разочарованная душа может послужить искрой для вспышки возмущения, Людовик XIV всегда заботился о том, чтобы обласкать каждого и внушить любовь даже самым мелким прислужникам. Вы должны постоянно завоевывать все новых союзников на всех уровнях — обязательно настанет время, когда они вам пригодятся.

Образ: замочная скважина.

Люди возводят стены, чтобы не впустить вас внутрь. Никогда не вламывайтесь к ним силой — вы только натолкнетесь на все новые стены. В стенах имеются двери, ведущие к сердцам и умам, а в них есть крошечные отверстия для ключей. Загляните в замочную

скважину, подберите ключ, который откроет дверь, — и вы получите доступ к их душам, не прибегая ни к насилию, ни к взлому.

Авторитетное мнение

«Для того чтобы склонить человека на свою сторону, необходимо, чтобы я знал его сердце, только тогда я смогу направлять свои речи точно в цель... По этой причине тот, кто хочет заручиться поддержкой правителя, должен, тщательно наблюдая, изучить его чувства, любовь и ненависть, тайные желания и страхи, прежде чем он сможет завоевать сердце господина».

Хань Фэй

Оборотная сторона

У закона нет оборотной стороны.

Закон 44. Обезоруживай и приводи в ярость с помощью эффекта зеркала

Формулировка закона

Зеркало отражает реальность, но это также и совершенное орудие обмана: когда вы как в зеркале отображаете действия своих врагов, в точности повторяя все, что делают они, им не удается понять, какова ваша стратегия. Эффект Зеркала издевается, унижает их, мешает маскировать их чувства. Поднося зеркало к их душам, вы создаете у них иллюзию того, что разделяете их ценности; поднося зеркало к их поступкам, вы преподаете им урок. Немногие в силах противиться власти Эффекта Зеркала.

Эффекты Зеркала: первичная типология

Зеркала обладают над нами властью, они волнуют нас. Глядя на свое отражение в зеркале, мы чаще всего видим то, что хотим увидеть, — свой собственный образ, знакомый и привычный. Мы стараемся не присматриваться, игнорируем морщинки и мелкие дефекты. Но, вглядевшись пристальнее, мы иногда чувствуем, что видим себя так же, как видим других, как человека среди многих людей, скорее объект, чем субъект. Это ощущение заставляет поежиться — мы видим себя, но это только внешняя оболочка, без мыслей, духа и души, которые составляют наше сознание. Перед нами вещь.

Применяя Эффекты Зеркала, мы символически воссоздаем его пугающую силу, отражая действия окружающих, имитируя их движения, чтобы вывести их из равновесия и раздразнить. Чувствуя себя объектом насмешки, пародии, какой-то неодушевленной, бездушной вещью, они сердятся. Но проделайте то же самое чуть по-другому, и они пребудут в радостной растерянности, ведь вы в точности отразили их помыслы и желания. В этом нарциссическая власть зеркал. В обоих случаях Эффект Зеркала выводит из строя ваш объект, приводя его либо в гнев, либо в восторг, и в это мгновение вы обладаете над ним властью, позволяющей манипулировать и обольщать. В Эффекте Зеркала заключена огромная сила, потому что он воздействует на самые примитивные чувства.

В ведомстве власти известны четыре основных Эффекта Зеркала.

Нейтрализующий эффект. У одного из персонажей древнегреческой мифологии, горгоны Медузы, на голове были змеи вместо волос, язык высовывался наружу, массивные зубы торчали вперед — в общем же лицо было так ужасно, что всякий, кто видел его, от ужаса превращался в камень. Но Персею удалось справиться с Медузой. Он отполировал бронзовый щит, превратив его в зеркало. Глядя не на Медузу, а на ее зеркальное отражение, он сразился с нею и отрубил страшную голову. Щит послужил герою зеркалом. Мы можем сказать, что зеркало, в свою очередь, являлось щитом: Медуза не могла видеть Персея, видела только отражение своих собственных движений, и, скрываясь за этим экраном, тот подкрался и уничтожил чудовище.

Вот суть Нейтрализующего эффекта: делайте то, что делают ваши враги, как можно точнее воспроизводите их действия, и они, ослепленные вашим зеркалом, не увидят ваших намерений. Их стратегия работы и общения с вами зависит от того, как вы на них реагируете, от ваших характерных черт, вашей манеры вести дела: нейтрализуйте их, копируя их реакции и поведение. Это немного издевательская тактика, она может вызвать даже взрыв негодования. Наверное, каждый помнит, как в детстве кто-нибудь дразнил его, повторяя каждое слово, — очень скоро у вас возникало сильнейшее желание броситься на обидчика с кулаками. Взрослые могут и должны работать тоньше, и все же в ваших силах довести оппонентов до исступления. Маскируя собственную стратегию зеркальным щитом, вы расставляете невидимые ловушки или подталкиваете соперников к капкану, который они же для вас расставили.

Эта действенная методика применяется в военных стратегиях со времен Сунь-цзы. В наше время ее часто используют в политических кампаниях. Она полезна и в тех неприятных случаях, когда у вас не выработана собственная линия поведения. Это — Зеркало Воина.

Обратным вариантом Нейтрализующего эффекта является Тень: вы, словно тень, повторяете все шаги оппонентов, не давая им видеть вас. Пользуйтесь Тенью для сбора информации, которая нейтрализует их дальнейшие планы, так как вы получите возможность видеть каждое их движение. Тень эффективна, потому что повторять действия

других означает получить возможность проникнуть в их привычки и заведенные порядки. Тень — незаменимый инструмент для детективов и разведчиков.

Эффект Нарцисса. Вглядываясь в воды озера, юный грек Нарцисс влюбился в того, кого там увидел. Он не мог отвести взгляда от отражения, и в конце концов эта иллюзорная любовь стоила ему жизни. У всех нас имеются похожие проблемы. Мы по уши влюблены в самих себя, но, поскольку любовь подразумевает ответ извне, мы осознаем ее неосуществимость и, как следствие, постоянно испытываем неудовлетворенность. Эффект Нарцисса использует этот всеобщий нарциссизм: вы вглядываетесь глубоко в души людей, постигаете их затаенные помыслы, их ценности, вкусы и интересы. Затем вы возвращаете им все это, превращая себя в подобие их зеркального отражения. Ваша способность отразить их душу даст вам великую власть над ними, они могут даже испытать к вам что-то вроде любовного влечения.

Это просто способность мимикрировать, подражать другому не физически, а психологически, и она невероятно могущественна, потому что играет на неудовлетворенной детской любви к самому себе. Обычно люди донимают нас их вкусами, их проблемами и их опытом. Они не делают ни малейшей попытки посмотреть на вещи вашими глазами. Это утомляет, но и создает прекрасную возможность: если вы можете показать, что понимаете других, отражая их основные чувства — а подобное случается так редко, — то загипнотизируете и обезоружите их с легкостью. Ни один человек не может устоять перед сладостным ощущением гармоничного совпадения с внешним миром, даже если вы искусственно создали его для удовольствия этого человека, а также для достижения собственных целей.

Эффект Нарцисса творит чудеса и в светской жизни, и в бизнесе, он предоставляет нам Зеркала Соблазнителя и Придворного.

Купец и его друг

Один купец как-то возымел желание отправиться в долгое путешествие. А так как он был не очень богат, то сказал себе: «Пожалуй, нужно, уезжая, оставить часть своего имущества в городе, с тем чтобы, коли постигнет меня в дороге несчастье, не лишиться всего, а найти здесь по возвращении средства к существованию».

Решив поступить так, он доставил множество железных брусьев, которые в основном и составляли его богатство, к своему другу, которому доверял, с просьбой сохранять их во время его отсутствия. Затем, уладив все свои дела, он отправился в путь. Прошло время, и купец, путешествие которого было неудачным, возвратился домой. Первым делом отправился он к другу и попросил назад свое железо. Однако друг, который за это время наделал долгов и продал железо, чтобы расплатиться с кредиторами, приготовил такой ответ. «Поверишь ли, друг, — сказал он, — я сложил твое железо в комнату, надежно ее заперев, и собирался хранить его так же ревностно, как если бы это было мое собственное золото. Но случилось то, чего никто не мог ожидать: в комнату проникла крыса и сожрала все железо!» Купец, притворившись, что поверил, воскликнул: «Поистине меня постигло страшное несчастье! Но ведь я с давних пор знаю, что крысы обожают железо. Я и раньше много раз нес подобные убытки от их набегов, так что мне теперь не так тяжело перенести эту утрату». Другу понравились такие речи, он был несказанно рад, что купец поверил в сказку о крысе, пожравшей железо. И чтобы окончательно снять с себя все подозрения, он пригласил купца к себе отобедать на следующий день. Купец пообещал, что придет. Возвращаясь, однако, он встретил в городе сына своего друга и увел мальчика к себе домой, а там запер в одной из комнат. На другой день он отправился к своему другу и застал того в страшном горе. Сделав вид, что ни о чем не догадывается, купец стал расспрашивать, что случилось. «О дорогой мой друг, — отвечал несчастный, — прошу тебя простить меня за то, что я не так радушен и весел, как подобает при встрече дорогого гостя: я лишился одного из своих сыновей. Я ходил уже искать его, трубя в рог, но никто ничего о нем не знает». — «О! — вскричал купец.— Я разделяю твое горе и могу поведать тебе, что случилось с мальчиком, ибо вчера, возвращаясь от тебя, я услышал хлопанье крыльев и увидел сову, что поднималась в воздух, держа в когтях ребенка, правда, я не уверен, точно ли это был твой сын». — «Да ты что, глупец из глупцов и самый большой глупец, — отвечал друг, — как не стыдно тебе угощать меня такой бесстыдной ложью? Сова, что весит не более двух или трех фунтов, разве способна поднять в воздух мальчика, который весит в двадцать раз больше?» «Почему же нет, — сказал купец, — отчего это так тебя удивляет? В стране, где одна крыса может сгрызть

несколько сотен железных брусьев, разве не может и сова поднять в воздух мальчика весом всего в двадцать раз больше себя?» При этих словах друг купца понял, что тот не так прост, как ему казалось, и принялся умолять его о прощении, возместил стоимость украденного железа, а тот вернул ему сына.

Из «Басен» Пильпая

Нравственный/Моральный эффект. Сила слова имеет свои пределы, часто к тому же словами мы добиваемся эффекта, противоположного тому, чего хотели. Грациан замечает: «Правда обычно видна, но редко слышна». Моральный эффект является совершенным способом продемонстрировать свои идеи через действие. Проще говоря, вы преподаете окружающим урок, давая им попробовать их собственное лекарство.

В Моральном эффекте вы отражаете то, что окружающие причинили вам, делая это таким образом, что они понимают, что вы поступаете с ними в точности так, как они поступили с вами. Вы заставляете их глубоко прочувствовать, что они поступили нехорошо. Если бы вы жаловались и хныкали, это только укрепило бы их позиции. А вот когда они чувствуют на себе результат собственных действий, который рикошетом возвращается к ним, то осознают на глубочайшем уровне, как они ранят окружающих или донимают их своим асоциальным поведением. Вы воплощаете в себе качества, за которые вам хочется заставить их испытать стыд, и создаете зеркало, где они могут увидеть свои промахи и получить поучительную информацию о самих себе. Этот метод часто применяют учителя, психологи, а также любой, кому приходится сталкиваться с неприятным и необдуманным поведением. Это — Зеркало Учителя. Справедливо обошлись с вами окружающие или действительно поступили плохо — в любом случае для вас часто может оказаться полезным направить на них отражение их поступков таким образом, чтобы они почувствовали вину.

Галлюциногенный эффект. Зеркала пугающе обманчивы, потому что они создают впечатление, что вы смотрите в реальный мир. На самом же деле перед вами простой кусок стекла, который, как всем известно, не может показать мир в точности таким, каков он есть: в зеркале всё перевернуто. Когда Алиса, героиня Льюиса Кэрролла,

проходит сквозь зеркало, то попадает в мир, где все перевернуто вверх дном, и не только на вид.

Галлюциногенный эффект возникает при создании прекрасной копии предмета, места, человека. Эта копия являет собой что-то вроде макета — люди принимают ее за правду, потому что она имеет внешнее сходство с реальным прообразом. Это — излюбленный метод мошенников и аферистов, которые мастерски обманывают людей, подсовывая им «куклы», фальшивки, правдоподобно копирующие реальный мир. Этот эффект имеет также применение повсюду, где требуются маскировка и камуфляж. Это Зеркало Обманщика.

Соблюдение зеркальных эффектов (1)

В феврале 1815 года император Наполеон совершил побег с острова Эльба, где находился в ссылке, и вернулся в Париж, пройдя по стране победным маршем, всколыхнув всю Францию, объединив армию и граждан всех сословий на своей стороне. Король Людовик XVIII был свергнут. Однако уже к марту, восстанавливая свою власть, Наполеон столкнулся с тем, что положение Франции коренным образом переменилось. Страна была разорена, у него не было союзников в других европейских государствах, а самые преданные советники и самые важные министры оставили его или даже покинули страну. Лишь один человек, представлявший старый режим, остался с ним — Жозеф Фуше, бывший министр полиции.

Наполеон доверял Фуше выполнение грязной работы во время первого своего правления, но никогда не был в состоянии до конца понять своего министра. Император содержал штат агентов и соглядатаев, которые следили за всеми советниками и министрами, но ни один ничего не сообщал о Фуше. Если его подозревали в какой-либо оплошности или даже злодеянии, министр не сердился и не воспринимал это как личное оскорбление — он подчинялся, кивал, улыбался. Он менял окраску, как хамелеон, приспосабливаясь к требованиям момента. Поначалу он казался приятным, даже очаровательным, но со временем Наполеон понял, что этот скользкий человек переиграл его. Наполеону приходилось в разное время увольнять многих своих министров, даже Талейрана, но он никогда не трогал Фуше. И вот в 1815 году, снова оказавшись у власти

и нуждаясь в помощи, он понял, что не сможет обойтись без Фуше на посту министра полиции.

Спустя несколько недель шпионы Наполеона сообщили, что, по их подозрениям, Фуше находится в секретной связи с министрами других стран, в том числе с австрийцем Меттернихом. Наполеона крайне взволновала мысль, что самый ценный его министр оказался изменником. Необходимо было выяснить истину, пока не поздно. Наполеон не мог позволить себе пойти на прямое столкновение с Фуше — тот был скользким как угорь. Ему требовались надежные доказательства.

Казалось, они могли быть получены в апреле, когда частная полиция императора задержала господина из Вены, прибывшего в Париж для передачи информации Фуше. Приказав доставить пойманного к себе, Наполеон метал громы и молнии, грозя ему расстрелом в случае, если тот не сознается. Наконец шпион сознался: Фуше передал ему письмо для Меттерниха, написанное симпатическими чернилами, посвященное организации конфиденциальной встречи в Базеле со специальными агентами. Наполеон конечно же распорядился, чтобы один из его собственных агентов проник на встречу. Это предоставляло долгожданную возможность поймать Фуше с поличным, если он и в самом деле планировал предательство, и тогда уже примерно его наказать.

Наполеон с нетерпением ожидал возвращения агента, но, к его удивлению и недовольству, тот появился на несколько дней позже, чем ожидалось, и сообщил, что ему не удалось подслушать ничего, что бы свидетельствовало об участии Фуше в заговоре. Напротив, у него создалось впечатление, что другие участники встречи подозревали Фуше в двойной игре против них, в том, что все это время он оставался верным Наполеону. Император ни на минуту не поверил услышанному — он чувствовал, что Фуше каким-то образом снова его провел.

На следующее утро Фуше был у Наполеона и мимоходом бросил: «Кстати, сир, я еще не говорил вам, что получил письмо от Меттерниха несколько дней назад, меня отвлекли куда более важные дела. Кроме того, его эмиссар забыл передать мне порошок, проявляющий написанное... Словом, вот это письмо». Уверенный, что Фуше потешается над ним, Наполеон взорвался: «Предатель! Мне

следовало бы казнить вас!» Он накричал на Фуше, но не мог уволить его, не имея прямых доказательств. Фуше лишь выразил недоумение по поводу слов императора, но в душе улыбался, радуясь успеху своей зеркальной игры.

Когда ты сошелся в схватке, борешься за победу и понимаешь, что не можешь взять верх, слейся с противником, стань с ним единым целым.

Ты можешь победить, подобрав и применив необходимый прием, когда вы переплелись друг с другом.

...Часто можно одержать уверенную победу благодаря умению сливаться с неприятелем, а будь вы разобщены, шанс на победу был бы утрачен.

Из «Книги пяти колец» Миямото Мусаши, XVII век

Толкование

Фуше было давным-давно известно, что Бонапарту удавалось одерживать верх в том числе и благодаря тому, что он шпионил за приближенными днем и ночью. Министр вышел невредимым из этой игры, нанимая собственных шпионов, чтобы шпионить за шпионами Наполеона. Этим он нейтрализовал любое действие императора против себя. Так и в случае со встречей в Базеле Фуше удалось побить противника его же оружием: зная об осведомителе Наполеона, он обставил дело так, словно сам также был двойным агентом.

Фуше добился власти и процветал в период великой смуты благодаря тому, что вел с окружающими зеркальную игру. Во время Великой французской революции он был радикальным якобинцем. После террора стал умеренным республиканцем. При Наполеоне превратился в убежденного империалиста, которому Наполеон пожаловал дворянство и титул герцога д’Отранто. Если оружием Наполеона было копание в грязном белье подчиненных, то Фуше страховал себя тем, что собирал сведения о Наполеоне, как и обо всех других, с кем ему приходилось иметь дело. Это позволяло ему предвосхищать планы и предугадывать желания императора, прежде чем тот успевал высказать их. Прикрывая свои действия с помощью

стратегии зеркала, Фуше мог также планировать и наступательные операции, не боясь, что его поймают с поличным.

В этом власть зеркального повторения действий тех, кто вас окружает. Во-первых, вы даете людям ощущение, что полностью разделяете их мысли и идеалы. Во-вторых, если они подозревают, что у вас есть скрытые мотивы, зеркало прикроет вас от них, подобно щиту, не позволяя им понять вашу стратегию. В конце концов это раздражает их и выбивает из колеи. Играя в двойную игру, вы получаете возможность перехватить у них инициативу, заставив их почувствовать себя слабыми и беспомощными. Вы приобретаете и еще одно преимущество: можете выбирать, когда и каким образом сокрушить их, — а это верная дорога к власти. К тому же зеркало сохраняет вашу ментальную энергию: простое повторение ходов, сделанных окружающими, своеобразное эхо, дает вам простор, необходимый для разработки собственных планов.

Лисица и аист

Лиса, скупая от природы,
Вдруг хлебосолкою затеяла прослыть.
Да только как тут быть,
Чтоб не вовлечь себя в излишние расходы?
Вопрос мудрен — решит его не всяк.
Но для Лисы такой вопрос пустяк:
Плутовка каши жидкой наварила,
Ее на блюдо тонко наложила
И Аиста зовет преважно на обед.
На зов является сосед,
И оба принялись за поданное блюдо.
Ну, кашка хоть куда! Одно лишь худо,
Что Аист есть так не привык:
Он в блюдо носом тык да тык,
Но в клюв ему ни крошки не попало;
А Лисанька меж тем в единый миг
Всю кашу языком слизала.
Вот Аист в свой черед,
Чтоб наказать Лису, а частью для забавы,
Ее на завтра ужинать зовет.

Нажарил мяса он, сварил к нему приправы.
На мелкие кусочки накрошил
И в узенький кувшин сложил.
Меж тем Лиса, почуяв запах мяса,
Пришла голодная, едва дождавшись часа,
И ну, что было сил,
Давай вокруг стола юлить и увиваться
И щедрости соседа удивляться.
Но лесть ей тут не помогла:
По клюву Аисту кувшин пришелся впору,
У гостьи ж мордочка чресчур была кругла...
И жадная Кума ни с чем, как и пришла,
Поджавши хвост, к себе убралась в нору.

Жан Лафонтен

Соблюдение зеркальных эффектов (2)

В начале своей карьеры честолюбивый полководец и государственный деятель Алкивиад (450—404 гг. до н. э.) использовал грозное оружие, проложившее ему дорогу к власти. Общаясь с окружающими его людьми, он чувствовал их настроения, их вкусы и умело приспосабливал под них свои слова и поступки, так что они, как в зеркале, видели себя и свои сокровенные чаяния. Он обольщал их, давая понять, что считает их ценности самыми важными и что его цель была помочь им осуществить их мечты. Мало кто был способен устоять перед его чарами.

Первым, кто поддался его обаянию, был философ Сократ. Жизнь Алкивиада являла собой противоположность Сократовым идеалам простоты и честности: он купался в роскоши и был совершенно беспринципен. Однако, встречаясь с Сократом, он подражал ему в трезвости, ел простую пищу, сопровождал Сократа на долгих прогулках и беседовал с ним только о философии и добродетели. Сократ не сразу поддался обману — его не могла не настораживать другая жизнь Алкивиада. Но он позволил увлечь себя простому рассуждению: в моем присутствии, думал он, этот человек поддается благотворному влиянию, только я имею над ним такую власть. Это чувство опьянило Сократа, он полюбил Алкивиада, стал горячо

поддерживать его, а однажды Алкивиад с риском для собственной жизни спас философа на поле битвы.

Афиняне считали Алкивиада лучшим оратором, поскольку он обладал непостижимой способностью чутко улавливать настроение аудитории и, словно зеркало, отображать желания своих слушателей. Он произносил пламенные речи в поддержку завоевания Сицилии, которое, как он считал, принесет Афинам огромные преимущества, а участников похода прославит на века. Его речи выражали стремление молодых афинян завоевывать новые земли своими руками, а не жить воспоминаниями о подвигах отцов. Но он также апеллировал и к ностальгии старшего поколения по славным годам, когда Афины возглавляли походы греков против Персии, положившие начало основанию империи. Все Афины теперь говорили только о завоевании Сицилии. План Алкивиада получил поддержку, он сам должен был возглавить поход.

Алкивиад сражался в Сицилии, однако в Афинах у него нашлись противники, обвинившие его в осквернении священных статуй. Ему стало известно, что враги собираются расправиться с ним по возвращении домой. Поэтому в последнюю минуту он дезертировал, оставив афинский флот, и переметнулся к злейшему врагу Афин, Спарте. Спартанцы приветствовали переход такого известного человека на их сторону, тем не менее им была известна его репутация, так что они держались с ним настороже. Было известно, что Алкивиад любит роскошь. Спартанцы же были воинами, они превыше всего ставили суровую простоту и аскетизм. Они опасались, что афинянин развратит их молодежь. Но, к их большому облегчению, тот Алкивиад, что прибыл в Спарту, был не тем, кого они с тревогой ожидали: он ходил с нестриженными волосами (как они сами), мылся холодной водой, ел хлеб и черную кровяную похлебку с чечевицей, носил простую одежду. Для спартанцев это означало, что он понял и оценил их образ жизни, признал его преимущество над афинским. Превосходя спартанцев величием и заслугами, он сделал выбор, став спартанцем, хотя и не родился им, и, следовательно, заслуживает почитания больше, чем кто бы то ни было. Поддавшись его обаянию, спартанцы дали ему огромную власть. К несчастью, Алкивиад не умел вовремя остановиться — ему удалось обольстить жену правителя Спарты, она

забеременела от него. Когда правда всплыла, ему снова пришлось спасать свою жизнь.

На сей раз Алкивиад бежал в Персию. Там он совершил поразительно резкий переход от спартанской простоты к расточительности и блеску, следуя персидскому образу жизни до мельчайших деталей. Конечно, персам было весьма лестно видеть, что грек, да притом такая крупная фигура, как Алкивиад, предпочитает их культуру своей собственной. Его осыпали почестями, он получил землю, власть. Поддавшись обману зеркала, они не заметили, что, прикрываясь этим щитом, Алкивиад ведет двойную игру, тайно помогая Афинам вести войну со Спартой, и тем самым восстанавливает свои позиции в городе, куда он отчаянно хотел вернуться.

Похищенное письмо

Когда я хочу узнать, насколько умен или глуп, насколько добр или зол мой партнер и что он при этом думает, я стараюсь придать своему лицу такое же, как у него, выражение, а потом жду, какие у меня появятся мысли и чувства.

Эдгар Аллан По

Толкование

В самом начале своей политической карьеры Алкивиад сделал открытие, которое коренным образом повлияло на его подход к достижению власти: он обладал яркой и сильной индивидуальностью, но обнаружил, что, прямолинейно и упорно отстаивая свои взгляды и идеи, добивался своего лишь отчасти, в то же время упуская и теряя значительно больше. Алкивиад считал: секрет власти над массами заключается в том, чтобы не стараться окрасить окружающих в свои цвета, но самому принять их окраску, подобно хамелеону. Люди попадались на этот крючок, не замечая подвоха.

Не забывайте: каждый человек прячется в собственной раковине, все мы в той или иной степени нарциссы. Пытаясь навязать свое эго окружающим, вы добиваетесь лишь того, что стена, разделяющая вас, становится выше, а сопротивление растет. Отражая же их, как

в зеркале, вы ловите их в нарциссову ловушку: они видят перед собой копию, отпечаток собственной души. Эта копия на самом деле с начала до конца изготовлена вами. Прибегая к помощи зеркального отражения, вы приобретаете над людьми огромную власть.

Стоит, впрочем, обратить внимание на опасность, возникающую при слишком широком, даже беспорядочном использовании Эффекта Зеркала. В присутствии Алкивиада люди чувствовали себя более значительными, словно их эго удваивалось. Но стоило ему уйти, у них возникало ощущение пустоты и собственной ничтожности. Когда же они видели, как он ведет ту же игру с совершенно иными людьми, отражая тех с той же полнотой, с какой раньше отражал их самих, то чувствовали, что их не только принизили, но и предали. Алкивиад применял Эффект Зеркала чрезмерно интенсивно, так что униженными и обманутыми чувствовали себя целые народы. Поэтому ему то и дело приходилось уносить ноги, спасаясь от расправы. В конце концов Алкивиад все же был убит жаждавшими мести спартанцами. Он зашел слишком далеко. Зеркалом Обольстителя следует пользоваться осторожно и с разбором.

О Лоренцо Великолепном

Лоренцо [Медичи] не упускал случая воздействовать на папу Иннокентия, который и без того чувствовал к нему уважение, чтобы усилить в нем это чувство и укрепить дружбу и привязанность между ними. Он не поленился изучить до мелочей вкусы и наклонности папы и с усердием им потакал. Он посылал ему... бочки его любимого вина... Когда папе нездоровилось, он писал ему льстивые, учтивые послания, в которых выражал свое сочувствие, говоря, что ощущает его страдания, словно свои собственные, ободрял его и в которых как бы невзначай излагал собственные воззрения на то, какой должна быть папская политика. Иннокентий с благодарностью принимал от Лоренцо знаки внимания и соглашался с его доводами и рассуждениями... Со временем он стал разделять его взгляды настолько полно, что заслужил недовольное высказывание посла Феррары: «Папа и сны видит глазами Лоренцо Великолепного».

Кристофер Хибберт. «Расцвет и падение дома Медичи», 1980

Соблюдение зеркальных эффектов (3)

В 1652 году недавно овдовевшая баронесса Манчини переехала со своей семьей из Рима в Париж, где она могла рассчитывать на поддержку и протекцию своего брата, кардинала Мазарини, премьер-министра Франции. Четыре из пяти дочерей баронессы блистали при дворе, покоряя всех красотой и живостью. Очаровательные племянницы кардинала получили прозвание Мазаринетт. Довольно скоро их уже приглашали на все важнейшие придворные торжества.

Пятая дочь, Мария Манчини, не разделила этой удачной судьбы, так как не отличалась прелестью и изяществом сестер, которые, вместе с матерью и самим кардиналом, недолюбливали ее, чувствуя, что она вносит дисгармонию в облик семьи. Ее пытались уговорить уйти в монастырь, но она отказалась. Мария погрузилась в учение, занимаясь латынью и греческим, совершенствуя свой французский и оттачивая музыкальные способности. В тех редких случаях, когда семья позволяла ей появиться при дворе, она, вступая в разговор, самым внимательным образом выслушивала собеседника, учась на основании этого составлять суждение о людях, их слабостях и скрытых желаниях. И когда она встретилась с будущим королем Людовиком XIV (это произошло в 1657 году, когда Людовику было семнадцать лет, а Марии восемнадцать), то решила, назло семье и дядюшке, добиться, чтобы молодой человек полюбил ее.

Задача казалась совершенно невыполнимой для девушки с такой заурядной внешностью, но Мария хорошо изучила принца. Она заметила, что фривольность ее сестер ему не нравится, и ей показалось, что ему претит обстановка при дворе и раздражают мелкие интриганы, вившиеся вокруг него. Она увидела в нем романтическую натуру — из тех, кто увлекается рыцарскими романами, идет в бой впереди своей армии, стремится к возвышенным идеалам и мечтает о славе. Двор не способствовал удовлетворению подобных фантазий. Этот банальный, поверхностный мирок был скучен Людовику.

Ключ к сердцу принца, поняла Мария, можно подобрать, отразив, как в зеркале, его мечты и юную тягу к славе и романтике. Для начала она погрузилась в романы, поэмы и пьесы, которыми, как ей было известно, зачитывался будущий король. Когда Людовик как-то решил вовлечь ее в беседу, к его восторгу, она заговорила о вещах, будораживших его воображение, — не о модах или сплетнях, но о

великих рыцарях, благородных королях прошлого и легендарных героях. Она утоляла его жажду славы, создавая возвышенный образ великого короля, которым он мечтал стать. Она зажгла его фантазию.

В дальнейшем, когда Король-Солнце стал проводить все больше и больше времени в обществе Марии, стало очевидно, что он влюблен в девушку, которая, казалось, меньше всего для этого подходит. К изумлению ее сестер и матери, граничившему с ужасом, Людовик не оставлял Марию Манчини своим вниманием. Он брал ее с собой в военные кампании и сам подыскивал удобные места, откуда она могла наблюдать за происходящим. Он обещал Марии жениться на ней и сделать ее королевой.

Сам Мазарини, впрочем, ни за что не допустил бы женитьбы короля на своей племяннице: для Франции был невыгоден этот брак, не позволявший приобрести связи в дипломатических кругах и союзников в королевских домах Европы. Людовику предстояло жениться на испанской или австрийской принцессе. В 1658 году Людовик уступил давлению и согласился отказаться от первой романтической любви. Он пошел на это с тяжелым сердцем и в конце жизни признался, что никогда не любил никого так же сильно, как Марию Манчини.

Витгенштейн был наделен удивительным даром угадывать мысли человека, с которым вступал в беседу. В то время как собеседник бился, стараясь найти подходящие слова для выражения своих мыслей, Витгенштейн улавливал самую мысль и помогал ему выразить ее. Подобный непостижимый талант казался окружающим сверхъестественным, однако это стало возможным, по моему глубокому убеждению, благодаря его длительным постоянным исследованиям и наблюдениям.

Норман Малькольм. «Людвиг Витгенштейн», 1958

Толкование

Мария Манчини от природы обладала настоящим талантом, который позволил ей безошибочно применить Зеркало Обольстителя. Прежде всего она издали, отойдя на шаг, пригляделась к своему

объекту. Соблазнители часто терпят неудачу в самом начале, если бывают излишне агрессивными. Первым ходом всегда должно быть отступление. Изучая Людовика издали, Мария разглядела то, что отличало его от прочих, — его возвышенные идеалы, романтическую натуру, высокомерное презрение к мелочному политиканству и интригам двора. Следующим ходом Марии было создание зеркала, где отразились бы тайные чаяния Людовика и он смог бы разглядеть свое желанное будущее — увидеть себя богоподобным королем!

У этого зеркала было много назначений: позволяя Людовику видеть собственную копию, оно тешило его эго, но к тому же, будучи сфокусировано исключительно на нем одном, создавало ощущение, что только для него создана эта женщина. Окруженный придворными интриганами, для которых имели значение только их собственные интересы, Людовик не мог устоять перед этой уловкой. Ведь как бы то ни было, в зеркале Марии Манчини он разглядел идеал всей своей жизни: благородного рыцаря Средневековья. Для души, равно романтической и честолюбивой, ничто не могло оказаться притягательнее, чем другой человек, казавшийся идеальным отражением его самого. В действительности этот образ — Король-Солнце — был сотворен не кем иным, как Марией Манчини, сам Людовик впоследствии признавал огромную роль, какая принадлежала ей в создании этого лучезарного образа.

Такова власть Зеркала Обольстителя: копируя вкусы и идеалы своей мишени, оно демонстрирует внимание к ее или его психологии, внимание, которое оказывает большее воздействие, чем агрессивный напор или преследование. Выясняйте, что небезразлично окружающим вас людям, от чего они сходят с ума, а затем подставляйте зеркало, чтобы оно, отразив это, вернуло им. Подкармливайте их мечтами о власти и величии, отражая их идеалы, — и они у вас в руках.

Врач должен быть непроницаем для своих пациентов и, подобно зеркалу, показывать им лишь то, что в нем отражается.

Зигмунд Фрейд, 1856–1939

Соблюдение зеркальных эффектов (4)

Доктор Милтон Х. Эриксон, пионер в области стратегической психотерапии, часто добивался прекрасных результатов, когда воздействовал на своих пациентов не прямо, а с применением Эффекта Зеркала. Конструируя аналогии, которые помогали пациентам самим дойти до истины, он преодолевал их сопротивление переменам. Когда, к примеру, к Эриксону обращались с сексуальными проблемами супружеские пары, он часто обнаруживал, что традиционная психотерапевтическая практика лобового столкновения и совместного обсуждения проблемы только усиливала внутреннее сопротивление супругов и вела к обострению противоречий. Вместо этого он переключал мужа и жену на обсуждение других, отвлеченных тем, часто самых банальных, сам же, наблюдая за ними, старался найти аналогию их сексуального конфликта.

Как-то супружеская чета проходила свой первый сеанс. Муж и жена обсуждали свои пищевые предпочтения и взгляды на проблему питания, особенно детально анализируя обед. Жена любила обедать неторопливо, с расстановкой — сначала аперитив, потом закуски, затем основные блюда, понемногу, в цивилизованной манере. Это изводило мужа — он не хотел тратить время на еду, желал сразу приступить к основному блюду и получить порцию побольше. По мере того как разговор продолжался, пара начала обмениваться быстрыми взглядами, явно замечая аналогию с тем, что происходило у них в постели. Однако в тот момент, когда они уловили эту связь, Эриксон переменил тему, тщательно избегая разговора о реальной проблеме.

Пара считала, что доктор просто хочет познакомиться с ними поближе, а к решению их насущной проблемы приступит при следующей встрече. Но в конце первого сеанса доктор Эриксон посоветовал им устроить обед, который бы отвечал вкусам их обоих: жена должна получить свой медленный обед, учитывающий время на переход от одного блюда к другому, а муж — большую порцию. Не осознавая, что действуют под точным руководством терапевта, супруги вошли в зеркальное отражение своей проблемы, и в этом зазеркалье решили проблему сами, закончив вечер именно так, как предполагал доктор, устроив улучшенную версию обеда и далее — его отражение в постели.

Имея дело с более серьезными проблемами, такими как зеркальный мир шизофренических фантазий, Эриксон всегда пытался проникнуть в зазеркалье и работать в нем. Однажды ему пришлось заниматься лечением пациента психиатрической больницы, который был уверен, что он — Иисус Христос. Больной драпировался в простыню, пересказывал евангельские притчи и донимал персонал и пациентов призывами к покаянию. Никакие лекарства и методы лечения не помогали до тех пор, пока в один прекрасный день доктор Эриксон не подошел к молодому человеку и не сказал: «Насколько я понимаю, у вас есть опыт плотницкой работы». Называвшийся Христом пациент вынужден был признать, что такой опыт у него есть, и Эриксон сейчас же загрузил его работой по изготовлению книжных полок и других полезных вещей. При этом он позволил ему носить его «хитон Христа». Несколько недель, в течение которых пациент был погружен в работу, его ум был меньше занят фантазиями и больше сконцентрирован на труде. Когда плотницкая работа захватила молодого человека, обозначился и поворот в его сознании: религиозные фантазии остались, но ушли на задний план, позволив молодому человеку занять место в обществе.

Толкование

Общение опирается на метафоры и символы, которые являются базой собственно языка. Метафора — это своего рода зеркало, она отображает конкретное и реальное, и часто ей удается сделать это яснее и глубже, чем буквальное описание. Когда имеешь дело с несгибаемым упорством окружающих, прямое общение только заставляет их усилить сопротивление.

Это проявляется с наибольшей очевидностью, когда вам приходится обсуждать поведение людей и указывать на их недостатки или несовершенства (а уж особенно в болезненно чувствительных областях, таких, например, как занятия любовью). Вы добьетесь куда более действенных результатов, если, как доктор Эриксон, построите аналогию, символическое зеркало и проведете другого через зазеркалье. Сам Христос понимал, что притчи — лучший способ преподать урок, потому что притча не так прямолинейна, она позволяет людям добраться до истины самостоятельно.

Имея дело с людьми, затерявшимися в отражениях миров фантазии (включая великое множество тех, кто не лежит в психиатрических клиниках), никогда не делайте попыток подтолкнуть их к реальности, разбить их зеркало. Лучше войдите в их мир и, действуя в нем по его правилам, мягко и незаметно выведите их из зеркального зала, в котором они блуждают.

Соблюдение зеркальных эффектов (5)

Великий мастер чайной церемонии XVI века Такено Шо однажды проходил мимо какого-то дома и заметил молодого человека, поливавшего цветы у входа. Две вещи привлекли внимание Шо: во-первых, изящество, с которым юноша выполнял работу, и, во-вторых, изумительной красоты гибискус, цветущий в саду. Он остановился и представился молодому человеку. Юношу звали Сенно Рикю. Шо хотелось задержаться, но он должен был торопиться на назначенную ранее встречу. Рикю, однако, пригласил его на чай на следующее утро. Шо с радостью согласился.

Когда на следующий день Шо открыл ворота, он с ужасом увидел, что в саду не осталось ни одного цветка. Больше всего ему хотелось снова увидеть восхитительный гибискус, видом которого он не успел насладиться накануне. Теперь, разочарованный и огорченный, он собрался уходить, но у ворот остановился, решив зайти в чайную комнату Рикю. Заглянув в нее, он словно остолбенел, застыв в изумлении: перед ним с потолка свисала ваза, а в ней стоял единственный цветок — тот самый гибискус, вчерашнее украшение сада. Каким-то образом Сенно Рикю прочитал мысли своего гостя и одним изысканным жестом продемонстрировал, что в этот день гость и хозяин находятся в совершенной гармонии.

Сенно Рикю впоследствии стал величайшим мастером чайной церемонии, а его отличительной чертой была эта непостижимая способность достигать гармоничного совпадения с мыслями своих гостей. Предугадывая их замыслы, Рикю покорял людей знанием их вкусов и привычек и умением угодить им.

Однажды Рикю был приглашен на чай Ямашимой Хечигуаном, поклонником чайной церемонии, человеком с живым чувством юмора. Когда Рикю прибыл к дому Хечигуана, он обнаружил, что ворота сада закрыты, и он открыл их, чтобы найти хозяина. По другую сторону

ворот он увидел, что кто-то вырыл яму, а затем аккуратно прикрыл ее холстом и землей. Поняв, что Хечигуан задумал разыграть его, он из вежливости вступил прямо в яму, перепачкав всю одежду.

С возгласами ужаса к нему выбежал хозяин и поспешно проводил Рикю в ванну, которая по необъяснимой причине оказалась наготове. Приняв ванну, Рикю присоединился к хозяину, и оба они получили огромное удовольствие от чайной церемонии, вместе посмеиваясь над происшествием. Позднее Сенно Рикю объяснил другу, что заранее догадался о готовящейся шутке Хечигуана: «Но поскольку всегда должно стремиться к достижению гармонии с желаниями хозяина, я упал в эту яму, зная о ней, чтобы быть уверенным, что наша встреча удастся. Чаепитие, конечно, менее всего подразумевает раболепие или угодливость, но нет чаепития там, где гость и хозяин не находятся в гармонии друг с другом». Хечигуан, видя, как почтенный Сенно Рикю барахтается в грязи, несказанно развлекся, но и Рикю извлек из происшествия удовольствие своего рода, сумев выполнить желание принимающего его у себя человека и видя, как тот радуется удавшейся шутке.

Толкование

Сенно Рикю не был волшебником или ясновидящим — он зорко смотрел на окружающих, примечая малейшие жесты, которые открывали ему их скрытые желания, а затем воспроизводил образы этих желаний. Хотя Шо никогда не заговаривал о впечатлении, какое произвел на него цветущий гибискус, Рикю прочитал восхищение в его глазах. Если исполнить желание друга означало падение в грязь, значит, так тому и быть. Сила Рикю была сосредоточена в виртуозном владении Зеркалом Придворного, которое придавало ему в глазах окружающих ореол обладателя сверхъестественных способностей.

Научитесь обращаться с Зеркалом Придворного, ибо оно приносит огромную власть. Учитесь читать в глазах людей, замечать их жесты — это более точный барометр страдания и удовольствия, чем любые слова. Примечайте и запоминайте любые детали — одежду, подбор друзей, бытовые привычки, вырвавшиеся замечания, — они обнажают скрытые и часто несбыточные желания. Впитывайте все это, находите, что лежит под верхним слоем, а затем станьте зеркалом их непроявленных натур. Вот ключ к власти: человек не просил вас об

одолжении, не признался, как его восхитил ваш цветок, и когда вы исполняете его желание, то его радость будет еще большей оттого, что желание это было невысказанным. Помните: в общении без слов, в скрытых любезностях содержится величайшая власть. Никто не в силах устоять перед колдовскими чарами Зеркала Придворного.

Соблюдение зеркальных эффектов (6)

Желтый Малыш Вейл, талантливый мошенник, использовал Зеркало Обманщика в самых своих блестящих аферах. Наиболее впечатляющей было воссоздание банка в городке Манси, штат Индиана. Однажды Вейл прочел в газете, что Торговый банк переехал из Манси. Он увидел в этом редкую возможность, которую нельзя было упустить.

Вейл снял бывшее здание Торгового банка, где все еще оставалась банковская мебель, даже кассовые окошки. Он купил мешки для денег, проставил на них название банка, заполнил их стальными шайбами и разложил за окошками касс, рядом с пачками денег — «куклами», то есть стопками нарезанной газетной бумаги, которые были прикрыты сверху настоящими купюрами. На роли персонала банка и клиентов Вейл нанял жуликов, карточных шулеров, букмекеров, девушек из местных борделей и других подходящих сообщников. Был у него даже банковский детектив из числа местных головорезов.

Вейл забросил приманку, объявив, что он брокер и занимается распространением бумаг по инвестициям, заявленным банком. Почти сразу на крючок попался богатый простак. Вейл и клиент пришли в банк. Вейл спросил, можно ли видеть президента. «Служащий» банка попросил подождать, и это делало все происходящее более правдоподобным — всегда приходится ждать, если встречаешься с президентом банка. А пока они ожидали, жизнь в банке кипела: девушки по вызову и ипподромные жучки сновали взад-вперед, изображая клиентов и служащих. Убаюканный этой совершенной копией реальности, несчастный простак безмятежно вложил 50 тысяч долларов в фальшивый банк, даже не заподозрив неладного.

Вейл проделывал тот же трюк с заброшенным яхт-клубом, пустой брокерской конторой, переехавшим риелторским агентством и совершенно настоящим игорным притоном.

Толкование

Воспроизведение реальности предоставляет огромные возможности для обмана. Настоящая униформа, великолепное произношение, подлинные аксессуары — ложь не будет разоблачена, ведь она переплетена с реальностью. Люди доверчивы, они испытывают страстное желание и потребность верить и с готовностью принимают добротно построенную декорацию за реальность. В конце концов, невозможно жить, постоянно подвергая сомнению реальность всего, что нас окружает, — это было бы слишком изнурительно. Мы привычно доверяем тому, что видим, и эту легковерность можно использовать.

В такой игре важнее всего первое мгновение. Если у ваших жертв не возникают подозрения при первом взгляде в отражение зеркала, им уже не выйти из-под вашего влияния. Раз вступив в ваш зеркальный зал, они теряют способность отличать истинное от ложного, и вам требуется все меньше усилий, чтобы обманывать их. Запомните: изучите внешнюю сторону мира и научитесь воспроизводить ее в своих привычках, манерах, облике. Подобно хищному растению, для ничего не подозревающих насекомых вы будете выглядеть, как все остальные травки в поле.

Образ: щит Персея.

Он так отполирован, что превратился в зеркало. Медуза не может вас видеть, лишь ее собственный устрашающий облик возвращается к ней отраженным. Под прикрытием такого зеркала вы можете лгать, насмехаться, доводить до бешенства. Одним ударом вы снесете голову не ожидающей этого Медузе.

Авторитетное мнение

«Задача военной операции — обманным путем добиваться соответствия с намерениями врагов... вначале позволить им получить то, что они хотят, а затем искусно опередить их. Соблюдай дисциплину и приноравливайся к врагу... И вот сначала ты подобен девушке-служанке, так что враг открывает тебе свою дверь; потом ты — как кролик на свободе, так что врагу тебя не удержать».

Сунь-цзы

Предостережение: опасайтесь отраженных ситуаций

В зеркалах заключена большая власть, но они таят также опасные рифы — такие, как отраженные ситуации, близко напоминающие те, что происходили раньше. Сходство чаще всего поверхностно и заключается в стиле и внешнем облике. Вы можете попадать в такую ситуацию, не осознавая этого полностью, в то время как окружающие всё прекрасно понимают и сопоставляют ситуацию и ваше поведение в ней с тем, что происходило ранее. Чаще всего сравнение бывает не в вашу пользу, вы выглядите более слабым, чем тот, кто до вас выступал в той же роли, либо — что еще хуже — на вас ложится пятно неприятных ассоциаций, которые оставил после себя ваш предшественник.

В 1864 году композитор Рихард Вагнер переехал в Мюнхен по приказу Людвига II, известного как Лебединый Король или Сумасшедший Король Баварии. Людовик был почитателем Вагнера и покровителем. Его щедрость вскружила композитору голову — обустроившись в Мюнхене под покровительством короля, он мог делать и говорить все, что пожелает.

Вагнер вселился в большой и пышно обставленный дом, купленный для него королем. Дом, однако, находился всего в двух шагах от бывшего дома Лолы Монтес, печально известной куртизанки, которая довела деда нынешнего короля до отречения. Когда Вагнера предупредили, что такое соседство может вызвать нежелательные ассоциации, он только посмеялся. «Я не Лола Монтес», — ответил он. Вскоре, впрочем, жители Мюнхена, которым не нравилось, что композитора осыпают милостями и деньгами, нарекли его «второй Лолой» и «Лолотто». Он, сам того не сознавая, шел по стопам Лолы — экстравагантно вел себя, сорил деньгами, вмешивался в дела не только музыкальные, позволял себе давать королю советы даже относительно политики и государственных дел. Увлечение Людвига Вагнером выглядело слишком сильным и даже компрометирующим короля — точно так же, как любовь его деда к Лоле Монтес.

В конце концов приближенные короля обратились к нему с письмом: «Ваше Величество находится сейчас на перепутье, и от вашего выбора зависит очень многое — выбора между любовью и уважением преданного вам народа и “дружбой” Рихарда Вагнера». В декабре 1865 года Людвиг в обходительной манере попросил своего друга покинуть Мюнхен и никогда не возвращаться. Вагнер нечаянно занял место отражения Лолы Монтес. Так получилось, что все его поступки и все обстоятельства напоминали солидным баварцам об этой жуткой женщине, и с этим ничего нельзя было поделать.

Бойтесь таких нежелательных ассоциаций как чумы, избегайте их. В отраженной ситуации у вас нет власти над отражениями и отражениями отражений, которые будут связывать с вами, а любая неподконтрольная ситуация опасна. И в том случае, если человек или событие оставили положительные воспоминания, вы будете страдать от постоянных сравнений не в вашу пользу, ведь прошлое всегда кажется величественнее и лучше настоящего. Если только заметите, что в глазах окружающих вы вызываете ассоциации с прошлыми

событиями или людьми, сделайте все возможное, чтобы отделить себя от этих воспоминаний и разбить отражение.

Закон 45. Проповедуй необходимость перемен, но не слишком увлекайся реформами

Формулировка закона

Каждому отвлеченно понятна потребность в переменах, но людей, живущих одним днем, формирует привычка. Они болезненно реагируют на слишком большие перемены, а это ведет к мятежу. Если вы новичок на вершинах власти или пока только пытаетесь ее добиться, устройте спектакль, демонстрируя уважение к старым методам работы. Если перемены необходимы, придайте им вид небольшого улучшения прошлого.

Нарушение закона

Вспомним еще раз некоторые исторические факты. В начале 1520-х годов король Англии Генрих VIII решил развестись с женой, Екатериной Арагонской, потому что она не смогла подарить ему сына и потому что он полюбил другую — молодую и миловидную Анну Болейн. Папа Климент VII, противник развода, угрожал королю отлучением от церкви. Влиятельнейший приближенный короля, кардинал Уолси, также не видел надобности в разводе, и его вялость и нерешительность в поддержке короля дорого обошлись: он лишился высокого положения, а затем и жизни.

Один человек в правительстве короля, Томас Кромвель, не только поддерживал Генриха в его желании развестись, но и придумал, как это сделать: полный разрыв с прошлым. Он убедил короля, что ему будет легче расстаться с Екатериной и жениться на Анне, если он порвет все связи с Римом и сам встанет во главе вновь созданной англиканской церкви.

К 1531 году Генриху стало ясно, что другого решения нет. Чтобы наградить Кромвеля за его простую, но блестящую идею, он возвысил этого сына кузнеца до положения королевского советника.

К 1534 году Кромвель был назначен королевским секретарем, и его закулисное влияние сделало его самым могущественным человеком Англии. Но для него за разрывом с Римом стояло нечто большее, нежели способ удовлетворения плотских желаний короля: Кромвелю виделся новый протестантский порядок в Англии, который уничтожил

бы могучую католическую церковь и передал ее несметные богатства в руки короля и правящих кругов. В тот же год он начал осуществлять полную ревизию всех церковных приходов и монастырей Англии. Как выяснилось в ходе проверок, богатства церквей, куда они стекались на протяжении столетий, намного превосходили все, что он мог себе представить. Его лазутчики, которым была поручена проверка, докладывали об этом с потрясенным видом.

Чтобы как-то оправдать задуманное, Кромвель распустил слухи о беззакониях в английских монастырях, злоупотреблении властью, эксплуатации народа, которому они были призваны служить. Добившись разрешения парламента на вторжение в монастыри, он приступил к конфискации их имущества, а затем закрывал монастыри один за другим. В то же время он начал насаждать протестантизм, реформировал церковные обряды. Тех, кто оставался верен католической церкви, теперь именовали еретиками и подвергали гонениям. За одну ночь Англия получила новую официальную религию.

В стране начался террор. Нашлись пострадавшие от католической церкви, которая до реформации обладала громадной властью, однако большинство британцев были тесными узами связаны с католицизмом и его утешительными обрядами. Они в ужасе смотрели, как сносят соборы, как разбивают на куски изображения Мадонны и святых, разрушают витражи, грабят церковные сокровищницы. После разграбления и закрытия монастырей, которые давали кров беднякам и бездомным, несчастные наводнили улицы городов. Число нищих стремительно росло, их ряды пополнялись за счет бывших монахов. В довершение всего, чтобы оплатить свои церковные реформы, Кромвель резко увеличил налоги.

В 1535 году север Англии потрясли сильнейшие мятежи, так что трон Генриха VIII едва выстоял. К следующему году Генриху удалось подавить бунты, но король начал осознавать, во что выливаются реформы Кромвеля. Сам король не собирался заходить так далеко — он хотел только развода. Теперь настала очередь Кромвеля с тревогой наблюдать, как король медленно начинает отменять реформы, восстанавливать католические святыни и ритуалы, которые были упразднены.

Чувствуя, что впал в немилость, Кромвель в 1540 году решил одним махом вновь завоевать расположение Генриха: он нашел королю новую жену. Третья супруга короля, Джейн Сеймур, умерла несколькими годами раньше, и Генрих подумывал о новой молодой королеве. Не кто иной, как Кромвель, подыскал ее: Анна Клевская, германская принцесса и, что было особенно важно для Кромвеля, протестантка. По заказу Кромвеля живописец Гольбейн написал великолепный портрет Анны. Увидев его, Генрих влюбился и дал согласие на брак. Кромвелю, похоже, удалось отвоевать прежние позиции.

К сожалению, однако, оказалось, что портрет Гольбейна сильно идеализировал прелести принцессы, при личной же встрече она ничуть не понравилась королю. Его разочарование пало на голову Кромвеля — король был разгневан за неудачно проведенные реформы, а теперь за то, что ему пытались подсунуть некрасивую протестантскую жену. Генрих не хотел больше ждать. В июне того же года Кромвель по его приказу был арестован, обвинен в измене, протестантском экстремизме, назван еретиком и заточен в Тауэр. Спустя полтора месяца он был казнен под крики огромной толпы.

Происхождение Рождества

Празднование начала нового года — древняя традиция. Римляне праздновали сатурналии, праздник Сатурна, бога урожая, между 17 и 23 декабря. Это был самый веселый праздник года. Всякая работа и торговля прекращались, на улицы высыпали толпы, кругом царила карнавальная атмосфера. Рабов временно отпускали на свободу, дома украшали лавровыми ветвями. Люди ходили друг к другу в гости, делая подарки — восковые свечи и глиняные фигурки. Задолго до рождения Христа иудеи праздновали восьмой день Праздника Света в то же время года. Считается, что и германские племена отмечали праздниками не только весеннее равноденствие, но и зимнее солнцестояние, в котором видели возрождение Солнца, приурочивая к нему почитание богов Вотана и Фрейи, Донара (Тора) и Фрейра. Даже после того, как император Константин (306—337 гг. н. э.) провозгласил христианство официальной религией Римской империи, память о свете и плодородии как важнейших компонентах дохристианских праздников середины зимы не могла быть полностью

вытеснена. В 274 году римский император Аврелиан (270—275 гг.) провозгласил официальный культ бога Солнца Митры, объявив день его рождения, 25 декабря, национальным праздником. Культ Митры, арийского бога света, распространился из Персии через Малую Азию в Грецию, Рим и оттуда повсюду на германские земли и в Британию. Многочисленные развалины его святилищ поныне свидетельствуют о том, что Митру почитали (особенно римские легионеры) божеством плодородия, мира и победы. Поэтому христианская церковь, возглавляемая папой Либерием (352—366 гг.), совершила обдуманный и мудрый шаг, отменив с 354 года празднование дня Митры и объявив 25 декабря днем Рождества Господа нашего Иисуса Христа.

Анна Сюзанна Ришке, «Нойе Цюрхер цайтунг», 25 декабря 1983 г.

Толкование

Томас Кромвель рассуждал просто: он мечтал разрушить власть и богатство католической церкви и положить основание для протестантизма в Англии. И осуществить все это он собирался в немыслимо короткие сроки. Он знал, что его быстрые реформы вызовут боль и возмущение, но надеялся, что ропот утихнет, а горькие чувства с годами поблекнут. Более важно, думал он, что, отождествив себя с переменами, он станет вождем нового порядка и получит такую власть, что даже король будет покоряться ему. Однако в его плане был недостаток: как бильярдный шар, на полной скорости врезавшийся в подушку, его реформы увязли, натолкнувшись на сопротивление и помехи, которых он не предвидел и с которыми не в силах был справиться.

Инициатор радикальных реформ часто становится козлом отпущения, и на нем вымещают всю боль и разочарование. В конце концов дело может окончиться тем, что реакция на его реформы окажется для него гибельной, так как природа человека такова, что он с трудом воспринимает перемены, даже если это перемены к лучшему.

Испокон веку мир до краев наполнен страхом и ненадежностью, и мы тянемся к знакомым лицам, хватаемся за привычки и ритуалы, которые делают этот мир более уютным. Перемены могут быть приятными, и мы даже иногда мечтаем о них — отвлеченно,

абстрактно. Однако если меняется слишком многое, это порождает беспокойство, оно закипает и бурлит вначале скрытно, но затем прорывается.

Ни в коем случае не следует недооценивать скрытого консерватизма тех, кто вас окружает. Он существует — закоренелый и могучий. Никогда не позволяйте обманчивой прелести идеи обновления затуманить ваш разум: вы не можете заставить людей увидеть мир таким, каким он видится вам, и именно поэтому вам никогда не загнать их в счастливое будущее путем болезненных преобразований. Они возмутятся. Если реформа необходима, предвосхитите реакцию против них, найдите способ подсластить пилюлю и замаскировать перемены.

Соблюдение закона

В 1920-е годы Мао Цзэдун, в то время молодой коммунист, лучше всех своих единомышленников понимал, насколько невероятной и немыслимой была победа коммунизма в Китае. У малочисленной, стесненной в средствах партии, не обладавшей ни военным опытом, ни оружием и оснащением, не было никаких шансов. Единственное, что могло дать слабую надежду на успех, — это поддержка огромного крестьянского населения Китая. Но не было в мире никого консервативнее, чем китайское крестьянство, с его укоренившимся укладом и древними традициями. В истории старейшей цивилизации на планете власть никогда не ослабевала, какие бы бурные восстания ни бушевали в стране. Идеи Конфуция в начале XX столетия оставались такими же актуальными и почитаемыми, как и в VI веке до нашей эры, когда жил великий мудрец. Несмотря на гнет современного режима, откажется ли крестьянство от устоев, уходивших корнями в глубь тысячелетий, во имя великого неизвестного — коммунизма?

Решение, каким его увидел Мао, опиралось на простой обман: задрапировать революцию в одежды прошлого, придать ей в глазах народа облик чего-то утешительного и разумного. Одной из самых любимых книг Мао был известнейший средневековый китайский роман «Речные заводи». В нем описаны приключения этакого китайского Робин Гуда и его разбойной дружины, сражавшихся против прогнившей и злой монархии. В Китае времен Мао семейные узы ценились превыше всего, поскольку конфуцианская иерархия, на

верхней ступени которой стояли отец и старший сын, плотно закрепилась в общественном сознании. «Речные заводи», однако, воспевали более возвышенные идеалы — братские связи в шайке разбойников, верность благородному делу, объединяющему крепче кровных уз. Роман имел большой эмоциональный резонанс среди китайцев, их симпатии традиционно были на стороне слабых и угнетенных. Поэтому Мао постоянно проводил параллели между персонажами романа и своей революционной армией, представляя ее неким продолжением и расширением благородного братства, приравнивая свою борьбу за власть к вневременному конфликту угнетаемого крестьянства со злым императором. Он окутал коммунистические цели одеждами прошлого. Крестьянство не испытывало настороженности и даже поддерживало его группу.

Но и тогда, когда его партия пришла к власти, Мао продолжал выстраивать ассоциативный ряд с прошлым. Он представлял себя китайским массам не этаким китайским Лениным, а современным Шу Чжугэ Ляном, великим стратегом, жившим в III веке. Реальное историческое лицо, Чжугэ Лян стал легендарным персонажем и играл значительную роль в популярном историческом романе «Троецарствие». Лян был больше чем талантливый полководец — он был поэтом, философом и образцом твердых моральных принципов. Мао также представал в облике поэта-воина, подобного Ляну, человека, гармонично соединявшего в себе стратега и философа и провозглашавшего новую этику. Он создал для себя образ героя из великой китайской традиции государственных деятелей — воинов.

Вскоре любая речь или статья Мао изобиловала отсылками к ранним периодам китайской истории. Он, например, напоминал о великом императоре Цинь, объединившем страну в III веке до н. э. Цинь запретил и приказал сжигать труды Конфуция, укрепил и закончил постройку Великой Китайской стены и дал Китаю современное название. Подобно Циню, Мао также объединил всю страну, начав решительные преобразования, направленные против деспотического режима.

Цинь известен в китайской традиции как жестокий диктатор, царствование которого длилось короткое время. Блестящая находка Мао заключалась в том, чтобы зеркально перевернуть эти черты, одновременно по-новому интерпретируя Циня, оправдывая его законы

в глазах современных китайцев и используя его, чтобы оправдать жестокость своего режима, насаждаемого в стране.

После провала «культурной революции» в конце 1960-х годов в Коммунистической партии Китая началась борьба за власть, в которой основным противником Мао стал Линь Бяо, в прошлом его близкий друг. Чтобы сделать понятнее для масс различие между философией Линь Бяо и своей, Мао вновь прибег к аналогиям из прошлого: он стал отождествлять своего оппонента с фигурой Конфуция, которого Линь и в самом деле постоянно цитировал. Себя самого Мао связал с древним направлением в философии, известном как легизм — законничество, к которому относился древний философ Хань Фэй. Легисты отрицали этику Конфуция, они верили в необходимость насилия для создания нового порядка. Они боготворили власть. Для придания себе веса в конкурентной борьбе, Мао развязал в масштабе страны пропаганду, пороча идеи Конфуция, используя аргументы легистов против конфуцианства для того, чтобы поднять молодежь на своеобразный бунт против старшего поколения. Такой величественный контекст он ухитрился придать обычной политической возне. В результате Мао еще раз вышел победителем, привлек на свою сторону массы и одержал триумфальную победу над противниками.

Толкование

Ни один народ не имеет таких глубинных связей с прошлым, как народ Китая. Столкнувшись с этим непреодолимым препятствием для реформ, Мао прибег к простой стратегии: вместо того чтобы начинать борьбу с прошлым, он поставил его себе на службу, проведя параллели между радикальными коммунистами и романтическими персонажами китайской истории. Переплетая историю о войне Трех Царств с борьбой Китая, Соединенных Штатов и Советского Союза, он отвел себе роль легендарного Шу Чжугэ Ляна. Подобно императорам прошлого, он добивался культового поклонения народных масс, понимая, что китайцам просто необходима символическая фигура отца или патриарха, которую они могли бы почитать. После того как он совершил грубейший промах с Большим скачком, попытавшись осуществить форсированную модернизацию страны, с треском провалившуюся, он больше не повторял этой ошибки: он еще раз

убедился, что радикальные перемены следует укутывать в привычные одежды прошлого.

Урок прост: прошлое всесильно. То, что случилось давным-давно, кажется более масштабным, связь с традицией и историей придает любому делу вес. Пользуйтесь этим, добиваясь для себя преимущества. Когда вы разрушаете привычное, то на его месте образуется пустота, люди испытывают страх перед хаосом, который может хлынуть, заполняя ее. Позаимствуйте у прошлого весомость и законность, хотя бы и отдаленно напоминающие ваш случай, чтобы создать видимость чего-то привычного и успокаивающего. Это придаст вашим действиям романтический флер и прикроет, сделав менее болезненной, истинную цель — перемены, то, к чему вы стремитесь.

Следует принимать во внимание, что нет ничего более труднодостижимого, более сомнительного для успеха, более опасного в обращении, чем начинать новый порядок вещей.

Никколо Макиавелли

Ключи к власти

Человеческой психологии во многом свойственна двойственность. Это проявляется, например, в том, что, даже понимая необходимость перемен, зная, насколько важно обновление и для общественных институтов, и для отдельных личностей, люди все равно испытывают раздражение и тревогу, когда эти процессы затрагивают лично их. Они знают, что изменения нужны и неизбежны, что новизна принесет облегчение, разгонит застой, но в глубине души цепляются за прошлое. Перемен как абстрактного понятия, или поверхностных перемен, «косметического ремонта», они просто жаждут, но изменения глубокие, затрагивающие самую суть их привычного уклада, нарушающие заведенный порядок, вызывают глубочайшее неприятие.

Каждую революцию обязательно сменяет период реакции, потому что пустота, возникающая на месте упраздненного старого порядка вещей, оказывается слишком невыносимым бременем для человеческого существа, подсознательно связывающего подобный

вакуум со смертью и хаосом. Возможность перемен и обновления прельщает людей, привлекая их на сторону революции, но когда первый порыв проходит, спадает энтузиазм, остается ощущение опустошенности. Обращаясь к прошлому, люди тем самым создают лазейку, через которую старый порядок вползает обратно.

Согласно Макиавелли, пророк, воспевающий и призывающий перемены, может выжить только с оружием в руках: когда массы неизбежно потянутся к прошлому, он должен быть готов применить силу. Но вооруженный пророк не сможет продержаться долго, если только, понимая сложность своего положения, не позаботится о том, чтобы быстро создать новый набор ценностей и ритуалов на замену старым, успокоив этим тревоги тех, кого страшат перемены. Гораздо более простой и менее кровавый способ — своего рода надувательство. Проводите нововведения и реформы сколько душе угодно, но придайте им умиротворяющий облик старины и традиций.

Китайский император Ван Ман, правивший в 8—23 годы нашей эры, появился на сцене в период великих исторических преобразований, когда народ жаждал порядка, того порядка, который сформулировал для них Конфуций. Однако за две сотни лет до этого император Цинь приказал сжечь труды Конфуция. Через много лет распространилась молва, что несколько свитков чудесным образом уцелели в подвале одного ученого человека. Эти тексты, возможно, не были подлинными, но это давало Ван Ману шанс, и он не преминул им воспользоваться: прежде всего он конфисковал тексты, затем велел своим писцам вставить в них несколько фрагментов, отражавших направление его реформ. Когда после этого тексты были обнародованы, из них как будто следовало, что великому учителю были бы угодны перемены, проводимые Ван Маном. Люди были успокоены этим, и реформы прошли с минимальным сопротивлением.

Следует понять: тот факт, что прошлое мертво и погребено, позволяет вольно его интерпретировать. Для поддержки своего дела вы должны подправить его. Прошлое — это текст, в который вы без опасений можете вписать собственные строки.

Простой поступок, как, скажем, использование старого названия или сохранения за группой того же номера, свяжет вас с прошлым и обеспечит поддержку авторитета истории. Как заметил сам Макиавелли, римляне использовали этот прием, трансформируя свою

монархию в республику. Они поставили двух выборных консулов на место монарха, однако многое другое осталось неизменным — императору прислуживали двенадцать ликторов, и при консулах оставили их ровно столько же. Монарх сам лично совершал ежегодное жертвоприношение, это было большое событие, посмотреть на которое стекались толпы. Республика сохранила этот обычай, римляне только «избрали главу жертвоприношения, назвав его царь-жертвоприноситель». Эти и сходные приемы удовлетворяли людей и удерживали их от того, чтобы требовать восстановления монархии.

Другая стратегия, позволяющая замаскировать перемены: шумно во всеуслышание объявить, что вы поддерживаете ценности прошлого. Примите облик приверженца традиций, и лишь единицы заметят, как мало это соответствует действительности. Флоренция эпохи Возрождения имела вековые республиканские традиции и весьма подозрительно относилась к любым попыткам пошатнуть эти устои. Козимо Медичи изображал ярого приверженца республики, тогда как в действительности добивался того, чтобы власть в городе принадлежала его семье. Формально Медичи сохранили во Флоренции видимость республики, фактически же она была уничтожена. Медичи исподволь провели радикальное реформирование строя под видом сохранения традиций.

Наука опирается на исследования и факты, это, казалось бы, должно оградить ее от консерватизма и косности: это иная, новаторская культура. Однако, когда Чарльз Дарвин обнародовал свое эволюционное учение, он столкнулся с более яростным сопротивлением со стороны коллег-ученых, чем церковных иерархов. Его теории бросали вызов слишком многим закоснелым идеям. Дж. Сэлк натолкнулся на такую же стену, пробивая свои открытия в области иммунологии, Макс Планк — со своими революционными идеями в физике. Планк писал позднее о научной оппозиции: «Новая истина в науке торжествует не потому, что ее противники прозрели, увидев ее свет, а потому, что приходит время, когда противники наконец умирают, и на смену приходит новое поколение, успевшее с ней свыкнуться».

Справиться с этим природным консерватизмом можно, ведя льстивую и неискреннюю игру — игру придворного.

Галилей поступал именно так в начале своей научной карьеры. Позднее он позволял себе конфронтации и поплатился за это. Так что платите дань традиции — на словах. Определите те элементы в своей революции, которые можно связать с прошлым. Провозгласите, что они базируются на традициях. Говорите правильные слова, демонстрируйте соглашательство, а тем временем проводите свои радикальные теории в жизнь, давайте им работать. Соблюдайте приличия и отдавайте дань прошлому. Это правило работает на любой арене, не только политической, и наука не является исключением.

Наконец, последнее: нельзя игнорировать дух времени. Если реформы слишком опережают свое время, судьба реформаторов трагична — мало кто сумеет понять этих людей, все их шаги будут безнадежно неправильно истолкованы и вызовут отторжение. Изменения, которые вносите вы, должны казаться более консервативными, чем они есть в действительности. Англия все же сделалась протестантской страной, как о том мечтал Кромвель, но не революционным, а эволюционным путем, и для этого потребовались столетия постепенных преобразований.

Прислушивайтесь к веяниям времени. Если вы живете и работаете во времена бурных волнений и перемен, то власть получит тот, кто проповедует возврат к прошлому, комфорт и традиции. В эпоху застоя, однако, козырем будут реформы и революционные преобразования, но будьте осторожны, выпуская джинна из бутылки. Заканчивают революцию, как правило, совсем не те, кто ее начинал. Вы не выйдете победителем в этой опасной игре, если только не предвосхитите неизбежное возникновение реакции и заранее не примете меры, играя с образами и опираясь на прошлое.

Образ: кошка.

Существо консервативное, она любит домашнее тепло. Если нарушить ее привычки, вторгнуться в ее пространство, она станет неуправляемой и психопатичной. Предотвратите это, поддерживая ее ритуалы. Если изменения необходимы, обманите кошку, сохраняя запах прошлого, а на видных местах расставьте привычные предметы.

Авторитетное мнение

«Тому, кто стремится или хочет преобразовать государственный строй какого-нибудь города и желает, чтобы строй этот был принят и поддерживался всеми с удовольствием, необходимо сохранить хотя бы тень давних обычаев, дабы народ не заметил перемены порядка, несмотря на то что в действительности новые порядки будут совершенно не похожи на прежние. Ибо люди вообще тешат себя видимым, а не тем, что существует на самом деле».

Никколо Макиавелли

Оборотная сторона

Прошлое — это труп, которым вы можете распоряжаться по своему усмотрению. Если события недавнего прошлого были болезненными и горькими, то отождествлять себя с ними неразумно, так как это ведет к провалу. Когда Наполеон пришел к власти, Великая французская революция была свежа у всех в памяти. Если бы его двор хоть немного напоминал пышный двор Людовика XVI и Марии-Антуанетты, придворным постоянно пришлось бы опасаться за свою безопасность. Порядки, установленные для двора Наполеоном, напротив, отличали трезвость, умеренность и отсутствие показной роскоши. Это был двор государя, который ценил труд и военную доблесть. Такая новая форма казалась достойной уважения, она успокаивала.

Другими словами, приноравливайтесь ко времени. Но помните: если вы решаетесь на резкое изменение прошлого, ни в коем случае не допускайте появления пустоты, вакуума, в противном случае ваши преобразования породят террор. Даже неприглядная недавняя история покажется предпочтительнее этой зияющей пустоты. Заполните ее немедля новыми ритуалами и формами. Делаясь привычными, они смягчат противоречия и упрочат ваше положение.

Последнее: искусство, мода и технологии — это, казалось бы, области, в которых сила и власть даются при условии полного разрыва с прошлым и ниспровержения устоев. Такая стратегия и в самом деле может принести огромную власть, но таит и много опасностей. Ваши революционные новшества неизбежно будут побиты со временем кем-то еще. Против этого вы бессильны — кто-то моложе и свежее двинется в новом, неожиданном направлении, и ваши смелые революционные открытия вчерашнего дня покажутся сегодня

скучными и банальными. Постоянно приходится нагонять — такая власть недолговечна и не заслуживает серьезного внимания. Вам нужна власть, опирающаяся на более солидное основание. Использование прошлого, реставрация старины, тонкая игра с условностями и традициями и их разрушение сделают ваши творения большим, чем просто популярные однодневки. Погружаясь в эйфорию от головокружительных перемен, нельзя игнорировать факт, что ностальгия по прошлому неизбежно отыщет лазейку и вернется. В итоге, используя прошлое в своих интересах, вы добьетесь неизмеримо большей власти, чем предпринимая тщетные и саморазрушительные попытки полностью с ним порвать.

Закон 46. Ни в коем случае не кажись слишком совершенным

Формулировка закона

Казаться лучше других всегда опасно, но опаснее всего не иметь грехов и слабостей. Зависть рождает тайных врагов. Умный человек время от времени демонстрирует изъяны, признается в безобидных грешках, чтобы защититься от зависти и казаться более человечным и доступным. Только божества и мертвые могут выглядеть совершенными, ничего не опасаясь.

Нарушение закона

Джо Ортон и Кеннет Халливелл встретились в 1953 году в Королевской академии театрального искусства в Лондоне, где оба обучались актерскому мастерству. Они скоро стали любовниками и съехались. Халливеллу было двадцать пять лет, на семь лет больше, чем Ортону, и Халливелл держался увереннее. Впрочем, особым актерским талантом ни один из них не обладал, так что, окончив академию и устроившись вдвоем в промозглой лондонской квартирке, они решили отказаться от театральной карьеры и совместно заняться писательским трудом. Состояния, полученного Халливеллом в наследство, хватало, чтобы прожить несколько лет, не думая о поисках работы. Поначалу Халливеллу принадлежала и главенствующая роль в их литературном тандеме: он диктовал Ортону, который печатал рукописи, только изредка вплетая в сюжет собственные линии и сюжетные ходы. Их первые опыты привлекли внимание литературных агентов, но настоящего успеха не было.

В конце концов деньги иссякли, и молодым людям пришлось искать работу. Они охладели к совместному творчеству и все реже пробовали писать вдвоем. Будущее казалось безрадостным.

В 1957 году Ортон попытался писать самостоятельно, но лишь спустя еще пять лет, когда любовники попали на шесть месяцев в тюрьму за кражу библиотечных книг, он начал обретать собственный голос (возможно, это было не случайно: в первый раз за последние девять лет они были разлучены с Халливеллом). Он вышел из тюрьмы, полный решимости выразить свое презрение к английскому обществу

в форме театральных фарсов. Он и Халливелл снова жили вместе, но теперь роли переменились: Ортон писал, в то время как Халливелл комментировал и порой вкраплял свои идеи.

В 1964 году Джо Ортон закончил свою первую большую пьесу «Развлекая мистера Слоана». Пьеса была поставлена в лондонском Вест-энде и получила блестящие рецензии: открытие года, новый талант, возникший из неизвестности. Один головокружительный успех следовал за другим. В 1966 году пьеса Ортона «Ограбление» стала гвоздем сезона, а он сам — знаменитостью. Заказы сыпались со всех сторон, в том числе от квартета «Битлз», который неплохо заплатил ему за сценарий фильма.

Чтобы скрыть чей-то талант и дарования, требуются дарование и недюжинный талант.

Франсуа де Ларошфуко

Всё шло прекрасно, если бы не отношения Ортона и Халливелла. Они по-прежнему жили вместе, но, по мере того как Ортону сопутствовал все больший успех, Халливеллу становилось все хуже. Видя своего любовника в центре всеобщего внимания, он страдал от ревности и унизительности положения — что-то вроде секретаря знаменитого драматурга. Его роль в соавторстве, где когда-то он верховодил, становилась все менее значительной. В пятидесятые годы он содержал Ортона на свои деньги, теперь Ортон содержал его. На вечеринках или в компании друзей люди естественным образом собирались вокруг Ортона, привлеченные его обаянием и жизнерадостным нравом. Халливелл был не так хорош внешне, как Ортон, он облысел и держался скованно, его неприветливость отталкивала людей.

Успех Ортона рос, а проблемы любовников все усугублялись. Депрессии Халливелла сделали дальнейшую совместную жизнь невозможной. Ортон несколько раз покидал Кеннета, заводил романы, но всегда возвращался к своему старому другу и любовнику. Он пытался помочь Халливеллу выступить в качестве художника, даже арендовал галерею, чтобы устроить выставку его работ, но успеха не было, и это только усугубило его комплекс неполноценности. В мае

1967 года друзья отправились на короткий отдых в Танжер, Марокко. В поездке Ортон записал в своем дневнике: «Мы сидели и говорили о том, как нам хорошо. И о том, что долго это продолжаться не может. Нам придется заплатить за это. Как бы нам не накликать на себя беду, слишком уж мы счастливы. Быть молодыми, красивыми, здоровыми, знаменитыми, сравнительно богатыми и счастливыми — это, вне всякого сомнения, противоестественно».

Внешне Халливелл выглядел таким же счастливым, как Ортон. Но в душе у него бушевала буря. Еще через два месяца, ранним утром 10 августа 1967 года, спустя всего несколько дней после того, как он помогал Ортону вносить последние штрихи в озорной фарс «Что увидел дворецкий» (без сомнения, его лучшее творение), Кеннет Халливелл до смерти забил Джо Ортона ударами молотка по голове. Потом он принял двадцать одну таблетку снотворного и тоже умер, оставив предсмертную записку: «Вы все поймете, прочитав дневники Ортона».

Обожатель, не находя достаточного удовлетворения в том, чтобы отдавать восхищению всего себя, переходит к тому, что начинает завидовать предмету, которому поклоняется. Вследствие этого у него изменяется лексикон — он называет то, чем в действительности восхищается, глупым, неинтересным или подозрительным. Восхищение — это приносящая удовлетворение самоотдача, зависть же — неудовлетворенное самоутверждение.

Сёрен Кьеркегор, 1813—1855

Толкование

Кеннет Халливелл пытался представить свою опустошенность как умственное расстройство, но то, что рассказали о нем дневники Джо Ортона, было правдой: причиной его болезни была самая банальная зависть. Дневники, которые Халливелл читал тайком, подробно рассказывали о тех днях, когда оба друга были на равных и вместе добивались признания. После того как Ортона посетил успех, дневник описывал подавленность Халливелла и грубости, которые он допускал на вечеринках, его расцветающий пышным цветом комплекс

неполноценности. Ортон писал обо всем этом сдержанно, с холодностью, граничившей с презрением.

Из дневников ясно, какой мукой был для Халливелла успех Ортона. В конце концов единственным, что могло бы помочь ему справиться с душевными муками, была неудача, постигшая Ортона, — например, если бы хоть одна из его пьес была встречена плохо, они смогли бы вместе переживать провал, как переживали общие неудачи много лет назад. Поскольку произошло обратное — Ортон становился все популярнее, — Халливелл выбрал единственное, что еще могло уравнять их: смерть. Убив Ортона, он сделался почти такой же знаменитостью, как его друг, — посмертно.

Джо Ортон только частично понимал переживания друга. Попытка помочь Халливеллу сделать карьеру художника объясняет, что он испытывал по отношению к другу: чувство вины и жалости. У Ортона было два возможных варианта решения этой задачи. Он мог бы несколько принизить свой успех, специально допуская какие-то промахи, чтобы отвести зависть Халливелла; или, осознав, в чем кроется суть их проблемы, бежать от Халливелла, как от ядовитой змеи, которой тот, в сущности, был одержим, — змеи зависти. Стоит зависти начать пожирать кого-то, все, что вы делаете, только заставляет ее расти, и день за днем она гложет завистника изнутри.

Только меньшая часть человечества может добиться успеха в жизни, и это меньшинство неизбежно вызывает зависть окружающих. Если вас посетил успех, больше всего нужно опасаться тех друзей и знакомых из вашего круга, которых вы обогнали. Их одолевает чувство собственной неполноценности, мысль о вашем успехе только усиливает их ощущение собственной бездарности или неудачливости. Зависть, которую философ Кьеркегор называет «удрученным восхищением», охватывает их. Вы можете этого не замечать, но рано или поздно почувствуете — если только не выучитесь стратегии упреждения, маленьким жертвам, приносимым на алтарь божков успеха. Либо немного приглушите свой блеск, намеренно приоткрывая изъян или слабость или приписывая свой успех слепой удаче, либо просто заведите новых друзей. Ни в коем случае нельзя недооценивать власть зависти.

Притча о жадном и завистливом

Жадный человек и завистник встретились с царем. Царь сказал им: «Один из вас может попросить у меня все что угодно, я выполню его просьбу, но с одним условием — второй получит вдвое больше». Завистливый не хотел просить первым, так как зависть не позволяла и мысли допустить, что кто-то получит больше, чем он. Жадный тоже не хотел просить первым, потому что хотел, чтобы ему досталось всё. Наконец жадный убедил завистника просить первым. Так что завистник заговорил первым и попросил, чтобы царь выколол ему один глаз.

Соломон Шиммель. «Семь смертных грехов», еврейские притчи

Соблюдение закона

Купечество и гильдии мастеровых, которым средневековая Флоренция была обязана своим процветанием, создали республику, защищавшую их от гнета дворянства. Поскольку высокие посты можно было занимать лишь в течение нескольких месяцев, никому не удавалось захватить главенство надолго, и, хотя это означало постоянную борьбу политических группировок за власть, система предохраняла от появления тиранов и диктаторов. Семья Медичи прожила при этой системе не одно столетие, не оставив заметного следа. Ведя скромное происхождение от аптекарей, Медичи представляли собой типичных горожан из буржуазного сословия. Только к концу XIV века, когда Джованни Медичи удалось разбогатеть, занимаясь тем, что сегодня называется банковским делом, они приобрели силу, с которой приходилось считаться.

После смерти Джованни семейное дело перешло к его сыну Козимо, который проявил в нем недюжинный талант. Дело под его руководством процветало, и Медичи стали приобретать известность как один из крупнейших банкирских домов в Европе. Но во Флоренции у них был соперник: несмотря на республиканский строй в городе, одной могущественной семье, Альбицци, удалось надолго монополизировать контроль над правительством, постепенно обогнав соперников, что позволяло им постоянно назначать на ключевые посты своих ставленников. Козимо этого не оспаривал и даже предоставлял Альбицци свою поддержку. В то же время, пока Альбицци гордо

выставляли напоказ свое могущество, Козимо избрал другую линию поведения и скромно стоял в тени.

Однако пришло время, когда богатство Медичи стало невозможно скрывать, и в 1433 году, испытывая опасения, Альбицци надавили на свои рычаги в правительстве и добились ареста Козимо Медичи. Ему было предъявлено обвинение в организации заговора с целью свержения государственного строя. Кое-кто из сторонников Альбицци настаивал на смертной казни для Козимо, другие боялись, что из-за этого может вспыхнуть гражданская война. В конце концов Козимо выслали из Флоренции. Он не оспаривал приговора и тихо оставил город. Он понимал: иногда разумнее спокойно выждать, чем бросаться в бой сломя голову.

Прошел год, и в городе стали возникать опасения, что Альбицци намерены установить диктатуру. Козимо тем временем благодаря своему богатству, хотя и находился в изгнании, не утратил влияния на события, происходившие во Флоренции. В городе началась гражданская война, и в сентябре 1434 года Альбицци были свергнуты и изгнаны. Козимо немедленно возвратился в город и восстановил позиции. Теперь, однако, он столкнулся с щекотливой ситуацией: выказав, подобно Альбицци, честолюбивые притязания, он возбудил бы зависть и противодействие, которые неизбежно представили бы угрозу его делу. Оставаясь же в стороне от политики, он открывал кому-нибудь еще лазейку для захвата власти. И уж эти кто-то, как прежде Альбицци, не оставили бы успех Медичи безнаказанным.

Козимо нашел двоякий выход из этого положения: он, тайно используя свое богатство, привлекал на свою сторону влиятельных граждан города и разместил союзников, предусмотрительно набранных из числа торговцев, банкиров и других незнатных горожан, чтобы скрыть их связь с ним, на ключевые посты в правительстве. Недовольных его растущим политическим влиянием он полностью подчинил, облагая непомерными налогами или скупая их имущество через подставных лиц — банкиров, союзников Козимо. Республика теперь существовала только номинально. Козимо держал все в своих руках.

Однако, в то время как в закулисной борьбе Козимо захватывал власть, его общественный имидж был совершенно иным. Он выходил на улицы Флоренции скромно одетым, привлекая не больше внимания,

чем какой-нибудь слуга, и почтительными поклонами приветствовал магистратов и старейшин города. Ездил он верхом на муле, а не на коне. Он никогда не высказывался публично о политике, хотя внешняя политика Флоренции уже свыше тридцати лет находилась под его контролем. Он делал пожертвования на благотворительные цели и поддерживал связь с купеческими семьями Флоренции. Он давал деньги на поддержание всех общественных институтов и тех зданий, которые вызывали гордость флорентийцев за свой город. Когда же Козимо строил дворец для собственной семьи в соседнем Фьезоле, то отказался от проекта вычурного и роскошного дворца, представленного ему знаменитым архитектором Брунеллески, и вместо этого остановил свой выбор на скромном проекте Микелоццо, выходца из простой флорентийской семьи. Дворец стал как бы символическим выражением стратегии Козимо Медичи — простота и скромность снаружи, элегантность и изобилие внутри.

Козимо закончил свое земное существование в 1464 году, после почти тридцати лет правления. Жители Флоренции хотели воздвигнуть величественную гробницу и почтить его память, устроив пышные похороны. Но на смертном одре он высказал желание быть похороненным без помпы и излишеств. Спустя шесть десятков лет Макиавелли признал Козимо Медичи мудрейшим из государей, «ибо он понимал, что незаурядные, выдающиеся поступки, которые находятся на виду и постоянно выставляются напоказ, заставляют людей страдать от зависти куда сильнее, чем те, которые на деле совершаются, но благопристойно прикрыты».

Толкование

Близкий друг Козимо, книготорговец Веспасиано да Бистиччи, однажды написал о нем: «И если он решал что-то совершить, то так, чтобы ни в коем случае не вызвать зависти, непременно заботился о том, чтобы казалось, будто инициатива исходит от других, а не от него». Одним из любимых выражений Козимо было: «Зависть — сорняк, который нельзя поливать». Осознавая силу зависти в демократической среде, Козимо избегал внешних проявлений величия. Это не означает, что величие нужно истреблять или что лишь у посредственности есть шансы на выживание, просто должна соблюдаться внешняя видимость. Зависти людей можно, в сущности,

избежать довольно просто: стараясь выглядеть так же, как они, не отличаясь ни внешне, ни по своим воззрениям. Завязывайте дружеские отношения с теми, кто ниже вас по положению, и поднимайте их на позиции власти, чтобы обеспечить себе их поддержку в случае нужды. Никогда не выставляйте напоказ богатство и уж, во всяком случае, тщательно скрывайте тот факт, что именно оно помогло вам приобрести влияние. Подчеркивайте, что считаетесь с окружающими так, словно они сильнее вас. Козимо Медичи был непревзойденным мастером в этой игре. Невозможно было верно оценить, насколько широко простиралась его власть, — его скромный внешний облик скрывал истину.

Ни в коем случае не позволяйте себя одурачить уверениями в том, какое восхищение и уважение вызываете вы у окружающих. Вольно или невольно вынуждая людей ощущать в вашем присутствии свою неполноценность или приниженность, вы только вызываете у них «удрученное восхищение», то есть зависть, которая пожирает их и заставляет вредить вам самыми непредсказуемыми способами. Только глупец искушает демона зависти, похваляясь своими победами. Властелин понимает: во имя истинного величия можно пренебречь такой малостью, как внешние проявления этого величия.

Завистник скрывается тщательно, словно тайный, похотливый грешник, и становится бесконечно изобретательным, выдумывая трюки и прибегая к хитростям, чтобы не выдать себя. Таким образом ему удается делать вид, будто он не замечает превосходства других, которое гложет его сердце, словно он не видит его, не слышит его, даже не предполагает о его существовании, никогда не слышал ни о чем подобном. Он — мастер притворства. Однако он изо всех своих сил старается не допустить появления превосходства над собой ни в какой форме, ни в какой ситуации. Если все же появляются те, кто его превосходит, он старается смешать их с грязью, критикует сверх меры, изрыгая сарказм и клевету, словно жаба, плюющая ядом из своего укрытия. В результате он способствует появлению самых незначительных, посредственных и даже неполноценных людей в своем поле деятельности.

Артур Шопенгауэр, 1788—1860

Из всех душевных смут зависть — единственная, в которой никто не сознается.

Плутарх, ок. 45 — ок. 127 гг.

Ключи к власти

Человеческое существо с большим трудом свыкается с сознанием своего несовершенства. Встречая способности, талант или силу, значительно превосходящие наши собственные, мы легко приходим в смятение. Это происходит оттого, что мы в большинстве своем обладаем завышенной самооценкой и в присутствии тех, кто нас в чем-то превосходит, вдруг ощущаем, что на самом-то деле мы не более чем посредственны или, по крайней мере, не так великолепны, как нам представлялось. Это вынужденное развенчание собственного образа очень легко вызывает к жизни довольно неприглядные переживания. Прежде всего мы ощущаем зависть: ну почему этот талант или то качество досталось ему, ведь это именно то, чего мне не хватает для счастья. Но зависть не приносит утешения и не приближает к ощущению равенства. К тому же мы не можем признаться в этом чувстве, заклейменном в обществе, — ведь сообщить о своей зависти означает признать себя приниженным. Мы можем поделиться с близкими друзьями своими тайными неосуществимыми желаниями, но ни за что и никому не расскажем о своей зависти. Значит, приходится загонять ее вглубь. Есть много способов скрыть ее, например находить поводы покритиковать того, кто вызвал зависть: он, конечно, умнее меня, говорим мы, но у него нет совести (или отсутствуют моральные устои). Или: может, он и добился большего, но нечестным путем. Если мы его не обвиняем, то, возможно, превозносим сверх меры — это еще одна маска зависти.

Есть разные способы противостоять коварному, деструктивному чувству зависти. Прежде всего признайте факт, что всегда найдутся люди, в чем-то превосходящие вас, а также тот факт, что это может вызвать у вас зависть. Но используйте это чувство в качестве стимула для того, чтобы добиться равенства с тем, кто сейчас сильнее, или даже в один прекрасный день превзойти его. Дайте зависти заползти

внутрь, и она отравит душу; выплесните ее наружу, и она поможет вам взойти на новые высоты.

Задумайтесь о том, что, когда вы добились власти, те, кого вы опередили, вероятно, почувствовали зависть к вам. Они, возможно, ее не показывают, но это неизбежно. Не принимайте наивно за чистую монету тот фасад, который они вам демонстрируют; читайте между строк, примечайте их критику, шушуканье за вашей спиной, пущенные вскользь саркастические замечания, чрезмерные восхваления — верный признак того, что за спиной вас поливают грязью, подготавливая ваше падение, затаенную обиду в глазах. Половина проблем с завистниками возникает оттого, что мы не распознаем зависть своевременно, а потом бывает слишком поздно.

Наконец, будьте готовы к тому, что, когда люди завидуют вам, они будут действовать против вас. Они расставят на вашем пути непредвиденные препятствия, а вы будете недоумевать, не догадываясь, откуда они берутся. Трудно оградить себя от нападений такого типа. А к тому времени, как вы осознаете, что корень всех ваших бед — зависть, может быть уже слишком поздно: попытки объясниться, извинения, наигранное самоуничижение и защитные меры только усугубляют ситуацию. Поскольку намного проще избежать зарождения зависти, чем справиться с ней, вы должны вести себя так, чтобы предотвратить ее появление с самого начала. Осознав, что часто вы сами, ваши необдуманные поступки, ваши свойства порождают зависть, вы сможете вырвать зубы этому чудовищу, прежде чем оно загрызет вас.

Кьеркегор полагал, что есть определенные типы людей, которые вызывают зависть, и считал, что они виноваты в ее появлении не меньше, чем завистники. Наиболее явный тип всем нам знаком: стоит случиться чему-то хорошему — благодаря ли везению или долгим усилиям, — они громко трубят об этом повсюду. На самом деле им нравится заставлять людей чувствовать себя ущербными. С этим типом людей всё очевидно: они безнадежны. Но есть и другие, возбуждающие зависть более тонкими способами и даже незаметно для самих себя, но и они отчасти сами виноваты в своих невзгодах. С проблемой зависти, например, часто сталкиваются обладатели незаурядного природного таланта.

Сэр Уолтер Рейли был одним из самых блестящих людей при дворе английской королевы Елизаветы. Он занимался наукой, писал пьесы и стихи, до наших дней почитаемые как прекрасный образец поэзии своего времени, был признанным лидером, инициативным предпринимателем, отважным мореплавателем и в довершение ко всему вышесказанному красивым мужчиной и блестящим придворным, ставшим благодаря неотразимому обаянию одним из фаворитов королевы. Что бы он ни задумал, однако, на его пути обязательно возникали препоны. В конце концов он претерпел ужасное падение, не просто вышел из милости, но был заключен в Тауэр и казнен.

Рейли не замечал, что другие придворные выказывают стойкое недоброжелательство по отношению к нему. Не пытаясь хоть немного приглушить блеск своих талантов, он, напротив, во всей красе выставлял их на всеобщее обозрение, демонстрируя свою многогранность. Он полагал произвести этим впечатление на окружающих и так завоевать их дружеское расположение.

На деле же благодаря этому он нажил скрытых врагов из числа тех, кто чувствовал себя рядом с ним униженным, бездарным. Они на все были готовы, чтобы покончить с ним, и ждали только удобного случая, когда он оступится и совершит хоть малейший промах. Так и получилось: причиной, приведшей его на плаху, было обвинение в заговоре, но ведь зависть может принимать любое обличье, чтобы прикрыть свою разрушительную суть.

Зависть, которую возбуждал сэр Уолтер Рейли, — самого скверного сорта: она была навеяна его природными талантами, расцветшими пышным цветом, а ему и в голову не приходило их скрывать. Деньги потенциально могут достаться каждому, как и власть. Но интеллект, красота, обаяние — это те качества, которых невозможно достичь, если не наделен ими от рождения. Природному совершенству следует особенно усердно заботиться о том, чтобы замаскировать свой ослепительный блеск, выставив напоказ один-два дефекта, чтобы обезвредить зависть раньше, чем она пустит корни. Распространенная и наивная ошибка — думать, что люди будут любить вас за вашу природную одаренность. К сожалению, в действительности они испытывают к вам неприязнь.

Величайшая опасность в мире власти — внезапный поворот колеса фортуны: стремительное продвижение, победа или успех, которых никто не ожидал. Все это может вызвать зависть среди тех, с кем вчера вы стояли на одной ступени.

Когда в 1651 году архиепископ де Рец был произведен в сан кардинала, он прекрасно понимал, что это вызовет зависть многих его коллег. Понимая, что неразумно и некрасиво отворачиваться от своих прежних товарищей, де Рец сделал все, чтобы принизить собственную заслугу в происшедшем и подчеркнуть роль счастливого случая в его «незаслуженном» успехе. Чтобы люди не чувствовали себя с ним скованно, он держался просто и скромно, так, словно никаких изменений не произошло. (В действительности, конечно, он приобрел значительно бóльшую власть.) Он писал, что это мудрое поведение «возымело желаемое действие, успокоив завистников, и это величайший из секретов».

Следуйте примеру де Реца. Тонко и ненавязчиво подчеркивайте, что вам просто повезло; чтобы ваша удача казалась более доступной окружающим, смягчайте возникающую у них зависть. Но соблюдайте меру, чтобы не впасть в лицемерную скромность, которую люди отлично распознают. Это лишь усилит неприязнь. Играть эту роль надо умело. Ваши смирение и открытость с тем, кого вы обошли, должны казаться подлинными. Любой намек на неискренность только сделает ваше новое положение более тягостным. Помните: несмотря на то что вы заняли более высокое положение, ничего хорошего нет в том, чтобы возноситься над теми, кто был вам ровней. Власть должна опираться на широкое и прочное основание, зависть же незаметно разъедает его.

Политическая власть любого рода порождает зависть, и один из лучших способов справиться с этим в зародыше — не быть тщеславным. После смерти русского царя Ивана Грозного Борис Годунов считал, что только он сможет добиться порядка в России, став во главе страны. Но если бы он рвался к трону слишком рьяно, это породило бы зависть и подозрения бояр. Поэтому он отказывался от короны, и не один, а много раз. Подобную тактику с успехом применял Джордж Вашингтон, вначале отклонив предложение занять пост главнокомандующего американской армией, затем — открещиваясь от президентства. В обоих случаях его популярность невероятно

возросла. Люди не завидуют власти, каковую они сами вручили человеку, который к ней, кажется, не рвался.

Сэр Френсис Бэкон, государственный деятель елизаветинской эпохи, считал, что самая мудрая тактика для власть имущих вызвать к себе сочувствие, показывая, что их обязанности для них — бремя и жертва. Кто позавидует человеку, взявшемуся нести тяжелую ношу ради интересов общества? Придайте власти вид самопожертвования, а не источника благополучия — и завидовать будет нечему. Побольше подчеркивайте свои беды и невзгоды, и источник опасности (зависть) обратится в источник моральной поддержки (жалость). Похожая уловка — дать понять, что от вашей удачи выиграют окружающие. Чтобы это получилось, вам придется распустить завязки на мешке с деньгами, подобно Кимону, богатому военачальнику в античных Афинах, который щедро раздавал деньги, чтобы предотвратить недовольство людей тем, что он покупал себе влияние в афинской политике. Он заплатил не скупясь, чтобы заглушить зависть, и в конце концов щедрость уберегла его от остракизма и изгнания из города.

Вспомним, как английский художник Дж. М. В. Тернер прибег к иному способу избавиться от зависти своих собратьев по искусству, которую считал основным препятствием на пути к успеху. Заметив, что из-за его несравненного мастерства колориста другие живописцы избегают соседства на выставках своих картин с его полотнами, он почувствовал, что страх проиграть в сравнении может превратиться в зависть, а это приведет к тому, что его не будут выставлять в галереях. И Тернер нашел способ: временно он приглушал колорит своих пейзажей, чем заслужил доброе отношение своих коллег.

Грациан рекомендовал сильным мира сего, чтобы избежать зависти, позволить уличить себя в какой-то слабости, небольших неблагоразумных поступках, безобидном грешке. Подкормите немного завистников, отвлекая их от более серьезных своих грехов. Помните: решающее значение имеет реальность. Возможно, вам придется притворяться, но в конце окажется, что вы ведете в счете, ведь именно вам принадлежит то, что ценится в этой игре: истинная власть. В некоторых арабских странах люди, стараясь избежать зарождения зависти, поступают как Козимо Медичи, показывая свое богатство только внутри своих домов. Приложите эту мудрость к своему собственному характеру.

Умейте распознавать различные маски зависти. Преувеличенные похвалы — это почти наверняка признак того, что особа, расточающая их, страдает от зависти: возможно, вам уготовано падение, потому что почти невозможно будет оправдать восторженно-завышенную оценку, а может быть, у вас за спиной вострят ножи. Но и те, кто критикует вас сверх всякой меры или во всеуслышание злословит на ваш счет, возможно, завидуют вам не меньше. Определите для себя их поведение как скрытую зависть — и вы избежите западни: не ввяжетесь в ритуал взаимного окатывания грязью и не станете принимать их критику близко к сердцу. Вам удастся отыграться за все, если проигнорируете их презренное присутствие.

Не помогайте и не делайте одолжений тем, кто вам завидует. Они сочтут унизительным, что вы до них снисходите. Попытка Джо Ортона помочь Халливеллу найти галерею для его работ лишь усилила у последнего чувство фрустрации и зависти.

Когда зависть обнаруживает себя во всей красе, часто оказывается, что единственно верное решение — спастись от завистников бегством, оставив их поджариваться в аду собственного изготовления.

Напоследок заметим: имейте в виду, что одна среда может больше благоприятствовать образованию завистников, чем другая. Зависть имеет более серьезные последствия для коллег и соратников там, где внешне соблюдается видимость равенства. Зависть деструктивна в подобном «демократичном» окружении, где на открытые проявления власти смотрят косо. В тоталитарном обществе не приветствуется, если кто-то из его членов выделяется талантом, деньгами и так далее. В таких случаях будьте сверхосторожны. В этой ситуации избежать зависти и недоброжелательства почти невозможно, и тут ничего нельзя поделать — так будьте снисходительны и не принимайте этого близко к сердцу. Как однажды сказал Торо: «Зависть — это налог, который должна платить всякая яркая индивидуальность».

[Минерва] ...
Тотчас же к Зависти в дом отправляется, грязной от яда
Черного. Было ее в глубокой теснине жилище
Скрыто, без солнца совсем, никаким недоступное ветрам.
Чуждое вовсе огня, постоянно обильное мраком.
Грозная дева войны в то место пришла и близ дома

Остановилась, вовнутрь входить не считает пристойным.
Остроконечным копьем ударяет в дверь запертую;
Вот сотрясенная дверь отворилась. Увидела дева
Евшую мясо гадюк — из пороков собственных пищу —
Зависть и взоры свои отвратила от мерзостной.
Та же
Встала лениво с земли и, змей полусъеденных бросив,
Вон из пещеры своей выступает медлительным шагом.
Лишь увидала красу богини самой и оружья,
Стон издала, и лицо отразило глубокие вздохи.
Бледность в лице разлита, худоба истощила все тело,
Прямо не смотрят глаза, чернеются зубы гнилые;
Желчь в груди у нее, и ядом язык ее облит.
Смеха не знает — подчас лишь смеется, увидев страданья.
Нет ей и сна, оттого что ее возбуждают заботы.
Видит немилые ей достиженья людские и, видя,
Чахнет; мучит других, сама одновременно мучась, —
Пытка сама для себя. Хотя богине она ненавистна,
Кратко Тритония все ж с такой обратилась к ней речью:
«Ядом своим отрави одну из рожденных Кекропом, —
Ту, что Аглаврой зовут. Так должно».
И, молвив, тотчас же прочь унеслась, от земли ударом копья оттолкнувшись.
Искоса Зависть меж тем глядела, как та уносилась,
И поворчала слегка, предстоящим успехом богини
Огорчена. Но тут же взяла суковатую палку,
Сплошь в колючих шипах. Вот, в черные тучи одета,
Всюду, куда ни придет, поля изобильные губит,
Травы сжигает лугов, обрывает растений верхушки,
Мерзким дыханьем своим дома, города и народы —
Все оскверняет, и вот Тритонии видит твердыню,
Что и умами цветет, и богатством, и праздничным миром.
Плакать готова как раз оттого, что не над чем плакать.
Но лишь вступила она к Кекроповой дочери в спальню,
Стала приказ выполнять: ей грудь заскорузлой рукою
Трогает, сердце ее наполняет крючками колючек.
Сок вредоносный в нее вдыхает старуха, и черный

Яд разливает в костях и в самые легкие брызжет.
А чтоб вниманье ее не блуждало по разным предметам,
Тут же родную сестру глазам она девушки кажет,
Брак счастливый ее и в пленительном образе — бога, —
Все представляя крупней. Раздраженная этим виденьем,
Тайной казнится тоской, стеная, и ночью томится
Дева, томится и днем, несчастная трижды, в недуге
Медленном тает, как лед, разъедаемый действием солнца.
Как разведенный костер, коль трав подбросить колючих:
Пламени он не дает, но медленным жаром сгорает.

Из «Метаморфоз» Публия Овидия Назона

Образ: сорняки в саду.

Вы можете не удобрять их, но они разрастаются, когда вы поливаете сад. Вы можете и не заметить, но они завоевывают пространство; высокие и отвратительные на вид, они заглушают ваши чудесные растения, не давая им цвести. Пока не поздно, прекратите поливать без разбора. Уничтожьте сорняки зависти, не давая им ни воды, ни питания.

Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его, и сделал ему разноцветную одежду. И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его, и возненавидели его, и не могли говорить с ним дружелюбно. И видел Иосиф сон, и рассказал братьям своим; и они возненавидели его еще более. Он сказал им: выслушайте сон, который я видел: вот, мы вяжем снопы посреди поля; и вот, мой сноп встал и стал прямо; и вот, ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу. И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его. И видел он еще другой сон, и рассказал его братьям своим, говоря: вот, я видел еще сон: вот, солнце, и луна, и одиннадцать звезд поклоняются мне. И он рассказал отцу своему и братьям своим; и побранил его отец его, и сказал ему: что это за сон, который ты видел? неужели я, и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе

до земли? Братья его досадовали на него, а отец его заметил это слово. Братья его пошли пасти скот отца своего в Сихем. И сказал Израиль Иосифу: братья твои не пасут ли в Сихеме? пойди, я пошлю тебя к ним... И увидели они его издали, и, прежде нежели он приблизился к ним, стали умышлять против него, чтобы убить его. И сказали друг другу: вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его, и увидим, что будет из его снов.

Ветхий Завет, Бытие, 37:3–20

Авторитетное мнение

«При случае позволь уличить себя в безобидном недостатке. С точки зрения завистников, главный грех совершенства заключается в том, что оно не грешит. Превратившись в тысячеглазого Аргуса, они во все глаза ищут изъян — это их единственное утешение. Не позволяй зависти брызгать ядом — допусти промах, обнаружь какой-нибудь пробел в доблести или интеллекте, так чтобы обезоружить ее заранее. Вот так ты машешь красным плащом перед Рогами Зависти, чтобы спасти свое бессмертие».

Бальтазар Грациан

Оборотная сторона

Причина, по которой надо быть особенно осторожным с завистниками, в том, что они очень изворотливы и находят бесчисленные новые способы подкопаться под вас. Но осторожно крадясь мимо них, вы часто только ухудшаете положение. Они чувствуют, что вы насторожились, и видят в проницательности дополнительный знак вашего превосходства. Именно поэтому нужно принимать меры раньше, чем зависть пустит корни.

Но если зависть уже зародилась — неважно, была в том ваша вина или нет, — иногда лучше бывает испробовать противоположный подход: выкажите глубочайшее презрение к тем, кто вам завидует. Вместо того чтобы скрывать свои достоинства, сделайте их очевидными. Пусть каждый новый триумф заставляет их корчиться от зависти. Ваша удачливость, ваше богатство станут их прижизненным адом. Если вы достигнете положения непоколебимой власти, они

бессильны повредить вам, и вы отомщены: они в ловушке собственной зависти, а вы свободны и сильны.

Вот как Микеланджело восторжествовал над своим недоброжелателем, архитектором Браманте, который уговорил папу Юлия отказаться от проекта гробницы, созданного Микеланджело. Браманте завидовал божественному дару Микеланджело и к этому своему триумфу — отвергнутому проекту гробницы — собирался добавить еще один, уговорив папу дать Микеланджело заказ на фрески для Сикстинской капеллы. Работа должна была занять долгие годы, и Браманте рассчитывал, что Микеланджело будет надолго лишен возможности создавать свои гениальные скульптуры. Кроме того, Браманте подозревал, что в живописи великий скульптор менее искусен и, попросту говоря, опозорится, утратив репутацию совершенного художника.

Микеланджело заметил подвох и хотел было отклонить предложение. Но, не решившись отказать самому папе, согласился взять заказ. Вышло, однако, что он воспользовался завистью Браманте, чтобы выйти на еще более головокружительные высоты, превратив Сикстинскую капеллу в свой величайший шедевр. Каждый раз слыша о ней или видя ее, Браманте испытывал страшные муки зависти — а это сладчайшая и длительная месть, которой можно ответить завистнику.

Закон 47. Не заходи дальше намеченной цели; побеждай, зная, когда остановиться

Формулировка закона

Мгновение победы — это часто момент наибольшего риска. В разгар победы самонадеянность и чрезмерная уверенность в себе могут толкнуть вас мимо намеченной цели, а зайдя слишком далеко, вы получите врагов больше, чем сможете победить. Обдумыванию и тщательному планированию нет альтернативы. Наметьте цель, а как только достигнете ее, остановитесь.

Нарушение закона

В 559 году до н. э. молодой человек по имени Кир собрал рассеянные племена Персии в огромную армию и повел ее на своего деда, короля мидян Астиага. Он без труда одолел его, сам занял трон Мидии и Персии и положил начало персидской империи. Победы следовали одна за другой. Кир разбил Креза, правителя Лидии, затем захватил Ионические острова и другие более мелкие царства. Он пошел на Вавилон и разрушил его. Теперь его называли Киром Великим, Царем мира.

Завладев сокровищами Вавилона, Кир устремил взор на восток, на полуварварское кочевое племя массагетов, занимавшее обширную территорию в районе Каспийского моря. Жестокие воины под предводительством царицы Томирис, массагеты не обладали богатствами Вавилона, но Кир все же решил напасть на них, ощущая себя сверхчеловеком, не знающим поражений. Массагеты казались легкой добычей для его громадной армии. Империя Кира становилась необъятной.

В 529 году до н. э. Кир повел армию к широкой реке Аракс, ворота в царство массагетов. Разбивая лагерь на западном берегу Аракса, он получил послание от царицы Томирис. «Царь мидян, — говорилось в нем, — советую тебе отказаться от своих намерений, ибо ты не знаешь, удачно ли окончится твой поход. Правь своим народом и постарайся свыкнуться с тем, что я правлю своим. Но ты, конечно, отвергнешь мой совет, потому что меньше всего тебе хочется мирной жизни». Томирис, уверенная в силе своей армии, не желала отсрочки

неизбежной битвы. Поэтому она предложила Киру беспрепятственно переправиться через Аракс и сразиться с ее армией на восточном берегу, если он пожелает.

Кир согласился, но, вместо того чтобы прямо вступить в стычку с врагом, решил прибегнуть к хитрости. Массагеты не знали роскоши. Перейдя через реку и разбив лагерь на восточной стороне, Кир накрыл пышный пиршественный стол, изобилующий мясом, изысканными блюдами и крепким вином. Затем, оставив в лагере небольшой и слабый отряд, он с остальными воинами отступил к реке. Большой отряд массагетов вскоре напал на лагерь, они перебили всех персов, находившихся там, а потом уселись за стол. Когда они наелись до отвала и напились вина, всех сморил сон. Армия персов возвратилась в лагерь той же ночью, убила большую часть спящих вражеских солдат, а остальных захватила в плен. В числе пленных был один из командиров, юноша Спаргапис, сын Томирис.

Узнав о случившемся, Томирис отправила Киру послание, в котором осудила его коварство. «А теперь послушай меня, — писала она.— Я дам тебе совет для твоего же блага: верни мне сына и покидай мою страну — твоему войску позволят уйти беспрепятственно, а в качестве выкупа забирай треть земли массагетов. Если откажешься, я клянусь солнцем, нашим властелином, ты получишь больше крови, чем сможешь выпить, за всю твою ненасытность». Кир посмеялся над царицей: он не отпустит ее сына. Он сотрет в порошок ее варваров.

Сын царицы, видя, что его не собираются освобождать, не вынес унижения и убил себя. Известие о гибели сына потрясло Томирис. Она мобилизовала всех воинов, какие нашлись в ее царстве, и, доведя их до исступления в неистовой жажде отмщения, вовлекла Кира в кровавое и жестокое сражение. Массагеты победили. В ярости они разгромили армию персов, а самого Кира убили.

Когда бой окончился, Томирис со своими солдатами искала тело Кира среди других трупов. Обнаружив, она отсекла ему голову и, засунув ее в винный мех, наполненный кровью, воскликнула: «Хотя теперь я владею тобой и твоей головой, но ты разрушил мою жизнь, подло отняв у меня сына. Смотри же, я выполняю свою угрозу: ты захлебнешься кровью». После смерти Кира империя персов очень скоро оказалась на грани развала. Один высокомерный поступок свел на нет все успехи Кира.

Заносчивый петух

Дрались два петуха у навозной кучи. У одного петуха было силы больше, он забил другого и прогнал его от навозной кучи. Все куры сошлись вкруг петуха и стали хвалить его. Петух хотел, чтобы и на другом дворе узнали про его силу и славу. Он взлетел на сарай, забил крыльями и запел громко: «Смотрите все на меня, я петуха побил! Ни у одного петуха на свете нет такой силы». Не успел пропеть, летит орел, сбил петуха, схватил в когти и унес в свое гнездо.

Лев Толстой

Толкование

Нет ничего более притягательного, чем победа, и ничего более опасного.

Кир построил свою великую империю на руинах предыдущей. За сто лет до него было до основания разрушено могущественное государство Ассирия, а от ассирийской столицы, великолепной Ниневии, остались лишь развалины в песках. Такая участь постигла ассирийцев потому, что они зашли слишком далеко, разрушая одно за другим города-государства, пока в какой-то момент не перестали понимать, зачем им нужны их победы, а главное — какой ценой они им достаются. Они слишком распространились и нажили множество врагов, которым в конечном счете удалось объединиться и побить ассирийцев.

Кир проигнорировал урок Ассирии. Он пренебрег предостережениями оракулов и советников. Он не побоялся оскорбить царицу. Многочисленные победы ударили ему в голову, затмили рассудок. Вместо того чтобы укреплять и без того уже обширную империю, он рвался все вперед. Не замечая, что ситуация переменилась, он продолжал думать, что каждая новая война будет приносить новые победы и для этого можно пользоваться все теми же методами — единственными, понятными ему: грубой силой и коварством.

Вы должны понимать: в мире власти необходимо руководствоваться доводами рассудка. Если вы позволите мгновенному наслаждению, эмоциональному всплеску, доставляемому

победой, руководить своими действиями, они заранее обречены на провал. Добившись успеха, не бойтесь отступить на шаг. Будьте осторожны. Завоевав победу, отдайте себе отчет в том, что это была уникальная ситуация с неповторимыми обстоятельствами, и не поддавайтесь искушению вновь и вновь повторять действия, которые однажды принесли удачу. История загромождена обломками славных империй и завалена трупами вождей, которые не могли вовремя остановиться и подвести черту под своими завоеваниями.

Порядок ведения перекрестного опроса

Всегда при ведении перекрестного опроса наиболее важно... умение остановиться сразу же, как было достигнуто важное признание или получен удовлетворяющий вас ответ. Ничто не может быть важнее того, чтобы закончить опрос свидетеля на триумфальной ноте. Весьма многим юристам удается поймать свидетеля на серьезных противоречиях и нестыковках. Но, не довольствуясь этим, они продолжают задавать вопросы до тех пор, пока удачное впечатление, произведенное на присяжных, совершенно теряется.

Фрэнсис Веллман. «Искусство перекрестного опроса», 1913

Соблюдение закона

Пожалуй, ни у кого в истории никогда не бывало положения более деликатного и щекотливого, чем у любовниц короля. Королевская любовница не обладала властью, которая покоилась бы на истинном, законном основании, к которой она могла бы прибегнуть в случае нужды. Любовница короля была окружена толпами завистливых придворных, нетерпеливо дожидающихся ее падения и готовых на все, чтобы ускорить момент, когда она лишится монаршей милости. Наконец, с учетом того, что источником ее власти над королем была ее физическая красота, для большинства королевских любовниц это падение было неизбежно и весьма неприятно.

Король Франции Людовик XV начал обзаводиться официальными фаворитками с первых же дней своего правления, когда закончилось регентство. При этом счастье каждой женщины продолжалось не менее чем несколько лет. Но в один прекрасный день он увидел

маркизу де Помпадур. Жанне де Пуассон, девочке из простой семьи, гадалка напророчила в детстве, что она станет фавориткой короля. Это казалось абсурдной выдумкой, ведь любовницы и фаворитки королей, как правило, были аристократического происхождения. Жанна все же поверила в свое предназначение, и целью ее жизни стало добиться любви короля. Она обучалась всему тому, что должна уметь избранница монарха — музыке, танцам, мастерству декламации, верховой езде, — и в каждом из этих искусств достигла совершенства. Она рано вышла замуж за дворянина. Супруг ее был не из высшей знати, однако замужество дало ей доступ в лучшие салоны Парижа. Скоро о ее красоте, талантах, обаянии и уме стали говорить в свете.

Жанна Пуассон познакомилась и подружилась с Вольтером, Монтескье и другими великими мыслителями, но ни на минуту не забывала о главной цели, которую она поставила, будучи еще девочкой, — завоевать сердце короля. У ее мужа был замок в лесу, куда король часто приезжал на охоту, и она начала проводить там все больше времени. Зорко следя за передвижениями короля, она то и дело «случайно» появлялась перед ним, то прогуливаясь в самом соблазнительном платье, то проезжая мимо в своей великолепной карете. Король начал обращать на нее внимание и преподносить ей в дар свои охотничьи трофеи.

В 1744 году умерла тогдашняя любовница Людовика, герцогиня де Шаторо. Жанна насторожилась. Теперь она старалась бывать везде, где бывал король: на маскарадах в Версале, в опере — всюду, где их пути могли пересечься и где бы она могла блеснуть своими многочисленными талантами — танцами, пением, верховой ездой, кокетством. Шло время, и король не устоял перед ее чарами: в Версале в сентябре 1745 года двадцатичетырехлетняя Жанна была торжественно официально провозглашена фавориткой короля. Во дворце для нее были приготовлены отдельные апартаменты, куда король мог наведываться в любое время по потайному ходу. Придворные злословили по поводу низкого происхождения любовницы Людовика — он объявил ее маркизой. Отныне она получила имя маркизы де Помпадур.

Король относился к людям, которым необходимы постоянные развлечения, скука сводила его с ума. Маркиза знала, что она удержит его при себе, если он не будет скучать. Поэтому она постоянно

устраивала в Версале театральные представления, сама выступала на сцене. Она организовывала великолепные охотничьи праздники, маскарады и костюмированные балы — все, что только могла выдумать, чтобы король не скучал, пока находится не в ее спальне. Она стала покровительницей искусств, арбитром моды и вкуса для целой Франции. С каждым новым успехом у нее становилось все больше недругов при дворе, но маркиза де Помпадур обращалась с ними в манере, совершенно нетипичной для королевской фаворитки: она была чрезвычайно любезна. Обаянием и изяществом ей удалось завоевать расположение снобов, вначале гнушавшихся ее низким происхождением. Что было необычнее всего — она свела дружбу с королевой и настаивала, чтобы Людовик уделял больше внимания своей супруге и ласковее с ней обращался. Даже королевская семья, к вящему недовольству завистников, поддерживала ее. Чтобы увенчать ее еще большей славой, король титуловал ее герцогиней. Ее влияние ощущалось даже в государственной политике: поистине она стала негласным министром иностранных дел.

В 1751 году, когда маркиза де Помпадур находилась в зените славы, ее постиг сильнейший кризис. Для нее, физически уставшей до предела от огромного груза навалившейся ответственности, стало трудно удовлетворять домогательства короля в постели. Обычно именно так и приходил конец карьере любовниц, которые безуспешно бились, чтобы отсрочить свое падение, когда красота их блекла. Но у маркизы был план: по ее наущению король открыл в Версале что-то вроде борделя Парк-о-Серф. Там король, достигший к тому времени среднего возраста, мог выбирать себе любовниц из числа самых красивых девиц королевства.

Маркиза де Помпадур знала, что стала незаменимой для короля, — этому способствовали ее шарм и редкостная интуиция в политике. Стоило ли ей опасаться конкуренции шестнадцатилетних девчушек, не имевших ни ее власти, ни обаяния? Стоило ли сокрушаться об утраченном месте в спальне, если она оставалась самой влиятельной из всех женщин Европы? А чтобы не потерять этого положения, она еще теснее сошлась с королевой, начав вместе с нею посещать церковь. Хотя недоброжелатели при дворе постоянно предпринимали попытки добиться ее свержения с официального поста фаворитки, король не хотел с ней расставаться, так как только в ее присутствии

мог как следует расслабиться и отдохнуть. Мадам Помпадур лишь тогда постепенно ушла в тень, когда ее участие в гибельной Семилетней войне навлекло на нее недовольство и она подверглась резкой критике.

Маркизу де Помпадур всегда отличало хрупкое здоровье, и она скончалась в возрасте сорока трех лет, в 1764 году. Ее царствование в роли фаворитки было беспрецедентно долгим и длилось двадцать лет. «Все оплакивали ее уход, — писал герцог де Круа, — ибо она была добра и помогала всем, кто был с нею рядом».

В книгах можно обнаружить немало примеров такой неблагодарности. Представьте себе полководца, который, доблестно сражаясь, утвердил власть своего господина, одолел врагов, себе добыл славы, а своим солдатам — богатства. Его авторитет и среди солдат, и среди врагов, и среди подданных государя возрастает настолько, что одержанная полководцем победа может повредить его господину. Человек по природе своей честолюбив и подозрителен, и если ему повезло, то его уже ничем не удержишь. Так и случается: полководец после одержанной победы начинает казаться подозрительным государю и почти всегда каким-нибудь дерзким словом или поступком укрепляет его в этом чувстве. Вот и получается, что государь начинает думать лишь о том, как себя обезопасить, а добиться этого он может, лишь убив полководца или развенчав его авторитет в глазах его солдат и народа; всячески показать, что победу принесла не доблесть полководца, а случай или трусость врагов или осторожность других предводителей, которые были вместе с ним.

Никколо Макиавелли

Толкование

Зная о том, как недолго продлится ее власть, любовница короля, добившись его расположения, часто впадала в своего рода исступление: она старалась получить как можно больше денег, чтобы обеспечить себе существование после неизбежного падения. Для того же, чтобы растянуть свое «царствование» на возможно больший срок, она должна была проявлять жесткость и быть безжалостной со своими

врагами при дворе. Другими словами, ее положение требовало от нее проявления алчности и мстительности, что часто служило ей во вред. Мадам де Помпадур достигла успеха там, где другие терпели неудачу, благодаря тому, что никогда не подстегивала свою счастливую судьбу. Она не ущемляла придворных, пользуясь влиянием на короля, вместо этого она старалась завоевать их расположение. Она никогда не проявляла ни малейших признаков жадности или озлобления. Не будучи в силах исполнять свои прямые обязанности, она не пришла в бешенство от мысли, что кто-то заменит ее в постели короля, — просто учла это в своем стратегическом плане, предложив королю молоденьких любовниц, зная, что чем моложе и прелестнее они будут, тем меньшую опасность представят для нее, так как неспособны тягаться с нею обаянием и умом и вскоре наскучат монарху.

Успех играет странные игры с разумом. Он дает чувство неуязвимости, но в то же время заставляет нервничать и озлобляться, если окружающие, как вам кажется, пытаются покуситься на вашу власть. Способность приспосабливаться к обстоятельствам падает. Вы начинаете думать, что сильный характер более важен для успеха, чем работа по обдумыванию и планированию стратегии и тактики. Вам необходимо по примеру мадам де Помпадур осознать, что момент вашего триумфа — это и момент, когда необходимо еще в большей степени положиться на расчет, хитрость и стратегию, укреплять фундамент своей власти, научиться распознавать роль удачи и обстоятельств в вашем успехе и оставаться неуязвимым к поворотам судьбы. Именно в момент победы вам как никогда важно быть придворным и более внимательным к законам власти, чем когда бы то ни было ранее.

Из «Праздных заметок» Кенкё

Один человек, прославившийся тем, что ловко лазал по деревьям, обучал другого своему искусству. Он приказал ему обрубить самые верхние ветки высокого дерева. За все время, когда ученик, казалось, подвергался великой опасности, учитель не произнес ни слова. Лишь когда тот, закончив работу, спускался и снизился уже до уровня карниза крыши, учитель крикнул ему: «Будь осторожен! Смотри, куда ставишь ногу». Я спросил его: «Почему ты сейчас сказал это? С такой высоты он может спрыгнуть на землю, если захочет». — «Дело

в том, — отвечал учитель, — что пока мой ученик работал на головокружительной высоте, на тонких ветвях, которые грозили обломиться, он и сам, сознавая опасность, был внимателен и сосредоточен. Он так боялся, что мне не надо было напоминать ему об опасности. Люди всегда ошибаются, добравшись до простого места». Этот человек был простой крестьянин, но его слова в точности совпадали с учениями мудрецов. Говорят, что и при игре в мяч, после того как игроку удастся отбить сложный удар, он расслабляется, считая, что следующий будет попроще, и частенько пропускает мяч.

Кенкё. «Праздные заметки», XIV в.

Величайшая опасность рождается в момент победы.

Наполеон Бонапарт

Ключи к власти

У власти свои ритмы и закономерности. Побеждает в игре тот, кто, уловив алгоритм закономерности, может переменить его по своей воле, выбивая людей из привычной колеи, устоявшегося ритма. Главная суть стратегии — умение предвидеть события ближайшего будущего и управлять ими. Однако эйфория победы может лишить вас способности управлять тем, что должно произойти. Здесь возможны два сценария. Первый: вы принимаете свой успех за закономерность и уверены, что можете попытаться его повторить. Вы безостановочно двигаетесь в том же направлении, чтобы убедиться, что оно остается благоприятным для вас. Второй: успех опьяняет и будоражит вас. Поверив в собственную неуязвимость, вы начинаете вести себя агрессивно, что непременно сведет на нет завоеванную ранее победу.

Урок прост: сильные люди варьируют ритм, меняют линию поведения в зависимости от обстоятельств и учатся импровизировать. Они не позволяют своим быстрым ногам унести их слишком далеко вперед, а вместо этого немного отступают, чтобы окинуть взглядом общую картину. У них словно в крови имеется противоядие против опьянения победой, позволяющее им, добившись успеха, обуздать свои чувства и взять своего рода тайм-аут. Владея собой, они не дают воли своему возбуждению, спокойно обдумывая все случившееся

и трезво оценивая долю обстоятельств и везения в своем успехе. Как говорят тренеры на занятиях верховой ездой, нужно сначала научиться управлять собой, а тогда уже пытаться управлять лошадью.

Случай и обстоятельства всегда играют в игре власти важную роль. Это неизбежно и, собственно говоря, придает игре дополнительный интерес. Но хоть это и покажется странным, счастливый случай порой бывает опаснее, чем невезение. Неудачи учат нас очень важным вещам — терпению, умению правильно выбирать момент, необходимости готовиться к худшему. Слепая удача преподносит противоположный урок, внушая вам мысль о блеске и таланте, благодаря которым у вас все получилось. Фортуна неизбежно рано или поздно отвернется от вас, и есть риск, что, когда это случится, вы будете застигнуты врасплох.

Макиавелли писал, что именно это произошло с Чезаре Борджиа. У него было много побед, и на самом деле он обладал незаурядным стратегическим талантом; но помимо этого, удача была на его стороне: его отцом был папа Римский. Когда же на него свалилось огромное несчастье — смерть отца, — он оказался к этому совершенно неподготовленным, так что многие враги, которых он нажил в прошлом, задавили его. Удача вознесла вас, удача скрепила вашу победу, но вместе с ней приходит неизбежный момент, которого вы должны ждать с открытыми глазами: колесо фортуны повернется и отбросит вас так же легко, как и подхватило. Если вы заранее подготовитесь к возможному падению, оно уже не застанет вас врасплох.

Тех, кто добивается успеха, порой охватывает нервное возбуждение, и даже если они, понимая это, стараются сохранить хладнокровие, окружающие, люди менее рассудительные, часто все же вынуждают их зайти за черту и вступить в опасную зону. Вам необходимо выработать линию поведения по отношению к таким людям. Если вы просто станете призывать к умеренности, они сочтут вас слабаком и недоумком. Не «сумев выжать все, что можно», из своей победы, вы рискуете потерять уважение в их глазах, а вслед за тем и ослабить свою власть.

Когда афинский полководец и государственный деятель Перикл одержал верх в нескольких морских кампаниях на Эгейском море в 436 году до н. э., его легкие победы разожгли аппетиты афинян. Они

мечтали завоевать Египет, опустошить Персию, с моря покорить Сицилию. Перикл сдерживал эти воинственные чувства, предостерегая, что заноситься, искушая богов, опасно. Однако он подкармливал их маленькими победами (но только тогда, когда точно понимал, что наверняка победит), создавая видимость того, что он продлевает мгновения успеха. Мастерство, с которым Перикл вел эту игру, стало ясно видно после его смерти: демагоги одержали верх, втравили Афины в завоевание Сицилии и одним ударом приблизили гибель могущественной державы.

Для сохранения власти часто требуется чередовать силу и хитрость и удерживать их в равновесном состоянии.

Если переусердствовать с применением силы, это породит противодействие; допустить перекос в сторону хитрости — и она становится предсказуемой, сколь бы искусной ни была. Во имя своего господина, правителя Ода Нобунага, великий японский полководец XVI века (и будущий его преемник) Хидейоши однажды одержал ошеломляющую победу над армией грозного полководца Йошимото. Правитель Нобунага не хотел останавливаться на достигнутом, он настаивал на том, чтобы продолжить начатое и разгромить и другого могущественного врага, но Хидейоши напомнил ему старую японскую пословицу: «Если ты одержал победу, стяни потуже завязки своего шлема». По мнению Хидейоши, нужно было переключиться с силы на хитрость и натравить врагов друг на друга, заключив серию обманных альянсов. Таким способом они могли избежать нежелательных столкновений и исключить опасность зарождения вражды в ответ на открытую демонстрацию агрессии. Поэтому, если вы победитель, ведите себя тихо, убаюкивая неприятеля своим бездействием. Такие смены ритма — очень сильное и действенное средство.

Людей, которые заходят за черту, часто ведет желание понравиться господину, оправдать его веру в них. Но чрезмерное усердие рискованно — оно может возбудить у вашего господина подозрения. Филипп Македонский имел обыкновение подвергать опале и понижать в должности военачальников непосредственно после того, как они выигрывали сражение. Еще одна такая победа, считал Филипп, и человек может из подчиненного и соратника превратиться в соперника. Когда вы служите господину, разумно тщательно соразмерять свои победы, предоставляя ему пожинать лавры и ни

в коем случае не давая ему повода для беспокойства. Изобразите полное подчинение, чтобы завоевать его доверие. В IV веке до н. э. командир, служивший под началом известного своей суровостью и жестокостью полководца У Ши, бросился в атаку, прежде чем началось сражение, и вернулся с головами врагов. Он думал заслужить одобрение У Ши своим рвением и пылкостью, но на полководца это не произвело впечатления. «Способный командир, — сказал он со вздохом, отдавая приказ казнить командира, — но непокорный».

Еще один случай, когда маленький успех может помешать добиться другого, более серьезного, — ситуация, при которой господин или вышестоящий оказывает вам милость: не просите больше — это опасная ошибка. Это выглядело бы так, словно вы знаете, что не заслуживаете этой милости, и стремитесь ухватить как можно больше, используя шанс, который может второй раз не представиться. В такой ситуации единственно верное поведение — с достоинством принять милость и удалиться. Все последующие милости вы должны заслужить, чтобы не пришлось их выпрашивать.

И последнее: очень важно, где и как остановиться; этот момент имеет огромное психологическое значение. В памяти остается последняя сцена как своеобразная кульминация. Нет лучшего момента для того, чтобы удалиться, чем после славной победы. Оставаясь на сцене, вы рискуете уменьшить эффект, возможно, после этого вам больше не подняться на такие высоты и придется примерять на себя роль аутсайдера. Как говорят юристы о ведении перекрестного допроса: «Добившись своего, сразу прекращай задавать вопросы».

Образ: Икар, падающий с небес.

Его отец Дедал изготовил крылья из воска, которые поднимали двоих, чтобы выбраться из лабиринта и ускользнуть от Минотавра. Опьяненный счастливым избавлением и ощущением полета, Икар поднимался выше, пока солнце не растопило воск и он, упав, не разбился насмерть.

Авторитетное мнение

«Государи и республики должны удовольствоваться победой, ибо когда они стремятся к большему, то, как правило, проигрывают».

Никколо Макиавелли

Оборотная сторона

Макиавелли учил, что потенциального соперника нужно либо уничтожить, либо оставить в полном покое. Половинчатое наказание или небольшой урон только породит врага, который будет растравлять себя все больше, вынашивая месть. Если вы бьете неприятеля, доведите это до конца. Уничтожьте его полностью. В победный миг не сдерживайтесь, добейте поверженного врага, но не продолжайте в азарте нападать на других — это совершенно недопустимо. Будьте к врагу безжалостны, но не создавайте себе новых врагов, теряя чувство меры.

Есть люди, которые становятся после победы более осторожными, чем когда бы то ни было. Победа, по их мнению, только дала им больше оснований для беспокойства и вынуждает занимать глухую оборонительную позицию, не двигаясь вперед, чтобы не растерять завоеванное. Эта позиция также ошибочна. Ваша осторожность после победы ни в коем случае не должна заставить вас колебаться или помешать воспользоваться подходящим случаем, вместо этого она должна послужить защитой, предостерегая вас от торопливых, необдуманных действий. Однако значение случая нельзя слишком уж переоценивать. Вы сами творите свой успех, и если он следует один за другим, это ваша собственная заслуга. Вера в то, что всему причиной счастливый случай, только убавляет вашу уверенность в своих силах, мешает обдуманному стратегическому планированию действий и заставляет суеверно повторять одно и то же. Оставьте случай тем, кому больше не на что рассчитывать.

Закон 48. Обрети неопределенность формы

Формулировка закона

Обретая конкретную форму, имея наглядные планы, вы открываете себя для нападения. Вместо того чтобы принять форму, которую смогут атаковать ваши враги, приспосабливайтесь и будьте в постоянном движении. Примите тот факт, что нет ничего определенного и не существует установленных навсегда законов.Лучший способ защитить себя — быть текучим и бесформенным, как вода; никогда не ставьте на стабильность или длительный порядок.

Всё изменяется.

Нарушение закона

К VIII веку до н. э. города-государства Греции процветали и разрослись так, что им не хватало земель для все увеличивающегося населения. Поэтому они двинулись за море, основывая колонии в Малой Азии, Сицилии, на Апеннинском полуострове и даже в Африке. Спарта же, окруженная горами, не имела выхода к Средиземному морю, поэтому спартанцы никогда не были мореплавателями. В поисках территорий они выступили против граничивших с ними городов, и в результате ряда жестоких военных конфликтов, которые велись на протяжении более ста лет, им удалось отвоевать огромную территорию, достаточную для того, чтобы расселить своих граждан. Решив таким образом одну проблему, они, однако, столкнулись с другой, более серьезной: как справиться с управлением и поддержанием порядка на завоеванных землях? Покоренные народы в десятки раз превосходили числом спартанцев. Не вызывало сомнений, что такие полчища рано или поздно сумеют отомстить захватчикам и эта месть будет страшной.

В Спарте решили эту проблему, создав общество, устроенное по принципу военного лагеря. Спартанцы должны были стать крепче, сильнее своих соседей и превосходить их жестокостью. Это представлялось единственно возможным способом сохранения стабильности и даже выживания.

Когда спартанский мальчик достигал семилетнего возраста, его забирали от матери в казарму, где в условиях строжайшей дисциплины воспитывали из него воина. Мальчики спали на стеблях тростника, круглый год ходили в одном плаще. Их не обучали искусствам. Музыка в Спарте вообще была под запретом, а ремеслами, необходимыми для поддержания жизни, разрешалось заниматься лишь рабам. Единственное, чему обучались молодые спартанцы, было воинское искусство и борьба. Младенцев, если они рождались слабыми, бросали в расщелины скал. В Спарте не копили денег, торговля находилась под запретом. Богатство и роскошь, считали спартанцы, пробуждают в людях себялюбие, порождают распри и раздоры, ослабляют воинскую дисциплину. Спартанец мог обеспечить себе существование единственным способом — занимаясь сельским хозяйством, большей частью на государственных землях, которые для свободных граждан обрабатывали рабы, называемые илотами.

Такая полная концентрация на одной цели позволила Спарте создать самую сильную армию в тогдашнем мире. Спартанская пехота маршировала идеальным строем и сражалась так мужественно и храбро, что никто не мог с ней сравниться. Ее плотно сомкнутые фаланги могли справиться с армией, превосходящей ее в десять раз, как это было в сражении с персами при Фермопилах. Колонна спартанцев на марше вселяла ужас во врага, казалось, слабость неведома этим воинам. Но, несмотря на то что спартанцы зарекомендовали себя как бесстрашные воины, не знающие поражений, у них не было цели создать империю. Они лишь хотели сохранить за собой те территории, которые уже имели, и защитить их от возможного вторжения захватчиков. Десятилетия шли, не внося ни малейших изменений в систему, которая идеально поддерживала положение Спарты.

В то же время, пока Спарта развивала свою военизированную культуру, не менее видное положение занимало другое греческое государство — Афины. В отличие от Спарты Афины освоили морские пути, пользуясь ими не столько для создания колоний, сколько для торговли. Афиняне стали великолепными купцами. Их валюта, знаменитые «совиные монеты», имела хождение по всему Средиземноморью. В отличие от негибких спартанцев афиняне творчески подходили к решению любой проблемы, приспосабливаясь

к меняющимся обстоятельствам и невероятно быстро создавая новые общественные институты и новые искусства. Их общество находилось в постоянном движении. И по мере того как росла власть Афин, укреплялась мысль о покорении Спарты, полностью занятой собственной обороной.

В 431 году до н. э. между Афинами и Спартой вспыхнула наконец война, которая так долго назревала. Она длилась двадцать семь лет, но в итоге после многих поворотов фортуны спартанская военная машина все же одержала верх. Теперь спартанцы управляли империей. На этот раз они выбрались из своей скорлупы. Они отказались от своих установок. Что до поверженных афинян, то они собирались с силами и восставали против спартанцев, так что долгая бесполезная война разражалась вновь.

После войны в Спарту проникли афинские деньги. Спартанцы, хорошие воины, были совсем не искушены ни в политике, ни в экономике, поэтому не потребовалось много времени, чтобы хлынувшее в страну богатство соблазнило их и перевернуло весь их уклад. На афинских землях были поставлены спартанские губернаторы. Вдали от дома они поддались жесточайшей коррупции. Спарта победила Афины, но афинский образ жизни медленно расшатывал ее дисциплину, разрушал жесткий порядок. Афины же тем временем приспосабливались к жизни без империи, превращаясь из политического в культурный и экономический центр.

Спарта была выведена из многолетнего устойчивого равновесия, теперь она слабела. Лет через тридцать после победы над Афинами Спарта проиграла важное сражение с городом-государством Фивы. Буквально за одну ночь это некогда сильнейшее государство было разрушено и никогда не смогло восстановиться.

В боевых искусствах важно, чтобы стратегия была непостижима и непредсказуема, чтобы форма была скрыта, а движения — неожиданны, так чтобы было невозможно встретить их во всеоружии. Что помогает хорошему военачальнику добиться верной победы? Непостижимая мудрость и образ действий, при котором не остается следов. Только в того, у кого нет формы, невозможно попасть. Мудрые скрываются за необъяснимостью, они постоянно изменяются, так что их пути невозможно пересечь.

«Книга гуайских мастеров», Китай, II век до н. э.

Толкование

В эволюции видов защитный панцирь почти всегда означает беду для его обладателя. За немногими исключениями раковина оказывала плохую услугу животному, которое пыталось найти в ней убежище: она замедляла его движение, затрудняла поиски пищи и делала его легкой добычей для быстрых хищников. Животные, освоившие водную среду или поднявшиеся в воздух, стремительно двигаются и способны резко изменять направление движения, неизмеримо сильнее и их защищенность.

Столкнувшись с серьезной проблемой — необходимостью управлять большими массами народа, — Спарта отреагировала подобно животному, которое наращивает панцирь, чтобы спрятаться от окружающего мира. И, как черепаха, спартанцы пожертвовали подвижностью во имя безопасности. Им удавалось сохранять стабильность в течение трех столетий, но какой ценой? У них не было никакой культуры, помимо воинской, не было искусства, способствующего снятию напряжения из-за постоянной тревоги о государственной безопасности. Пока соседи осваивали море, спартанцы похоронили себя в своей государственной системе. Победа означала освоение новых земель и управление ими, а они к этому не стремились. Завоевание могло привести к развалу их военной машины, и это также было нежелательно. Только устойчивость позволяла им выжить. Но ничто в мире не остается стабильным навечно, и панцирь, или система, которую вы развили для своей защиты, однажды подведет вас к концу.

В случае со Спартой не провал армии Афин явился причиной ее гибели, а афинские деньги. Деньги обращаются повсюду, где есть для них лазейка. Ими нельзя управлять или заставить их следовать предписанным правилам. Им свойственна хаотичность. В конце концов деньги сделали Афины победителем, разложив спартанскую систему и разъев, как коррозией, защитный панцирь. В битве двух систем Афины оказались достаточно гибкими и творческими, чтобы принимать новые формы, а Спарта только становилась все более косной и ригидной, пока не развалилась.

Мир создан именно таким — для животных, культур и для отдельных личностей. Сталкиваясь с жестокостью и опасностями мира, любые организмы вырабатывают способы защиты — твердую скорлупу, ригидную систему, успокоительные ритуалы. Это срабатывает на какое-то время, но в итоге приводит к несчастью. Люди, задавленные системой и негибкими подходами, не могут двигаться быстро, неспособны почувствовать перемены и адаптироваться к ним. Они передвигаются все медленнее, пока их не постигнет участь динозавров. Научитесь быстро реагировать и приспосабливаться — иначе вас съедят.

Лучший способ избежать такой участи — постоянно менять форму. Ни один хищник не нападет на то, чего он не может разглядеть.

Собака с обрезанными ушами

«Чем провинился я, чтобы так злобно
Меня хозяин мучил? чем я стал?
На двор таким и выйти неудобно...
О, царь или тиран!
Что ты бы сам сказал,
Когда б тебя так обкорнали!»
Так выл Полкан, дог молодой.
А люди у него под этот громкий вой
Спокойно уши обрезали.
Полкан уверен был, что потерял
Он много; но с годами увидал,
Что в выигрыше он: любил он драться
С собратьями; ему в недобрый час
Домой пришлось бы возвращаться
С ушами рваными не раз:
Известно, что во время драки
Страдают уши у собаки.
Чем меньше мест для нападенья,
Тем лучше. Если лишь одно
Такое есть, для охраненья
Его закрыть немудрено.
Пример: Полкан ушей лишился,
А горло у него всегда мог защитить

Ошейник. Волк бы затруднился
За что Полкана ухватить!
Жан Лафонтен (пер. А. Зарина)

Соблюдение закона

Когда закончилась Вторая мировая война и Японию наконец выгнали из Китая, захваченного в 1937 году, китайские националисты во главе с Чан Кайши сочли, что настало время раз и навсегда покончить с ненавистными им коммунистами. Им почти удалось сделать это в 1935 году, когда они вынудили коммунистов к длительному и мучительному отступлению, так что ряды последних заметно уменьшились. Хотя коммунисты несколько оправились от этих потерь за время войны с Японией, сейчас они представляли не очень сильного противника. Они контролировали только весьма незначительные участки в сельской местности, были слабо вооружены, у них не было военных специалистов и отсутствовал военный опыт, в том числе и в области боевых действий в горах. Из важнейших регионов Китая коммунисты закрепились только в Маньчжурии — промышленной области на севере страны, которую им удалось захватить во время отступления японцев. Чан решил направить в Маньчжурию свои лучшие силы. Они должны были занять ключевые города, чтобы затем с этих баз распространиться по всему региону, уничтожая коммунистов. Когда Маньчжурия падет, коммунистам придет конец.

Из наблюдений Е. В. Барнса

Один из путей развития, соблазнительный, но обреченный на неудачу, — создание защитной оболочки. Живой организм может защищаться разными способами: с помощью маскировки, стремительного полета, мощной контратаки, он может объединяться для нападения и защиты с другими особями своего вида, но также может замуровать себя в костные пластины и покрыться шипами... Почти всегда эксперименты с броней оказывались провальными. Существа, покрытые ею, в конечном счете становились громоздкими и неуклюжими. Они поневоле начинали медленнее двигаться. В связи

с этим им приходилось ограничиваться растительной пищей, и, следовательно, они проигрывали своим конкурентам — более подвижным созданиям, питавшимся животной пищей, которая усваивается быстрее и с большей пользой. Повторяющиеся из раза в раз неудачи с применением защитной брони показывают, что даже на относительно низком эволюционном уровне разум торжествовал над материей. Именно этот тип триумфа в высочайшей степени проявился в человеке.

Е. В. Барнс. «Научная теория и религия», 1933

В 1945—1946 годах план работал безукоризненно: националистам удалось без труда занять основные маньчжурские города. Озадачивала, однако, странная тактика коммунистов перед лицом такой серьезной опасности. Когда националисты начали свое продвижение, коммунисты разбежались по самым далеким и труднодоступным уголкам Маньчжурии. Их маленькие подвижные отряды докучали воинским подразделениям националистов, то совершая нападение, то неожиданно отступая, но эти разрозненные отряды никогда не объединялись, что крайне затрудняло боевые действия против них. Они могли занять населенный пункт только для того, чтобы отдать его через пару недель. Подвижные как ртуть, эти отряды не оставались надолго на одном месте, текучие, не имеющие формы, неуловимые.

Националисты приписывали такое странное поведение двум причинам: трусости перед лицом превосходящей военной силы и неопытности в стратегии. Мао Цзэдун, лидер коммунистов, был больше поэтом и философом, чем полководцем. Чан, в отличие от него, обучался профессии военного на Западе и был поклонником Карла фон Клаузевица, немецкого писателя-милитариста.

И все же в стратегии Мао со временем стала вырисовываться закономерность. После того как националисты захватили города Маньчжурии, оставив коммунистам то, что в их понимании было бесполезным пространством, коммунисты начали освоение этих огромных территорий вокруг городов. Если Чан посылал солдат из одного города, чтобы укрепить другой, коммунисты окружали их. Силы Чана постепенно разбивались на все более мелкие фрагменты, изолированные друг от друга, а их линии поставок продовольствия и коммуникаций были разорваны. Националисты пока превосходили

артиллерией, но какая была от этого польза, если они были лишены свободы передвижения?

Солдат националистической армии охватил ужас. Командиры, находясь в безопасности, вдали от передовой, могли позволить себе посмеиваться над Мао. А вот солдатам в горах, где им приходилось сражаться с коммунистами, было жутко от их неуловимости. Теперь эти солдаты, засев в городах, наблюдали за передвижениями своих стремительных врагов, подвижных, как вода, брызжущая со всех сторон. Казалось, их миллионы. Коммунисты к тому же давили на солдат своей пропагандой, снижая их боевой дух и окончательно деморализуя.

Националисты начали отступать — война была проиграна, сначала морально. Их окруженные и разобщенные города сдавались, не дожидаясь, пока неприятель атакует их. Один за другим города капитулировали. В ноябре 1948 года националисты сдали Маньчжурию коммунистам — поражение, унизительное для технически превосходящей армии националистов, доказало преимущество партизанской войны.

К следующему году коммунистам удалось захватить весь Китай.

Заяц и дерево

Мудрый никогда не стремится ни следовать путями древних, ни устанавливать какие-то жесткие нормы для всех времен, но изучает вещи своего века и готовится иметь дело с ними. Был человек в царстве Сун, обрабатывал поле, на котором стояло дерево. Однажды заяц несся со всех ног, налетел с разбегу на дерево, сломал шею и умер. С тех пор человек отложил свой плуг и стал ждать у дерева, что еще один заяц наскочит на него. Он не дождался второго зайца и стал посмешищем для всех жителей Сун. Если предположить, что кто-то хочет править людьми нынешнего века по законам древних царей, то можно сказать, что он поступит, в точности как человек, что ждал у дерева.

Хань Фэй

Толкование

Две настольные игры лучше всего учат искусству стратегии — шахматы и распространенная в азиатских странах игра го. В шахматах доска маленькая. По сравнению с го игра сравнительно быстро переходит в стадию наступления и из нее в эндшпиль. В шахматах редко прибегают к отступлению, неохотно жертвуют фигуры, стараясь расположить их на ключевых позициях. Го совсем другая игра: на огромной доске с 361 пересечением приблизительно в шесть раз больше позиций, чем в шахматах. Черные и белые шашки (один цвет у каждой стороны) выкладывают на пересечениях, по одному за ход. Когда все шашки (52 у каждого игрока) появляются на доске, задача игры — изолировать шашки противника, окружая их.

Игра го — называемая в Китае вей-чи — иногда затягивается на триста и более ходов. Стратегия в ней более тонкая и подвижная, чем в шахматах, но события развиваются медленнее. Чем сложнее конфигурация шашек, изначально возникшая на доске, тем труднее противнику понять ваш замысел. Не стоит сражаться за контроль на отдельно взятом участке доски: вам надо научиться думать более широко и быть готовым пожертвовать фрагментом ради того, чтобы в итоге завладеть всей доской. Нужно стремиться не к выигрышной позиции, а к достижению мобильности. Это позволит изолировать противника на мелких участках и затем окружить. Цель — не поразить напрямую фигуры противника, как в шахматах, а запереть, разобщить и парализовать их. Шахматы линейны, позиционно ориентированы и агрессивны; го нелинейны и подвижны. Агрессия не проявляется прямо до самого конца игры, когда победитель может окружать шашки противника в ускоренном темпе.

Военные стратегии китайцев столетиями развивались под сильнейшим влиянием го. Мао Цзэдун обожал играть в вей-чи, и, совершенно очевидно, это сказалось на его стиле ведения военных действий. Ключевая стратегия вей-чи, к примеру, — использовать в своих интересах все пространство доски, распространяясь по всем направлениям, так чтобы оппонент не мог просчитать ваши действия простым линейным способом.

«Каждый китаец, — написал однажды Мао, — должен был осознанно окунуться в эту войну-головоломку против националистов». Расставьте своих людей, как шашки го на доске, и ваш противник

сломает голову, стараясь сообразить, каковы ваши намерения. Он либо теряет время, гоняясь за вами, либо, как Чан Кайши, недооценивает вас, считая неумелым, не защищается должным образом и в результате проигрывает. Если же он концентрирует силы и внимание на отдельных участках, как учат западные стратеги, то становится легкой добычей, позволяя себя окружить. В ведении войны на основе вей-чи вы не только окружаете врага физически, но и воздействуете на его психику, ведя пропаганду, раздражая его, чтобы запутать и деморализовать. Такой была стратегия китайских коммунистов — отсутствие четко очерченной формы, которое помогло дезориентировать их врагов и вселило в них ужас.

Шахматы линейны и даже прямолинейны. Древняя игра го намного больше напоминает стратегию, наиболее уместную в современном мире, где армии не привязаны к театру военных действий, а войны стали тотальными, распространившись на большие пространства, не так уж плотно связанные между собой. Стратегические приемы этой игры абстрактны и многомерны, они населяют плоскость вне времени и пространства: разум стратега. При такой форме ведения войны движение ценится выше, чем удачная позиция. Мобильность и скорость не позволяют прогнозировать ваши действия. Противник, которому не удается понять вас, не в силах разработать стратегию, чтобы с вами справиться. Не концентрируясь на отдельных позициях, такая война распространяется вширь, так что вы получаете в свое распоряжение весь огромный и разнообразный мир. Станьте подобным пару. Не предоставляйте противнику никакой пространственной мишени, которую он мог бы атаковать. Наблюдайте, как он истощает свои силы, гоняясь за вами, пытаясь справиться с вашей неуловимостью. Только отсутствие определенной формы и многоликость позволяют по-настоящему поразить ваших врагов — к тому моменту, как они сообразят, где вас искать и каковы ваши намерения, будет уже слишком поздно.

Когда вы захотите сразиться с нами, мы вам этого не позволим и вы нас не обнаружите. Но когда мы захотим сразиться с вами, мы убедимся, что вам не укрыться, и нанесем точный удар... и разобьем вас наголову... Враг наступает, мы отходим; враг встает лагерем, мы

его изматываем; враг устает, мы атакуем; враг отступает, мы преследуем.

Мао Цзэдун, 1893—1976

Ключи к власти

Человек — существо, которое отличается тем, что постоянно создает формы. Нуждаясь в прямом выражении своих чувств, он придает им форму посредством языка или принятых в обществе ритуалов. Мы не можем передать друг другу свои чувства, если не облечем их в определенную форму.

Формы, которые мы создаем, постоянно меняются — влияют мода, стиль, все человеческие проявления, выражающие настроение времени. Мы постоянно изменяем формы, унаследованные от предыдущих поколений, и эти перемены являются приметой жизни и жизнеспособности. В действительности вещи, которые не меняются, застывшие формы, кажутся нам ликом самой смерти, и мы разрушаем их. Молодые демонстрируют это особенно ярко: чувствуя себя неуютно с формами, какие общество навязывает им, они играют своими характерами, примеряя разнообразные маски и позы, чтобы выразить себя. Именно жизненная сила управляет формами, способствуя постоянным изменениям стилистики.

Власть имущие — это часто люди, в юности проявившие большой творческий потенциал, позволивший им выразить что-то новое через новые формы. Общество дарует им власть, потому что оно жаждет такой новизны, ценит ее и вознаграждает за нее. Проблемы появляются позже, когда со временем люди становятся консервативными и косными. Они более не грезят о создании новых форм, их индивидуальность устоялась, они закоснели в своих привычках, и эта ригидность делает их легкодоступной мишенью. Любой их поступок предсказуем и понятен каждому. Вместо того чтобы вызывать уважение, они рождают скуку! Уйдите со сцены! — говорим мы. Освободите место, пусть кто-нибудь другой, помоложе, развлекает нас. Сильные приобретают комичный вид, когда оказываются пленниками прошлого, — они напоминают переспелые плоды, которым пришло время падать с ветвей на землю.

Власть процветает, пока может гибко менять формы. Быть лишенным определенной формы не означает быть аморфным, бесформенным — формой обладает все, этого невозможно избежать. Отсутствие у власти определенной формы означает, что она, подобно воде или ртути, может принимать очертания всего, что ее окружает. Постоянно изменяясь, она всегда непредсказуема. Сильные мира сего постоянно творят, создают формы, и их власть зависит от скорости, с какой они способны меняться. Их переменчивость — как бельмо в глазу у врага, который не может догадаться об их намерениях и бессилен, не понимая, куда наносить удар. Вот первая позиция власти: ускользающая, стремительная и многоликая, как бог Меркурий. Он принимал любые обличья, какие хотел, и пользовался этой способностью, чтобы устраивать смуту на Олимпе.

Человеческие создания эволюционно развиваются в направлении абстракции, в сторону большей ментальности и меньшей материальности. Эта эволюция очень легко прослеживается в искусстве, которое в нашем столетии совершило великое открытие — абстракционизм и концептуализм. Это можно видеть в политике, которая со временем становится не столь откровенно ориентированной на насилие, более сложной, непрямой и опирающейся на работу мысли. Теория ведения войны и стратегия также развиваются в этом направлении. Стратегия зародилась, когда люди стали сражаться не поодиночке, а целыми группами, армиями, сначала на суше, где воинов необходимо было располагать, организовывать; на суше стратегия в основном развивается в двух измерениях и зависит от топографии. Но люди со временем начали осваивать морское пространство, чтобы торговать и завоевывать колонии. Для того чтобы защищать свои торговые пути, необходимо было учиться воевать на море. Искусство морского боя требует огромного творческого потенциала и абстрактного мышления, поскольку линии поверхности постоянно меняются. Морских капитанов отличает способность приспосабливаться к текучести почвы — в буквальном смысле — и умение сбить неприятеля с толку абстрактными формами, которые трудно просчитать. Они используют третье измерение: разум.

Броня характера

Для того чтобы выдержать груз подавленных инстинктов (непременное условие существования человека в современном мире) и справиться с избытком энергии, накапливающейся в результате этого подавления, эго неизбежно претерпевает изменения. Эго, то есть часть личности, наиболее открытая опасным воздействиям, огрубляется и становится ригидной, если ее постоянно втягивают в один и тот же повторяющийся почти без вариаций конфликт между необходимостью и вызывающим страх внешним миром. В процессе возникает хронический, действующий автоматически тип реакции, то есть «характер». Это выглядит, как если бы эмоциональная личность замуровалась в панцирь и как если бы твердая скорлупа, которую она наращивает, была призвана отводить и ослаблять атаки внешнего мира, как и возмущение мира внутреннего. Такое «окукливание» делает человека менее чувствительным к отвращению, но при этом также сковывает его либидо и агрессивную подвижность, а следовательно, подавляет волю и уменьшает способность к свершениям. Мы говорим, что эго стало менее гибким и более жестким и что способность регулировать сохранение энергии зависит от того, насколько толста броня.

Вильгельм Рейх, 1897—1957

Вернемся на землю. Партизанская война демонстрирует эволюцию в сторону абстракции. Т. Э. Лоуренс был, возможно, первым современным стратегом, теоретически обосновавшим эту войну и применившим теорию на практике. Его идеи произвели впечатление на Мао, который счел его сочинения непостижимым западным эквивалентом вей-чи. Лоуренс сотрудничал с арабами, сражавшимися за территории с турками. Его идеей было научить арабов растворяться в бескрайней пустыне, не подставляясь в качестве мишени, никогда не собираясь большими группами. Турки воевали традиционно, многочисленной армией, арабы же маленькими отрядами были рассеяны повсюду, что позволяло им не тратить энергию на передислокацию. У турок было преимущество в артиллерии, но арабы удерживали инициативу, играя в кошки-мышки, не даваясь неприятелю в руки, деморализуя турок. «Большая часть войн была войнами контактными. ...Наша была войной партизан, — писал Лоуренс.— Мы

постоянно держали врага в несказанном страхе перед огромной неизвестной пустыней, не обнаруживая себя до самого нападения».

Это предельное выражение идеи стратегии. Война, в которой целые армии вступают в сражения, стала чересчур дорогостоящей и опасной. Неопределенность и неуловимость дают существенно лучшие результаты за гораздо меньшую цену. Основные затраты в данном случае — умственные: то напряжение мысли, которое требуется, чтобы рассеять свои войска и переиграть неприятеля, демонстрируя интеллектуальное и психологическое превосходство. Ничто так не выводит из себя и не запутывает противника, как непостоянство формы. В мире, где войны, ведущиеся летучими отрядами, являются велением времени, отсутствие постоянной формы принципиально важно.

Первое психологическое требование — научиться ничего не принимать близко к сердцу. Ни в коем случае не вставайте в оборонительную позицию. Этим вы выдаете свои переживания, эмоции, демаскируете форму. Противник понимает, что задел вас за живое, нашел ахиллесову пяту, а стало быть, будет снова и снова наносить удары в то же место. Поэтому вырабатывайте способность ко всему относиться отстраненно. Ни под каким видом не позволяйте задевать себя. Станьте скользким мячиком, который невозможно удержать: никому не показывайте своих болевых точек, своих слабостей. Упражняйтесь — превратите свое лицо в невыразительную маску, которая будет бесить и запутывать ваших коллег и соперников.

Одним из мастеров этой техники был барон Джеймс Ротшильд. Германский еврей в Париже, в стране, которую всегда отличала неприязнь к иностранцам, Ротшильд никакие выпады не принимал на свой счет или, во всяком случае, никогда не показывал, что задет ими. Он к тому же легко приспосабливался и к любой политической ситуации, будь то чопорная Реставрация при Людовике XVIII, буржуазное царствование Луи-Филиппа, демократическая революция 1848 года или поспешная коронация Луи-Филиппа в 1852-м. Ротшильд принимал их все одинаково — и растворялся. Барон мог позволить себе казаться лицемером или оппортунистом, ведь его ценили за деньги, а не за политические взгляды. Деньги были его платой за власть. В то время как он приспосабливался и благоденствовал, никогда не открываясь до конца, другие богатейшие семьи лишались

своих состояний в периоды переворотов и неожиданных зигзагов фортуны. Они хватались за прошлое, рабски завися от старых, закосневших форм.

В истории подвижный стиль правления особенно часто отличал королев, императриц, цариц — женщин, правивших единолично. Положение королевы и короля в корне различно. Поскольку королева — женщина, все ее придворные и подданные в глубине души сомневаются, что она способна править, сомневаются в силе ее характера. Если королева поддерживает одну сторону в каком-либо идеологическом противостоянии, ее обвиняют в том, что она руководствуется не разумом, а чувствами. Если же, подавляя свои чувства, она старается быть авторитарной, на мужской манер, то вызывает еще больше критики и недовольства. Поэтому королевы, одни от природы, другие на основании опыта, тяготеют к гибкому стилю правления, и это в итоге приносит им больше власти, чем прямолинейная мужская манера.

В качестве образца такого гибкого, меняющегося стиля правления можно назвать королеву Англии Елизавету. Елизавета придерживалась умеренного курса в ожесточенной борьбе между протестантами и католиками. Она избегала альянсов, которые могли бы связать ее теснее с одной из сторон, так как понимала, что это может повредить государству. Ей удавалось сохранять мир в Англии до тех пор, пока страна не накопила достаточно силы для участия в войне. Ее царствование было одним из самых замечательных периодов в истории Англии благодаря ее удивительной способности к адаптации и ее гибкой идеологии.

Такой женственный, гибкий стиль правления хорошо зарекомендовал себя как средство, позволяющее добиться процветания в трудных условиях, но, кроме того, он невероятно привлекателен для тех, кто служит такому режиму. Гибкому, переменчивому правителю относительно легко добиться послушания от подданных, ибо они меньше ощущают давление, нажим, в меньшей степени вынуждены ломать себя в угоду воззрениям господина. Такой стиль открывает новые возможности, в то время как строгое соблюдение доктрины делает их недоступными. Не отдавая предпочтения одной стороне, правитель получает возможность столкнуть своих противников. Жесткий правитель может казаться сильным, но со временем его

негибкость начинает действовать на нервы, и подданные мечтают о том, как бы удалить его со сцены. Гибких, податливых правителей больше и чаще критикуют, но они выдерживают испытание временем, и рано или поздно к ним приходит признание народа, потому что они такие же, как их подданные, — так же легко меняются в зависимости от обстоятельств.

Несмотря на поражения и препятствия, разрешительный стиль власти в итоге обычно торжествует, как афиняне, деньги и культура которых в результате одержали победу над Спартой. Если у вас произошел конфликт с кем-то более сильным и жестким, чем вы, позвольте ему одержать быструю победу. Притворитесь, будто склоняетесь, признав его превосходство. Затем, меняя очертания и приспосабливаясь к обстановке, медленно проникните ему в душу. Так вы сможете усыпить его бдительность, ведь ригидные люди в состоянии распознать только прямую угрозу, но беспомощны перед опасностью вкрадчивой и неуловимой. Чтобы добиться успеха в такой стратегии, вы должны стать хамелеоном — быть незаметным, сливаться с фоном, в то же время готовясь к броску.

В течение долгих веков японцы гостеприимно встречали чужеземцев и, казалось, были восприимчивы к иностранным культурам и влияниям. Португальский священник Жоан Родригес, который приехал в Японию в 1577 году и прожил там долгие годы, писал: «Я изумлен той готовностью и охотой, с которой японцы пробуют и принимают все португальское». Он встречал на улицах японцев, одетых в португальскую одежду, с четками на шее и крестами в руках. Могло показаться, что собственная культура у этого народа слаба, неустойчива. На самом же деле приспособляемость японцев защищала страну: более сильная страна могла насадить свою культуру насильственным, а то и военным путем. Это обманывало португальцев и других людей с Запада, веривших, что японцы склоняются перед их могучей культурой, тогда как в действительности иностранные культуры были для них лишь модой, поветриями, которые легко возникали и так же легко исчезали. Под внешней оболочкой пышно цвела истинная японская культура. Если бы японцы проявили жесткость и враждебность по отношению к иностранному влиянию, их, скорее всего, ожидало бы насильственное и болезненное насаждение западной культуры, как было с Китаем. В этом власть —

неуловимость очертаний: агрессору не на кого направить удар, не на что наступать.

В эволюционном процессе крупный размер часто бывает первым шагом на пути к исчезновению. Все чрезмерно крупное, громоздкое лишено подвижности и при этом вынуждено постоянно заботиться о том, как прокормиться. Люди простые часто впадают в заблуждение, считая, что размеры пропорциональны силе по принципу «чем больше, тем лучше».

В 483 году до н. э. царь Персии Ксеркс напал на Грецию, решив, что сможет без труда завоевать страну за одну недолгую военную кампанию. В конце концов он собрал для этой войны неслыханную, громадную армию — историк Геродот оценивал ее в пять с лишним миллионов воинов. Персы планировали построить мост через Геллеспонт и ввести войска в Грецию с суши, в то время как флот, такой же огромный, напав с моря, разобьет греческие корабли и отрежет греческим войскам путь для отступления. План казался безукоризненным, но, пока Ксеркс готовился к вторжению, его советник и родственник Артабан сообщил царю о своих недобрых предчувствиях. «Две самые мощные силы в мире против тебя», — сказал он. Ксеркс рассмеялся — какие силы могли грозить его огромным полчищам? «Я назову тебе их, — продолжал Артабан, — это земля и море». Для того чтобы принять огромный персидский флот, было недостаточно просторных и надежных гаваней. А чем больше земель завоевывали персы, чем дальше растягивались подъездные пути, по которым армию снабжали продовольствием, тем более реальной становилась угроза голода для армии.

Ксеркс продолжал готовить вторжение, решив, что Артабан струсил. Но, как тот и предполагал, флот персов понес тяжелые потери, не имея возможности укрыться от непогоды. Тем временем на суше войско персов сокрушало все на своем пути, что только затрудняло решение продовольственной проблемы, так как посевы и склады съестных припасов также уничтожались. Полчища персов представляли собой огромную и медленно передвигающуюся мишень. Греки прибегали к всевозможным обманным маневрам, чтобы запутать персов. В конце концов Ксеркс, к великому горю персов, потерпел сокрушительное поражение. Эта история символична и должна послужить уроком всем, кто готов пожертвовать мобильностью ради

размера: гибкость и увертливость почти всегда побеждают, поскольку на их стороне больше стратегических возможностей. Чем громаднее ваш противник, тем легче довести его до краха.

Переменчивость необходима нам все больше по мере того, как мы становимся старше, с возрастом обретая завершенные формы и тяготея к косности и ригидности. Мы становимся предсказуемыми, а это всегда первый признак дряхлости. Предсказуемость делает нас смешными. Хотя насмешка и презрение могут показаться несерьезным оружием, однако в действительности это не так — они довольно опасны и со временем способны разъесть фундамент власти. Враг, который не уважает вас, осмелеет, а смелость делает опасным даже мелкого зверька.

Французский двор конца XVIII века в той форме, какую придала ему Мария-Антуанетта, оказался так безнадежно зажатым в тиски жесткого соблюдения условностей, что рядовые французы стали воспринимать его как ископаемое. Такое пренебрежительное отношение к институту, существовавшему в стране на протяжении веков, было первым симптомом смертельного недуга, свидетельствуя об ослаблении тесных связей народа с монархией. Ситуация все ухудшалась, а Мария-Антуанетта и король Людовик XVI становились еще более ригидными, не желая порывать с прошлым, и тем ускорили свой путь на гильотину. Английский король Карл I сходным образом повел себя в период 1630-х годов, когда в стране назрела насущная потребность в демократических преобразованиях: он распустил парламент, а придворные ритуалы становились все более пышными и архаичными. Король хотел вернуться к старым формам правления с соблюдением всех самых мелочных церемониалов. Его консерватизм только усиливал жажду перемен в обществе. Скоро разразилась разрушительная гражданская война, и Карл сложил голову на плахе.

Становясь старше, вам следует все меньше держаться за прошлое. Не теряйте бдительности, иначе с характером, принявшим застывшую форму, вы будете выглядеть как окаменелость. Дело не в том, чтобы молодиться, перенимать молодежную моду — это выглядело бы тем более смешно. Вместо этого ваш ум должен постоянно приспосабливаться к новым обстоятельствам, даже к неизбежным переменам, которые приносит время, и позвольте тем, кто моложе вас,

готовиться к пути наверх. Тот же, кто застывает в неподвижности, выглядит ужасно, словно живой труп.

Ни в коем случае не забывайте, что текучесть форм — это стратегическая позиция. Она дает вам пространство для создания тактических сюрпризов. Пока ваши противники бьются, пытаясь разгадать ваш следующий ход, они неизбежно выдают собственные замыслы, что ставит их в невыгодное положение. Текучесть форм помогает вам удерживать инициативу, опережать неприятеля, которому остается только запоздало реагировать на ваши действия. Она путает планы врага, тормозит и срывает действия его разведывательной и шпионской сети. Помните: постоянное изменение формы — это инструмент. Не путайте ее с желанием плыть в общем потоке, применяясь к вкусам большинства, или с религиозной покорностью перипетиям судьбы. Вы пользуетесь этим инструментом не для достижения внутренней гармонии и мира в душе, а для усиления своей власти.

Наконец, последнее. Научиться приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам означает, помимо прочего, научиться смотреть на жизнь собственными глазами, самостоятельно оценивать происходящее и отказываться от подсказок, которые люди услужливо подбрасывают на вашем пути. Это значит, что вы решительно должны отбросить законы, чтимые окружающими, и книги, которые они пишут, чтобы подсказать вам, что делать, а также мудрые советы старших. «Законы, которые управляют обстоятельствами, отменяются новыми обстоятельствами», — писал Наполеон, и его слова означают, что в вашей власти оценить любую новую ситуацию. Слишком почтительное отношение к мудрости других чревато умалением вашей собственной. Будьте безжалостны к прошлому, особенно к своему собственному, и откажитесь от уважения к философиям, навязываемым вам извне.

Стратегия генерала Роммеля

Генерал Роммель превосходил Паттона творческим интеллектом... Роммелю был чужд военный формализм. Он не строил жестко фиксированных планов, идущих дальше разрешения первоначального конфликта. Он строил свою тактику таким образом, чтобы решать конкретные проблемы по мере их возникновения. Он принимал

решения с быстротой молнии и физически поддерживал темп, соответствующий скорости его мышления. Находясь в неприступном море песка, он использовал преимущества свободного пространства. Когда Роммель прорвал британские линии обороны в Африке, перед ним открылась вся северная часть материка. Относительно свободный от сковывающей власти Берлина, пренебрегая даже приказами самого Гитлера, Роммель проводил одну удачную операцию за другой, завладев значительной частью территории Северной Африки и Каиром.

Джеймс Мражек. «Искусство побеждать в войне», 1968

Образ: Меркурий.

Крылатый вестник, бог коммерции, покровитель воров, жуликов, всех тех, кто быстр и увертлив. В день, когда Меркурий родился, он изобрел лиру. К вечеру того же дня украл коров Аполлона. Он передвигался по всему миру, принимая самые разные обличья. Подобно ртути, жидкому металлу, который во многих языках носит его имя, он олицетворяет неуловимое, ускользающее — власть непостоянства формы.

Авторитетное мнение

«Следовательно, идеальная цель при создании армии — прийти к отсутствию формы. Победа в войне не повторяется из раза в раз, но бесконечно меняет свою форму... Вооруженные силы не имеют постоянной структуры, как нет постоянных очертаний у воды: способность добиться победы, изменяясь и применяясь к противнику, называется гением».

Сунь-цзы

Оборотная сторона

Если вы решили рассредоточить свои силы на большом пространстве, это не должно привести к тому, чтобы ваши отряды оказались бессильными, утратив боевую мощь в тот момент, когда она вам потребуется. Отсутствие у вас определенной, застывшей формы вынуждает врагов открыть на вас охоту, растрачивая собственные

силы, как физические, так и умственные. Но в решающий момент вы наносите мощный, концентрированный удар. Именно так Мао одержал верх над националистами. Он разделил свою армию на маленькие, разрозненные отряды, которые, однако, мог легко собрать воедино для сильной атаки.

Если вы ведете такую игру, будьте на высоте положения и не только помните о сиюминутном эффекте, но и обдумывайте стратегию на отдаленное время. Когда подходит время обрести форму и перейти в наступление, вам потребуются концентрация, скорость и мощь. Как сказал Мао: «Когда мы захотим сразиться с вами, то убедимся, что вам не скрыться».